РУССКАЯ
ГРЕКО-УНІАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ
ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ

П. О. Бобровскаго.

Съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей именъ и предметовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 80.
1890.

РУССКАЯ
ГРЕКО-УНІАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ
ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ

П. О. Бобровскаго.

Съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей именъ и предметовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.
1890

Оглавленіе.

Спустя сто съ небольшимъ лѣтъ послѣ Брестскаго церковнаго собора, положившаго начало русской уніи, въ сей послѣдней стало затемняться ея коренное православное начало. Послѣ Замойскаго помѣстнаго собора (въ 1720 г.) въ ней, подъ руководствомъ базиліанскихъ монаховъ и самихъ епископовъ, подготовляемыхъ въ Римѣ и слѣдовавшихъ инструкціямъ общества пропаганды (s. congregationis de propaganda fide), стали измѣняться устройство храмовъ, греческіе обряды, молитвословіе, церковное и домашнее одѣяніе священниковъ; въ руки базиліанскаго ордена, усвоившаго себѣ внѣшніе аттрибуты и пріемы своего наставника—іезуитскаго ордена, переходили имѣнія и капиталы (такъ-называемые фундуши) соборныхъ каѳедръ, богатѣйшихъ приходскихъ церквей и семинарій, завѣщанные по записямъ православныхъ русскихъ людей въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. Исчезали славянскія печатни, издававшія въ XVI и XVII вѣкахъ славянскія богослужебныя книги и печатавшія въ защиту православія полемическія сочиненія на русскомъ языкѣ. Въ монастыряхъ, завоеванныхъ орденомъ, истреблялись памятники древней славянской и русской письменности. Монашескій орденъ сталъ наполняться дворянами латинской вѣры, пришлыми или отступившими отъ вѣры своихъ предковъ; всѣ важнѣйшія должности въ епархіяхъ и при епископахъ стали занимать исключительно базиліане. Вслѣдствіе слабаго знакомства монаховъ съ церковно-славянскою грамотою, вводилась, по образцу латинской мессы, нѣмая или читанная литургія (czytana msza); священниковъ заставляли брить бороды и вмѣсто рясъ носить сутаны; въ церквахъ вводились боковые алтари, органы, колокольчики. Въ названіяхъ іерархіи упрочивалась польская или латинская терминологія—ксендзъ, каноникъ, капитулъ, вмѣсто: попъ, протопопъ, соборъ.

По мѣрѣ разложенія Польско-Литовскаго государства увеличивалось богатство и могущество латинизаторскаго базиліанскаго ордена, и къ концу XVIII в. обширная страна между Днѣпромъ, Западною Двиною и Западнымъ Бугомъ покрылась сѣтью монашескихъ обителей и латинопольскихъ школъ. Главнѣйшіе изъ монастырей въ Бѣлоруссіи, Литовской Руси, на Волыни и въ Подолѣ стали очагомъ латинско-польской пропаганды. «Спроси», писалъ

Петръ Могила къ отступнику отъ православія Коссіану Саковичу, ректору Кіевской академіи,—«гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащеными ризами, и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности; вмѣсто серебрянныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, италіанскія; хорошо мѣняются съ Богомъ: ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное» («О Супрасльскомъ монастырѣ»). По мѣрѣ возрастанія числа базиліанскихъ монастырей, бѣднѣли сельскія и даже городскія церкви и возрастала бѣдность прихожанъ и священниковъ; кажется, еще нигдѣ народъ не былъ въ такомъ порабощеніи, а сельское духовенство въ такомъ угнетеніи, какъ въ этой бѣдной странѣ, покрытой каменными палацами и кляшторами, населенной Малороссами, Бѣлоруссами и Чермноруссами, коимъ измѣнили тѣ самые элементы, которые вездѣ составляютъ гордость націи—дворянство и высшее духовенство.

Бѣлое духовенство, не взирая на низкую степень своего богословскаго образованія, на крайнюю свою бѣдность, на полную зависимость свою отъ произвола ктиторовъ-помѣщиковъ, большею частью латинянъ, было однако еще грозною силою: на своихъ сельскихъ убогихъ священниковъ опирался и вѣрилъ имъ русскій народъ, приверженный къ своему полуразвалившемуся храму, гдѣ онъ слышалъ богослуженіе на понятномъ ему славянскомъ языкѣ и получалъ благочестивое наставленіе на своей родной рѣчи. Въ грозныхъ событіяхъ, предшествовавшихъ паденію польско-шляхетской республики, окрестная шляхта, опасаясь бунта своихъ крѣпостныхъ рабовъ, не разъ прибѣгала къ защитѣ презираемаго имъ сельскаго попа. И надо признаться: нищенствовавшее сельское духовенство въ русской уніи никогда не обращало святой церкви въ орудіе для возбужденія народныхъ массъ противъ власти своихъ господъ; оно смиренно несло тяжкій крестъ, учило народъ повиноваться своимъ помѣщикамъ, платить исправно подати, молилось даже за враговъ своей церкви и надѣялось на милость Божію.

Около половины прошлаго столѣтія папа Бенедиктъ XIV въ своей окружной грамотѣ [1]) упрекалъ уніатскихъ митрополита и епископовъ за ихъ слѣпое пристрастіе къ базиліанскимъ монахамъ и пренебреженіе къ богословскому образованію священниковъ: «Вамъ, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ намъ, извѣстны причины невѣжества бѣлаго духовенства». Но это деликатное предостереженіе, какъ и многія другія болѣе чувствительныя, не измѣ-

---

[1]) Булла 5-го апрѣля 1753 г., которая начинается словами: „Commendatissimum studium“, предлагаетъ принимать въ Виленскую коллегію, или алумнатъ, только русскихъ юношей съ цѣлію обученія ихъ истинной вѣрѣ. Ниже, на стр. 25, слѣдуетъ исправить ошибочное показаніе числа, мѣсяца и начальныхъ словъ.

нили гибельной для церкви дѣятельности ордена, и онъ съ конца XVIII в. быстрыми шагами шелъ къ упадку и разложенію.

Еще тогда въ массѣ бѣлаго духовенства выдѣлялись передовые умы, опасавшіеся гибельныхъ послѣдствій для церкви отъ автономіи базиліанскихъ монаховъ, возносившихся надъ бѣднымъ, пригнетеннымъ клиромъ своею гордостію и высокомѣріемъ. И событія, наступившія въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой, обнаруживаютъ уже крайнюю испорченность этого монашескаго института: латинство и іезуитизмъ, какъ и богатства, пріобрѣтенныя насиліемъ, отклонили монашество въ уніи отъ строгаго соблюденія обѣтовъ по уставу греко-восточной церкви.

Въ настоящемъ своемъ трудѣ, основанномъ большею частью на новыхъ, еще не тронутыхъ источникахъ, мы поставили себѣ задачею показать, какъ въ бѣломъ духовенствѣ, по мѣрѣ развитія просвѣщенія съ конца XVIII в., пробивалось сознаніе необходимости существенныхъ преобразованій въ русской уніатской церкви, и какимъ способомъ базиліанскій орденъ препятствовалъ осуществленію этихъ преобразованій. Мы увидимъ, что базиліанскіе монахи становились поперегъ дороги на пути попытокъ, отъ кого бы онѣ не исходили, къ просвѣщенію клира въ духѣ вѣроученія восточной церкви, къ улучшенію его матеріальнаго быта, къ очищенію славянскаго богослуженія отъ несвойственныхъ греческому уставу примѣсей латинскихъ и польскихъ, къ возстановленію преподаванія въ школахъ церковно-славянскаго языка, какъ языка богослужебнаго, пришедшаго въ забвеніе въ студіяхъ базиліанскаго ордена, и вообще къ освобожденію церкви отъ базиліанской монополіи.

Мѣропріятія митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго и требованія Брестскаго капитула вызывали въ базиліанскомъ орденѣ упорное противодѣйствіе и вели къ ожесточенной борьбѣ.

Слѣдя за борьбою ордена съ клиромъ, которая, начавшись съ конца XVIII в., постепенно развивалась и въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія приняла острый характеръ, мы, можно сказать, присутствуемъ при агоніи русской греко-уніатской церкви. Самый процессъ угасанія уніи въ Россіи охватываетъ всѣ стороны общественной жизни, проникаетъ въ школу и приводитъ въ движеніе всѣ человѣческія страсти: рядомъ съ подкупомъ, измѣною, предательствомъ, лестью, низкопоклонствомъ встрѣчаемъ самоотверженіе, самопожертвованіе, преданность долгу, безкорыстіе. Каждая попытка къ поднятію просвѣщенія въ клирѣ или къ улучшенію его благосостоянія со стороны друзей церкви вызываетъ неистовый фанатизмъ въ орденскомъ начальствѣ, которое старается вовлечь въ свои замыслы государственную власть, провинціальную администрацію и высшую духовную іерархію, по-

ручая вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ агентамъ усиленно работать надъ порабощеніемъ уніи латинствомъ. Базиліанская интрига проникаетъ въ школу и семейный очагъ и съ безпощадною злобою накидывается на своихъ противниковъ, когда тѣ требуютъ отъ ордена отреченія отъ незаконной и безразсудной монополіи монашескаго сословія въ церкви.

Такимъ образомъ, въ своемъ изслѣдованіи о русской уніи въ царствованіе Императора Александра I мы не могли ограничиться изложеніемъ явленій и фактовъ, относящихся къ церковной исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; для вѣрной оцѣнки явленій въ русской церковной уніи намъ необходимо нужно было раскрыть, по возможности, всѣ стороны государственной и общественной жизни и очертить соціальный бытъ.

Сначала, въ первыхъ трехъ главахъ, мы разсматриваемъ внѣшнюю сторону церкви: ея административное устройство, направленіе дѣятельности епископовъ, особенно дѣятельность митрополитовъ Лисовскаго и Булгака, и отношеніе къ уніатамъ самаго правительства до изгнанія изъ Россіи іезуитовъ. Попытки къ реформѣ базиліанскаго ордена не встрѣчаютъ никакой поддержки въ высшей правительственной администраціи, которая смотрѣла на унію, какъ на низшую ступень латинской церкви, то-есть, глазами польской знати.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ, IV и V, изображается состояніе церкви въ первые два года послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Полоцка; здѣсь сначала указанъ характеръ дѣятельности министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ западныхъ губерніяхъ, составлявшихъ обширный Виленскій учебный округъ, и особенно попечителя университета князя А. Чарторыйскаго, небывалое развитіе латино-польской пропаганды черезъ посредство школы и благотворительныхъ обществъ, съ цѣлію полонизаціи русскаго общества и латинизціи греческихъ обрядовъ въ Русской уніи; дается характеристика современныхъ іерарховъ въ уніи; разсматриваются силы, средства и образъ дѣйствія базиліанскаго ордена и собираніе своихъ силъ бѣлымъ духовенствомъ для рѣшительнаго противодѣйствія замысламъ латинизаторовъ; для борьбы съ орденомъ бѣлое духовенство могло выставить въ двадцатыхъ годахъ сильныхъ и надежныхъ поборниковъ.

Въ главѣ VI объяснены ближайшіе поводы къ реакціи въ духовномъ и общественномъ образованіи на пространствѣ обширнаго Виленскаго учебнаго округа и очерченъ бытъ духовенства въ русской уніи. Комитеты и общества библейскія и филантропическія въ западныхъ губерніяхъ соединились со школами, бывшими въ рукахъ латинскаго духовенства и базиліанъ, для полонизаціи русскихъ уніатовъ.

Послѣднія двѣ главы, VII и VIII, самыя обширныя и богатыя по

положеннымъ въ ихъ основу новымъ матеріаламъ, посвящены борьбѣ Брестскаго капитула или коалиціи брестскихъ прелатовъ и канониковъ, вступившихся за право духовнаго просвѣщенія клира, съ которымъ отождествлялось благосостояніе самой церкви, съ базиліанами, какъ латинизаторами, убившими духовное образованіе въ русской уніи. Всѣ предшествовавшія явленія въ общественной и политической жизни народонаселенія оживаютъ въ этой рѣшительной борьбѣ клира съ орденомъ; эта многолѣтняя борьба оканчивается рядомъ пораженій ордена, которыя и повели къ реформамъ въ греко-уніатской церкви; исполнителями этихъ реформъ могли быть просвѣщенные представители свѣтскаго клира, получившіе высокое богословское образованіе въ главной духовной семинаріи, которая со времени своего появленія была предметомъ постоянныхъ нападеній монаховъ.

Бѣлое духовенство, стремясь отстоять цѣлость и неприкосновенность своей церкви, славянское богослуженіе по греческому уставу и право клира на просвѣщеніе, обязано своими успѣхами горячему участію къ судьбѣ русскихъ уніатовъ министра А. С. Шишкова и твердой народной политикѣ императора Николая I.

Въ своемъ изложеніи мы не могли избѣжать повтореній; принятый нами методъ изложенія событій эпизодически заставилъ насъ возвращаться не разъ къ болѣе выдающимся событіямъ, чтобы объяснять вытекавшія изъ этихъ событій явленія, но уже съ другой точки зрѣнія.

Въ своемъ изслѣдованіи мы пользовались слѣдующими источниками и пособіями, причемъ замѣтимъ, что многіе изъ нашихъ источниковъ еще никѣмъ изъ писавшихъ объ уніи не были тронуты:

1) Дѣла архива Святѣйшаго Правительствующаго Синода по 2-му департаменту (греко-уніатскому) римско-католической духовной коллегіи съ 1803 по 1828 годъ. Мы изучили болѣе 200 дѣлъ и исчерпали по возможности все для полноты нашего изслѣдованія.

2) Дѣла архива Министерства Народнаго Просвѣщенія по Виленскому учебному округу. Особенное значеніе для насъ имѣетъ рядъ дѣлъ, относящихся къ главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ.

3) Сборникъ неизданныхъ писемъ извѣстнаго славянскаго филолога Михаила Кирилловича Бобровскаго, съ 1830 по 1847 годъ. Здѣсь имѣется нѣсколько писемъ, въ которыхъ упоминается о событіяхъ разсматриваемаго нами періода исторіи.

4) Собраніе неизданныхъ писемъ члена Брестскаго капитула, занимавшаго должности вице-официала Брестской и официала Виленской митрополичьей греко-уніатскихъ епархій, съ 1822 по мартъ 1826 г. Эта переписка Сосновскаго даетъ много данныхъ о событіяхъ въ Русской уніи во

время борьбы капитула съ орденомъ и освѣщаетъ офиціальные документы архивовъ.

5) 1-е и 2-е Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи съ 1801 года.

6) Dzieje Dobroczynnosci, повременное изданіе совѣта главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ, въ двадцатыхъ годахъ.

7) Dziennik Wilenski, повременное изданіе при Виленскомъ университетѣ, съ 1817 по 1828 годъ.

8) Le Catholicisme Romain, par le comte D. Tolstoy, t. II.

9) Іезуиты въ Россіи, соч. Морошкина, въ двухъ частяхъ.

10) Zbiór wiadomości o kosciele i religii katolickiej w Cesartwie Rossyjskiem, zebrany z pism urzędowych, dokumentow i własnego widzenia. Poznań. 1843.

11) Литовскія епархіальныя вѣдомости за 1864, 1866, 1874 и нѣкоторые другіе годы, въ которыхъ помѣщены статьи протоіерея Плакида Янковскаго, бывшаго греко-уніата, о бытѣ бѣлаго греко-уніатскаго духовенства и явленіяхъ въ Русской уніи, а также статья Антонія Сосновскаго (писанная въ 1824 г.) о средствахъ умноженія просвѣщенія въ бѣломъ греко-уніатскомъ духовенствѣ.

12) Записки Іосифа (Сѣмашки), митрополита Литовскаго, въ 3-хъ томахъ, изданіе Императорской Академіи Наукъ, 1883 г.

13) Брошюры о почившемъ митрополитѣ Іосифѣ, появившіяся въ 1869 г., М. Кояловича, Дылевскаго и графа Д. Толстого.

14) Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго. Изданы Казанской Духовной Академіей въ Православномъ Собесѣдникѣ въ 1884 г., май, іюнь, іюль, и въ 1885 г. — январь, февраль, мартъ, іюнь, августъ, ноябрь и декабрь. Имѣются и особые оттиски.

15) Статья бывшаго архіепископа Минскаго Антонія Зубки: „О греко-уніатской церкви въ западномъ краѣ“ въ Русскомъ Вѣстникѣ на 1863 г., т. 53.

16) Очеркъ исторіи Базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ, Н. Петрова, въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи 1870—1872 гг.

17) Виленскій Св.-Троицкій монастырь. О. В. Щербицкаго. Вильна, 1886 г.

18) Состояніе бѣлаго уніятскаго духовенства во времена польскаго владычества, профессора Щербицкаго, Лит. Епарх. Вѣдомости, 1866 г., №№ 5 и 6.

19) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. М. И. Сухомлинова. С.-Петербургъ, 1866.

20) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Пыпина. Спб. 1885.

21) Mémoires du Prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre 1-er. Paris. 1887.

22) Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Шмидъ. Перев. съ нѣмецкаго А. Ѳ. Нейлисова. Спб. 1878.

23) Магницкій, матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Ѳеоктистова. Спб., 1865.

24) Nowosilców w Wilnie. Onacewicza. Warszawa. 1831.

25) Novosiltzov à Wilna. Lelewel. Bruselles. 1844.

26) Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-западнаго края, въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи". С. В. Шолковича. Вильна, ч. I, 1885 г., ч. II, 1887.

27) Въ томъ же сборникѣ статьи: Прудона, Гильфердинга, М. Кояловича, объясняющія отношенія поляковъ и латинянъ къ зап. Россіи.

28) Россійское библейское общество (1812 — 1826). Пыпина. Въ Вѣстникѣ Европы на 1868 г., кн. 4, 5 и 6.

29) Pierwsze posiedzenie publiczne oddziału Wilenskiego Towarzystwa Bibliynego Rossyiskiego. w Wilnie. 1819.

30) Drugie zdanie sprawy z działań Komitetu oddziału Wilenskiego Towarzystwa Bibliynego Rossyjskiego na publicznym posiedzeniu dnia 4 Lutego 1821 roku. W Wilnie, 1821.

31) O Towarzystwie Bibliynym—Wiadomość dla obywateli Gubernii Grodzieńskiej. Grodno, 1816.

32) Воспоминанія. Вигеля. Москва, 1866, въ 3-хъ томахъ и 7-ми частяхъ.

33) Von Goetze. Fürst Alexandre Nikolajewitscz Galitzin und seine Zeit. Leipzig. 1882.

34) Александръ Семеновичъ Шишковъ, т. I. Истор. сочиненія Стоюнина. Спб. 1880.

35) Адмиралъ Шишковъ. Записки, мнѣнія и переписка. Изд. И. Киселева и Ю. Самарина, 2 тома. Berlin, 1870.

36) Адмиралъ Шишковъ и графъ Румянцовъ, начало славяновѣдѣнія въ Россіи. Кочубинскаго. Одесса. 1888—89.

37) Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Изд. Имп. Акад. Наукъ, съ предисловіемъ академика Ягича. Спб., 1885.

38) Библіографическіе листы, изд. П. Кеппена, 1825.

39) Статьи П. Жуковича: о главной духовной семинаріи и профессорахъ ея, въ Христіанскомъ Чтеніи на 1887 и 1888 гг.; о Ново-

сильцовѣ и профессорѣ Голуховскомъ въ Истор. Вѣстникѣ 1887 г., о Новосильцовѣ въ Вилен. Вѣстникѣ на 1888 г., на основаніи документовъ архива Попечителя Виленскаго учебнаго округа.

40) О. Симона, ректора С.-Петербургской р. к. Академіи, въ отчетахъ за 1887—8 и 1888—9 гг., свѣдѣнія о главной дух. сем. „De Semin. Princ. Vilnensi".

41) Исторія царствованія Александра I и Россіи въ его время Богдановича. Спб. 1869 г., т. VI.

Кромѣ того, нѣкоторыя статьи изъ Русской Старины, Русскаго Архива и Историческаго Вѣстника, и поименованныя на оберткѣ настоящаго труда мои собственныя изслѣдованія.

Мы не видѣли необходимости обращаться еще къ архивамъ оберъ-прокурора св. синода и греко-уніатскихъ митрополитовъ потому, вопервыхъ, что графъ Д. А. Толстой, М. О. Кояловичъ, И. А. Чистовичъ и другіе авторы, которыми мы пользовались, въ своихъ трудахъ достаточно исчерпали эти матеріалы, вовторыхъ, въ архивѣ 2-го департамента римско-католической коллегіи имѣются тѣ же матеріалы, хотя и менѣе обработанные, но за то съ болѣе детальнымъ развитіемъ частныхъ вопросовъ и мотивовъ. Нельзя не пожалѣть однако объ истребленіи пожаромъ въ 1836 г. богатаго архива бывшаго Брестскаго капитула, и нельзя не желать приведенія въ извѣстность архивовъ базиліанскихъ провинціаловъ, особенно Литовской провинціи, вѣроятно, сохраненныхъ въ дѣлахъ Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря, архивовъ консисторскихъ и переписки современниковъ, подобныхъ виленскому официалу А. Ю. Сосновскому, которые имѣли обширный кругъ дѣятельности. За доставленіе въ наше распоряженіе переписки этого энергическаго члена Брестскаго капитула мы считаемъ долгомъ выразить искреннюю признательность сыну его А. А. Сосновскому.

Искренно желаемъ успѣха Виленской Археографической коммисіи, которая въ изданномъ нынѣ XVI томѣ, положила начало приведенія въ извѣстность документовъ, относящихся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Надо надѣяться, что эта коммиссія не оставитъ безъ вниманія и частной переписки, скрываемой въ домашнихъ архивахъ.

Считаемъ долгомъ нашимъ выразить глубокую благодарность Л. Н. Майкову за то теплое участіе и вниманіе, съ которыми онъ относился къ изданію нашего труда.

П. Бобровскій.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени возсоединенія уніи съ православіемъ въ части Россіи, нѣкогда входившей въ составъ великаго княжества Литовскаго. Это событіе подлежитъ уже суду исторіи.

Къ сожалѣнію, о состояніи русской греко-уніатской церкви въ настоящемъ столѣтіи, именно въ царствованіе императора Александра I, не имѣется достаточно полныхъ свѣдѣній. Вѣрнѣе сказать—не имѣется критической оцѣнки фактовъ, относящихся къ греко-уніатскому вопросу, который назрѣвалъ подъ вліяніемъ грозныхъ и величественныхъ событій эпохи Александра I. Да и количество фактовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ, весьма не велико. Ошибочный взглядъ правительства на русскую греко-уніатскую церковь, какъ на частицу церкви Римской, вполнѣ выясненъ въ извѣстныхъ сочиненіяхъ графа Д. А. Толстаго „Le Catholicisme Romain" и отчасти священника Морошкина „Іезуиты въ Россіи". Государственные люди эпохи Александра I въ притязаніяхъ поляковъ, которымъ сочувствовали, не могли разобрать фальшивыхъ нотъ, разстраивавшихъ русскую національность въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ.

Принимавшіе участіе въ возсоединеніи, слившемъ въ одно политическое тѣло разрозненныя части русскаго народа, были хорошо знакомы съ условіями существованія уніи, подверженной расхищенію со стороны латинства, каковыми были: ослабленіе духовной дисциплины въ монашескомъ базиліанскомъ орденѣ, угнетенное состояніе бѣлаго духовенства, ограниченнаго въ способахъ духовнаго образованія и порабощеннаго ктиторами, убогое состояніе церквей, лишенныхъ древняго греческаго благолѣпія, упадокъ нѣкоторыхъ монастырей, напримѣръ, Супрасльской лавры, растрата церковныхъ фундушей и духовныхъ имѣній, отданныхъ помѣщикамъ по закладнымъ, двусмысленное соціальное положеніе полутора милліоновъ прихожанъ

бѣлоруссовъ, малоруссовъ и черноруссовъ, вслѣдствіе тяжкой крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, польскихъ или ополяченныхъ дворянъ, всегда непріязненно относившихся къ уніатамъ.

Въ греко-уніатской церкви, не смотря на искаженія латинниковъ, еще не погибли однако здоровые корни, отъ которыхъ время до времени, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, появлялись могучіе ростки, напоминавшіе о прежнемъ могуществѣ и величіи. Эти духовные мужи, начиная отъ Лисовскаго и Красовскаго, отстаивали чистоту греко-славянскаго богослуженія и восточныхъ церковныхъ обрядовъ въ уніи. Но они не оставили своимъ потомкамъ описанія тѣхъ страданій, которыя испытали они подъ напоромъ стихій чуждыхъ греко-славянской церкви, придавленной притязательностью Римской куріи и униженной эгоизмомъ латинниковъ.

Изъ трудовъ нашихъ ученыхъ, писавшихъ объ уніи, мало извѣстно о тяжкой долѣ греко-уніатскаго бѣлаго духовенства въ царствованіе императора Александра I. Ихъ сообщенія ограничиваются отрывками или же общими мѣстами, пріуроченными къ позднѣйшимъ событіямъ, собственно къ факту возсоединенія. Объ этомъ событіи, рѣшившемъ судьбу уніи, имѣются однако обстоятельныя, обширныя сказанія современниковъ. Недавно изданы записки главныхъ дѣятелей возсоединенія уніатовъ съ православіемъ—Іосифа (Сѣмашка), митрополита Литовскаго и Василія (Лужинскаго), архіепископа Полоцкаго. Записки митрополита Іосифа представляютъ особенную историческую цѣнность потому собственно, что сопровождаются множествомъ документовъ, имѣющихъ связь съ реформами и съ личною его дѣятельностью, а дѣятельностью Іосифа Сѣмашка и Василія Лужинскаго обусловливаются офиціальная сторона возсоединенія и управленіе Литовскою и Бѣлорусскою епархіями послѣ возсоединенія. Статья Антонія Зубка (бывшаго архіепископа Минскаго), главнѣйшаго сотрудника Іосифа Сѣмашка, представляетъ сжатую характеристику развитія уніатскаго вопроса и нѣсколько интересныхъ біографическихъ эпизодовъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о воспоминаніяхъ протоіерея Плакида Янковскаго, который живо изображаетъ бытъ бѣлаго духовенства бывшей Брестской епархіи и очерчиваетъ дѣятельность нѣкоторыхъ лицъ, пользовавшихся виднымъ значеніемъ въ уніи. Изслѣдованіемъ самого акта возсоединенія занимались М. О. Кояловичъ и священникъ Морошкинъ. Упомянемъ еще о трудахъ И. А. Чистовича, Н. И. Петрова, гг. Щербицкаго, Дылевскаго и другихъ. Но обыкновенно комментаторы касаются лишь вскользь разныхъ сто-

ронъ уніатскаго вопроса въ періодъ угасанія уніи, именно въ царствованіе Александра I. Изъ монографій, относящихся къ разсматриваемой нами эпохѣ, нельзя не обратить вниманія на недавно появившуюся статью г. Платона Жуковича о главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ.

Акту возсоединенія предшествовала сорокалѣтняя упорная борьба въ самой греко-уніатской церкви между представителями монашескаго и бѣлаго духовенства, то-есть, между базиліанами, защитниками латинизаціи греческихъ обрядовъ, и прелатами и канонниками, охранителями чистоты греко-славянскихъ обрядовъ по уставу греческой церкви въ уніи. Собственно говоря, это была борьба двухъ партій—польско-латинской или аристократической и русско-славянской или народной. Базиліане отстаивали порядокъ вещей, установившійся при польскомъ правительствѣ, бѣлое духовенство требовало реформъ, возвращенія къ старому: оно обращалось не къ западу, а къ востоку, по убѣжденіямъ своей совѣсти.

У насъ еще нѣтъ обстоятельной исторіи реформъ уніатской церкви, начатыхъ въ царствованіе императора Александра I, и мы очень мало знаемъ о дѣятельности сложной духовной іерархіи того времени. А эта іерархія распадалась на два непріязненныя между собою духовныя сословія—монашество и свѣтскій клиръ. Кромѣ того, къ дѣламъ уніатской церкви имѣли опредѣленное отношеніе министры князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ въ качествѣ главноуправляющихъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Оба, завѣдывая дѣлами греко-уніатской церкви, управляли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но дѣятельность того и другаго министра по отношенію къ греко-уніатамъ различается по существу: первый былъ сторонникомъ монополій базиліанскаго монашескаго ордена въ уніи и прямо или косвенно поддерживалъ латинизацію греко-славянскаго восточнаго обряда въ русской уніатской церкви, второй, напротивъ, былъ сторонникомъ бѣлаго духовенства и принималъ близко къ сердцу интересы русскаго народа; для него возстановленіе чистоты греко-восточнаго обряда и церковно-славянскаго языка въ богослуженіи, въ уніи были вопросами совершенно ясными, не подлежащими сомнѣнію или недоумѣнію. Эта черта управленія министерствомъ Шишкова также мало изслѣдована. Однако онъ былъ первымъ изъ государственныхъ людей въ Россіи, который на греко-уніатовъ взглянулъ, какъ на людей русскихъ, на исповѣдуемую ими вѣру—какъ на

вѣру греко-восточную. Эти убѣжденія не навѣяны ему кѣмъ-либо извнѣ; оттого онъ такъ твердо и рѣшительно направилъ начатое до него дѣло по инициіативѣ императора Александра I, въ убѣжденіяхъ котораго, какъ извѣстно, совершился крутой переломъ послѣ изгнанія изъ Россіи іезутовъ въ 1820 году.

Дѣлами уніатской церкви завѣдывалъ особый (съ 1805 г.) департаментъ римско-католической коллегіи, не имѣвшій однако твердо установленной законами власти въ отношеніи къ подвѣдомственнымъ ему архіереямъ и базиліанскимъ провинціаламъ. Существовали регламенты, обработанные іезуитами, и были установленія въ каждой епархіи и въ каждой провинціи базиліанскаго ордена: консисторіи, капитулы, консульты. Всѣ эти установленія въ епархіяхъ не имѣли между собою связи ни фактической, ни юридической. Да и этотъ административный распорядокъ или, правильнѣе сказать, безпорядокъ въ управленіи дѣлами уніатской церкви, установленный въ началѣ XIX столѣтія, почти не разъясненъ въ нашей литературѣ. Такимъ образомъ, потомкамъ главныхъ дѣятелей греко-уніатской церкви въ періодъ борьбы за принципы восточные—греческіе и западные—римскіе остается еще обширное дѣло добыванія фактовъ изъ архивовъ и ученой ихъ обработки, чтобы вѣрно судить о событіяхъ, которыми обусловленъ ходъ преобразованій въ греко-уніатской церкви и опредѣляются основные мотивы для возсоединенія уніи съ православіемъ въ царствованіе императора Николая I.

Извѣстные источники для историка уніи XIX вѣка требуютъ еще провѣрки и дополненія по разнообразнымъ официіальнымъ документамъ и актамъ, еще не изданнымъ. Кромѣ официіальныхъ актовъ, не приведенныхъ еще въ извѣстность, имѣются другія указанія не официіальнаго характера, также не изданныя.

Вотъ что̀ писалъ греко-уніатскій ученый славистъ двадцатыхъ годовъ къ настоятелю Свято-Троицкаго Виленскаго базиліанскаго монастыря Виктору Босяцкому въ отвѣтъ на дѣлаемый ему симъ послѣднимъ упрекъ за реформы греко-уніатской церкви, въ письмѣ отъ 21-го января 1835 года [1]: „Склоненіе базиліан-

[1]) Рукописный сборникъ собственноручныхъ писемъ профессора Михаила Бобровскаго. Письма объ уніи, № 3: Roku 1835. Dnia 21 Stycznia, z Szereszewa. Do Przewielebnego X. Wiktora Bosiackiego Przełożonego klasztoru Bazylianskiego Wilenskiego S. Troycy. Здѣсь мы приводимъ лишь нѣсколько отрывковъ изъ этого посланія, въ которомъ протоіерей Бобровскій излагаетъ краткую программу дѣлъ въ уніи со времени митрополита Лисовскаго.

скаго ордена и самой уніи въ Литвѣ къ упадку, ты, преподобный отецъ, кажется изволишь приписывать продѣлкамъ (działaniom) греко-уніатскихъ священниковъ, въ числѣ которыхъ помѣщаешь и меня, такъ какъ въ своемъ письмѣ, упомянувъ о нынѣшней реформѣ обрядовъ нашей церкви, говоришь тономъ, взывающимъ къ покаянію: „ударьте себя по груди за ваши дѣлишки" (uderzcie się w piersi za wasze robotki)". Далѣе профессоръ Бобровскій объясняетъ ходъ переговоровъ между базиліанскимъ орденомъ и главными представителями Брестскаго капитула, пользовавшимися значеніемъ (przewagą) въ свѣтскомъ клирѣ. Таковыми были (въ двадцатыхъ годахъ) офиціалъ Брестской консисторіи Антоній Тупальскій (онъ же и членъ капитула), архипресвитеръ Брестскаго капитула Гавріилъ Янковскій (предсѣдатель капитула) и членъ того же капитула вице-предсѣдатель Брестской консисторіи, а затѣмъ предсѣдатель Виленской митрополичьей консисторіи, каноникъ Антоній Сосновскій. Затѣмъ Бобровскій упоминаетъ, что о возвращеніи нѣкогда захваченныхъ базиліанами фундушей и капиталовъ, предназначенныхъ на каѳедру Брестскую, на епархіальную семинарію, на Брестскій капитулъ, означенные защитники бѣлаго духовенства дѣлали представленія и въ греко-уніатскую коллегію (то-есть, во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи), и къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ (кн. Голицыну). „Мнѣ извѣстны были", пишетъ Бобровскій,—„нѣкоторые ихъ отзывы; на нихъ нѣтъ моей подписи; но я, сколько могъ, отстаивалъ существованіе важнѣйшихъ монастырей, а именно Жировицкаго и Виленскаго, убѣждалъ и совѣтовалъ офиціалу Тупальскому (въ письмѣ къ нему) щадить, по возможности, монашество, какъ опору церкви, безъ котораго свѣтскій клиръ, разсыпанный мелкими семьями и угнетенный нищетою, подобенъ трости, колеблемой отъ вѣтру въ ту или другую сторону.... Мнѣ привелось также самому принимать участіе въ комитетѣ, созванномъ въ Жировицахъ митрополитомъ (Булгакомъ) для окончательнаго рѣшенія вопроса о капиталахъ на семинаріи (въ январѣ 1826 г.). Въ этомъ комитетѣ литовскій провинціалъ Каминскій отстаивалъ интересы своего ордена и предлагалъ разныя комбинаціи, которыя не могли быть приняты [1]).

„Были еще представленія въ коллегію о вредномъ вліяніи на учениковъ главной семинаріи ихъ товарищей-латинниковъ и предло-

[1]) Въ то время профессоръ Бобровскій жилъ въ Жировицахъ и былъ временнымъ вице-предсѣдателемъ консисторіи.

женія возстановить чистоту греческаго богослуженія, искаженнаго латинниками. Объ этомъ хлопоталъ особенно А. Сосновскій, бывшій офиціалъ Виленской митрополичьей консисторіи, дѣлая представленія въ столицу. Его соображенія возымѣли свое дѣйствіе: пріемъ уніатскихъ клириковъ въ главную семинарію былъ прекращенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникла мысль объ учрежденіи въ Полоцкѣ греко-уніатской академіи [1]. И упраздненіе монастырей, и реформа обрядовъ восточной церкви, соединенной съ римскою, могли быть вызваны и происходившими между „закономъ" (то-есть, орденомъ) и клиромъ пререканіями, и послѣдовавшими отзывами изъ консисторій въ коллегію объ искаженіи обрядовъ греко-уніатской церкви, вслѣдствіе вліянія латинниковъ. Но все это могло быть только предлогомъ: скорбя о внезапной перемѣнѣ, мы приписываемъ другъ другу то, что̀ происходитъ отъ другихъ причинъ, о которыхъ мы не знаемъ или знать намъ не подобаетъ. Пусть латинники скажутъ сами: почему закрываютъ ихъ монастыри, уменьшаютъ приходы? Почему запрещено намъ уніатамъ участіе въ богослуженіи вмѣстѣ съ ними? Все это дѣло Провидѣнія Божія. Пути его неисповѣдимы. О нихъ узнаютъ только потомки. И бытъ уніи въ Литвѣ, и ея паденіе—въ рукахъ Божіихъ. Реформы греко-уніатскаго обряда въ Галицкой Руси при Маріи Терезіи (Іосифѣ II?) не прекратили однако существованія тамъ уніи. Очевидно, не отъ реформы обрядовъ зависитъ у насъ ея бытъ и существованіе" [2]. Затѣмъ, очертивъ вкратцѣ ходъ въ дѣлахъ уніи, начиная отъ митрополита Ираклія Лисовскаго, упомянувъ о подпискахъ на возсоединеніе съ православіемъ, данныхъ епископами (въ 1834 г.), не исключая и Жарскаго (базиліанина), что̀ ясно доказываетъ, что наступаетъ уже конецъ уніи (juž po unii), указавъ на господствующую въ Россіи вѣротерпимость ко всѣмъ исповѣданіямъ, на свободу перехода (уніатовъ) въ православіе по убѣжденію и не одобривъ случавшихся въ уніи насильственныхъ принужденій даже крестьянъ корыстными обѣщаніями, что ведетъ къ волненіямъ и безпорядкамъ, Бобровскій говоритъ: „Развѣ можете вы Свято-Троицкій монастырь, который держался уніи, удержать при уніи? Свое любопытное посла-

---

[1]) Указываемые здѣсь факты потверждаются, какъ увидимъ ниже, дѣлами архива св. синода (по 2-му департаменту римско-католической коллегіи).

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что благодаря этимъ реформамъ въ греко-уніатской церкви австрійскихъ славянъ возстановлена была чистота обрядовъ въ богослуженіи по уставу греческой церкви, и обезпеченъ бытъ бѣлаго духовенства. Гр. *Толстаго*, Le Catholicisme Romain. II, стр. 375 и 376.

ніе къ Босяцкому Бобровскій оканчиваетъ слѣдующими словами: „Naypożyteczniejszą byś przysługę zrobił, gdybyś materyały zebrał do dziejow upadającego swego Zgromadzenia i gasnącey Cerkwi unickiej. Masz pod ręką archiwum zakonne, a jako wpływający w ostałnich czasach do styru swego Zakonu morzesz wtej mierze wiedzieć pewniej niżeli kto inny. Przy kłopotach gospodarskich będzie to rozrywką lubiącemu zazierać po zaplesniałych zwiach“ [1]).

Спустя четыре года, именно 18-го февраля 1839 г., то-есть, черезъ нѣсколько дней послѣ совершенія въ г. Полоцкѣ (въ недѣлю православія 12-го февраля) соборнаго акта о возсоединеніи уніатовъ къ православной Греко-Восточной Каѳолической церкви, Бобровскій рекомендовалъ офиціалу (предсѣдателю литовской консисторіи) Тупальскому заняться составленіемъ мемуаровъ, хотя бы въ видѣ набросковъ, о событіяхъ столь важныхъ, происходившихъ на его глазахъ въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1804 по 1839 г.). Передаемъ это письмо цѣликомъ въ переводѣ: „Изъ нѣкоторыхъ извѣстій, которыя я имѣлъ счастіе получить отъ вашего высокопреподобія догадываюсь, что уже наступилъ послѣдній часъ уніи. Передать потомству ея начало, распространеніе, стремленіе къ упадку и самое паденіе было бы дѣломъ чрезвычайной важности. Кромѣ васъ, никто не знакомъ такъ хорошо съ этими фактами. О временахъ прошедшихъ можно ограничиться общимъ очеркомъ; но нужно распространиться описаніемъ явленій современныхъ. Нужно представить краткую біографію митрополитовъ и епископовъ, начиная отъ Лисовскаго, изложить что̀ каждый сдѣлалъ для блага церкви, или же кто изъ нихъ былъ причиною ея упадка. Много, а можетъ быть всего болѣе, виновенъ въ этомъ базиліанскій орденъ. Надлежало бы упомянуть о его дѣятеляхъ. Такія и подобныя имъ обстоятельства должны быть въ свѣжей памяти у васъ, какъ человѣка, который въ теченіе почти полувѣка принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ нашей іерархіи. Достаточно будетъ сдѣлать хотя наброски (in crudo), безъ системы, безъ хронологическихъ справокъ, но съ искреннею любовью къ истинѣ того, что̀ можетъ приходить на мысль въ минуты болѣе свободныя. Трудъ этотъ никого не

[1]) То-есть: „Ты оказалъ бы величайшую услугу, еслибы собралъ матеріалы, относящіеся къ исторіи падающаго ордена и угасающей греко-уніатской церкви. Имѣешь подъ рукою базиліанскій архивъ и, какъ человѣкъ, заинтересованный дѣлами своего ордена въ послѣднее время, можешь знать о нихъ болѣе и вѣрнѣе всякаго другаго. При хозяйскихъ хлопотахъ это могло бы служить развлеченіемъ любящему заглядывать въ свитки, покрытые плѣсенью“.

могъ бы скомпрометировать,—напротивъ былъ бы драгоцѣннымъ для потомковъ, хотя и непріятнымъ для современниковъ, слѣдовательно, не лишеннымъ опасности осужденія и для автора записокъ, а въ такомъ случаѣ разсудительность требуетъ подражать перу Тацита“ [1]).

Мы не знаемъ, исполнилъ ли этотъ совѣтъ профессора протопресвитеръ Тупальскій, который по своей обширной дѣятельности, по своему опыту и знакомству съ извѣстными личностями своего времени, по своему значенію въ іерархіи болѣе всякаго другаго былъ способенъ изложить событія, которыми сопровождались реформы, послѣдовательно подготовившія возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ. Ему ближе всякаго другаго были извѣстны глубокія язвы въ соціальномъ бытѣ монашескаго ордена и нужды бѣлаго уніатскаго духовенства съ того времени, когда іезуитъ Груберъ, занявъ господствующее положеніе въ іезуитскомъ орденѣ, направилъ дѣла римско-католической коллегіи къ прямой цѣли—латинизаціи уніи.

О многосторонней дѣятельности Антонія Тупальскаго, кромѣ дѣлъ архивныхъ, мы судимъ изъ характеристики Янковскаго, который, въ качествѣ члена консисторіи и преподавателя Жировицкой семинаріи, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ энергичному предсѣдателю консисторіи; послѣдній, будучи многіе годы во главѣ бѣлаго духовенства обширнѣйшей Брестской епархіи, старался парализовать интриги базиліанъ, усвоившихъ себѣ образъ дѣйствія іезуитовъ.

Весьма богатый по содержанію матеріала архивъ бывшаго 2-го департамента (уніатскаго) римско-католической коллегіи, въ вѣдѣніи которой греко-уніатская церковь состояла почти четверть столѣтія (1805—1828 гг.), остается до сихъ поръ мало обработаннымъ. Но въ этотъ именно періодъ, отъ образованія особаго департамента (2-го) для уніатовъ въ означенной коллегіи и до учрежденія особой греко-уніатской коллегіи, совершились весьма важныя событія: тогда собственно подготовлены были способы къ возсоединенію, когда бѣлому духовенству при содѣйствіи правительства удалось разбить основы базиліанскаго ордена, какъ особо организованной силы, опасной для русскаго славянства въ Западной Россіи [2]).

---

[1]) Письмо это подъ № 6, писано 18-го февраля 1839 г. изъ Шерешева. Тупальскій былъ несмѣняемымъ предсѣдателемъ консисторіи съ 1807 по 1828 г. Брестской, а съ 1828 г. Литовской греко-уніатской епархіи и многіе годы фактически управлялъ ею.

[2]) Нельзя не пожалѣть о гибели богатаго архива Брестской греко-уніатской консисторіи, въ которомъ, конечно, хранилось множество чрезвычайно важныхъ

Изъ нашихъ документовъ видно еще, что на реформы въ уніи нельзя смотрѣть исключительно только съ религіозной точки зрѣнія; реформы греко-уніатской церкви обнимаютъ соціальный бытъ русскаго народа и находятся въ тѣсной связи съ событіями чисто политическаго характера. Во всякомъ случаѣ, исторія греко-уніатской церкви находится въ тѣсной связи съ государственною политикою и съ ходомъ просвѣщенія въ западной Россіи.

Изъ весьма многихъ дѣлъ архива св. синода по 2-му департаменту римско-католической коллегіи (1805—1828 гг.) мы избрали самое обширное и важное по качеству матеріала дѣло, начатое въ 1822 году и конченное въ 1828 году: „Объ упраздненіи нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей и учрежденіи духовныхъ училищъ по епархіямъ“, на 677 листахъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается печальное состояніе греко-уніатской церкви и содержатся матеріалы для объясненія хода борьбы бѣлаго духовенства съ представителями базиліанскаго ордена: тутъ окончаніе драмы, начавшейся преобразованіями Лисовскаго. Въ тѣсной связи съ развитіемъ вопроса объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей, поднятаго архіепископомъ Лисовскимъ въ началѣ царствованія императора Александра I, состоятъ многіе другіе первостепенные вопросы, объясненіе которыхъ находимъ въ другихъ дѣлахъ архива св. синода, съ которыми также мы обязаны познакомить читателя, а также въ дѣлахъ архива министерства народнаго просвѣщенія.

Настоящій нашъ трудъ не болѣе какъ попытка къ систематическому изложенію событій въ русской греко-уніатской церкви до рѣшительнаго пораженія базиліанскаго ордена, а это и было началомъ конца уніи въ Западной Россіи.

историческихъ документовъ, собранныхъ Брестскимъ капитуломъ. Архивъ сгорѣлъ въ Жировицахъ въ 1836 году отъ неизвѣстной причины, и такимъ образомъ исторія лишена одного изъ важнѣйшихъ источниковъ.

I.

Протесты бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго столѣтія.

Послѣ возвращенія западныхъ губерній отъ Польши, существованіе въ нихъ греко-уніатовъ, казалось, не могло быть продолжительнымъ. Такъ думало католическое духовенство вмѣстѣ съ базиліанскимъ орденомъ, когда принялось за совращеніе ихъ въ латинство, нарушая тѣмъ постановленія Римскихъ папъ; такъ думало и русское правительство, оставляя греко-уніатовъ въ совершенной зависимости отъ римско-католической коллегіи, что̀ было прямымъ нарушеніемъ политическаго взгляда Екатерины II на уніатскій вопросъ.

Базиліанскій орденъ, разжившійся при безпорядочномъ управленіи Польши, чувствовалъ себя теперь въ неловкомъ положеніи. Онъ захватилъ въ свои руки церковные капиталы и фундуши, овладѣлъ соборными каѳедрами, присвоилъ себѣ суммы, завѣщанныя на нѣкоторыя епархіальныя семинаріи, противодѣйствовалъ учрежденію епархіальныхъ семинарій для духовнаго образованія и устройства консисторій, интриговалъ противъ официаловъ изъ свѣтскаго клира и съ подозрительною злобою относился къ капитуламъ, или представителямъ старшаго духовенства въ епархіяхъ.

Что̀ могло быть съ греко-уніатскимъ монашествомъ, которое беззастѣнчиво уклонялось отъ своихъ обѣтовъ, нарушало каноническіе законы и образовало среди русскихъ уніатовъ партію враждебную и греко-славянской церкви, и русской народности?

Казалось, дни латинскаго ордена, какъ чужеяднаго растенія среди русскихъ западной Россіи, должны быть сочтены, а съ паденіемъ ордена унія становилась политическимъ абсурдомъ: осталось бы убогое, лишенное образованія сельское духовенство, и крестьяне, бывшіе

въ тяжкой крѣпостной зависимости отъ господъ, латинянъ, чуждыхъ по исповѣдуемой ими греко-славянской вѣрѣ. Случилось однако нѣчто противоположное. Базиліанскій орденъ уцѣлѣлъ и является передъ судомъ исторіи какъ величайшій врагъ греко-восточнаго обряда и русской народности. Онъ и послѣ раздѣла своего на провинціи, лишившись непосредственной связи съ Римомъ черезъ папскаго нунція въ Варшавѣ, былъ еще силенъ, но не крѣпостью своего внутренняго устройства, не суровою монашескою дисциплиной, а своимъ богатствомъ, своими связями съ господствовавшими въ странѣ латино-польскими силами и поддержкой іезуитовъ въ Петербургѣ и въ Бѣлоруссіи, особенно своими же интригами и вліяніемъ на народное просвѣщеніе.

Въ Западной Россіи, въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши находилось, въ началѣ XIX вѣка, до ста базиліанскихъ монастырей (мужскихъ и женскихъ), значительная часть которыхъ была образована изъ приходскихъ церквей и имѣла не болѣе двухъ, трехъ, четырехъ монаховъ: эти монастыри владѣли множествомъ крестьянъ (до 20.000) и большими капиталами (болѣе 800.000 р. с.). Бѣлое духовенство, между тѣмъ, оставалось въ политическомъ загонѣ: образованіе его было въ совершенномъ пренебреженіи, содержаніе оно имѣло крайне скудное, матеріальное существованіе семействъ духовенства до такой степени было мало обезпечено, что сыновья священниковъ, изъ которыхъ многіе происходили изъ древнихъ русскихъ дворянъ, должны были или искать службы экономовъ, приказчиковъ, официалистовъ у ополяченныхъ или польскихъ помѣщиковъ, или же, при отсутствіи всякаго образованія, обращаться въ крѣпостныхъ батраковъ. Положеніе вдовъ и сиротъ священниковъ было безвыходнымъ. А при такихъ условіяхъ легко было найдти поводы къ совращенію уніатовъ въ католицизмъ. И дѣйствительно, началось совращеніе, которое стало угрожать существованію греко-славянской церкви, когда на помощь базиліанскому ордену подоспѣла польская пропаганда, имѣя во главѣ всю польскую аристократію, до четырехъ тысячъ монаховъ римско-католическихъ орденовъ и организованные при содѣйствіи министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына библейскіе комитеты.

Прекрасною иллюстраціей исторической неправды, которая привела бѣлое духовенство къ политическому униженію въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой, служитъ протестъ уполномоченныхъ отъ имени бѣлаго духовенства (бывшей) Виленской митропо-

личьей епархіи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ отъ 4-го ноября 1776 года, копію котораго мы передаемъ въ старинномъ переводѣ съ латинскаго, сохраняя языкъ и правописаніе переводчика. Латинская копія съ переводомъ приложена къ представленію Брестской греко-уніатской консисторіи во второй департаментъ коллегіи отъ 12-го марта 1823 года [1]).

„1776 Года Ноября 4 дня въ Городѣ Вильнѣ. Передъ Актами Виленской Митрополитальной Генеральной Консисторіи, явясь лично, Управляющій виленскою Соборною Церквею священникъ Казимиръ Щыгельскій, во исполненіе повелѣнія Высопреосвященнаго Архіепископа Митрополита всея Россіи своего Пастыря, отъ имени Бѣлаго Духовенства Митрополитальной Епархіи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ распространяемой на Суперіора Прокуратора и все общество Виленскаго Базыльанскаго монастыря, не исключая и прочихъ начальниковъ Литовской провинціи того же Ордена, какъ равно и нижепоименованныхъ лицъ, публично жаловался о нижеслѣдующемъ: „Что хотя все монашество ни къ чему иному но единственно для вспомоществованія Бѣлаго Духовенства установлено, церквою принято и утверждено, но напротивъ того обвиняемые монахи Ордена Святаго Василія Великаго, отступивъ той цѣли, въ мѣсто оказаній помощи, крайнія бѣлому унитскому Духовенству, особливо въ Польскомъ Королевствѣ и Великомъ Литовскомъ Княжествѣ находящемуся, притѣсненіи, ущербы, насиліи и самовольствіи нанести осмѣлились, прежде сего овладѣвъ всѣ преимущества и достоинства и присвоивъ себѣ право самовольнаго владѣнія бѣлымъ Унитскимъ Духовенствомъ; ибо первоначально Капитулы при Кафедральныхъ Соборныхъ церквяхъ находившіеся, посредствомъ разныхъ насильныхъ и обманныхъ способовъ, истребили такъ, что едва при трехъ каѳедрахъ слѣды оныхъ Капитулъ нынѣ находятся, но и сіи недавно возобновлены; исключая же другія Епархіи въ Митрополитальной токмо Епархіи великаго Литовскаго Княжества по первоначальному устройству находились Капитулы при четырехъ соборныхъ церквяхъ, какъ то: Виленской, Гродненской, Новогрудской и Минской, но при оныхъ церквахъ нынѣ токмо чуть память Капитулъ остается и даже ни одинъ изъ бѣлаго духовенства Священникъ не находится; симъ обра-

[1]) № 151, подъ лит. В, архивъ св. синода по 2-му (греко-унитскому) департаменту, дѣло № 61, начато 29-го сентября 1822 г., кончено 26-го апрѣля 1882 г., на 677 листахъ. См. л. 76 и слѣд.

зомъ Капитулы, уничтоживъ нѣкоторыя соборныя церкви, какъ-то: Новогрудскую и Минскую, со всѣми въ оныхъ находящимися алмазами, жемчугами, серебренною и прочею посудою и церковнымъ имуществомъ, равномѣрно пляцами и фундушами изъ давнихъ временъ къ онымъ принадлежащими, сами въ свое владѣніе заняли, Гродненскую же монахинямъ тогожъ Ордена безъ вѣдома и позволенія Апостольскаго престола, а также безъ соизволенія Королей Польскихъ и Князей Литовскихъ отдали и нѣкоторые фундуши оной церкви перемѣнили и уничтожили, а виленскую церковь, имѣя въ своемъ управленіи во время цвѣтущаго тогда въ Литвѣ уніятскаго исповѣданія, съ наружы и внутры достаточно украшенную съ пренебреженіемъ вѣроисповѣданія и удаленіемъ даже жительствующихъ въ томъ столичномъ Княжествѣ Литовскаго городѣ разнаго званія жителей разорили такъ, что одна токмо чаша Новогрудскимъ Священникомъ Краскевичомъ пожертвованная и двѣ ветхія рызы (какъ опись удостовѣряетъ) послѣ ихъ управленія остались, а иконъ Пресвятыя Богородицы Чудотворной со всѣми алмазными украшеніями изъ оной церкви въ свою Пресвятыя Троицы (какъ удостовѣряетъ данная ими росписка и носящійся слухъ) перенесли, прочиежъ Виленскія церкви бывшія прежде приходскими какъ-то: 1-ю Покрова Пресвятыя Богородицы,—2-ю Іоанна Богослова—3-ю Святаго Михаила—4-ю Иліи Пророка—5-ю Святыя Катерины—6-ю Святаго Николая—7-ю Святыхъ Козми Дамяна—8-ю Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла—9-ю Святаго великомученика Іегорія—и 10-ю Рождества Христова, во время своего оными управленія, равнымъ образомъ разорили такъ, что нынѣ на тѣхъ пляцахъ и кимитарахъ (?), а также гдѣ находились приходскихъ священниковъ домы и строеніи, нынѣ каменными и деревянными дворянъ и обывателей Виленскихъ равно и еврейскими домами суть застроены, каковые пляцы и фундуши для малой користи съ оскорбленіемъ святыхъ мѣстъ отдали разнымъ лицамъ, и такимъ распоряженіемъ для малаго платежа въ пользу митрополитовъ стались причиною къ тяжбѣ и значительнымъ издержкамъ произвышающымъ даже самые доходы; сверхъ вышеупомянутыхъ церквей еще 11-ю приходскую церковь Свѣтлаго Воскресенія Христова подобнымъ же образомъ разорили и всѣ церковныя утвари, посуду и серебро забрали, 12-ю Святой Параскевіи съ пляцами, фундушемъ, каменными зданіями на Кимитарѣ оной послѣ выстроенными и жылый домъ приходскаго священника въ свое владѣніе заняли;—13-ю Перенесенія мощей

Св. Николая, забравъ съ оной всѣ церковныя утвари и посуди, и опустошивъ оставили, которую такъ съ наружы какъ въ внутри исправилъ и украсилъ въ нинешнихъ временахъ священникъ Францъ Модзелевскій Намѣстникъ въ Духовенахъ и Офиціялъ Генеральный Виленскій къ сей разореной церквѣ законно опредѣленный, который нынѣ одинъ токмо изъ бѣлаго духовенства въ городѣ Вильнѣ находится въ мѣсто шести бывшихъ прежде презвитеровъ, двухъ діаконовъ при Виленской Соборней церквѣ, тринадцати приходскихъ священниковъ при поименованныхъ церквахъ находившихся и Виленскаго Капитула обжалованными уничтоженнаго. Постановленіе фундаторовъ вовсе перемѣнили, означенныя ими обязанности по удаленіи приходскихъ Священниковъ уничтожили, исправленіемъ мирскихъ требъ прихожанамъ занялись, и приходами управляли по 1762 годъ; по уничтоженію, какъ выше сказано, Виленскаго Капитула и приходскихъ тамо находившихся Священниковъ, присвоивъ для себя всѣ ихъ права и преимущества, отъ имени Капитула равные здѣлки, вопреки древнымъ фундушамъ, вредныя для Бѣлаго Духовенства, подѣлали. Королевскія привилегіи по невѣрному своему представленію въ мѣсто прежнихъ правъ и привилегій Бѣлому Духовенству служащихъ изходатайствовали. Фольварокъ Свираны Княземъ Константиномъ Острогскимъ Воеводою Троцкимъ въ 1522 году, на четырехъ Пресвитеровъ и двухъ Діаконовъ Виленской Кафедральной церкви наданный къ своему монастырю причислили; Фольваркъ же Крокшты, съ принадлежащимъ къ оному Фольфаркомъ Шешоле званнымъ, упомянутымъ Фундаторомъ, на выше сказанныхъ Священниковъ и Діаконовъ означенный, исходатайствовавъ невѣрнымъ представленіемъ у Владислава IV Короля Польскаго дозволеніе подъ видомъ, будьтобы, другія имѣніи на церковъ за 50,000 польскихъ злотыхъ пріобресть покупкою имѣютъ, хотябы оныхъ имѣній едва за 100,000 злотыхъ нынѣ можно было откупить, какъ видно изъ подписьи Викараго Виленскаго монастыря Іеромонаха Котлубая (который себя въ продажномъ правѣ именовалъ быть Капитульнымъ) продали, и на мѣсто того никакихъ уже другихъ имѣній для церкви нетокмо не покупали, но даже выше сказанную сумму неизвестно на что употребили; сверхъ сего фольварокъ Вака называемый г. Федоромъ Якушкевичемъ маршаломъ Александра короля польскаго великаго князя литовскаго отъ сотворенія свѣта по греческимъ хронографамъ 7015 года индикта II марта 29-го дня, и отъ Рождества Христова 1506 года, на двоихъ изъ бѣлаго духовенства викарихъ при Вилен-

ской кафедральной церквѣ наданный, а послѣ графомъ Павломъ Сапѣгою земскимъ судьею Троцкаго воеводства 1605 года умноженный, лишивъ какъ выше сказано бѣлое духовенство владѣнія онаго имѣнія, которое и по настоящее время бѣлому духовенству не возвращено, себѣ присвоили.—Равнымъ образомъ уничтоживъ капитулы при соборныхъ Гродненской, Новогрудской и Минской церквахъ, издревле существующія упомянутые церкви со всѣми украшеніями, утварами и посудами церковными съ ихъ фундушами овладѣли и прелатовъ вовсе удалили такъ, что и по настоящее время бѣлому духовенству владѣть не допустили, фундушовыя суммы изъ имѣній, на коихъ были обеспечены съ слѣдующими отъ оныхъ процентами, безъ обеспеченія оныхъ на другихъ имѣніяхъ отобрали, и въ свою пользу обратили, какъ-то: 5000 польскихъ злотыхъ церкви св. Козмы и Дамяна (что открывается изъ первоначальной записьи) къ своему монастырю іеромонахъ Котлубай присовокупилъ; послѣ чего іеромонахъ Бенѣцкій, митрополитальный официялъ Кобринскій архимандритъ сумму на церковь святаго Іоанна Богослова записанную и на каменномъ домѣ въ Вильнѣ, Солтановскій называемомъ, обеспеченную въ мѣсто съ процентами употребилъ на собственную свою надобность и о томъ не оставилъ никакого въ архивѣ слѣда, чѣмъ былъ причиною не малыхъ тяжебныхъ издержекъ. Сверхъ сего находящесь изъ древле въ кирпичныхъ стенахъ и окнахъ для укрѣпленія оныхъ желѣзо въ кафедральной Виленской церквѣ, во время своего официяльства, велѣлъ выбрать и употребилъ на оковку своихъ повозокъ, а 1700 года во время существованія въ городѣ Вильнѣ заразы (какъ доказываютъ опись и состоящіе въ живыхъ по сіе время свидѣтели), олово, до 24,000 злотыхъ польскихъ стоющее, подъ потолокомъ церкви св. Николая оловяннымъ литейщикомъ сохраненное во время своего начальства знашолъ, и велѣлъ сдѣлать съ онаго токмо 18 небольшихъ подсвѣчниковъ, остальное обратилъ въ свою пользу, тако же іеромонахъ Жиравскій официялъ и супереоръ Виленскаго монастыря и ордена своего консульторъ, каменный домъ на госпиталь виленской каѳедральной церкви наданный монахамъ августіянскаго ордена, не смотря на право принадлежности и обязательства, продалъ и оныя деньги не въ пользу госпиталя, но неизвѣстно на что употребилъ.— По уничтоженіи же, какъ о семъ неоднократно уже сказано, капитулъ и знатнѣйшихъ священниковъ въ городахъ Литовскаго княжества, и послѣ опустошенія самыхъ церквей со всѣхъ находившихся въ оныхъ украшеніяхъ еще

гораздо легче удалось монахамъ послѣдніи принадлежности въ другихъ мѣстахъ оставшіеся, которые имъ изъ хорошаго состоянія понравились, завладѣть насильно, какъ то: Рогачевскую, Рожанскую, Лысковскую, Черліонскую, Жировицкую, Гольдовскую, Глущенскую, Суховицкую, Кассутскую, Раковскую, Свѣржанскую, Мирскую и прочія церкви, коихъ нынѣ не помню, и оныя церкви въ монастыри обратили, оставя токмо бѣлому духовенству тѣ церкви, изъ коихъ фундушей честный человѣкъ пропитать себя былъ бы не въ состояніи; церковь же Мерецкую со всѣми принадлежностями продавъ монахамъ іезуитамъ, Порудоминскую подъ разными предлогами со всѣми фундушами, какъ равно Олитскую, Ковенскую, за небденіемъ со всемъ разорили. Семинарію изъ складки бѣлаго духовенства и помощи митрополита во время Кобринскаго собора 1626 года [1]) въ городѣ Минскѣ учрежденную и въ вѣденіе монаховъ базыльяновъ отданную въ послѣдствіи уничтожили, прописаннымъ же образомъ собранную на упомянутую семинарію сумму въ свою пользу обратили. Кромѣ сего на возобновленіе оной же семинаріи сумму 27,000 польскихъ злотыхъ, Минскимъ архимандритомъ Любенецкимъ записанную, и приговорами апостольской въ Варшавѣ существовавшей нунціятуры 1755 года 6-го іюня и нунціятурской деллегаціи 1760 года декабря 19-го состоявшимись на вспомоществованіе и возобновленіе епархіальной Минской семинаріи назначенную, отъ госпожи Сологубовой (какъ свидѣтельствуетъ подлинная квитанція) полученную, не отдали на семинарію, но за собою задержали. Въ семинаріи Свѣржанской князьями Радзивиллами фундованной, по сіе время ни одного клирика не воспитали такъ, чтобы въ епархіи могъ быть полезнымъ, ибо употребляя оныхъ къ собственнымъ услугамъ, старались удерживать ихъ въ темнотѣ, дабы тѣмъ самымъ пресѣчь распространеніе просвѣщенія между бѣлымъ духовенствомъ и не давать способа къ вѣденію о причиненныхъ обидахъ, а тѣмъ паче къ принесенію жалобы. Посѣщая церквѣ оныхъ фундушовые документы отъ приходскихъ священниковъ забрали, а въ части только

[1]) Кобринскій синодъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа IV (Вельямина Рутскаго) изъ епископовъ, его викаріевъ, въ 1626 году, утвержденный папою Урбаномъ VIII. — Перевелъ съ латинскаго на польскій Иванъ Бобровскій изъ книги подъ заглавіемъ: Appendix ad specimen ecclesiae ruthenicae. Auctore Ignatio Kulczynski rutheno ord. S. Basilii m. proc. gen. et rect. S. S. Sergii et Bacchi ad Montes Romae. M. D. CC. XXXIV (1734). „Dz. Dobroczyn.". 1823, т. I, стр. 97.

овыя въ митрополитальный архивъ отдали, ибо 600 церквей здѣсь въ Литвѣ числится, а токмо 100 церквей какъ видно по митрополитальному архиву документы нынѣ находятся. Во время канонической визиты искали только своей пользы, какъ присматривали за церковнымъ порядкомъ, и по сему никакихъ актъ, либо слѣдовъ, какими издревле пользовались фундушами священники, онымъ не оставляли, чѣмъ болѣе стались имъ поводомъ къ многоличнымъ тяжбамъ, наводящимъ значительныя обѣди (обиды). Равнымъ образомъ дѣлъ во время управленія монахами производившихся мировою либо приговорами совершенныхъ акта съ великою сторонъ обидою находятся, а только самовольнаго своего управленія многочисленныя распоряженіи единственно въ угожденіи помѣщиковъ съ крайнею обидою бѣлаго духовенства послѣдовавшія, коихъ память по настоящее время въ обиженныхъ продолжается, оставили. — Въ представленіи клириковъ къ рукоположенію въ санъ іерейскій не имѣли въ виду ихъ просвѣщеніе, согласно съ церковными узаконеніями, но пожертвованіе ими чинимое, тѣмъ образомъ въ простотѣ укрѣпить, но не просвѣщать старались, единственно дабы бѣлое духовенство всѣми было принебрегаемо; къ достаточнѣйшимъ приходамъ такихъ, кои малаго просвѣщенія, худаго поведенія и неприличнаго урожденія опредѣляли. — Такимъ образомъ собрали въ короткомъ времени значительныя суммы, управляя бѣлымъ духовенствомъ, какъ удостовѣряетъ заведенное съ архимандритомъ Жолкѣвскимъ Іосафатомъ Высоцкимъ, бывшимъ Кіевскимъ официаломъ дѣло, а о прочихъ таковыхъ дѣлахъ нѣтъ слѣда, то только извѣстно, что онѣ, самовольно распоряжая сими деньгами одержали высшія достоинства. Архивъ митрополитальный и епархіальный въ своемъ вѣдомствѣ имѣя, не всѣ документы (какъ въ послѣдствіи изъ давнихъ описей открылось) возвратили, ибо тѣ документы, которые принадлежали къ фундушамъ бѣлаго духовенства самовольно ими задержаннымъ, при себѣ оставили, и между возвращенными много находится испорченныхъ. Симъ образомъ, приводя бѣлое духовенство до послѣдней нищеты, сами остались большими владѣльцами присвоенной собственности.— По таковымъ изложеннымъ угнетеніямъ бѣлое духовенство снабдилось заключеніемъ Замойскаго собора подъ предсѣдательствомъ апостольскаго нунціума Гримальди въ заглавіи о „официялахъ конституціи“, которую однако же монахи подъ разными видами безъ повиновенія не исполнили, и хотя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ усовершенствовано было учрежденіе изъ бѣлаго духовенства официя-

ловъ, однакожъ и въ случаяхъ законами изображенныхъ не повиновались посѣщать церквей, къ коимъ принадлежатъ приходы, и которые, какъ выше сказано, принадлежали бѣлому духовенству, воспретили, не являсь даже на епархіальные соборы и не повинуясь правиламъ епархіальнымъ, коимъ повиноваться какъ управляющіе приходами, согласно общимъ правиламъ конституціи Апостольской, а именно Вендикта XIV „firmandis atque asserendis obstringuntur" начинающейся, были обязаны. Посему затѣмъ о всѣхъ выше прописанныхъ обидахъ и самоволіяхъ монахами содѣланныхъ доказаться имѣемыхъ, предоставляя бѣлому унитскому духовенству, отъ имени котораго нынѣ публично протестъ дѣлаю,—имѣть дѣло въ каждомъ подлежащемъ судѣ съ упомянутыми монахами всѣми вообще и именно показанными, а себѣ свободу настоящій протестъ умножить и возобновить, каковый, своеручно въ актахъ подписую. Виленскій коммендаръ священникъ Казиміръ Щыгельскій".

„Копія таковаго протеста съ актами во все вѣрна. Свидѣтельствуютъ 1823 года февраля 7. Виленскій офиціялъ и предсѣдатель консисторіи Илья Мокржыцкій. Засѣдатель Иванъ Каменскій. Засѣдатель Константинъ Заблоцкій. Свѣрялъ съ актами секретарь Феліціанъ Томоровичъ.

Переводилъ коллежскій регистраторъ, Бржеской уніятской консисторіи переводчикъ Осипъ Тупальскій".

Протестъ священника Щигельскаго оставленъ польскимъ правительствомъ безъ всякаго вниманія. Только впослѣдствіи, уже въ началѣ настоящаго столѣтія, онъ послужилъ матеріаломъ для раскрытія Брестскимъ капитуломъ, а затѣмъ и консисторіей, по архивнымъ документамъ, незаконныхъ обращеній церковныхъ фундущей въ сундуки базиліанскаго ордена. Захваченные базиліанскимъ орденомъ капиталы и фундаціи передавались помѣщикамъ подъ залоги ихъ имѣній. Многіе изъ этихъ капиталовъ исчезли или же стали предметомъ нескончаемыхъ тяжбъ.

Дополненіемъ къ означенному протесту бѣлаго духовенства можетъ служить протестація прокуратора священника Іоанна Мокрицкаго, отъ 24-го января 1779 года, вслѣдствіе недозволенія митрополита Леона Щепетицкаго получить изъ митрополичьяго архива документы, принадлежащіе церквамъ и бѣлому духовенству. Изъ протестаціи Мокрицкаго, подкрѣпленной документами, видно, что монастыри бывшей виленской митрополичьей епархіи Суцковскій, Коссутскій, Ро-

ковскій и Свѣртанскій образованы изъ приходскихъ церквей; имѣлось основаніе считать бывшими приходскими церквами базиліанскіе монастыри: Казиміровскій, Илукштанскій, Якобштадтскій, Геліановскій (Ильинскій), Ростоцскій и Логойскій. Такъ, по документу 1714 года значится, что въ Логойскѣ были три приходскія грекоунитскія церкви: Соборная, св. Николая и Преображенская; изъ Соборной церкви образованъ монастырь, но церковь продолжала называться Соборною или Замковою [1]).

Стремленія базиліанскаго ордена, поддерживаемаго іезуитами и помѣщиками въ видахъ религіозныхъ и политическихъ, къ сохраненію матеріальнаго и нравственнаго господства въ русской уніи, не были поняты русскимъ правительствомъ въ первые годы по присоединеніи къ Россіи областей, населенныхъ бѣлоруссами, малоруссами, черноруссами и червоноруссами.

Не взирая на папскія буллы объ ограниченіи числа монастырей посредствомъ упраздненія тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ было менѣе восьми монаховъ, не смотря на указы императрицы Екатерины и особенно на указъ 1795 г., а равно на указъ императора Павла I, отъ 30-го декабря 1797 г., данный Беклемишеву, вопросъ объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей оставался безъ всякаго движенія до тѣхъ поръ, пока въ началѣ настоящаго столѣтія Полоцкій уніатскій архіепископъ Ираклій Лисовскій не раскрылъ императору Александру I крайне печальнаго положенія уніатской церкви и свѣтскаго клира, совершенно подавленнаго притязательностью базиліанъ, все болѣе и болѣе приближавшихъ греко-восточную обрядность въ уніи къ Римской церкви, и не указалъ на безпомощность и безправіе милліоновъ русскихъ прихожанъ означенной церкви. Дѣло, очевидно, было весьма серьезнымъ: базиліане, опираясь на римско-католическую коллегію, которая, игнорируя указы императрицы Екатерины II, поддерживала регламентъ для католической церкви, сочиненный іезуитами и въ іезуитскомъ духѣ, стали стремиться къ полной независимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и къ соединенію трехъ провинцій—Литовской, Русской и Бѣлорусской, въ одно цѣлое подъ властью протоархимандрита, или генерала. Іезуитскій орденъ, великодушно принятый Россіей, имѣлъ своего генерала и изъятъ былъ изъ-подъ вліянія не только епархіальнаго начальства, но и митрополита. Примѣръ этотъ былъ заразителенъ, и базиліанскіе про-

---

[1]) Арх. св. синода. Дѣло 1822 г., № 61, л. 28.

винціалы, руководимые епископомъ, а потомъ митрополитомъ Булгакомъ, постоянно стремились къ возстановленію званія протоархимандрита, на подобіе іезуитскаго генерала.

Здѣсь слѣдовало бы обратить вниманіе на козни и интриги полоцкихъ іезуитовъ, когда, послѣ паденія просвѣщеннаго римско-католическаго митрополита Сестренцевича, должности президента, вице-президента и членовъ римско-католической коллегіи были заняты іезуитами, навербованными Груберомъ. Но объ этомъ читатель найдетъ подробныя указанія въ извѣстномъ сочиненіи священника Морошкина „Іезуиты въ Россіи". Достаточно знать, что іезуиты до самаго своего изгнанія изъ Петербурга и изъ Полоцка были главными руководителями всѣхъ махинацій базиліанскаго ордена, всѣми силами противодѣйствовавшаго намѣреніямъ Александра I къ улучшенію быта бѣлаго греко-уніатскаго духовенства. До восшествія на престолъ императора Александра I, греко-уніатская церковь не только лишена была самостоятельности, но и обречена была на сліяніе съ латинскою. Само правительство, по внушенію Грубера, толкало ее въ нѣдра латинской церкви. Вотъ что замѣчаетъ Морошкинъ: „Уничтожая или поглощая латинствомъ уніатскую церковь, іезуиты совершенно иначе относились къ монашескому ордену—базиліанскому, зная самую тѣсную связь его съ іезуитскимъ своимъ институтомъ и видя въ немъ не восточное монашеское учрежденіе, но совершенно западный орденъ, да и притомъ еще совершенный сколокъ и копію съ своего ордена: они старались его не только поддерживать, но и возвысить и дать ему такую же автономію, какая была дана новымъ регламентомъ (11-го декабря 1800 года) всѣмъ латинскимъ орденамъ" [1]).

Еще ранѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи, реформа обрядовъ греко-уніатской церкви начата была въ Галиціи по плану Львовскаго архіепископа Ангелловича. „Въ Австріи", пишетъ графъ Толстой, — „на основаніи регламента Іосифа II была устроена для духовенства (греко-уніатскаго) семинарія; для приходскихъ священниковъ были назначены оклады содержанія, а въ случаѣ недостатка, давалась поддержка изъ вспомогательнаго капитала; настоятели приходовъ назначались по избранію епископовъ, а не ктиторовъ, епископами назначались исключительно представители бѣлаго духовенства; вотъ почему греко-уніаты Австріи въ эту эпоху сохранили въ церкви устройство и гре-

[1]) *Морошкинъ.* Іезуиты въ Россіи, ч. 1, стр. 441.

ческіе обряды несравненно въ большей чистотѣ, чѣмъ русскіе въ западныхъ губерніяхъ“ [1]). У насъ преобразованіе греко-уніатской церкви началъ архіепископъ Лисовскій въ своей Бѣлорусской епархіи въ царствованіе Екатерины II. Возстановленіе чистоты греко-восточнаго обряда въ Бѣлорусской уніатской епархіи подняло на ноги не только базиліанъ и іезуитовъ, но и польскихъ помѣщиковъ. Позднѣйшіе іезуитскіе агенты въ С.-Петербургѣ, подражая Груберу и пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ императора Александра I, не допускали по принципу самостоятельнаго греческаго обряда въ уніи. И эта ревность къ латинизаціи греко-славянской церкви въ Россіи была только замаскированнымъ средствомъ къ достиженію болѣе важной цѣли, къ ополяченію милліоновъ русскаго народонаселенія Западной Россіи. На этомъ пунктѣ сходились планы петербургскихъ и полоцкихъ іезуитовъ съ планомъ польской партіи, имѣвшей представителемъ князя Адама Чарторыйскаго, который сталъ во главѣ народнаго просвѣщенія девяти литовско-русскихъ губерній, отъ Западной Двины до Днѣпра.

Итакъ, съ 1801 года въ русской уніатской церкви началась внутренняя борьба между представителями бѣлаго и монашескаго духовенства. Бѣлое духовенство, почувствовавъ въ себѣ силу и надѣясь на поддержку правительства, стремилось очистить свою церковь отъ несвойственныхъ ея природѣ латинскихъ нововведеній и искало способы для улучшенія своего быта, для поднятія богословскаго образованія; базиліане отстаивали пріобрѣтенныя въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, большею частью насиліемъ, привилегіи, защищали неприкосновенность своихъ капиталовъ, свое исключительное право на высшее богословское образованіе, на руководство образованіемъ священниковъ, на независимость самоуправленія, на занятіе епископскихъ каѳедръ. Борьба началась при архіепископѣ Лисовскомъ.

---

[1]) *Tolstoy.* Le Catholicisme Romain en Russie, II, p. 375, 376. На такое улучшеніе быта бѣлаго духовенства въ Австріи не разъ ссылались, какъ увидимъ, брестскіе каноники.

II.

Ираклій Лисовскій и его реформы въ уніатской церкви.

Состояніе греко-уніатской церкви въ началѣ XIX вѣка.—Учрежденіе особаго уніатскаго (2-го) департамента въ римско-католической коллегіи.—Устройство Полоцкой семинаріи.—Штаты консисторій въ уніатскихъ епархіяхъ.—Образованіе особаго отдѣла при главной духовной семинаріи въ Вильнѣ для высшаго богословскаго образованія уніатскихъ священниковъ.—Противодѣйствіе реформамъ со стороны базиліанъ и латинянъ.—Базиліанскій орденъ, какъ воспитательное общество въ Западной Россіи.—Присоединеніе Супрасльской епархіи къ Россіи послѣ Тильзитскаго мира.—Возстановленіе Виленской митрополичьей епархіи.—Смерть Лисовскаго.—Его заслуги.

При восшествіи на престолъ императора Александра I уніатская церковь находилась въ подчиненіи римско-католической коллегіи въ С.-Петербургѣ, входившей въ составъ министерства юстиціи, и составляя три епархіи: Полоцкую, Брестскую и Луцкую. Уніатская Виленская митрополія была упразднена въ 1795 году, и митрополитъ Ростоцкій доживалъ свои годы на пенсіи. Базиліанскій орденъ составлялъ также три провинціи: Бѣлорусскую, Литовскую и Русскую (бывшую Польскую на Волыни). Въ законоположеніяхъ, опредѣлявшихъ устройство церкви и порядокъ управленія (1796—1801 гг.), встрѣчались существенныя недомолвки и противорѣчія [1]. Постановленія эти не

---

[1]) 1. П. С. З., № 17380 Именной ген.-губ. Тутолмину 6-го сентября 1795 г. Именной 30-го декабря 1797 г. генералу отъ инфантеріи Беклемишеву № 18734.—Регламентъ для церквей и монастырей р.-к. вѣроисповѣданія 3-го ноября 1798 г. Выс. утвержд. пункты объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи, 11-го декабря 1800 г. № 19684; Имен. указъ 29-го декабря 1800 г. № 19706, Выс. утв. докладъ—О возстановленіи духовнаго и церковнаго правительствъ р.-католическаго закона 13-го ноября 1801 г. № 20053.

были согласованы съ папскими буллами и между собою. Въ буллахъ также были противорѣчія [1]). Хотя въ регламентѣ 13-го ноября 1801 г. опредѣленъ былъ высшій надзоръ епархіальныхъ архіереевъ надъ провинціалами ордена, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что „провинціалы не суть подвластны архіереямъ"; потому, они должны лишь относиться къ архіереямъ и посылать имъ свои жалобы для представленія въ коллегію. Между тѣмъ какъ орденское управленіе пользовалось самостоятельностью въ провинціяхъ, епископы не имѣли въ своемъ распоряженіи ни средствъ, ни способовъ для управленія епархіями. При такихъ условіяхъ, въ дѣлахъ уніатской церкви съ конца XVIII в. господствовалъ хаосъ. Протоархимандритъ Фальковскій, управлявшій двумя провинціями ордена Литовскою и Русскою, мечталъ о подчиненіи себѣ и Бѣлорусской провинціи, существованіе которой обезпечено было папскими буллами.

Римскіе папы торжественно, рядомъ буллъ утвердили и обезпечили для уніатовъ образъ богослуженія на славянскомъ или церковномъ языкѣ, права и обряды греческой церкви. Но эти обязательства были парализованы всею политикою Рѣчи Посполитой и видоизмѣнялись по мѣрѣ развитія усилій базиліанскаго ордена къ латинизаціи обрядовъ; монашеское званіе, вездѣ почитаемое народомъ за святость жизни, самоотверженіе и другія христіанскія добродѣтели, въ Литовской Руси, въ значительной мѣрѣ населенной издревле русскими, съ XVII столѣтія было избрано орудіемъ для послѣдовательнаго уклоненія уніи отъ ея первоначальныхъ основъ и совершеннаго порабощенія латинству. Съ этою цѣлью въ монашескій санъ ордена св. Василія допущены были лица латинскаго исповѣданія, нерѣдко не умѣвшія даже читать по славянски. Въ своихъ многочисленныхъ школахъ базиліанцы давно, особенно же послѣ Замойскаго собора, отдавали предпочтеніе языку латинскому, такъ что славянскій едва находилъ убѣжище въ церковномъ клирѣ. Неумѣніемъ читать по церковно-славянски базиліанскіе монахи даже гордились передъ бѣлымъ или свѣтскимъ духовенствомъ. Русскій языкъ, вопреки постановленію синода 1626 г. и даннымъ обѣтамъ, былъ совершенно выведенъ изъ употребленія въ школахъ затѣмъ, а замѣненъ языкомъ польскимъ и въ офиціальной перепискѣ, и въ школахъ, и въ част-

[1]) Папскія буллы, на которыя мы будемъ ссылаться, не нравились базиліанамъ, особенно: буллы папы Иннокентія X—1624 г. и Бенедикта XIV—1753 г.; сравн. постановленія Замойскаго собора 1721 г.

номъ быту. Въ началѣ настоящаго столѣтія только священники объясняліcь по русски, но ихъ дѣти обучались уже на польскомъ языкѣ!

Попытки архіепископа Лисовскаго къ возстановленію чистоты греческаго богослуженія и церковнаго благолѣпія въ храмахъ, по чину Восточной церкви, въ Бѣлоруссіи, при императорѣ Павлѣ I, возбудивъ неудовольствіе римскихъ католиковъ, особенно помѣщиковъ, и встрѣтивъ противодѣйствіе въ базиліанскомъ орденѣ, были остановлены предписаніями изъ столицы. Уніатская церковь, по видимому, отдавалась въ жертву римско-католической коллегіи, въ которой уніаты не имѣли даже своихъ представителей [1]). Само правительство, не считая унію особымъ отъ римскаго католичества исповѣданіемъ, не обращало никакого вниманія на совращеніе уніатовъ въ католицизмъ и почему-то надѣялось на добровольный переходъ уніатовъ въ православіе, въ господствующую вѣру. Но и такая скромная политика не могла успокоить руководителей римско-католической вѣры и польскую партію въ столицѣ. А латинское духовенство не теряло времени.

Послѣ Замостьскаго собора, въ первую четверть XVIII столѣтія, уніатскимъ священникамъ велѣно обрить бороды, вмѣсто рясъ приказано имъ носить католическія сутаны, въ уніатскихъ церквахъ предписано вводить органы, снимать иконостасы, употреблять читаемыя литургіи (мессу), подражать латинянамъ въ обрядахъ, вводить колокольчики и безпрерывное присѣданіе священника на колѣни (przyklękanie), принимать добавочные католическіе праздники, почитать нѣкоторыхъ латинскихъ святыхъ. Многія церкви, располагавшія болѣе значительными фундушами, обращены были въ монастыри, а капиталы, завѣщанные основателями, нѣкогда православными людьми, обращены были на процвѣтаніе базиліанскаго ордена, доступъ въ который открытъ лицамъ латинской вѣры. Такая же участь постигла и капиталы, завѣщанные на епархіальныя семинаріи. Духовное образованіе уніатскихъ священниковъ оставлено съ намѣреніемъ въ совершенномъ пренебреженіи; матеріальный же ихъ бытъ, подъ гнетомъ ктиторовъ, какъ и бытъ крестьянъ подъ властью помѣщиковъ, доведенъ былъ до состоянія нищенства. На униженныхъ уніатовъ со всѣхъ сторонъ сыпались удары.

Такъ смутно было положеніе вещей въ первые годы по присоединеніи къ Россіи областей, населенныхъ русскими уніатами.

---

[1]) „Такъ какъ они [уніаты], присоединенные или къ намъ, или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ не могутъ имѣть въ департаментѣ римско-католической коллегіи". 1. П. С. З., № 19706. Именн. указъ, 29-го декабря 1800 г.

Но всякая новая мѣра, доведенная до крайности, возбуждаетъ реакцію. Еще папа Бенедиктъ XIV, за нѣкоторое время до изгнанія іезуитовъ изъ Польши, 14-го августа 1753 года издалъ знаменитую буллу, поразившую не въ мѣру усердныхъ уніатскихъ монаховъ въ самое сердце. Булла эта извѣстна подъ названіемъ „Bulla et Brevia summ. Pontificum“. На нее не любили ссылаться базиліане, но о ней помнило бѣлое духовенство. Въ ней папа упрекалъ уніатскаго митрополита и епископовъ, происходившихъ изъ базиліанъ, за пренебреженіе ихъ къ образованію свѣтскаго клира. „Каждый изъ васъ“, пишетъ папа Бенедиктъ XIV,—„для управленія епархіей долженъ имѣть многихъ чиновниковъ и официаловъ; вы, между тѣмъ, возлюбленные братья, хотите потому-то, чтобъ эти должности занимали монашествующіе, а не лица изъ свѣтскаго клира“ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же папа опредѣлилъ сумму на устройство и содержаніе высшей богословской школы въ Вильнѣ, извѣстной подъ именемъ папскаго алумната, для образованія клириковъ изъ бѣлаго духовенства, по нѣскольку человѣкъ изъ каждой епархіи. По уставу, воспитанники алумната не имѣли права вступать въ монашество и предназначались для занятія высшихъ духовныхъ должностей въ уніатскихъ епархіяхъ, до епископа включительно „usque ad episcopatum“. Не смотря на свое кратковременное существованіе, Виленская богословская школа дала бѣлому уніатскому духовенству каждой епархіи по нѣскольку священниковъ, отличавшихся достаточнымъ богословскимъ образованіемъ и занимавшихъ поэтому должности протопресвитеровъ или каноников въ епархіяхъ и официаловъ при епископахъ. Въ Полоцкой епархіи мѣсто официала консисторіи занималъ сначала каноникъ Григорій Кохановичъ, потомъ каноникъ—архипресвитеръ Іоаннъ Красовскій, происходившій изъ старинныхъ галицкихъ русскихъ дворянъ, съ гербомъ ястржембецъ. Другіе—Савиничъ, Михаилъ Копецкій, Стефанъ Лопушинскій, Конюшевскій, Родзевичъ, съ званіемъ протопресвитеровъ и каноников соединяли обязанности благочинныхъ. Эти воспитанники алумната и другіе образованные священники, какъ напримѣръ, Глыбовскій, Демяновичъ, Ермоловичъ, были ближайшими сотрудниками архіепископа Лисовскаго по исправленію греко-восточныхъ обрядовъ и возобновленій въ церквахъ иконостасовъ [1]).

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ къ реформѣ уніатской церкви въ Полоцкой епархіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, сообщаетъ въ своихъ запискахъ архіепископъ Василій Лужинскій.

Нѣсколько позже обнаружилась дѣятельность на пользу своей церкви воспитанниковъ Виленскаго алумната въ Брестской епархіи: они вошли въ составъ капитула, возстановленнаго въ силу постановленій того же папы Бенедикта XIV. Силы бѣлаго духовенства здѣсь были, такъ-сказать, сконцентрированы; но капитулъ не находилъ себѣ поддержки у епархіальныхъ епископовъ и сначала могъ дѣйствовать только посредствомъ робкихъ протестовъ. Епископъ Іосафатъ Булгакъ, находясь подъ вліяніемъ іезуитовъ базиліанскаго ордена, поддерживалъ стремленія латинизаторовъ въ борьбѣ съ архіепископомъ Лисовскимъ; будучи самъ воспитанникомъ римской коллегіи и происходя изъ польскихъ дворянъ помѣщиковъ, онъ считалъ образованіе для бѣлаго духовенства совершенно лишнею роскошью. Напротивъ Брестскій капитулъ, состоявшій изъ болѣе образованныхъ священниковъ епархіи, еще въ началѣ XIX вѣка пріобрѣлъ особенное значеніе не только въ своей Брестской епархіи, но и во всей греко-уніатской церкви, какъ противодѣйствующая сила базиліанскому ордену. Это былъ тяжелый молотъ, наносившій послѣдовательные и всегда вѣрные удары базиліанскому институту въ церковной уніи. Въ этомъ капитулѣ заявили свою дѣятельность на пользу церкви съ конца прошлаго вѣка точно также воспитанники папскаго алумната, какъ напримѣръ: Антоній Тупальскій, Ѳома Восцелловичъ, Антоній Шиманскій, Антоній Михальскій и другіе. Значеніе Брестскаго капитула въ Западной Россіи замѣтно возростало, послѣ смерти митрополита Лисовскаго, съ 1810 года. Со времени присоединенія Бѣлостоцкой области къ Россіи, Супрасльская епархія вошла въ составъ Брестской, а бывшій въ ней капитулъ, учрежденный папою въ 1796 г., фактически былъ слитъ съ Брестскимъ. Немногочисленное духовенство бывшей Супрасльской епархіи съ своимъ капитуломъ отличалось отъ другихъ епархій своею сплоченностью и рѣшимостью отстаивать права своей церкви. Десятилѣтнее господство Пруссіи развило въ духовенствѣ бывшаго Подлясья политическій смыслъ и самообладаніе. Опасность прозелитизма заставила священниковъ Подлясья сплотиться подъ защитой нѣкогда знаменитой Супрасльской лавры [1]).

---

[1]) Арх. св. син. Дѣла 2-го департ. римско-католической коллегіи: 1807 г. № 40, 1808 г. № 23, 1809 г. № 4, 23 и 38. Здѣсь епископомъ былъ *Духновскій*, членъ Брестскаго капитула; онъ заботливо поддерживалъ Супрасльскую семинарію и завѣщалъ на нее капиталъ въ 40,000 злотыхъ. Значеніе Супрасльскаго монастыря въ уніи видно изъ исторіи его, составленной по документамъ богатаго архива.

Въ началѣ царствованія императора Александра I римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ, удаленный отъ дѣлъ по проискамъ патера Грубера и іезуитовъ, за-одно съ которыми дѣйствовала римско-католическая коллегія, въ силу новаго положенія 1801 г. объ управленіи дѣлами католической церкви, былъ назначенъ ея президентомъ и такимъ образомъ снова сталъ во главѣ правительства латинской церкви въ Россіи, къ немалому неудовольствію іезуитовъ и папы. Сестренцевичъ, получившій всестороннее образованіе въ разныхъ заграничныхъ университетахъ и научившійся многому изъ своего путешествія по Европѣ, рѣзко отличался отъ современнаго ему латинскаго духовенства, представляя, можно сказать, исключительное явленіе въ своей средѣ. Онъ не былъ слѣпымъ фанатикомъ и сознавалъ всю фальшь притязаній Римской куріи и внутреннія язвы папской власти. Къ тому же римско-католическій митрополитъ имѣлъ много личныхъ поводовъ ненавидѣть іезуитовъ. Сестренцевичъ благопріятствовалъ уніатскому архіепископу Ираклію Лисовскому, который, пользуясь происками протоархимандрита Новаковскаго, стремившагося при содѣйствіи членовъ коллегіи іезуитовъ, прокурора той же коллегіи и Брестскаго епископа Іосафата Булгака къ слитію всѣхъ базиліанскихъ провинцій въ одно цѣлое, рѣшился продолжать реформы въ уніатской церкви, начатыя-было еще императрицею Екатериною II, но остановленныя при императорѣ Павлѣ I. Игуменъ Полоцкаго базиліанскаго монастыря Новаковскій, опираясь на архіепископа Лисовскаго, представилъ въ сенатъ объясненія на незаконныя дѣйствія орденскаго капитула, созваннаго въ Тороканахъ, и между прочимъ о противозаконномъ отчужденіи помѣщеній виленскаго алумната бывшимъ его ректоромъ монахомъ Лешинскимъ и епархіальнымъ епископомъ Булгакомъ. Сенатъ принялъ сторону игумена Новаковскаго, не утвердилъ постановленій орденскаго капитула, смѣстилъ трехъ наиболѣе виновныхъ членовъ коллегіи, въ томъ числѣ епископа Бениславскаго, врага Сестренцевича и приказалъ епархіальнымъ архіереямъ имѣть надзоръ за базиліанскими монахами каждому въ своей епархіи [1]). Званіе протоархимандрита было навсегда упразднено.

Возникшая смута въ церкви по проискамъ базиліанскаго ордена не мало огорчала маститаго архіепископа Лисовскаго, который и самъ

---

[1]) I. П. С. З., № 21033. Объ устраненіи безпорядковъ въ управленіи католической церкви, 3-го ноября 1803 г.

испыталъ-было отъ него не мало непріятностей въ царствованіе Павла I, когда вводилъ въ уніатскихъ церквахъ Бѣлоруссіи иконостасы, предлагалъ отправлять богослуженіе въ своей епархіи по московскому Служебнику, надѣлъ рясу православнаго архіерея и отростилъ себѣ бороду. Признавъ необходимость защитить игумена Новаковскаго, онъ командировалъ въ Петербургъ своего архипресвитера Іоанна Красовскаго, умнаго и энергичнаго офиціала, и испросилъ для него аудіенцію у императора Александра I. Красовскій ярко освѣтилъ передъ государемъ униженное и заброшенное положеніе 3.000,000 греко-уніатовъ, подавляемыхъ несправедливымъ преобладаніемъ латинской церкви, и въ подтвержденіе своихъ словъ привелъ нѣсколько фактовъ объ отторженіи въ римскій католицизмъ значительной части бѣлоруссовъ со многими священниками [1]).

Подчиненіе греко-уніатской церкви латинской по регламентамъ 1798, 1800 и 1801 годовъ имѣло печальныя послѣдствія для уніи. Духовенство греко-уніатское, лишенное своей самостоятельности, не имѣвшее даже представителей для защиты интересовъ своей церкви въ коллегіи, разсматривалось какъ духовенство, стоящее ниже латинскаго [2]). Думали, что возсоединеніе значительнаго числа греко-уніатовъ съ православіемъ при императрицѣ Екатеринѣ служило доказательствомъ возможности перехода въ православіе и всѣхъ прочихъ. Но это было глубокимъ заблужденіемъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ правительства, а можетъ быть, дѣйствительно опасаясь потерять жертву своей эксплуатаціи, латиняне объясняли на свой ладъ отзывъ императора Павла о греко-уніатахъ и стали распространять слухи, что правительство уничтожаетъ унію, а потому намѣрено силою обращать въ греко-россійскую вѣру всѣхъ тѣхъ уніатовъ, которые не пристанутъ къ римско-католическому исповѣданію [3]).

---

[1]) *Знаменскій.* Чтенія изъ исторіи Русской церкви за время царствованія императора Александра I. *Правосл. Собес.* 1885 г., августъ, стр. 445. Василія Лужинскаго: Записки въ *Правосл. Собес.* 1884 г., іюнь, стр. 195 и 198.

[2]) *Tolstoy.* Le Catholicisme Romain, t. II, 338. I. II. С. З. XXVIII, № 20939. Какъ видно, римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ собственною властію рукополагалъ въ греко-уніатскіе епископы.

[3]) 1. II. С. З., XXVII, № 20748. Именной 5-го мая 1803 г. данный Бѣлорусскому губернатору Михельсону: „По поводу слуховъ, разсѣваемыхъ ксендзами миссіонерами Освейскаго монастыря, считаю нужнымъ вамъ предписать, чтобы никакъ вы не допускали слуховъ, сего ради распространяемыхъ, поступая по законамъ со всѣми тѣми, кои въ оныхъ будутъ уличаемы“.

Нѣкоторые приходы въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, вслѣдствіе разглашеній и наущеній римско-католическаго духовенства, отложились отъ уніатскаго исповѣданія и причислены были, въ противность законовъ и правилъ каноническихъ, къ католической епархіи со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ имуществомъ [1]). Для вѣрнаго успѣха совращенія полагалось, прежде всего, склонить греко-уніатскихъ священниковъ, за которыми пойдетъ народъ, не имѣющій понятія о различіи между православными и уніей. Помѣщики-ктиторы, въ свою очередь, внушали бѣднымъ уніатскимъ священникамъ, что въ случаѣ непринятія ими латинства, они не только отнимутъ у нихъ приходы, но даже лишатъ ихъ скуднаго имущества, то-есть, лишатъ ихъ насущнаго хлѣба; если же они согласятся перемѣнить религію, то они всегда будутъ пользоваться ихъ благосклоннымъ покровительствомъ и помощью во всѣхъ своихъ нуждахъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторые священники по своему невѣжеству попали въ эту ловушку; они согласились называться католиками и стали убѣждать своихъ прихожанъ слѣдовать ихъ примѣру, между тѣмъ какъ помѣщики, съ своей стороны, приказывали прихожанамъ исполнять требованія отпавшихъ уніатскихъ священниковъ подъ страхомъ наказанія. Но не смотря на всякаго рода жестокости, католики не достигли бы никакого успѣха въ своемъ фанатическомъ предпріятіи, еслибы не прибѣгли къ обману. Бѣлоруссы и малоруссы такъ привязаны къ греческимъ обрядамъ и богослуженію на церковно-славянскомъ языкѣ, что никогда не согласились бы съ ними разстаться. Поэтому римско-католическое духовенство поступало такимъ образомъ: оно ввело только нѣкоторыя добавки въ литургіи и опрѣсноки; всѣ же прочіе обряды были сохранены по прежнему, такъ что крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе и другіе обряды совершались по чину греческой церкви на славянскомъ языкѣ. Внушалось также подъ рукою, что греко-уніаты, подобно католикамъ, вовсе не обязаны соблюдать постовъ—Петровки, Филиповки и даже Великаго поста! Сначала совращенія были единичными, потомъ совращались деревни, и нако-

---

[1]) 1. П. С. З., XXVIII, № 21400. Именной указъ 15-го іюня 1804 г.: „Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы и во всѣхъ вообще губерніяхъ, гдѣ находится унія, наблюдаемо было со всею точностію, дабы католическое мѣстное духовенство не дѣлало никакого притязанія къ уніатамъ, а наипаче воздержалось бы отъ разглашенія объ уничтоженіи уніатскаго исповѣданія и тому подобныхъ наущеній и соблазновъ, общему порядку противныхъ“.

нецъ, цѣлые приходы, послѣ того католики занимали греко-уніатскую церковь и овладѣвали ея фундушами. Такими способами удалось увлечъ до 200,000 уніатовъ въ Бѣлоруссіи. Извѣстный іезуитъ, фанатикъ Шантирь, временно управлявшій Могилевскою римско-католическою епархіей, въ этомъ позорномъ дѣлѣ обнаружилъ особенное искусство. Онъ внушалъ духовенству своей епархіи, что императоръ Павелъ I разрѣшилъ совращеніе греко-уніатовъ въ латинство, что унія уже не можетъ существовать, и что она будетъ уничтожена [1]). Въ томъ же родѣ дѣйствовалъ нѣсколько позже, Минскій римско-католическій епископъ Дедерка, бывшій въ секретной перепискѣ съ іезуитскимъ генераломъ Груберомъ и сносившійся съ Римомъ посредствомъ бывшаго папскаго нунція Литты [2]).

Пользуясь двухлѣтнимъ пребываніемъ Красовскаго въ Петербургѣ, Лисовскій имѣлъ возможность объяснить замыслы латино-польской партіи и исходатайствовать у государя распоряженіе для разрушенія замысловъ іезуитовъ, имѣвшихъ сильную партію въ столицѣ и при дворѣ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду Полоцкую епархію, на которую въ это время только и распространялось вліяніе Лисовскаго. Впрочемъ, съ его взглядомъ согласны были представители бѣлаго духовенства Брестской епархіи, самой обширной и значительной по числу церквей, монастырей и прихожанъ. Въ этой епархіи базиліане, опираясь на Булгака, имѣли тогда еще полное господство въ управленіи дѣлами греко-уніатскихъ церквей.

Архіепископъ Лисовскій былъ достойнымъ представителемъ греко-уніатскаго духовенства, какъ по первенству занимаемой имъ полоцкой каѳедры, такъ и по своимъ заслугамъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Онъ глубоко былъ привязанъ къ греко-восточнымъ обрядамъ и въ своей епархіи всѣми силами противодѣйствовалъ смѣшенію обрядовъ греко-уніатской церкви съ латинскими, къ чему стремились базиліане при польскомъ правительствѣ, особенно въ концѣ прошлаго вѣка. Нужно замѣтить, что еще въ 1785 г. достойный пастырь предлагалъ папѣ уничтожить въ Бѣлоруссіи всѣ

---

[1]) *Tolstoy*. Le Cath. Rom., II, 339—343,—ссылка на „Wiadomości do dziejow Kosciołа etc.“, p. 197. По другимъ свѣдѣніямъ, число совращенныхъ простиралось тогда до 100 тысячъ.

[2]) *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. II, приводитъ факты, обличающіе Дедерку въ тайной перепискѣ съ Литтою. Арх. св. синода по 2-му деп. 1814 г., № 14. О позднѣйшихъ совращеніяхъ греко-уніатовъ въ латинство.

измѣненія, сдѣланныя въ религіозныхъ обрядахъ греко-славянской церкви, которыя такъ настойчиво вводились послѣ Замойскаго собора. Съ согласія папы онъ составилъ церковно-славянскій Служебникъ, приложивъ къ славянскому тексту переводъ литургіи Іоанна Златоуста на латинскомъ языкѣ. Въ своемъ донесеніи по этому поводу онъ приписывалъ бо́льшую часть нововведеній базиліанскимъ монахамъ и доказывалъ кардиналамъ, что даже прибавленіе къ Символу Вѣры „и отъ Сына“ (Filioque) принадлежитъ къ категоріи измѣненій позднѣйшихъ. Подобный пастырь не могъ смотрѣть равнодушно на униженіе греко-уніатской церкви, не могъ переносить хладнокровно совращенія своихъ единовѣрцевъ въ совершенно чуждое имъ исповѣданіе: „Хорошо знаю“, говорилъ онъ, — „что римляне по отношенію къ намъ имѣютъ дурные замыслы; ихъ постоянныя двухвѣковыя преслѣдованія греко-уніатовъ направлены къ одной цѣли— къ нашему порабощенію“ [1].

Жалобы, приносимыя витебскими, могилевскими и частью минскими греко-уніатами, подтверждались губернскими властями, мѣстнымъ русскимъ духовенствомъ и безпристрастными жителями. Представленія архипресвитера Красовскаго о преслѣдованіяхъ бѣлорусскихъ греко-уніатовъ и совращеніе значительнаго ихъ числа въ латинство побудили императора Александра I въ рескриптѣ на имя генерала отъ кавалеріи Михельсона, отъ 4-го іюля 1803 г., повелѣть принять соотвѣтственныя мѣры для охраненія греко-уніатовъ отъ притѣсненій: „Сближеніе уніи съ православнымъ греческимъ исповѣданіемъ даетъ ей право на сіе покровительство“.... „Та же самая терпимость, которая заставляетъ правительство не прикасаться къ убѣжденіямъ совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять“ [2]. Губернское начальство— разъяснено далѣе въ рескриптѣ—не только не должно было оказывать содѣйствія симъ притязаніямъ, но и всѣми мѣрами обязано было за-

---

[1]) *Tolstoy.* Le Cath. Rom., II, 344.

[2]) 1. П. С. З., № 20837, именной военному губернатору Михельсону, отъ 4-го іюля 1803 года.

щищать уніатовъ въ притѣсненіяхъ отъ католиковъ. Военному губернатору предписано строго наблюдать за всѣми покушеніями, какія могутъ происходить со стороны духовныхъ католическихъ начальствъ къ стѣсненію народной совѣсти. Въ то же время митрополиту римскихъ церквей Сестренцевичу, по должности предсѣдателя римско-католической коллегіи, внушено было въ точности слѣдовать предписаніямъ указа, по званію же архіепископа Могилевскаго—принять къ наблюденію и отвѣту, чтобы не было наносимо не только стѣсненій и совращеній, но и малѣйшаго прикосновенія свободѣ совѣсти уніатовъ отъ духовнаго католическаго начальства [1]).

Представленія Лисовскаго о несправедливомъ подчиненіи русской греко-уніатской церкви латинянамъ и талантливое изложеніе фактовъ Красовскимъ о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ уніатами отъ латынянъ произвели сильное впечатлѣніе на государя юнаго, чувствительнаго, уважавшаго законность и права. Но къ сожалѣнію, въ самой организаціи высшаго управленія дѣлами греко-уніатской церкви были крупные недостатки; поэтому намѣренія Александра I не были осуществлены во всей полнотѣ: правительственныя лица, случалось, разрушали то, что̀ предписывалось къ исполненію въ высочайшихъ указахъ. Не считали для себя обязательными высочайшіе указы, вызванные событіями въ Полоцкой епархіи, греко-уніатскіе епархіальные начальники—Брестскій Булгакъ и Луцкій—Левинскій.

Правительственныя мѣры, стремившіяся къ освобожденію греко-уніатской церкви, приводились въ исполненіе въ теченіе шести лѣтъ къ ряду, то-есть, до самой кончины великаго іерарха Лисовскаго. Но выполненію преобразовательныхъ плановъ Лисовскаго искусно противодѣйствовала латино-польская партія въ столицѣ и въ провинціяхъ. Іезуиты отстаивали преимущества римско-католическихъ орденовъ, не исключая базиліанскаго; князь Чарторыйскій, въ качествѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа и товарища министра иностранныхъ дѣлъ, развивалъ планъ народнаго образованія въ духѣ польской національности и въ то же время проповѣдывалъ въ петербургскихъ салонахъ о необходимости освобожденія греко-славянъ отъ турецкаго ига; даже митрополитъ Сестренцевичъ, возстановленный въ своемъ достоинствѣ, не только потерялъ прежнюю энергію по

---

[1]) 1. П. С. З., № 20838, именной митрополиту р.-к. церкви Сестренцевичу 6-го іюля 1803 года.

отношенію къ іезуитамъ, но, чувствуя свое безсиліе для борьбы съ іезуитскою партіей въ столицѣ, обнаружилъ не свойственную его образу мыслей ультрамонтанскую ревность въ пропагандѣ латинства между греко-уніатами [1]).

Мѣры въ отношеніи греко-уніатовъ, въ періодъ съ 1803 по 1809 г., заслуживаютъ однако вниманія историка, потому что въ нихъ еще въ началѣ XIX вѣка правительство ярко выражало свое стремленіе освободить греко-уніатскую церковь отъ тяжкаго ига латинизаторовъ и желаніе загладить ошибки, вслѣдствіе которыхъ милліоны русскихъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ продолжали находиться въ матеріальномъ и нравственномъ порабощеніи. Но для исполненія этихъ желаній требовалось много условій.

Для исполненія плана улучшеній, задуманныхъ архіепископомъ Лисовскимъ, требовалось прежде всего единодушіе правительственныхъ органовъ, а тутъ-то и обнаружились колебанія на ту или другую сторону, желаніе удовлетворить той и другой партіи, какъ бы помирить ихъ. Поэтому являлись полумѣры, дававшія поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ, и образовалось широкое поле для интриги, для борьбы партій въ коллегіи и епархіяхъ. Нерѣшительность дѣйствій правительственныхъ органовъ только усиливала дерзость римскихъ католиковъ и ихъ друзей базиліанскихъ монаховъ. Постановленія о возстановленіи духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона (13-го ноября 1801 года), которымъ подчинялась русская греко-уніатская церковь, предоставляли базиліанскому ордену право почти независимаго учрежденія отъ архі-

---

[1]) 1. П. С. З., № 21160—сенатскій 17-го февраля 1804 года; № 21291—сенатскій 17-го мая 1804 года; № 21400—именной Бѣлорусскому военному губернатору, 15-го іюля 1804 года; № 21467—штаты уніатскихъ консисторій, 28-го сентября 1804 года; № 21836—сенатскій, 16-го іюля 1805 г.; № 22264—уставъ главной духовной семинаріи, 6-го сентября 1806 года; № 22397—Полоцкая семинарія, 16-го декабря 1806 года; № 23482 — возстановленіе Литовской (Виленской) митрополичьей епархіи, 14-го февраля 1809 года. Сравн. *Морошкина:* Іезуиты въ Россіи; Груберъ, испрашивая у государя покровительство іезуитскому ордену, писалъ, между прочимъ, что у него *нѣтъ подданныхъ, столь неизмѣнно преданныхъ и столь вѣрныхъ, какъ члены этого самаго общества*", II, стр. 34. Съ Груберомъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, II, стр. 103. Успѣхи іезуитской пропаганды въ С.-Петербургѣ, II, стр. 108 и слѣд.

ерейской власти [1]). Самая существенная просьба греко-уніатовъ о совершенномъ отдѣленіи ихъ церкви отъ вліянія латинскаго духовенства такимъ образомъ осталась безъ удовлетворенія.

Въ 1804 году бѣлое духовенство получило право на представительство своихъ членовъ въ римско-католической коллегіи. Для присутствія въ коллегіи назначены епископъ и три ассессора (засѣдателя), по одному отъ каждой епархіи; каждому члену дано два голоса, чтобы уравновѣсить голоса съ восемью представителями латинскихъ епархій. Но съ самаго начала занятій въ коллегіи обнаружились неудобства такого смѣшенія. Брестскій епископъ Булгакъ, изъ базиліанъ, оказался сторонникомъ латинянъ. Къ депутатамъ изъ бѣлаго духовенства католическіе члены относились съ пренебреженіемъ; греко-уніаты должны были употребить неимовѣрныя усилія для защиты своихъ мнѣній, относящихся ко благу церкви; вмѣсто соединенія, въ засѣданіяхъ коллегіи господствовало постоянное разногласіе и неприличное возбужденіе противъ архіепископа Лисовскаго. Поэтому Лисовскій представилъ чрезъ князя Голицына на высочайшее усмотрѣніе въ іюнѣ 1805 г. записку въ формѣ доклада, съ изложеніемъ преслѣдованій, которымъ всегда подвергалась греко-уніатская церковь со стороны латинской [2]).

„Высочайшее повелѣніе 12-го іюля 1804 года", писалъ Лисовскій,— „доставило греко-уніатской церкви новое существованіе и возвысило ее на степень соотвѣтственную съ достоинствомъ ея обряда; но духовенство латинское, находя, что оно лишено права притѣснять и преслѣдовать греко-уніатовъ, отнеслось съ негодованіемъ къ мѣрамъ по улучшенію положенія уніатовъ". Выставивъ случаи притѣсненія

---

[1]) „Новое постановленіе о латинской церкви", говоритъ Морошкинъ,—„представляло монашескимъ орденамъ самоуправленіе, независимое отъ вліянія епархіальныхъ архіереевъ, и начальники монастырей, равно какъ и монастыри, имѣли только формальное или номинальное отношеніе къ епархіальнымъ архіереямъ; архіереи обязаны были доносить коллегіи о всякомъ, свѣдѣнія достойномъ, происшествіи въ монастыряхъ, находящихся въ ихъ епархіяхъ и т. д., но не имѣли права вмѣшиваться во внутреннее управленіе монастырей, какъ-то: избраніе монастырскихъ начальниковъ, провинціаловъ, хозяйственныя распоряженія, монастырскую дисциплину, поведеніе монаховъ, выборъ въ монахи" и т. п. „Іезуиты въ Россіи", т. II, стр. 58. Также Wiadomości niektóre do dziejow kościoła katolickiego w Polsko-Rossyjskich Prowinciach, Ustęp, str. 40—44.

[2]) Эта замѣчательная записка цѣликомъ помѣщена въ приложеніи № 24 къ сочиненію графа *Толстаго*: Le Cath. Rom., II, стр. 510 и слѣд.

и насилія со стороны латинянъ, архіепископъ Лисовскій проситъ князя Голицына (занимавшаго должность оберъ-прокурора св. синода) довести до свѣдѣнія Государя Императора о необходимости совершеннаго отдѣленія греко-уніатской церкви отъ латинской и о назначеніи его, архіепископа Полоцкаго, по праву (согласно постановленіямъ Замойскаго собора 1721 года) митрополитомъ. Этому назначенію противится римско-католическая коллегія безъ всякихъ законныхъ основаній. Она намѣревается подчинить всѣхъ греко-уніатовъ духовной власти римскаго митрополита въ Россіи, что̀ не имѣетъ никакого смысла. Греко-уніаты по своимъ правамъ, обычаямъ, обрядамъ, по своимъ духовнымъ учрежденіямъ и по всему своему составу, равно какъ по своимъ достоинствамъ, суть греки. Греки же, въ дѣлахъ духовныхъ управлялись непосредственно своими восточными патріархами; греко-уніаты, со времени духовнаго союза съ папою въ 1595 г., постоянно заботились о сохраненіи своей зависимости отъ восточнаго патріарха, при чемъ его власть въ отношеніи наименованія епископовъ и архіепископовъ, осмотра церквей, духовной дисциплины и т. п. перешла къ греко-уніатскимъ митрополитамъ. И Римскіе папы не присвоивали себѣ митрополичьей власти въ уніи. Существующій нынѣ порядокъ смѣшенія обрядовъ въ греко-уніатской церкви составляетъ общественное зло и служитъ только предлогомъ каждому лицу въ отдѣльности измѣнять постановленія свв. отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ къ великому соблазну и униженію церкви православной. „Если противъ всякаго ожиданія, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, будетъ признано нужнымъ оставить греко-уніатскій народъ въ совращеніи (по невѣдѣнію), а духовенство (въ этихъ приходахъ) будетъ исповѣдывать латинство, въ такомъ случаѣ, я по долгу совѣсти, равно какъ для защиты и ради достоинства греческаго обряда, къ которому я искренно привержень, вынужденъ буду принять самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы заставить прекратить злоупотребленія, происходящія отъ смѣшенія обрядовъ греческихъ съ латинскими“.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на искусственное соединеніе двухъ церквей подъ властью папы, русскіе греко-уніаты не только были очень далеки отъ латинства, но всегда относились къ нему враждебно. Между тѣмъ правительственныя власти въ Россіи, вопреки ходатайству Лисовскаго и дѣйствительной пользѣ для церкви, продолжали поддерживать искусственное соединеніе обѣихъ церквей;

только снисходя къ настояніямъ Лисовскаго, принуждены были образовать особый департаментъ въ римско-католическской коллегіи; но при этомъ дѣла общія обоихъ исповѣданій должны были разсматриваться въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ: 1-го римско-католическаго и 2-го греко-уніатскаго [1]). Епископъ Булгакъ былъ отозванъ изъ Петербурга, а предсѣдателемъ вновь образованнаго департамента назначенъ архіепископъ Лисовскій [2]). За симъ, 24-го іюля 1806 г. Лисовскій былъ назначенъ митрополитомъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи [3]).

Возстановленіемъ достоинства греко-уніатскаго митрополита, къ крайнему неудовольствію латинянъ, имѣлось въ виду, безъ сомнѣнія, поддержать падающую унію, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать греко-уніатской церкви нѣкоторую независимость. Но отдѣленія греко-уніатской церкви отъ латинской не послѣдовало; власть митрополита осталась скованною регламентомъ 1801 г.: базиліанскій орденъ продолжалъ быть независимымъ отъ власти архіереевъ. Дѣло въ томъ, что князь Голицынъ, къ которому обратился Лисовскій, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шантыремъ, извѣстнымъ іезуитскимъ пропагандистомъ; поэтому предложенія Лисовскаго принимались Голицынымъ неохотно, и многія намѣренія уніатскаго митрополита не осуществились.

Лисовскій, занявъ митрополичью каѳедру, старался вводить въ своей епархіи заимствованные у латинянъ обряды и поддержать внутреннее устройство греко-восточной церкви [4]). Но ему не удалось возстановить чистоту греческихъ обрядовъ въ другихъ епархіяхъ, какъ видно изъ жалобъ, доходившихъ въ столицу, отъ представителей бѣлаго духовенства Брестской епархіи. Въ 1806 г. онъ предписалъ греко-уніатскому духовенству, чтобы въ богослуженіи поминалось сначала имя императора, а потомъ папы. Но за симъ Лисовскій безуспѣшно ходатайствовалъ о подчиненіи базиліанскаго ордена епархіальнымъ епископамъ, о возстановленіи указа императрицы Екатерины (1795 г.) касательно закрытія излишнихъ базиліанскихъ монастырей съ обращеніемъ церковныхъ фундушей, которыми базиліане овладѣли

---

[1]) П. С. З., XXVIII, № 21836. Именной указъ сенату, 16-го іюля 1805 г.

[2]) Архивъ св. синода 1805 г., № 24, 2-го января 1806 г.

[3]) Архивъ св. синода по 2-му департ. 1806 г., № 33.

[4]) Такъ однажды онъ писалъ: „Нѣкоторые обряды и обычаи латинянъ были введены у греко-уніатовъ, но съ нѣкотораго времени я совершенно ихъ вывелъ въ моей епархіи, возстановляя во всей чистотѣ, какъ должно, всѣ обряды *греко-россійской церкви*". *Tolstoy*. Le Cathol. Rom., II, p. 348.

насильственно, на устройство епархіальныхъ семинарій и каѳедральныхъ штатовъ, и вообще на удовлетвореніе нуждъ бѣлаго духовенства во всѣхъ епархіяхъ. Дѣла эти большею частью останавливались на полдорогѣ—то за неимѣніемъ свѣдѣній, то за справками, то по противодѣйствію епископа Булгака, или по неправильному заключенію прокурора коллегіи, или за невѣрностью справокъ, въ которыхъ немилосердно подтасовывались законы. А между тѣмъ въ то же время отъ латынянъ шли предложенія, задерживавшія теченіе дѣлъ по проектамъ Лисовскаго!... Напрасно также Лисовскій добивался уничтоженія права патронатства или ктиторства. „Право патронатства", писалъ Лисовскій въ своемъ представленіи,—„крайне несправедливо по отношенію къ сиротамъ умершихъ священниковъ, потому что ктиторы, представляя въ настоятели приходовъ по своему усмотрѣнію священниковъ, оказавшихъ какія-либо услуги имъ лично, принуждаютъ меня утверждать этихъ кандидатовъ, вовсе не заботясь о томъ, куда я дѣну бѣдныхъ сиротъ, утверждать же ихъ, говорю, я долженъ безусловно, и ввѣрять имъ приходы. Имѣя въ виду, что патронатство не существовало прежде и не существуетъ теперь въ церкви Восточной, что назначеніе въ приходы и помѣщеніе сиротъ зависитъ отъ власти епархіальныхъ архіереевъ непосредственно, что, кромѣ того, право патронатства у греко-уніатовъ заимствовано отъ духовенства римско-католическаго, что наконецъ, ктиторы затрудняютъ меня тяжбами, потому что, по законнымъ причинамъ, я не даю приходовъ тѣмъ, которыхъ они избираютъ по своимъ капризамъ, я осмѣливаюсь (на сей предметъ) испросить высочайшее утвержденіе, чтобы, относительно назначенія священниковъ, на греко-уніатовъ распространены были права и преимущества восточной церкви" [1].

Ходатайства митрополита или оставались безъ вниманія, или же хотя и одобрялись, но не получали исполненія, не смотря на то, что съ предложеніями и доводами Лисовскаго соглашались департаментъ римско-католической коллегіи и министръ юстиціи [2]. Въ патронатствѣ дѣйствительно признавали зло, а между тѣмъ оно сохранено было во всей силѣ. Послѣдовалъ высочайшій указъ о приведеніи въ исполненіе указа Екатерины II относительно закрытія лишнихъ монастырей, но эта необходимая мѣра, безъ разрѣшенія которой не-

---

[1] *Tolstoy*. Le Cathol. Rom., II, 349.

[2] Архивъ св. синода по 2-му департаменту за время отъ 1805 до 1809 г. особенно: 1807 г., № 17, 1808 г., № 16.

мыслимы были какія-либо преобразованія въ церкви, остановилась въ самомъ зародышѣ. Коллегія даже не знала, какими фундушами и капиталами владѣлъ базиліанскій орденъ. Рѣшено было произвести описи, но и описи, какъ увидимъ, не были доведены до конца, или же онѣ производились самими провинціалами, безъ должнаго контроля епископовъ [1]). Послѣ извѣстнаго дѣла 1803 г. о безпорядкахъ въ управленіи римско-католической церкви, регламентъ 1801 г. дополненъ указомъ, повелѣвавшимъ подчинить базиліанскихъ провинціаловъ наблюденію епархіальныхъ архіереевъ, „яко главныхъ начальниковъ“, но въ дѣйствительности зависимость ордена отъ епископовъ осталась номинальною: согласно регламенту 1801 года, базиліанскіе монастыри управлялись провинціалами, консультой и настоятелями, которые замѣщались по выборамъ, черезъ каждые четыре года, и къ этимъ выборамъ епархіальные архіереи не имѣли никакого отношенія. Поэтому епархіальные архіереи не только не представляли своевременно отчетовъ о состояніи базиліанскихъ монастырей и проч. во 2-й департаментъ, но и сами не имѣли вѣрнаго понятія о фундушахъ и капиталахъ базиліанскихъ провинцій; своимъ имуществомъ орденъ продолжалъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію, не давая никому отчета въ доходахъ и расходахъ. Въ свою очередь и 2-й департаментъ по духу регламента 1801 года не могъ имѣть вліянія на базиліанскій орденъ, не смотря на то, что въ засѣдатели (съ 1805 г.) опредѣлялись каждые три года прелаты и каноники изъ бѣлаго духовенства, по выбору епископовъ. Понятно также, почему и консисторіи не имѣли рѣшительно никакого значенія для провинціаловъ [2]).

---

[1]) Еще римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ представлялъ соображенія о подчиненіи римско-католическихъ монашескихъ орденовъ епархіальнымъ епископамъ, объ уничтоженіи патронатства и о реформѣ въ управленіи церковными имуществами съ устраненіемъ экономовъ духовныхъ. Но проектъ Сестренцевича былъ обнаруженъ іезуитами ранѣе доклада его государю министромъ Лопухинымъ, и князь Голицынъ, настроенный Шантыремъ и другими пособниками іезуитовъ, умѣлъ доложить, что исполненіе проекта ведетъ къ неудобствамъ. Объ отобраніи имущества отъ латинскихъ монастырей и церквей, въ томъ числѣ и отъ уніатскихъ, подалъ записку и прокуроръ коллегіи Овцынъ подъ заглавіемъ „О римско-католическомъ монашествѣ и бѣломъ духовенствѣ“. Послѣ смерти государя записка Овцына передана въ 1826 г. министру А. С. Шишкову. Этотъ интересный документъ помѣщенъ у *Морошкина*, ч. II, стр. 242, и мы къ нему возвратимся въ своемъ мѣстѣ.

[2]) I. П. С. З. 1803, XXVII, 21,033. 1804 г. XXVIII, №№ 21,160, 21,393, 21,400, 21,467; 1805 г. № 21,836. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1806 г., №№ 24, 27, 29.

Очевидно, что правительство того времени не давало себѣ отчета въ уніатскомъ вопросѣ, не знало, что̀ такое греко-уніатское духовенство, и по видимому, чистосердечно принимало греко-уніатовъ за римскихъ католиковъ. Кочубей, Лопухинъ, Завадовскій, Разумовскій, Голицынъ и другіе государственные люди того времени благопріятствовали іезуитамъ и латино-польской партіи и въ ихъ интересахъ направляли всѣ дѣла въ западныхъ губерніяхъ; послѣдніе же по ихъ понятіямъ были губерніями польскими [1]. Поэтому и все исходившее откуда-либо въ защиту угнетенной греко-уніатской церкви правительственныя лица разрѣшали такъ, чтобы по возможности удовлетворить обѣ стороны, а чаще всего въ интересахъ латинянъ. Но въ дѣлахъ внутреннихъ, административныхъ пріемы дипломатическіе ведутъ лишь къ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ, взаимнымъ неудовольствіямъ, пререканіямъ. Сама верховная власть при этомъ теряетъ должную силу и энергію. Уніатскій вопросъ, который былъ уже такъ близокъ къ разрѣшенію въ извѣстномъ смыслѣ при Лисовскомъ, запутался послѣ его смерти, именно вслѣдствіе господства въ столицѣ, во всѣхъ вѣдомствахъ и въ самомъ обществѣ, стихій враждебныхъ православію и русской народности въ западныхъ губерніяхъ. Всякаго рода мѣру, клонившуюся къ улучшенію бѣлаго духовенства, къ очищенію обрядовъ греко-уніатской церкви отъ латинскихъ примѣсей, къ освобожденію греко-уніатской церкви отъ латинской, департаментскіе чиновники, какъ и ихъ начальники, объясняли какими-либо личными побужденіями, вовсе не подозрѣвая, что они подъ диктовку іезуитовъ и базиліанъ рыли яму для своей вѣры, своей народности, своего отечества.

При всемъ томъ идеи Лисовскаго не только не погибли, но напротивъ того нашли сильную поддержку въ капитулахъ. Для своего времени Лисовскій сдѣлалъ очень много, особенно для духовнаго образованія бѣлаго духовенства. Онъ устроилъ Полоцкую семинарію и, предложивъ открыть семинаріи въ другихъ епархіяхъ на счетъ фундушей и нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей, поддерживалъ просьбы бѣлаго духовенства объ образованіи въ главной духовной семинаріи при

[1]) Вотъ что̀ говоритъ Морошкинъ о государственныхъ людяхъ первой эпохи царствованія императора Александра I: „Наши министры приносили въ портфеляхъ своихъ іезуитскіе проекты въ сенатъ, государственный совѣтъ, къ самому государю, и съ видомъ глубокомысленности, широкаго пониманія государственныхъ интересовъ, тянули тутъ фальшивую ноту подъ іезуитскую дудку и играли одну изъ самыхъ жалкихъ и зловредныхъ ролей для Россіи“, ч. II, стр. 257.

Виленскомъ университетѣ отдѣла для греко-уніатскихъ клириковъ съ содержаніемъ на счетъ доходовъ базиліанскихъ монастырей. Эта мѣра была необходимою и справедливою, потому что папскій алумнатъ съ высшими богословскими курсами былъ упраздненъ съ 1799 года по винѣ базиліанъ. Главную духовную семинарію, учрежденную по мысли и настоянію князя Чарторыйскаго, вопреки противодѣйствію монашескихъ орденовъ, оба митрополита, Лисовскій и Сестренцевичъ, согласились подчинить надзору свѣтскаго начальства, дабы такимъ образомъ избавить будущихъ пастырей (и въ римской, и въ греко-уніатской церкви) отъ опаснаго вліянія іезуитскаго, базиліанскаго и другихъ монашескихъ орденовъ. Такой взглядъ на вопросъ объ образованіи духовенства въ то время преобладалъ въ обществѣ. Съ видами митрополита Лисовскаго (относительно уніатовъ) совпадали намѣренія римско-католическаго митрополита Сестренцевича (въ отношеніи католиковъ) и планы Адама Чарторыйскаго (по части образованія юношества). Оттого, можетъ быть, и удалось устроить главную духовную семинарію въ Вильнѣ, не смотря на рѣшительное и самое упорное противодѣйствіе монашескихъ сословій обоихъ обрядовъ [1]). Противо-іезуитскимъ направленіемъ отличался духъ преподаванія въ семинаріи Австрійской имперіи, а по образцу Вѣнской главной семинаріи устраивалась и Виленская.

Для приведенія въ исполненіе преобразовательныхъ плановъ Лисовскаго необходимо было открыть свободные денежные источники; а эта-то задача была самою трудною. Базиліанскій орденъ держался за свои привилегіи, пріобрѣтенныя при польскомъ правительствѣ, и тщательно пряталъ документы на обладаніе богатыми населенными имѣніями и капиталами, нѣкогда составлявшими собственность церковнаго клира. Фундушами упраздненныхъ при польскомъ правительствѣ іезуитскихъ монастырей въ Литвѣ, на Волыни и Подоліи, владѣла эдукаціонная коммиссія, бывшая въ рукахъ литовско-польскихъ магнатовъ-латынянъ. Упраздненіе или секуляризація даже незначительныхъ монастырей какого-либо иного ордена тогда не вхо-

---

[1]) Архивъ св. синода, по 2-му департаменту 1808 г. № 36. Понужденія на взносъ денегъ въ главную духовную семинарію съ 1803 по 1812 г. Обстоятельныя свѣдѣнія о главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ находятся въ статьѣ *П. Жуковича* въ *Христ. чтеніи* на 1887 г. Но особенно богаты матеріалы въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія—карт. № 1087, № 6559. См. еще въ отчетѣ ректора Петерб. римско-католич. академіи Симона за 1887—1888 гг. „De seminarii principali Vilnensi“.

дили еще въ планъ правительства; напротивъ, императоръ Александръ I почти все свое царствованіе (до удара, постигшаго полоцкихъ іезуитовъ въ 1820 г.), неблагосклонно относился къ мѣрамъ, связаннымъ съ упраздненіемъ монастырей [1]). Но онъ допускалъ возможность секулиризаціи такихъ базиліанскихъ монастырей, объ упраздненіи которыхъ состоялись высочайшія повелѣнія его бабки императрицы Екатерины. Въ этомъ смыслѣ и данъ былъ указъ 17-го мая 1804 года, гдѣ сказано, что еще императрица Екатерина II сдѣлала распоряженіе о приведеніи въ извѣстность базиліанскихъ монастырей съ цѣлью упраздненія тѣхъ изъ нихъ, которые не удовлетворяли своему назначенію. Но и указъ 1804 г., подобно предыдущимъ распоряженіямъ Римскихъ папъ (съ 1624 г.) и Русскихъ императоровъ (съ 1795 г.), оставался безъ исполненія. Самые незначительные монастыри по числу монаховъ въ Литовской Руси, большею частью образованные изъ приходскихъ церквей, вопреки уставамъ церкви и монашескимъ обѣтамъ, продолжали свое существованіе; въ нѣкоторыхъ находилось не болѣе двухъ, трехъ, четырехъ монаховъ, благодушествовавшихъ на покоѣ или отправлявшихъ извѣстное число „облигацій“ [2]). При такихъ условіяхъ митрополитъ Сестренцевичъ и архіепископъ Лисовскій въ 1805 году опредѣлили—потребную на содержаніе проектированной главной духовной семинаріи сумму въ 15,000 руб. сер. для содержанія въ ней 50 клириковъ (въ томъ числѣ 15 уніатскихъ), разложить въ видѣ процентовъ съ доходовъ на монастыри, какъ римскіе, такъ и уніатскіе. Складчина съ 80 базиліанскихъ монастырей (исключая архимандри-

---

[1]) Число монашествующихъ въ западныхъ губерніяхъ несравненно превосходило всѣхъ монашествующихъ греко-россійской церкви. Изъ записки Овцына видимъ, что во владѣніи различныхъ монашескихъ орденовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, а равно базиліанскаго ордена и бѣлаго духовенства латинскаго и греко-уніатскаго состояло 141,990 душъ крестьянъ, капитала серебряною монетою—4.202,038 рублей, монаховъ—3,402, монахинь—661, бѣлаго духовенства—4,028. *Морошкинъ*, Іезуиты въ Россіи, II, 245. Но въ этомъ числѣ греко-уніатское духовенство составляло не болѣе четвертой доли, а именно: монаховъ до 700, священниковъ—1,985, у нихъ капиталовъ до милліона р. с., изъ коихъ въ распоряженіи базиліанъ болѣе 800,000 р. с.

[2]) Подобныхъ церквей, обращенныхъ въ базиліанскіе монастыри, напримѣръ, въ Брестской епархіи было болѣе десяти и въ нихъ состояло 57 монаховъ, обязанныхъ отслужить въ годъ 3,547 облигацій, то-есть, литургій за умершихъ. Этимъ монастырямъ принадлежало до 500 душъ крѣпостныхъ и свыше 25 тыс. руб. сер. капиталовъ. Подобные мелкіе монастыри существовали и въ другихъ уніатскихъ епархіяхъ. Архивъ св. синода, 1810 г., № 6. Сравн. протесты Щигельскаго и Мокрицкаго.

чихъ и женскихъ, не подчиненныхъ управленію ордена), распредѣлена была на каждую провинцію въ извѣстной пропорціи. За исправнымъ взносомъ денегъ обязаны были наблюдать провинціалы и епископы. Но этихъ денегъ базиліане никогда не вносили исправно и тѣмъ вызывали безпрерывныя внушенія и понужденія со стороны 2-го департамента коллегіи [1]).

Никогда базиліане не могли простить священническимъ сыновьямъ, обучавшимся въ главной духовной семинаріи, налога съ монастырей, въ сущности весьма незначительнаго, и это обстоятельство было одною изъ причинъ постоянныхъ неудовольствій начальствующихъ монаховъ къ ученымъ богословамъ изъ бѣлаго духовенства. Неудовольствія эти впослѣдствіи, когда окрѣпло бѣлое духовенство, перешло въ ненависть и выражалось гоненіями. Тѣ же монахи, между тѣмъ, не стѣснялись обязательствами по обученію свѣтскаго юношества, преимущественно дворянъ, въ своихъ публичныхъ школахъ, жертвовали значительную часть доходовъ монастырскихъ на Кременецкую гимназію, устроенную Ѳ. Чацкимъ, на содержаніе стипендіатовъ въ Виленскомъ университетѣ и охотно передавали капиталы и золотые сосуды въ Отечественную войну на организацію польскихъ войскъ для арміи Наполеона! Слѣдовательно, нападки базиліанскаго ордена по поводу дѣлаемыхъ монастырями взносовъ на богословское образованіе священниковъ для своей же церкви были несправедливы: они исходили изъ весьма мутнаго источника. Эту неправду чувствовали представители бѣлаго духовенства, которые поэтому имѣли полное основаніе стремиться къ разоблаченію, на основаніи архивныхъ документовъ, незаконнаго

---

[1]) Такими же неисправными плательщиками были доминиканскіе и нѣкоторые другіе ордена. Архивъ св. синода, дѣло 1808 г., № 26, на 218 листахъ: л. 10—копія письма къ митрополиту Сестренцевичу отъ ректора Стройновскаго 18-го января 1804 г.; л. 16—указъ коллегіи 20-го февраля 1804 г. о складкѣ на главную дух. семинарію. Далѣе видно, что нѣкоторые монастыри никогда не вносили денегъ исправно; въ 1808 г., когда полагалось открыть главную духовную семинарію, министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій просилъ коллегію о понужденіи провинціаловъ. Просьбы возобновлялись ежегодно; до Отечественной войны въ недоимкѣ со всѣхъ монастырей было 17,000 руб., то-есть, на 2,000 р. болѣе оклада, опредѣленнаго на главную семинарію. См. еще дѣло 1824 г., № 32. Изъ него видно, что на долю базиліанскихъ монастырей причиталось складки 5,000 руб. сер., а недоимки достигли свыше 12,000 руб. сер. Въ платежѣ этой складки неисправнѣе другихъ были монастыри Русской провинціи на Волыни и Подоліи.

присвоенія базиліанскимъ орденомъ фундушей, то-есть, имѣній и капиталовъ, назначенныхъ или завѣщанныхъ на соборныя каѳедры, на городскія и нѣкоторыя сельскія приходскія церкви, на устройство и содержаніе семинарій. Разоблаченія, сдѣланныя въ минувшемъ столѣтіи въ протестахъ священниковъ Щигельскаго и Мокрицкаго, принимали въ настоящемъ столѣтіи, съ 1810 года, все болѣе и болѣе угрожающій для базиліанъ характеръ. Случай обнаруженія документа, хранившагося въ монастырѣ полоцкихъ базиліанокъ подъ крѣпкими сводами въ потаенныхъ шкапахъ, послужилъ, можно сказать, рѣшительнымъ толчкомъ въ другихъ епархіяхъ къ поискамъ въ архивахъ, для разысканія фундушей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру или семинаріямъ.

На это обстоятельство стоитъ обратить вниманіе. Эти поиски документовъ въ архивахъ Брестской епархіи ознакомили духовенство съ древнѣйшими актами, написанными по русски, и, помимо непосредственной пользы для дѣла, образовали въ немъ знатоковъ древней письменности, любителей старины, археологовъ.

Изъ открытаго въ 1802 году въ Полоцкѣ документа оказалось, что князь Михаилъ Вишневецкій завѣщалъ нѣсколько имѣній, въ сложности до 1,000 дворовъ, въ Лепельскомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, на духовную семинарію Полоцкой епархіи; этимъ достояніемъ овладѣли базиліанскіе монахи, обративъ его въ пользу своего ордена. Кто открылъ этотъ важный документъ—не извѣстно; говорятъ, протопресвитеръ Іоаннъ Красовскій; можетъ быть, это и справедливо, если принять во вниманіе никогда не утихавшую вражду къ нему базиліанъ. Съ документа Вишневецкаго снята была копія, а подлинникъ представленъ государю императору, съ ходатайствомъ архіепископа Лисовскаго объ обращеніи бывшихъ имѣній князя Вишневецкаго, согласно волѣ завѣщателя, на содержаніе Полоцкой семинаріи. Къ этой недвижимой собственности слѣдуетъ присоединить капиталъ въ 200 тысячъ талеровъ, собранный съ духовенства, который, по обычаю того времени, находился въ залогѣ на имѣніяхъ разныхъ помѣщиковъ, а частью былъ растраченъ, или же не приносилъ никакихъ доходовъ, вслѣдствіе неблагонадежности залогопринимателей. Представленія Лисовскаго были уважены государемъ, и въ 1806 г. Полоцкая епархія получила достаточныя средства на устройство и содержаніе семинаріи, соборнаго штата, консисторіи и архіерейскаго дома. Высочайшимъ указомъ 16-го декабря 1806 года повелѣвалось: 1) Полоцкій Софійскій соборъ назначить мѣстопребываніемъ епархіальной

семинаріи, соборнаго штата и консисторіи; 2) при монастырѣ построить домъ для архіерея; 3) деревни Судиловичи и Чертвяны съ селеніями поручить Полоцкому архіепископу, которому и содержать монаховъ Софійскаго монастыря, соборную церковь, семинарію, и съ этою цѣлью причислить 35,000 руб., а 2,000 червонцевъ назначить въ пользу семинаріи; 4) составить предположеніе о числѣ семинаристовъ, какое необходимо для епархіи, и избрать ректора.

Такъ случайное открытіе весьма важнаго историческаго документа въ базиліанскомъ архивѣ дало средства къ устройству Полоцкой каѳедры, консисторіи и семинаріи [1]).

Но не такъ просто было устроить епархіальныя семинаріи и обезпечить существованіе консисторій и каѳедральныхъ штатовъ въ Брестской и Луцкой епархіяхъ, не смотря на то, что и въ нихъ открыты были ясные слѣды фундушей и капиталовъ, нѣкогда завѣщанныхъ на семинаріи для свѣтскаго духовенства, на епископскія каѳедры, на капитулы (соборы). Капиталами этими завладѣлъ базиліанскій орденъ въ разное время. О возвращеніи ихъ или о закрытіи соотвѣтственнаго числа базиліанскихъ монастырей, съ цѣлью обращенія фундушей оныхъ на нужды бѣлаго духовенства согласно указу 1804 года, завязалась переписка съ коллегіей, которая продолжалась многіе годы безъ всякихъ результатовъ. Епископъ Булгакъ убаюкивалъ 2-й департаментъ и князя Голицына указаніями на существованіе семинаріи въ Лаврышовѣ (близъ Новогрудка) или въ м. Сержанахъ [2]); между тѣмъ, Брестскій капитулъ, обнаруживъ въ архивахъ неправильное присвоеніе монастырями фундушей еще и на Минскую семинарію (отъ

---

[1]) I. П. С. З., № 22397. См. еще № 21467—о штатахъ уніатскихъ консисторій, 28-го сентября 1804 г. Архивъ св. синода, дѣло 1805 г., № 3 и 1806 г., № 23. Архіепископъ Василій Лужинскій въ своихъ запискахъ (*Правосл. Собесѣдникъ* 1884 г., іюль, стр. 192), подробно описываетъ ходъ дѣла объ устройствѣ Полоцкой семинаріи. Онъ самъ принадлежалъ къ первому пріему и находился въ хорѣ пѣвчихъ.

[2]) Въ Лаврышовской семинаріи обучалось 15 семинаристовъ. Фундушъ, состоящій изъ 6,180 руб. и имѣнія, приносилъ дохода 1,167 р. 62 к. Основаніемъ капитала служили 2,000 червонцевъ, вырученные отъ продажи папскаго алумната, переданные маршалу Слонимскаго уѣзда Пусловскому, пріятелю епископа Булгака. На содержаніе Сверженской семинаріи было завѣщано въ 1743 г. 11,145 р. 8 к. съ обязанностью содержать 12 учениковъ; но въ дѣйствительности въ ней не обучалось ни одного, ибо наслѣдники завѣщателя не платили денегъ. Архивъ св. синода, дѣло 1805 г., № 33. Существованіе консисторіи въ г. Новогрудкѣ ничѣмъ не было обезпечено.

1626 г.) и неправильное обращеніе въ монастыри многихъ церквей Гродненской губерніи, сталъ ходатайствовать о возвратѣ этихъ фундушей и другихъ капиталовъ на устройство церквей, на содержаніе капитула, на обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовнаго вѣдомства и на семинарію: капитулу было извѣстно, что Лаврышовская семинарія, управляемая базиліанами, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ Брестской епархіи, самой обширной, было 779 церквей, а въ Лаврышовѣ обучалось весьма малое число клириковъ. Чему и какъ обучались эти клирики—увидимъ ниже.

Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи былъ вопросъ объ устройствѣ консисторій, каѳедры и семинаріи въ Луцкой епархіи, не смотря на существовавшіе капиталы на устройство четырехъ семинарій въ трехъ прежнихъ епархіяхъ (бывшей Митрополичьей, Подольской и Владимірской), вошедшихъ въ составъ вновь образованной Луцкой [1]). Фундуши на означенныя семинаріи, частью собранные посредствомъ складчины съ духовенства, частью завѣщанныя офиціаломъ Кіевской митрополіи Примовичемъ, каноникомъ Яковомъ Мерхелевичемъ и митрополитомъ Львомъ Кишкою, были помѣщены подъ имѣнія различныхъ помѣщиковъ, но эти фундуши не приносили никакихъ доходовъ или же обременены были тяжбами съ наслѣдниками завѣщателей. Значительная часть фундушей признана была неблагонадежными, вслѣдствіе разоренія помѣщиковъ или отдачи ихъ имѣній подъ колліокацію. Мало того, нѣкоторые изъ базиліанскихъ архимандричьихъ монастырей связали себя обязательствомъ вносить ежегодно значительныя суммы на содержаніе Кременецкой гимназіи (впослѣдствіи обращенной въ лицей), служившей цѣлямъ свѣтскаго образованія юго-западныхъ губерній. Собственно изъ четырехъ семинарій, считавшихся на бумагѣ, существовала только одна Почаевская, если можно назвать семинаріей нѣсколько учениковъ, которые, живя на частныхъ квартирахъ, содержали себя на собственный счетъ и на обученіе ихъ расходовалось въ годъ 1050 польскихъ злотыхъ, то-есть, менѣе 160 руб. сер. [2]).

---

[1]) *Житомірскую* изъ пожертвованій 200,000 злотыхъ Примовичемъ, *Родомысльскую* по завѣщанію митрополита Льва Кишки 66,500 злот., Луцкую или Почаевскую по складчинѣ 30,000 злот. съ бѣлаго духовенства, *Володимірскую*—также по завѣщанію Льва Кишки 66,500 злотыхъ. Послѣдній капиталъ былъ обезпеченъ на имѣніяхъ тайн. сов. Чацкаго и неблагонадеженъ, подобно прочимъ. Архивъ св. синода, дѣло 1805 г., № 33.

[2]) Въ синодальномъ архивѣ имѣется нѣсколько дѣлъ, относящихся къ епар-

Каѳедру и консисторію Луцкій епископъ Левинскій содержалъ на собственный счетъ, изъ назначаемаго отъ казны жалованья на особу епископа. Никакого каѳедральнаго штата, ни даже каѳедральнаго собора въ Луцкой епархіи не имѣлось; весь же доходъ Луцкаго капитула составлялъ 455 р. 75 к.; изъ этихъ ничтожныхъ денегъ содержались каѳедральные прелаты и каноники, производились починки въ фольваркахъ, уплачивались подати, дѣлались расходы на тяжбы...

Министерству юстиціи, въ составъ котораго входила римско-католическая коллегія, собственно говоря, не было никакого дѣла до устройства греко-уніатской церкви; министру юстиціи довольно было дѣла съ массою тяжебъ, производившихся во всѣхъ инстанціяхъ; безконечныя тяжбы базиліанъ, переносясь изъ одной инстанціи суда въ другую, достигали наконецъ сената и здѣсь замирали на многіе годы. Министръ финансовъ, съ другой стороны, не могъ получать точныхъ свѣдѣній—о селеніяхъ, капиталахъ и доходахъ греко-уніатской церкви. Министръ народнаго просвѣщенія напрасно посылалъ въ коллегію предложеніе за предложеніемъ съ укоризной о неисправномъ взносѣ денегъ монастырями, по раскладкѣ 1805 года, на устройство и содержаніе главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ. Правительство вынуждено было прибѣгнуть, наконецъ къ угрозамъ, что недоимки на семинарію Виленскую будутъ взыскиваемы съ доходовъ провинціаловъ и самихъ епископовъ; но и угрозы министра Завадовскаго не могли понудить монастырскія власти исполнять правительственные указы [1]).

хіальнымъ семинаріямъ Брестской и Луцкой епархій, съ 1803 по 1822 г., изъ которыхъ можно заключить, что къ разрѣшенію этого вопроса епархіальные архіереи Булгакъ, Головня, Левинскій, Мартусевичъ и даже Кохановичъ не прилагали ни должной энергіи, ни старанія. Между прочимъ, дѣла 1805 г. № 33 1806 г. № 3, 1815 г. № 9, 1816 г. № 43.

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1808 г., начато 8-го августа въ 1803 г., окончено въ 1812 г. № 26, на 218 лист. „Понужденіе на взносъ денегъ монастырями на главн. дух. семинарію при Виленскомъ университетѣ". Съ 18-го іюля 1803 г. по 30-е ноября 1807 г. вся недоимка на устройство главной духовной семинаріи достигала 12531 руб. 81 к., въ томъ числѣ съ однихъ базиліанскихъ монастырей 5871 руб. сер. Неисправнѣе всѣхъ были монастыри Русской (Волынской) провинціи. Въ 1809 г., недоимки со всѣхъ монастырей достигли 17951 руб. 48 коп. сер. Недоимки годъ отъ году возростали, понужденія коллегіи не имѣли никакого успѣха, а затѣмъ наступила Отечественная война, прикрывшая массу злоупотребленій базиліанскихъ провинціаловъ. См. еще отчеты Виленскаго университета въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія о главной духовной семинаріи.

Оба митрополита, Сестренцевичъ и Лисовскій, какъ уже сказано, было заинтересованы въ скорѣйшемъ открытіи главной семинаріи; первый желалъ избавиться отъ вліянія на іезуитовъ римскаго духовенства, послѣдній не довѣрялъ базиліанамъ. Назначенные ими депутаты въ совѣтъ университета вмѣстѣ съ ректоромъ разработали образцовый для того времени уставъ высшей богословской школы въ Западномъ краѣ; католическимъ и уніатскимъ клирикамъ уставомъ предоставлено право занимать высшія должности въ римско-католическихъ и греко-уніатскихъ епархіяхъ, а неженатымъ и вдовымъ, имѣющимъ ученыя степени,—достигать епископскаго сана. Главная семинарія, не смотря на единодушное противодѣйствіе духовныхъ монашескихъ сословій—обоихъ исповѣданій, по настоянію Чарторыйскаго, была открыта въ 1808 г. Уніатскихъ клириковъ въ первый же годъ поступило 17 человѣкъ, то-есть, свыше числа, опредѣленнаго по штату на всѣ три уніатскія епархіи: Брестскую 9, Полоцкую 4 и Луцкую 2. Но не ранѣе какъ черезъ десять, пятнадцать лѣтъ послѣ открытія главной семинаріи, обнаружились благодатные плоды дѣятельности для уніатской церкви первыхъ питомцевъ устроенной въ Вильнѣ высшей богословской школы.

Тяжкое бремя однако выпало на долю маститаго іерарха Лисовскаго, и не легко было бороться ему съ силами, противодѣйствовавшими его намѣреніямъ.

Попытку кассировать предположеніе правительства объ открытіи или, лучше сказать, о возобновленіи высшаго богословскаго курса для уніатскихъ клириковъ изъ бѣлаго духовенства нагляднѣе всего обнаруживаетъ проектъ, представленный гр. Завадовскимъ на высочайшее утвержденіе „О Базиліанскомъ обществѣ для воспитанія духовнаго юношества въ Западной Россіи“. Проектъ реформы базиліанскаго ордена составленъ былъ въ величайшей тайнѣ и долженъ былъ парализовать реформы Лисовскаго. Главнымъ творцомъ проекта былъ литовскій провинціалъ Лешинскій, архимандритъ Лешинскаго базиліанскаго монастыря (тотъ самый, который былъ начальникомъ папскаго алумната и постарался растратить его достояніе въ 1799 г.). Пособниками Лешинскому были: визитаторъ Чацкій и епископъ Стройновскій. Попечитель Виленскаго учебнаго округа князь Чарторыйскій, какъ самъ выражается въ своихъ мемуарахъ, находилъ въ министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Завадовскомъ усерднаго исполнителя своихъ желаній; онъ разчитывалъ на любезность министра и въ настоящемъ дѣлѣ. По проекту Лешинскаго,

образованіе всего уніатскаго духовенства въ Западной Россіи должно было принадлежать исключительно монахамъ базиліанскаго общества, въ рукахъ котораго поэтому нужно было сохранить всѣ базиліанскіе фундуши подъ видомъ „эдукаціонной собственности". Въ проектѣ не отрицалась необходимость упраздненія безполезныхъ для самого базиліанскаго общества монастырей въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ бывшей Польши, какъ предписывалось указами императрицы Екатерины II, 3-го октября 1795 г., и сената 1804 г., но полагалось обратить монастыри, предназначенные къ упраздненію, въ приходскія школы (каковыя должны быть устроены и въ архимандричьихъ монастыряхъ), а фундуши этихъ монастырей назначить исключительно для усиленія образовательныхъ средствъ базиліанскихъ же училищъ и остающимся отъ упраздненія монастырямъ. Каждый монастырь обращался въ какую-либо школу: или въ богословскую, или въ философскую духовную, или же въ публичную для свѣтскаго юношества всѣхъ сословій. Званія начальниковъ, провинціаловъ, архимандритовъ, епископовъ могли достать только заслуженные учителя базиліане. Этотъ проектъ Чарторыйскій представилъ министру народнаго просвѣщенія, который передалъ его на заключеніе Сестренцевичу.

Предсѣдатель 1-го департамента римско-католической коллегіи митрополитъ Сестренцевичъ нашелъ проектъ о базиліанскомъ обществѣ „совмѣстнымъ съ правилами базиліанъ и совершенно соотвѣтствующимъ назначенію сего сословія и обѣщающимъ истинную пользу государству". Въ этомъ отзывѣ была извѣстная доля ироніи. Министръ народнаго просвѣщенія, не спросивъ заключенія митрополита Лисовскаго (какъ предсѣдателя уніатскаго департамента коллегіи), представилъ докладъ на Высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало 27-го іюля 1807 г., вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Тильзита. Копія высочайше утвержденнаго доклада была препровождена во 2-й департаментъ коллегіи для исполненія. Теперь только обнаружились истинныя цѣли базиліанскаго ордена—совершенно устранить вліяніе на дѣла въ уніи свѣтскаго клира, требовавшаго отчета въ суммахъ, затрачиваемыхъ на нужды епархіи, и утвердить въ церкви преобладаніе монашескаго базиліанскаго ордена, передавъ въ его руки духовное и народное образованіе, какъ въ богословскихъ и публичныхъ школахъ, такъ и въ приходскихъ училищахъ, устраиваемыхъ при уніатскихъ монастыряхъ. Митрополитъ Лисовскій поспѣшилъ изъ Полоцка, откуда онъ еще не успѣлъ вернуться въ столицу послѣ встрѣчи государя, чтобы пріостановить распоряженія по исполненію

указа, разрушавшаго весь планъ начатыхъ уже реформъ. Лисовскому удалось убѣдить государя въ зломъ умыслѣ, скрытомъ подъ благовидными формами проекта, и указать на нарушаемые въ немъ монашескіе обѣты и постановленія папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе того, 12-го сентября 1807 г., министру юстиціи кн. Лопухину высочайше повелѣно пріостановиться исполненіемъ указа 27-го іюля въ сенатѣ, впредь до особаго повелѣнія [1]).

Для соображенія высочайше утвержденнаго доклада, исполненіе котораго было пріостановлено, съ даннымъ по сему докладу мнѣніемъ митрополита Лисовскаго, по повелѣнію государя образованъ былъ особый комитетъ изъ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго, оберъ-прокурора св. синода А. Н. Голицына и епископа суфрагана І. Красовскаго. О дѣятельности этого комитета, существовавшаго нѣсколько лѣтъ, мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія. Въ немъ разсматривались важнѣйшія дѣла, поступавшія изъ 2-го департамента коллегіи и отъ епархіальныхъ консисторій, преимущественно же жалобы бѣлаго духовенства на несправедливыя притязанія базиліанскаго монашескаго ордена и на присвоеніе имъ церковныхъ имѣній. Положеніе Красовскаго, возведеннаго въ сентябрѣ 1809 года въ санъ архіепископа, въ этомъ комитетѣ было затруднительно. Завадовскій благопріятствовалъ Чарторыйскому, а Голицынъ—іезуитамъ. Оба русскіе вельможи, за-одно съ врагами русской народности, разрушали все, что̀ Лисовскимъ признавалось необходимымъ сдѣлать для улучшенія греко-уніатовъ въ видахъ государственной пользы. Поэтому проектъ реформы базиліанскаго ордена по латино-польской редакціи не изчезъ безслѣдно. Базиліанамъ во многихъ монастыряхъ было разрѣшено имѣть публичныя школы на правахъ гимназій для свѣтскаго юношества, о чемъ указъ послѣдовалъ въ 1810 г., то-есть, уже послѣ смерти Лисовскаго.

Еще ранѣе 1809 году, предпринята была систематическая опись монастырскихъ базиліанскихъ фундушей, и провѣрка документовъ. Но эта важная работа не привела департаментъ къ какимъ-либо практическимъ результатамъ [2]). Упраздненіе монастырей, давно уже

---

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1807 г. № 29, на 9 листахъ. Замѣчательна въ этомъ дѣлѣ политика князя А. Чарторыйскаго: онъ усердно хлопоталъ объ устройствѣ главной семинаріи и въ то же время содѣйствовалъ базиліанамъ въ недопущеніи въ нее уніатскихъ клириковъ!

[2]) Архивъ св. синода, дѣла 1810 г. №№ 6, 30 и 38. Изъ дѣла № 6 видно, что „всемилостивѣйше установленный комитетъ“ занимался разборомъ жалобы Брест-

намѣченныхъ, кромѣ немногихъ скомпрометированныхъ въ Отечественную войну, снова остановилось на долго. Въ этомъ же комитетѣ (вѣроятно) возникла мысль о необходимости болѣе цѣлесообразнаго управленія дѣлами латинской церкви, отъ которой государственные люди того времени не желали отдѣлять греко-уніатовъ.

Въ 1810 г. учреждено „главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій“ изъ чиновниковъ министерства юстиціи и римско-католической коллегіи; начальникомъ управленія указомъ сенату, даннымъ 25-го іюля 1810 г., назначенъ синодальный оберъ-прокуроръ, тайный совѣтникъ князь А. Н. Голицынъ, пользовавшійся особымъ личнымъ довѣріемъ императора Александра I, но, къ сожалѣнію, совершенно опутанный іезуитскими сѣтями. Всѣ эти перемѣны произошли послѣ кончины Лисовскаго, послѣдовавшей 30-го августа 1809 года.

Для полноты очерка дѣятельности Лисовскаго слѣдуетъ сказать еще о возстановленіи, по его представленію, Виленской митрополичьей епархіи. Лисовскому нужно было ослабить вліяніе на дѣла уніи Брестскаго епископа Іосафата Булгака, сторонника базиліанскаго ордена; послѣдній, потерпѣвъ небольшую неудачу въ столицѣ и ограниченный въ своихъ дѣйствіяхъ въ Бѣлоруссіи, сосредоточилъ свою дѣятельность въ обширной Брестской епархіи. Литовская базиліанская провинція была самою могущественною и самою богатою. Особенная дѣятельность базиліанъ проявлялась въ Свято-Троицкомъ и Жировицкомъ монастыряхъ. И на ослабленіе этихъ двухъ пунктовъ обратилъ вниманіе Лисовскій.

Послѣ присоединенія Бѣлостоцкой области къ Россіи въ 1807 году прибавилась Супрасльская епархія, въ которой находилось 70 уніатскихъ церквей и три монастыря: Супрасльскій (нѣкогда знаменитая лавра), Дрогичевскій и Кузницкій [1]). Это пріобрѣтеніе для греко-

---

ской консисторіи отъ 28-го января 1810 г. Еще ранѣе, по поводу возникшаго вопроса о монастырскихъ капиталахъ, составлена была опись монастырямъ Курляндской, Виленской, Гродненской и Минской губерній, входившихъ въ составъ Литовской провинціи. Опись составили въ 1809 г. предсѣдатели Виленской и Брестской консисторій—Мокрицкій и Тупальскій и члены Литовской консульты настоятель св. Троицкаго базиліанскаго монастыря Семеткевичъ, консульторъ Клопотовскій и консульторъ Маковецкій. О ней вспомнили черезъ 14 лѣтъ, и она послужила въ 1823 г. образцомъ для составленія описей двухъ другихъ провинцій. Дѣло 1822 г. № 61, на листахъ 82—113.

[1]) Въ Бѣлостокской области было до 41,000 греко-уніатовъ. Изъ числа 70 церквей 11 отошло къ царству Польскому, слѣдовательно, въ составъ Брест-

уніатской церкви въ Россіи было немаловажнымъ. При прусскомъ правительствѣ Супрасльская епархія получила самостоятельное устройство; въ нее назначенъ былъ епископъ, образованъ капитулъ, замѣнявшій консисторію, и устроена семинарія на счетъ денегъ, собранныхъ съ духовенства и пожертвованныхъ епископомъ. Духовенство Супрасльской епархіи отличалось самостоятельнымъ взглядомъ на дѣла церковной уніи и обогатило Брестскій капитулъ нѣсколькими священниками, игравшими впослѣдствіи первенствующую роль въ Брестской епархіи.

Съ возстановленіемъ Литовской митрополичьей епархіи Супрасльская епархія была упразднена, а Брестская преобразована на слѣдующихъ основаніяхъ, предложенныхъ Лисовскимъ: 1) къ возстановляемой Виленской митрополичьей епархіи перечислить 300 церквей Брестской епархіи, а 75 (sic) церквей Супрасльской епархіи включить въ составъ Брестской; 2) имѣнія, завѣщанныя литовско-русскими вельможами княземъ Острогскимъ и Сапѣгою на Виленскій каѳедральный соборъ и на соборную Новогрудскую церкви, находящіяся въ распоряженіи Брестскаго епископа Булгака, причислить на прежнихъ основаніяхъ къ возстановленной митрополичьей епархіи, которою управляютъ епископъ суфраганъ (викарный) и консисторія; 3) жалованье въ 4.000 талеровъ, опредѣленное прусскимъ правительствомъ на содержаніе епископа [1]), обратить на жалованье Брестскаго суфрагана (викарія), которому оставаться въ Супрасльскомъ монастырѣ, а консисторіи для мѣстопребыванія равно для Брестскаго епископа, избрать другой монастырь Литовской провинціи; 4) митрополичью ризницу, состоящую у епископа Булгака, возвратить въ Вильну, гдѣ имѣетъ быть мѣстопребываніе викарнаго епископа, каѳедры и консисторіи, а равно возвратить митрополичій архивъ [2]).

ской епархіи вошло 59 церквей. Супрасльскою епархіей, послѣ смерти Духновскаго, въ 1806 г. управлялъ Левъ Яворовскій, архимандритъ. Архивъ св. синода 1809 г., дѣло № 23; Le Cathol. Rom., II, 351, 352.

[1]) Послѣ занятія Бѣлостоцкой области, прусское правительство въ 1796 г. захватило въ казну имѣнія, завѣщанныя Александромъ Ходкевичемъ на содержаніе Супрасльскаго монастыря, назначивъ на содержаніе епископу 4000 талеровъ и монастырю 2223 прусск. талера. Но по возвращеніи этой области къ Россіи конфискованныя имѣнія не были возвращены монастырю и ходатайство настоятеля монастыря объ этомъ не было уважено. См. Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 23.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XXX, № 23482. Указъ 14-го февраля 1809 г. Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 4, начатое 17-го февраля 1809 г. и оконченное 30-го сентября 1810 г., на 249 листахъ.

Такимъ образомъ, въ 1810 году, получила развитіе іерархія греко-уніатской церкви, а именно: образовались четыре епархіи—митрополичья въ Вильнѣ, архіепископская въ Полоцкѣ и двѣ епископскія: Брестская, съ пребываніемъ епархіальнаго епископа въ Жировицахъ, и Луцкая—въ Жидичинѣ. Въ каждой епархіи назначенъ викарный (суфраганъ): въ митрополичьей наименованный епископомъ Браславскій архимандритъ Адріанъ Головня, въ архіепископской — епископы Іоаннъ Красовскій, въ Брестской — Левъ Яворовскій, бывшій епископъ Супрасльскій, наименованный Владимірскимъ, и въ Луцкой—Яковъ Мартусевичъ, бывшій полоцкій каноникъ. Брестскій епархіальный епископъ, его викарный Левъ Яворовскій, а также викарный Виленской епархіи — Адріанъ Головня происходили изъ базиліанскаго ордена, всѣ же прочіе архіереи были изъ бѣлаго духовенства [1]). Это раздвоеніе іерарховъ на черныхъ и бѣлыхъ, какъ увидимъ, имѣло большія невыгоды. Кромѣ Полоцкой епархіи, нигдѣ не имѣлось еще правильно организованныхъ соборныхъ каѳедръ; бывшіе въ Брестской и Луцкой епархіяхъ капитулы оставались на прежнихъ основаніяхъ. Брестскій капитулъ, усиленный канониками упраздненнаго Супрасльскаго капитула, распространилъ свое вліяніе и на вновь учрежденную Виленскую епархію, не имѣвшую своего капитула. Совершенно разоренный Супрасльскій монастырь, съ своимъ прекраснымъ храмомъ и богатою рукописною библіотекою, остался по прежнему независимымъ отъ ордена. Супрасльская семинарія была закрыта, а ея фундуши въ количествѣ 6000 руб. сер. переданы на усиленіе средствъ семинаріи Брестской епархіи.

Приведеніе въ исполненіе указа 14-го февраля 1809 года возбудило разногласіе между епископомъ Брестскимъ Булгакомъ и вновь назначеннымъ Виленскимъ епископомъ суфраганомъ Адріаномъ Головнею. Поэтому вопросъ о разграниченіи двухъ епархій и о передачѣ фундушей изъ одной въ другую поступилъ на разрѣшеніе 2-го департамента коллегіи. Но и въ коллегіи не могли быть устранены разногласія между членами, которыя омрачили послѣднія минуты жизни

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 3. Объ опредѣленіи въ епархіяхъ Полоцкой и Виленской суфраганами Іоанна Красовскаго и Адріана Головни, 16-го февраля.—Дѣло 1808 г. № 8. Въ октябрѣ 1808 г. умеръ епископъ Луцкій Левинскій и на его мѣсто назначенъ Григорій Кохановичъ; мѣсто же умершаго епископа Корсака занялъ Яковъ Мартусевичъ; оба—Кохановичъ и Мартусевичъ—были каноникамн Полоцкой епархіи.

великаго греко-уніатскаго іерарха [1]). Лисовскій заболѣлъ 11-го августа и скончался 30-го августа.

Послѣ его смерти засѣданія коллегіи возобновились 17-го сентября и окончены 30-го единогласнымъ соглашеніемъ по мысли и желаніямъ Лисовскаго. Брестскую епархію составили: Бѣлостоцкая область, вся Гродненская губернія и часть Минской съ повѣтами: Слуцкимъ, Пинскимъ, Мозырскимъ и Рѣчицкимъ, не касаясь Новогрудской церкви, какъ соборной; остальные же уѣзды Минской губерніи, Виленская и Курляндская губерніи образовали Виленскую епархію. Лаврышовскую и Свержанскую семинаріи (существовавшія по названію) положено устроить по правиламъ Тридентскаго собора съ причисленіемъ къ первой фундушей, вырученныхъ отъ папскаго алумната, а ко второй—фундушей отъ Супрасльской семинаріи. Въ главную семинарію при университетѣ опредѣлено назначать впредь ежегодно по 5 клириковъ изъ Брестской и по 4 изъ Виленской. Въ Вильнѣ рѣшено было учредить консисторію, въ которой засѣдать тремъ каноникамъ, назначеннымъ покойнымъ митрополитомъ, и устроить митрополичью ризницу, которую, а равно митрополичій архивъ, Булгакъ обязанъ сдать Головнѣ. Домъ для помѣщенія консисторіи обязанъ былъ нанять базиліанскій орденъ, если нѣтъ помѣщенія въ Свято-Троицкомъ монастырѣ. Всѣ имѣнія, нѣкогда принадлежавшія Виленской митрополіи, епископъ Булгакъ долженъ сдать епископу Головнѣ, а послѣднему предоставить самому розыскивать фундуши, принадлежавшіе Виленскимъ церквамъ и все розысканное принять въ свое вѣдѣніе [2]). Предположенія 2-го департамента коллегіи были утверждены министромъ юстиціи княземъ Лопухинымъ, за исключеніемъ фундуша Свержанской семинаріи въ 102.403 злот. 25 гр., какъ спорнаго, о чемъ дѣло производилось еще въ сенатѣ (уже много лѣтъ). Вновь образованная епархія, согласно указамъ 14-го февраля 1809 года и 3-го февраля 1810 года, от-

---

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. на 249 лл. „О возстановленіи Литовско-Виленской митрополичьей епархіи". Для защиты интересовъ епархіи Брестскій епископъ командировалъ въ Петербургъ предсѣдателя консисторіи Антонія Тупальскаго. Члены коллегіи Гаченовскій (Луцкой) и Горбацевичъ (Брестской) поддерживали требованія епископа Головни. Тупальскій доказывалъ неудобства отдѣленія Новогрудскаго уѣзда къ Виленской епархіи, ибо, кромѣ черезполосности, Виленская епархія получила бы двѣ семинаріи—Лаврышовскую и Свержанскую, въ Брестской же не осталось бы ни одной, такъ какъ фундуши Супрасльской семинаріи переданы въ Лаврышовскую.

[2]) Архивъ св. синода, дѣло 1809 г. № 4, 1. П. С. З., т. XXX, № 24118, указъ 3-го февраля 1810 г.

крыта 12-го февраля 1810 года, и предсѣдателемъ консисторіи назначенъ Брестскій каноникъ Илья Мокрицкій, который обязанъ былъ принять и митрополичью ризницу, и митрополичій архивъ. Съ своей стороны епископъ Булгакъ доносилъ коллегіи 7-го мая 1810 года: „По указу 14-го февраля 1809 года все исполнено; остается донести, что въ исполненіе сего указа переношусь (изъ Новогрудка) съ консисторіей и цѣлымъ штатомъ въ Жировицкій базиліанскій монастырь Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда“ [1]).

Съ возстановленіемъ Виленской митрополичьей епархіи связано открытіе нѣкоторыхъ злоупотребленій епископа Булгака, котораго митрополитъ Лисовскій не безъ основанія считалъ своимъ недоброжелателемъ и противникомъ мѣръ, клонившихся къ поднятію образованія въ бѣломъ духовенствѣ и къ улучшенію и упроченію его быта на счетъ фундушей, предположенныхъ къ упраздненію базиліанскихъ монастырей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру.

Въ началѣ 1809 года базиліанскій архимандритъ Головня, предназначавшійся къ занятію епископской уніатской каѳедры въ Вильнѣ, донесъ митрополиту о крайне плачевномъ состояніи единственно уцѣлѣвшей здѣсь греко-уніатской церкви св. Николая, объ уничтоженіи Спасскаго собора, зданіе котораго передано было епископомъ Булгакомъ университету для помѣщенія скотолѣчебной школы, а ризница свалена гдѣ-то на чердакѣ базиліанскаго Свято-Троицкаго монастыря, о печальномъ состояніи митрополичьяго архива, пользованіе которымъ не обусловлено никакими формальностями, о захватѣ виленскими базиліанскими монахами фундушей, принадлежавшихъ каѳедральному собору, и наконецъ, о незаконномъ отчужденіи зданій папскаго алумната [2]). Донесенія Головни подтвердили извѣстные уже Лисовскому факты. Митрополитъ въ запискѣ, представленной черезъ князя А. Н. Голицына, ходатайствовалъ у государя о дозволеніи передать подъ помѣщеніе Виленской консисторіи епископа суфрагана базиліанскій Свято-Троицкій монастырь. Записка Лисовскаго доложена была государю, а затѣмъ Голицынъ далъ знать митрополиту 25-го мая 1809 года, о послѣдовавшихъ распоряженіяхъ, какъ

---

[1]) Тамъ же, листы 129, 136, 151, 193, 220, 230.

[2]) Собственноручныя письма Головни на польскомъ языкѣ объ упадкѣ греко-уніатской церкви въ Вильнѣ (гдѣ нѣкогда было до 16 уніатскихъ церквей) хранятся въ архивѣ св. синода, въ дѣлѣ 2-го департамента коллегіи за 1809 г., № 4. Это весьма важный документъ для характеристики управленія греко-уніатской церкви.

видно изъ слѣдующей приложенной къ его письму копіи съ отношенія его къ министру народнаго просвѣщенія [1]).

„Изъ прилагаемой при семъ записки Ираклія Лисовскаго ваше сіятельство усмотрите, что онъ въ замѣнъ Виленской каѳедры, поступившей вмѣстѣ съ бывшими при ней домами, обширнымъ плацомъ и прочею принадлежностью въ вѣдѣніе Виленскаго университета, проситъ, по случаю возстановленія митрополичьей епархіи уніатской, отдать состоящій въ Вильнѣ василіянскій монастырь для помѣщенія суфрагана и консисторіи“.

„Но какъ сей монастырь, по объясненію митрополита Лисовскаго въ докладѣ о преобразованіи василіанскаго ордена по 6-му пункту (рѣчь идетъ о докладѣ 27-го іюля 1807 года), назначенъ для духовнаго юношества по приготовленію къ наукамъ для слушанія высшихъ наукъ, то Его Величество соизволилъ приказать отнестись къ вамъ, милостивый государь, имѣя въ разсмотрѣніи своемъ докладъ 1807 года и замѣчанія митрополита Лисовскаго, принять совокупныя съ оными соображенія и вышеизложенное обстоятельство, изъясненное въ запискѣ, поданной нынѣ отъ него, митрополита, и потомъ представить о семъ на благоусмотрѣніе Государя Императора въ мнѣніи вашемъ по дѣлу о преобразованіи василіанскихъ монастырей“.

„Исполняя симъ Высочайшую волю, я долгомъ считаю присовокупить и то, что хотя помянутая каѳедральная церковь и поступила уже съ высочайшаго утвержденія въ вѣдѣніе Виленскаго университета, но какъ Его Величество извѣстился нынѣ, что Брестскій епископъ Булгакъ дѣлалъ такое условіе безъ вѣдома министра (юстиціи?) и римско-католической коллегіи и потому высочайше повелѣть соизволилъ министру юстиціи черезъ 2-й департаментъ коллегіи епископу Булгаку за сіе объявить выговоръ и подтвердить всѣмъ уніатскимъ епископамъ, чтобы они безъ вѣдома высшаго духовнаго начальства отъ продажи и подобныхъ уступокъ церковнаго имущества впредь воздерживались“.

Изъ другихъ дѣлъ 2-го департамента коллегіи, изъ представленій Брестской консисторіи и изъ переписки о выборѣ помѣщенія

---

[1]) Копія съ отношенія синодальнаго оберъ-прокурора къ министру народнаго просвѣщенія отъ 23-го мая 1809 г. за № 408; такое же отношеніе послано къ министру юстиціи. Дѣло 1809 г. № 87, лист. 246 и 247. Еще ранѣе обнаружилось незаконное отчужденіе епископомъ Булгакомъ зданія бывшаго папскаго алумната. Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, карт. 1087, № 6559.

для главной духовной семинаріи въ Вильнѣ, мы знаемъ, что епископъ Булгакъ и бывшій провинціалъ Лешинскій самовольно распорядились продажею зданій бывшаго папскаго алумната и вырученную отъ продажи сумму употребили будто бы на уплату долговъ, бывшихъ на алумнатѣ; между тѣмъ объ этихъ долгахъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Брестскій капитулъ почелъ себя обязаннымъ добиваться возвращенія отъ Булгака незаконно отчужденнаго имъ имущества греко-уніатской церкви, назначеннаго для духовнаго образованія лицъ бѣлаго духовенства.

Такими некрасивыми фактами характеризуются дѣйствія епископа Булгака, оказывавшаго покровительство базиліанскому ордену и дѣйствовавшаго на перекоръ митрополиту Лисовскому и его сотруднику епископу Красовскому. Эти обстоятельства ближайшимъ образомъ объясняютъ причины неудовольствія маститаго іерарха къ старшему изъ епископовъ въ греко-уніатской церкви и его ходатайство передъ кончиною, о назначеніи митрополитомъ избраннаго имъ себѣ преемникомъ Луцкаго епископа суфрагана Красовскаго въ санъ Полоцкаго архіепископа.

Митрополитъ Лисовскій, намѣтивъ реформы въ уніатской церкви, оставилъ своимъ преемникамъ множество не разрѣшенныхъ вопросовъ. Значительно подорвавъ кредитъ базиліанскаго ордена, онъ не могъ возвратить свѣтскому клиру отнятые у него орденомъ фундуши. Не могъ онъ осуществить и другія предположенія, клонившіяся къ устройству греко-уніатской церкви почти на тѣхъ общихъ началахъ, которыя съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ, были осуществлены министромъ Шишковымъ, то-есть, объ устройствѣ церкви на счетъ базиліанскихъ монастырей, закрытіе которыхъ предрѣшено было указомъ 1804 года. Планъ Лисовскаго принялъ къ свѣдѣнію Брестскій капитулъ. Лисовскій старался дать ходъ своимъ сотрудникамъ по Полоцкой епархіи—Красовскому, Кохановичу и Мартусевичу, но послѣдній измѣнилъ ему, второй оказался совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ латино-польскою партіей, а первый не могъ возвыситься до занятаго имъ положенія и не могъ удержаться въ борьбѣ съ базиліанами, пользовавшимися покровительствомъ Булгака и вниманіемъ князя Голицына.

Во всякомъ случаѣ дѣятельность Ираклія Лисовскаго имѣла громадное значеніе на будущую судьбу греко-уніатской церкви. Его программу мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ: 1) Нужно отдѣлить греко-уніатскую церковь отъ латинской,

возстановить званіе митрополита, съ цѣлью ослабленія папской власти, и возстановить чистоту греческихъ обрядовъ. 2) Нужно стремиться ослабить силу и вліяніе на дѣла въ церкви базиліанскаго ордена, подчинивъ базиліанъ надзору епархіальныхъ архіереевъ. 3) Необходимо поднять и распространить богословское образованіе бѣлаго духовенства въ семинаріяхъ, употребивъ для этой цѣли: а) фундуши и капиталы базиліанскихъ монастырей, неправильно ими присвоенные, и б) фундуши и капиталы тѣхъ монастырей, которые самовольно и незаконно обращены изъ приходскихъ церквей. 4) Вмѣстѣ съ назначеніемъ представителей отъ бѣлаго духовенства засѣдателями въ особый департаментъ коллегіи и съ устройствомъ епархіальныхъ консисторій и каѳедральныхъ соборовъ всѣми мѣрами должно способствовать къ поднятію благосостоянія бѣлаго духовенства, назначать образованныхъ и болѣе просвѣщенныхъ прелатовъ и канониковъ (протопресвитеровъ) къ замѣщенію высшихъ должностей въ епархіяхъ, и допускать достойнѣйшихъ канониковъ безбрачныхъ и вдовыхъ, имѣющихъ ученыя степени, къ занятію архіерейскихъ каѳедръ. 5) Слѣдуетъ уничтожить ктиторство.

Слѣдовательно, программа Лисовскаго была лишь развитіемъ знаменитой буллы папы Бенедикта XIV согласовалась съ іерархическимъ устройствомъ греко-восточной церкви съ тою разницею, что Лисовскій, какъ и Бенедиктъ XIV, допускалъ возможность назначать епископами и наиболѣе достойныхъ не женатыхъ и вдовыхъ прелатовъ и каноннковъ (протоіереевъ) изъ свѣтскаго духовенства.

Преобразованія Лисовскаго въ конечномъ результатѣ должны были повести къ освобожденію греко-уніатской церкви отъ преобладанія въ ней сторонниковъ латинизаціи. Но дальнѣйшее выполненіе его плана было пріостановлено, какъ кажется, потому, что само наше правительство продолжало смотрѣть на унію глазами латинизаторовъ и въ то время не имѣло средствъ для противодѣйствія польской партіи. Государственные люди не знали этнографіи западныхъ губерній. По указаніямъ латинянъ направлялось и общественное образованіе въ Бѣлоруссіи и въ губерніяхъ литовскихъ—Гродненской и Виленской, на Волыни и Подоліи. Сами министры и губернаторы считали эти губерніи польскими.

Послѣ кончины Лисовскаго обстоятельства круто измѣнились. Ставшій во главѣ управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи князь Александръ Николаевичъ Голицынъ не обладалъ ни дальновидностью государственнаго сановника, ни твердо-

стію начальника, необходимою для исполненія сложныхъ и щекотливыхъ обязанностей, ни наконецъ, знаніемъ истиннаго положенія вещей въ странѣ, еще не потерявшей своей прирожденной національности. Напротивъ, личныя свойства князя Голицына, при наклонности къ мистицизму, сдѣлали его орудіемъ латинствующей партіи, которая, подъ покровомъ благочестія и подъ видомъ государственной пользы, всѣми способами стремилась къ разрушенію дѣла начатаго Лисовскимъ. Голицына несравненно болѣе занимали дѣла созданнаго имъ библейскаго общества, чѣмъ греко-уніатской церкви. Прежніе его друзья, несогласные съ нимъ во взглядахъ, относительно перевода книгъ Священнаго Писанія, становились его врагами. А къ врагамъ своимъ, добрый и мягкій по природѣ, князь Александръ Николаевичъ относился съ безпощадною жестокостью.

III.

Греко-уніатская церковь подъ управленіемъ князя А. Н. Голицына. Митрополиты Григорій (Кохановичъ) и Іосафатъ (Булгакъ). Усиленіе базиліанъ и протесты Брестскаго капитула.

Съ образованіемъ особаго самостоятельнаго высшаго управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій, ввѣреннаго князю А. Н. Голицыну, начинается новый періодъ въ исторіи греко-уніатской церкви. Этотъ періодъ характеризуется, съ одной стороны, возрожденіемъ надеждъ базиліанскаго ордена къ возвращенію прежняго могущества и вліянія на судьбы русской уніи, съ другой—протестами бѣлаго духовенства, особенно Брестскаго капитула.

Брестскій капитулъ, съ устройствомъ котораго мы познакомимся впослѣдствіи, старался поддержать реформаторскіе планы Лисовскаго и такимъ образомъ вступилъ въ упорную и непрерывную борьбу съ базиліанскимъ орденомъ. Капитулъ частью представленіями, подкрѣпленными архивными документами, частью же разоблаченіями базиліанъ добивался довершенія преобразованій въ церкви, пріостановленныхъ не столько событіями отечественной войны, сколько неудачнымъ составомъ высшей духовной іерархіи въ уніи послѣ Лисовскаго. Главноуправляющій князь А. Н. Голицынъ, запутавшійся въ интригахъ іезуитовъ, сталъ орудіемъ ихъ усердныхъ послѣдователей—базиліанъ, которые сумѣли подогрѣвать въ честолюбивомъ государственномъ сановникѣ эгоистическія мечты и наклонность къ мистицизму. Обратный ходъ въ дѣлахъ греко-уніатской церкви выразился замѣтно въ 1817 году, когда князь А. Н. Голицынъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и ду-

ховныхъ дѣлъ, а епископъ Булгакъ возведенъ въ санъ митрополита русскихъ униатовъ. Не скрываемое уже базиліанами намѣреніе снова занять въ церковной уніатской іерархіи господствующее положеніе, стремленіе провинціаловъ разстроить правительственныя мѣры, клонившіяся къ улучшенію быта бѣлаго духовенства; кичливость и заносчивость настоятеля св. Троицкаго базиліанскаго монастыря, а затѣмъ литовскаго провинціала Цезарія Каминскаго и монаха-богослова Маевскаго, открытое потворство базиліанскимъ интересамъ митрополита Булгака и Виленскаго епископа Адріана Головни подняли на ноги представителей бѣлаго духовенства въ Виленской и Брестской епархіяхъ и повели къ образованію изъ нихъ коалиціи, вступившей въ открытую борьбу съ базиліанами.

Спустя не болѣе полугода послѣ смерти Ираклія Лисовскаго, бѣлое духовенство Брестской и вновь образованной Виленской епархій вошло съ представленіями черезъ свои консисторіи о тяжкой своей участи и просило возвращенія незаконно захваченныхъ базиліанами монастырей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру. „Базиліане“, сказано въ представленіи Брестской консисторіи отъ 28-го января 1810 г., — „захватили фундуши бѣлаго духовенства, о чемъ былъ поданъ протестъ духовенствомъ Виленской епархіи еще въ 1776 году. Въ монастыряхъ Черлёнскомъ, Хомскомъ, Даревскомъ, Лысковскомъ, Рожанскомъ, Волнянскомъ, Мирскомъ и Чечерскомъ имѣются приходы, которые прежде управлялись священниками и существовали на счетъ свѣтскихъ приношеній. О томъ, чтобъ эти церкви назначались для пребыванія монаховъ въ фундаціяхъ вовсе не упоминается, и не извѣстно на какомъ основаніи они были обращены въ монастыри“. Монаховъ въ этихъ монастыряхъ столь небольшое число, что они подлежатъ упраздненію, согласно постановленіямъ папъ и конституціямъ. Въ буллѣ Иннокентія X, 1652 г., которая начинается словами: „Instaurandae regularis Disciplinae“ опредѣлено уничтоженіе малыхъ монастырей; въ буллѣ Бенидикта XIV, 1744 года, начинающейся словами: „Inter plures“, монастыри, имѣющіе менѣе восьми монаховъ, подлежатъ упраздненію; въ высочайше утвержденныхъ пунктахъ для духовенства римско-католическаго и уніатскаго исповѣданій отъ 11-го декабря 1800 г. въ п. 15 опредѣлено: „Епархіальные архіереи не должны давать монахамъ приходовъ въ управленіе, дабы черезъ то не подавать имъ случая преступить обѣты нищеты, данные передъ Богомъ“. Въ силу такихъ постановленій, консисторія

отъ лица бѣлаго духовенства проситъ, чтобы „высочайше назначенный комитетъ о реформѣ базиліанскаго ордена, имѣя этотъ вопросъ въ виду, не отнималъ имущества у бѣлаго духовенства“.

Заявленіе Брестской консисторіи епископъ Іосафатъ Булгакъ представилъ во 2-й департаментъ коллегіи при рапортѣ отъ 31-го января съ своимъ заключеніемъ. Основываясь на законахъ римско (sic)-уніатской церкви, епископъ проситъ департаментъ защитить бѣлое духовенство отъ притязаній базиліанъ и изложенныя въ представленіи консисторіи претензіи (?) представить на рѣшеніе всемилостивѣйше утвержденнаго комитета съ тѣмъ, чтобы поименованные въ прошеніи базиліанскіе монастыри со всѣми фундушами были возвращены бѣлому духовенству, а управленіе ими ввѣрено епархіальному епископу, а не ктиторамъ; доходы означенныхъ церквей должны быть обращены на вознагражденіе заслуженныхъ членовъ каѳедральнаго собора (капитульныхъ прелатовъ) и обучающихся въ главной семинаріи юношей [1]).

Вслѣдъ за симъ министръ народнаго просвѣщенія графъ А. Разумовскій препроводилъ во 2-й департаментъ коллегіи поданную ему жалобу Виленской митрополичьей консисторіи и просьбу о возвратѣ свѣтскому клиру приходскихъ церквей, обращенныхъ въ монастыри Раковскій, Кашуцкій и Поставскій, во вновь учрежденной Виленской епархіи.

„Монахи“, пишетъ консисторія,—„отнимаютъ способы уніатскимъ мірскимъ священникамъ къ приличному по ихъ сану содержанію, честныхъ мужей бѣлаго духовенства, въ богословіи просвѣщенныхъ, удаляютъ отъ принадлежащей имъ должности, стѣсняя ихъ нищетою“. И далѣе: „Обучающіеся въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ студенты четырехъ уніатскихъ епархій приготовляются къ занятію должности въ приходахъ, а между тѣмъ они будутъ оставаться безъ мѣстъ, въ виду того, что базиліане отняли фундуши“.

„Ваша свѣтлость, милостивѣйшій благодѣтель, воззри окомъ милосердія на нищету и притѣсненія унитскаго бѣлаго духовенства и благоволи оное принять подъ свое покровительство и защиту, дабы вышеупомянутыя приходскія церкви, въ вѣдѣніи базиліанъ находя-

---

[1]) Син. архивъ, 2-го деп. р.-к. коллегіи. Дѣло 1810 г., № 6. Представленіе подписали: предсѣдатель консисторіи оффиціалъ Антоній Тупальскій, ассессоры: Стефанъ Горбацевичъ и Брестскій каноникъ Яковъ Клевскій.

щіяся, унитскому бѣлому духовенству со всѣми имуществами, нынѣ при нихъ находящимися, возвращены были“ [1]).

Жалобы обѣихъ консисторій разсматривались въ департаментѣ коллегіи въ засѣданіяхъ 16-го февраля, 31-го мая, 2-го, 3-го и 7-го іюня 1811 года, и затѣмъ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Дѣло это не подлежитъ сужденію коллегіи (sic) и зависитъ отъ верховнаго государственнаго правительства, о чемъ и дать знать епископу Булгаку и Виленской консисторіи“. Журналъ подписали: Полоцкій архіепископъ І. Красcовскій, ассессоръ Луцкій прелатъ Іоаннъ Гачевскій, ассессоръ Іосафатъ Горбацевичъ (послѣдній отъ Брестской и Виленской епархій).

Замѣчательно, что засѣдатель Іосафатъ Горбацевичъ объ этомъ дѣлѣ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ старался доказать неправильность иска своихъ собратій, брестскихъ канониковъ. Вотъ что писалъ Горбацевичъ: Въ одиннадцати названныхъ монастыряхъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (1637—1711), состоитъ теперь 57 монаховъ, числится 484 души крестьянъ, 3 уволоки земли и капитала на 25,876 руб.; монахи обязаны ежегодно служить 3,547 литургій, но такое количество облигацій не въ состояніи будутъ исполнить приходскіе священники. Между тѣмъ на базиліанскихъ монаховъ возложено содержаніе 20 епархіальныхъ семинаристовъ бѣлаго духовенства, ихъ обучать, снабжать ихъ одеждою, пищею и т. п. (вѣроятно, дѣло идетъ о Лаврышевской семинаріи, существовавшей на бумагѣ). Кромѣ того, базиліанскіе монастыри Литовской провинціи (въ составъ которой входятъ означенные 11 монастырей) обязаны платить на содержаніе уніатскихъ клириковъ главной духовной семинаріи ежегодно по 1,211 рублей. Помнится Горбацевичу, что когда, вслѣдствіе указа 12-го іюля 1804 г., предложено было уменьшить число базиліанскихъ монастырей, то коллегія опредѣлила, въ случаѣ уничтоженія лишнихъ монастырей, имущество ихъ передать прочимъ базиліанскимъ монастырямъ, и такое мнѣніе вмѣстѣ съ дѣломъ отослано въ сенатъ въ началѣ 1805 года.

---

[1]) Тамъ же. Прошеніе подписали: каноникъ (Брестскій) предсѣдатель консисторіи Илья Мокрицкій, каноникъ (Брестскій) вице-президентъ консисторіи Іосифъ Шидловскій, каноникъ (Брестскій) засѣдатель консисторіи Клементій Косецкій. Вильно мая 11-го дня 1810 г. Илья Мокрицкій, кажется, былъ сыномъ о. Іоанна, подавшаго протестацію, о которой мы упоминали выше.

Далѣе представитель интересовъ уніатскаго духовенства въ столицѣ дѣлаетъ ссылку на докладъ 27-го іюля 1807 года о базиліанскомъ обществѣ, гдѣ въ п. 18 сказано объ образованіи „эдукаціоннаго фундуша“; послѣдній же долженъ быть въ распоряженіи базиліанъ; но для разрѣшенія этого вопроса учрежденъ особый комитетъ.

Въ заключеніе своего мнѣнія членъ департамента коллегіи отъ Брестской епархіи приводитъ въ справкѣ постановленія благопріятныя интересу базиліанъ и опускаетъ все то, что̀ должно служить поддержкою петиціи бѣлаго духовенства. Такъ онъ ссылается на конституцію 1775 года (до которой не было никакого дѣла русскому правительству); послѣдняя же предписывала оставить въ спокойномъ обладаніи базиліанъ всѣ прежнія пожалованія; далѣе онъ указываетъ на трактатъ между Польшею и Россіей, отрицаетъ силу буллы папы Бенедикта XIV (?) и приводитъ п. 10 Замостьскаго собора 1721 года, утвержденнаго папою въ 1724 г.: „Соборныя церкви, которыя по фундаціи, или по древнему владѣнію принадлежали монахамъ быть (должны?) ими управляемы, прочіе же священники бѣлаго духовенства и настоящій родъ ихъ перемѣняемъ быть не можетъ“. Приведя такія одностороннія и невѣрныя справки, засѣдатель Іосафатъ Горбацевичъ заключаетъ, что домогательства бѣлаго духовенства не согласны съ интересами ордена базиліанъ, но полагаетъ однако нужнымъ, въ случаѣ удаленія (?) базиліанъ, передать захваченные ими фундуши бѣлому духовенству, о чемъ и сообщить комитету [1]).

Брестской и Виленской консисторіямъ указомъ 10-го іюня 1811 года дано было знать, что „коллегія въ разбирательство по духовнымъ фундушамъ входить не имѣетъ власти“.

Уніатскій департаментъ коллегіи рѣшилъ вопросъ вопреки намѣреніямъ императора Александра I, выраженнымъ въ указѣ 1804 года, который въ свою очередь былъ повтореніемъ указовъ 1795 и 1797 годовъ объ ограниченіи числа монастырей въ уніатской церкви. Рѣшеніе департамента не согласовалось также и съ буллами папъ Иннокентія X и Бенедикта XIV, требовавшими закрытія мелкихъ монастырей и ограничивавшими общежительство восемью монахами. Журналъ подписанъ однако и архіепископомъ Красовскимъ, столь

---

[1]) Тамъ же. Особое мнѣніе Горбацевича, поданное имъ на другой день послѣ подписанія журнала.

усерднымъ исполнителемъ мѣръ, клонившихся къ ограниченію вліянія базиліанскаго ордена въ уніи при Лисовскомъ [1]).

Дѣло секуляризаціи монастырей Литовской провинціи было отложено опять въ долгій ящикъ въ угоду епископамъ, всецѣло преданнымъ базиліанскому ордену—Булгаку и Головнѣ. Первый дѣйствовалъ уклончиво: въ 1810 году онъ поддерживалъ жалобы духовенства своей епархіи, и по видимому, входилъ въ его интересы; но спустя годъ, назначенный имъ же засѣдатель въ департаментѣ І. Горбацевичъ становится великодушнымъ защитникомъ базиліанскаго ордена! Другой, епископъ Головня, просто умылъ руки: онъ предоставилъ Виленской консисторіи самой подать жалобу одному изъ членовъ высочайше утвержденнаго комитета, графу Разумовскому. Послѣдній точно также отклонилъ отъ себя ходатайство консисторіи. А затѣмъ департаментъ коллегіи въ своемъ рѣшеніи даже и не потрудился объяснить, кто именно долженъ входить въ разбирательство жалобъ уніатскаго духовенства...

Митрополитъ Григорій Кохановичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Лисовскому и самъ происходя изъ среды бѣлаго духовенства (онъ былъ вице-офиціаломъ и офиціаломъ въ Полоцкой епархіи при Лисовскомъ), оставался въ Жидичинѣ спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ происходившаго и почти не руководилъ дѣлами своей церкви. Даже и столь энергичный Красовскій, стоявшій на стражѣ бѣлаго духовенства Полоцкой епархіи при митрополитѣ Лисовскомъ, дѣйствовалъ теперь уклончиво.

Все это даетъ намъ нѣкоторое понятіе объ отношеніи іерарховъ и высшихъ правительственныхъ органовъ къ дѣламъ уніатской церкви. Сенатъ, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, 2-й департаментъ римско-католической коллегіи и епархіальныя власти не могутъ сладить съ притязательностью монашескаго ордена, владѣвшаго милліоннымъ капиталомъ и множествомъ крѣпостныхъ людей!...

Сенатъ съ 1804 года все еще не успѣлъ собрать свѣдѣній о числѣ монастырей и его фундушахъ въ трехъ уніатскихъ епархіяхъ. Голицынъ въ качествѣ главнаго начальника, не поинтересовался даже узнать, почему указъ 1804 года оставался безъ исполненія. Объ этомъ

---

[1]) І. П. С. З. Сенатскій указъ, 17-го мая 1804 г.: „Въ виду несоразмѣрности числа уніатскихъ монастырей“ упразднить малые монастыри, а школы (упраздненныхъ монастырей) принять министру народнаго просвѣщенія“.

указѣ ничего не хотѣлъ знать и членъ коллегіи Горбацевичъ, не забывавшій однако ни постановленій Замостьскаго собора 1721 г., ни польскихъ конституцій 1775 года, вовсе не относившихся къ дѣлу, поднятому консисторіями. Непонятна также роль старшаго члена коллегіи архіепископа Крассовскаго, на которое бѣлое духовенство имѣло основаніе разчитывать, какъ на единственную свою опору...

Рано было поднимать свой голосъ Брестскому капитулу, къ которому принадлежали предсѣдатели и члены консисторіи двухъ епархій.

Базиліанскому ордену необходимо было подорвать авторитетъ Брестскаго капитула, возстановленнаго въ 1775 г. епископомъ Млодовскимъ и утвержденнаго привилегіями Польскаго короля Станислава Августа 19-го августа 1780 г. [1]).

Въ 1808 г. епископъ Булгакъ актомъ 6-го декабря возстановилъ упадавшій капитулъ, замѣстивъ вакантныя мѣста прелатовъ и канониковъ вновь избранными лицами. Въ 1810 г. въ составъ Брестской епархіи вошли церкви упраздненной Супрасльской епархіи, и тогда же Супрасльскій капитулъ слился съ Брестскимъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе возстановленія Виленской митрополичьей епархіи, Брестская каѳедра лишена была своихъ послѣднихъ фундушей, отошедшихъ на содержаніе епархіальнаго епископа. Предполагалось возстановить Супрасльскую каѳедру, передавъ ея фундуши на содержаніе Брестскаго капитула, въ которомъ теперь соединились представители бѣлаго духовенства, бывшихъ четырехъ епархій: Пинской, Туровской и Супрасльской, слившихся вмѣстѣ съ Брестскою [2]).

Между тѣмъ членъ Брестскаго капитула Шидловскій, занимая должность вице-предсѣдателя въ консисторіи возстановленной Виленской епархіи, рѣшился принять на себя инищіативу по возстановленію каѳедральнаго собора въ Вильнѣ и образованію новаго капитула.

---

[1]) Брестскій капитулъ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ. Еще за 10 лѣтъ до введенія уніи каѳедральное русское духовенство называлось капитуломъ, выраженіемъ взятымъ у латынянъ. Многіе акты свидѣтельствуютъ о существованіи Брестскаго капитула при Брестскомъ Николаевскомъ соборѣ въ XVII вѣкѣ. Капитулъ, упавшій вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ Польшѣ, возстановленъ 14-го мая 1775 г. Его составляли: архипресвитеръ Антоній Корончевскій, архидіаконъ Прибышевичъ, схоластъ Загоровскій, екклезіархъ Хоцевичъ, хартофилаксъ Духновскій, канторъ Артецкій. Роль Брестскаго капитула выдвинулась въ слѣдующій періодъ исторіи; поэтому съ его организаціей и составомъ мы познакомимъ читателя подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Архивъ св. синода, 2-го деп. коллегіи. Дѣло 1818 г.: „Актъ Брестскаго капитула“, лл. 10—22.

Съ этою цѣлью въ 1811 году онъ обратился съ ходатайствомъ къ митрополиту Григорію Кохановичу объ утвержденіи его въ званіи Виленскаго каноника, съ назначеніемъ архипресвитеромъ или архидіакономъ. По этому поводу вотъ что писалъ митрополитъ Кохановичъ изъ Жидичина (гдѣ онъ жилъ въ качествѣ Луцкаго епископа) къ Виленскому епископу Адріану Головнѣ отъ 14-го декабря 1811 г.:

„До сихъ поръ не знаю, на какомъ основаніи епископъ Брестскій (Булгакъ) основалъ свой капитулъ и каноииковъ, такъ какъ у апостольскаго кардинала Литта я не нахожу установленнаго Брестскаго капитула съ канониками и прелатами, и полагаю, что все это онъ установилъ правомъ обычая; на такомъ же основаніи нѣкоторые брестскіе каноники въ 1809 году переименованы (Лисовскимъ) въ виленскихъ. Папскія буллы не устанавливали ни прелатуръ, ни каноииковъ, а вводили ихъ какъ церковныя отличія (altare privilegiatur). Для образованія капитула нужно имѣть высочайшее разрѣшеніе и обладать достаточными фундушами. Самъ Луцкій капитулъ только тѣшится правами и бѣдными фундушами. Прелатуры и канонія свойственны исключительно церкви римско-католической. Но о Брестскомъ капитулѣ не извѣстно—утвержденъ ли онъ? А пока не наступитъ торжественное признаніе его существованія, правъ и фундушей, до тѣхъ поръ и каноники эти существуютъ лишь по праву обычая“ [1]).

Митрополитъ Кохановичъ въ своихъ объясненіяхъ ошибался. О капитулахъ западно-русской церкви упоминается въ нѣкоторыхъ актахъ еще въ XVI в. Такъ основатели Волчинской церкви, Солтанъ и его супруга Марія, въ актѣ 1586 г. поручили охранять церковные фундуши „владыкѣ и его капитулѣ“, на правѣ опекуновъ. Соборное духовенство при епископской каѳедрѣ всегда имѣло извѣстное отношеніе къ паствѣ: оно составляло совѣтъ епископа, служило ему въ помощь и, какъ установленіе, пользовалось извѣстными преимуществами, правами, обязанностями. Сущность дѣла тутъ не въ названіи, не въ каноніяхъ и прелатурахъ. Вслѣдствіе сосѣдства съ Польшею, послѣ того когда Русская церковь, слѣдовавшая греческому обряду, была соединена съ Римскою въ уніи, особенно же во второй поло-

---

[1]) Это официальное письмо (на польскомъ языкѣ) привелъ ученый монахъ св. Троицкаго монастыря Ѳома Маевскій, въ своей статьѣ „О іерархіи, соединенной съ римскою“—*Dzieje Dobrocz.* 1823 г., t. 1. Базиліанскій богословъ въ ней старается доказать, что со времени Замостьскаго собора епископы „для пользы душъ вѣрныхъ“ поручали должности соборныхъ священниковъ базиліанскимъ монахамъ, а не свѣтскому клиру

винѣ XVII вѣка, многія греческія названія начали замѣнять латинскими, а русскія слова—польскими. Прежнія названія—протопопъ, протопресвитеръ — замѣнены каноникомъ, русское слово священникъ (см. актъ 1586 г.) замѣнено польскимъ словомъ ксендзъ. Вмѣсто „собора“, въ смыслѣ соединенія протопоповъ при епископской каѳедрѣ, стали употреблять слово „капитулъ“. Но эти перемѣны въ названіяхъ въ началѣ XIX в. не имѣли мѣста только въ Бѣлорусской (или Полоцкой) епархіи, откуда происходилъ Кохановичъ. При Лисовскомъ соборное духовенство Полоцкой епархіи, архипресвитеръ и протопресвитеры, имѣли однако большое значеніе; благодаря энергіи соборнаго духовенства и содѣйствію протопресвитеровъ, названныхъ потомъ канониками, Лисовскій могъ рѣшиться на реформы обрядовъ въ своей епархіи. Брестскій капитулъ или старшее духовенство, состоявшее изъ 6 прелатовъ и 12 каноииковъ, оказывалъ энергическое содѣйствіе въ управленіи епархіи: его члены производили ревизіи, заботились о сохраненіи чистоты обрядовъ, объ образованіи; но епископъ Булгакъ, всею душою преданный базиліанамъ, недовѣрчиво и подозрительно относился къ коалиціи соборныхъ протоіереевъ или каноииковъ; и не смотря на это, онъ не только подтвердилъ актъ брестскаго капитула 6-го декабря 1808 года, но и постоянно замѣщалъ открывающіяся вакансіи прелатовъ и канониковъ вновь избираемыми; фактъ этотъ легко повѣрить по послужнымъ спискамъ прелатовъ и канониковъ Брестской епархіи. Само правительство, учреждая въ 1804 г. штаты уніатскихъ консисторій, опредѣлило замѣщать должности предсѣдателя и членовъ консисторіи—прелатами и каноииками. И въ другихъ постановленіяхъ мы встрѣчаемся съ уніатскимъ капитуломъ, какъ съ установленіемъ, признаннымъ русскимъ законодательствомъ въ уніи. Но уніатскіе епископы еще въ XVIII столѣтіи старались, по возможности, устранить вліяніе капитула или старшаго духовенства на дѣла въ своихъ епархіяхъ; подъ давленіемъ базиліанскихъ притязаній изчезли соборы или капитулы въ Вильнѣ, Минскѣ, Новогрудкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднены были въ свѣтскомъ духовенствѣ самыя названія: соборные клирошане протопресвитеры, протопопы. Имуществомъ соборовъ овладѣли епископы и монастыри. Что же касается до базиліанъ, то они въ свѣтскомъ клирѣ допускали только священниковъ или пресвитеровъ, между которыми, по ихъ мнѣнію, могли быть только титулованные протопресвитеры или каноники, отличаемые отъ священниковъ дистенкторіальными крестами, которые митрополитъ могъ возла-

гать по своей милости не болѣе какъ на 30 достойнѣйшихъ священниковъ во всѣхъ уніатскихъ епархіяхъ. Усиленія свѣтскаго клира при епископскихъ каѳедрахъ, какъ мы знаемъ, базиліане не допускали, не взирая на буллы папъ Бенедикта XIV и Пія VI и не смотря на императорскіе указы, въ которыхъ опредѣленъ былъ порядокъ управленія дѣлами церкви [1].

Брестскій капитулъ стоялъ на почвѣ права, а потому и не могъ допустить въ церковной іерархіи отступленій въ угоду базиліанамъ.

Въ началѣ 1811 года въ Полоцкѣ состоялось посвященіе въ архіепископы Іоанна Красовскаго, и въ епископы—Адріана Головни и ако ва Окелло Мартусевича. Ни митрополитъ Кохановичъ, ни уніатскіе іерархи, избранные Лисовскимъ, не успѣли еще ничѣмъ заявить своей дѣятельности на пользу церкви. Между тѣмъ базиліанскій орденъ воспользовался политическими замѣшательствами и особенно отечественною войною, чтобы возвратить себѣ утраченное при Лисовскомъ вліяніе на дѣла западно-русской уніатской церкви.

Въ Вильнѣ учрежденъ былъ „религіозный комитетъ", въ составъ котораго, кромѣ магнатовъ и епископовъ латинскаго обряда, вошли слѣдующія духовныя особы греко-уніатскаго исповѣданія: Виленскій епископъ Головня, настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Ленартовичъ, консульторъ монахъ Троицкаго Виленскаго базиліанскаго монастыря Цезарій Каминскій. Комитетъ, въ которомъ не было ни одного представителя со стороны бѣлаго уніатскаго духовенста, обложивъ монастыри и церкви контрибуціей въ пользу Наполеона, составилъ планъ низверженія митрополита Кохановича и архіепископа Красовскаго, указавъ кандидатами на Луцкую и Полоцкую епархіи монашествующихъ базиліанскаго ордена, которые, подобно епископамъ Булгаку и Головнѣ, по происхожденію были поляками, а по исповѣданію, до поступленія въ монашество,—римскими католиками. Эти базиліанскіе кандидаты были уже представлены Наполеону и ожидали только своего утвержденія, но французы были изгнаны, и комитетъ изчезъ. „Если все это правда", такъ писалъ Кохановичъ къ Красовскому 6-го марта 1813 г.,—„то можно сказать, что о насъ хорошо помнили и хорошо заботились. Но благодареніе

---

[1]) Въ буллѣ Бенедикта XIV требуется возстановить значеніе упавшаго свѣтскаго клира и сократить число монаховъ. Пій VI въ буллѣ 6-го марта 1798 г. устанавливаетъ Супрасльскій капитулъ съ двумя прелатами и двумя каноникамн. Въ императорскихъ указахъ встрѣчаемъ упоминанія о *прелатахъ* и *каноникахъ*.

Богу и государю вѣчная слава за побѣду, замыслы нашихъ враговъ разсѣялись и изчезли, и обратися болѣзнь на главу ихъ“ [1]).

Въ отечественную войну пострадали всѣ сословія: широкая полоса Западной Россіи, особенно же Бѣлорусскій край, была разорена, а нѣкоторыя церкви обращены въ развалины; но всего болѣе досталось базиліанскому ордену и не столько отъ нашествія непріятеля, сколько отъ его усердія къ врагамъ Россіи. Наравнѣ съ имѣніями польскихъ помѣщиковъ, пострадали монастырскія имѣнія. Нѣкоторые базиліанскіе монастыри, преимущественно Луцкой епархіи, оказавшіе явное содѣйствіе непріятелю, были закрыты. Другіе лишились своихъ имѣній, а слѣдовательно, и доходовъ на содержаніе монаховъ. Капиталы нѣкоторыхъ монастырей были растрачены [2]). Въ донесеніяхъ объяснялось, что многіе монастыри Бѣлорусской провинціи, по бѣдности своей, не въ состояніи были платить незначительной складчины на семинарію. Такъ, по крайней мѣрѣ, оправдывали настоятелей сами епископы. „Крестьяне“, писалъ архіепископъ Красовскій,—„совершенно разорены; имъ необходимо выдавать ссуды лошадьми и припасами, нѣтъ средствъ удовлетворять земскія повинности; монастырскія церкви лишены утвари и украшеній. Платить денегъ на семинаріи они не могутъ“. Почти то же самое доносилъ въ коллегію и Луцкій епископъ о монастыряхъ Русской провинціи: „Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ денегъ на прокормленіе живущихъ монаховъ или же не получаютъ никакихъ процентовъ съ капиталовъ, ввѣренныхъ помѣщикамъ“ [3]). При такихъ условіяхъ правительство нашло нужнымъ сложить съ монастырей, какъ римскихъ, такъ и базиліанскихъ, недоимку за три года въ количествѣ 45,000 руб., а это обстоятельство было существенною причиною замедленія къ возобновленію главной духовной семинаріи, закрытой при самомъ началѣ отечественной войны [4]).

---

[1]) Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго, *Пр. Собесѣдн.* 1884 г., іюль, стр. 254—258.

[2]) Арх. св. синода. Дѣло 1813 г., № 21, „О растратѣ фундушей Безводицкаго монастыря“. Часть денегъ, сказано въ одной жалобѣ, растрачена была по случаю прошедшей революціи(?). Жалоба подана въ августѣ 1813 г.

[3]) Арх. св. синода. Дѣло 1815 г., № 6, на 408 листахъ.

[4]) *Платона Жуковича*, „Объ основаніи и устройствѣ главн. дух. семинаріи при Виленскомъ университетѣ“. Авторъ представляетъ общую картину развитія этого разсадника ученыхъ уніатовъ, совершившихъ возсоединеніе, касается и матеріальныхъ средствъ; мы дополняемъ его свѣдѣнія новыми фактами.

Возобновленія главной духовной семинаріи не желало монашествующее духовенство обоихъ исповѣданій, которое между тѣмъ охотно продолжало нести большія тягости на „народное образованіе" въ своихъ публичныхъ и приходскихъ школахъ. Департаментъ коллегіи (р.-католической) принялъ сторону монаховъ и, на основаніи донесенія уніатскаго епископа Головни, который осматривалъ семинарію въ 1814 году заочно, когда не было клириковъ, составилъ докладъ о закрытіи главной духовной семинаріи, какъ учебнаго заведенія, вреднаго по своему направленію [1]). Пока шла переписка, главная семинарія была возстановлена 24-го сентября 1816 года. Попечитель Виленскаго университета князь А. Чарторыжскій нашелъ соображенія коллегіи неосновательными и доказалъ необходимость и пользу этого лучшаго богословскаго института въ Западной Россіи.

Неудовлетворительный составъ клириковъ, неустройство внутренней жизни и другіе недостатки, замѣченные въ первые годы ея существованія (1806 — 1812 гг.), послѣ ея возобновленія въ 1816 г. были устранены, и въ послѣдующій періодъ дѣятельности, до самаго закрытія въ 1832 г., эта высшая богословская школа получила образцовое устройство, окрѣпла, разцвѣла и стала разсадникомъ главныхъ дѣятелей греко-уніатской церкви, занявшихъ мало по малу, какъ увидимъ, согласно съ цѣлями самаго устава, важнѣйшіе посты въ коллегіи (послѣ 1820 года), въ консисторіяхъ, въ епархіальныхъ семинаріяхъ и въ духовныхъ училищахъ.

Когда главная семинарія была вновь призвана къ жизни, когда въ ней преподавали и учились будущіе дѣятели, ученые и подвижники возсоединенія уніатовъ съ православіемъ [2]), греко-уніатская

---

[1]) Противъ возобновленія главной духовной семинаріи былъ и архіепископъ Красовскій. Донося 2-му департаменту коллегіи о необходимости освободить монастыри отъ платежа складчины на главную семинарію въ Вильнѣ и о разстройствѣ Полоцкой семинаріи, ввѣренной его непосредственному надзору, архіепископъ писалъ, что отъ своей епархіальной семинаріи онъ ожидаетъ болѣе пользы, чѣмъ отъ главн. дух. семинаріи. „Туда изъ моей семинаріи посылать не стоитъ, ибо мои семинаристы получаютъ болѣе основательное образованіе въ Полоцкой іезуитской академіи, гдѣ, навѣрно могу сказать, они получатъ гораздо превосходнѣйшее просвѣщеніе въ наукахъ, утвердятся въ благонравіи, въ законахъ вѣры". Архивъ св. синода. Дѣло 1815 г., № 6.

[2]) Въ первые три года по *возобновленіи*, въ главной семинаріи воспитывались: Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій (1816 — 1820 гг.) и Антоній Зубко (1818—1822 гг.), главнѣйшіе дѣятели въ періодъ реформъ обрядовъ церкви; Пла-

церковь находилась въ весьма печальномъ состояніи. Отъ этой семинаріи отрекался Полоцкій архіепископъ, противъ нея интриговали Брестскій и Виленскій епископы и всѣ монашескіе ордена.

По исповѣднымъ книгамъ греко-уніатскихъ прихожанъ послѣ войны 1812 г. числилось уже не болѣе 1.500,000 душъ обоего пола, а именно въ епархіяхъ: Виленской митрополичьей до 291,000, въ Полоцкой—свыше 540,000, въ Брестской — 535,000, въ Луцкой—не болѣе 120,000 д. об. п. Приходское духовенство, котораго благосостояніе зависѣло отъ доброй воли ктиторовъ-помѣщиковъ латинской вѣры, находилось, какъ и прежде, въ совершенномъ уничиженіи и загонѣ. Но просвѣщенные и энергическіе его представители изъ числа членовъ Брестскаго капитула въ Вильнѣ и въ Жировицахъ не теряли надежды на возрожденіе упавшей церкви и въ этой мысли, съ вѣрою на промыслъ Божій, поддерживали лучшихъ своихъ питомцевъ, воспитывавшихся въ главной семинаріи или слушавшихъ курсъ богословскихъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ. Они неотступно слѣдили за происками латинизаторовъ и, не забывая о программѣ Лисовскаго, своевременно выступили съ протестами.

Въ епархіальныхъ семинаріяхъ духовное просвѣщеніе оставалось въ жалкомъ состояніи; только одна Полоцкая, устроенная Лисовскимъ, подавала вѣсти о своемъ существованіи; однако послѣ отечественной войны и она пришла въ совершенное разстройство; она нѣсколько оправилась не ранѣе 1817 года, и тогда въ ней обучалось 74 ученика. Ни греческій, ни церковно-славянскій языки не входили однако въ составъ предметовъ, преподаваемыхъ полоцкимъ уніатскимъ семинаристамъ [1]. Обученіе велось на польскомъ языкѣ; учениковъ очень много занимали латынью, математикой, естественными науками; въ старшемъ классѣ вмѣстѣ съ богословіемъ преподавали метафизику, физику, химію, высшую математику. По окончаніи шестилѣтняго курса наукъ, ученики поступали для довершенія бого-

---

тонъ Сосновскій (1817 — 1821 г.), извѣстный профессоръ пастырскаго богословія, къ сожалѣнію, умершій при самомъ разцвѣтѣ своихъ силъ (1827 г.). На возобновленіе семинаріи оказали особенное вліяніе профессора Клонгевичъ и Михаилъ Бобровскій, первый ученикъ перваго выпуска въ 1812 г.

[1]) Этому впрочемъ не слѣдуетъ удивляться. И въ греко-россійскихъ семинаріяхъ и академіяхъ, въ которыхъ программы и методы обученія заимствованы изъ Кіева, на первомъ планѣ былъ латинскій языкъ. Только съ 1808 г. въ семинаріяхъ введено преподаваніе греческаго языка наравнѣ съ латинскимъ.

словскаго образованія въ Полоцкую іезуитскую академію [1]). Въ такомъ положеніи находилось образованіе уніатскихъ семинаристовъ до закрытія Полоцкой іезуитской академіи. Семинарія въ Полоцкѣ во всякомъ случаѣ имѣла подобіе школы и была устроена не хуже латино-польскихъ и базиліанскихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи. О ней по крайней мѣрѣ заботился епархіальный епископъ, награждалъ преподавателей небольшими окладами—рублей по 100 или 200 ежегодно; но особаго ректора въ ней не было: руководить образованіемъ своего духовенства желалъ самъ архіепископъ Красовскій.

Епархіальныя семинаріи прочихъ трехъ уніатскихъ епархій не были устроены. Въ семинаріи Брестской епархіи, которая находилась въ Лаврышовѣ (монастырь близъ Новогрудка) воспитывалось отъ 10 до 15 учениковъ. На содержаніе (одежду, пищу, освѣщеніе, отопленіе) этой семинаріи, вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за преподаваніе, расходовалось отъ 400 до 600 руб. въ годъ. Учителями были три престарѣлые базиліанскіе монаха на покоѣ. Курсъ продолжался два года. На польскомъ языкѣ преподавались: богословіе догматическое и нравственное, кантъ (ирмологія) и обряды церковные. Здѣсь былъ особый ректоръ — базиліанскій монахъ. Между тѣмъ на семинарію Брестской епархіи въ разное время завѣщаны были значительные фундуши. Фундуши эти безслѣдно погибли. Съ 1810 г. новый семинарскій фундушъ, составленный изъ части денегъ, вырученныхъ отъ продажи папскаго алумната въ Вильнѣ и изъ завѣщаннаго на Супрасльскую семинарію капитала епископа Духновскаго, доставлялъ ежегодно до $2^1/_2$ тыс. руб. дохода, а между тѣмъ на образованіе семинаристовъ для 450 церквей епископъ Булгакъ полагалъ достаточнымъ удѣлять только четвертую долю. Булгакъ рѣшилъ, что образованіе для уніатскаго священника, не облеченнаго въ монашескую рясу, составляетъ роскошь!...

О Свержанской семинаріи Виленской епархіи изъ офиціальныхъ источниковъ знаемъ только, что въ ней состояло 4 ученика (а иногда только одинъ) и 3 учителя, тоже изъ числа престарѣлыхъ монаховъ. На устройство ея въ 1743 году пожертвованъ былъ капиталъ въ 74,000 злотыхъ (до 12,000 р.). Сначала въ Свержани полагалось

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. Дѣло 1817 г., № 12 и 13. Въ спискахъ учениковъ встрѣчаемъ Антонія Зубку—въ старшемъ курсѣ и Михаила Шелетина—въ среднемъ классѣ, двухъ будущихъ ректоровъ семинарій—Полоцкой и Жировицкой.

воспитывать 22 семинаристовъ. Семь лѣтъ семинарія продерживалась. Но съ 1750 г. въ теченіе 70-ти лѣтъ наслѣдники завѣщателя князя Радзивилла выплачивали проценты (по $5^0/_0$) такъ не аккуратно, что образовался долгъ въ 216,499 злот. 23 гроша. Многіе года велась безплодная тяжба, и впослѣдствіи фундушъ Свержанскій признанъ безнадежнымъ [1]).

Въ Луцкой епархіи пропали капиталы, завѣщанные на семинарію разными духовными лицами и митрополитомъ Кишкою; поэтому здѣсь не было и епархіальной семинаріи.

Печально было матеріальное и умственное состояніе бѣлаго духовенства въ уніатскихъ епархіяхъ, въ которыхъ числилось до 2,000 приходскихъ церквей и до полутора милліона прихожанъ. И большую отвѣтственность передъ потомствомъ несутъ епископы, беззаботно и небрежно относившіеся къ бѣлому духовенству, лишая его источниковъ просвѣщенія въ духѣ греко-славянскаго восточнаго обряда [2])

Совершенно въ другихъ условіяхъ находилось образованіе базиліанскихъ монаховъ. По свѣдѣніямъ 1813 г., въ трехъ провинціяхъ, согласно показаніямъ провинціаловъ, состояло монастырей: 85 мужскихъ и 11 женскихъ, и въ нихъ числилось 694 монаха и 115 монахинь. Доходы всѣхъ монастырей простирались до 95,000 руб. одними процентами съ капиталовъ, помѣщенныхъ подъ залогъ имѣній помѣщиковъ латинской вѣры; впрочемъ, значительная часть базиліанскихъ капиталовъ, какъ извѣстно, находилась подъ тяжбами и не приносила процентовъ. Тяжбами базиліанъ съ ихъ кредиторами переполнены были суды всѣхъ инстанцій и 3-й департаментъ сената. Кромѣ процентовъ съ капиталовъ, базиліанскіе монастыри пользовались продуктами въ натурѣ съ своихъ населенныхъ имѣній.

Въ каждой провинціи—Бѣлорусской, Литовской и Русской—находились школы двоякаго рода: духовныя и свѣтскія. Духовныя школы были трехъ разрядовъ: новиціаты, для юношей отъ 14 лѣтъ,

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му деп. колл. Дѣло 1820 г., № 19.

[2]) Въ вѣдѣніи Дрогичинскаго благочиннаго (Антонія Сосновскаго) состояла школа церковниковъ въ Клещеляхъ при Николаевской церкви. Она существовала болѣе ста лѣтъ и въ бывшей Супрасльской епархіи образовала многихъ священниковъ; теперь, за отсутствіемъ семинаріи, она оказывала большую услугу Брестской епархіи (Холм. мѣсяц. на 1867 г. Ст. *Плакида Янковскаго*). Брестскій капитулъ ее поддерживалъ. Въ Жировицахъ обучалось нѣсколько ставленниковъ при консисторіи. Преподавателемъ здѣсь былъ одинъ изъ членовъ Брестскаго капитула. Въ Клещельской школѣ обучали церковно-славянскому языку.

вступающихъ въ монашество, философская и богословская студіи для дальнѣйшаго образованія. Монахами большею частью были лица дворянскаго происхожденія, сыновья родителей латинской вѣры. Карьера монаха начиналась съ 14—16 лѣтъ; пройдя разныя школы, молодой монахъ становился учителемъ въ свѣтскихъ школахъ базиліанскаго ордена. Этихъ учителей монаховъ базиліане постоянно перемѣщали изъ одного монастыря въ другой. Сыновьямъ священниковъ доступъ въ базиліанскіе монахи былъ закрытъ. Монахинями были большею частью бѣднѣйшія шляхтянки; въ женскихъ монастыряхъ также имѣлись школы или пансіоны для образованія дочерей дворянъ или людей достаточныхъ. Въ базиліанскихъ монастыряхъ преподаваніе велось на польскомъ языкѣ. Вездѣ процвѣтали латинская литература и польская поэзія; нигдѣ не считали нужнымъ преподавать церковно-славянскій языкъ. Согласно положенію 1810 г., въ каждой базиліанской провинціи въ болѣе значительныхъ монастыряхъ имѣлись свѣтскія публичныя или повѣтовыя школы; нѣкоторыя изъ нихъ были на степени гимназій; почти во всѣхъ монастыряхъ, не исключая архимандричьихъ, были приходскія школы. Кромѣ приходящихъ учениковъ, въ публичныхъ и приходскихъ монастырскихъ школахъ содержалось болѣе или менѣе значительное число неимущихъ дворянскихъ мальчиковъ. Въ этихъ общественныхъ школахъ обученіе велось на польскомъ языкѣ. Ни церковно-славянскаго, ни даже русскаго языка въ нихъ не преподавалось. Учителями были исключительно базиліанскіе монахи [1]).

Легко судить о направленіи общественнаго образованія въ школахъ, ввѣренныхъ попеченію латинизаторовъ монашескаго ордена въ уніи; въ публичныхъ школахъ базиліане систематически развивали духъ нетерпимости къ русской народности; въ духовныхъ школахъ они поддерживали фанатизмъ и наклонность монаховъ къ латинизаціи церковнаго греко-славянскаго обряда; послѣдній, по мнѣнію базиліанскихъ

---

[1]) О состояніи народныхъ или публичныхъ школъ, устроенныхъ базиліанами, мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія только о *Русской* провинціи (Волынская, Подольская и часть Кіевской губерніи) за 1813 годъ. Повѣтовыя школы были въ шести монастыряхъ, приходскія въ пятнадцати. Преподавателей базиліанскихъ монаховъ—въ повѣтовыхъ школахъ было 37, въ приходскихъ 23. Во всѣхъ школахъ провинціи на иждивеніи монастырей содержалось 110 дворянскихъ мальчиковъ. Архивъ св. синода по 2-му департаменту, 1815 г., № 41. По этимъ даннымъ можно заключить о числѣ подобныхъ же школъ въ Литовской провинціи, гдѣ имѣлось 43 базиліанскихъ монастыря.

богослововъ, долженъ состоять въ смѣшеніи обрядовъ греческихъ съ латинскими съ дополненіемъ молитвословія на польскомъ языкѣ. Въ этомъ соединеніи двухъ обрядовъ, полагали базиліане, собственно и должна быть унія! Въ типографіяхъ базиліанскихъ, Виленской и Почаевской, въ XIX столѣтіи перестали печатать богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ; напротивъ того, изъ означенныхъ типографій базиліане распространяли повсюду польскіе азбучники и молитвенники. Громадныя монастырскія средства тратились на просвѣщеніе юношества западныхъ губерній въ духѣ польской народности и на духовное образованіе латинниковъ—уніатскихъ богослововъ, проповѣдниковъ и учителей. Только гроши удѣлялись на образованіе священниковъ.

Подъ покровомъ благочестивыхъ монаховъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ полонизація населенія Западной Россіи дѣлала громадные успѣхи [1]). Попечитель Виленскаго учебнаго округа, какъ довѣренный органъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія, съ большимъ искусствомъ управлялъ всѣми пружинами полонизаціи и латинизаціи девяти западныхъ губерній. Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князь А. Н. Голицынъ со времени отечественной войны, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода, безучастно относился ко всему, что дѣлалось въ греко-уніатской церкви; вниманіе его было занято библейскимъ обществомъ, имъ устроеннымъ въ Петербургѣ въ 1813 году, по подобію Лондонскаго и согласно его уставу. Скоро вся имперія покрылась сѣтью комитетовъ библейскаго общества; членами его были многіе православные архіереи, архимандриты, протоіереи и духовныя лица инославнаго исповѣданія—уніаты, католики, протестанты. Директора департаментовъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія были секретарями комитета библейскаго общества [2]).

---

[1]) Въ римско-католическихъ монастыряхъ сначала было 43 публичныхъ школы для первоначальнаго обученія, потомъ, по проекту Чацкаго, думали прибавить еще 48. Всѣ эти школы были орудіемъ пропаганды. Въ монастырскихъ латинскихъ школахъ принимались также и дѣти греко-уніатовъ; ихъ обучали догматамъ латинской вѣры, заставляли ходить въ костелъ и принимать участіе въ богослуженіи. Этимъ способомъ латиняне подготовляли уніатовъ къ совращенію. *Tolstoy*, Le Cathol. Rom., II, 291. I. П. С. З. XXVII, № 21089. Докладъ министра народнаго просвѣщенія, 19-го декабря 1803 года „о заведеніи и содержаніи училищъ" римско-католическимъ духовенствомъ.

[2]) О библейскомъ обществѣ, его значеніи и распространеніи даютъ понятіе *Пыпинъ*: „Россійское Библейское Общество", *Вѣстникъ Европы* на 1868 г.

Увлеченій князя Голицына не раздѣлялъ архіепископъ Красовскій. Оставаясь членомъ 2-го департамента коллегіи, онъ могъ надѣяться занять митрополичью каѳедру послѣ смерти Кохановича. Прошло три года, но мѣсто митрополита оставалось вакантнымъ. Булгакъ еще въ 1814 году добивался получить митрополичью каѳедру черезъ своего родственника и сосѣда, Слонимскаго маршала Пусловскаго: онъ дѣйствительно былъ старше Красовскаго, но послѣдній занималъ каѳедру архіепископа Полоцкаго. Красовскій, какъ и многіе другіе пастыри, считалъ библейское общество нечестивымъ франкмасонствомъ, а распространеніе Библіи на всѣхъ языкахъ самымъ вреднымъ для церкви и самымъ вѣрнымъ средствомъ къ введенію реформаціи въ Россіи [1]). Въ началѣ 1817 г. митрополитомъ былъ назначенъ не Полоцкій архіепископъ Красовскій, а Брестскій епископъ Булгакъ, и въ концѣ того же года князю Голицыну высочайше ввѣрено управленіе духовными дѣлами и народнаго просвѣщенія. Кабинетъ Голицына, какъ предсѣдателя библейскаго общества, наполнился представителями квакеровъ и масоновъ, лютеранъ и католиковъ, уніатовъ и православныхъ; разные сектанты засѣдали рядомъ съ православными священнослужителями и іерархами. Для дѣятельности князя Александра Николаевича въ Западной Россіи почва была подготовлена усердіемъ дворянства и монаховъ. Булгакъ отличался, говорятъ, примѣрнымъ благочестіемъ; но онъ ревностно поддерживалъ друзей своихъ базиліанъ. Какъ тонкій іезуитъ, Булгакъ не видѣлъ въ предпріятіи библейцевъ большого затрудненія и надѣялся при помощи князя водворить порядокъ въ уніи на свой ладъ, проще сказать, повернуть унію къ латинству. Департаменты министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ своими начальниками стали спеціальными органами библейскаго общества и также наполнились масонами и мистиками всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Чиновники всякой вѣры и національности старались выслуживаться усердіемъ къ веденію дѣлъ библейцевъ. Благочестивый князь покровительствовалъ мечтателямъ, стремившимся къ обновленію внутренняго человѣка и боровшихся съ княземъ тьмы; но къ „святому дѣлу“ примѣшивались

Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на русскій языкъ, 1873 г., *Н. Астафьевъ*, „Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ“, *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1888 г., октябрь, стр. 286—320. См. ниже о библейскихъ комитетахъ въ Западной Россіи по новымъ источникамъ.

[1]) Записки Василія Лужинскаго, *Православный Собесѣдникъ*, 1884 г., іюль, стр. 260, 261.

человѣческія слабости и заблужденія; князь не допускалъ критики своихъ воззрѣній и дѣйствій; онъ умѣлъ ненавидѣть людей, относившихся, подобно архіепископу Красовскому, съ недовѣріемъ и насмѣшкою къ идеямъ моднаго мистицизма. За это архіепископъ Красовскій долженъ былъ оставить столицу и удалиться въ свою епархію.

Первымъ дѣломъ митрополита Булгака послѣ вступленія въ должность предсѣдателя дерпатамента (3-го сентября 1818 года) было распоряженіе о назначеніи въ число уніатскихъ членовъ представителя отъ базиліанскаго ордена, въ замѣнъ засѣдавшаго отъ Виленской митрополичьей епархіи каноника [1]. Извѣстный фанатикъ и личный врагъ Полоцкаго архіепископа іеромонахъ Мудровичъ избранъ былъ секретаремъ канцеляріи митрополита [2].

Базиліанскій орденъ, укрѣпившись въ самомъ департаментѣ двумя официальными агентами, имѣя тайныхъ благопріятелей въ министерствѣ и располагая безконтрольно секретными суммами, могъ дѣйствовать теперь съ большею самоувѣренностью; онъ прежде всего позаботился о возвратѣ утраченнаго господства въ уніи, старался усилить вліяніе провинціаловъ и закрыть дорогу къ епископскому сану достойнѣйшимъ прелатамъ бѣлаго духовенства.

Съ самаго начала пожалованія митрополитомъ греко-уніатской церкви въ Россіи, Булгакъ, почувствовавъ твердую почву въ Петербургѣ, пересталъ хитрить съ брестскими прелатами и канониками и открыто показалъ себя сторонникомъ латинскихъ хищниковъ въ уніи. Князь Голицынъ, задумавъ лишить Красовскаго сана Полоцкаго архіепископа [3], тѣмъ болѣе могъ разчитывать на содѣйствіе

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му деп. р.-к. кол., дѣла: 1817 г., № 8, 1818 г. № 33, 1819 г. № 5. Въ указѣ сенату 31-го января 1819 года сказано: „Не признается нужнымъ имѣть засѣдателя отъ Виленской метрополичьей епархіи, но признается нужнымъ избрать архимандрита базиліанскаго ордена. Поэтому на мѣсто выбывшаго въ свою епархію каноника Ѳомы Бѣлиновича, избранъ архимандритъ Полоцкой епархіи Аврелій Сулятицкій, который прибылъ въ коллегію 19-го января 1820 года“.

[2]) Мудровичъ въ 1799 г. былъ приговоренъ къ двухлѣтней епитиміи съ другими монахами за возстаніе противъ власти архіепископа Лисовскаго. Дѣло 1827 г., № 109.

[3]) *Правосл. Собесѣдн.* 1884 г., іюнь, стр. 264. Булгакъ совѣтовалъ архіепископу ускорить свой переѣздъ изъ Струни въ Полоцкъ „для избѣжанія непріятностей отъ сильныхъ міра сего, мстящихъ ему и ищущихъ его гибели“. Въ отвѣтномъ письмѣ митрополиту Красовскій выразился рѣзко на счетъ Голицына. Іеромонахъ Мудровичъ добылъ это письмо и доставилъ его князю Голицыну. Записки Василія Лужинскаго.

Булгака, что послѣдняго несравненно болѣе интересовали богатые епископскіе фундуши Полоцкой епархіи, чѣмъ скудные фундуши епархіи Брестской. Нашлись недостойные люди, готовые играть роль доносчиковъ на опальнаго архіепископа.

О своемъ усиленіи въ столицѣ базиліане не замедлили дать почувствовать кому слѣдуетъ въ провинціи; монахи св. Троицкаго базиліанскаго монастыря, который въ данную эпоху былъ главнымъ центромъ базиліанскаго ордена, не скрывали своего торжества. Въ самомъ городѣ Вильнѣ они относились къ бѣлому духовенству съ высокомѣріемъ. Обучавшихся въ главной семинаріи клириковъ монахи св. Троицкаго монастыря преслѣдовали насмѣшками, называли ихъ поповичами. Архіепископъ Лужинскій въ своихъ запискахъ разказываетъ, что профессора Бобровскаго и клириковъ, въ числѣ которыхъ находились онъ, Лужинскій, и Іосифъ Сѣмашко, когда они явились въ св. Троицкій монастырь съ поздравленіемъ, настоятель монастыря Каминскій назвалъ публично „схизматиками".

Викарный епископъ Головня поддерживалъ сношенія съ библейцами и масонами и самымъ усерднымъ образомъ содѣйствовалъ базиліанскимъ монахамъ въ распространеніи польскихъ книгъ религіознаго содержанія между уніатами.

Второй департаментъ коллегіи, по своему образу дѣйствій, не способенъ былъ оказывать поддержку бѣлому духовенству. По смерти митрополита Лисовскаго епархіальные епископы—Булгакъ, Головня, даже Мартусевичъ относились совершенно равнодушно, безучастно къ самымъ вопіющимъ нуждамъ своей церкви. Архіепископъ Красовскій, будучи старшимъ членомъ уніатскаго департамента, обращалъ исключительное вниманіе только на свою Полоцкую епархію, уклоняясь отъ разсмотрѣнія возбуждаемыхъ общихъ вопросовъ. Нерѣдко наравнѣ съ другими членами коллегіи, онъ подписывалъ опредѣленія, противныя интересамъ бѣлаго духовенства и благопріятныя базиліанамъ, если дѣло не касалось его семинаріи или его епархіи. Онъ даже поддерживалъ мнѣніе латинскихъ и уніатскихъ монаховъ о необходимости упраздненія главной семинаріи. И тѣмъ не менѣе представители бѣлаго духовенства другихъ епархій—Брестской, Виленской, даже Луцкой, никогда не забывали тѣхъ важныхъ заслугъ, которыя были оказаны Красовскимъ для уніатовъ при митрополитѣ Лисовскомъ, и снисходили къ нѣкоторымъ слабостямъ Полоцкаго архіепископа.

Луцкаго епископа Якова Мартусевича, выдвинутаго Лисовскимъ,

несравненно болѣе безпокоили случаи перехода уніатовъ его епархіи въ православіе (что не возбранялось высочайшими указами), чѣмъ систематическое совращеніе уніатовъ въ латинство. Мартусевичъ сквозь пальцы смотрѣлъ на настоятелей базиліанскихъ монастырей, продолжавшихъ неисправно вносить на семинарію деньги, причитавшіяся по раскладкѣ на Русскую провинцію, не смотря на постоянныя напоминанія ему и понужденія. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. епископъ Мартусевичъ усиленно жалуется коллегіи на притѣсненія уніатовъ греко-россійскимъ духовенствомъ и въ то же время тщательно ограждаетъ отъ отвѣтственности базиліанскіе монастыри, которые не платили денегъ на содержаніе уніатскаго отдѣла главной семинаріи. Нельзя не изумляться равнодушію Мартусевича къ своимъ обязанностямъ пастыря и распоряженіямъ правительства. Однимъ словомъ, хотя Мартусевичъ принадлежалъ къ составу бѣлаго духовенства, но ставши епископомъ, сдѣлался благопріятелемъ базиліанъ, и, подобно Булгаку и Головнѣ, равнодушно относился къ нуждамъ церкви. Это мы видимъ изъ многихъ фактовъ и явленій того времени.

О плачевномъ состояніи духовнаго образованія въ свѣтскомъ клирѣ мы уже говорили. Упомянемъ еще о прогрессивномъ увеличеніи недоимокъ на содержаніе главной духовной семинаріи и о совращеніяхъ уніатовъ въ католицизмъ.

Въ 1820 году недоимки со всѣхъ монастырей, какъ уніатскихъ, такъ и католическихъ достигли 56,045 рублей. Попечитель Виленскаго учебнаго округа доложилъ министру въ 1821 году, что недоимки означенныхъ монастырей годъ отъ году увеличиваются такъ, что если эта неисправность будетъ продолжаться и впредь, то существованіе самаго заведенія должно прекратиться [1].

Совращеніе греко-уніатовъ въ римскую вѣру составляетъ одно изъ весьма прискорбныхъ явленій въ уніи той эпохи и служитъ вѣскимъ доказательствомъ сознательнаго бездѣйствія епископовъ Брестскаго и Виленскаго: о такихъ событіяхъ, какъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, они даже не считали нужнымъ, какъ слѣдовало, доносить во 2-й департаментъ коллегіи.

До 1804 г. русское правительство смотрѣло на унію, какъ на частицу Римской церкви [2]. Совращенія уніатовъ въ латинство дѣла-

---

[1]) Архивъ св. синода. Дѣла, начатыя въ 1815 г. №№ 27, 6 и 13.

[2]) Стоитъ сличить указы по Полному Собранію Законовъ, №№ 17836, 18503, 18733, 18734, 19706, 20053.

лись даже цѣлыми приходами. Римско-католическая коллегія указомъ 9-го сентября 1801 года имѣла дерзость объявить, что „перехожденіе исповѣдниковъ изъ уніатскаго (sic) обряда въ римско-католическій, яко заключающій въ себѣ одно и то же исповѣданіе (?), по каноническимъ духовнымъ правиламъ позволительно и высочайшимъ узаконеніямъ не противно" (sic). Этимъ опредѣленіемъ коллегія нарушала буллу папы Урбана VIII, запрещавшую переходъ уніатовъ въ латинство. Постановленія Павла I, благопріятныя латинникамъ, были отмѣнены императоромъ Александромъ I въ 1803 году послѣ того, когда въ католицизмъ стали переходить цѣлые приходы вмѣстѣ съ своими священниками. Мы говорили уже о совращеніяхъ греко-уніатовъ бѣлорусскихъ, въ губерніяхъ Витебской и Могилевской. Скажемъ теперь о совращеніяхъ греко-уніатовъ Брестской и Виленской епархій. Въ католицизмъ былъ совращенъ Заславскій приходъ съ священникомъ Веригою. Оказалось, что католическій ксендзъ Іодко и его викарный, доминиканскій монахъ Новинскій, объявили съ амвона, что отнынѣ будутъ только два вѣроисповѣданія—римско-католическое и православное, и своими обольщеніями увлекли въ латинство 200 прихожанъ уніатовъ. Совращенія распространились по Брестской епархіи, но епископъ Булгакъ, вопреки законамъ о церковномъ правительствѣ римско-католической церкви (13-го ноября 1801 года) и указамъ 1804—1807 годовъ, продолжалъ смотрѣть на совращеніе въ латинство, какъ на естественный переходъ въ обрядъ болѣе совершенный. Затѣмъ въ 1807 году (указомъ 25-го октября п. VIII) предписано: перешедшихъ въ католическій обрядъ уніатскихъ священниковъ и ихъ прихожанъ возвращать въ унію, и это распоряженіе распространено было на всѣ губерніи отъ Польши присоединенныя. Исполненію таковой высочайшей воли обязаны были содѣйствовать гражданскія власти, но переходить въ благочестіе уніатамъ не возбранялось. Здѣсь взглядъ нашего правительства не могъ сходиться съ взглядомъ базиліанъ и уніатскихъ епископовъ. Совращенія уніатовъ въ католицизмъ продолжались. Вслѣдствіе того сенатскимъ указомъ (іюня 12-го дня 1810 года) предписано 2-му департаменту коллегіи наблюдать за подчиненными, чтобы не было совращеній (уніатовъ въ латинство), но не дѣлать препятствій желающимъ принять господствующую вѣру; указомъ же 8-го августа 1810 года разрѣшено уніатскимъ священникамъ, перешедшимъ въ латинство до 1799 года, оставаться въ немъ и такую давность считать въ дѣлахъ о преслѣдованіи за совращеніе. Но совращеніямъ не предвидѣлось конца. Въ

1814 году число совратившихся въ латинство уніатовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Виленской митрополичьей епархіи [1]) достигло 19790 человѣкъ, вмѣстѣ съ 16 приходскими церквами и ихъ фундушами и записями, 9 священниками и съ 10 приходами безъ церквей.

Въ 1814 году профессоръ Голянскій съ секретаремъ Бобровскимъ, по порученію университета, произвелъ ревизію уѣздныхъ и приходскихъ школъ Минской губерніи и былъ пораженъ громаднымъ числомъ греко-уніатовъ, совращенныхъ въ латинство. „Латинскіе священники", доносила Виленская консисторія 24-го іюня 1814 года,— „большею частью Минской римско-католической епархіи, не только не исполнили именного указа 1807 года и перешедшихъ въ латинскій обрядъ уніатовъ съ вѣдома епархіальнаго епископа Дедерки въ своихъ костіолахъ исповѣдуютъ, пріобщаютъ, преподаютъ онымъ требы, но и вновь совращаютъ въ латинскій обрядъ, сочетаваютъ браками, крестятъ новорожденныхъ, хоронятъ умершихъ. Мало того, по сношенію съ ктиторами забираютъ приходскія церкви и приписные къ нимъ фундуши, осмѣливаются вновь посвящать таковые и называть ихъ костіолами. Всѣ эти дѣйствія латинянъ въ Минской губерніи такъ усилились, что эта губернія останется скоро безъ церквей и приходовъ. Многократныя и настоятельныя требованія консисторіи и сношенія съ 1810 года остаются безъ всякихъ послѣдствій" [2]).

Это вопіющее дѣло, требовавшее прежде всего энергическихъ дѣйствій епископа Головни, который не доносилъ о совращеніи въ коллегію, пролежало во 2-мъ департаментѣ безъ всякаго исполненія нѣсколько лѣтъ и разрѣшилось указомъ отъ 31-го января 1819 года, коимъ коллегія въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ опредѣлила: произвести разслѣдованіе о перешедшихъ уніатахъ въ латинство депутатамъ, избраннымъ отъ уніатской и римско-католической епархій, при чиновникахъ отъ земской полиціи. Но и чиновники земской полиціи, будучи сами католиками, не оказали никакой помощи уніатскимъ депутатамъ изъ духовенства; духовные же депутаты отъ Минской римско-католической епархіи просто не являлись на мѣсто. „Дѣло не двигается впередъ", доносилъ предсѣдатель консисторіи прелатъ Лопушинскій; на это донесеніе уніатскій департ-

---

[1]) Не забудемъ, что до 1810 г. здѣсь была Брестская епархія.

[2]) Архивъ св. синода. Дѣло 1814 г., № 14. Рапортъ консисторіи подписали: официалъ Илья *Мокрицкій*, ассессоры: каноникъ Григорій *Бѣлиновичъ* и Варѳоломей *Адамовичъ*.

таментъ не обратилъ никакого вниманія. Въ послѣдній разъ вопросъ этотъ былъ поднятъ новымъ предсѣдателемъ консисторіи Антоніемъ Сосновскимъ въ 1828 году. Рядомъ съ преступнымъ бездѣйствіемъ епископовъ Брестскаго, Виленскаго и Луцкаго, при безсиліи консисторій, на представленія которыхъ департаментъ не обращалъ вниманія, развивались библейскіе комитеты и начали возникать тайныя общества. Латино-польская пропаганда работала съ усердіемъ.

Со времени занятія митрополитомъ Булгакомъ должности предсѣдателя 2-го департамента римско-католической коллегіи (3-го сентября 1818 года), въ управленіи дѣлами уніатской церкви господствовала совершенная неурядица. Базиліанскій орденъ, укрѣпившись въ столицѣ, дѣлалъ быстрые успѣхи на пути склоненія уніи къ латинству; бѣлое духовенство, не находя поддержки ни въ коллегіи, ни у уніатскихъ епископовъ, видя безсиліе консисторій, приходило въ уныніе. Греко-уніатская церковь, казалось, должна была стать жертвою латино-польской интриги. Вся интеллигенція, руководимая Чарторыжскимъ, мечтала о возстановленіи Польши въ ея старыхъ предѣлахъ. Библейскіе комитеты, составленные изъ чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, развивали ланкастерскія школы для обученія польской грамотѣ. Латинизація церковныхъ обрядовъ въ греко-славянской церкви и ополяченіе молодежи всѣхъ сословій посредствомъ школъ, ввѣренныхъ попечительности враговъ русской національности, послѣ Вѣнскаго конгресса дѣлала невѣроятные успѣхи. Подъ предлогомъ развитія благотворительности, стали возникать благотворительные комитеты, душою которыхъ были латинскіе монахи и дамы высшаго круга въ Вильнѣ, Новогрудкѣ, Слонимѣ и другихъ значительныхъ центрахъ Западной Россіи. Кассы комитетовъ наполнялись щедрыми приношеніями. Оставалось склонить на сторону латинниковъ только бѣлое греко-уніатское духовенство.

Брестскій капитулъ, состоявшій изъ старѣйшихъ или наиболѣе просвѣщенныхъ представителей бѣлаго духовенства Брестской уніатской епархіи, не разъ уже вступавшихся за права своей уничиженной братіи, почувствовалъ серьезную опасность для уніи. Въ этомъ хаосѣ общественной жизни не потерялъ головы одинъ только Брестскій капитулъ [1]).

---

[1]) Въ 1819 г. капитулъ составляли: архипресвитеръ Гавріилъ Янковскій, архидіаконъ Ѳома Восцелловичъ, схоліархъ (схоластъ) Антоній Тупальскій, канторъ Илья Мокрицкій, кустошъ Іосафатъ Горбащевичъ, хартулярій (канцлеръ)

Брестскіе уніатскіе прелаты и каноники во всеподданнѣйшемъ прошеніи, въ запискѣ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и въ представленіяхъ въ департаментъ коллегіи изображали смутное положеніе греко-уніатской церкви и указывали на необходимость довершенія реформъ въ церкви, начатыхъ Лисовскимъ, но пріостановленныхъ вслѣдствіе бездѣйствія епархіальнаго епископа и незаконной притязательности базиліанскаго ордена. Прошенія капитула подкрѣплены были историческими данными и справками въ архивахъ. По мнѣнію Брестскаго капитула необходимо было: 1) поднять богословское образованіе бѣлаго духовенства, и съ этою цѣлью устроить семинаріи на прочныхъ основаніяхъ; 2) ближайшимъ къ тому средствомъ должна служить секуляризація базиліанскихъ монастырей, бывшихъ прежде приходскими; 3) возстановить каѳедральный соборъ въ епархіи, обративъ Жировицкій монастырь, бывшій въ рукахъ базиліанскихъ монаховъ, подъ помѣщеніе семинаріи, каѳедральнаго собора и консисторіи; 4) дать средства на воспитаніе сиротъ, обезпеченіе вдовъ и на учрежденіе школъ для образованія священническихъ дочерей, какъ будущихъ матерей, и для этихъ настоятельныхъ надобностей назначить Тороканскую обитель (Гродненской губерніи Кобринскаго уѣзда), которая искони предназначалась подъ помѣщеніе пріюта для сиротъ духовнаго сословія уніатскаго исповѣданія.

Исходя изъ такихъ положеній—что базиліанскій орденъ относится враждебно къ требованіямъ „русской паствы"; что всѣ его усилія направлены къ развитію своего могущества на счетъ фундушей церковныхъ, вслѣдствіе чего греко-уніатскія церкви приведены въ крайнее убожество, а монастыри богатѣютъ; что духовными капиталами провинціалы распоряжаются безконтрольно, не давая отчета даже епархіальному епископу, „котораго окружаютъ не дремлющимъ окомъ", Брестскій капитулъ въ заключеніе указываетъ на необходимость по-

---

Степанъ Лопушинскій; послѣ прелатовъ слѣдовали 12 канониковъ: Ѳеодоръ Будзиловичъ, Григорій Чохрайскій, Петръ Олешкевичъ, Антоній Шиманскій, Михаилъ Бобровскій, Василій Гречко, Сильверстъ Пероцкій; каноники бывшаго Супрасльскаго капитула: Иванъ Красовскій, Василій Маркевичъ, Антоній Сосновскій и Василій Лопушинскій. Подлинный актъ Брестскаго капитула за подписью архипресвитера Яковскаго и другихъ членовъ (за исключеніемъ отсутствовавшихъ) представленъ во 2-й департ. коллегіи чрезъ Брестскую консисторію при рапортѣ 10-го мая 1819 г., за подписью: *А. Тупалскаго, И. Дылевскаго* и *А. Шиманскаго.* Архивъ св. синода. Дѣло о составѣ капитула 1818 г., № 39, лл. 10—22.

ложить конецъ существующей въ греко-уніатской церкви анархіи и неправдѣ [1]). Базиліане, сказано въ протестѣ, забравъ въ свои руки фундуши, нѣкогда принадлежавшіе церквамъ, бѣлому духовенству и семинаріямъ, тщательно вытѣсняли изъ церкви образованное бѣлое духовенство, замѣняя народный русскій элементъ иноземцами и инославцами, воспитанными въ Римѣ, Грацѣ, Брунсбургѣ, или католиками, обучавшимися въ римской іезуитской школѣ de propaganda fide [2]); съ этою цѣлію они разрушили всѣ духовныя семинаріи, предназначенныя для образованія уніатскихъ священниковъ изъ туземцевъ, и захватили въ свои руки капиталы и фундуши, назначенные на соборы и приходскія церкви. Существующія нынѣ яко бы спеціальныя школы для лицъ бѣлаго духовенства въ монастыряхъ Свержанскомъ и Лаврышовскомъ на самомъ дѣлѣ обращены въ пріютъ для отжившихъ свой вѣкъ базиліанскихъ старцевъ, которые обучаютъ нѣсколькихъ ставленниковъ—безъ контроля, безъ системы и опредѣленной цѣли, выдавая аттестаты оплаченные или вымоленные.

„Брестская епархія самая обширная, самая богатая вкладами завѣщанныхъ фундушей для образованія бѣлаго духовенства, вынуждена теперь Христа ради выпрашивать для своихъ ставленниковъ пріютъ у тѣхъ именно, кто воспользовался достояніемъ предназначеннымъ на семинаріи. У базиліанъ же существуютъ въ полномъ изобиліи и новиціаты, и богословскіе курсы (collegium), и свѣтскія школы (studia humaniorum). Владѣя большими капиталами и богатыми монастырскими имѣніями, базиліанскіе монахи пользуются еще выгодами отъ значительныхъ приходовъ, ибо за своими обителями они сохраняютъ характеръ приходскихъ церквей, между тѣмъ какъ такое совмѣщеніе и вообще исправленіе мірскихъ требъ строжайше запрещается церковными законами: „сіе дѣло безчестіе есть“, сказано въ номоканонѣ и подтверждено на Римскомъ соборѣ 826 года (8-й канонъ, XVI, 9). „Руководясь постановленіями помѣстнаго Замостьскаго собора (1721 г.), базиліане навязывали исключительно изъ своей среды архипастырей, заботливо выговаривая себѣ независимость и самоуправленіе; буллы же папы Бенедикта XIV

---

[1]) Изъ статистическихъ данныхъ о капиталахъ видно, что на *одного базиліанскаго монаха* причиталось 464 рубля, между тѣмъ какъ на *все семейство приходскаго священника* едва только 25 руб. ассигнаціями.

[2]) Кстати сказать, что, въ Римской школѣ пропаганды получили высшее богословское образованіе: митрополитъ Іосафатъ *Булгакъ* и литовскій провинціалъ *Цезарій Каминскій*.

упрекавшаго епископовъ въ небреженіи о свѣтскомъ клирѣ и предписывавшаго допускать къ архіерейству неженатыхъ и вдовыхъ священниковъ, беззастѣнчиво отрицали".

При этомъ Брестскій капитулъ напоминалъ о закрытіи Виленскаго папскаго алумната, доставившаго въ короткій періодъ своего существованія унитскимъ епархіямъ нѣсколькихъ образованныхъ богословъ [1]); представлялъ факты плодотворной дѣятельности архіереевъ сосѣднихъ епархій изъ бѣлаго духовенства, случайно возвысившихся до епископскаго сана. Такъ напримѣръ, Супрасльскій епископъ Духновскій (бывшій членъ Брестскаго капитула) учредилъ семинарію въ Супрасли и пожертвовалъ на нее значительную сумму; Полоцкій архіепископъ Красовскій открылъ семинарскіе фундуши (скрытые, какъ намъ уже извѣстно у базиліанокъ) и содѣйствовалъ учрежденію Полоцкой семинаріи, увеличивъ въ ней до „безпримѣрной цифры" число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, и призрѣвалъ на свой счетъ болѣе 30 семинаристовъ сверхъ комплекта; даже Луцкій епископъ Мартусевичъ, при полномъ отсутствіи фундушей [2]), открылъ на свой счетъ семинарію на 20 человѣкъ, обезпечивъ воспитанниковъ полнымъ содержаніемъ.

Протесты Брестскаго капитула встревожили епископовъ и базиліанъ [3]). Вопервыхъ, представленія капитула доказывали существованіе въ западно-русской церкви людей, вѣрно понимавшихъ причины гибели „Русской церкви", которые открыто и честно высказали передъ правительствомъ о беззастѣнчивомъ самоуправствѣ базиліанскаго ордена въ уніи; монахи, находя покровительство и у еписко-

---

[1]) Въ продажѣ недвижимости Виленскаго алумната въ 1799 г. обвинялись, какъ мы знаемъ, епископъ Булгакъ и монахъ *Лешинскій* (бывшій ректоръ). По указаніямъ капитула алумнатъ въ Вильнѣ существовалъ ранѣе повелѣнія папы Венедикта XVI, отъ 12-го февраля 1753 г. въ буллѣ, начинающейся словами: „Commendatissimum studium", по которой іезуиты обязаны были *возвратить* алумнатъ уніатамъ. Еще въ 1709 г. базиліане пытались овладѣть деньгами, высылаемыми на его содержаніе.

[2]) Эти фундуши состояли изъ капиталовъ, завѣщанныхъ на четыре семинаріи.

[3]) Содержаніе протеста въ статьѣ протоіерея Плакида Янковскаго: „На рубежѣ. Очерки недавняго и современнаго быта возсоединеннаго духовенства". *Литовск. епарх. вѣд.* на 1867 г., № 6. *М. Кояловичъ*, а за нимъ *Дылевскій* въ статьяхъ о митрополитѣ Іосифѣ, упоминаютъ вскользь объ этомъ важнѣйшемъ актѣ въ исторіи уніатской церкви XIX стол. Сравн. статьи *Е. В. Дылевскаго*: Іосифъ (Сѣмашко) митрополитъ Литовскій. 1869. Изданіе *Странника*; *М. Кояловича*: О почившемъ митрополитѣ Іосифѣ. 1869. Вообще протесты Брестскаго капитула представляютъ малозначущими...

повъ, и въ столицѣ, и въ коллегіи, были главными противниками къ осуществленію реформъ, намѣченныхъ Лисовскимъ. Вовторыхъ, всякій пунктъ жалобы брестскихъ каноникова подкрѣпленъ историческими документами, добытыми въ архивахъ; поэтому и всѣ обличенія не могли быть опровергнуты никакими умствованіями базиліанъ. Втретьихъ, приведенные въ протестѣ факты раскрыли глубокія язвы, таившіяся въ нѣдрахъ русской уніи, но скрываемыя отъ глазъ правительства, вслѣдствіе господствующихъ злоупотребленій въ іерархіи. Само правительство смотрѣло на уніатовъ глазами латинско-польской партіи, офиціальнымъ органомъ которой были епископы и провинціалы трехъ базиліанскихъ провинцій вмѣстѣ съ консультаторами и настоятелями. Брестскій капитулъ, обличая насилія и неправду въ русской уніатской церкви, намѣтилъ свою программу реформъ, необходимыхъ для сохраненія уніи въ цѣлости и огражденія отъ расхищенія.

На представленія старшаго духовенства князь Голицынъ обратилъ весьма малое вниманіе. Онъ предложилъ въ маѣ 1819 года жалобы разобрать митрополиту, противъ дѣйствій котораго собственно онѣ и были направлены, и удовлетворить желаніе капитула. Князь Голицынъ все болѣе и болѣе втягивался въ мистицизмъ [1]). Не извѣстно, доведенъ ли былъ тогда же протестъ брестскихъ каноников до свѣдѣнія императора Александра I, который съ 1803 года неоднократно выражалъ искреннее участіе къ судьбѣ бѣлаго уніатскаго духовенства и въ настоящемъ случаѣ, конечно, не оставилъ бы безъ разсмотрѣнія жалобъ духовенства на вопіющія злоупотребленія латинниковъ. Если судить по ходу дѣлъ во второмъ департаментѣ римско-католической коллегіи, то о нуждахъ, выраженныхъ въ протестахъ представителей бѣлаго духовенства, императоръ могъ узнать не ранѣе 1822 года, именно отъ „бѣлаго“ архіерея, послѣ отрѣшенія его отъ управленія Полоцкою епархіей въ ноябрѣ 1821 года. Красовскій, долгое время находясь подъ слѣдствіемъ, въ ноябрѣ 1821 года былъ преданъ суду епископовъ и въ началѣ 1822 года съ высочайшаго соизволенія вызванъ въ столицу [2]).

---

[1]) „Слушать проповѣдниковъ“, пишетъ Знаменскій,—„стекались цѣлыя толпы православныхъ людей изъ образованнаго общества высшаго чиновничества; послѣднее въ угоду Голицыну вмѣстѣ съ нимъ усердно вздыхало около ихъ каѳедръ, плакало и становилось на колѣна“. *Пр. Собесѣдн.* 1885 г., мартъ, стр. 283.

[2]) Архивъ св. синода. Дѣло 1826 г., № 44. Отрѣшеніе архіепископа Красовскаго отъ Полоцкой епархіи; начато 25-го ноября 1821 г. На 382 листахъ. О

Представленія и жалобы Брестскаго капитула смущали духъ митрополита Булгака. Въ качествѣ епископа Брестской епархіи, онъ хотя отнесся къ жалобѣ съ укоризною, но чувствуя, что дѣло могло принять неблагопріятное направленіе, счелъ необходимымъ предупредить опасность и прежде всего успокоить брестскихъ канониковъ. Руководимый Мудровичемъ и партіей, враждебною русской національности, митрополитъ поспѣшилъ въ свою епархію, чтобы остановить по возможности волненіе, успокоить умы и подъ рукою оказать содѣйствіе настойчивому домогательству базиліанъ. Въ концѣ 1819 года (19-го декабря) съ высочайшаго соизволенія Булгакъ выѣхалъ на годъ изъ Петербурга во ввѣренныя ему Литовскія — (Виленскую и Брестскую) епархіи. Проѣздомъ въ Жировицы Булгакъ побывалъ въ Полоцкой епархіи. Во время его отлучки изъ столицы въ коллегію и въ министерство поступили жалобы священниковъ Полоцкой епархіи на архіепископа Красовскаго и его консисторію; священникъ Арматовичъ лично прибылъ въ столицу, не испросивъ дозволенія въ епархіи, съ запасомъ обвиненій своего архіерея; по приказанію князя Голицына второй департаментъ обязанъ былъ выдать ему видъ на жительство въ С.-Петербургѣ до окончанія дѣла по жалобамъ на епархіальное начальство. Весь 1820 годъ прошелъ въ подготовкѣ матеріаловъ для обвиненія Красовскаго столь желательнаго и для Голицына, и для Булгака; послѣдній въ ноябрѣ возвратился въ столицу, а 5-го декабря 1820 года бѣлорусскій провинціалъ Смыковичъ подалъ митрополиту Булгаку рапортъ съ проектомъ соединенія Бѣлорусской провинціи съ Литовскою для лучшаго устройства монастырей [1]). „Прежде эта провинція не была отдѣлена отъ Литовской и нынѣ“, писалъ митрополитъ въ коллегію,—„исчезла надобность въ раздѣленіи“. Припомнимъ, что въ 1802 году орденскій капитулъ, собранный въ Тороконахъ, признавалъ нужнымъ соединить обѣ провинціи въ одну. Эту опасную затѣю поддерживалъ Булгакъ въ качествѣ Брестскаго епископа. Но постановленіе капитула тогда осталось безъ исполненія, и Булгакъ теперь мстилъ

слѣдствіи и судѣ надъ архіепископомъ Красовскимъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Василій Лужинскій. См. еще дѣла 1820 г., №№ 15, 26, 33, 37. Автору записокъ дѣйствія митрополита представлялись невинными, потому что онъ въ своихъ мемуарахъ руководился личными соображеніями и незнакомъ былъ съ фактами предшедшей дѣятельности *главы* базиліанскаго ордена въ Брестской епархіи, какъ мы убѣждаемся изъ дѣлъ архива.

1) Архивъ св. синода по второму департ. 1821 г., № 8.

Красовскому, за его постоянное противодѣйствіе къ осуществленію замысловъ базиліанъ; онъ не могъ простить Красовскому его содѣйствія къ раскрытію факта растраты фундушей папскаго алумната, за что Булгаку сдѣланъ былъ высочайшій выговоръ. Теперь Булгакъ, возвратившись въ Петербургъ 30-го ноября, нѣкоторое время рапортовался больнымъ, а 28-го января 1821 года приказалъ департаменту войдти въ разсмотрѣніе предложенія Смыковича, которое одобрялъ въ виду недостатка въ особахъ способныхъ къ занятію должностей игуменовъ и учителей въ Полоцкой епархіи: „Я это вижу изъ поступающихъ ко мнѣ заявленій.... Молодыхъ базиліанскихъ монаховъ приходится посылать въ Виленскій университетъ и поручать ихъ надзору базиліанъ св. Троицкаго монастыря, которые не обязаны смотрѣть за ихъ поведеніемъ и успѣхами (?). Это неудобство (?) не имѣло бы мѣста, еслибы Бѣлорусская провинція соединена была бы съ Литовской (?)“. Второй департаментъ коллегіи указомъ 3-го февраля потребовалъ отъ провинціаловъ доставить свѣдѣнія о числѣ монаховъ и дать заключеніе консульторовъ. Бѣлорусская консульта сказала, что въ этомъ предпріятіи Смыковича она видитъ „славу и благо базиліанскаго ордена и пользу для монастырей Бѣлоруссіи“. Литовскій провинціалъ Каминскій и его консульторы признали единогласно проектъ Смыковича цѣлесообразнымъ. Оставалось знать мнѣніе архіепископа Красовскаго. Въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ митрополиту (отъ 6-го марта 1821 года) Красовскій назвалъ представленіе Смыковича неприличнымъ домогательствомъ: „декреты апостольской столицы съ утвержденіемъ особой базиліанской провинціи Св. Николая находятся въ дѣлахъ коллегіи“. Поэтому онъ считаетъ лишнимъ приводить содержаніе этихъ документовъ, но напоминаетъ митрополиту о прежнихъ распоряженіяхъ и объ указѣ 8-го ноября 1795 года, коимъ число базиліанскихъ монастырей ограничивалось 24 и 27 во всѣхъ трехъ провинціяхъ (вмѣсто существующихъ 86). „Въ такомъ положеніи дѣла ваше высокопреосвященство („Sua Excellentia Illustrissima“) прилично ли было провинціалу Смыковичу являться съ такимъ проектомъ, по причинѣ малаго числа духовныхъ лицъ ордена. Провинція Бѣлорусская существуетъ уже 50 лѣтъ и, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, нѣтъ причины измѣнять ея положеніе“. Было предположеніе преобразовать базиліанскій орденъ, о чемъ составлялъ докладъ министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій вмѣстѣ съ монахами означеннаго ордена, и даже тогда предполагалось имѣть на всю унію

одного генерала и двѣ провинціи,—„но сію стратагемму покойный митрополитъ Лисовскій въ своемъ мнѣніи по высочайшему повелѣнію, на ономъ докладѣ учиненномъ, достаточно открылъ и объяснилъ: и это дѣло высочайше назначеннымъ комитетомъ, въ которомъ я имѣлъ честь присутствовать, окончено въ 1810 году“.

Съ такимъ твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ архіереемъ не было никакой возможности открыто бороться митрополиту, который во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ привыкъ дѣйствовать съ уклончивою осторожностью. Ему, однако, во что бы ни стало, хотѣлось добиться возращенія ордену утраченнаго имъ исключительнаго господства въ уніи и самому стать твердою ногою въ Полоцкой епархіи, каѳедра которой была самая богатая.

Не могли успокоиться также и базиліане: администраторъ Полоцкой епархіи архимандритъ Исаія Шуляковичъ, мечтавшій объ епископствѣ, прислалъ, въ январѣ 1822 года, въ департаментъ рапортъ, въ которомъ, поддерживая проектъ Смыковича и указывая на неправильную будто бы передачу въ пользу Полоцкой семинаріи базиліанскаго монастыря (чѣмъ нанесенъ явный ущербъ ордену), представлялъ о затрудненіяхъ въ прісканіи достойныхъ настоятелей, ректоровъ, учителей классовъ и проповѣдниковъ, вслѣдствіе недостаточнаго числа монаховъ въ Бѣлорусской базиліанской провинціи. „Мѣстныя обстоятельства таковы“, заключаетъ Шуляковичъ,—„что я прихожу въ затрудненіе при исполненіи своихъ обязанностей и не могу избрать ректора Полоцкой семинаріи, какъ требуется 5-мъ пунктомъ указа 16-го октября 1806 года“ [1]).

Потерпѣвъ неудачу съ проектомъ о соединеніи базиліанской провинціи, митрополитъ получилъ отказъ и отъ Брестскаго капитула во время пребыванія своего въ своей Брестской епархіи. Брестскій капитулъ въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ держался твердо. Присутствіемъ митрополита въ Жировицахъ въ 1820 году воспользовался Дрогичинскій благочинный, настоятель Клещельской церкви, энергичный членъ Брестскаго капитула Антоній Сосновскій. Онъ надѣялся склонить высокопреосвященнаго на необходимость не только принять болѣе рѣшительныя мѣры для улучшенія быта бѣлаго духовенства,

---

[1]) Архивъ св. синода. Дѣло 1821 г., № 8. Начато 29-го января 1821 г. Прошеніе провинціала Смыковича о соединеніи Бѣлорусской базиліанской провинціи съ Литовскою *для общей пользы*.

но и къ искорененію вкравшихся въ нѣкоторыхъ приходахъ „суевѣрій", „нелѣпостей въ молитвахъ" и вообще къ исправленію церковнаго неустройства [1]). Сосновскій хотя и не получилъ высшаго богословскаго образованія, тѣмъ не менѣе пріобрѣлъ отличныя познанія въ законахъ каноническихъ и выдержалъ въ этомъ предметѣ экзаменъ при университетѣ. Кромѣ того, занимаясь постоянно въ архивѣ Супрасльскаго монастыря, потомъ разбирая церковные и городскіе архивы въ Брестѣ и другихъ городахъ на своей родинѣ — Подлясіи, онъ развилъ опытность въ чтеніи древнихъ русскихъ и славянскихъ рукописей и успѣшно открывалъ цѣнные для уніатовъ документы, относившіеся къ фундушевымъ записямъ, опредѣленнымъ русскими людьми на содержаніе церковнаго клира, семинаріи и т. п. надобности. Вообще, Антоній Сосновскій былъ хорошимъ знатокомъ исторіи церковной уніи. Полагаютъ поэтому, что онъ-то и былъ составителемъ протеста Брестскаго капитула [2]). Принадлежа къ составу бѣлаго духовенства бывшей Супрасльской епархіи, Антоній Сосновскій постоянно выражалъ свою горячую заботливость объ улучшеніи положенія семействъ священно-служителей, горячо возставалъ противъ базиліанской монополіи въ уніатской церкви.

На рапорты Сосновскаго, какъ благочиннаго къ своему епархіальному епископу въ 1820 г. (отъ 28-го мая, за № 59, 2-го іюля за № 37 и 22-го іюля, за № 83), въ которыхъ объяснялось неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ нѣкоторыхъ приходахъ и признавалось полезнымъ для устраненія вкравшагося неустройства въ уніатской церкви, созвать епархіальный синодъ, митрополитъ отвѣчалъ уклончиво. Въ резолюціи отъ 12-го іюля за № 133

---

[1]) Антоній Сосновскій происходилъ, подобно Красовскому, изъ древнихъ дворянъ Червонной Руси (Холмской области), съ 1801 г. былъ настоятелемъ св. Николаевской церкви въ Клещеляхъ (въ 20 верст. къ югу отъ Бѣльска), по должности Дрогичинскаго благочиннаго вступался за неприкосновенность греко-уніатовъ, совращенныхъ въ латинство при прусскомъ правительствѣ, былъ членомъ Супрасльскаго капитула, а теперь Брестскаго, имѣлъ отличное знакомство съ древними русскими памятниками и былъ страстно приверженъ къ греческимъ обрядамъ.

[2]) Мы имѣемъ собственноручную записку Антонія Сосновскаго, въ которой намѣчены доказательства, основанныя на архивныхъ документахъ на всѣ пункты протеста Брестскаго капитула. Къ сожалѣнію, множество документовъ собранныхъ членами Брестскаго капитула, хранившихся въ Литовской консисторіи, сгорѣло въ 1836 году. Что Сосновскій могъ быть редакторомъ протеста, можно судить по свойственной ему одному манерѣ изложенія офиціальныхъ бумагъ.

высокопреосвященный не признавалъ нужнымъ собирать синодъ (соборъ помѣстный), но полагалъ достаточнымъ ограничиться донесеніями въ консисторію съ показаніемъ, въ какихъ именно приходахъ люди употребляютъ вмѣсто обыкновенныхъ молитвъ иныя суевѣрныя". Не трудно догадаться, откуда распространялись „суевѣрія", возмущавшія русскаго греко-уніата, приверженнаго къ старинѣ.

Благочинный Сосновскій рѣшился подать прошеніе на Высочайшее имя во второй департаментъ коллегіи. Основываясь на постановленіяхъ: вопервыхъ, Замойскаго уніатскаго синода (1721 г.), гдѣ въ п. 6-мъ о „епископахъ" сказано, что на благочинныхъ возлагается обязанность наблюденія о собраніи синода, въ случаѣ злоупотребленій или безпорядковъ въ приходахъ, и вовторыхъ, Кіевскаго провинціальнаго синода 1620 года, обратившаго вниманіе на строеніе церкви, Сосновскій просилъ распоряженія департамента о созваніи епархіальнаго синода для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ церкви: „Я посылалъ епископу копіи съ фанатическихъ молитвъ и пѣснопѣній, практикуемыхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ, и объяснялъ, что только въ собраніи синода могутъ быть обстоятельно выяснены всѣ нужды церкви... Но преосвященный Булгакъ въ своей резолюціи ограничился указаніемъ на присылку въ консисторію донесеній. Такое средство, по моему мнѣнію, недостаточно для устраненія укоренившагося зла; притомъ одними донесеніями въ консисторію не возможно оказать помощи всѣмъ нуждамъ цѣлой епархіи, да и подобный способъ сношеній несогласенъ съ церковною практикою и можетъ открыть лишь двери для личныхъ притязаній. Между тѣмъ къ созванію синода имѣются и другіе поводы: 1) Нѣкоторые священники въ епархіи не имѣютъ пристанища и для содержанія своего и своего семейства должны собирать милостыню. 2) Священническія вдовы остаются безъ всякой опеки, а это обстоятельство даетъ поводы къ неприличіямъ. 3) Сироты духовныхъ лицъ не имѣютъ никакихъ средствъ для образованія и даже лишены пристанища, оттого многіе изъ нихъ обращаются въ праздношатающихся. 4) Между тѣмъ средства для образованія имѣются въ епархіи; для этой цѣли назначены фундуши Тороканскаго монастыря, какъ постановлено Кобринскимъ синодомъ (1626 г.), предписаніями Сигизмунда III короля Польскаго и Петра Великаго (въ регламентѣ). 5) Проектируемый планъ устройства епархіальной семинаріи, между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противенъ церковнымъ канонамъ Тридентскаго

собора и несогласенъ съ Высочайшими указами. 6) Въ этомъ проектѣ не исчислены всѣ источники семинарскаго фундуша, которые открыть однако необходимо для достиженія цѣли просвѣщенія духовенства и все это необходимо провѣрить. Самъ епископъ Булгакъ, созывавшій однажды, въ 1810 г., епархіальный синодъ, едва ли можетъ отрицать необходимость вторичнаго его созыва. Сношенія же съ консисторіей повели бы только къ интригамъ и проволочкамъ [1]).

Едва ли Сосновскій могъ ожидать успѣха въ департаментѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Булгакъ, имѣя сторонниками своими архимандрита Аврелія Сулятицкаго, члена отъ базиліанскаго ордена, и прелата схоласта Кирилла Сѣроцинскаго, члена отъ Луцкой епархіи, извѣстнаго фанатика. Своимъ прошеніемъ, которое можетъ служить дополненіемъ къ протесту Брестскаго капитула, Сосновскій напоминалъ своимъ собратьямъ по коллегіи о тѣхъ жгучихъ вопросахъ въ греко-уніатской церкви, разрѣшеніе которыхъ откладывать долѣе было, по мѣстнымъ соображеніямъ, не безопасно. Упоминаемый въ прошеніи Сосновскаго планъ устройства епархіальной семинаріи (въ п. 5) въ Супрасльскомъ монастырѣ (а не въ Жировицкомъ) былъ составленъ во время пребыванія митрополита Булгака въ Жировицахъ подъ диктовку и въ интересахъ базиліанскаго ордена. Владѣя большими капиталами, располагая безконтрольно, по своему усмотрѣнію, секретными суммами, орденъ никогда добровольно не пожертвовалъ бы частью своихъ фундушей на устройство семинарій и на улучшеніе быта бѣлаго духовенства. Необходимо было побудить правительство принять на свое попеченіе заботу о доставленіи приличнаго и сообразнаго съ достоинствомъ духовнаго лица содержанія и обезпеченія въ нуждахъ жизни и упрочить способы для духовнаго образованія.

Но старые вопросы—о семинаріи, о каѳедрѣ, о пріютахъ и о другихъ нуждахъ греко-уніатской церкви—при Голицынѣ не находили себѣ поддержки въ департаментѣ коллегіи и въ министерствѣ [2]).

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту. Дѣло 1820 г., № 41 „О возникновеніи въ народѣ суевѣрій и о собраніи епархіальнаго синода".

[2]) Для подкрѣпленія своихъ объясненій о нуждахъ церкви, Сосновскому понадобились какіе-то документы изъ архива брестской консисторіи. Консисторія резолюціей 13-го мая 1820 г. не разрѣшила ему сдѣлать справки; Сосновскій

Черезъ полтора года послѣдовало опредѣленіе 2-го департамента на жалобу Сосновскаго: „предоставить все это дѣло власти епархіальнаго епископа" (журн. 26-го іюля 1822 г.).

Стремленія представителей бѣлаго духовенства Брестской епархіи къ возстановленію чистоты греко-славянскаго богослуженія, къ поднятію и расширенію духовнаго образованія, къ улучшенію общественнаго быта убогаго духовнаго сословія были достигнуты другими путями, противъ воли и безъ содѣйствія епархіальнаго начальника.

Въ концѣ 1821 года, по предложенію Голицына, болѣе года собиравшаго свѣдѣнія для обвиненія непокорнаго архіепископа, состоялось высочайшее повелѣніе о преданіи его суду, и въ началѣ 1822 г. Красовскій, въ качествѣ подсудимаго, получилъ дозволеніе прибыть въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда въ столицу, архіепископъ получилъ аудіенцію у государя, на которой представилъ ему продѣлки базиліанскихъ монаховъ въ уніатской церкви, объяснилъ, что базиліане, соединясь съ латино-польскою партіей, подъ покровомъ благопріятствующихъ имъ епископовъ, имѣютъ вездѣ себѣ поддержку и парализуютъ всѣ предначертанія правительства, разказалъ о продолжающихся бѣдствіяхъ бѣлаго духовенства, которое не находитъ себѣ защиты ни въ министерствѣ, ни въ коллегіи, ни у епархіальныхъ начальниковъ, о томъ, что враждебная партія бѣлому духовенству выставила уже двухъ кандидатовъ на Полоцкую епархію: первымъ — архимандрита Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Шуляковича, администратора Полоцкой епархіи, вторымъ — іеромонаха Мудровича, секретаря канцеляріи митрополита Булгака, о чемъ заготовляется уже и докладъ [1]).

обратился съ жалобой во 2-й департаментъ. Отказать въ такой бездѣлицѣ не было основанія, искать необходимые документы было разрѣшено подъ надзоромъ архиваріуса. Архивъ св. синода. Дѣло 1820 г., № 22. Департаментъ коллегіи дѣлалъ уступку въ мелочахъ, а дѣла первостепенной важности оставлялъ по нѣскольку лѣтъ безъ разсмотрѣнія!..

[1]) Записки архіепископа Лужинскаго. *Правосл. Собесѣдн.* на 1884 г., іюнь, стр. 268 и 269. Авторъ смѣшиваетъ бѣлое греко-уніатское духовенство съ православіемъ; стараясь выгородить митрополита Булгака, Лужинскій всю накипѣвшую на базиліанъ личную злобу, обращаетъ исключительно на Шуляковича. Извѣстно, что Лужинскій во время производимаго суда надъ Красовскимъ находился при немъ въ качествѣ секретаря (1822—1824 г.) и потому могъ хорошо

Аудіенція ли Красовскаго раскрыла императору козни враговъ русскаго духовенства и интриги вѣрныхъ слугъ латино-польской партіи, или другими путями дошло до государя свѣдѣніе о современныхъ явленіяхъ въ греко-уніатской церкви, во всякомъ случаѣ были серьезныя причины, которыя побудили Александра I отдать рѣшительное приказаніе министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну о неотлагательномъ приведеніи въ исполненіе высочайшихъ указовъ по упраздненію нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей и учрежденію духовныхъ училищъ. Въ первыхъ числахъ сентября 1822 г. 3-й департаментъ сената потребовалъ изъ уніатскаго департамента копіи съ высочайшаго именнаго указа 1797 г., даннаго Беклемишеву — объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей, а 28-го сентября послѣдовало предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына 2-му департаменту римско-католической коллегіи о неотложномъ окончаніи дѣла, помѣченнаго къ разрѣшенію еще въ 1805 г.: „2-й департаментъ, находясь въ нынѣшнемъ отдѣльномъ составѣ 16 лѣтъ, могъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о состояніи базиліанскихъ монастырей и о нуждахъ вообще уніатскаго духовенства". Но 2-й департаментъ, какъ увидимъ, застигнутъ былъ врасплохъ: въ немъ не было собрано свѣдѣній, какія полагалось собирать по регламенту 1801 года.

Были весьма серьезныя причины, побудившія императора Александра I выразить лѣтомъ 1822 г. свою рѣшительную волю о немедленномъ приведеніи въ исполненіе его намѣренія улучшить бытъ и положеніе низшаго греко-уніатскаго духовенства. Какія были причины измѣненія политики по отношенію къ обширной западной окраинѣ Россіи, даетъ отвѣтъ исторія послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Одною изъ причинъ было возстаніе грековъ, несчастная участь которыхъ подъ владычествомъ мусульманъ, какъ и участь южныхъ славянъ, нашихъ единовѣрцевъ, была предметомъ заботъ благочестиваго настроенія императора. Греко-уніаты, по вѣрѣ, были тѣ же греки, какъ выразился однажды Лисовскій. Получались донесенія о

замѣтить, къ чему уже склонялся въ это время уніатскій вопросъ. Извѣстно, что въ это время въ Петербургѣ все болѣе и болѣе обозначалась партія враждебная библейскому обществу, и увеличивалось значеніе людей, приверженныхъ къ старинѣ, къ святости церковно-славянскаго текста.

существованіи явныхъ и тайныхъ обществъ, которыя вмѣстѣ съ развитіемъ латино-польской пропаганды, поддерживали и питали въ молодежи преступныя идеи о возстановленіи „старой Польши", объ отторженіи къ Польской коронѣ всей страны, составлявшей Виленскій учебный округъ. Недавно, въ 1818 году, облегчена была участь крестьянъ западныхъ губерній, положеніе которыхъ стало невыносимымъ отъ притѣсненій латино-польскихъ владѣльцевъ, которые удерживали ихъ на работахъ подъ разными неблаговидными предлогами, лишали ихъ способовъ продовольствія, налагали на нихъ жестокія наказанія и т. д. Сама логика вещей вызывала необходимость облегченія и участи бѣлаго уніатскаго духовенства, о печальномъ положеніи котораго, послѣ ряда голодныхъ лѣтъ въ той странѣ, доходили вѣсти въ столицу. Бѣлорусскіе священники, а не только одни крестьяне, питались хлѣбомъ изъ ржи съ примѣсью дубовыхъ жолудей или древеснаго мха!...

Петиціи Брестскаго капитула и докладъ архіепископа Красовскаго о тяжкихъ условіяхъ быта бѣлаго духовенства греко-уніатской церкви, о неравномѣрномъ распредѣленіи фундушей между базиліанами, нерѣдко утопавшими въ роскоши, и священниками, обремененными семействами, когда все имущество священника ограничивалось 36-ю десятинами земли (на причтъ), о недостаткахъ средствъ духовнаго образованія, объ упадкѣ монашеской дисциплины—приводили къ одному и тому же выводу—къ неустройству греко-уніатской церкви, а слѣдовательно, къ необходимости положить конецъ безпорядкамъ въ уніи. Въ промежутокъ времени, отъ окончанія Лайбахскаго конгресса (въ маѣ 1821 г.) и до поѣздки на новый конгрессъ въ Веронѣ (въ августѣ 1822 г.) (а эти конгрессы собирались для противодѣйствія опаснымъ замысламъ тайныхъ обществъ въ Европѣ), государю были уже извѣстны успѣхи польской пропаганды между русскими прихожанами въ западныхъ губерніяхъ; до него доходили недобрыя вѣсти объ успѣхахъ тайныхъ обществъ на всемъ пространствѣ Виленскаго учебнаго округа [1]. Многіе симптомы ясно обнару-

---

[1]) Императоръ Александръ посѣтилъ Вильну лѣтомъ 1822 г. (вѣроятно, въ августѣ); 7-го сентября онъ прибылъ въ Вѣну, а 4-го (16-го) октября въ Верону. Ко времени пріѣзда государя въ Вильну приняты были весьма строгія полицейскія мѣры, и тогда же, какъ обнаружено слѣдствіемъ, прекратили свое существованіе тайныя общества студентовъ.

живали, что скорое разрѣшеніе уніатскаго вопроса, сущность котораго могла уже достаточно выясниться въ правительственныхъ сферахъ, становилось дѣломъ политической необходимости.

Въ этомъ читатель убѣдится изъ ближайшаго разсмотрѣнія состоянія и направленія просвѣщенія въ странѣ и положенія русской греко-уніатской церкви послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Полоцка въ 1820 году.

IV.

Состояніе греко-уніатской церкви въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи.

Не долго іезуиты пользовались плодами своей Полоцкой академіи, открытой съ необычайнымъ торжествомъ 10-го іюня 1812 г., то-есть, почти на канунѣ нашествія Наполеона на Россію: указомъ правительствующаго сената 19-го марта 1820 года, съ приложеніемъ Высочайше конфирмованнаго доклада министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, предписано было выслать изъ Россіи іезуитовъ и взять имѣнія ихъ въ казенное вѣдомство. Полувѣковое пребываніе ихъ въ предѣлахъ Россіи со времени возвращенія въ 1772 году Бѣлоруссіи, не взирая на уничтоженіе іезуитскаго общества буллою папы Климента XIV (1773) и изгнаніе ихъ изъ всѣхъ римско-католическихъ странъ Европы, принесло Россіи горькіе плоды, нанесло глубокія раны греко-уніатской церкви, повело къ совращенію въ латинство многихъ тысячъ бѣлоруссовъ и содѣйствовало ополяченію значительнаго края. Русское правительство предоставило въ ихъ пользу недвижимыя имѣнія, разрѣшило имѣть своего генерала, независимаго отъ епархіальнаго архіерея и митрополита, допустило ихъ въ С.-Петербургѣ къ богослуженію въ церкви св. Екатерины, дозволило имъ заниматься воспитаніемъ юношества въ устроенныхъ ими школахъ. Изъ коллегіи образована была Полоцкая іезуитская академія съ предоставленіемъ правъ независимаго учрежденія, свободнаго отъ надзора властей Виленскаго учебнаго округа. Отверженные папою, іезуиты явились недостойными оказаннаго имъ покровительства и вниманія царствующихъ государей. Своими внушеніями они обольщали ввѣренныхъ имъ питомцевъ и людей, принадлежа-

щихъ православной церкви, и даже обращали въ латинство военно-служащихъ. Утвердившись въ римско-католической коллегіи, уставъ которой былъ вновь составленъ по начертанію патера Грубера (ставшаго впослѣдствіи во главѣ іезуитскаго ордена), іезуиты, наперекоръ государственнымъ узаконеніямъ, обращали въ латинство въ Бѣлоруссіи цѣлые приходы греко-уніатовъ, въ Ригѣ и Саратовскихъ колоніяхъ обольщали послѣдователей евангелическаго исповѣданія и во многихъ мѣстахъ совращали насиліемъ дѣтей еврейскихъ. Подговорами и обольщеніями они посѣвали въ семействахъ раздоръ и несогласіе. Съ подвластными же имъ крѣпостными крестьянами поступали вопреки правилъ христіанскаго человѣколюбія, чѣмъ нарушали правительственныя распоряженія 1818 г. Многіе изъ крестьянъ іезуитскихъ имѣній были отпускаемы іезуитами въ рубищахъ, слѣпые и увѣчные, съ плакатными паспортами, для вымаливанія подаянія. „По Высочайшему повелѣнію", сказано въ докладѣ Голицына,—„я писалъ іезуитскому генералу (Березовскому), что пускать по міру нищихъ и немощныхъ людей несообразно съ христіанскими правилами, наипаче, когда іезуитское общество имѣетъ всѣ средства призрѣть ихъ". Авторъ высочайшаго доклада сознается, что оказываемое іезуитскому обществу довѣріе и уваженіе съ возложеніемъ на іезуитовъ священной обязанности образованія юношей, съ цѣлью просвѣщенія ихъ разума наукой и ихъ сердца религіей, повело къ грустнымъ разочарованіямъ: орденъ остался вѣренъ своему знамени, и всѣ дѣйствія іезуитовъ были направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, оправдывая свою совѣсть и рядъ нарушеній государственныхъ законовъ, правилами своего ордена [1]).

Іезуиты были изгнаны, Полоцкая академія и подвѣдомственныя ей училища упразднены, наличные капиталы поступили въ приказъ общественнаго призрѣнія, недвижимыя имѣнія съ крестьянами по-

---

[1]) *Морошкинъ*, Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени, ч. II, приложенія 1, 2, 3 и 4. Объ изгнаніи іезуитовъ см. П. С. З. XXXVII, № 28198: „Іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ не только благодарности, но и подданической присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ россійскихъ законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію". Сравн. этотъ указъ съ буллою папы Климента XIV „Dominus ac Redemptor" 1773 г., которая уничтоженіемъ іезуитскаго общества стремилась возвратить миръ и порядокъ церкви римско-католической.

ручены вѣдѣнію казенныхъ палатъ съ обращеніемъ доходовъ на нужды римско-католическаго духовенства и потребности народнаго просвѣщенія. Но остались явные и тайные послѣдователи іезуитскаго ученія, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ званіи, въ министерствахъ и канцеляріяхъ, въ школахъ и въ монастыряхъ. Іезуитамъ было разрѣшено вступать въ другіе ордена или въ бѣлое духовенство латинскаго обряда... Они появились въ Вильнѣ и свили себѣ гнѣздо при университетѣ, куда ранѣе не имѣли доступа.

Іезуиты были изгнаны изъ Бѣлоруссіи, но и здѣсь, и въ Литовской Руси, и въ Волынской и Подольской губерніяхъ осталось 30 различныхъ римско-католическихъ орденовъ съ цѣлымъ полкомъ монаховъ, владѣвшихъ десятками тысячъ крестьянъ и громадными капиталами. Число монаховъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ превышало число даже свѣтскихъ священниковъ!

Не смотря на всѣ старанія іезуитскихъ генераловъ Грубера и Березовскаго, іезуитамъ не удавалось утвердиться въ Виленскомъ университетѣ; тогда опасно было раздражать князя Адама Чарторыжскаго, пользовавшагося силой и особымъ довѣріемъ императора Александра I; но теперь, съ упраздненіемъ ордена, который съ такимъ успѣхомъ развивалъ латинскую пропаганду въ Бѣлоруссіи и въ обѣихъ столицахъ, іезуиты приняты были съ особенною благосклонностью въ Вильнѣ и подвѣдомственныхъ Виленскому университету учрежденіяхъ, частью въ одеждѣ смиренныхъ пастырей, частью въ качествѣ чиновниковъ и учителей. А это обстоятельство не замедлило оказать послѣдствія, въ извѣстномъ отношеніи весьма вредныя. Послѣ изгнанія іезуитовъ ревность пропаганды даже усилилась, и въ данный періодъ пальма первенства принадлежала базиліанскому ордену, который, находя поддержку въ столицѣ и ободреніе въ министерствѣ и коллегіи, проявилъ особенную дерзость: онъ сталъ собираться съ силами для утвержденія полнаго господства въ уніи, съ цѣлію совращенія греко-уніатовъ въ латинство.

Къ счастію для русской народности въ западныхъ губерніяхъ Россіи, базиліане на пути своей разрушительной дѣятельности встрѣтили упорное сопротивленіе въ бѣломъ духовенствѣ. Борьба литовской консульты съ Жировицкою и Виленскою консисторіями, за которыми во всеоружіи стоялъ Брестскій капитулъ съ запасомъ обличеній въ хищническихъ замыслахъ ордена, принимала къ концу царствованія императора Александра I все болѣе и болѣе острый

характеръ. Никогда еще бѣлое греко-уніатское духовенство не терпѣло такихъ грубыхъ выходокъ со стороны базиліанъ, особенно виленскихъ, никогда интриги базиліанъ не отличались такою смѣлостью, какъ въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи. Поэтому было бы наивно допускать, что съ 1820 года фактически прекратилось существованіе іезуитовъ въ обществѣ. Въ русской греко-уніатской церкви базиліане, точно также, какъ іезуиты въ латинской, пренебрегали властью епархіальныхъ архіереевъ и всѣ свои противозаконныя дѣйствія оправдывали правилами своего ордена. Губернская администрація была къ услугамъ базиліанскаго провинціала Каминскаго и его консульты. Базиліанская интрига проникла въ Виленскую греко-уніатскую консисторію, развращая колеблющихся ея членовъ и возбуждая ихъ противъ офиціаловъ. Базиліане, подстрекаемые тайными іезуитами и руководителями латино-польской пропаганды, дѣйствовали рука въ руку съ партіей, враждебною русской національности, особенно въ Вильнѣ, главномъ очагѣ разныхъ обществъ дозволенныхъ и не дозволенныхъ правительствомъ или властью ректора университета. Не поддавались стремленіямъ латинизаторовъ бѣлый архіепископъ Крассовскій, прелаты и каноники Брестской епархіи, уніатскіе профессора, большинство воспитанниковъ главной духовной семинаріи и старѣйшіе уніатскіе священники въ епархіяхъ: они не забывали ни бѣдствій народныхъ подъ владычествомъ Польши, ни тѣхъ ударовъ, которые въ теченіе двухъ вѣковъ нанесены были Русской церкви.

Само министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, увлекаясь отвлеченными идеалами христіанскаго благочестія и оставивъ въ сторонѣ заботу о руководствѣ просвѣщеніемъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Подоліи и Волыни, съ усердіемъ занималось дѣлами библейскаго общества и распространеніемъ благотворительныхъ кружковъ, скрывавшихъ, между тѣмъ, въ западныхъ губерніяхъ подъ личиною общественной благотворительности цѣли политическія. Обширное вѣдомство, ввѣренное князю А. Н. Голицыну, крайне пестрое по составу и обильное по объему своей многосторонней дѣятельности [1]), послѣ изгнанія іезуитовъ, продолжало пассивно относиться къ направленію и духу народнаго образованія въ восьми сѣ-

[1]) П. С. З., т. 34, № 27,106. Манифестъ 25-го ноября 1817 г. объ учрежденіи мин. духовн. дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ министерствѣ состоятъ: 1) де-

веро-западныхъ губерніяхъ и Бѣлостоцкой области, составлявшихъ Виленскій учебный округъ, допуская на свободѣ развиваться пропагандѣ, враждебной русской національности и противной религіозному духу греко-уніатовъ.

Въ Виленскомъ университетѣ, въ Кременецкомъ лицеѣ, въ гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ, пансіонахъ, конвиктахъ и приходскихъ школахъ число учащихся достигло болѣе 21,000 (въ томъ числѣ въ Виленскомъ университетѣ состояло около 1,000 студентовъ), при чемъ большая половина учениковъ обучалась въ училищахъ, бывшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ базиліанскаго и римско-католическихъ: піаровъ, доминикановъ, миссіонеровъ, бернардиновъ, францисканъ, тринитаровъ. Такъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Виленскаго университета были (до 31-го октября 1824 года): въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ 2 гимназіи, 9 уѣздныхъ училищъ, 10 приходскихъ школъ, а въ нихъ учащихся 914. Въ вѣдѣніи же монашескихъ орденовъ: 1 высшее училище и 3 уѣздныхъ. Въ нихъ обучалось до 800 человѣкъ. Кромѣ приходскихъ училищъ, бывшихъ при фарныхъ костелахъ, въ губерніяхъ Литовскихъ (Виленской, Гродненской, Минской), въ Подольской, Волынской и въ области Бѣлостоцкой состояло (кромѣ университета): 1 лицей, 5 гимназій, 4 уѣзд-

---

партаментъ духовныхъ дѣлъ; 2) департаментъ народнаго просвѣщенія; 3) главное училищъ правленіе: а) ученый комитетъ и б) хозяйственный комитетъ. Дѣла римско-католическаго, греко-уніатскаго и армянскаго исповѣданій вѣдаются во 2-мъ отдѣленіи департамента духовныхъ дѣлъ. Въ кругъ занятій этого отдѣленія (въ 3-хъ столахъ) входятъ, между прочимъ, статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ при церквахъ и монастыряхъ, свѣдѣнія о духовныхъ имуществахъ, описи и отчетность о состояніи церквей и монастырей, генеральныя посѣщенія монастырей ихъ начальниками (визиты), дѣла о главной и епархіальныхъ семинаріяхъ, дѣла тяжебныя о духовныхъ имѣніяхъ, объ отдачѣ въ аренду недвижимаго имущества церковнаго и монастырскаго и т. п.—§ 11—14. Училища, состоящія въ вѣдѣніи департамента народнаго просвѣщенія, раздѣлены на шесть учебныхъ округовъ. Къ Виленскому учебному округу отнесены училища въ губерніяхъ: 1) Виленской, 2) Гродненской, 3) Могилевской, 4) Витебской, 5) Волынской, 6) Подольской, 7) Кіевской и 8) Минской и въ Бѣлостоцкой области. Виленскій университетъ имѣетъ: 1) совѣтъ, 2) правленіе, 3) цензурный комитетъ. При университетѣ находятся: 1) главная духовная семинарія, управляемая совѣтомъ, и 2) медицинское общество. — § 38. Полоцкая іезуитская академія не зависитъ отъ округа: напротивъ, отъ нея зависятъ училища (іезуитскія): въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Ужвальдѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Ригѣ, Романовѣ, Одессѣ и Астрахани.

ныхъ училища, 258 приходскихъ школъ. Въ лицеѣ и гимназіяхъ состояло 2,668 учащихся, въ уѣздныхъ училищахъ—8,359 мальчиковъ и дѣвочекъ, въ приходскихъ школахъ—6,781 мальчикъ и 663 дѣвочки. Изъ числа 47 уѣздныхъ училищъ означенныхъ губерній въ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ состояло 37. Точно также въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства была большая часть приходскихъ школъ. Выставляя успѣхи, достигнутые католицизмомъ въ западныхъ губерніяхъ, извѣстный благопріятель іезуитовъ Шантырь въ сочиненіи „Wiadomosci do Dziejow Kosciola i Religii katolickiej w krajach panowaniu Rossyjskiemu podleglych“, удостовѣряетъ, что римско-католическіе монашескіе ордена имѣли 76 публичныхъ или всенародныхъ училищъ, и кромѣ того, можно считать до 800 приходскихъ школъ устроенныхъ приходскими священниками (ч. I, стр. 387). Эти школы приходскія не входили въ отчеты попечителя Виленскаго учебнаго округа. Все это достаточно убѣждаетъ насъ, какими громадными способами обладало латинское духовенство для образованія русскаго народа согласно съ видами польско-латинской партіи. Слѣдуетъ упомянуть еще о 45 пансіонахъ и конвиктахъ, бывшихъ въ рукахъ различныхъ предпринимателей мужскаго и женскаго пола (въ этихъ частныхъ римско-католическихъ школахъ обучалось 1,091 дѣтей обоего пола), объ 11 школахъ взаимнаго обученія, въ которыхъ по ланкастерскому методу обучали чтенію, письму и ариѳметикѣ, (разумѣется—на польскомъ языкѣ), и о Могилевской военной школѣ при главномъ штабѣ 1-й арміи юнкеровъ и подпрапорщиковъ. И не смотря на развитіе школъ подъ призрѣніемъ и руководствомъ монашескихъ орденовъ, съ цѣлью народнаго просвѣщенія, семинаріи для бѣлаго духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греко-уніатскаго находились въ жалкомъ состояніи [1]). Въ латинскихъ епар-

[1]) Отчетъ ректора Виленскаго университета за 1823—1824 учебный годъ, читанный 30-го іюня 1824 г. См. еще гр. *Толстаго*: Le Catholicisme Romain, II, p. 232, 355, 356 о римско-католическихъ и базиліанскихъ школахъ. Школы базиліанскія для свѣтскаго юношества находились: 1) Въ монастыряхъ Бѣлорусской провинціи двѣ школы: въ Вержбиловскомъ (Витебской губ.) и Толочинскомъ (Могилевской губ.) 2) Въ монастыряхъ Литовской провинціи — шесть школъ: въ Жировицкомъ на степени гимназіи (Гродненской губ.), прочія на степени училищъ: въ Брестѣ-Литовскомъ (Гродн. губ.), Поддубскомъ и Борунскомъ (Виленской губ.), Лядскомъ и Березычскомъ (Минской губ.); 3) въ монастыряхъ Русской провинціи, также шесть школъ, изъ коихъ четыре на степени гимназій, а именно: въ Барскомъ (Подольской губ.), Уманьскомъ (Кіевской губ.), Любарскомъ и Овручскомъ (Волынской губ.), и двѣ на степени уѣздныхъ училищъ: въ Владимірскомъ (Волынской губ.) и Каневскомъ монастыряхъ (Кіевской губ.).

хіальныхъ семинаріяхъ, при скудномъ богословскомъ образованіи, воспитывали фанатиковъ, съ презрѣніемъ и ненавистью относившихся ко всему русскому.

Наибольшимъ усердіемъ къ просвѣщенію свѣтскаго юношества Западной Россіи отличались монахи базиліанскаго ордена. Базиліанскихъ школъ для образованія свѣтскаго юношества или публичныхъ было четырнадцать (не считая двѣнадцати новиціатовъ для духовнаго образованія монаховъ и десяти пансіоновъ въ монастыряхъ базиліанокъ), а въ нихъ учащихся было 4384, и въ этомъ числѣ большая часть воспитанниковъ, бывшихъ на попеченіи греко-уніатскаго монашескаго ордена, принадлежала къ римско-католическому исповѣданію! За базиліанами слѣдовали доминиканы, за ними піары; послѣ изгнанія іезуитовъ піары заразились духомъ ультрамонтанства, прежде у нихъ не замѣчаемаго; нѣкогда школы піаристовъ отличались хорошими методами преподаванія, шли впереди всѣхъ; къ піарамъ же перешла Полоцкая іезуитская академія, преобразованная въ высшую школу или лицей, и типографія [1]).

Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ процвѣтали латинскій языкъ и латино-польская поэзія, русская же исторія и географія, какъ и вообще всѣ предметы, преподавались на польскомъ языкѣ. Русскій языкъ, столь необходимый для образованія русскихъ подданныхъ значительной окраины Русскаго государства, населенной русскими людьми, оставался въ пренебреженіи. Преподаваніе русскаго языка было въ такомъ же жалкомъ положеніи и во всѣхъ семинаріяхъ и базиліанскихъ новиціатахъ. Въ приходскихъ школахъ обучали дѣтей по системѣ ланкастерской или Песталоцци. Базиліане, усвоивъ себѣ воспитательные пріемы іезуитскаго ордена, не оцѣнили однако дальновидной политики бѣлорусскихъ іезуитовъ въ одномъ отношеніи: іезуиты вмѣняли въ обязанность поступившему въ ихъ орденъ заграничному пришельцу учиться русскому языку, и изъ этого правила не исключались даже старики [2]). Базиліане

[1]) Арх. мин. нар. просв. по Виленскому учебному округу: 1820 г., № 64991, карт. 2437. объ учрежденіи училищъ въ Бѣлорусскомъ округѣ въ замѣнъ іезуитскихъ, 1823 г., № 8538, карт. 194. Полоцкимъ піарамъ разрѣшено имѣть типографію.

[2]) *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. 1, стр. 177, примѣчаніе: „Библіотека іезуитская въ Полоцкѣ имѣла сочиненія всѣхъ русскихъ литераторовъ, всѣ богослужебныя православныя книги и четьи минеи. Нерѣдко видѣли старика-іезуита, родомъ француза или италіанца, читающаго полуславянскія четьи минеи, или Ломоносова, или Кантемира. Нѣкоторые были отличными знатоками русской литературы“.

не обучали своихъ монаховъ даже церковно-славянскому языку, и провинціалы всю официальную переписку даже съ коллегіей вели на польскомъ языкѣ. Не ранѣе, какъ послѣ паденія князя Голицына и удаленія князя Чарторыйскаго, совѣтъ Виленскаго университета нашелъ полезнымъ расширить въ школахъ требованія по русскому языку, преподавать россійскую исторію на русскомъ языкѣ и примѣнять къ ланкастерскимъ школамъ таблицы на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ особомъ комитетѣ и передѣланныя при Виленскомъ университетѣ [1]).

Вышеизложенное даетъ лишь общее понятіе о тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми располагали римскіе католики въ западныхъ губерніяхъ при Чарторыйскомъ для развитія просвѣщенія въ духѣ польской національности, враждебной Россіи [2]). За-одно съ римскими латинизаторами дѣйствовали базиліане съ тайною цѣлью обращенія русскихъ уніатовъ бѣлоруссовъ и малороссовъ въ латинство. Такимъ образомъ подъ покровомъ министерства базиліане свободно выполняли свою латинизаторскую миссію въ уніи и притомъ съ усердіемъ,

[1]) *Dzień. Wilen.* 1824 г., т. II, № 7, стр. 233—247. Арх. мин. нар. просв. 1824 г., дѣло № 16,606, кн. 581, № 16,607, кн. 581.

[2]) Чтобы дать болѣе полное понятіе о развитіи учебныхъ средствъ Виленскаго учебнаго округа въ сравненіи съ прочими частями государства, приведемъ слѣдующую выдержку изъ вѣдомости о *состояніи учебныхъ заведеній и числа учащихся въ Россіи въ 1824 году*

	Въ Виленскомъ учебн. окр. Виленская, Гродненская, Бѣлостоцкая обл., Минская, Волынская, Подольская, (6 губ.) (Витебская и Могилевская губ. съ 31-го октября отошли къ Петерб. уч. округу).	*Въ прочихъ пяти учебн. округахъ*, а въ нихъ 49 губ.: Московскаго окр. 11 губ., Харьковскаго 14, Петербургскаго 9, Казанскаго 12, Дерптскаго 3.
Учебныхъ заведеній . . .	368	1.043
Учащихъ	901	3.707
Другихъ чиновниковъ . .	107	1.129
Учащихся мальчиковъ . .	20.082	43.700
„ дѣвочекъ . . .	583	5.256
Всѣхъ . .	20.665	48.964

Впрочемъ въ эту вѣдомость не вошли: военно-учебныя заведенія, школы кантонистовъ, всѣ духовныя заведенія православнаго и иностранныхъ исповѣданій, академіи и учебныя заведенія разныхъ спеціальныхъ заведеній.—*Dzień. Wilen.* 1826, т. I на основаніи данныхъ изъ *Дневника Народн. Просвѣщ.*

Кромѣ того, въ 6 университетахъ: 255 учащихъ и 2667 учащихся, въ томъ числѣ въ Виленскомъ 42 учащихъ и 976 учащихся.

превосходящимъ двухъ-вѣковыя усилія римскихъ патеровъ подъ владычествомъ Польши.

Князь Адамъ Чарторыйскій, которому императоръ Александръ I довѣрилъ общественное образованіе губерній, отъ Польши возвращенныхъ, не исключая бѣлорусскихъ, въ качествѣ попечителя Виленскаго университета, направлялъ всѣ учебныя силы къ распространенію просвѣщенія въ духѣ польской національности, дабы такимъ способомъ облегчить достиженіе своей завѣтной цѣли, тщательно имъ скрываемой отъ русскихъ. На свой учебный округъ онъ смотрѣлъ какъ на часть Польши, подъ скипетромъ Александра I. „Виленскій университетъ“, пишетъ Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ,— „былъ совершенно польскимъ и служилъ для интересовъ губерніи этой (то-есть, польской?) націи. Въ теченіе немногихъ лѣтъ все пространство Польши (читай: губерніи отъ Польши возвращенныя) покрылось школами, въ которыхъ съ полною свободою развились польскія чувства“. Университетъ, въ который призваны были знаменитые ученые свои и иностранные, исполнялъ эту роль съ умомъ и ревностью, и „это никого тогда не удивляло“ [1]).

Чарторыйскій былъ достойнымъ ученикомъ іезуитовъ: онъ льстилъ, если это необходимо было для достиженія цѣли, и подобно имъ былъ неразборчивъ на средства. Онъ не желалъ однако (или не могъ желать) раздѣлять съ іезуитами власть по управленію просвѣщеніемъ въ своемъ округѣ: университетъ съ самаго своего преобразованія въ 1803 г. опасался принять къ себѣ іезуитовъ, впустить къ себѣ эту мрачную силу, враждебную просвѣщенію. Черную работу національнаго образованія молодежи, какъ орудія для своей цѣли, Чарторыйскій предоставилъ ректору университета Снядецкому, особенно же главному своему агенту Чацкому и нѣкоторымъ первостепеннымъ агентамъ изъ среды польскихъ дворянъ, занимавшихъ офиціальныя должности въ фундушевой коммиссіи, а равно провинціаламъ римско-католическихъ и базиліанскаго орденовъ. Эти послѣдніе обязаны были напитывать сердца дѣтей фанатизмомъ. Отсюда и та связь Чарторыйскаго съ базиліанами, умѣвшими извлекать пользу у могущественнаго вельможи для противодѣйствія замысламъ Лисовскаго и Красовскаго. Мечтая быть вице-королемъ возстановленной Польши, Чарторыйскій всецѣло отдался интересамъ своей эгоистической политики и не могъ имѣть достаточно времени для непосредственнаго

---

[1]) Mémoires du Prince Adam Czartoryski, I, p. 323.

руководства просвѣщеніемъ въ школахъ своего округа. Для него и его именемъ работали усердные агенты и въ столицѣ, и въ провинціяхъ.

Въ теченіе своего двадцатилѣтняго попечительства надъ Виленскимъ университетомъ, Чарторыйскій бывалъ въ Вильнѣ только нѣсколько разъ, и то лишь на короткое время. Поэтому, впослѣдствіи, когда пришлось дать отчетъ императору о своей дѣятельности, Чарторыйскій не счелъ себя виновнымъ въ политическомъ развращеніи учащагося юношества въ своемъ округѣ.—Такъ ли это?..

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ императору Александру I отъ 23-го октября 1823 г. Чарторыйскій сваливаетъ вину на другихъ: „Въ эту должность (попечителя Виленскаго округа) я назначенъ въ 1803 году. Но постоянное пребываніе въ Петербургѣ и занятія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не позволяли мнѣ исключительно заниматься дѣлами Виленскаго округа. События 1805, 1806, 1807 гг. отвлекали меня въ область другаго рода. Въ 1810 г. я оставилъ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства на долгое время удерживали меня за границею. Мои занятія въ 1814 и 1815 гг. извѣстны вашему величеству; я снова вступилъ въ должность попечителя въ 1816 г.“ Чарторыйскому понадобилось опять побывать въ Варшавѣ по своимъ дѣламъ, откуда онъ возвратился въ Вильну лишь на короткое время въ 1817 г., чтобы подъ предлогомъ осмотра разныхъ школъ, преимущественно на Волыни и Подоліи, прожить нѣкоторое время въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ.

Въ октябрѣ 1817 г. Чарторыйскій опять отпрашивается за границу. „Je suis marié depuis quelque temps“, а это обстоятельство было уважительною причиною для путешествія за границею, „d'aller voyager“ [1]). Въ 1818 г. мы видимъ Чарторыйскаго въ Варшавѣ, гдѣ онъ находитъ дѣла въ плохомъ видѣ. „Въ мартѣ (1818 г.) поѣду въ Вильну, а потомъ въ Кременецъ для осмотра учебныхъ заведеній“. Не извѣстно, исполнилъ ли свое намѣреніе попечитель. Во всякомъ случаѣ забота о ходѣ дѣлъ въ университетѣ была на послѣднемъ планѣ, ибо въ письмѣ изъ Сенявы отъ 2 (14)-го августа, Чарторыйскій писалъ государю, что состояніе здоровья его жены требуетъ новой отлучки за границу, на этотъ разъ продолжительной. „Доктора настаиваютъ на ея отъѣздѣ, она должна лѣчиться въ Баденъ-Баденѣ. Я долженъ ее сопровождать“ [2]).

---

[1]) Mémoires, II, 369.

[2]) Mémoires, II, 371. Изъ слѣдующихъ строкъ видно, что Чарторыйскаго

Во время продолжительнаго отсутствія князя Чарторыйскаго, управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ принялъ на себя министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (съ 23-го іюня 1819 г. [1]). Князь-попечитель могъ и не торопиться въ Вильну; изъ Баденъ-Бадена онъ ѣздилъ въ Парижъ, побывалъ въ Лондонѣ. Наконецъ 21-го августа 1821 г. онъ вернулся, но не въ Вильну, а сначала въ свое имѣніе Сеняву: „Revenu dans mes foyers je crois remplir un devoir en soumettant à Votre M. I. et R. quelques observations que j'ai faites pendant le peu de jours que j'ai passé à Varsovie".

Послѣдовавшія событія въ Европѣ со времени конгрессовъ въ Троппавѣ и Лайбахѣ, революціонное движеніе къ Неаполѣ и Піемонтѣ, нашептываніе Меттерниха о тайныхъ обществахъ, готовившихъ безпорядки въ самой Россіи, недобрыя вѣсти, приходившія изъ конституціонной Польши, обязанной своимъ преимуществомъ великодушію Русскаго государя, возстаніе грековъ—вездѣ одни и тѣ же явленія—произвели столь сильное впечатлѣніе на императора Александра I, что онъ не только совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей по отношенію къ полякамъ, которыхъ облагодѣтельствовалъ, но даже сознавалъ несвоевременность дарованной Польшѣ конституціи. Послѣ Отечественной войны императоръ давалъ понять Чарторыйскому, что онъ смотритъ на Бѣлоруссію, Литву, Подоль и Волынь, населенныя малороссами и бѣлоруссами, какъ на неотъемлемую собственность Россійской имперіи. Въ своихъ письмахъ онъ выражалъ намѣреніе ограничить возстановленіе Польскаго государства лишь предѣлами великаго герцогства Варшавскаго, за исключеніемъ частей, долженствующихъ отойдти въ вознагражденіе Австріи и Пруссіи, то-есть, части Познани съ г. Торномъ и части Галиціи съ г. Величкою. Императоръ писалъ Чарторыйскому: „Образъ дѣйствій польской арміи подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ и опустошенія разбудили у русскихъ старую ненависть. Не забывайте, что Литва, Подоль, Волынь до сихъ поръ считались русскими провинціями, и никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить Россію, что онѣ могутъ быть подъ скипетромъ другаго государя, а не того, который цар-

---

особенно занимала Варшава, которую онъ оставилъ въ глубокой печали („morne tristesse"); о Вильнѣ князь не заботился: тамъ и во всемъ округѣ среди дворянства съ 1815 года насаждались сѣмена революціоннаго движенія его агентами; въ этомъ направленіи дѣйствовали, между прочимъ, и благотворительные кружки, бывшіе въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

[1]) Арх. мин. нар. просв. 1819 г., № 7860, карт. 187.

ствуетъ въ Россіи" [1]). Но Чарторыйскому, не взирая на очевидную несообразность, хотѣлось увѣрить себя и другихъ, что эти провинціи (les huit anciens (?) gouvernements) составляютъ не болѣе какъ часть Польши! Поэтому онъ соблаговолилъ принять ихъ подъ свое покровительство для защиты отъ варварства русской администраціи, неспособной ласкать дворянство и католическое духовенство за измѣну Русскому государю во время нашествія Наполеона. „Эти провинціи, такъ много пострадавшія при нашествіи непріятеля, заслуживаютъ", писалъ князь въ 1813 г.,—„чтобы и на нихъ были распространены тѣ благодѣянія, какими Вашему Величеству угодно было облагодѣтельствовать Польшу".

Съ того времени прошло около десяти лѣтъ, и въ этотъ продолжительный періодъ учащейся молодежи восьми западныхъ губерній и Бѣлостоцкой области на школьной скамьѣ внушалось, что эти провинціи не имѣютъ ничего общаго съ Россіей, на которую поэтому должно смотрѣть какъ на враждебное государство, какъ на своего врага!... И все это дѣлалось съ вѣдома и подъ руководствомъ попечителя.

Посмотримъ, какъ оправдывался князь Чарторыйскій въ упомянутомъ письмѣ своемъ къ императору Александру I отъ 23-го октября 1823 г.: „Во время продолжительнаго моего отсутствія, университетъ и школы округа оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, при чемъ система обученія не подвергалась никакимъ укорамъ. Управленіе школами и развитіе просвѣщенія (sic) были предметомъ чрезвычайныхъ заботъ (!), но для наблюденія за ними требовалось болѣе свободы (?). Послѣ моего возвращенія въ концѣ 1821 года, я нашелъ положеніе весьма серьезнымъ и труднымъ. Школьное дѣло совершенно измѣнилось. Мятежный духъ, распространившійся въ разныхъ университетахъ Германіи, и пагубное стремленіе къ образованію тайныхъ обществъ между учениками университетовъ подверглись преслѣдованію правительствъ. Зараза могла легко распространиться (слѣдовательно, еще не распространилась ?) и на наши школы. Въ ноябрѣ 1821 г., вскорѣ послѣ моего возвращенія, я предписалъ университету усилить бдительность и строго воспретить тайныя общества. И это распоряженіе не осталось безъ должнаго вліянія, ибо, судя по разслѣдованіямъ (Новосильцева) въ Вильнѣ, тайныя общества были закрыты или разстроены. Въ мартѣ

---

[1]) Mémoires, II, 302, 303.

1822 г., послѣ трехлѣтняго моего отсутствія, я осмотрѣлъ университетъ и затѣмъ оставался въ Вильнѣ до іюня мѣсяца. Зная о положеніи школьнаго дѣла въ Европѣ и о перемѣнѣ взглядовъ правительства, я съ того времени старался всѣми силами отвѣчать намѣреніямъ Вашего Величества и спасти Виленскій университетъ отъ несчастія, которое ему угрожало, какъ и другимъ университетамъ въ Европѣ. Прежде всего я озаботился найдти способнаго ректора, но назначеніе замедлилось на шесть мѣсяцевъ [1]), и я лишенъ былъ возможности привести въ исполненіе предположенныя реформы, а это обстоятельство и было, полагаю, одною изъ главныхъ причинъ бѣды, обрушившейся на университетъ. Когда же новый ректоръ (Твардовскій) принялся за приведеніе въ исполненіе моей инктрукціи о полицейскомъ надзорѣ, онъ былъ арестованъ, и наша работа въ Вильнѣ была парализована. Эти несчастія университета совпали съ моимъ семейнымъ горемъ и я считаю этотъ годъ самымъ печальнымъ въ моей жизни“ [2]).

Итакъ, обращеніе Виленскаго университета въ орудіе польско-латинской пропаганды, во время двадцатилѣтняго управленія князя Адама Чарторыйскаго, для удовлетворенія его личныхъ честолюбивыхъ замысловъ, было дѣломъ его гордыхъ, политическихъ мечтаній и нимало не соотвѣтствовало ни желаніямъ, ни намѣреніямъ императора Александра I, ибо тутъ дѣло шло о части Русскаго государства, подвластной скипетру Русскаго императора. Этого мало. По уставу 1803 года, университетъ неразрывными узами связанъ былъ съ гимназіями и низшими школами. Поэтому нѣкоторыя гимназіи обращены были въ притоны революціонеровъ; юношамъ и дѣтямъ, подданнымъ русскимъ, внушалась ненависть къ Русскому царю, къ русской націи; измѣна своему государю возвышалась въ священный культъ, какъ подвигъ, достойный истиннаго польскаго патріота! Письмо Чарторыйскаго 23-го октября 1823 года, въ которомъ онъ

---

[1]) Послѣ Снядецкаго ректоромъ университета былъ утвержденъ *Малевскій*, (9-го марта 1817 г.), а въ 1820 г. профессоръ Малевскій снова избранъ ректоромъ на новое трехлѣтіе и утвержденъ (20-го мая 1820 г.). Отъ должности ректора Малевскій уволенъ 10-го апрѣля 1822 г., а на его мѣсто временно назначенъ профессоръ каноникъ *Клонгевичъ*, а затѣмъ утвержденъ *Твардовскій*, остававшійся ректоромъ до 1-го іюня 1824 г. Арх. мин. нар. просв., Дѣла—1817 г. № 7641, к. 182; 1820 г. № 7993, к. 182; 1822 г. № 8268, к. 190, № 8543, к. 194; 1824 г. № 16554, к. 190.

[2]) Mémoires, II, стр. 391.

старается свалить вину на другихъ, въ связи съ другими его письмами и мемуарами, ясно обнаруживаетъ обыкновенный іезуитскій способъ дѣйствій—съ безстыднымъ лукавствомъ стараться умыть свои руки и для достиженія своей личной цѣли прибѣгать къ безнравственнымъ средствамъ.

Распространеніемъ польской пропаганды, кромѣ учебныхъ заведеній и монашескихъ орденовъ, усердно занимались различныя благотворительныя и богоугодныя заведенія, бывшія также въ вѣдѣніи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Эти учрежденія получили развитіе съ 1819 года, когда Чарторыйскій жилъ за границею, а дѣлами округа управлялъ министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ. Послѣ Отечественной войны, въ С.-Петербургѣ подъ опекою императрицы Елизаветы Алексѣевны было основано женское патріотическое общество, которое въ теченіе десяти тѣтъ (1812 — 1822 гг.) выдало пособій и на богоугодныя заведенія болѣе 880.000 руб. Благодаря царскимъ щедротамъ, благотворительность оказала несчастнымъ сиротамъ, вдовамъ и убогимъ съ того времени въ Россіи громадныя услуги; но польская партія пользовалась ею для достиженія своихъ политическихъ замысловъ. С.-Петербургское женское патріотическое общество съ самаго начала своего учрежденія дѣйствовало съ замѣчательнымъ успѣхомъ и образовало множество частныхъ благотворительныхъ учрежденій. Предсѣдательницей этого общества была княжна Екатерина Мещерская, секретаремъ ст. сов. Александръ Тургеневъ. Служба многихъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ была связана съ благотворительными занятіями въ патріотическихъ кружкахъ, быстро распространявшихся по Россіи [1]. Подобное же общество уже давно существовало въ Вильнѣ—Towarzystwo Dobroczynnosci Wilenskie. По его примѣру образовались патріотическія частныя общества въ разныхъ мѣстахъ Виленскаго учебнаго округа—въ Слуцкѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Россіенахъ, Іоганишкахъ и т. п., а равно при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Благотворительныя провинціальныя общества имѣли уставы, иногда утвержденные высочайшею властью. Къ членамъ обществъ принадлежали: военный губернаторъ и губернаторы, предводители дворянства, литовско-русская знать обоего пола, прелаты римско-католическаго духовенства [2]. Изъ устава человѣколюбиваго общества въ г. Слуцкѣ видимъ, что

---

[1]) Дѣян. благотв. (Dzieje Dobroczyn.) на 1823 г., т. III, стр. 301, 445.

[2]) Дѣян. благотв. 1821 г., годъ 2-й, стр. 445, 464, 2054, 471, IV, стр. 460.

въ немъ состояли членами: жена предводителя дворянства Поцѣй-Непокойчицкая, княжна Радзивилъ, графиня Чапская, Моржеевская и проч. Ежегодно происходили торжественныя засѣданія благотворительныхъ обществъ, въ присутствіи членовъ комитета и дамъ-благотворительницъ. Католическіе и базиліанскіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ не щадили лести для превознесенія князя Голицына, покровителя неимущихъ. Въ кассу собирались приношенія на дѣла благотворительныя, для вспомоществованія нищимъ. Отчеты публиковались. Кромѣ благодѣянія нищимъ, дамы-благотворительницы охотно несли пожертвованія на содержаніе недостаточныхъ студентовъ Виленскаго университета. Вскорѣ образовалось въ Вильнѣ самостоятельное товарищество или общество для пособія недостаточнымъ ученикамъ. Примѣромъ организаціи такого общества, какъ увѣряютъ, служила Германія, гдѣ почти каждый университетъ располагалъ значительнымъ капиталомъ для содержанія недостаточныхъ учениковъ. Изъ этихъ суммъ неимущимъ ученикамъ выдавался безплатный столъ (Freytisch), денежное пособіе (Stipendium), доставлялось помѣщеніе, покупались учебныя книги. Учредители Виленскаго общества указывали, какъ на примѣръ, достойный подражанія, университетъ въ Галле, при которомъ филантропъ Августъ-Германъ Франке устроилъ институтъ для нуждающихся учениковъ, и благодаря такой помощи, Галльскій университетъ сталъ въ числѣ первыхъ, а „это подняло Пруссію". 26-го августа 1821 г. ректоръ университета Симонъ Малевскій одобрилъ правила общества для пособія недостаточнымъ студентамъ въ такихъ выраженіяхъ: „Видѣлъ и намѣреніе нахожу похвальнымъ и полезнымъ" [1]).

Каждый членъ общества обязанъ былъ вносить въ кассу единовременно по 3 р. и ежемѣсячно по 30 к. (два золотыхъ): могли быть принимаемы и другія пожертвованія. На собранныя деньги со временемъ полагалось пріобрѣсти домъ съ садомъ, устроить общественный столъ и помѣщеніе для нѣкоторыхъ учениковъ. Общество избирало директора, секретаря, кассира и исполнительный комитетъ, который з[..]ѣдывалъ имуществомъ, расходовалъ деньги, распредѣлялъ пособія.

---

[1]) Дѣян. благотв. 1821 г., стр. 2221—2230. Учредителями общества для вспомоществованія студентовъ были: *Николай Малевскій* (профессоръ акушерскаго искусства), *Михаилъ Дмоховскій*, *Іанъ Рихтеръ*, *Робертъ Клечковскій*, *Иванъ Фольфгангъ* (профессоръ), *Казиміръ Контрымъ* (адъюнктъ-профес.), *Леонъ Боровскій*, *Родзевичъ*, *Вроблевскій*, *Карчевскій*, *Лачевицкій*, *Гечевичъ*, *Балинскій*, *Аврамій Дмоховскій*, *Иванъ Шантыръ* (преподаватель геометріи), *Сесевицкій*.

Комитетъ могъ составиться, когда соберется 25 членовъ общества. Онъ долженъ былъ составить уставъ. Столовая имѣла быть устроена въ удобномъ мѣстѣ. Обѣдъ предполагался изъ 2-хъ блюдъ, ужинъ изъ одного блюда. Билеты на право пользованія даровымъ столомъ раздаются директоромъ помѣсячно. Подъ этими правилами подписались учредители, поименованные въ примѣчаніи на стр. 273.

Общество вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ университета быстро организовалось. 7-го сентября были составлены временныя правила для избранія недостаточныхъ студентовъ; каждый членъ общества могъ рекомендовать студента, нуждающагося въ помощи; затѣмъ выборы дѣлались въ общемъ собраніи по большинству голосовъ. Къ 1-му декабрю общество состояло изъ 392 членовъ, которые внесли единовременно 1249 руб. (ежемѣсячно по 30 коп.), въ сложности 817 р. 20 к., а всего 2072 р. 40 коп. Сверхъ того, отъ 348 благотворителей собрано было приношеній на сумму въ 552 р. $65^3/_4$ к. Учениковъ на содержаніе общества поступило 26, изъ нихъ медицинскаго факультета 15, словеснаго 3, правовѣдовъ 3, инженеровъ 3, архитекторовъ 1, художниковъ 1. Кромѣ того, общество учредило школу ремесленниковъ, въ которой состояло 70 учениковъ, большею частью изъ виленскихъ мѣщанъ.

Въ засѣданіи 28-го сентября 1821 г. общество или товарищество установило поставить кружку (karbone), въ которую члены благотворители, во всякое время, могли вносить свои пожертвованія. Во время засѣданій кружка находилась при дверяхъ, а остальное время хранилась въ кассѣ; ключъ отъ кружки находился у особо избраннаго члена. Со времени открытія кружки (2-го ноября) по 1-е января 1822 г. собрано было 7 р. 21 к. с. Деньги эти имѣли особое назначеніе, по усмотрѣнію распорядителей общества.

Къ 1-му января 1822 г. оставалось въ кассѣ общества 2644 р. $79^3/_4$ коп. Въ теченіе 1822 г. вновь поступило 3626 руб. $6^1/_2$ коп. Израсходовано всего 2427 р. $9^1/_2$ к. Въ томъ числѣ: на столъ недостаточныхъ учениковъ, число которыхъ постоянно прибывало (съ начала года на содержаніи было по 25 учениковъ, а съ 1-го октября по 49, а всего въ годъ 316 (по 5 руб. въ мѣсяцъ)—1655 р.; на ремесленную школу по 6-е іюля 1882 г. 36 р. и т. д. Къ 1-му января 1823 г. оставалось въ кассѣ 3842 р. $92^1/_2$ коп. Кромѣ того, на 365 членахъ числилось недоимокъ въ 752 р. 40 к. [1])

[1]) Дѣян. благотв. 1821 г., стр. 2230. Временныя правила, стр. 2235—2267, вѣдомость членовъ вкладчиковъ въ общество, стр. 2269—2288, вѣдомость благо-

Особенное усердіе въ сборахъ приношеній оказывали дамы-благотворительницы, которыя съ книжками являлись даже въ квартиры холостыхъ людей. Въ высшемъ сословіи шляхты обнаружилось изумительное усердіе къ благотворенію неимущимъ.

Благотворительныя общества и учрежденное въ 1821 г. въ Вильнѣ товарищество или общество для вспомоществованія студентовъ, какъ теперь оказывается, имѣли связь съ прежними обществами студентовъ, устроенными первоначально по образцу германскхъ буршей, а затѣмъ преобразившимися въ тайныя общества подъ различными наименованіями. Но тайныя общества были закрыты въ концѣ 1822 г., а ихъ замѣнили общества благотворительныя, поощряемыя правительствомъ.

11-го февраля 1817 г., съ разрѣшенія ректора университета Андрея Снядецкаго, было открыто общество „шубравцевъ" (голышей), въ основаніе котораго (какъ и въ основаніи общества германскихъ буршей) положены были чисто нравственныя начала: трезвая жизнь, искорененіе въ обществѣ разныхъ пороковъ, сутяжничества, праздности, пьянства. Съ этою цѣлью издавались обществомъ „бруковыя (уличныя) вѣдомости" въ сатирическомъ духѣ. Уставу шубравцевъ сочувствовало само правительство, не подозрѣвая, конечно, тайныхъ цѣлей, скрытыхъ въ основѣ учредителями общества. Около того же времени (1817—1818 гг.) между студентами университета организовалось еще общество филомановъ, которое распадалось на отдѣлы: литературный и физико-математическій; въ первомъ предсѣдательствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а послѣ назначенія его учителемъ въ Ковну — Чечотъ, во второмъ Ѳома Занъ. Цѣлью этого общества было „возвысить благосостояніе отечества, подъ которымъ разумѣлись губерніи, входившія въ составъ Виленскаго учебнаго округа". Филоманы стремились занимать мѣста учителей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и потому преобразились въ общество „променистовъ" (лучезарныхъ). Въ 1820 г. появился уставъ общества променистовъ подъ наименованіемъ: „друзей полезныхъ увеселеній". Въ маѣ 1820 г. ректоръ Малевскій утвердилъ этотъ уставъ, не подозрѣвая, какъ онъ

творителей по 72 прошнурованнымъ книгамъ, стр. 2289, о кружкѣ и числѣ вспомоществуемыхъ учениковъ стр. 2291—2296, балансъ кассы; 1823 г., т. 1—балансъ кассы за 1822 г. и о добавочныхъ членахъ. Въ перечисленіи членовъ упоминаются: генералъ маіоръ Бушуевъ, плацъ-маіоръ Богдановичъ, четверо Святополкъ-Мирскихъ, генералъ Васильчиковъ, маіоръ Іосифъ Шебеко и много другихъ русскихъ фамилій.

объяснялъ впослѣдствіи, что уставъ, поддерживая сходки, содѣйствовалъ распространенію между студентами броженія политическаго характера. Сходки были запрещены, разрѣшеніе взято назадъ, но запрещеніе сходокъ повело къ образованію тайнаго общества „филаретовъ".

Ѳома Занъ, Францъ Малевскій (сынъ ректора) и нѣсколько другихъ товарищей начертали уставъ общества „филаретовъ", дополнявшій уставъ общества „променистовъ". Это новое общество задалось цѣлію возстановленія Польши въ прежнемъ составѣ; отъ поступающихъ требовалась клятва („клянусь именемъ поляка и честнаго—honorowego—человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими средствами"), и единовременный взносъ въ 1 рубль и ежемѣсячный по 15 коп. (одинъ злотый). Членами общества могли быть одни только студенты и лица, принадлежавшія къ учебному вѣдомству. Общество имѣло свою библіотеку. Каждому члену на каникулярное время выдавалась печатная программа, какъ руководство, для описанія церковныхъ приходовъ въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ: о народонаселеніи, нравахъ, обычаяхъ, имуществѣ жителей; программу эту отпечатала типографія Виленскаго базиліанскаго монастыря. Въ числѣ членовъ общества филаретовъ были сыновья лучшихъ дворянскихъ фамилій, нѣсколько іезуитовъ бывшей Полоцкой академіи и учителей гимназій. На сходкахъ общества читались произведенія ея членовъ, напримѣръ: „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа". Въ исходѣ 1822 г., это общество было закрыто: окончившіе курсъ студенты разъѣхались въ провинцію, прочіе вступили въ упомянутое общество „вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ" [1]).

[1]) *Шолковича* „Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Зап. Россіи". *Сборникъ.* Вильна. 1885. Фактическія свѣдѣнія о разныхъ обществахъ переданы авторомъ по документамъ слѣдственной коммиссіи. Нельзя согласиться съ нѣкоторыми обобщеніями автора, основанными на единичныхъ случаяхъ. *Вѣстникъ Европы* на 1888 г., октябрь, ст. *Ѳ. Вержбовскаго*: „Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ (1815—1824)". Организаторомъ разныхъ студенческихъ обществъ въ Вильнѣ „филоматовъ", „лучезарныхъ", „филаретовъ", авторъ считаетъ университетскаго библіотекаря Казимира Контрыма, въ семействѣ у котораго Занъ былъ репетиторомъ.—Подобныя общества существовали въ Германіи. Сущность движенія школьной молодежи (1815—1822) не была понята Новосильцевымъ; ея смыслъ и значеніе онъ преувеличивалъ, полагая, что она стремилась къ возстановленію Польши въ древнихъ предѣлахъ ея. Только люди, давшіе инищіативу этому движенію, имѣли въ виду дѣйствительно эту политическую цѣль. Г. Вержбовскій откладываетъ до будущаго времени обстоятельный разборъ этого вопроса.

Общества были закрыты, безъ сомнѣнія, по сигналу, данному Чарторыйскимъ, отъ наблюденія котораго не могли ускользнуть принятыя правительствомъ болѣе строгія полицейскія мѣры, вслѣдствіе полученныхъ въ Петербургѣ извѣстій о ненадежномъ состояніи умовъ въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, особенно же о фанатическомъ настроеніи студентовъ и учащейся молодежи. Чарторыйскій приказалъ принять строгія полицейскія мѣры во всѣхъ заведеніяхъ своего округа. Но уже было поздно. Нельзя было остановить потока возбужденныхъ страстей въ школьной молодежи. Лѣтомъ 1822 года императоръ Александръ I (на пути въ Верону) посѣтилъ Вильну, и вскорѣ послѣдовало распоряженіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о приведеніи немедленно въ исполненіе прежнихъ указовъ государя объ упраздненіи нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей съ цѣлью устройства семинарій и духовныхъ училищъ для греко-уніатскаго бѣлаго духовенства.

Совпаденіе этихъ событій имѣетъ важное историческое значеніе. Въ то время, когда римско-католическое духовенство (особенно монахи) и базиліане принимали дѣятельное участіе въ благотворительныхъ явныхъ и тайныхъ обществахъ, покрывшихъ густою сѣтью верхній слой общества въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа, низшее духовенство оставлено было въ покоѣ. Уніатскихъ „поповъ“ и „поповичей“ не считали достойными къ общенію съ собою польская шляхта и базиліанскій орденъ. Послѣдній считался обществомъ аристократическимъ: такъ по крайней мѣрѣ отзывался о своемъ орденѣ даже въ офиціальныхъ бумагахъ извѣстный литовскій провинціалъ Каминскій, латинизаторъ и фанатикъ. Представители бѣлаго духовенства обѣихъ Литовскихъ епархій подозрительно и съ безпокойствомъ смотрѣли на движеніе всѣхъ латино-польскихъ силъ вмѣстѣ съ базиліанами. Хотя въ спискахъ благотворителей мы не встрѣчаемъ фамилій сколько-нибудь извѣстныхъ священниковъ, а въ вѣдомостяхъ товарищества для пособія студентамъ не видимъ ни одного студента главной духовной семинаріи, не только уніата, но и католика, но въ студенческія общества университета было увлечено нѣсколько студентовъ, сыновей священниковъ, напримѣръ, Иванъ Янковскій, сынъ архипресвитера Брестскаго капитула.

Съ самаго начала XIX в. въ іерархіи греко-уніатской церкви ясно обозначились два направленія: базиліане, какъ латинизаторы, дѣйствовали за-одно съ помѣщиками и чиновниками, а бѣлое духовенство чуждалось помѣщиковъ, не отдѣлялось отъ народа и, съ тру-

домъ перебиваясь въ заботахъ дня, терпя постоянное униженіе, ожидало, какъ милости, защиты отъ правительства. Базиліанамъ, какъ и помѣщикамъ, были невыгодны ограниченія ихъ произвола надъ ихъ крѣпостными крестьянами, участь которыхъ была облегчена указомъ 1818 г. Старшіе представители бѣлаго духовенства, прелаты и каноники, негодовали на базиліанъ, считая ихъ виновниками угнетенія и униженія своей братіи. Эти двѣ партіи греко-уніатскаго духовенства, различныя по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ, мы будемъ называть латинниками и оріенталистами. Въ протестахъ Брестскаго капитула, заявленіяхъ Брестской консисторіи, жалобахъ благочиннаго Антонія Сосновскаго, какъ у всѣхъ вообще оріенталистовъ въ русской уніи того времени, представлялись бѣдность духовенства, упадокъ религіи, латинизація въ обрядахъ. Но эти петиціи о ненормальномъ состояніи церкви оставлялись министерствомъ безъ всякаго вниманія до тѣхъ поръ, пока не понята была связь латинизаторовъ въ уніи съ польскою пропагандою въ школахъ учебнаго округа и монашескихъ. Ни митрополитъ Булгакъ, въ качествѣ Брестскаго епископа, ни 2-й департаментъ коллегіи, ни департаментъ духовныхъ дѣлъ до 1822 года не сдѣлали ни одного шага, чтобы вникнуть въ причины, вызвавшія неоднократныя жалобы и заявленія представителей Брестской епархіи (съ 1810 по 1820 гг.). Мы видѣли, что князь Голицынъ обращалъ эти жалобы къ митрополиту. Но не прошло и трехъ лѣтъ со времени протестовъ бѣлаго духовенства Брестской и Виленской епархій, какъ правительство выразило свое рѣшительное намѣреніе придти на помощь бѣлому духовенству для удовлетворенія вопіющихъ его нуждъ. Предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отъ 28-го сентября 1822 г., поразило базиліанъ своею неожиданностью и вызвало опасеніе за будущую судьбу ордена.

Обратимся теперь къ анализу состоянія греко-уніатской церкви въ эти смутные годы. Начнемъ съ высшей іерархіи, а затѣмъ объяснимъ лихорадочное стремленіе латинизаторовъ захватить унію въ свои руки.

О греко-уніатскомъ митрополитѣ Іосафатѣ Булгакѣ можно сказать то же самое, что говорятъ историки о его современникѣ Римскомъ папѣ Піѣ VII. При мягкости своего характера Булгакъ всегда находился подъ вліяніемъ людей, его окружавшихъ. Поэтому въ его дѣйствіяхъ замѣчается двойственность, и нерѣшительность, какая-то неуловимость, не разъ приводившая въ недоумѣніе Брестскій капитулъ, со времени его возобновленія въ 1808 году.

Булгакъ происходилъ изъ небогатаго католическаго дворянскаго семейства Слонимскаго повѣта Гродненской губерніи и во всю свою жизнь оставался въ душѣ римскимъ католикомъ, ревностнымъ защитникомъ интересовъ базиліанскаго ордена. Булгакъ получилъ первоначальное образованіе въ Жировицкомъ училищѣ, при базиліанскомъ монастырѣ (1768—1777); на 16-мъ году поступилъ въ духовное званіе, прошелъ риторику и философію и въ 1782 г. отправленъ въ Римскую коллегію (Collegium de Propaganda fide) [1]. Здѣсь онъ обучался съ 1782 по 1785 г. догматическому богословію, каноническому праву, италіанскому языку, былъ посвященъ въ Римѣ греческимъ епископомъ въ іеромонахи и, возвратившись въ 1785 году со степенью доктора богословія, философіи и каноническаго права, поступилъ учителемъ сперва въ Березвеческій, а потомъ Жировицкій базиліанскіе монастыри. Но черезъ годъ (въ 1786 г.) іеромонахъ Булгакъ былъ назначенъ коадъюторомъ Полоцкаго и Туровскаго епископовъ съ наслѣдствомъ. Такова была быстрая карьера въ русской уніи монаховъ базиліанскихъ, которые проходили римскую школу de Propaganda fide. Вслѣдъ за назначеніемъ Булгакъ рукоположенъ въ епископы Туровской епархіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши Польская и Туровская епархіи были упразднены. Съ образованіемъ въ 1795 г. Брестской епархіи въ новомъ составѣ (изъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Курляндской), Булгакъ былъ

---

[1]) Во время польскаго владычества изъ Литовской базиліанской провинціи ежегодно посылали въ Римъ четырехъ клириковъ базиліанскаго ордена для полученія образованія; изъ нихъ двое помѣщались въ коллегію пропаганды и двое— въ греческую коллегію при церкви св. Аѳанасія. Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи высылка базиліанскихъ клириковъ въ Римъ была прекращена. Арх. св. син. по 2-му департ. 1822 г., д. № 54. Въ Римѣ съ половины XVII в. существовала греко-уніатская колонія при церкви Della Madonna de Pascolo (то-есть, во имя Жировицкой Божьей матери). Кардиналъ Антоній Барберини, братъ папы Урбана VIII, купилъ домъ при этой церкви для базиліанъ и вообще оказывалъ особое покровительство русскимъ уніатамъ, прибывавшимъ изъ Польши. Колонія базиліанская была въ вѣдѣніи прокураторовъ. Съ 1639 г. было здѣсь 27 прокураторовъ. Въ колоніи съ давнихъ поръ существовала духовная школа для образованія русскаго духовенства изъ Польши и Литовской Руси; кромѣ присылаемыхъ греко-уніатовъ, въ ней обучались и русскіе путешественники. Послѣднимъ ректоромъ и прокураторомъ былъ Іорданъ Мицкевичъ, который въ 1819 г. представилъ рапортъ русскому послу тайн. сов. Италинскому о „состояніи дома и церкви во имя Пресвятой Богородицы Жировицкой“. См. замѣтки профессора *М. Бобровскаго* въ „Dziej. Dobrocz.“ на 1822 г., стр. 1247, 1248.

назначенъ Брестскимъ епископомъ. Съ самаго начала управленія этою обширною епархіей епископъ проявилъ себя недоброжелателемъ бѣлаго духовенства, покровителемъ латинизаціи грекославянскихъ обрядовъ, сторонникомъ самостоятельности базиліанскаго ордена въ Уніи: онъ-то и поддерживалъ стремленія базиліанъ къ возстановленію званія генерала или протоархимандрита, стѣснялъ образованіе бѣлаго духовенства своей епархіи (вспомнимъ закрытіе папскаго алумната) и вовсе не заботился объ улучшеніи его быта. Эти и другія дѣйствія Булгака отталкиваютъ отъ него представителей бѣлаго духовенства. Намъ уже извѣстны отношенія его къ митрополиту Лисовскому. Благодаря энергіи оффиціала Тупальскаго, управлявшаго дѣлами епархіи съ 1807 г. и имѣвшаго большое вліяніе на своего епископа, Булгакъ долженъ былъ, волей-неволей, уступать просьбамъ Брестскаго капитула. Съ 1814 г., послѣ смерти митрополита Кохановича, Булгакъ исправлялъ должность архіепископа Луцкой епархіи. Его желаніе занять митрополичью каѳедру послѣ смерти Кохановича въ 1814 г. не осуществилось, не смотря на все стараніе его пріятеля и сосѣда Пусловскаго, слонимскаго предводителя дворянства, который, минуя главное управленіе духовныхъ дѣлъ, хлопоталъ черезъ главный штабъ дѣйствующей арміи. Однако, спустя три года, Булгаку при содѣйствіи друзей въ столицѣ удалось достигнуть своей цѣли: 2-го января 1817 г. онъ былъ пожалованъ въ митрополиты греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, а 24-го октября 1817 г., на основаніи положенія о министерствѣ духовныхъ дѣлъ, назначенъ предсѣдателемъ 2-го департамента римско-католической коллегіи [1]). Со времени переселенія своего въ Петербургъ, Булгакъ обнаружилъ свою тактику въ отношеніяхъ къ бѣлому духовенству своей Брестской епархіи; онъ попалъ подъ вліяніе своего секретаря іеромонаха Мудровича, воспитанника Полоцкой іезуитской коллегіи, личнаго врага архіепископа Красовскаго [2]), вступилъ въ

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., дѣла 1817 г., № 8, 1818 г., № 33. Гр. *Толстаго*: „Le Catholicisme Romain“, II, стр. 361 и слѣд.—Записки Іосифа, митр. Литовскаго, I, 53: „кроткаго и честнаго нрава, не дальняго ума и ученія. По характеру онъ не былъ фанатикомъ. Дѣлами никогда не занимался. Имѣлъ любостяжаніе въ пользу родныхъ“. Въ Запискахъ *Василія Лужинскаго*, архіепископа Полоцкаго, еще болѣе сочувствія къ Булгаку. Съ ходомъ дѣлъ въ Уніи правдоподобнѣе сужденіе о Булгакѣ *Антонія Зубки*; см. *Русск. Вѣстникъ* 1864 г.

[2]) Іеромонахъ Іосафатъ Мудровичъ воспитывался у полоцкихъ іезуитовъ съ 1785 по 1794 г. Былъ подвергнутъ наказанію вмѣстѣ съ другими базиліанами

вице-президенты библейскаго общества и сталъ всѣми способами содѣйствовать князю Голицыну къ низверженію Полоцкаго архіепископа. Со времени переселенія Булгака въ столицу всѣ дѣйствія его и окружающихъ его базиліанъ возбуждали ропотъ и неудовольствіе въ бѣломъ духовенствѣ Полоцкой, Брестской и Виленской епархій. Въ этомъ отношеніи оставалось позади прочихъ духовенство Луцкой епархіи, можетъ быть, потому, что ею управлялъ епископъ Мартусевичъ, а послѣ него съ 1823 г. епископъ суфраганъ Сѣроцинскій, которые, хотя и происходили изъ бѣлыхъ, всею душою были отданы латинству и тѣсно связаны съ базиліанскимъ орденомъ.

Греко-уніатскими епархіями управляли: Виленскою митрополичьею епископъ суфраганъ, Брацлавскою—архимандритъ Адріанъ Головня, Полоцкою—архіепископъ Іоаннъ Красовскій, Луцкою—епископъ Іаковъ Окелло-Мартусевичъ и Брестскою—самъ митрополитъ, имѣя суфраганомъ Владимірскаго епископа, Супрасльскаго архимандрита Льва Яворовскаго. Съ 1823 года главное начальство надъ четырьмя епархіями раздѣлили между собою—митрополитъ Булгакъ и епископъ Мартусевичъ, первый въ Брестской и Виленской митрополичьей, второй въ Полоцкой и Луцкой. Такимъ образомъ, послѣ удаленія архіепископа Красовскаго, греко-уніатская церковь оказалась въ рукахъ латинизаторовъ-фанатиковъ.

Первое мѣсто по значенію въ Уніи занималъ Полоцкій архіепископъ Красовскій, который, получивъ первоначальное образованіе у оршанскихъ іезуитовъ, поступилъ въ духовное званіе въ 1792 г. и вскорѣ по окончаніи папскаго алумната въ Вильнѣ (въ 1798 г.) занялъ видное мѣсто при каѳедрѣ архіепископа Лисовскаго [1]). Быстрымъ своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ сколько своимъ талантамъ, столько же и личному довѣрію къ нему Лисовскаго. Онъ многіе годы засѣдалъ во 2-мъ департаментѣ коллегіи. Мы видѣли, съ какимъ успѣхомъ

за участіе въ дѣлѣ Киріата, возставшаго противъ архіепископа Лисовскаго. Затѣмъ занималъ должность преподавателя Полоцкой семинаріи (при Красовскомъ). Съ 25-го мая по 10-е іюня 1823 г., былъ секретаремъ при митрополитѣ Булгакѣ, а затѣмъ занималъ должность бѣлорусскаго провинціала. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1825 г., № 42.

[1]) Архивъ св. синода. по 2-му депар. 1819 г., дѣло № 40. Въ 1798 году, по возращеніи изъ Виленскаго алумната, онъ былъ назначенъ преподавателемъ, домашнимъ богословомъ и исправляюшимъ должность секретаря экспедиціи, а въ 1802 г., аудиторомъ при дѣлахъ архіерейскихъ и преподавателемъ ставленниковъ. Послѣ рукоположенія въ іереи онъ былъ опредѣленъ членомъ консисторіи и назначенъ вскорѣ архипресвитеромъ.

онъ управлялъ дѣлами Полоцкой епархіи при Лисовскомъ, знаемъ также о заботахъ его о просвѣщеніи бѣлаго духовенства своей епархіи и о причинахъ ненависти къ нему бѣлорусскихъ базиліанъ. Но архіепископъ Красовскій имѣлъ непонятное пристрастіе къ полоцкимъ іезуитамъ, можетъ быть — потому, что при ихъ содѣйствіи надѣялся достигнуть митрополичьей каѳедры. Онъ былъ крутаго нрава и, по видимому, не отличался строгимъ воздержаніемъ. Вѣроятно, поэтому, онъ имѣлъ многихъ враговъ, даже въ средѣ бѣлаго духовенства своей епархіи. Для базиліанъ Красовскій былъ опасенъ потому, что представлялъ неподкупную силу, на которую опирался свѣтскій клиръ; онъ, поповичъ, осмѣливался претендовать на первенство въ греко-уніатской церкви, явно противился порабощенію этой церкви латинскою, добивался упраздненія базиліанскихъ монастырей, слѣдовательно, посягалъ на самое существованіе ордена. Базиліанамъ необходимо было унизить и устранить Красовскаго, какъ опаснѣйшаго своего врага, между тѣмъ Полоцкая каѳедра, самая богатая и почетная, служила приманкою для честолюбцевъ базиліанскаго ордена; самъ митрополитъ не прочь былъ утвердиться въ Полоцкой епархіи. Не даромъ архимандритъ Шулякевичъ, личный врагъ Красовскаго, по порученію митрополита, присматривалъ подъ рукою за дѣйствіями архіепископа въ 1820 и 1821 годахъ. Шулякевичу извѣстно было неудовольствіе министра Голицына на Красовскаго, и тайное желаніе митрополита Булгака захватить въ свои руки богатыя имѣнія Полоцкой архіепископіи, доставлявшія дохода болѣе 60.000 р. асс. Онъ зналъ объ этомъ отъ своего пріятеля Мудровича, также добивавшагося епископства. Въ концѣ 1821 г., немедленно послѣ отрѣшенія Красовскаго отъ архіепископской каѳедры, администраторомъ Полоцкой епархіи назначенъ архимандритъ Исаія Шулякевичъ, тотъ самый, который нѣкогда писалъ памфлеты противъ достойнѣйшаго митрополита Лисовскаго, который вмѣстѣ съ Мудровичемъ возбуждалъ монаховъ къ возстанію противъ власти владыки, принимавшаго горячо къ сердцу благо своихъ единовѣрцевъ, и который, наконецъ, не гнушался ролью шпіона и подстрекателя. Но Шулякевичъ, со дня на день ожидавшій епископскаго сана, умеръ 15-го октября 1822 г., то-есть, еще до окончанія суда надъ Красовскимъ, а затѣмъ въ мартѣ 1823 г. управленіе Полоцкою епархіей временно ввѣрено было Луцкому епископу Іакову Мартусевичу [1]).

---

[1]) Дѣло архива св. синода 1819 г., № 40, 1820 г., № 44, 1823 г., № 18. —Срав. Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго. Казань. 1885. Авторъ,

Луцкій епископъ Іаковъ Мартусевичъ, хотя и принадлежалъ къ бѣлому духовенству и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ Красовскому и Кохановичу, однако находилъ для себя болѣе выгоднымъ угождать базиліанамъ и ухаживать за латинянами. Онъ провелъ свою молодость въ Полоцкѣ (его отецъ многіе годы былъ вице-офиціаломъ), воспитывался у полоцкихъ іезуитовъ и вполнѣ проникнутъ былъ духомъ ультрамонтанства. Къ православнымъ относился съ предубѣжденіемъ фанатика. „По его понятіямъ, только одна римско-католическая церковь, а съ нею и римско-уніатская была истинною церковію Христовою". Управленіе Мартусевича Луцкою епархіей ознаменовалось возбужденіемъ православныхъ прихожанъ, нѣкогда перешедшихъ изъ уніи, къ обратному переходу въ унію и поблажкою базиліанамъ, не желавшимъ платить складчины на главную семинарію. Мартусевичъ въ Луцкой епархіи обращался безцеремонно съ фундушовыми имѣніями Мидичинской экономіи, а переселившись въ Полоцкъ въ 1823 г., постарался разстроить все то, что было сдѣлано полезнаго его предшественниками, Лисовскимъ и Красовскимъ: уничтожалъ введенные грековосточные обряды въ церквахъ и возобновлялъ въ нихъ латинскіе порядки. Своимъ покровительствомъ базиліанамъ онъ внушалъ недовѣріе въ бѣломъ духовенствѣ.

Оставляя въ мартѣ 1823 г. Жидичинъ, Мартусевичъ передалъ управленіе дѣлъ Луцкой епархіи предсѣдателю консисторіи архипресвитеру Кириллу Сѣроцинскому, своему сподручнику и благопріятелю, также упорному фанатику, вскорѣ наименованному епископомъ. Послѣ насильственной смерти Красовскаго (1827 г.), Мартусевичъ продолжалъ завѣдывать Луцкою епархіей до ея упраздненія, но оставался въ Полоцкѣ въ качествѣ епископа Полоцкой епархіи, до своей смерти въ 1833 г. [1]).

очевидецъ происходившаго въ Петербургѣ съ 1822 по 1824 г., даетъ много весьма важныхъ указаній, относящихся къ судьбѣ архіепископа Красовскаго и тѣсно связанныхъ съ нею дѣлъ въ Полоцкой епархіи. Записки Іосифа митрополита Литовскаго, I, 53.—„На Красовскаго имѣли, кажется, виды, какъ на продолжателя дѣла послѣ митрополита Ираклія, и едва ли не уклоненіе отъ сего было поводомъ крутаго поворота бывшаго о немъ дѣла, кончившагося судомъ". Эти замѣчанія не согласны съ обстоятельствами дѣла. Поводы къ суду вполнѣ выяснены Лужинскимъ, графомъ Толстымъ въ сочиненіи Le Catholic. Romain, ч. II, и дѣйствіями Булгака, Шулякевича, Мудровича.

[1]) Архивъ св. синода, по 2-му деп. 1814 г., № 6, 22; 1823 г. № 18; 1826 г. № 82. Жалоба Красовскаго на дѣйствія Мартусевича. Іосифъ Сѣмашко, какъ видно изъ его „Записокъ", обязанъ былъ Мартусевичу своимъ быстрымъ возвыше-

Что же касается до Оршанскаго епископа Адріана Головни, управлявшаго Виленскою митрополичьею епархіей, и Владимірскаго епископа Льва Яворовскаго, то оба они всецѣло принадлежали базиліанскому ордену и оба дѣйствовали во вредъ греко-уніатской церкви на пользу латынянъ. Епископъ Яворовскій, живя въ Супрасльскомъ монастырѣ, въ качествѣ суфрагана Брестской епархіи, ничѣмъ особенно не заявилъ своей дѣятельности; онъ исполнялъ, однако, иногда важныя порученія Булгака, между прочимъ, былъ старшимъ членомъ суда надъ Красовскимъ и старался во чтобы то ни стало обвинить его [1]).

Несравненно болѣе опасенъ былъ для уніатовъ епископъ Адріанъ Головня, обязанный своимъ воспитаніемъ витебскимъ іезуитамъ; онъ, какъ увидимъ, отличался фанатическою ревностью къ латинизаціи греческихъ обрядовъ въ уніи. Онъ былъ усерднымъ слугою литовскихъ провинціаловъ и для защиты базиліанскаго ордена, не смотря на свой независимый постъ и преклонные годы (въ 1820 г. ему было 70 лѣтъ), противодѣйствовалъ своему официалу Антонію Сосновскому, даже поддерживалъ интриги базиліанъ между членами

ніемъ по службѣ и пользовался его расположеніемъ; это, кажется, единственная заслуга Мартусевича. Печать іезуитизма лежала на всѣхъ дѣйствіяхъ епископа, жившаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ іезуитами до самаго ихъ изгнанія и принадлежавшаго ихъ братству. „Онъ былъ вполнѣ фанатикомъ, ненавидѣлъ все русское и православное". Записки митрополита Іосифа, т. I, стр. 20, 53, 54. Еще откровеннѣе говоритъ о Мартусевичѣ Лужинскій: „Я скажу не обинуясь, что онъ былъ по образу мыслей и направленію самый опасный для дѣла возсоединенія греко-уніатовъ съ православно-восточною каѳолическою церковію". Записки Василія архіепископа Полоцкаго, стр. 58, 59. О Сѣроцинскомъ въ „Запискахъ Іосифа Сѣмашки" сказано глухо: „Человѣкъ дѣльный и безъ лишнихъ предразсудковъ, однакожъ, не податливъ". Іосифъ Сѣмашко о своемъ дядѣ не рѣшился писать откровенно. Офиціальные источники представляютъ Сѣроцинскаго человѣкомъ вреднымъ для русской народности въ уніи.

[1]) Левъ Яворовскій, изъ дворянъ Бѣлостокской области, получилъ первоначальное воспитаніе въ Бѣлостокскомъ повѣтовомъ училищѣ, философіи же и богословію обучался въ Супрасльскомъ духовномъ училищѣ, съ 1780 по 1787 г. Поступивъ (въ 1799 году) въ монахи Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря, Яворовскій долгое время занималъ различныя въ немъ должности, по смерти епископа Духновскаго въ 1805 г. управлялъ епархіей, а въ 1809 г. наименованъ епископомъ Владимірскимъ и жилъ почти безвыходно въ Супрасльскомъ монастырѣ, до своей смерти въ 1833 г. Дѣло Арх. св. син. по 2-му департ. 1819 г., № 40. Въ „Запискахъ митрополита Іосифа" Яворовскій признанъ ничтожнымъ по характеру, неспособнымъ ни на полезное, ни на вредное, т. I, стр. 57. Въ безвредности Яворовскаго мы сомнѣваемся.

виленской консисторіи, своими дѣйствіями раздражилъ бѣлое духовенство, препятствовалъ къ открытію документовъ въ митрополичьемъ архивѣ на церковныя имущества, захваченныя базиліанами, прикрывалъ совращенія и ничего не сдѣлалъ для обезпеченія духовнаго образованія своей паствы. Напротивъ, того, онъ усердно распространялъ между уніатами своей епархіи польскія изданія богослужебныхъ книгъ. Онъ былъ членомъ виленской масонской ложи. Къ характеристикѣ епископа Головни слѣдуетъ добавить, что онъ разстроилъ фундуши Брацлавскаго монастыря, передавъ часть денегъ въ руки извѣстнаго выходца Мануччи [1]).

Вслѣдствіе фанатической ревности латинянъ, поощряемой греко-уніатскими епископами (кромѣ Красовскаго), бѣлое греко-уніатское духовенство приведено было въ такое раздраженіе, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ не возможно было ожидать какого-либо соглашенія между монахами базиліанскаго ордена и свѣтскимъ клиромъ; первые тянули греко-уніатовъ къ Риму, навязывая уставы, формы и обряды римскіе и распространяя польскія изданія религіозныхъ книгъ; послѣдніе напоминали имъ и своимъ прихожанамъ о древнемъ греческомъ богослуженіи, о древнихъ уставахъ, обрядахъ и обычаяхъ греческой церкви, которыхъ еще не удалось совершенно изгладить въ уніи. Какая же изъ двухъ партій въ церкви должна была взять перевѣсъ? Монахи ли, сплоченные въ одну корпорацію и засѣвшіе въ монастыряхъ, покрывавшихъ густою сѣтью Бѣлоруссію, Литву, Полѣсье, Волынь и Подоль, или бѣлое духовенство, разбросанное, по-

---

[1]) Въ монашескомъ званіи Головня обучался стихотворству и краснорѣчію, былъ проповѣдникомъ въ Витебскомъ и Жировицкомъ монастыряхъ, потомъ секретаремъ при митрополитѣ Ѳеодосіи Ростоцкомъ. Затѣмъ, въ 1793 г. назначенъ архимандритомъ Браславскаго монастыря, въ 1807 г. — ассессоромъ коллегіи, въ 1809 г.—суфраганомъ возстановленной Виленской епархіи. Дѣло архива св. синода 1819 г., № 40. До наименованія епископомъ вновь учрежденной епархіи, архимандритъ Головня былъ командированъ митрополитомъ въ Вильну и весьма подробно описалъ плачевное состояніе греко-уніатской церкви въ Вильнѣ. Д. 1809 г., № 4, 1816 г., № 10, 1817 г., № 32. Его письма разоблачали злоупотребленія базиліанъ. Іосифъ Сѣмашко (Записки, I, 54) считаетъ Головню ничтожнымъ по характеру человѣкомъ, который не могъ быть самъ собою ни полезнымъ, ни вреднымъ (какъ и Яворовскій). Но это сужденіе не согласно съ дѣйствіями Головни въ его отношеніяхъ къ официалу Сосновскому. Онъ чрезвычайно много вредилъ бѣлому духовенству. См. его донесеніе о главн. дух. семинаріи въ арх. мин. нар. просв. и его донесенія во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи въ 1826 и 1827 г. о дѣйствіяхъ официала Сосновскаго.

давленное ктиторами, вѣчно грозившими изгнаніемъ изъ прихода, ограниченіями въ сервитутахъ, обращеніемъ священническихъ дѣтей въ крѣпостныхъ? Въ ту пору, когда польская пропаганда приняла уже грозные размѣры, когда латиняне, имѣя усердныхъ покровителей въ столицѣ, захватили въ свои руки всю администрацію Виленскаго учебнаго округа, рѣшеніе такого вопроса зависѣло вполнѣ отъ состоянія умовъ бѣлаго духовенства въ епархіяхъ.

Бѣлое духовенство уже давно подбирало силы своей интеллигенціи въ капитулахъ. Собственно говоря, капитулы были представителями коалицій бѣлаго духовенства. Такъ было по крайней мѣрѣ въ Брестской и Виленской епархіяхъ. Брестскій капитулъ показалъ своими протестами съ 1810 года, что бѣлое духовенство не намѣрено болѣе терпѣть самоуправства базиліанскихъ монаховъ. Удастся ли базиліанскому ордену преодолѣть эту силу, чтобъ удержать до конца въ своихъ рукахъ латинское знамя? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно, если знать, что базиліанскій орденъ въ уніи поддерживался искусственно, требуя постояннаго пополненія своихъ силъ польскими дворянами или тайными іезуитами, между тѣмъ какъ многочисленное бѣлое духовенство, отрицаясь отъ тягостной зависимости отъ латинскаго ордена базиліанъ, искало только правды и, какъ русское, по преданію своихъ отцовъ, стремилось къ сохраненію своей церкви и уже потому имѣло право разчитывать на поддержку русскаго правительства.

Между тѣмъ желанія бѣлаго духовенства въ то время, то-есть, послѣ 1820 года, были ограничены: оно домогалось получить не болѣе того, чѣмъ пользовалось бѣлое греко-уніатское духовенство въ странахъ католическихъ, а именно — въ Австріи. Но и это немногое связано было съ закрытіемъ многихъ монастырей, бывшихъ прежде приходскими въ рукахъ священниковъ, или подлежавшихъ упраздненію по каноническимъ законамъ. Очевидною становилась невозможность разрѣшенія распри посредствомъ добровольныхъ уступокъ безъ помощи правительства.

Фанатизмъ и слабодушіе митрополита Булгака, неспособность и развращенность епископа Головни, честолюбивые планы Мартусевича, друга іезуитовъ, и наклонность къ латинству базиліанскихъ провинціаловъ, консульторовъ и небольшаго кружка олатинившихся базиліанскихъ богослововъ (и профессовъ), вполнѣ объясняютъ то слѣпое упорство, съ какимъ базиліанскій орденъ отказывалъ бѣлому духовенству въ уступкѣ, отстаивая вмѣстѣ съ тѣмъ формы и обряды,

чуждые древней греко-славянской церкви въ Западной Россіи, даже послѣ изгнанія іезуитовъ, когда правительство въ 1822 году подняло вопросъ о закрытіи нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей съ цѣлію учрежденія семинаріи, и когда оно показало недовѣріе къ притязаніямъ провинціаловъ, поддерживаемыхъ всѣми епископами и митрополитомъ. Мы легко поймемъ, къ чему стремились базиліанскіе провинціалы, и самъ начальникъ ордена митрополитъ Булгакъ, когда припомнимъ, въ какомъ настроеніи въ эти годы было общество въ Западной Россіи, особенно въ Вильнѣ. Намъ нужно еще знать, какими силами располагали обѣ партіи въ уніи.

Въ четырехъ греко-уніатскихъ епархіяхъ числилось прихожанъ до $1^1/_2$ милліона, приходскихъ церквей, не считая приписныхъ 1466, монастырей мужскихъ 84 и женскихъ 11, священниковъ 1985, монаховъ болѣе 751 [1]).

Эти данныя по епархіямъ представляются въ слѣдующемъ видѣ [2]):

	Прихожанъ. 1822 г.	Церквей. 1823 г.	Священниковъ. 1823 г.	Монастырей.	Монаховъ.
Виленская митрополичья. .	29.465	304	350	Литовской	Провинц.
Брестская . . .	533.943	549	675	38	330
				Бѣлорусской	Провинц.
Полоцкая . . .	538.908	463	500	18	115
				Русской	Провинц.
Луцкая.	111.185	160	460	28	306

[1]) Арх. св. син. по 2-му департ. 1822 г., № 2. Болѣе полныя свѣдѣнія: дѣло 1857 г., № 78.—Здѣсь прихожанъ 1.521,312, церквей 1456 приходскихъ и 426 приписныхъ, собственно часовень. О монахахъ см. д. 1813 г., № 12. Сравн. показанія графа *Толстаго*, Le Catholic. Romain, ч. II, стр. 375 и слѣд.

[2]) По свѣдѣніямъ 1827 года числилось:

Въ епархіяхъ.	Прихожанъ.	Церквей.	Монастырей.
Виленской.	270.407	301	10
Брестской	617.221	540	27
Полоцкой	514.354	436	13
Луцкой.	119.330	189	26
	1.521.312	1.466	76

Въ числѣ прихожанъ 1608 душъ Виленской епархіи не имѣли приходскихъ церквей; во многихъ приходахъ Виленской епархіи находилось по 1, по 2, по 3 приписныхъ церквей, такъ какъ прихожане обращены были въ разное время въ латинскую вѣру. Въ числѣ монастырей не показаны архимандричьи и женскіе, не подчиненные орденскому управленію. Арх. св. син. дѣло 1827 г., № 78.

За исключеніемъ 135 клириковъ, обучавшихся въ новиціатахъ и богословскихъ студіяхъ, монаховъ числилось 616, а именно: въ провинціяхъ: Литовской 278, Русской 243, Бѣлорусской 95. Въ 11 женскихъ монастыряхъ считалось 116 монахинь.

Приведенная таблица объясняетъ численное отношеніе монашествуюшихъ къ священникамъ по епархіямъ, и тѣхъ, и другихъ къ прихожанамъ. Бѣлое духовенство было разбросано въ одиночку по обширной территоріи, тогда какъ монахи соединялись въ извѣстныхъ пунктахъ, особенно тамъ, гдѣ были публичныя школы для образованія свѣтскаго юношества. Самыми значительными по числу монаховъ и обучавшихся новиціевъ были монастыри Почаевскій, Виленскій Св. Троицы и Жировицкій. Въ этихъ трехъ главныхъ центрахъ базиліанскаго ордена собрано было до 150 монаховъ и кандидатовъ къ монашескому сану. Затѣмъ было до шестидесяти монастырей, столь незначительныхъ по числу иноковъ (менѣе 8), что на основаніи законовъ каноническихъ, они подлежали упраздненію [1]). Но базиліаны не подчинялись и этимъ законамъ во всѣхъ случаяхъ, когда они не согласны были съ интересами ихъ ордена.

Нельзя не остановиться еще на крайне неравномѣрномъ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ между монахами базиліанскаго ордена и свѣтскимъ клиромъ. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ сочиненія графа Толстаго:

„Въ Россіи, хотя церковь греческая, обряды которой сохранены были греко-уніатами, была господствующею, духовенство греко-уніатское (бѣлое), имѣвшее сколько явное отвращеніе къ латинству, столько же симпатизировавшее русской (православной) церкви, во все продолженіе царствованія Александра I не пользовалась не только охраною со стороны русскаго правительства, но и защитою; оно лишено было законной и справедливой помощи. Почти двѣ тысячи приходскихъ причтовъ должны были довольствоваться доходами съ незначительныхъ участковъ земли по 36 дес. на каждый приходъ; церковные капиталы были ничтожны въ сравненіи съ капиталами базиліанъ, и дѣти священниковъ, лишенныя способовъ существованія, становились простыми крестьянами не только въ духовныхъ имѣ-

---

[1]) Приложеніе № 25, въ сочин. Le Cath. Rom., стр. 516. Прикладывая установленный въ законахъ масштабъ, слѣдовало бы закрыть монастыри: въ Бѣлорусской провинціи 15 изъ числа 18, въ Русской—11 изъ 28, въ Литовской 12 изъ 38. Въ теченіе 15 лѣтъ число монаховъ значительно сократилось въ Бѣлорусской провинціи.

ніяхъ, но также и въ имѣніяхъ господскихъ [1]). Самъ митрополитъ Булгакъ, такъ мало расположенный къ свѣтскому клиру греко-уніатовъ, оставилъ намъ слѣдующее показаніе весьма замѣчательное въ его устахъ: „Свѣтское греко-уніатское духовенство, говоритъ онъ, пользуясь доходами большею частью отъ пахатной земли, въ размѣрѣ весьма ограниченномъ, рѣдко населенной крестьянами, и имѣя чрезвычайно скромные денежные капиталы, не смотря на все свое трудолюбіе, едва можетъ существовать прилично съ своими семействами“ [2]).

О неравномѣрномъ распредѣленіи денежныхъ капиталовъ между монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ по епархіямъ даетъ наглядное понятіе приведенная графомъ Толстымъ таблица № 26. На основаніи этихъ данныхъ общая сумма капиталовъ въ 1822 г. достигала до 1.000,000 руб., и въ томъ числѣ на 2,000 священниковъ съ причтомъ приходится менѣе $^1/_7$ части.

	Капиталы базиліанъ.	Капиталы свѣтскаго клира.
Луидоровъ	61,547	595
Талеровъ	12,550	3,441
Рублей сер.	631,725	102,732
Рублей ассиг.	5,900	153,066
Всего въ рубляхъ сер. до	952,000	153,000

Стало быть, на каждаго монаха причитается капиталовъ 1,360 рублей, на каждаго священника 77 рублей.

Въ частности по епархіямъ распредѣленіе капиталовъ было еще болѣе неравномѣрно: въ Брестской епархіи на долю каждаго монаха приходилось фундушей земли 259 дес., капитала 1,500 руб., дохода 180 руб., на долю священника—земли $32^1/_2$ дес., капитала $32^1/_2$ руб., дохода 9 рублей [3]).

Большая часть базиліанъ происходила изъ мѣстныхъ дворянъ, изъ коихъ многіе давали монашескіе обѣты въ юношескомъ возрастѣ, лѣтъ даже 14, весьма немногіе получили хорошее образованіе, нѣко-

[1]) Въ 1818 г. считалось 118 лицъ изъ семействъ низшаго греко-уніатскаго духовенства, обратившихся въ крестьянъ: 3 въ Минской губерн., 107 въ Гродненской и 8 въ Бѣлостокской области, кромѣ того, 34 обратились въ крѣпостныхъ подданныхъ помѣщиковъ: 3 въ Минской губерн., 30 въ Гродненской и 1 въ Бѣлостокской области. Зап. графа *Толстаго*, Le Cath. Rom., II, стр. 377.

[2]) Le Cathol. Rom., II, 376, 377.

[3]) Дѣян. благотв. 1824 г., т. III, № 12.

торые не умѣли даже читать по церковно-славянски. Праздная жизнь, тунеядство, беззаботность развивали въ монастырской жизни пороки. Монастырская дисциплина совершенно упала. Особенно развито было пьянство. Встрѣчаемъ такую аттестацію: „пьяница и склоненъ къ прелюбодѣянію“, „пьяница безповоротный“, „пьяница и неспособенъ“. На всеобщій упадокъ монашеской дисциплины указывали официальные отчеты еще со времени Отечественной войны. Разсмотрѣвъ послужные списки о 600 монахахъ, мы должны сказать, что въ 20-хъ годахъ базиліанскій орденъ опирался въ сущности на незначительную партію монаховъ, изъ среды которой избирались провинціалы, консульторы, настоятели монастырей, секретари консульты. Эта-то партія, сильная единодушіемъ преступныхъ дѣйствій и дерзкихъ замысловъ, собственно и была источникомъ и проводникомъ латинской пропаганды въ русскомъ населеніи и союзникомъ польской аристократіи, двигавшей всѣми пружинами полонизаціи въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ. Силы этой-то партіи (богослововъ и профессоровъ) были сконцентрированы въ Вильнѣ, Жировицахъ, Почаевѣ и Тадулинѣ (близъ Витебска). Они-то мутили всѣ отношенія, упитывая почву фанатизмомъ, и не хуже іезуитовъ, развивали латино-польскую пропаганду.

Съ партіей латинизаторовъ, правящей орденомъ, не трудно было бы справиться капитулу, еслибъ она не находила ободренія въ іезуитскомъ орденѣ (до изгнанія іезуитовъ), поддержку у епископовъ изъ базиліанъ и у Мартусевича, въ лагерѣ князя А. Чарторыйскаго и въ самомъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Стало быть, не съ одними только монахами приходилось бороться греко-уніатскимъ священникамъ за свои права въ уніи: имъ приходилось защищать интересы церкви передъ своими и епархіальными епископами, передъ правительственными чиновниками, передъ дворянствомъ польскимъ, окатоличеннымъ!

По счастію, базиліанскій орденъ, лишившись поддержки своего главнаго союзника—ордена іезуитскаго, видимо падалъ, разлагался, можно сказать—угасалъ вслѣдствіе упадка монашеской дисциплины и ограниченія источниковъ для освѣженія своихъ дряхлѣющихъ силъ.

Латино-польской партіи, устремившей всѣ пружины къ возвращенію утраченныхъ Польшею русскихъ областей, необходимо было спасти падавшій базиліанскій орденъ, который оказывалъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ такія услуги польской цивилизаціи и іезуитской пропагандѣ на Руси. Вполнѣ сознавая дурныя послѣдствія отъ неми-

нуемаго пораженія базиліанскаго ордена, вслѣдствіе возростанія моральныхъ силъ въ свѣтскомъ клирѣ, митрополитъ Булгакъ, съ самаго начала своей дѣятельности: 1) ввелъ представителя базиліанъ въ составъ уніатскаго департамента, 2) сталъ настаивать на отмѣнѣ постановленія, коимъ возбранялось принимать въ монашество лицъ римско-католическаго исповѣданія, 3) ходатайствовалъ объ ограниченіи доступа въ архіереи прелатамъ и каноникамъ, и наконецъ, 4) поддерживалъ просьбы базиліанскихъ провинціаловъ о присоединеніи Бѣлорусской провинціи къ Литовской.

Булгакъ, какъ дѣйствительный представитель базиліанскаго ордена, его глава и начальникъ, съ фанатизмомъ, напоминающимъ подвиги нѣкоторыхъ его предшественниковъ XVIII в., самымъ безцеремоннымъ образомъ относился къ заявленіямъ и нуждамъ бѣлаго духовенства, а такія дѣйствія митрополита вели іерархію къ распаденію.

Разсмотримъ въ частностяхъ намѣченные нами четыре пункта. Прежде всего митрополиту нужно было посадить базиліанина во 2-й департаментъ коллегіи. Митрополичья Виленская епархія, подобно другимъ, имѣла своего ассессора въ коллегіи; митрополитъ Булгакъ нашелъ, что представитель отъ епархіи, нужды которой ему лично извѣстны, совершенно лишній, и что въ замѣнъ его долженъ быть назначенъ архимандритъ базиліанскаго ордена, „чтобы сохранить единство и расширить вліяніе коллегіи на дѣла свѣтскаго и монашескаго духовенства и такимъ образомъ доставить базиліанскому ордену способы имѣть самоточнѣйшія свѣдѣнія, столь желательныя, о фундушахъ, капиталахъ, монашеской дисциплинѣ, и т. п.“ Замѣчательная административная заботливость въ митрополитѣ, главѣ уніатовъ, который прежде въ качествѣ епископа Брестскаго, интриговалъ въ пользу возстановленія должности протоархимандрита и никогда не доставлялъ правительству точныхъ свѣдѣній о монастыряхъ!

Соображенія Булгака были уважены кн. Голицынымъ, и указомъ сената 31-го января 1819 г. было объявлено, что Его Величество соизволилъ признать ненужнымъ имѣть засѣдателя отъ Виленской епархіи прелата или каноника, а призналъ нужнымъ избрать изъ архимандритовъ базиліанскаго ордена двухъ кандидатовъ для выбора государемъ одного [1]) Поэтому бывшій засѣдатель Брестскій каноникъ

---

[1]) Арх. св. син., дѣло 1819 г., № 5. По поводу предложенія Булгака графъ оТлстой замѣчаетъ, что разсужденія митрополита были неосновательны; если

Ѳеодоръ Бѣлиновичъ выбылъ изъ Петербурга въ февралѣ 1819 г. и избранный на его мѣсто архимандритъ Аврелій Сулятыцкій, настоятель Черейскаго монастыря, Полоцкой епархіи, прибылъ въ С.-Петербургъ 19-го января 1820 г. Присутствіе представителя базиліанскаго ордена въ коллегіи потому еще было необходимо теперь для митрополита Булгака, что онъ 19-го декабря 1819 года отправлялся на цѣлый годъ во ввѣренныя ему непосредственно Виленскую и Брестскую епархіи для разрѣшенія дѣлъ, требующихъ его личнаго присутствія [1]). Но устраненіе ассессора изъ коллегіи съ замѣною его базиліаниномъ было нарушеніемъ правъ бѣлаго духовенства и послужило однимъ изъ поводовъ къ извѣстному намъ протесту Брестскаго капитула (въ февралѣ 1819 года). Какого же рода были дѣла у митрополита, занимавшія его около года (онъ вернулся въ Петербургъ 30-го ноября 1820 года)? Вспомнимъ о жалобахъ Брестскаго капитула 1819 года на злоупотребленія базиліанъ, которыя нельзя было оставить безъ всякаго удовлетворенія, вслѣдствіе предложенія министра отъ 7-го мая 1819 года о принятіи мѣръ къ улучшенію бѣлаго духовенства Брестской епархіи. Вспомнимъ еще объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ отрѣшенію архіепископа Красовскаго отъ управленія Полоцкою епархіей: напримѣръ, неожиданное появленіе въ коллегіи священника Ѳомы Артамовича въ 1820 году, настоятеля Воронецкаго прихода (Полоцкой епархіи), для принесенія личной жалобы министру князю Голицыну (на обиды и угнетенія епархіальнаго архіерея), жалобы, присланныя въ департаментъ помѣщиками на дурное и предосудительное поведеніе приходскихъ священниковъ, жалобы священника Лукашевича на неправильность дѣйствія Полоцкой консисторіи [2]). Булгакъ дѣйствовалъ съ обычною іезуитамъ такти-

---

онъ находилъ лишнимъ присутствіе въ коллегіи представителя отъ Виленской епархіи, потому что онъ самъ зналъ ея нужды, то еще менѣе надобности было въ присутствіи ассессора отъ Брестской епархіи, которою управлялъ съ 1795 г. Le Cathol Rom., II, 362, 363.

[1]) Арх. св. син. по 2-му департ., д. 1819 г., № 36.

[2]) Архивовъ св. синода по 2-му департ. 1820 г., №№ 33, 8, 15, 37. Главными двигателями доносовъ на архіепископа Красовскаго были базиліане, которыми руководили въ Полоцкой епархіи архимандритъ Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Шулякевичъ, а въ Петербургѣ секретарь митрополита Мудровичъ. „Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго", стр. 48—53. Тоже *Tolstoy*, Le Cathol. Rom., II, 365. При ревизіи Полоцкой епархіи Булгакъ нашелъ все въ большомъ порядкѣ, и благодарилъ Красовскаго, а въ то же время поручилъ архимандриту Шулякевичу, базиліанину, личному врагу Красовскаго, слѣдить секретно за всѣми дѣйствіями архіепископа.

кою: въ Полоцкѣ онъ ободрилъ архіепископа Красовскаго и установилъ за нимъ секретный надзоръ, въ Жировицахъ онъ обѣщалъ удовлетворить требованія брестскихъ канониковъ и не исполнилъ обѣщанія, а въ Петербургѣ доказывалъ, что образованіе для священниковъ вредно!..

Едва только Булгакъ достигъ митрополичьяго достоинства, какъ не замедлилъ заявить жалобу о неправильномъ постановленіи 2-го департамента 1812 года, коимъ возбранялся пріемъ латинянъ въ базиліанскій орденъ, на томъ основаніи, что если въ базиліанскій орденъ перестанутъ вовсе поступать римскіе католики, то онъ долженъ прекратить свое существованіе. Поднималась и другая старая исторія, сданная въ архивъ еще въ 1810 году, о возведеніи базиліанъ на степень ученаго сословія, противъ чего возставали защитники бѣлаго духовенства греко-уніатской церкви Лисовскій, Кохановичъ, Красовскій [1]). Самому митрополиту являться ходатаемъ въ щекотливыхъ вопросахъ было неудобно. На помощь базиліанамъ явился князь Чарторыйскій. Онъ возобновилъ въ министерствѣ просьбы о приведеніи въ исполненіе его проекта (1807 г.) относительно базиліанскаго общества, о допущеніи его единовѣрцевъ къ вступленію въ этотъ орденъ, о выборѣ епископовъ исключительно изъ базиліанъ, о разрѣшеніи снова воспитывать въ Римѣ новиціевъ (клириковъ, готовящихся къ монашеству), и особенно, о недопущеніи перехода базиліанскихъ фундушей; въ распоряженіе бѣлаго греко-уніатскаго духовенства въ своей защитѣ базиліанъ попечитель Виленскаго округа увѣрялъ, что на эти фундуши означенное духовенство не имѣетъ никакого права (хотя богатства базиліанъ образовались изъ фундушей, отнятыхъ у бѣлаго духовенства), что священникамъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей достаточно и того, что̀ они имѣютъ, и что обогащеніе свѣтскаго клира (который по бѣдности едва влачилъ свое существованіе) на счетъ базиліанскаго имущества ослабило бы орденъ, столь полезный для имперіи. Однако тотъ же князь Чарторыйскій хлопоталъ о закрытіи римско-католическаго монастыря въ Картузъ Березѣ для того, чтобы,

---

[1]) Вотъ что̀ писалъ митрополитъ Кохановичъ князю Голицыну въ 18.2 г.: „Всякому извѣстно, что конгрегація базиліанъ, какъ и всѣ монастырскіе ордена греко-восточной церкви, учреждена не для обученія наукамъ въ публичныхъ школахъ, но чтобы вести жизнь въ воздержаніи и постѣ и чтобы возносить горячія молитвы къ Богу, совершать святыя таинства, проповѣдывать Слово Божіе, что мы и видимъ у монаховъ въ монастыряхъ греко-русской церкви“. *Tolstoy*, Le Cath. Rom., II, 371.

воспользовавшись его богатыми фундушами, избавить другихъ монаховъ отъ складки на главную семинарію.

Можно подумать, что западныя губерніи уже вошли въ составъ новаго, воображаемаго польскою партіей государства!

Послѣ изгнанія іезуитовъ министерство духовныхъ дѣлъ не относилось уже къ базиліанамъ съ прежнимъ слѣпымъ довѣріемъ; оно начинало понимать, для достиженія какой цѣли князь Чарторыйскій хлопоталъ о возобновленіи комплектованія базиліанскаго ордена римскими католиками, вовсе незнакомыми съ языкомъ, на которомъ совершается богослуженіе въ греко-уніатской церкви, и конечно, не ради приверженности къ греческому обряду въ уніи. Притомъ базиліане вовсе не обязаны обучать римскихъ католиковъ, напротивъ того, они, казалось бы, должны обучать исключительно людей своего исповѣданія, преимущественно дѣтей бѣдныхъ уніатскихъ священниковъ, которые по недостатку средствъ оставались въ невѣжествѣ.... Поэтому въ министерствѣ полагали не только оставить въ своей силѣ сенатскій указъ 1812 г., но, по мнѣнію директора департамента Тургенева, необходимо было бы немедленно же закрыть многіе базиліанскіе монастыри, а изъ остальныхъ образовать одну провинцію, не похожую на существующія три провинціи, устроенныя по образцу римско-католическихъ. Но на такую рѣшительную мѣру не согласился князь Голицынъ [1]). Министръ, какъ кажется, щадилъ базиліанскій орденъ, потому, что представители его были такими усердными сторонниками библейскаго общества и оказывали ему значительныя личныя услуги, между прочимъ и для униженія Полоцкаго архіепископа, считавшаго библейское общество франкъ-масонствомъ, самымъ лучшимъ проповѣдникомъ протестанства въ Россіи.

Опираясь на князя А. Н. Голицына и Чарторыйскаго, имѣя на своемъ челѣ усерднаго ходатая въ митрополитѣ, одобряемые своими агентами въ столицѣ, особенно Мудровичемъ, базиліане не смутились неудачею. Они посылаютъ въ Римъ секретныя жалобы о преслѣдованіяхъ, которымъ базиліанскіе монахи подвергаются въ Россіи; испрашиваютъ дозволеніе отправить въ Петербургъ депутацію, дабы формально заявить о нуждахъ базиліанъ. Но и въ отправленіи депутаціи въ Петербургъ было отказано [2]).

---

[1]) *Tolstoy,* Le Cathol. Rom., II, 372.

[2]) *Tolsloy,* Le Cath, Rom., II, 383. Базиліане, вѣрные послѣдователи іезуитовъ, пускали въ ходъ тѣ же пріемы, когда желали добиться какой-либо важной цѣли. Исполненіе іезуитскихъ ходатайствъ при Екатеринѣ II и Павлѣ при-

Эти дѣйствія литовскихъ базиліанъ нами будутъ еще разсмотрѣны въ слѣдующихъ главахъ.

Воспользовавшись перемѣною въ судьбѣ архіепископа Красовскаго и разчитывая на поддержку князя Голицына и сочувствіе митрополита, бѣлорусскіе базиліане подняли одновременно вопросы о соединеніи своей провинціи съ Литовскою и о предоставленіи права на занятіе епископскихъ каѳедръ исключительно базиліанамъ.

Провинціями базиліанскаго ордена управляли: Бѣлорусскою — Никодимъ Смыковичъ, Литовскою — Цезарій Каминскій и Русскою провинціей исправляющій должность провинціала Левъ Дешковичъ. Изъ нихъ особеннымъ значеніемъ и авторитетомъ у базиліанъ пользовался литовскій провинціалъ Каминскій, произведенный въ 1821 г. въ архимандриты Лещинскаго монастыря [1]).

Каминскій происходилъ изъ литовскихъ дворянъ и, вступивъ въ монашество на пятнадцатомъ году жизни въ Виленскій базиліанскій монастырь, посѣщалъ лекціи физики, логики и математики Виленской академіи; затѣмъ прошелъ богословскую студію въ Жировицахъ (1787—1792 гг.) и наконецъ Collegium de propaganda fide въ Римѣ (1792 — 1794 гг.), курсъ которой окончилъ со степенью доктора философіи. Подобно многимъ своимъ собратамъ, монахъ Каминскій сначала избралъ дѣятельность ученую и въ теченіе семи лѣтъ читалъ астрономію въ Виленскомъ университетѣ съ званіемъ адъюнкта. Въ 1812 г. онъ принадлежалъ къ составу комитета, учрежденнаго Наполеономъ, для собранія контрибуціи съ духовенства и между прочимъ заботился о низверженіи съ епископскихъ каѳедръ Кохановича и Красовскаго. Въ 1814 г., оставивъ профессорскую дѣятельность въ университетѣ, Каминскій былъ назначенъ игуменомъ Виленскаго Свято-Троицкаго базиліанскаго монастыря. Уже тогда Каминскій заявилъ себя гонителемъ образованныхъ уніатскихъ священниковъ. Въ 1818 г. онъ избранъ вторымъ консульторомъ базиліанской провинціи и вслѣдъ

несло много вреда православію и русской народности въ Бѣлоруссіи. *Морошкинъ* Іезуиты въ Россіи, ч. I, гл. VI и VII. Потемкинъ, Чернышевъ и Безбородко были защитниками іезуитовъ—при Екатеринѣ, Завадовскій, Разумовскій, Лопухинъ и Голицынъ при Александрѣ I.

[1]) Архивъ св. синода, по 2-му департ., дѣло 1821 г., № 34, 1822 г., № 59. Консульту составляли въ провинціяхъ — Бѣлорусской: Илларіонъ Родзевичъ, Сильверстъ Буковскій, Феликсъ Подобѣдъ, въ Литовской: Іосафатъ Слободскій, Венедиктъ Ленартовичъ, Леонтій Околовъ, въ Русской: Ипполитъ Порницкій и Симплицій Держановскій.

за симъ провинціаломъ. Это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ монаховъ въ орденѣ, фанатически приверженный къ латинству, а потому злѣйшій врагъ русской народности въ Западной Россіи. Болѣе десяти лѣтъ онъ стоялъ во главѣ партіи базиліанъ, враждебно относившейся къ духовному образованію свѣтскаго клира въ уніи и стремившейся къ удержанію за базиліанскимъ орденомъ тѣхъ привилегій, которыми его щедро надѣлило бывшее правительство Рѣчи Посполитой, и которыми монастыри овладѣли посредствомъ насилій и захватовъ.

Ученый базиліанскій фанатикъ рѣшился выступить защитникомъ своего ордена передъ правительствомъ, послѣ того, когда министерство отклонило присылку депутаціи въ столицу. Помѣстивъ въ число базиліанъ Іоанна Златоуста, Кирилла и Меѳодія, Московскихъ митрополитовъ Петра и Алексѣя и т. п., литовскій провинціалъ старался представить важность и высокое назначеніе своей конгрегаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ бѣлое греко-уніатское духовенсво, объясняя, что самое названіе поповичъ (сынъ священника) всегда считалось у поляковъ подлымъ; а такъ какъ, по польскимъ законамъ, дѣти греко-уніатскихъ священниковъ по записямъ относились въ разрядъ крѣпостныхъ людей, то какимъ образомъ можно допустить пріемъ подобныхъ людей въ орденъ, столь аристократическій, какъ базиліанскій, который принималъ въ составъ своихъ членовъ только представителей лучшихъ польскихъ фамилій? „Литовскіе базиліане", продолжаетъ Каминскій,—„не безъ основанія опасаются такого же упадка своего ордена, въ какомъ находятся ихъ собратья въ Бѣлоруссіи, которые потеряли свое значеніе единственно потому только, что въ этой странѣ стало подниматься свѣтское духовенство, тогда какъ на базиліанъ не обращалось вниманія" [1].

Въ заключеніи своей просьбы литовскій провинціалъ высказываетъ такую точку зрѣнія на унію: „Изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ, что число греко-уніатовъ уменьшается постоянно, что нѣтъ никакого средства остановить это несчастіе, и что, поэтому, допущеніемъ римскихъ католиковъ въ орденъ базиліанскій (воспрещенное правительствомъ) нельзя будетъ даже и вознаградить постояннаго умень-

---

[1]) *Tolstoy*, Le Cathol. Rom., II, 373. Здѣсь Каминскій, очевидно, намекаетъ на усилія Лисовскаго и Красовскаго поднять изъ ничтожества духовенство Полоцкой епархіи. Припомнимъ также, что это прошеніе посылалось въ министерство въ то именно время, когда надъ Красовскимъ готовился судъ по интригамъ базиліанъ.

шенія числа греко-уніатовъ, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, и это весьма скоро, унія приведена будетъ къ ничтожеству" [1]).

Сужденія провинціала Каминскаго показываютъ, что сами базиліанскіе монахи смотрѣли на свой институтъ въ русской уніи, какъ на орудіе латинизаціи. Обратившись въ покорныхъ слугъ польской интеллигенціи въ западныхъ губерніяхъ, будучи орденомъ аристократическимъ, базиліане тѣмъ самимъ, съ одной стороны, объявляли себя врагами русской народности, представителемъ которой въ уніи оставался свѣтскій клиръ, а съ другой — становились въ открытую оппозицію намѣреніямъ русскаго правительства, которое, въ послѣдніе годы царствованія Александра I, желало оказать поддержку бѣлому духовенству греко-уніатской церкви. Но именно въ виду готовившагося неизбѣжнаго удара—секуляризаціи монастырей, представители базиліанскаго ордена стали усердно хлопотать о соединеніи своихъ силъ, все болѣе и болѣе слабѣвшихъ вслѣдствіе запрещенія поступленія въ монахи римскихъ католиковъ. Положимъ, постановленіе это до сихъ поръ базиліане обходили, у нихъ были новиціи, которыхъ доставляли ввѣренныя имъ публичныя школы, наполненныя большею частью католиками [2]). Тѣмъ не менѣе, число монаховъ видимо уменьшалось, особенно въ Бѣлорусской провинціи, и во многихъ монастыряхъ оставались одни только старики, ни къ чему уже не способные, такъ что некому было отправлять духовныхъ требъ. Даже въ Супральскомъ монастынѣ настоятелю приходилось для совершенія богослуженія приглашать священника сосѣдняго прихода!

Въ прошеніи Литовскаго провинціала упомянуто объ упадкѣ базиліанскихъ монастырей въ Бѣлорусской провинціи. Мы видѣли, что тамошніе монастыри пришли въ упадокъ еще послѣ Отечественной

---

[1]) *Tolstoy*, Le Cathol. Rom., II, 374. Почтенный авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ изъ прошенія базиліанскаго провинціала, которымъ уничтожается всякое сомнѣніе относительно намѣреній латинскаго духовенства совратить греко-уніатовъ въ латинство; унія поддерживалась тѣмъ, что въ ней не было греко-уніатскаго, то-есть, базиліанами; орденъ базиліанскій сохранялъ свое существованіе потому только, что ему дозволялось быть не греческою конгрегаціею, а латинскимъ орденомъ, составленнымъ исключительно изъ католиковъ. О томъ, что унія поддерживалась только базиліанами, главнымъ образомъ, Свято-Троицкимъ монастыремъ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ профессоръ Бобровскій.

[2]) Въ 1822 г. въ 6 публичныхъ школахъ Литовской провинціи состояло 1202 ученика римско-католическаго исповѣданія и только 213 греко-уніатскаго.

ойны, и знаемъ, кромѣ того, что этотъ упадокъ выражался тогда не одною малочисленностью монаховъ, но и крайнею распущенностью монашеской дисциплины, на что указывали визиты самихъ провинціаловъ (напримѣръ, Романовскаго). Архіепископъ Красовскій, имѣя въ виду общіе государственные законы и правила, относящіеся къ базиліанамъ Бѣлорусской провинціи, не допускалъ базиліанскихъ провинціаловъ нарушать эти законы, на сколько это касалось его власти. Иначе было въ Литовской и Русской провинціяхъ: тутъ все дѣлалось по регламенту 1801 года, который предоставлялъ монашескимъ орденамъ широкое самоуправленіе.

Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита въ Петербургъ съ поѣздки по епархіямъ, во 2-й департаментъ коллегіи поступило отъ него предложеніе 28-го января 1821 года, основанное на рапортѣ къ нему бѣлорусскаго провинціала Смыковича отъ 5-го декабря 1820 года (изъ Тадулина). Послѣдній проситъ о присоединеніи своей провинціи къ Литовской—„для славы и блага нашего вселенскаго ордена и для будущей пользы бѣлорусскихъ монастырей“ [1]). Причины для соединенія провинціи были преставлены имъ неосновательныя, и притомъ, въ представленіи были искажены историческіе факты. Но провинціалу нуженъ былъ только предлогъ для достиженія извѣстной цѣли тогдашнихъ честолюбцевъ ордена. Самъ митрополитъ, въ своемъ предложеніи 2-му департаменту, поддерживалъ необходимость присоединенія Бѣлорусской провинціи къ Литовской. Между тѣмъ въ силу такого акта литовскій провинціалъ Каминскій долженъ былъ стать полновластнымъ распорядителемъ монастырей Литвы и Бѣлоруссіи, а затѣмъ уже не трудно было убѣдить министра въ необходимости „для славы ордена“ присоединить къ двумъ провинціямъ и третью—Русскую, въ которой, кстати сказать, не было еще назначено провинціала. Каминскій не замедлилъ прислать въ департаментъ свое заключеніе объ единогласномъ постановленіи консульты о пользѣ соединенія для „славы ордена“, объясняя притомъ что базиліане всегда были склонны къ соединенію монастырей въ одну провинцію, о чемъ и состоялось постановленіе генеральнаго капитула, собраннаго въ Тороканахъ, въ 1802 году. Какъ видно изъ представленныхъ документовъ, Каминскій охотно принялъ бы въ свои руки заботы надъ духовнымъ образованіемъ на

[1]) Въ подлинникѣ: «dla ocalenia stawy i dobra powszechnego zakonu naszego, dla zabezpieczenia w czas dalszy dla kraju tutejszych klasztorów». Арх. св. син. по 2-му деп. 1821 г., № 8.

всемъ пространствѣ территоріи, занятой базиліанскимъ орденомъ. Составленная имъ вѣдомость о состояніи монастырей Литовской провинціи, удостовѣряла, что провинціалъ усердно заботится о процвѣтаніи духовнаго и свѣтскаго латино-польскаго образованія. Въ 39 монастыряхъ Литовской провинціи тогда состояло 187 монаховъ и до 72 новиціевъ и учениковъ, обучавшихся богословскимъ наукамъ, реторикѣ и латинскому языку въ спеціальныхъ и духовныхъ школахъ, куда не хотѣли, однако, посылать своихъ дѣтей священники. Процвѣтали также публичныя и приходскія школы для мірянъ [1]).

Проектъ Смыковича съ особеннымъ жаромъ старался поддержать также и администраторъ Полоцкой епархіи, который затрудненія въ выборѣ настоятелей, ректоровъ, учителей классовъ и проповѣдниковъ въ Бѣлорусской провинціи объяснялъ недостаткомъ образованныхъ монаховъ. Съ обращеніемъ Софійскаго монастыря (въ Полоцкѣ) въ семинарію, отняты—писалъ Шуляковичъ—способы къ образованію духовенства базиліанскаго ордена,—самъ митрополитъ убѣдился въ недостаткѣ свѣдущихъ монаховъ Бѣлорусской провинціи, но этотъ недостатокъ, по его мнѣнію, легко устранитъ, если состоится присоединеніе этой провинціи къ Литовской.

Архіепископъ Красовскій, отъ котораго также потребовалось объясненіе, хорошо видѣлъ, къ чему клонились затѣи базиліанскихъ монаховъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту Булгаку отъ 6-го марта 1821 года [2]), не смотря на петлю накинутую на него базиліанами, архіепископъ напоминаетъ объ указѣ 8-го октября 1795 г., который

---

[1]) Богословская и философская студія при Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ нихъ 17 клириковъ; классъ реторики при публичной школѣ, въ Жировицкомъ монастырѣ, въ немъ 20 учениковъ; латинская школа въ Тороканахъ:—въ 1-мъ классѣ 16 учен., во 2-мъ 11 учениковъ. Кромѣ того, въ Сутковскомъ и Волнянскомъ монастыряхъ были школы нравственнаго богословія, и въ нихъ состояло 8 клириковъ. Въ провинціи находилось 6 публичныхъ школъ для мірянъ, гдѣ преподаваніемъ занимались до 40 монаховъ, и нѣсколько приходскихъ школъ, гдѣ преподавали также монахи. Архивъ св. синода, д. 1821 г., № 8, л. 24 и слѣд.

[2]) Къ письму приложены два рапорта архіепископа Красовскаго о томъ же предметѣ во 2-й департ. коллегіи отъ 13-го мая и 28-го сентября 1815 г., №№ 214 и 449, рапортъ къ нему провинціала Хотинскаго, копія указа коллегіи къ архіепископу Лисовскому, отъ 6-го іюня 1804 г., № 552, копія указовъ сената 15-го января 1790 г. и 26-го августа 1792 г. два декрета апостольской столицы съ утвержденіемъ особой базиліанской провинціи св. Николая въ Бѣлоруссіи. Арх. св. син. 1821 г., № 8, л. 31 и слѣд.

число монастырей во всѣхъ базиліанскихъ провинціяхъ русской уніи ограничивалъ лишь 24—27; и этихъ монастырей было бы достаточно для помѣщенія всѣхъ духовныхъ особъ базиліанскаго ордена. Поэтому домогательства провинціала Смыковича онъ, Красовскій, считаетъ неприличною выходкою. Упоминаніе же о Тороканскомъ орденскомъ капитулѣ 1802 г., безполезно, такъ какъ этотъ капитулъ не признанъ правительствомъ, а слѣдовательно, и всѣ дѣйствія его, то-есть, соединеніе провинцій и выборъ одного начальника или протоархимандрита, не дѣйствительны. Самостоятельное существованіе Бѣлорусской провинціи утверждено папскою буллою. Далѣе, напоминая митрополиту о докладѣ министра П. В. Завадовскаго, относительно преобразованія базиліанскихъ монастырей въ воспитательное общество, Красовскій присовокупляетъ, что эта стратагемма достаточно открыта и объяснена митрополитомъ Лисовскимъ.

Послѣ такихъ разоблаченій архіепископа старый вопросъ, поднятый бѣлорусскимъ базиліанскимъ провинціаломъ, пришлось сдать въ архивъ. Явился однако еще мотивъ къ усиленію злобы базиліанъ на упорнаго Полоцкаго архіепископа.

Между тѣмъ какъ провинціалы базиліанскаго ордена тревожили министерство духовныхъ дѣлъ своими интригами, происками и домогательствами, положеніе главной семинаріи становилось критическимъ вслѣдствіе значительныхъ недоимокъ, съ году на годъ увеличивающихся. Попечитель Виленскаго учебнаго округа сталъ даже опасаться за самое существованіе заведенія, „если эта неисправность будетъ продолжаться". Въ одномъ только 1820 году недоимки простирались до 9.121 рубля, то-есть, составляли почти $^2/_3$ годоваго оклада (15.000 р.), а съ недоимками прежнихъ лѣтъ, весь недоборъ достигъ уже 56.015 рублей. Спустя два года (1823 г.), не смотря на строжайшія предписанія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ обѣщаніемъ привлечь виновныхъ настоятелей, провинціаловъ и даже епископовъ къ отвѣтственности, въ недоимкѣ оставалось 51.601 р. $92^1/_2$ к., въ томъ числѣ на базиліанскихъ монастыряхъ, подчиненныхъ орденскому управленію, 8.541 р. $32^1/_2$ к. и на 8 женскихъ монастыряхъ, считавшихся подъ управленіемъ епископовъ, 1.326 р. Какъ видно, предписанныя министромъ Голицынымъ строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ, оказали слабое дѣйствіе. Коллегія даже собиралась еще разъ возбудить вопросъ о закрытіи главной семинаріи. Требованія, понужденія, угрозы министерства еще пуще раздражали монаховъ противъ учрежденія, обязаннаго доставлять епархіямъ ученыхъ

пастырей съ правомъ занимать высшія должности въ епархіяхъ и достигать епископскаго сана.

Чтобы сколько-нибудь затруднить бѣлому духовенству доступъ къ епископскому достоинству, Булгакъ испрашивалъ подтвержденіе постановленій Замойскаго синода, въ которомъ опредѣлялось, что епископъ, избранный изъ свѣтскаго клира, прежде принятія монашескихъ обѣтовъ, долженъ пройдти въ теченіе года, согласно правиламъ базиліанскаго ордена, искусъ, установленный для посвященія въ монахи,—иначе онъ не можетъ произнести свои обѣты.

Домогательства митрополита Булгака, происки провинціаловъ Каминскаго и Смыковича, интриги Шулякевича и Мудровича были разстроены удаленіемъ Чарторыйскаго отъ попечительства и Голицына отъ управленія министерствомъ. Не оставался безъ дѣла въ столицѣ и опальный архіепископъ Красовскій. Съ назначеніемъ А. С. Шишкова министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія теченіе дѣлъ въ греко-уніатской церкви приняло направленіе, неблагопріятное для замысловъ латинизаторовъ.

Послѣ изгнанія іезуитовъ, въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ произошла перемѣна взгляда на роль базиліанскаго ордена въ греко-уніатской церкви. Припоминались петиціи бѣлаго духовенства о томъ, что свѣтскій клиръ, лишенный способовъ образованія, находится въ состояніи униженія, что базиліане никогда не допускали выбора епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ, что они захватывали и незаконно присвоивали церковныя имущества, продавали и продаютъ монастырскую собственность въ городахъ евреямъ. Справки въ дѣлахъ и въ канцеляріи 2-го департамента убѣждали, что значительная часть базиліанскихъ фундушей безнадежна, вслѣдствіе разоренія тѣхъ помѣщиковъ, которымъ настоятели ввѣрили капиталы подъ залогъ ихъ имѣній, что базиліане, какъ и іезуиты, обращаются съ крестьянами монастырскихъ имѣній самовластно, что провинціалы утаиваютъ фундуши и капиталы, что монастыри неисправно вносятъ складчину на содержаніе главной семинаріи, и что вообще монашескій орденъ въ уніи нарушаетъ своею дѣятельностію обѣты и государственные законы. Обвиненія, возводимыя на Красовскаго священникомъ Артамовичемъ, каноникомъ Лавецкимъ и другими, оказались ложными или не доказанными; напротивъ, какъ видно изъ дѣлъ, архіепископъ имѣлъ особенное попеченіе о благосостояніи своихъ крестьянъ во время голода и другихъ несчастій въ сельскомъ быту, оказывалъ имъ по-

мощь, не требуя возврата, прощалъ недоимки, заботился объ образовании священниковъ. Благочинные различныхъ деканатовъ Полоцкой епархіи, возмущенные дѣйствіями администратора Шулякевича и происками Смыковича и Буковскаго, умоляли императора Александра I, для блага сельскаго духовенства, по просьбѣ прихожанъ возвратить епископа въ свою епархію и представляли, что въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго управленія (1809—1821) епархіей, Красовскій поддерживалъ самый строгій порядокъ въ быту духовенства, заботился о дѣтяхъ и вдовахъ священнослужителей, устроилъ епархіальную семинарію (полоцкую). Просители выражали опасеніе, что распоряженія базиліанина, которому ввѣрено управленіе епархіей, могутъ разстроить введенный уже порядокъ, особенно подорвать семинарію. „Свои опасенія представители Полоцкой епархіи основываютъ на извѣстныхъ пріемахъ базиліанъ держать бѣлое духовенство въ невѣжествѣ, изъ котораго оно начало выходить, благодаря стараніямъ митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго“ [1]).

Разоблаченія бѣлаго духовенства Брестской, Виленской и Полоцкой епархій о злоупотребленіяхъ базиліанъ совпали съ тѣми событіями, которыя, какъ теперь извѣстно, повели къ реакціи правительственныхъ мѣръ по общественному образованію въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ признанію ошибочности дѣйствій министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по отношенію къ русской греко-уніатской церкви

---

[1]) *Tolstoy*, Le Cathol. Rom., II, 363—367. Главные обвинители Красовскаго, Артамовичъ и Лавецкій, были орудіемъ базиліанскихъ монаховъ, особенно архимандрита Шулякевича. Записки Василія Лужинскаго епископа Полоцкаго, стр. 48: „Базиліане имѣли и въ столицѣ своихъ агентовъ, а въ средѣ ихъ и каноника уніатскаго Полоцкой епархіи Григорія Лавецкаго, который запродажнымъ сталъ ихъ орудіемъ, былъ въ званіи ассессора во 2-мъ департаментѣ римско-католической коллегіи, и поддерживалъ ихъ клевету лично“. Подробно о судѣ надъ Красовскимъ въ Запискахъ Іосифа (Сѣмашко), митрополита Литовскаго, т. I, стр. 27, и приложеніе № 1. Автобіографъ говоритъ о пристрастіи и натяжкахъ при веденіи дѣла о Красовскомъ, слѣдствіе производилъ самъ Булгакъ, его недоброжелатель; самая нетрезвая жизнь, въ которой Красовскаго обвиняли, не имѣла въ дѣлѣ твердыхъ основаній. Іосифъ Сѣмашко и Василій Маркевичъ подали особое мнѣніе, которое, по словамъ Сѣмашка, удержало въ нерѣшеніи участь архіепископа. Конечно, на это мнѣніе Голицынъ не обратилъ бы никакого вниманія ранѣе, когда былъ еще въ силѣ; теперь же рѣшена была и его участь партіей, враждебною библейцамъ.

Съ 1820 г. въ столицу чаще и чаще стали доходить смутныя вѣсти о какихъ-то затѣяхъ польской пропаганды въ Виленскомъ учебномъ округѣ, пропаганды, прикрывавшейся дѣятельностью благотворительныхъ обществъ или кружковъ, разрѣшаемыхъ и даже прощряемыхъ правительственными органами. Принятіе домашнихъ полицейскихъ мѣръ Чарторыйскимъ, съ конца 1821 г., не могло остановить уже возбужденія горячихъ головъ школьной молодежи.

Между тѣмъ, въ извѣстныхъ слояхъ Петербурга замѣтно усилилась группа людей, смущаемыхъ дѣятельностью библейцевъ и особенно главнаго ихъ представителя. Кружки Румянцова и Шишкова, при своемъ общеніи съ ученымъ западно-славянскимъ міромъ, не могли относиться равнодушно къ латино-польскому духу просвѣщенія въ странѣ искони русской и православной. У западныхъ славянъ, по примѣру нѣмцевъ національзація культуры пріобрѣтала права гражданства. Достаточно напомнить о цѣли съѣздовъ ученыхъ славянъ въ Вѣнѣ и, особенно, въ Задрѣ, въ 1820 году. Даже въ Парижѣ русскій нѣмецъ Кюхельбекеръ, въ 1821 г., заинтеросовалъ французовъ своими лекціями о славянской литературѣ и славянскомъ языкѣ. Но у насъ въ Западной Руси, по непонятному недоразумѣнію, русскія стихіи едва обнаруживали свое бытіе: ихъ подавляла латинизація. Въ кружкахъ людей, чисто русскихъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, не омраченныхъ космополитизмомъ, среди лицъ, приближенныхъ къ Государю, въ 1821—1822 г. стало явственно пробиваться признаніе необходимости оказать правительственную защиту отъ притѣсненій латинянъ бѣлому греко-уніатскому доховенству, какъ единственному оплоту русской народности въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Рѣшимость помочь греко-уніатамъ, защитить ихъ, оказать правосудіе, дать имъ способы и средства для духовнаго образованія была естественнымъ порывомъ души добраго Государя, до свѣдѣнія котораго, съ 1818 года, чаще и чаще доходили жалобы на притѣсненіе, совращеніе, преслѣдованіе и гоненіе. И этотъ порывъ являлся какъ бы слѣдствіемъ облегченія въ 1818 г. участи крестьянъ, страдавшихъ отъ произвола помѣщичьей власти въ западныхъ губерніяхъ.

Нужно ли говорить, что высочайшее распоряженіе, выраженное въ предложеніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 28-го сентября 1822 года о закрытіи базиліанскихъ школъ съ цѣлью устройства семинаріи встрѣчено было бѣлымъ духовенствомъ съ восторгомъ. Брестская консисторія свои соображенія объ

устройствѣ епархіальной семинаріи и духовнаго училища въ Жировицкомъ базиліанскомъ монастырѣ (въ отвѣтъ на предложеніе) заключила слѣдующими благодарными словами: „Да укрѣпитъ Всеблагій Податель, Отецъ Небесный, благотворительныя намѣренія Всеавгустѣйшаго Монарха! Да ниспошлетъ свою благодать и дѣлу сему дастъ споспѣшествованіе“ [1]).

Обратимся теперь къ составу бѣлаго духовенства и его стремленіямъ въ началѣ 20-хъ годовъ.

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му деп. Дѣло 1822 г., № 61. Рапортъ Брестской консисторіи (отъ 12-го марта 1823 г., за № 151, изъ Жировицъ) подписали: председатель *Антоній Тупальскій*, вице-офиціалъ *Антоній Сосновскій*, ассессоры: брестскіе каноники: *Махцевичъ*, *Богдановичъ* и *Пильховскій*.

V.

Бѣлое духовенство собирается съ силами для противодѣйствія замысламъ базиліанскаго ордена.

Императоръ Александръ I въ началѣ своего царствованія принялъ греко-уніатовъ подъ свое покровительство и намѣренъ былъ улучшить устройство греко-уніатской церкви: представители бѣлаго духовенства допущены были въ римско-католическую коллегію, въ которой для дѣлъ уніатскихъ образованъ былъ особый департаментъ; устроились консисторіи, Полоцкая каѳедра и Полоцкая семинарія, открыта была главная семинарія при Виленскомъ университетѣ, съ отдѣленіемъ для уніатскихъ клириковъ; затѣмъ полагалось возстановить епархіальныя каѳедры и дать прочное устройство семинаріямъ въ прочихъ трехъ епархіяхъ (Виленской, Брестской и Луцкой) и вообще улучшить матеріальный бытъ сельскаго духовенства. Достигнуть этихъ коренныхъ улучшеній можно было легко посредствомъ упраздненія излишнихъ базиліанскихъ монастырей. И таковые были намѣчены къ упраздненію еще въ 1804 году.

Прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени присоединенія западныхъ губерній къ Россіи, болѣе двѣнадцати лѣтъ со смерти великаго пастыря въ уніи Ираклія Лисовскаго, но греко-уніатская церковь оставалась почти въ томъ же неустройствѣ, какъ и въ первые годы по присоединеніи къ Россіи и въ той же зависимости отъ римской. Базиліанскій орденъ обратился въ воспитательное общество, въ орудіе польской пропаганды и латинизаціи...

Между тѣмъ, не взирая на многія неблагопріятныя условія, бѣлое духовенство мало по малу подготовляло дѣятелей, твердо стоявшихъ

за свои права, за цѣлость и неприкосновенность русской греко-уніатской церкви, всѣми мѣрами противясь намѣреніямъ латинизаторовъ. Эти представители интересовъ бѣлаго духовенства собрались въ капитулы, подъ которыми слѣдуетъ понимать соединеніе заслуженныхъ, болѣе опытныхъ, болѣе талантливыхъ священниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ прелатовъ и канониковъ. Капитуловъ не имѣется въ православной церкви, но въ Русской греко-уніатской церкви они существовали давно и особенное значеніе пріобрѣли съ конца прошлаго столѣтія, какъ противодѣйствующая сила базиліанскому ордену. Мы должны остановиться на этихъ учрежденіяхъ и объяснить ихъ роль въ борьбѣ съ базиліанскимъ орденомъ, а также значеніе главнѣйшихъ представителей старшаго духовенства въ каждой епархіи.

Въ адресъ-календарѣ на 1822 годъ греко-уніатскіе капитулы въ епархіяхъ Полоцкой, Брестской и Луцкой были въ слѣдующемъ составѣ: въ Полоцкой — два экклезіарха, девять канониковъ и каѳедральный діаконъ [1]); въ Луцкой—архипресвитеръ, архидіаконъ, экклезіархъ-канцлеръ, схоластъ и шесть канониковъ [2]); въ Брестской — архипресвитеръ, архидіаконъ, схоластъ, кустошъ, канторъ, хартулярій и двѣнадцать канониковъ [3]). Въ Виленской епархіи особаго капитула не имѣлось; здѣшнее старшее духовенство входило въ составъ Брестскаго капитула.

[1]) Экклезіархи Симеонъ Савиничъ, занимавшій должность предсѣдателя консисторіи, и Іоаннъ Мартусевичъ, бывшій вице-предсѣдатель консисторіи; каноники: Михаилъ Копецкій, Петръ Слонимскій, Викторъ Копецкій, Александръ Юрьевичъ, Іаковъ Оссовскій, Григорій Лавецкій, Іеронимъ Ярмоловичъ, Ѳома Демьяновичъ, Николай Глыбовичъ, Стефанъ Кальчевскій, Маркъ Калиновскій, каѳедр. діаконъ Іаковъ Томковидъ. Архивъ св. синода по 2-му деп. 1822, № 59.

[2]) Прелаты: архипресвитеръ Кириллъ Сѣроцинскій, архидіаконъ Петръ Ермолинскій, экклезіархъ Василій Собкевичъ, канцлеръ (вакансія), схоластъ (вакансія), канторъ—Полухтовичъ; каноники: Василій Малевичъ, Николай Мержвинскій, Іеронимъ Бучинскій, Стефанъ Жирицкій, Іоаннъ Мартусевичъ (отецъ епископа въ Полоцкой епархіи), Іоаннъ Пивницкій, (одна вакансія). Архивъ св. синода по 2-му деп., дѣло 1822 г., № 59.

[3]) Прелаты: архипресвитеръ Гавріилъ Янковскій, архидіаконъ Ѳома Восцеловичъ, схоластъ Антоній Тупальскій, кустошъ Іосифъ Горбацевичъ, канторъ Илья Мокрицкій, хартулярій Стефанъ Лопушинскій; каноники: Василій Маркевичъ, Ѳедоръ Будзиловичъ, Григорій Чохрайскій, Петръ Олешкевичъ, Антоній Шиманскій, Михаилъ Бобровскій, Василій Гречко, Сильверстъ Пероцкій, Антоній Сосновскій, Іоаннъ Красовскій, Аѳанасій Лопушинскій. Архивъ св. синода по 2-му деп., дѣло 1822 г., № 59.

Въ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не упоминается о капитулахъ, но имѣется особая статья (145-я) объ утвержденіи высочайшею властью каѳедральныхъ прелатовъ и канониковъ римско-католическихъ и греко-уніатскихъ, по представленію епархіальныхъ архіереевъ черезъ министра [1]). Редакція закона предполагаетъ существованіе капитуловъ въ греко-уніатской церкви и признаніе ихъ правительствомъ. Бѣлое греко-уніатское духовенство придавало капитуламъ особенное значеніе потому собственно, что это было единственное учрежденіе въ епархіяхъ, на которое оно могло возлагать свои надежды, и въ которомъ находило своего защитника. По крайней мѣрѣ такое положеніе занялъ Брестскій капитулъ съ конца XVIII столѣтія.

Вскорѣ послѣ назначенія митрополита Булгака представителемъ 2-го департамента коллегіи, послѣдовало предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 19-го сентября 1818 г. о доставленіи ему свѣдѣній: 1) сколько по закону полагается въ каждой каѳедрѣ дѣйствительныхъ прелатовъ и канониковъ, какой наблюдается порядокъ при удостоеніи въ это званіе, и какія изъ сихъ мѣстъ зависятъ отъ ктиторскаго права; 2) сколько при прелатахъ и каноникахъ находится коадъюторовъ, какъ они опредѣляются и какими пользуются правами, и 3) такъ какъ при каѳедрахъ находятся почетные или титулярные каноники, то сколько ихъ при каждой каѳедрѣ, и на какомъ состоятъ они правѣ? При этомъ требовалось представить и соотвѣтствующія узаконенія [2]).

Къ предложеннымъ вопросамъ епархіальные епископы отнеслись неодинаково.

Въ Полоцкой епархіи, писалъ архіепископъ Красовскій, 30-го ноября 1818 г.,—не было и нѣтъ канониковъ по правиламъ римскимъ, кромѣ удостоиваемыхъ властью митрополита дистинкторіальными крестами (Distinctoria) на основаніи буллы папы Пія VI, данной 13-го іюня 1784 г., по ходатайству бывшаго греко-уніатскаго митрополита Ясона Смогоржевскаго, начинающейся „Cum certum sit pro Omnipotenti Deo laborantibus“. Кресты эти даются отличеннымъ за за-

---

[1]) 1 П. З. С., т. 34, № 27106, манифестъ 24-го октября 1817 года.

[2]) Архивъ св. синода по 2-му департ., дѣло 1818 г., № 39: „предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о дополненіи свѣдѣній, сколько положено въ каждой каѳедрѣ дѣйствительныхъ прелатовъ и канониковъ“. Предложеніе 19-го сентября 1818 г., на л. 1-мъ.

слуги, и на такихъ отличенныхъ священниковъ возлагаются каѳедральныя должности по правиламъ греческой церкви: иконома, секелларія, кустоша, хартофилакса, референдарія, архипресвитера. Такихъ священниковъ въ Полоцкой епархіи 12; они не имѣютъ и не могутъ имѣть коадъюторовъ. „Такимъ образомъ", спрашивалъ Красовскій,—„остается опредѣлить: кто будетъ награждать этими отличіями? Митрополитъ ли, какъ было прежде, или высочайшая власть, на основаніи ст. 145 учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія".

Полоцкій капитулъ при Лисовскомъ и Красовскомъ не пользовался значеніемъ самостоятельнаго учрежденія; здѣсь капитулъ былъ почетнымъ собраніемъ старѣйшихъ и болѣе просвѣщенныхъ протопресвитеровъ или протоіереевъ, которымъ въ XIX в., въ прочихъ епархіяхъ, присвоено названіе прелатовъ и канониковъ. Въ Полоцкой епархіи бѣлое духовенство не нуждалось въ охранѣ своихъ правъ въ той степени, какъ нуждалось въ ней духовенство Виленской и Брестской епархій, которыми управляли епископы, совершенно преданные католицизму, Булгакъ и Головня, самые усердные защитники базиліанъ.

Епископъ Головня объяснялъ, что хотя въ Виленской митрополичьей епархіи числится 4 виленскихъ и 7 брестскихъ канониковъ, но какъ въ этой епархіи нѣтъ капитула, поэтому не можетъ быть и канониковъ. Замойскій соборъ, занимавшійся устройствомъ греко-уніатской церкви, не установилъ ни капитула, ни канониковъ. Такихъ названій не существовало въ греческой церкви, ихъ нѣтъ и въ греко-россійской, строго сохраняющей древніе уставы. (Замѣчательна эта ссылка базиліанина на греко-россійскую церковь). Митрополитъ Кіевскій Ясонъ Смогоржевскій, съ соизволенія короля Станислава-Августа, исходатайствовалъ право на пожалованіе золотаго восьмиконечнаго креста, на подобіе креста латинскихъ канониковъ, тридцати уніатскимъ священникамъ, отличеннымъ заслугами, науками и честнымъ поведеніемъ во всѣхъ епархіяхъ. Такимъ крестомъ и были пожалованы болѣе заслуженные священники, что̀ и послужило, вѣроятно, поводомъ къ присвоенію себѣ (sic) титула канониковъ. Митрополитъ въ 1788 г. намѣренъ былъ установить капитулъ съ прелатами и канониками въ Радомыслѣ. Но по случаю его смерти это намѣреніе не было приведено въ исполненіе; когда же всѣ епархіи подпали подъ власть Россіи, тогда прекратилось существованіе Кіевскаго капитула, а затѣмъ уже не могло быть капитула и въ Литовской

митрополіи. Въ Вильнѣ, Новогрудкѣ и Минскѣ нѣкоторыя церкви называются каѳедральными, но ихъ нельзя назвать епархіальными каѳедрами, потому что въ одной епархіи нельзя допустить трехъ каѳедръ. Правда, въ означенныхъ мѣстахъ нѣкогда были соборныя церкви и при нихъ имѣлись соборные священники съ клиромъ; эти-то соборы послѣ соединенія съ римскимъ исповѣданіемъ могли пріобрѣсти названіе капитуловъ съ канониками. Означеннымъ соборянамъ были даны записи на имѣнія. Но при образованіи Виленской епархіи соборныя имѣнія въ Виленской и Гродненской губерніяхъ, по указу 1809 года, назначены были на содержаніе епископа викарнаго (суфрагана) и митрополита; поэтому нынѣ въ Виленской митрополичьей епархіи не существуетъ ни одного каѳедральнаго собора. Виленскій соборъ обращенъ въ анатомическій залъ Виленскаго университета, Новогрудскій принадлежитъ базиліанскому монастырю, а Минскій отданъ протестантамъ. Если и существуютъ теперь виленскіе каноники, то таковые были переименованы Лисовскимъ изъ брестскихъ (Илья Мокрицкій, Іосифъ Шидловскій, Клементій Косецкій), но однако нѣтъ фундуша на ихъ содержаніе; затѣмъ были пожалованы въ виленскіе каноники благочинный Григорій Бѣлиновичъ (самимъ епископомъ) и Ѳеодоръ Бѣлиновичъ (митрополитомъ).

Въ донесеніи Оршанскаго епископа, коадъютора Виленскаго, вкрались неточности, при чемъ съ намѣреніемъ умалчивалось о фактахъ неблагопріятныхъ базиліанскому ордену. Головня находился подъ вліяніемъ игумена Свято-Троицкаго монастыря Каминскаго и писалъ подъ диктовку іеромонаха Маіевскаго, который, впослѣдствіи, позволилъ себѣ въ печати съ насмѣшкой отозваться о капитулахъ греко-уніатской церкви. Его сужденія были опровергнуты Платономъ Сосновскимъ въ обширной статьѣ, напечатанной въ „Дѣяніяхъ благотворительности“ [1]).

Впослѣдствіи новый предсѣдатель консисторіи Антоній Сосновскій, основываясь на историческихъ документахъ, рѣшился исправить ошибочный докладъ епархіальнаго епископа. Каѳедральная церковь, доносилъ Сосновскій, —существовала въ Вильнѣ, очевидно, еще въ XV столѣтіи, и при ней былъ капитулъ, то-есть, соборное духовенство, или соборный клиръ. Въ актахъ XVIII столѣтія встрѣчаются по-

---

[1]) Dzieje Dobroczyn. 1823 г., № 12, стр. 434—438; 1824 г. № 3, стр. 222—231, № 4, стр. 224 — 235, № 5, стр. 469 — 488, № 6. См. также извлеченіе изъ этой статьи у *Пл. Жуковича*: „О профессорахъ богословскаго факультета Виленскаго университета“.

жалованія званіемъ архипресвитера, архидіакона, схоласта, канцлера, изъ чего можно заключить о возобновленіи виленскаго капитула въ концѣ XVIII вѣка, но затѣмъ каѳедральныя суммы и фундуши разными способами перешли къ виленскимъ базиліанамъ. И въ россійскихъ законахъ прямо сказано: „Епископы обще съ своими капитулами имѣютъ принять нужныя мѣры къ приведенію епархіальной семинаріи въ лучшее состояніе“ [1]). Во всякомъ случаѣ высшія должности въ Виленской епархіи занимали члены Брестскаго капитула.

Въ Луцкой епархіи капитулъ существовалъ еще до введенія уніи, при каѳедральной церкви св. Іоанна Богослова въ г. Луцкѣ. Во время нападенія татаръ и вслѣдствіе политическихъ переворотовъ документы исчезли. Между прочимъ Луцкой каѳедрѣ принадлежало село Ровенецъ, пожалованное великимъ княземъ Литовскимъ Свидригайломъ Ольгердовичемъ. Для вящшаго благолѣпія въ церкви, наставленія въ догматахъ вѣры и христіанскихъ нравахъ, съ древнѣйшихъ временъ существовала надобность имѣть при епископской каѳедрѣ отличенныхъ и заслуженныхъ духовныхъ чиновниковъ. Это и былъ капитулъ. Въ 1808 году въ капитулѣ Луцкой епархіи было 6 прелатовъ и 6 канониковъ, избранныхъ изъ достойнѣйшихъ священниковъ. Право ктиторовъ не распространялось на назначеніе членовъ капитула; коадъюторовъ въ капитулѣ не было. Почетныхъ или титулярныхъ канониковъ назначалъ самъ епископъ безъ сношенія съ капитуломъ. Званіемъ почетнаго каноника могли быть жалуемы священники другихъ епархій. Слѣдуетъ замѣтить, что Луцкій капитулъ, какъ и Полоцкій, не имѣлъ въ настоящемъ столѣтіи особаго значенія. Изъ среды прелатовъ и каѳедральныхъ канониковъ назначались высшія должностныя лица въ епархіи—предсѣдатель и ассессоры, а также члены коллегіи, депутаты въ главные и провинціальные суды (по Литовскому статуту).

Наиболѣе обстоятельныя и полныя свѣдѣнія о капитулахъ и каѳедрахъ доставила брестская консисторія, приложивъ къ своему донесенію актъ Брестскаго капитула и нѣсколько историческихъ документовъ. Брестскій капитулъ существовалъ еще до введенія уніи, въ XVI столѣтіи, и еще тогда имѣлъ значеніе самостоятельнаго учрежденія при каѳедрѣ епархіальнаго епископа. По случаю безпрерыв-

---

[1]) На это объясненіе виленской консисторіи епископъ Головня написалъ весьма горячее, но мало вразумительное возраженіе, которое не опровергало представленныхъ консисторіей документовъ. Къ этому вопросу мы возвратимся въ свое время.

ныхъ замѣшательствъ капитулъ то исчезалъ, то былъ возобновляемъ. Съ Брестскимъ капитуломъ соединены бывшіе капитулы Пинскій и Супрасльскій. Новогрудскому собору (Пинской епархіи) принадлежали недвижимыя имѣнія: Быкѣвичи, Ходкѣвичи, Лѣсневичи, Печурино и проч., чему доказательствомъ служатъ пожалованія и записи 1509, 1519, 1631 годовъ. Но этими имѣніями завладѣли частью базиліане, частью же митрополиты въ свою пользу. Супрасльскій капитулъ былъ учрежденъ въ 1798 г. папою Піемъ VI, какъ изложено въ буллѣ начинающейся: „Cunebis alique sit", и былъ въ составѣ 2 прелатовъ и 4 канониковъ, которымъ Прусскій король опредѣлилъ на содержаніе достаточную сумму, называемую пребендою. Но въ указѣ о присоединеніи Супрасльской епархіи къ Брестской, въ 1809 году, о Супрасльскомъ капитулѣ оказался пропускъ, а затѣмъ не послѣдовало офиціальнаго распоряженія о соединеніи Супрасльскаго капитула съ Брестскимъ. Что же касается до Брестскаго капитула, существовавшаго очень давно, то вслѣдствіе непрерывныхъ замѣшательствъ принадлежавшія ему нѣкогда фундушевыя земли и площади въ городѣ Брестѣ перешли въ чужія руки, а документы погибли отъ пожаровъ. Пожалованныя въ 1780 г. на Брестскій капитулъ имѣнія (по его возобновленіи) отошли сначала къ Австріи, а потомъ къ Польшѣ. На основаніи королевскаго привилегія 1780 года капитулъ состоялъ изъ 6 прелатовъ и 12 канониковъ. При открытіи вакансіи капитулъ избиралъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ епархіальный епископъ назначалъ достойнѣйшаго; если предлагаемые кандидаты были не угодны епископу, то онъ предназначалъ своихъ трехъ кандидатовъ для выбора одного изъ нихъ по баллотировкѣ. Если же и за симъ не послѣдовало бы выбора, то замѣщеніе вакансіи предоставлялось на усмотрѣніе епископа. Теперь же на основаніи ст. 145, по мнѣнію капитула, утвержденіе вновь предоставляемыхъ кандидатовъ, должно зависѣть отъ высочайшаго усмотрѣнія.

Въ Брестской епархіи, кромѣ каѳедральныхъ канониковъ, могутъ быть и титулярные, отличенные дистинкторіальнымъ крестомъ изъ числа священниковъ, имѣющихъ ученыя степени, или получившихъ высшее образованіе, или же оказавшихъ особыя заслуги на пользу церкви (по смыслу буллы папы Пія VI, 1784 года). Титулярныхъ канониковъ въ Брестской епархіи (составленной изъ Пинской, Супрасльской, Брестской и частью бывшей Виленской) состояло двѣнадцать. Кромѣ того, въ должности титулярныхъ канониковъ имѣлось девять сверхштатныхъ. Прелаты (архипресвитеръ, архидіаконъ, схоластъ,

кустошъ, канторъ, хартулярій) и каноники имѣли соотвѣтственныя обязанности, установленныя въ положеніи 1775 года, утвержденномъ королемъ въ 1780 году: онѣ заботились о соблюденіи обрядовъ, согласно уставу греческой церкви, о цѣлости церковнаго имущества, о духовномъ образованіи, о сохраненіи въ цѣлости епархіальнаго архива [1]).

Изъ представленнаго капитуломъ документа за 1589 годъ между прочимъ видно, что въ случаѣ смерти архіепископа, митрополита, епископа „теперешнихъ и потомъ будучихъ", „всѣ имѣнія, надания (пожалованія) и скарбы церковные" принимать должны были въ свое вѣдѣніе не воеводы или подскарбные земскіе и старосты великокняжескіе, но „согласно съ правилами капитуловъ духовенства римскаго, а именно: крилошане и духовенство старшое при каждой церкви будучіе", и затѣмъ все имущество они должны хранить въ цѣлости и передавать архіепископу, митрополиту, епископу или архимандриту. И далѣе: „никто не можетъ прикасаться къ церковному имуществу греческой церкви, которое остается ненарушимо и никто инный съ свѣтскихъ особъ або только сами крилошане каждое церкви соборной, то-есть, протопопа и старшіе съ нимъ призвитеры, яко дедичи (вотчинники) добръ именей церковныхъ церковь соборную съ скарбами церковными и вси инные церкви, мѣстскіе и влостскіе, также имѣнія мѣщаны, фольварки, села съ грунты, вси наданія церковны, подъ которого што владностію было, въ моць справу и въ завиданіе правомъ дедичнымъ брать, и все, по достоинству и за регистромъ списавши, въ цѣлости все въ рукахъ своихъ мѣти и ничего не утрачаючи другому архіепископу, митрополиту, также всемъ епископамъ архимандритамъ доховаты и личбу при отданію имъ въ свой доходъ" и т. д. [2]).

---

[1]) Къ акту Брестскаго капитула, отъ 24-го февраля 1819 г., приложены слѣдующіе документы: а) копіи записей на Новогрудскій соборъ 1506, 1517, 1519, 1631 годовъ подъ лит. А, В, С, б) актъ возстановленія Брестскаго капитула 1775 г. лит. Е, в) королевскій привилегій 1780 г., г) актъ вторичнаго возобновленія капитула 1808 г., д) протестъ бѣлаго духовенства 1776 г. по поводу присвоенія базиліанскимъ орденомъ фундушей.

[2]) Этотъ интересный документъ такъ начинается: „Лѣта Божего нарожденія тысяча пятьсотъ осьми десять девятаго мѣсяца маія пятаго дня на вряде Гродскомъ въ замку гдарскомъ Луцкомъ передо мною Остафіемъ Еловичемъ Малиновскимъ подстаростимъ Луцкимъ постановившимся очевисто Его милость, въ бозѣ велебный отецъ Кириллъ Терлецкій, Эпископъ Луцкій и Острогскій, покладалъ правилей: Его (королевскій титулъ) ихъ милости о бозѣ велебномъ

Руководствуясь привилегіями папы Льва X отъ 1521 года, короля Станислава-Августа отъ 1775 и 1780 годовъ и высочайшаго указа 1803 г. п. 7, брестскій капитулъ считалъ своею обязанностью оказывать содѣйствіе епархіальному епископу по наблюденію за цѣлостью каѳедральныхъ и церковныхъ фундушей и за состояніемъ семинаріи. Въ виду же перехода каѳедральныхъ фундушей и капиталовъ, въ 1809 году, на содержаніе Виленскаго епископа и частью митрополита, капитулъ ходатайствовалъ о возстановленіи для Брестской епархіи Супрасльской каѳедры, установленной папою Урбаномъ VIII, вмѣстѣ съ фундушами. Супрасльскій монастырь, послѣ конфискаціи его имѣній прусскимъ правительствомъ, пришелъ въ совершенный упадокъ, въ немъ оставалось только 5 монаховъ престарѣлыхъ и больныхъ; къ тому же онъ не входилъ въ составъ орденскаго управленія, а слѣдовательно, переходъ такого монастыря въ руки свѣтскаго клира не затрогивалъ бы интересовъ базиліанъ [1]).

Такимъ образомъ роль и значеніе старшаго духовенства въ греко-уніатскихъ епархіяхъ въ XIX столѣтіи была не одинакова; только въ одной Брестской епархіи капитулъ пріобрѣлъ, съ конца XVIII столѣтія, значеніе установленія, съ которымъ приходилось считаться и епархіальному епископу и базиліанамъ.

До введенія уніи старѣйшинамъ свѣтскаго клира, составлявшимъ капитулы, надобно было защищать неприкосновенность церковнаго имущества отъ посягательства на него свѣтскихъ властей — воеводъ и старостъ; во время уніи, особенно съ исхода XVIII столѣтія, капитулы должны были оберегать это имущество отъ захватовъ базиліанъ и отъ присвоенія соборныхъ фундушей епископами и митрополитами. Это обстоятельство и даетъ особое историческое значеніе брестскому капитулу въ греко-уніатской церкви XIX столѣтія.

Представленныя Брестскимъ капитуломъ и виленскою консисторіей доказательства расхищенія церковныхъ фундушей базиліанами, частью же епископами, что собственно и повело къ паденію епархіальныхъ каѳедръ, были крайне непріятны митрополиту Булгаку, епископу Головнѣ, Каминскому и другимъ; эти разоблаченія болѣе всего безпокоили базиліанскій орденъ; въ данномъ случаѣ и епископу, и бази-

---

Архіепископу Митрополиту Кіевскому, Галицкому и всея Руси Онисифоръ Петровичъ" и т. д. Архивъ св. синода по 2-му департ. колл. 1818 г., № 39, л. 28.

[1]) Такое требованіе, не смотря на согласіе епископа Яворовскаго, въ 1819 г. базиліане отвергли, въ чемъ скоро раскаялись.

ліанамъ оставалось одно—подорвать авторитетность капитуловъ въ русской греко-уніатской церкви ссылками на православную церковь.

Само же министерство не могло отрицать существующаго факта, о замѣщеніи открывающихся вакансій прелатовъ и канониковъ въ греко-уніатскихъ капитулахъ, по представленію архіереевъ высочайшею властью, согласно ст. 145 учрежд. о министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]).

Обратимся къ личному составу старшаго духовенства по епархіямъ.

Въ Полоцкой епархіи большинство прелатовъ и канониковъ получило образованіе у іезуитовъ (полоцкихъ, витебскихъ и мстиславскихъ), двое у базиліанъ и двое въ виленскомъ папскомъ алумнатѣ. Особеннымъ значеніемъ пользовались: Михаилъ Копецкій, 64 лѣтъ, воспитанникъ папскаго алумната, занимавшій предсѣдательское мѣсто въ консисторіи въ теченіе девяти лѣтъ (съ 28-го сентября 1813 по 1822 г.). Преемникомъ ему въ 1822 г. былъ назначенъ Симеонъ Савиничъ 47 лѣтъ, получившій образованіе въ Полоцкой іезуитской коллегіи; послѣ смерти администратора епархіи архимандрита Исаіи Шулякевича (въ октябрѣ 1822 г.), Савиничъ временно управлялъ епархіей до прибытія Луцкаго епископа Мартусевича (въ апрѣлѣ 1823 года).

Петръ Слопимскій, 59 лѣтъ, воспитанникъ полоцкихъ базиліанъ, былъ посланъ въ главную семинарію при ея открытіи въ

---

[1]) Не излишнимъ будетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что представленія о замѣщеніи вакансій дѣлались исключительно только одимъ Луцкимъ епископомъ *Іаковомъ Мартусевичемъ*, какъ въ Луцкой, такъ и въ Полоцкой епархіяхъ; напротивъ, ни епископъ Головня, ни самъ митрополитъ Булгакъ не считали нужнымъ представлять новыхъ кандидатовъ на высочайшее утвержденіе изъ Виленской и Брестской епархій для замѣщенія уже нѣсколькихъ открывавшихся вакансій прелатовъ и канониковъ. Въ 1822 г. прелатъ схоластъ Луцкой епархіи *Сѣроцинскій*, бывшій въ то время членомъ 2-го департамента коллегіи, по высочайшему повелѣнію назначенъ архипресвитеромъ той же епархіи; вслѣдъ затѣмъ въ ноябрѣ 1822 г. на открывшуюся вакансію луцкаго каноника, по представленію епископа Мартусевича, назначенъ *Іосифъ Сѣмашко* (племянникъ Сѣроцинскаго, замѣстившій его въ коллегіи); въ началѣ 1824 г. священникъ *Шелепинъ* высочайше утвержденъ полоцкимъ каѳедральнымъ каноникомъ; въ октябрѣ 1825 г. по высочайшему повелѣнію произведены по луцкой уніатской каѳедрѣ на открывшіяся вакансіи: въ прелата-схоласта—каноникъ *Іосифъ Сѣмашко*, въ прелата-кантора—каноникъ *Бучинскій* и въ каноника—іерей *Сѣроцинскій*, сынъ Кирилла Сѣроцинскаго. Архивъ св. синода. Дѣло 1822 г., № 47 и 70; 1823 г., № 38; 1824 г., № 5; 1825 г., № 48.

1808 г., но вскорѣ удаленъ по неспособности; однако въ 1822 г. былъ назначенъ (Шулякевичемъ) вице-официаломъ консисторіи; дѣятельность его, какъ предсѣдателя консисторіи, относится къ позднѣйшему времени. Григорій Лавецкій, 47 лѣтъ, окончившій курсъ главной семинаріи безъ особеннаго успѣха, и назначенный въ 1822 г. (Шулякевичемъ) членомъ 2-го департамента коллегіи. Лавецкій, попавъ въ сѣти базиліанъ, измѣнилъ архіепископу Красовскому: онъ оказался доносчикомъ и былъ удаленъ изъ коллегіи въ 1824 г.

Изъ молодыхъ священниковъ, получившихъ высшее богословское образованіе въ главной духовной семинаріи, не вошедшихъ еще въ 1822 г. въ составъ Полоцкаго капитула, обращаютъ на себя вниманіе: Викторъ Копецкій, 31 года, Михаилъ Шелепинъ, 27 лѣтъ, префектъ (наставникъ) Полоцкой семинаріи, Іоанъ Игнатовичъ 27 лѣтъ — членъ консисторіи (съ 1822 г.) и Антоній Зубко— 26 лѣтъ, преподаватель семинаріи, принявшій священство въ 1824 г., а вслѣдъ засимъ назначенный членомъ 2-го департамента, на мѣсто Лавецкаго [1]). Послѣдніе трое были питомцами также и Полоцкой семинаріи. Къ нимъ слѣдуетъ причислить еще Василія Лужинскаго, неотлучно находившагося при архіепископѣ Красовскомъ въ Петербургѣ, до назначенія (въ 1824 году) префектомъ главной духовной семинаріи. Старшіе изъ каѳедральныхъ протопресвитеровъ, отличенные этимъ званіемъ при митрополитѣ Лисовскомъ, какъ и нѣкоторые изъ благочинныхъ, принимали участіе въ реформахъ церкви вмѣстѣ съ архіепископомъ Красовскимъ; но, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ получили образованіе у іезуитовъ, они съ твердостью противодѣйствовали базиліанскимъ замысламъ; дѣятельность ихъ однако была раздроблена, такъ какъ Полоцкій капитулъ существовалъ только по названію. Администраторъ Шулякевичъ и за нимъ епископъ Мартусевичъ (съ апрѣля 1823 г.) окружили себя базиліанами.

Въ Брестской и Виленской митрополичьей епархіяхъ, которыя со времени назначенія Брестскаго епископа Булгака митрополитомъ, составляли одно цѣлое, хотя каждая имѣла свою особую консисторію, старшее духовенство, входившее въ составъ Брестскаго капитула, отличалось отъ прочихъ епархій единодушнымъ стремленіемъ къ устраненію вліянія на дѣла епархіи базиліанскаго ордена, къ подня-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. дѣла 1822 г., № 59, 1825 г., № 24, 1829 г., № 165. Лавецкій и Копецкій окончили курсъ главн. духовн. семинаріи со степенью кандидата богословія въ 1812 г. Игнатовичъ и Лужинскій въ 1820 г., Шелепинъ въ 1821 г., а Зубко въ 1822 г., всѣ со степенью магистра богословія

тію богословскаго образованія священниковъ, къ улучшенію ихъ быта, къ обезпеченію вдовъ и сиротъ священнослужителей и къ возстановленію чистоты греческаго обряда. Въ Брестскомъ капитулѣ, съ конца прошлаго вѣка, тщательно подбирались наиболѣе образованные, талантливые и энергическіе священники. Прочное корпоративное устройство высшаго духовенства и отборный его составъ придавали дѣйствіямъ капитула авторитетность и рѣшительность во всѣхъ столкновеніяхъ съ базиліанскимъ провинціаломъ и его консультою въ Вильнѣ. Прелаты Восцелловичъ, Мокрицкій и Тупальскій, каноники: Дылевскій, Шиманскій и Гречко получили высшее богословское образованіе въ папскомъ алумнатѣ; прочіе, получивъ достаточное общее образованіе, обучались богословію въ бывшихъ семинаріяхъ Пинской, Брестской и Супрасльской и отличались или высокими личными качествами, или энергіей и готовностью всѣмъ жертвовать для блага церкви. Отмѣтимъ главнѣйшихъ: архипресвитеръ Гавріилъ Янковскій, 51 года, сначала въ качествѣ хартофилакса или начальника архива, а затѣмъ предсѣдателя капитула, неоднократно производилъ генеральные визиты въ епархіи, приверженъ былъ къ греческому обряду и располагалъ богатымъ собраніемъ цѣнныхъ историческихъ документовъ. Архидіаконъ Восцеловичъ, 69 лѣтъ, въ первое время послѣ образованія епархіи Брестской былъ официаломъ до 1807 г., не смотря на старческій возрастъ, пользовался репутаціей хорошаго администратора. Илія Мокрицкій, 60 лѣтъ, по окончаніи папскаго алумната, служилъ въ консисторіи бывшей Виленской митрополичьей епархіи (1785 до 1793 гг.), а затѣмъ въ Брестской консисторіи, оттуда по выбору архіепископа Лисовскаго назначенъ префектомъ греко-уніатскихъ клириковъ въ главной духовной семинаріи (1808 — 1809 гг.), наконецъ былъ предсѣдателемъ Виленской митрополичьей консисторіи послѣ ея возобновленія (съ 1809 по 1816, 1819—1824 гг.).

Но особеннымъ значеніемъ въ дѣлахъ уніи того времени пользовался Антоній Тупальскій, 52 лѣтъ, съ обширнымъ кругомъ дѣятельности котораго отчасти мы уже знакомы. Получивъ основательное богословское образованіе въ виленскомъ алумнатѣ (1788—1794), Тупальскій впослѣдствіи (въ 1819 г.) выдержалъ при университетѣ испытаніе на степень доктора богословія и правъ каноническихъ. Административная служба Тупальскаго въ брестской консисторіи начинается съ 1799 г. въ качествѣ ассессора; затѣмъ, какъ вице-официалъ (1804—1807 гг.) и, наконецъ, официалъ консисторіи, онъ

сумѣлъ овладѣть довѣріемъ епископа Булгака и исполнялъ важнѣйшія его порученія, производилъ ревизію всѣхъ церквей Гродненской губерніи, собиралъ свѣдѣнія о фундушахъ базиліанскихъ монастырей Литовской базиліанскій провинціи (1809 г.), присутствовалъ въ департаментѣ коллегіи для раздѣла Брестской и возстановленной Виленской митрополичьей епархій (1810 г.). Въ качествѣ члена Брестскаго капитула, Тупальскій оказывалъ ему энергическую поддержку во всѣхъ важныхъ вопросахъ. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ и обширному кругу дѣятельности, Тупальскій, можно сказать, былъ главнымъ дѣятелемъ Брестскаго капитула. Съ перемѣщеніемъ митрополита Булгака въ Петербургъ Тупальскій въ сущности управлялъ всѣми дѣлами Брестской епархіи [1]).

Антоній Сосновскій, 47 лѣтъ, хотя и не получилъ высшаго богословскаго образованія (онъ обучался въ Супрасльской семинаріи (1794 по 1797 г.) но впослѣдствіи (1819 г.) держалъ экзаменъ въ богословскомъ факультетѣ. Въ качествѣ дрогичинскаго благочиннаго и члена Брестскаго капитула, онъ рано пріобрѣлъ извѣстность своею защитою правъ бѣлаго духовенства, а затѣмъ въ должности вицеофиціала Брестской консисторіи (1822—1825 гг.), офиціала Виленской консисторіи (1825—1828 гг.) оказалъ замѣчательное усердіе при отыскиваніи церковныхъ фундушей и стойкость въ борьбѣ съ литовскими базиліанами за права бѣлаго духовенства. Горячій темпераментъ и неуживчивость создали ему многихъ враговъ. Онъ былъ непримиримымъ противникомъ базиліанской монополіи въ уніи и болѣе другихъ членовъ потрудился для низверженія ордена.

Василій Маркевичъ, 48 лѣтъ, также какъ и Сосновскій, обучался догматическому богословію въ Супрасльской семинаріи; въ 1819 году, по выдержаніи экзамена въ Виленскомъ университетѣ, избранъ въ члены 2-го департамента коллегіи отъ Брестской епархіи. Въ этой должности Маркевичъ оставался безсмѣнно до окончанія реформъ въ греко-уніатской церкви и служилъ посредникомъ между капитуломъ и 2-мъ департаментомъ коллегіи. Это былъ человѣкъ мягкаго характера, при полномъ отсутствіи честолюбія. Главная его заслуга— защита на судѣ въ коллегіи архіепископа Красовскаго. Маркевичъ

[1]) Біографія Тупальскаго помѣщена *Янковскимъ* въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1867 годъ. Іосифъ Сѣмашко, Записки, I, 85, о Тупальскомъ отзывается, какъ о надежномъ дѣятелѣ, который болѣе 20 лѣтъ управлялъ епархіей при Булгакѣ, но склонномъ къ злоупотребленіямъ (?).

былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Сосновскимъ и съ 1819 г. велъ съ нимъ постоянную переписку.

Михаилъ Бобровскій, 37 лѣтъ, получилъ высшее богословское образованіе въ главной духовной семинаріи и совершилъ ученое путешествіе по Европѣ и Славянскимъ землямъ; по лѣтамъ Бобровскій былъ моложе всѣхъ членовъ Брестскаго капитула (съ 1817 г.). Какъ профессоръ Священнаго Писанія въ университетѣ и главной семинаріи, любитель и знатокъ славянской старины, даровитый проповѣдникъ, знавшій древнюю славянскую литературу и восточные языки, Бобровскій занялъ съ 1822 года высокое положеніе, пользовался любовью и довѣріемъ свѣтскаго клира и служилъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, касавшихся быта духовенства, его образованія и возстановленія чистоты греко-уніатскихъ обрядовъ въ уніи [1]. Отъ занятія высшихъ должностей въ іерархіи греко-уніатской церкви уклонялся, чѣмъ и доказалъ свое полное безкорыстіе въ дѣлѣ реформы.

Въ данный періодъ исторіи греко-уніатской церкви Тупальскій, Сосновскій и Бобровскій, какъ видно изъ хода дѣлъ, были главными двигателями предложеній о ея преобразованіи въ предѣлахъ программы Брестскаго капитула. Занятое ими положеніе въ іерархіи ставило ихъ въ исключительное положеніе и вызывало безпощадную злобу въ лагерѣ базиліанъ Литовской провинціи.

Изъ молодыхъ священниковъ, получившихъ высшее богословское образованіе въ главной семинаріи, слѣдуетъ назвать еще Платона Сосновскаго, 22 лѣтъ, который помимо симпатій къ русской старинѣ своей родины и познаній въ старославянской письменности, пользовался значеніемъ какъ талантливый профессоръ нравственнаго и пастырскаго богословія (съ 1823 г.). Онъ заботился о поднятіи чистоты нравовъ у сельскихъ пастырей церкви и велъ горячую и успѣшную полемику съ базиліанами въ защиту капитуловъ греко-уніатской церкви, сломить силу которыхъ было имъ такъ необходимо для достиженія своихъ цѣлей [2].

---

[1]) Характеристика протоіерея М. Бобровскаго, какъ ученаго, съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями у *Пл. Янковскаго* въ Холмск. мѣсяцесловѣ 1867 г. Съ его трудами, какъ слависта, можно познакомиться изъ статьи „Судьба Супрасльской рукописи", *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., октябрь, ноябрь, декабрь. Кромѣ того, очеркъ его біографіи въ *Русской Старинѣ* 1888 г., іюль и ноябрь, и 1889 г., май и іюнь, и особая книга: М. К. Бобровскій съ автографами.

[2]) Dzieje Dobroczyn. 1823 г., № 12, 1824 г., № 3, 4, 5, 6. Отзывъ о Сосновскомъ имѣется въ ст. *Жуковича* „О проф. богосл. факульт. Виленск. университета въ

Что касается до Луцкаго капитула, то ни въ офиціальныхъ источникахъ, ни въ литературѣ мы не встрѣчаемъ слѣдовъ его дѣятельности. Луцкая епархія подавлена была преобладаніемъ латинизаторовъ и распространеніемъ православія еще въ концѣ XVIII вѣка. Число прихожанъ въ ней было ограничено (всего до 190 церквей), луцкіе прелаты и каноники не играли выдающейся роли въ своей епархіи, можетъ быть, потому, что епископскую каѳедру, съ самаго начала образованія этой епархіи, занимали исключительно прелаты бѣлаго духовенства. Въ составѣ Луцкаго капитула было также нѣсколько ученыхъ прелатовъ и канониковъ: архипресвитеръ Кириллъ Сѣроцинскій, канторъ Василій Полухтовичъ, каноникъ Іеронимъ Бучинскій; послѣдній принадлежалъ къ первому выпуску уніатскихъ клириковъ главной духовной семинаріи. Но Сѣроцинскій, какъ и самъ епископъ Мартусевичъ, отличались тупою приверженностью къ римскимъ порядкамъ въ русской уніи. Оба преувеличивали понятіе о Римской церкви и значеніи папской духовной власти. Впослѣдствіи Сѣроцинскій навлекъ на себя подозрѣніе, какъ укрыватель, въ насильственной смерти архіепископа Красовскаго въ Жидичинѣ. Въ составъ Луцкаго капитула, съ званіемъ канониковъ, вошли въ концѣ 1822 года Іосифъ Сѣмашко (съ 1825 года прелатъ—схоластъ) и въ 1825 году Іоаннъ Сѣроцинскій; они оба недавно окончили курсъ въ главной духовной семинаріи со степенью магистра богословія и, слѣдовательно, согласно законамъ, имѣли необходимый цензъ для занятія высшихъ должностей въ греко-уніатской церкви. Сѣмашко успѣлъ ускользнуть изъ-подъ вліянія папистовъ и іезуитовъ, составлявшихъ Луцкій капитулъ, но молодой Сѣроцинскій предался вліянію базиліанъ и іезуитовъ, окружавшихъ его отца, епископа Кирилла Сѣроцинскаго [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ греко-уніатскіе епископы, не исключая митрополитовъ Лисовскаго и Кохановича, отрицали права капитуловъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что подобныхъ учрежденій не существуетъ въ

настоящемъ столѣтіи", *Христ. Чтеніе* на 1888 г., № 3, 4. Къ сожалѣнію, Сосновскій умеръ на 28-мъ году жизни, въ полномъ разцвѣтѣ своей полезной дѣятельности. Некрологъ о немъ Бобровскаго въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., дѣла 1819 г., № 40, 1822 г., № 47, 59, 70, 1823 г., № 38, 1825 г., № 42, 48; 1829 г., № 3, 165. См. еще Записки Іосифа митрополита Литовскаго, т. 1. Іосифъ Сѣмашко въ своихъ запискахъ умалчиваетъ о дѣятельности старшаго духовенства въ Брестской и Виленской епархіяхъ, подготовившаго почву къ реформамъ 1828 года.

греческой церкви, въ дѣйствительности же потому, что члены капитула, какъ соборное духовенство, нуждались въ обезпеченіи матеріальномъ, а суммами, принадлежавшими каѳедральному клиру во всѣхъ епархіяхъ, овладѣли или базиліане, или епископы и митрополиты.

Высшій разрядъ бѣлаго греко-уніатскаго духовенства въ данный періодъ (1819 по 1825 г.) вообще не многочисленный, составлялъ въ каждой епархіи, не болѣе 5% всего числа священниковъ, и въ консисторіяхъ образовалъ нѣчто цѣлое, не имѣвшее никакой связи съ консультами базиліанскихъ провинцій. Изъ этого высшаго разряда свѣтскаго клира въ Брестской епархіи назначались, по избранію капитула и утвержденію или представленію на утвержденіе, преимущественно члены коллегіи, предсѣдатели и члены консисторіи. То же самое наблюдалось и въ другихъ епархіяхъ, Полоцкой и Луцкой, но не съ такою строгостью. Здѣсь выборъ въ каноники вполнѣ зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія епископа. Изъ состава же такъ-называемыхъ титулярныхъ каноников посылались депутаты въ 3-й департаментъ сената, въ главные судьи, бывшіе въ губернскихъ городахъ, а равно въ суды низшихъ инстанцій. Члены капитула назначались также для ревизіи церквей и во многихъ случаяхъ были лучшими совѣтниками епископу. Наконецъ, по уставу университета, отличенные учеными степенями богословія, не женатые и вдовые, имѣли преимущественное право на занятіе мѣстъ архіерейскихъ.

Такимъ образомъ старшее духовенство въ русской уніи около 1820 года составляло уже крупную нравственную силу, на которую опирались сотни сельскихъ священниковъ, тысячи прихожанъ. Если многіе изъ числа старшихъ членовъ бѣлаго духовенства по своимъ лѣтамъ (были прелаты, каноники, благочинные въ семи-восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ) и по образу своего воспитанія, даже по своимъ убѣжденіямъ, не склонны были къ измѣненію порядка, установившагося въ уніи до XIX столѣтія, то, съ другой стороны, въ средѣ того же разряда свѣтскаго клира (кромѣ Луцкой епархіи) въ началѣ двадцатыхъ годовъ появилась, а затѣмъ быстро росла партія, которая никогда не могла помириться съ печальнымъ положеніемъ русской греко-уніатской церкви. Эта партія чувствовала въ себѣ достаточно уже силъ для борьбы съ базиліанами за права бѣлаго духовенства и чистоту греко-славянскаго обряда. Членовъ этой партіи мы назвали орієнталистами въ противоположность латинникамъ.

Зародыши партіи оріенталистовъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ русской уніи. Оріенталисты усилились (хотя и не

вездѣ) послѣ протестовъ Брестскаго капитула (1819 г.) и особенно послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1820 г., когда базиліане, занявъ угрожающее положеніе, требовали не только низверженія Полоцкаго архіепископа, но и возврата къ старому, исключительному господству въ русской уніи. Оріенталисты-уніаты, въ своихъ дѣйствіяхъ, съ 1822 года, неуклонно стремились къ разрѣшенію такой задачи: вызвать въ базиліанскомъ орденѣ уступки изъ тѣхъ громадныхъ богатствъ, которыми они завладѣли въ прошлые вѣка, и на эти средства, при содѣйствіи правительства, улучшить бытъ бѣлаго духовенства, поднять въ немъ духовное образованіе, обезпечить вдовъ и сиротъ, но отнюдь не допускать въ орденъ пріема католиковъ, которымъ чужды греческіе обряды и славянскій языкъ. Такой именно программы держались три главные представителя свѣтскаго клира — Тупальскій, Сосновскій и Бобровскій; послѣдній, впрочемъ, надѣясь еще на добровольныя уступки ордена, совѣтовалъ Тупальскому и Сосновскому щадить монаховъ, какъ опору церкви.

Но что̀ значилъ бы орденъ, лишенный своихъ фундушей и капиталовъ? Базиліане не могли и теперь склониться добровольно на какія-либо уступки, какъ и прежде при переговорахъ Брестскаго капитула съ Литовскою провинціей (осенью 1819 г.). Эта упорная систематическая вражда ордена къ бѣлому духовенству должна была вызвать новую и на этотъ разъ рѣшительную борьбу.

Въ томъ же 1822 г., при назначеніи новыхъ членовъ въ коллегію и ассессоровъ въ консисторіи, на предстоящее новое трехлѣтіе, обращалось вниманіе, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, на знакомство назначаемыхъ кандидатовъ съ русскимъ языкомъ и съ русскими законами.

Еще въ 1815 году, вслѣдствіе замѣченнаго императоромъ Александромъ Павловичемъ незнакомства прелатовъ и канониковъ, избираемыхъ каѳедральными капитулами въ засѣдатели коллегій (по обоимъ департаментамъ), съ государственными узаконеніями Россіи и съ языками русскимъ и польскимъ, состоялся высочайшій указъ, коимъ подтверждалось, чтобы впредь „капитулами“ избираемы были въ засѣдатели духовныя особы, кои съ познаніями церковныхъ правилъ соединяли бы совершенное знаніе помянутыхъ языковъ и узаконеній. Это же обстоятельство имѣлось въ виду и при возобновленіи главной духовной семинаріи: по штату 27-го сентября 1804 г. въ консисторіяхъ установлены были переводчики, знакомые съ русскимъ языкомъ. Поэтому указомъ коллегіи 10-го февраля 1821 г. предписывалось всѣмъ

уніатскимъ епархіальнымъ іереямъ и консисторіямъ непременно присылать всѣ документы съ переводами на россійскій діалектъ [1]). Оттого-то знакомство съ русскимъ языкомъ и русскимъ законодательствомъ становилось однимъ изъ условій образованнаго уніатскаго священника, и это должны были знать клирики, обучавшіеся въ главной семинаріи [2]).

Но эти распоряженія депармамента не касались базиліанскихъ провинцій.

Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ началѣ 1817 года замѣтилъ, что римско-католическая коллегія (яко главное духовное правительство) не имѣла свѣдѣній о монастыряхъ, церквахъ, духовенствѣ, о духовныхъ заведеніяхъ, объ имѣніяхъ, какъ установлено въ п. 8 положенія 13-го ноября 1801 года. Въ коллегіи не было даже описей генеральныхъ визитъ съ указаніемъ состоянія и имущества церквей и монастырей, съ принадлежащими къ нимъ имѣніями, какъ требовалось въ 16 п. регламента для церквей и монастырей римско-католическаго исповѣданія 3-го ноября 1798 г. И вообще въ департаментахъ не исполнялись требуемыя въ законахъ распоряженія (п. 5 положенія 13-го ноября 1801 г., п.п. 6 и 7 указа 17-го августа 1810 г.) [3]).

Замѣчательно, что и митрополитъ Сестренцевичъ требовалъ отъ назначаемыхъ въ коллегію римско-католическихъ членовъ знакомства съ русскимъ языкомъ, съ русскими законами. Между тѣмъ какъ уніатскій митрополитъ не желалъ затруднять базиліанъ веденіемъ переписки на русскомъ языкѣ, 2-му департаменту коллегіи изъ министерства не разъ напоминалось о самоточнѣйшемъ исполненіи указовъ правительствующаго сената. Въ началѣ 1820-хъ годовъ въ департаментъ изъ консисторій поступали бумаги, съ подлежащими приложеніями на русскомъ языкѣ, но провинціалы продолжали вести всю переписку съ коллегіей на польскомъ языкѣ.

Въ главной духовной семинаріи русскій языкъ преподавался съ первыхъ лѣтъ ея учрежденія, а въ 20-хъ годахъ занятія русскимъ языкомъ были усилены и особенное вниманіе обращено на церковно-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту, дѣла: 1815 г., № 30, 1821 г., № 7.

[2]) Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, описывая бытъ главной семинаріи во время прохожденія имъ курса (1816—1820 гг.), съ благодарностью отзывается о профессорѣ русской словесности Чернявскомъ, который своими разказами о Россіи, ея исторіи, ея герояхъ и ея народномъ бытѣ поселилъ въ сердцѣ Сѣмашки разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи. Записки, т. I, ст .17.

[3]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту, 1817 г. № 6.

славянскій языкъ, о чемъ скажемъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Постоянная смѣна засѣдателей, черезъ каждые три года, отражалась весьма вредно на порядкѣ веденія дѣлъ. Первымъ не смѣняемымъ членомъ 2-го департамента былъ брестскій каноникъ Василій Маркевичъ, избранный капитуломъ еще въ 1819 г. и утвержденный Булгакомъ.

Безпорядочность веденія дѣлъ въ римско-католической коллегіи (по обоимъ департаментамъ) всего рельефнѣе выразилась въ неисправности сборовъ складочныхъ денегъ монастырями на содержаніе главной духовной семинаріи. Вслѣдствіе этого послѣдовало предложеніе князя Голицына въ коллегію, отъ 18-го января 1821 года, съ упреками о небрежности въ веденіи отчетности: „Вѣроятно, коллегія собрала уже точнѣйшія свѣдѣнія о фундушахъ и доходахъ монастырскихъ, о чемъ неоднократно ей представлялось“ [1]).

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, при выборѣ новыхъ засѣдателей въ коллегію, на трехлѣтіе съ 12-го іюля 1822 по 1825 годъ, митрополиту и архіереямъ внушено было о томъ, чтобы таковые, удовлетворяя законнымъ условіямъ (9 п. указа 18-го іюля 1803 г. и 2 п. положенія для духовнаго и церковнаго правительства 13-го ноября 1801 г.), были знакомы съ русскимъ языкомъ и русскимъ законодательствомъ. Администраторъ Полоцкой епархіи Исаія Шулякевичъ предложилъ въ кандидаты настоятеля Нищанской церкви Григорія Лавецкаго, который окончилъ курсъ главной духовной семинаріи, и хотя не имѣлъ ученой степени (онъ былъ только кандидатомъ), но представилъ свидѣтельство профессоровъ и аттестацію о прохожденіи четырехлѣтняго курса [2]). Отъ Луцкой епархіи епископъ Мартусевичъ рекомендовалъ молодаго протопресвитера ассессора консисторіи Іосифа Сѣмашку, который имѣлъ ученую степень магистра богословія и былъ достаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ и съ дѣлами консисторскими [3]). Отъ Брестской же епархіи мит-

---

[1]) Архивъ по 2-му департаменту 1815 г., № 6, л. 56.

[2]) Документы Лавецкаго: свидѣтельства: профессора краснорѣчія и Священнаго Писанія Голянскаго, профессора нравственнаго и пастырскаго богословія Ходани, профессора ботаники Юндзилла, латинскаго языка Гродека и профессора догматическаго богословія Клонгевича. Лавецкій былъ преподавателемъ въ Полоцкой семинаріи. Архивъ св. синода по 2-му департаменту, дѣло 1822 г., № 31.

[3]) Записки, т. I, стр. 18. Сѣмашко въ 1820 г., тотчасъ послѣ окончанія курса, рукоположенъ въ иподіакона, назначенъ засѣдателемъ консисторіи и наставникомъ приготовляемыхъ къ рукоположенію ставленниковъ. Сѣмашко пользовался

рополитъ Булгакъ призналъ полезнымъ оставить на слѣдующее трехлѣтіе прежняго засѣдателя брестскаго каѳедральнаго каноника Василія Маркевича. Министръ утвердилъ представленныхъ кандидатовъ, и 10-го августа 1822 г. 2-й департаментъ коллегіи открылъ свои дѣйствія въ новомъ составѣ [1]). Засимъ, въ началѣ февраля 1823 г., министръ предписалъ 2-му департаменту установить контроль за успѣшнымъ ходомъ занятій, для точнаго выполненія работъ по преобразованію греко-уніатской церкви.

При такихъ же условіяхъ произведенъ былъ выборъ засѣдателей и въ консисторіяхъ епархій Виленской, Полоцкой, Луцкой и Брестской на трехлѣтіе съ 7-го ноября 1822 г. [2]).

Всѣ эти распоряженія князя Голицына показываютъ намъ, что съ 1822 г. правительство стало обращать серьезное вниманіе на ненормальное положеніе вещей въ греко-уніатской церкви, и эта перемѣна вызвана была новымъ теченіемъ дѣлъ въ высшихъ сферахъ администраціи столичной и, вѣроятно, жалобами архіепископа Красовскаго.

Въ одно и то же время мы встрѣчаемъ представителей новаго направленія и въ Петербургѣ (при особѣ архіепископа Красовскаго и во 2-мъ департаментѣ коллегіи), и въ главныхъ центрахъ епархій — въ Полоцкѣ, Вильнѣ, Жировицахъ и Жидичинѣ, и въ главной духовной

особеннымъ расположеніемъ своего епископа. Въ ноябрѣ 1822 г. произведенъ на степень луцкаго каноника, а въ октябрѣ 1825 г., послѣ назначенія епископомъ его дяди архипресвитера Сѣроцинскаго, произведенъ въ прелаты схоласты Луцкой епархіи. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1822 г., № 31 и 70, 1825 г., № 48.

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту дѣлъ 1822 г., № 31. Маркевичъ принадлежалъ къ составу духовенства бывшей Супрасльской епархіи. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1822 г., № 31.

[2]) Епископъ Головня назначилъ въ Виленской епархіи офиціаломъ прелата Брестскаго капитула Илью Мокрицкаго вице-офиціаломъ каноника Петра Ситкевича, ассессорами: Марка Гржибовскаго, Іоанна Каминскаго и Константина Заболоцкаго; архимандритъ Шулякевичъ избралъ предсѣдателемъ полоцкой консисторіи Симеона Савинича, вице-предсѣдателемъ Петра Слонимскаго, ассессорами: Іоанна Конюшевскаго, Іосифа Чернявскаго и Сильвестра Заболоцкаго, магистра философіи. Епископъ Мартусевичъ предсѣдателемъ назначилъ архипресвитера Кирилла Сѣроцинскаго (который былъ членомъ 2-го департамента), вице-предсѣдателемъ архидіакона Петра Ермолинскаго, засѣдателемъ Еронима Бучинскаго, магистра богословія. Митрополитъ Булгакъ оставилъ прежняго предсѣдателя брестскаго прелата Антонія Тупальскаго и засѣдателей брестскихъ каноников Михаила Махцевича и Антонія Богдановича, и вновь назначилъ вице-офиціаломъ Антонія Сосновскаго и ассессоромъ Игнатія Пильховскаго, магистра богословія. Архивъ св. синода по 2-му департаменту дѣлъ 1822 г., № 44.

семинарій, и въ единственно устроенной Полоцкой епархіальной семинаріи: это были священники, отличенные учеными степенями, основательно образованные, на которыхъ министерство могло разсчитывать, ибо всѣ они своимъ возвышеніемъ обязаны были русскому правительству. Для людей талантливыхъ, энергичныхъ, честолюбивыхъ изъ среды бѣлаго духовенства открыты были пути къ достиженію высшихъ должностей и архіерейскаго сана.

Бѣлое духовенство, какъ высказался Брестскій капитулъ въ своихъ петиціяхъ, расходилось съ монахами базиліанскаго ордена въ слѣдующихъ капитальныхъ вопросахъ. Базиліанамъ и ихъ покровителямъ бѣлое духовенство приписывало: 1) совращеніе уніатовъ въ латинство, 2) расхищеніе церковныхъ фундушей, крайне безцеремонное хозяйничанье въ духовныхъ имѣніяхъ и растрату духовныхъ капиталовъ, 3) упадокъ богословскаго образованія священниковъ, по недостатку средствъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ (кромѣ Полоцкой), и 4) искаженіе греческихъ обрядовъ и распространеніе изъ базиліанскихъ типографій богослужебныхъ книгъ съ измѣненіемъ молитвословія.

Разсмотримъ по порядку эти важные вопросы. Здѣсь мы будемъ руководствоваться не только хранящимися въ архивѣ святѣйшаго синода документами, но и тѣми матеріалами, которые основаны на официальныхъ источникахъ.

I. Совращеніе уніатовъ въ латинство. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о числѣ совращенныхъ уніатовъ въ латинство въ Бѣлоруссіи, на Волыни и Подоліи въ первое время по присоединіи этихъ областей къ Россіи (1772—1801 гг.), іезуитами и латинскими патерами, замѣтимъ, что къ извѣстнымъ фактамъ совращенія въ латинство въ Бѣлостокской области, въ Минской и Виленской губерніяхъ [1]) совершенно безучастно относились епископы, и напротивъ того, такіе факты волновали, безпокоили и приводили въ негодованіе благочинныхъ, каноников и прелатовъ бѣлаго духовенства (напримѣръ: Антонія Сосновскаго, Илью Мокрицкаго и Стефана Лопушинскаго). По вѣроисповѣднымъ спискамъ греко-уніатскихъ прихожанъ считалось въ четырехъ епархіяхъ до $1^1/_2$ милліона, и это число въ теченіе 15 лѣтъ оставалось постояннымъ съ незначительнымъ уклоненіемъ отъ этой цифры. Между тѣмъ перевѣсъ родившихся надъ умершими ежегодно составлялъ до 25 тысячъ. Въ 1813 г., въ пер-

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., д. 1810 г., № 29, 1814 г., № 14, 1829 г. № 29; въ послѣднемъ дѣлѣ сказано о совращеніяхъ въ латинство въ Бѣлостокской области при прусскомъ правительствѣ.

вый годъ послѣ Отечественной войны, греко-уніатовъ въ Россіи считалось свыше 1.400.000, а спустя пятнадцать лѣтъ, въ 1828 г., 1.558.118 д. об. п. Прибыло до 160 тысячъ душъ. И только... Куда же дѣлись болѣе 200,000 д. об. п.? По нашему мнѣнію, они совращены въ латинство (независимо отъ совращенныхъ въ Бѣлоруссіи до 1805 года, о которыхъ было уже сказано). Въ самомъ дѣлѣ, многіе приходы Минской и Виленской губерній, принадлежавшіе къ уніи въ 1802 г.. оказываются въ 1814 году латинскими; въ вѣдомостяхъ о числѣ греко-уніатскихъ церквей за 1827 годъ показано въ одной Виленской епархіи 426 приписныхъ (безъ прихожанъ) по одной, по двѣ, даже по три въ одномъ приходѣ. Вотъ какое опустошеніе дѣлало совращеніе, а въ совращеніи базиліане усердно помогали латинянамъ-помѣщикамъ или латинскимъ патерамъ, преимущественно монахамъ, которыхъ было очень много въ западныхъ губерніяхъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ факты совращенія въ латинство выплывали наружу, то-есть, доходили до коллегіи, или къ министру внутреннихъ дѣлъ; тогда наряжалось слѣдствіе, находили совращенныхъ, но совратителей, по обыкновенію, не отыскивалось, или же доказанное преступленіе не вмѣнялось въ вину по причинѣ сумашествія или смерти виновныхъ. Въ 1810 г. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи оказалось, что многіе крестьяне совращены въ латинство. Слѣдствіе въ губерніи обнаружило, что крестьяне въ имѣніяхъ доминикановъ, основываясь на слухахъ 1802 года, будто уніи не будетъ, и будутъ только двѣ вѣры—греко-россійская и римско-католическая, по совѣту ксендза Блинструба, признаннаго сумашедшимъ, обращались въ латинство; крестьяне помѣщиковъ Бѣлиновича и Гласки переходили въ латинство по совѣту своихъ приходскихъ священниковъ Леоновича и Шумскаго, уже умершихъ. Изъ обращенныхъ въ римскій обрядъ, по донесенію коммиссій, осталось еще 123 семейства [1]).

Подобныхъ фактовъ не обнаруживали епархіальные епископы Брестской, Виленской и Луцкой епархій. Они не считали нужнымъ доносить о совращеніяхъ, какъ о событіяхъ чрезвычайныхъ, и тѣмъ нарушали регламентъ 1801 г. Булгакъ, Головня и Мартусевичъ, напротивъ, подъ рукою поддерживали совращенія въ латинство. Совер-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. 1810 г., № 29. Обоимъ департаментамъ коллегіи предписано, дабы наблюдали за подчиненнымъ духовенствомъ въ непривлеченіи одного вѣроисповѣданія въ другое; желающимъ же принять господствующую религію никакого препятствія не чинить.

шенно иначе эти греко-уніатскіе епископы относились къ фактамъ перехода греко-уніатовъ въ православіе или благочестіе; здѣсь не было конца пререканіямъ и жалобамъ на угнетенія и преслѣдованія со стороны православнаго духовенства. По свѣдѣніямъ 1809 г., греко-уніатскихъ церквей, прихожане которыхъ приняли православіе, было: въ Луцкой епархіи 36, въ Брестской 21 и въ Полоцкой 3. (Одна церковь и двѣ каплицы). Эти церкви были опечатаны и приходили въ разрушеніе. Епископъ Островскій Корсакъ (изъ базиліанъ) подъ тѣмъ предлогомъ, что уніатскія церкви Луцкой епархіи отобраны на благочестіе, противъ желанія прихожанъ, которые въ дѣйствительности продолжаютъ быть уніатами, хлопоталъ у министра внутненнихъ дѣлъ графа Кочубея о возвращеніи таковыхъ церквей уніатамъ. Кочубей, какъ извѣстно, въ то время былъ въ рукахъ іезуитовъ. Епископъ Мартусевичъ жаловался ему въ 1815 г. на грекороссійское духовенство, которое при содѣйствіи гражданскаго начальства отбираетъ отъ уніатскихъ священниковъ фундуши въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церкви посвящены на благочестіе, а народъ пребываетъ въ уніи, притѣсняетъ уніатскихъ исповѣдниковъ и лишаетъ священниковъ нужнаго пропитанія. Однако изъ объясненій преосвященнаго Стефана, епископа Волынскаго и Житомирскаго, видно, что церкви присоединены были отъ уніи къ благочестію по высочайшему повелѣнію 16-го мая 1794 г., купно съ прихожанами, но прихожане тѣхъ церквей съ помощью помѣщиковъ снова возвращены въ унію. Чѣмъ инымъ, какъ не отвращеніемъ къ православію, слѣдуетъ объяснять равнодушіе греко-уніатскихъ епископовъ къ фактамъ совращенія въ латинство и, напротивъ, озлобленіе ихъ, когда являлись случаи перехода уніатовъ въ благочестіе (что не возбранялось законами)? Уніатскій департаментъ тоже не особенно скорбѣлъ о совращеніи уніатовъ въ латинство. а въ то же время просилъ главноуправляющаго князя Голицына о прекращеніи притязаній православныхъ, разрушающихъ спокойствіе и благосостояніе уніатскихъ священниковъ по силѣ указа 5-го октября 1804 г., тамъ, гдѣ церкви переданы на благочестіе, а прихожане состоятъ въ уніи [1]). Такую двойственность отношенія епископовъ и 2-го департамента къ совращеніямъ греко-уніатовъ въ латинство и перехода ихъ въ православіе мы объясняемъ зависимостью высшей іерархіи греко-уніатской церкви

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1809 г., № 13, 1815 г., № 12. Оставляемъ въ сторонѣ другіе менѣе важные вопросы.

отъ господствующей польской партіи, которая въ западныхъ губерніяхъ свободно развивала поле своей латинизаторской пропаганды.

II. Расхищеніе церковныхъ фундушей. Неравномѣрное распредѣленіе фундушей и капиталовъ между базиліанами и бѣлымъ духовенствомъ было послѣдствіемъ присвоенія базиліанами церковныхъ имѣній, съ обращеніемъ приходскихъ церквей въ монастыри.

На обращеніе многихъ церквей въ монастыри и на растрату ими церковныхъ капиталовъ указываютъ протесты Щигельскаго 1776 года, донесенія Брестской и Виленской консисторій 1810 г. и петиціи Брестскаго капитула 1819 года. На монастырскія имѣнія и капиталы базиліане смотрѣли не какъ на общее достояніе греко-уніатской церкви, а какъ на собственность базиліанскаго ордена, распоряжаться которою онъ могъ по своему усмотрѣнію, не давая никому отчета. Ни департаменту коллегіи, ни епархіальному начальству не удавалось проникнуть въ таинственныя кассы базиліанскихъ монаховъ. Эта наклонность къ обогащенію на счетъ церкви—черта іезуитскаго происхожденія. Между тѣмъ въ регламентѣ сказано: „Какъ земли и разнаго рода угодья, денежныя суммы, капиталы и проценты и прочія бѣлаго и чернаго духовенства стяжанія суть общее ихъ достояніе, то и запрещается всѣмъ монастырямъ продавать ихъ, дарить и вымѣнивать, равно какъ и отъ нихъ оные отбирать безъ особаго монаршаго соизволенія“ [1]).

Когда Полоцкій архіепископъ Лисовскій, въ 1805 году, счелъ нужнымъ ближе ознакомиться съ суммами и капиталами 19 базиліанскихъ монастырей своей епархіи (Бѣлорусской провинціи), то нашелъ, что въ пяти монастыряхъ—Онуфрейскомъ, Черейскомъ, Борисоглѣбскомъ, Пустынскомъ и Лысковскомъ, не имѣлось никакихъ суммъ, а въ прочихъ 14 монастыряхъ было только 206,560 р. 54 к. надежнаго капитала; затѣмъ болѣе 15 тысячъ рублей въ этихъ монастыряхъ оказались малонадежными и до 6 тысячъ рублей пропавшими: чѣмъ окончилось слѣдствіе, начатое по поводу ненадежныхъ и пропавшихъ денегъ, намъ не извѣстно. Всѣ же суммы свѣтскаго

[1]) Регламентъ для рим.-кат. церквей и монастырей 3-го ноября 1798 г., п. 6, указъ высочайшій 11-го декабря 1880 г. п. 6, положеніе 13-го ноября 1800 г., п. 5, 7. Регула XXI Тридентскаго собора „de regularibus et monialibus“, булла папы Венедикта VIII, которая начинается словами „Nullus omni“. Похищеніе монастырской казны считается святотатствомъ. Монахи своимъ безпорочнымъ поведеніемъ должны быть образцомъ духовнымъ чадамъ. Монастырскіе и церковные имѣнія и капиталы должны сохраняться въ цѣлости, какъ казенныя имѣнія.

духовенства Полоцкой епархіи составляли тогда не болѣе 3,000 руб. И это на 500 церквей!

Принадлежавшіе монастырямъ капиталы базиліане употребляли на возобновленіе, устройство и содержаніе публичныхъ и приходскихъ школъ, въ которыхъ обучались почти исключительно католики; въ Луцкой епархіи, кромѣ того, доходы съ фундушей шли на содержаніе Кременецкаго лицея; расходы эти дѣлались большею частью безъ надлежащаго разрѣшенія коллегіи, властью провинціаловъ или настоятелей.

Послѣ того, какъ въ началѣ столѣтія, обнаружились старинные захваты базиліанами церковныхъ фундушей, присвоеніе земель и растрата капиталовъ, министръ юстиціи въ 1806 году сдѣлалъ общее распоряженіе о доставленіи изъ епархій подробныхъ свѣдѣній объ имѣніяхъ, капиталахъ и доходахъ, принадлежавшихъ греко-уніатскимъ церквамъ и монастырямъ, въ двухъ экземплярахъ на русскомъ языкѣ, изъ коихъ одинъ экземпляръ предназначался министру финансовъ. Брестскій епископъ Булгакъ доставилъ свѣдѣнія только о числѣ монаховъ, но затруднился представленіемъ табели о монастыряхъ базиліанскихъ, объ ихъ заведеніяхъ, фундушевыхъ имѣніяхъ, капиталахъ, доходахъ и расходахъ и объ обязательствахъ фундушевыхъ. Прошло три года. Журналомъ коллегіи, 4-го февраля 1808 года, подтверждено было епископу Булгаку, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени онъ прислалъ требуемыя свѣдѣнія въ коллегію безъ малѣйшей отговорки! Тогда только требованіе коллегіи было исполнено. Но на достовѣрность этихъ свѣдѣній нельзя было полагаться. Изъ составленныхъ самими базиліанами вѣдомостей коллегія убѣдилась, вѣроятно, что свѣдѣнія о фундушахъ и капиталахъ не имѣютъ никакой цѣны; иначе трудно объяснить себѣ слѣдующее журнальное опредѣленіе 2-го департамента: „Въ виду того, что свѣдѣнія, доставленныя съ 1798 по 1808 годъ, даютъ достаточное понятіе (?) о состояніи бѣлаго и монашествующаго духовенства (но не о монастырскихъ капиталахъ?), коллегія предписала, чтобы на будущее время не присылать вѣдомостей о бѣломъ и монашествующемъ духовенствѣ, о церквахъ, монастыряхъ, фундушевыхъ имѣніяхъ и капиталахъ“ (журналъ 2-го департамента коллегіи 1-го мая 1808 года). Но вслѣдъ за симъ, 15-го мая 1808 года, 2-й департаментъ коллегіи, находя, что собранныя свѣдѣнія о базиліанскихъ монастыряхъ не даютъ дѣйствительнаго понятія о фундушахъ и капиталахъ, предписалъ епархіальнымъ епископамъ (въ силу положенія 13-го ноября 1801 года п. 8) доставить

точныя свѣдѣнія, основанныя на документахъ, о всякаго рода имуществѣ монастырей, съ объясненіемъ, на какіе предметы по фундушевымъ записямъ даны монастырямъ недвижимыя имѣнія или капитальныя суммы и т. п. (указъ 28-го мая 1808 года). Брестскій епископъ Булгакъ и тутъ встрѣтилъ затрудненія: онъ не считалъ удобнымъ посылать во многіе монастыри за подлинными документами; по его мнѣнію, слѣдовало предоставить самимъ монастырямъ составить требуемыя вѣдомости. Вспомнимъ, что въ это время хозяиномъ въ уніатскомъ департаментѣ коллегіи былъ архіепископъ Красовскій; вспомнимъ проектъ базиліанъ о преобразованіи ордена въ духовно-воспитательное общество. Булгаку предписано для доставленія достовѣрныхъ свѣдѣній объ имуществѣ базиліанскихъ монастырей Литовской провинціи командировать надежныхъ чиновниковъ изъ епархіи. Теперь только Булгакъ распорядился, чтобы провинціалъ Гинтовтъ собралъ всѣ документы о монастыряхъ въ Виленскій базиліанскій монастырь, въ которомъ находящіеся тамъ консульторы, совмѣстно съ брестскимъ официаломъ Антоніемъ Тупальскимъ и брестскимъ каноникомъ Ильею Мокрицкимъ (тогда префектомъ главной духовной семинаріи), должны были составить подробную вѣдомость о фундушахъ и капиталахъ каждаго монастыря [1]. Такимъ образомъ, только въ одной Брестской епархіи, благодаря дѣятельности членовъ капитула, имѣлись свѣдѣнія о дѣйствительномъ состояніи базиліанскихъ фундушей.

Въ вѣдомостяхъ Луцкой епархіи, доставленныхъ епископомъ Левинскимъ, оказались пробѣлы и неточности: многіе документы не могли быть извлечены изъ присутственныхъ мѣстъ, съ которыми базиліане вели тяжбы. Нужно было исправлять данныя и пополнять пробѣлы по сношенію съ провинціаломъ. Замѣтимъ, что Луцкая епархія была самою неисправною въ дѣлахъ, и здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, была постоянная путаница.

Вскорѣ умеръ Лисовскій. Наступила Отечественная война. Въ коллегіи остались краткія свѣдѣнія о базиліанскихъ монастыряхъ безъ описей и инвентарей...

---

[1]) Архивъ св. син. по 2-му департ., д. 1806 г., № 3, 1808 г., № 16. Рап. Булгака 18-го іюня 1809 г. Составленная Тупальскимъ вѣдомость о фундушахъ базиліанскихъ монастырей впослѣдствіи служила источникомъ къ опредѣленію дѣйствительнаго состоянія имущества у базиліанъ Литовской провинціи. Луцкій епископъ представилъ опись духовнымъ фундушамъ по документамъ при рапортѣ 12-го августа 1809 г. Но эта вѣдомость требовала провѣрки.

Но еще до Отечественной войны, при жизни Лисовскаго, базиліанскіе монахи, столь скупые на удовлетвореніе нуждъ бѣлаго духовенства, полагали отдать шестипроцентный доходъ монастырскихъ капиталовъ на подкрѣпленіе эдукаціоннаго фундуша, то-есть, на содержаніе свѣтскихъ школъ (высочайше утвержденныя правила о фундушахъ, въ указѣ 21-го декабря 1808 года). Ближайшее завѣдываніе этимъ фундушемъ возлагалось на двѣ коммиссіи: одну—въ Вильнѣ, для Бѣлоруссіи и Литвы, другую—въ Кременцѣ, для Волынской губерніи. Тайная цѣль дѣйствій этихъ коммиссій извѣстна. Партіи Чарторыйскаго желательно было захватить въ свои руки фундуши русской греко-уніатской церкви; ей нужно было овладѣть всѣми денежными источниками въ 8 губерніяхъ и Бѣлостокской области (составлявшихъ раіонъ Виленскаго учебнаго округа), чтобы на просторѣ развивать польскую пропаганду. Базиліанскій орденъ, покорный слуга латинизаторовъ, готовъ былъ на такую жертву, чтобы только избавиться отъ необходимости закрытія ненужныхъ монастырей, какъ домогались брестскіе каноники и обѣ консисторіи—Брестская и Виленская. Виленская эдукаціонная коммисія потребовала отъ митрополита Лисовскаго документы, между прочимъ и о фундушахъ капитуловъ. Лисовскій отказалъ и потребовалъ указа коллегіи. „Полоцкаго капитула", писалъ Лисовскій,—„не было и не состоитъ, и не имѣется никакихъ записей на немъ. Что же касается до фундушей приходскихъ церквей, то все имущество (каждой) ограничивается 36 десятинами, чего едва достаетъ на кормъ священнику". Въ это дѣло вмѣшался и министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій; онъ предложилъ (11-го января 1809 года), чтобы коллегія предписала Полоцкой епархіи исполнить требованія эдукаціонной коммиссіи. Консульторъ Бѣлорусской провинціи Смыковичъ взялъ изъ Полоцкой консисторіи копіи о фундушахъ монастырскихъ, для доставленія по принадлежности въ эдукаціонную коммиссію. Но замыслы партіи Чарторыйскаго и базиліанъ были вскорѣ парализованы дѣйствіями комитета, назначеннаго изъ графа Завадовскаго, князя Голицына и архіепископа Красовскаго [1]). Базиліанамъ разрѣшено имѣть публичныя свѣтскія школы подъ контролемъ попечителя Виленскаго учеб-

---

[1]) Архивъ св. синода, д. 1808 г., № 3, 1810 г., № 13. Ср. 1808 г., № 29, 1810 г., № 6. Комитетъ, какъ уже извѣстно, былъ образованъ по высочайшему повелѣнію для разсмотрѣнія проекта о преобразованіи базиліанскаго ордена въ учебное или воспитательное общество.

наго округа (1810 г.), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ базиліанскій орденъ воспрещено было принимать исповѣдующихъ римско-католическую вѣру. Мы увидимъ, что послѣднее постановленіе исполнялось только въ Полоцкой епархіи.

Учрежденное въ 1810 г. главное управленіе по дѣламъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, точно также какъ и министерство юстиціи, которому римско-католическая коллегія до тѣхъ поръ была подчинена, въ теченіе семи лѣтъ не могло добиться приведенія въ порядокъ свѣдѣній о состояніи базиліанскихъ фундушей. Директоръ департамента А. И. Тургеневъ 26-го іюня 1813 г. потребовалъ отъ коллегіи данныхъ объ одномъ монастырѣ, предполагая, что въ ней должны быть акты генеральныхъ визитъ, согласно регламенту 3-го ноября 1798 г. Требованіе Тургенева не могло быть удовлетворено за неимѣніемъ въ коллегіи свѣдѣній [1]).

Безконтрольныя распоряженія настоятелей базиліанскихъ монастырей духовными фундушами влекли за собою растраты, помѣщеніе капиталовъ въ ненадежныя руки или обращеніе доходовъ на дѣло „польской справы", польско-латинской пропаганды. Въ то же время орденское начальство всѣми способами оттягивало взносъ складочныхъ денегъ на содержаніе 15 уніатскихъ клириковъ главной семинаріи, выпрашивало сложеніе накопившихся на ихъ содержаніе недоимокъ, не давало способовъ на устройство и содержаніе епархіальныхъ семинарій и ходатайствовало, вмѣстѣ съ другими католическими орденами, о закрытіи главной семинаріи. Но существованіе главной семинаріи было обезпечено по настоянію князя А. Чарторыскаго [2]), а потомъ поддержалъ ее Шишковъ.

---

[1]) Оказалось, что бывшія въ департаментѣ описи 1798 г., въ 9 большихъ книгахъ, на польскомъ языкѣ, а равно вѣдомости 1806 и 1807 гг., на россійскомъ діалектѣ, по требованію министра юстиціи отосланы къ министру финансовъ. Архивъ св. синода по 2-му департ., 1813 г., № 13.

[2]) Архивъ св. синода 1809 г., № 20, 1813 г., № 21, 1815 г., № 6, 1822 г., № 54. Архивъ мин. нар. просв. „Всякое правительство стремится къ поднятію образованія духовенства, которое по роду своей должности примѣромъ и науками не мало способствуетъ исправленію нравовъ и поддержанію правилъ благочестія". Письмо кн. Чарторыйскаго князю Голицыну 29-го декабря 1818 г. по поводу разнесшихся слуховъ о закрытіи главной духовной семинаріи. Карт. № 1087, № 6559, № 7670, л. 28. Еще см. „De seminario principali Vilnensi" въ отчетѣ о римско-кат. дух. академіи на 1807—08 гг. Новосильцевъ и базиліане хлопочутъ о закрытіи главн. дух. семинаріи въ 1825—1826 гг.; Шишковъ отстаиваетъ ея существованіе.

За одно съ монахами, растрачивавшими достояніе русскихъ завѣщателей, дѣйствовали помѣщики ктиторы. Архіепископъ Красовскій доносилъ во 2-й департаментъ: помѣщикъ Жиркевичъ захватилъ земли и движимое имущество Поцолтовской церкви, помѣщикъ Прушанскій не платилъ процентовъ отъ легаціонной суммы Денасовской церкви, обезпеченной на его имѣніи; шляхтичъ Степанъ Верига занялъ насильственно часть фундушей земли Межовской церкви; ктиторы Зборомирскіе захватили земли Вернинской церкви; помѣщикъ Піора присвоилъ фундушевыя земли Апанасковской церкви; ктиторъ Орѣховской церкви графъ Забѣлло завладѣлъ фундушевою землею, издревле принадлежавшею этой церкви. Чиновники и судьи къ жалобамъ греко-уніатскаго духовенства на неправильное присвоеніе церковныхъ фундушей относились безъ вниманія, задерживали и тормозили дѣла или рѣшали ихъ въ пользу помѣщиковъ [1]). Въ рѣдкихъ случаяхъ, только при особенной протекціи въ столицѣ, бѣдное бѣлое духовенство могло находить покровительство въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и получать удовлетвореніе своимъ справедливымъ жалобамъ. Впослѣдствіи было дознано, что во всѣхъ этихъ дѣлахъ, какъ и въ совращеніи, главными подстрекателями были или іезуиты (въ Бѣлоруссіи), или базиліане (въ Литвѣ, Подоліи и Польшѣ).

Помимо историческихъ документовъ, существовали неотразимые факты, на основаніи которыхъ представители бѣлаго духовенства имѣли основаніе искать защиты у правительства и требвват удовлетворенія отъ базиліанскаго ордена, завладѣвшаго достояніемъ русской греко-уніатской церкви.

Брестскій капитулъ опубликовалъ въ періодическомъ журналѣ, который издавался совѣтомъ главной духовной семинаріи, статистическія свѣдѣнія о греко-уніатскомъ духовенствѣ, о фундушахъ, капиталахъ въ Брестской епархіи [2]). Брестскую епархію въ то время составляли губернія Гродненская, Бѣлостокская область и часть Минской губерніи, уѣзды Слуцкій, Пинскій, Рѣчицкій—Мозырскій. Въ епархіи числилось: монастырей мужскихъ 25 и женскихъ 3, церквей соборныхъ и приходскихъ—539; духовенства: въ 25 монастыряхъ—166 монаховъ и 79 церковнослужителей; въ 539 церквахъ—719 священниковъ и 1785 церковнослужителей; кромѣ того, священническихъ дѣтей—1640. Въ

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1820 г. № 26, 36.
[2]) Дѣян. благотв. 1824 г. т. III, № 12.

капитулѣ Брестскомъ состояло 6 прелатовъ и 12 канониковъ. Консисторія находилась въ Жировицахъ.

Фундушевыя земли и капиталы, а равно доходы между монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ распредѣлялись такимъ образомъ:

	Монастырей.	Церквей соборн. и приход.
Въ Брестской епархіи состояло .	28	539
Земли фундушевой уволокъ. . .	2,144	1,514
или десятинъ. . .	42,880	30,280
Ревизскихъ душъ приписано мужскаго пола	2,825 м. п.	451 м. п.
Суммъ фундушевыхъ въ рубляхъ серебромъ	249,016 р. 37½ к.	23,341 р. 47 к. с.
Годоваго дохода: процентовъ, аннатовъ и съ земли въ руб. сер. . .	62,875 „ 43 „	6,556 „ 50 „ „
Прихожанъ мужскаго и женскаго пола	27,820 м. и ж. п.	515,330 м. и ж. п.

Слѣдовательно причиталось на каждаго:	Земли десятинъ.	Капитала. Въ рубляхъ.	Дохода. Въ рубляхъ.
На монаха	259	1,500	380
„ священника	42	32½	9

Ревизскихъ душъ м. п. приписныхъ на одинъ монастырь: 137, на одну церковь менѣе одной души.

Эти цифры не нуждаются въ комментаріяхъ: ими освѣщается все прошедшее греко-уніатской церкви. Ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не могъ доставить уніатскій департаментъ, въ которомъ должны были сосредоточиваться свѣдѣнія о состояніи духовенства всѣхъ греко-уніатскихъ епархій. Опубликованныя въ 1824 году свѣдѣнія о неравномѣрномъ распредѣленіи фундушей между монашествомъ и свѣтскимъ клиромъ дали сильный толчекъ къ ускоренію разрѣшенія вопроса о закрытіи базиліанскихъ монастырей.

Благодаря присвоенію церковныхъ и соборныхъ фундушей и капиталовъ, базиліанскій орденъ обратился въ крупнаго землевладѣльца, монастыри въ помѣстья, монахи въ помѣщиковъ. Статистическія данныя о Брестской епархіи подтверждали необходимость принятія болѣе рѣшительныхъ общихъ мѣръ для удовлетворенія нуждъ бѣлаго духовенства, которое обвиняло базиліанъ въ расхищеніи достоянія церкви.

III. Упадокъ богословскаго образованія духовенства. Въ упадкѣ богословскаго образованія греко-уніатскихъ священниковъ

и въ недостаткѣ епархіальныхъ семинарій обвинялись епископы, сторонники базиліанскаго ордена.

Въ началѣ царствованія императора Александра I было по счету семь семинарій: одна въ Полоцкой епархіи, двѣ въ Брестской [1]) и четыре въ Луцкой [2]). Полоцкая семинарія, первоначально имѣвшая только одного преподавателя богословія, была устроена, какъ мы знаемъ, Лисовскимъ въ Софійскомъ монастырѣ, благодаря счастливому открытію завѣщанія Михаила Вишневецкаго; Красовскій прилагалъ особенное стараніе къ поддержанію своей епархіальной семинаріи въ хорошемъ, относительно, устройствѣ; въ ней состояло до 70 учениковъ. Брестская семинарія въ Лаврышовскомъ монастырѣ близь Новогрудка не выходила изъ состоянія полнаго упадка; въ ней должно было обучаться 20 клириковъ богословскимъ наукамъ, а въ дѣйствительности числилось человѣкъ 13—15. Семинарія Виленской епархіи, въ Свержанскомъ монастырѣ, имѣла учителемъ одного престарѣлаго монаха и трехъ учениковъ, но случалось, что въ ней не было ни одного ученика. Въ Луцкой епархіи только считалось на бумагѣ четыре семинаріи; тутъ уже не имѣлось ни учителя, ни учащихся; фундуши и капиталы, завѣщанные на семинарію, были растрачены. Въ замѣнъ Луцкой семинаріи положено было обучать нѣсколько семинаристовъ въ Почаевской лаврѣ, но не было дано средствъ ни для помѣщенія, ни для содержанія клириковъ; эту заботу возложили на родителей. Едва въ 1819 г. при епископской каѳедрѣ въ Жидичинѣ устроены классы для ставленниковъ, которыхъ обучали церковнымъ уставамъ, нравственному богословію и ирмолойному пѣнію. И эти классы названы семинаріею [3]).

---

[1]) Въ Лаврышовѣ Новогрудскаго уѣзда и въ Свержани Слуцкаго уѣзда. Въ 1810 г. Свержанская семинарія отошла къ Виленской епархіи.

[2]) Въ Луцкѣ, Житомирѣ, Владимірѣ, Радомыслѣ.

[3]) Архивъ св. синода по 2-му департаменту, д. 1815 г. № 9. Предложеніе кн. Голицына отъ 14-го февраля 1814 г. слушано въ коллегіи 5-го апрѣля 1815 г. Въ Луцкой епархіи не было ни одной семинаріи и потому отъ Мартусевича не поступили вѣдомости, дѣло 1816 г. № 31, 1817 г. № 12. Въ Брестской епархіи ректоръ Околовъ и три учителя базиліане; клириковъ 13; курсъ двухлѣтній; обучаютъ на польскомъ языкѣ богословію догматическому и нравственному и обрядамъ церковнымъ. Въ Полоцкой семинаріи—въ высшемъ отдѣленіи 16 человѣкъ, по окончаніи курса наукъ въ семинаріи, идутъ въ іезуитскую академію для слушанія логики, физики и высшей математики, въ 5 классахъ и приготовительномъ 58 учениковъ, и еще школа пѣвчихъ изъ крестьянъ 7 человѣкъ; ректора нѣтъ; префектъ и 10 преподавателей, изъ нихъ два изъ глав. дух. семинаріи. Дѣло

Итакъ, въ концѣ царствованія императора Александра I въ сущности имѣлась только одна семинарія Полоцкая, которая и давала своей епархіи достаточное число священнослужителей; но и здѣсь преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ и по польскимъ учебникамъ. Греческій языкъ, какъ во всѣхъ латинскихъ школахъ, былъ въ пренебреженіи. Церковно-славянскаго языка не преподавали, можетъ быть, потому, что поступающіе въ семинарію сыновья священниковъ должны были умѣть читать по славянски. О прочихъ трехъ семинаріяхъ, не исключая Жидичинской, съ ея курсомъ для ставленниковъ, можно сказать только, что онѣ неудовлетворяли своей цѣли во всѣхъ отношеніяхъ: по числу учениковъ, по составу учебныхъ предметовъ и по направленію образованія.

Помочь дѣлу образованія бѣлаго духовенства могло только министерство духовныхъ дѣлъ; но министръ князь Голицынъ ничего не сдѣлалъ для духовнаго образованія русскихъ священниковъ, а между тѣмъ оказывалъ свое покровительство иностранцамъ и свѣтскимъ школамъ, бывшимъ въ вѣдѣніи римско-католическихъ монашескихъ орденовъ.

Базиліане изъ своихъ публичныхъ польско-латинскихъ школъ комплектовали новиціаты и богословско-философскія студіи, вопреки указу 1812 года, воспрещавшему пріемъ католиковъ. Въ новиціатахъ и студіяхъ изгнано было преподаваніе русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Изъ базиліанскихъ богословскихъ курсовъ выходили латинскіе фанатики, напитанные ненавистью къ русскому народу, презрѣніемъ къ бѣлому духовенству, неуваженіемъ къ греческимъ церковнымъ обрядамъ. Жившіе въ Виленскомъ базиліанскомъ монастырѣ новиціи и монахи, собранные въ Вильну для посѣщенія богословскихъ курсовъ университета, относились къ уніатскимъ клирикамъ главной семинаріи высокомѣрно, какъ къ схизматикамъ.

Эта измѣна монаховъ греко-уніатской церкви въ русской уніи, это пренебреженіе къ русской національности нашли себѣ возмездіе въ ненависти къ базиліанамъ низшаго бѣлаго духовенства.

Изъ вышеизложеннаго не трудно видѣть, что въ бѣломъ духо-

1820 г. № 19. Въ Жидичинской семинаріи 15 учениковъ и 2 учителя; обучаются нравственной богословіи, церковнымъ обрядамъ, ирмолойному пѣнію. Въ Сверждани 4 ученика. Д. 1821 г. № 18. О суммахъ Брестской (Лаврышовской) и Свержанской семинарій. Въ составѣ фундуша Лаврышовской семинаріи поступилъ капиталъ бывшей Супрасльской семинаріи, упраздненной въ 1809 г.; тогда же фундушъ Супрасльской семинаріи перечисленъ былъ къ Брестской.

венствѣ накопилось множество поводовъ для расторженія сѣтей, которыми базиліане опутали русскую унію и что зависимостью церкви отъ латинизаторовъ болѣе всего тяготились образованные священники русской уніи. Нерасположеніе бѣлаго духовенства къ базиліанамъ, какъ видно изъ многихъ дѣлъ 2-го департамента, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода, приняло враждебный характеръ немедленно, послѣ обнаружившихся попытокъ Булгака, Каминскаго, Смыковича къ возстановленію упавшаго авторитета базиліанскаго ордена.

Было сказано, что одновременно съ измѣненіемъ правительственнаго взгляда на внутреннюю политику въ западной окраинѣ Россіи, въ столицѣ и важнѣйшихъ центрахъ четырехъ епархій появились представители бѣлаго духовенства, одушевленные одною и тою же идеей возрожденія греко-уніатской церкви, замѣтно склонявшей къ латинству. Питомцы главной духовной семинаріи очень хорошо знали, кто заботился постоянно о закрытіи этого заведенія, и кому оно обязано своимъ существованіемъ: они ненавидѣли базиліанъ и становились самыми надежными приверженцами русскаго правительства [1]).

Вспомнимъ, какъ систематически и упорно базиліаны, доминиканы, францисканы и т. д. уклонялись отъ взноса денегъ на содержаніе главной духовной семинаріи и какъ защищалъ ее сначала князь Чарторыйскій, потомъ Голицынъ, наконецъ, истинно-русскій патріотъ Шишковъ. И вотъ эта высшая виленская богословская школа, гдѣ греко-уніаты были смѣшаны съ римскими католиками, и гдѣ всѣ условія благопріятствовали къ латинизаціи уніатовъ, доставила греко-уніатской церкви нѣсколько десятковъ пастырей, способныхъ цѣнить тѣ блага, которыя пріобрѣтены ими въ высшей богословской школѣ, чуждой фанатизма, которымъ заражены были рѣшительно всѣ школы, бывшія въ рукахъ латинянъ и монастырей того времени [2]).

---

[1]) Архивъ синода по 2-му департ., дѣла: 1808 г. начатое въ августѣ 1803 г. объ устройствѣ главн. духовн. семин., 1814 г. № 3, 1815 г. № 6, 1822 г. № 54, 1829 г. № 165 Арх. мин. нр. просв., карт. 1087, № 6559. Въ этихъ дѣлахъ исторія развитія главн. духовн. семинаріи, права, предоставляемыя оканчивающимъ курсъ, вѣдомость окончившимъ курсъ съ аттестаціей, начиная отъ 1-го выпуска въ 1812 г. и до 1829 г. Въ архивѣ мин. нар. просв., д. 1802 г. до 1829 г. № 6559 карт. 1087 и № 17564, находятся документы высокой важности. Можно сказать безошибочно, что базиліане своимъ упорнымъ преслѣдованіемъ главной семинаріи приготовили своему ордену гибель въ уніи. Главными непримиримыми противниками базиліанскаго ордена были окончившіе курсъ этой семинаріи.

[2]) Нельзя не обратить вниманія на слѣдующее замѣчаніе графа Толстаго

Между тѣмъ какъ партія оріенталистовъ съ 1822 года увеличивалась новымъ притокомъ силъ изъ главной духовной семинаріи, въ базиліанскомъ орденѣ, который почти одновременно лишился многихъ своихъ союзниковъ, а именно: іезуитовъ, изгнанныхъ изъ Полоцка, чиновниковъ, стоявшихъ во главѣ управленія министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и самаго могучаго изъ нихъ князя Чарторыйскаго—не могло быть, казалось, ни прежней самоувѣренности, ни оскорбительной дерзости. Но, къ сожалѣнію, базиліане всегда умѣли находить себѣ и защитниковъ, и приверженцевъ въ нашей администраціи того времени. Въ базиліанскія сѣти попалъ, какъ увидимъ, новый попечитель Виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовъ, именно въ то время, когда правительство выразило намѣреніе поддержать бѣлое духовенство въ его законныхъ желаніяхъ [1]).

IV. Искаженіе греческихъ обрядовъ въ богослуженіи. Въ искаженіяхъ греческихъ обрядовъ въ церковной уніи непосредственными виновниками были базиліане. Это потверждается, между прочимъ, и богослужебными книгами, которыя печатались въ базиліанскихъ типографіяхъ Виленской (при Свято-Троицкомъ монастырѣ) и Почаевской.

по поводу главной духовной семинаріи: „Подобное учрежденіе, уничтожая отличительныя черты бѣлаго греко-уніатскаго духовенства, должно было бы олатинить ихъ на подобіе базиліанъ; но судьбы Божіи неисповѣдимы, и мы видимъ, что именно изъ этой школы вышли пастыри греко-уніатской церкви, которые привели унію къ ея первому источнику—къ церкви восточной“ (Le Cathol. Rom.). Обстоятельство это легко объясняется ходомъ исторіи этого института и направленіемъ богословскаго образованія. А въ разсматриваемое время, въ 1820—1827 гг., требовалось особенное усердіе, такъ какъ дѣло шло о спасеніи греко-уніатской церкви отъ латинизаціи, которая дѣлала столь большіе успѣхи при Александрѣ I. Мы уже назвали тѣхъ воспитанниковъ главной духовной семинаріи, которые съ 1822 года занимали выдающееся положеніе въ іерархіи греко-уніатской церкви. О главной семинаріи, ея образцовомъ устройствѣ и замѣчательномъ благородствѣ духа ея воспитанниковъ писали многіе ея питомцы. Весьма важныя указанія объ этомъ заведеніи читатель найдетъ въ ст. *П. Жуковскаго*: „О профес. бог. фак. Вил. унив. въ наст. столѣтіи“, *Христ. Чтеніе* 1888 г. №№ 3 и 4. Но еще далеко не отдано должнаго этому разсаднику просвѣщенныхъ представителей греко-уніатской церкви въ эпоху ея возсоединенія съ православіемъ.

[1]) *Лит. епарх. вѣд.* 1888 г. № 39: „Попечитель Новосильцевъ въ сѣтяхъ базиліанской интриги“. *П. Жуковича.*

Описывать послѣдовательное отступленіе русскихъ греко-уніатовъ отъ греческихъ обрядовъ при польскомъ правительствѣ, значило бы повторять всю исторію насильственныхъ дѣйствій польскаго правительства, начиная съ самого появленія уніи въ странахъ русскихъ, издревле православныхъ. Базиліанскій орденъ избранъ былъ орудіемъ, пользуясь которымъ, Римская курія, опираясь на латинянъ, особенно на іезуитовъ, заставляла невѣжественное, лишенное духовнаго просвѣщенія, уніатское бѣлое духовенство подражать обрядамъ Римской церкви. Эти насилія вели къ постояннымъ раздорамъ, вызывали смуты и не разъ угрожали гибелью польскому государству. Какъ бы то ни было, подражаніе обратилось въ привычку, закрѣпилось обычаями, такъ что нарушеніе уніатскихъ обрядовъ стало грѣхомъ. Послѣ возвращенія западныхъ областей (Бѣлоруссіи, части Литвы, Подоліи и Волыни) къ Россійской имперіи, стали считать плохимъ уніатомъ того, который не соблюдалъ установившихся обычаемъ обрядовъ, въ сущности-же представлявшихъ смѣсь греческаго богослуженія съ римскимъ и съ добавкою польскихъ пѣснопѣній.

Одновременно съ искаженіями греко-славянскаго богослуженія измѣнялось и внутреннее устройство церкви по образцу римско-католическихъ: снимались царскія врата и иконостасы, уничтожались пѣвчіе и вводились органы, въ богатыхъ монастыряхъ содержались даже хоры музыкантовъ и т. д. Величественное церковно-славянское богослуженіе замѣнялось театральными эффектами, дѣйствовавшими на чувство и воображеніе. Такъ, изъ подраженія латинянамъ, до начала литургіи прихожане въ церкви пѣли общимъ хоромъ по польски: „Godzinki rożancowe“, сочиненіемъ которыхъ особенно были заинтересованы жировицкіе базиліане. Въ началѣ литургіи священникъ возглашалъ по латыни: „O salutaris Hostia“, далѣе шла литургія на церковно-славянскомъ языкѣ по служебнику Кіевской, Острожской, Супрасльской, Виленской или Почаевской печати, иногда съ измѣненіями молитвословія. По окончаніи литургіи, снова возглашалось по латыни: „Salvum fac populum tuum“. Наконецъ, всѣ присутствующіе на польскомъ языкѣ пѣли общую молитву, подъ названіемъ „Suplikacia“. Греко-славянская литургія на величественномъ древнемъ языкѣ нашихъ предковъ обращалась такимъ образомъ въ трехъязычную.

Но эти же самые латиняне, такъ исказившіе греческое богослуженіе въ русской уніи, не допускали въ латинской мессѣ никакихъ добавокъ на старо-славянскомъ языкѣ.. Въ ней допускалось только

пѣніе польскихъ молитвъ. Въ служебникахъ, которые печатались въ Почаевской базиліанской типографіи, прибавлялись молитвословія не свойственныя греческому обряду и даже неприличныя, а равно миссіонерскія пѣсни, превозносившія римскую вѣру, считая всѣ прочія еретическими.

Едва прекратилось владычество поляковъ надъ Западною Русью, какъ въ болѣе просвѣщенной части бѣлаго духовенства пробудилось стремленіе къ возстановленію чистоты греко-славянскихъ обрядовъ и уставовъ. Этимъ настроеніемъ еще въ концѣ прошлаго вѣка воспользовался архіепископъ Лисовскій въ Бѣлоруссіи, но, къ сожалѣнію, его реформы были пріостановлены вмѣшательствомъ и интригами іезуитовъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши это же настроеніе воодушевляло многихъ сельскихъ пастырей Брестской епархіи, особенно старѣйшихъ, у которыхъ еще не остыли преданія отцовъ, или которые имѣли случай непосредственно ознакомиться съ уставомъ греческой церкви. Во всякомъ случаѣ сознаніе необходимости возстановленія чистоты обрядовъ въ русской уніи по точному смыслу греческаго устава, никогда не умирало въ значительной части бѣлаго духовенства; многіе извѣстные факты указываютъ, что строгое соблюденіе греческихъ обрядовъ ставилось въ заслугу священникамъ въ нѣкоторыхъ благочиніяхъ, на которыя старшее духовенство ссылалось какъ на примѣръ достойный подражанія; въ нѣкоторыхъ приходахъ имѣлись даже школы, въ которыхъ дѣтей тщательно обучали славянской грамотѣ и церковному пѣнію (напримѣръ, въ Клещеляхъ).

Поднятый вопросъ объ улучшеніи быта низшаго духовенства въ уніи до 1822 г. не находилъ должной поддержки въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ. Поэтому протесты Брестскаго капитула, жалобы Сосновскаго и другихъ встрѣчали неудовольствіе со стороны митрополита Булгака и усиливали только дерзость базиліанскихъ монаховъ, особенно въ Литовской провинціи. Базиліане, пользуясь покровительствомъ митрополита и князя А. Н. Голицына, были полными хозяевами и въ коллегіи, и въ провинціяхъ. Консисторіи обречены были на молчаніе. Вопросъ о реформахъ церкви, которыхъ добивалась извѣстная часть бѣлаго духовенства Брестской епархіи, оставался до 1822 года безъ всякаго движенія и многія дѣла, начатыя при Лисовскомъ, лежали подъ спудомъ въ канцелярскомъ архивѣ 2-го департамента.

Въ типографіи Виленской въ XIX вѣкѣ базиліане перестали даже

печатать церковно-славянскія или русскія книги. Въ нихъ печатались книги почти исключительно латинскія и польскія. Виленская типографія напечатала даже извѣстную программу съ цѣлію собранія статистическихъ свѣдѣній по приходамъ, которыми интересовались двигатели польской пропаганды. Обвиненъ былъ цензоръ, профессоръ Голянскій, а хозяева типографіи, базиліане, прикрылись клеветою и интригою. Пострадали люди ни въ чемъ неповинные, главные же виновники прикрыты были Пеликаномъ и нашли себѣ ходатая въ лицѣ попечителя Новосильцева.

Для представителей бѣлаго духовенства Брестской епархіи, зорко слѣдившихъ за дѣйствіями базиліанъ въ Вильнѣ и Жировицахъ не могло быть тайною состояніе греко-уніатской церкви въ странахъ католическихъ. Приходскіе уніатскіе священники въ Австріи получали опредѣленные оклады содержанія, и въ случаѣ надобности имъ выдавались пособія изъ вспомогательнаго капитала. Замѣщеніе открывающихся вакансій зависѣло отъ власти епископовъ, а не отъ ктиторовъ или патроновъ, какъ было у уніатовъ въ Россіи. Въ епископы назначались исключительно прелаты и каноники изъ свѣтскаго духовенства, получившаго образованіе въ семинаріи, устроенной Іосифомъ II, исключительно для бѣлаго духовенства [1]). Слѣдовательно, положеніе уніатовъ въ католической Австріи было болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ въ православной Россіи: здѣсь они были на пути къ поголовному совращенію въ латинство.

Но что̀ достойно особеннаго вниманія, такъ это сохраненіе въ чистотѣ греко-славянскаго богослуженія и неприкосновенности греко-славянскихъ обрядовъ у австрійскихъ славянъ, состоявшихъ въ уніи съ Римскою церковью. Въ этомъ отношеніи русскіе уніаты со скорбію должны были сознаться въ своей отсталости.

Вышеизложенное даетъ основаніе къ такому заключенію: базиліанскій орденъ не былъ единственнымъ препятствіемъ къ реформамъ уніи и къ улучшенію быта бѣлаго греко-уніатскаго духовенства. Его преобладаніе въ греко-уніатской церкви, сильно пошатнувшееся при Лисовскомъ, пытался возстановить митрополитъ Булгакъ, въ чемъ

---

[1]) Эти свѣдѣнія сообщены были профессоромъ Бобровскимъ, который, какъ видно изъ его работы заграницею, болѣе всего интересовался религіозными вопросами у западныхъ и южныхъ Славянъ Европы. См. тоже: *Tolstoy*, Le Cathol. Rom., II, p. 375, 376.

отчасти и успѣлъ, благодаря поддержкѣ министра кн. А. Н. Голицына и попечителя кн. Чарторыйскаго. Еслибы были исполнены высочайшіе указы о закрытіи монастырей 1795 и 1807 гг., еслибы не оставались мертвою буквою правительственныя распоряженія о непринятіи въ базиліанскій орденъ римскихъ католиковъ, еслибы за монахами католическихъ орденовъ, равно какъ и базиліанскихъ, не были закрѣплены права на образованіе свѣтскаго юношества, то орденъ долженъ былъ бы прекратить свое существованіе еще при Александрѣ I. Изгнаніе іезуитовъ въ 1820 г. и реакція, наступившая въ высшей правительственной системѣ по отношенію западныхъ губерній съ 1821 года, лишили и польскую партію, и базиліанъ тѣхъ силъ, подъ охраною которыхъ въ продолженіе четверти столѣтія, разстраивались планы, отъ кого бы они ни исходили, клонившіеся къ ослабленію постороннихъ вліяній на управленіе дѣлами греко-уніатской церкви.

Но и въ послѣдующій періодъ исторіи мы увидимъ горячихъ ходатаевъ за латинизаторскій институтъ въ русской уніи. Въ предложеніи князя А. Н. Голицына отъ 28-го сентября 1822 года (№ 3376) намѣчены были слѣдующія правительственныя задачи: 1) упраздненіе излишнихъ базиліанскихъ монастырей; 2) учрежденіе семинарій для бѣлаго духовенства; 3) образованіе общаго вспомогательнаго капитала для пособія бѣднымъ церквамъ и монастырямъ; 4) обезпеченіе главной духовной семинаріи и 5) назначеніе капитала на содержаніе въ Петербургѣ уніатскаго подворья. Въ этомъ предложеніи нѣтъ ни слова о возстановленіи греческаго обряда, народами русскаго племени свято почитаемаго. И этотъ пробѣлъ создалъ новыя затрудненія. Но это не все. Въ частностяхъ предложенія заключаются важнѣйшіе пункты петицій Брестскаго капитула, но въ общемъ духѣ предложенныхъ на разрѣшеніе задачъ проглядываетъ также намѣреніе беречь институтъ базиліанъ и сохранить за нимъ впредь право на общественное образованіе свѣтскаго и духовнаго юношества. Этою двойственностью программы министра кн. Голицына базиліане воспользовались, и мы увидимъ, какія затрудненія они создали правительству, когда представители бѣлаго духовенства приступили къ выполненію министерской программы въ епархіяхъ, какую пассивную роль должны были играть, при ея исполненіи, 2-й департаментъ римско-католической коллегіи и само министерство духовныхъ дѣлъ, переименованное въ 1824 г. въ главное управленіе ино-

странныхъ исповѣданій. Между тѣмъ, послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи въ 1820 г., базиліанскій орденъ утратилъ способность къ самобытному существованію въ Русской греко-уніатской церкви и не имѣлъ права на существованіе въ Русскомъ государствѣ, какъ латинизаторскій институтъ, созданный въ началѣ XVII в. для разрушенія народныхъ стихій русскихъ племенъ бывшей Польской республики. Это сознавали представители бѣлаго духовенства, вынужденные силою вещей вступить въ рѣшительную борьбу съ базиліанами для защиты своихъ правъ, съ которыми непосредственно были связаны интересы русской церкви съ ея греко-славянскимъ богослуженіемъ.

VI

Ближайшіе поводы къ реакціи въ духовномъ и общественномъ образованіи въ западной Россіи.—Библейскіе комитеты и благотворительныя учрежденія. — Масонскія ложи и тайныя общества.

Событія 1820 и 1821 годовъ неожиданно измѣняютъ отношеніе правительства къ западнымъ губерніямъ. Въ 1822 году назрѣла необходимость рѣшительныхъ мѣръ къ измѣненію положенія русскихъ греко-уніатовъ.

Примѣненіе принциповъ Священнаго союза къ общественному воспитанію и духовному образованію народа отозвалось вредными послѣдствіями на народныхъ русскихъ стихіяхъ въ западныхъ губерніяхъ Россіи, составлявшихъ Виленскій учебный округъ, и, напротивъ, оказало большія услуги полонизаціи русскихъ племенъ, населяющихъ области, отошедшія отъ Польши по раздѣламъ и Тильзитскому миру.

Филантропическая пропаганда британцевъ, стремившихся къ овладѣнію путями всемірной торговли, благодаря пораженію Наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи и успѣхамъ войнъ за освобожденіе Германіи отъ французскаго ига, дѣлали быстрые успѣхи, послѣ того когда Священный союзъ, заключенный въ Парижѣ 14-го—26-го сентября 1815 г., утвердилъ на своемъ знамени братскую любовь между народами на началахъ святой вѣры. „Милосердіе (benevolence)“, утверждали адепты британскаго библейскаго общества,—„не отвращаетъ своихъ очей отъ всякаго человѣческаго существа, какъ бы ни было оно низко по своему общественному положенію. Филантропія помнитъ о рабахъ и во всѣхъ націяхъ смотритъ на раба, какъ на брата (a human brother); она уважаетъ въ немъ священныя права человѣка и требуетъ

для него, не въ видѣ благодѣянія, а какъ принадлежность, ту свободу, безъ которой человѣчество подвергается порчѣ (humanity withers), безъ которой человѣкъ, какъ созданіе Бога, обращается въ животное. Благотворительность теперь проникаетъ во всѣ земли и за океаны; она переноситъ наши благодѣянія до предѣловъ вселенной, она просвѣщаетъ трущобы дикаго фанатизма и соединяетъ всѣ народы священными узами единой любви. Такія универсальныя стремленія составляютъ характеристическую черту нашего вѣка. Съ нею неразлучна свобода торговли. Свобода торговли! Это простая обязанность, прямой интересъ рода человѣческаго. Уничтожить всѣ заставы, которыя препятствуютъ свободному обмѣну, открыть во всѣхъ частяхъ вселенной свободные порты—такова забота людей просвѣщенныхъ... Свобода людей, свобода портовъ, легкія сообщенія между людьми, свободными какъ вѣтры. И это не пустыя мечты филантропіи: мы идемъ къ этой цѣли, постараемся ускорить нашу поступь".

Такова подкладка филантропіи знаменитаго Британскаго библейскаго общества, втянувшаго въ свои человѣколюбивыя сѣти могущественную Россію въ концѣ 1812 года.

Поэтому прежде чѣмъ перейдемъ къ новому періоду греко-уніатской церкви, который начинается вышеупомянутымъ предложеніемъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 2-му департаменту римско-католической коллегіи, отъ 28-го сентября 1822 года, необходимо объяснить по возможности тѣ именно явленія, которыя возникли въ западныхъ губерніяхъ подъ вліяніемъ британской филантропіи и имѣли связь или прямое отношеніе къ быту русскихъ греко-уніатовъ, какъ хранителей русской народности на западной окраинѣ Россіи.

Мы говорили о развитіи латино-польской пропаганды въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа и упоминали о благотворительныхъ кружкахъ, ланкастерскихъ школахъ и студенческихъ обществахъ. Всѣ эти учрежденія и даже самыя общества находятся въ связи съ дѣятельностью библейскихъ обществъ, созданныхъ по мысли Священнаго союза и по духу британской филантропіи. Примѣненіе къ коренному населенію западныхъ губерній просвѣтительныхъ началъ Священнаго союза, заключеннаго между Россіей, Пруссіей и Австріей, принесло много зла въ томъ отношеніи, что облегчило способы и усилило средства къ небывалому развитію латино-польской пропаганды.

Достиженіе возвышенныхъ цѣлей союзнаго акта о непоколебимой рѣшимости правительствъ руководствоваться во внутреннемъ управленіи и въ международныхъ сношеніяхъ началами святой вѣры, справедливости, мира и любви къ ближнему, какъ средствомъ для улучшенія недостатковъ грѣховнаго человѣчества, послужило, какъ извѣстно, основаніемъ для дѣятельности учрежденнаго въ 1817 г. министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]). Казалось, благотворительность должна бы начаться съ освобожденія крѣпостныхъ людей отъ рабской зависимости польскихъ дворянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ актахъ трехъ союзныхъ державъ всѣ народности признаны единымъ христіанскимъ народомъ, а ихъ государи—„братьями, управляющими тремя вѣтвями единой семьи, для котораго нѣтъ другаго владыки, кромѣ Того, Кому единому подобаетъ владычество, ибо въ Немъ одномъ заключаются всѣ сокровища любви, знанія и безконечной мудрости, то-есть, Бога, нашего Спасителя, Іисуса Христа, Слова жизни“ [2]).

Наши библейцы старались буквально исполнить задачи Священнаго союза и не отступать отъ идеаловъ любви и братства британскихъ библейцевъ. Ближайшею цѣлью нашего библейскаго общества, охватившаго всю Россійскую имперію, было распространеніе книгъ, въ которыхъ заключается чистѣйшій источникъ просвѣщенія. Россійское библейское общество [3]) съ своимъ комитетомъ, открытымъ въ Петербургѣ 11-го января 1813 г. (въ домѣ кн. Голицына), должно было служить средствомъ для распространенія книгъ Св. Писанія на языкахъ каждаго народа. Ихъ надобно распространять въ томъ видѣ, какъ они даны, безъ всякихъ толкованій, которымъ комментаторы даютъ смыслъ сообразно съ своею системою. Общество должно дать

---

[1]) „Для главнаго управленія училищъ Священный союзъ получилъ значеніе догмата, краеугольнаго камня, на которомъ оно стремилось, по собственнымъ его словамъ, создать систему народнаго просвѣщенія въ Россіи“. *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи народн. просв. въ Россіи, II, стр. 8.

[2]) Тамъ же, стр. 9. Nouveau recueil de traités d'alliance de paix, de trêve, de neutralité etc. Par *Martens*. 1818, t. II, p. 656—659.

[3]) *Пыпинъ*. Русское библ. общество. *Вѣстн. Европы* 1868 г., тт. IV, V, VI. Оно возымѣло свое дѣйствіе 6-го декабря 1812 г., когда императоръ утвердилъ докладъ главнаго управляющаго духовными дѣлами иностр. исповѣданій кн. Голицына. Къ проекту приложены правила или уставъ общества. См. т. IV, стр. 658 и слѣд.

возможность каждому христіанину, какого бы исповѣданія онъ ни былъ, воспринять благодатное дѣйствіе священныхъ книгъ, послѣднія же сдѣлаютъ изъ каждаго то, чѣмъ онъ долженъ быть по своей природѣ. Въ самомъ разнообразіи народныхъ стихій должно быть единство, которое открывается всюду и въ исторіи народовъ, и къ этому единству должно стремиться для счастья церкви и блага государства.

Въ Россійское библейское общество устремились свѣтскіе и духовные представители администраціи всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Съ 1817 года, когда президентъ общества князь А. Н. Голицынъ сталъ главою учрежденнаго, по мысли Священнаго союза, министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вице-президенты, директора и члены библейскихъ обществъ (открывавшихся во всѣхъ губерніяхъ) заняли высшія административныя мѣста въ главномъ правленіи училищъ, были попечителями учебныхъ округовъ; секретари общества стали директорами департаментовъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]). Изъ студентовъ университетовъ и воспитанниковъ лицеевъ и другихъ учебныхъ заведеній составлялись библейскія сотоварищества, христіанскія собранія. „Въ чтеніи Св. Писанія, которое распространяется у насъ (сказано въ рѣчи президента 27-го сентября 1819 г.) и между поселянами, ищутъ духовной пищи солдаты и матросы, Библія становится правиломъ жизни внутри семействъ, чтеніе Св. Писанія вводится по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, а такое основаніе послужитъ къ насажденію благочестія въ душахъ возростающаго поколѣнія, къ созиданію царства Христова на землѣ“. Увлеченія библейскихъ обществъ заходили такъ далеко, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались даже дѣтскія сотоварищества, и ихъ открытіе сопровождалось серьезною торжественностью...

---

[1]) Такъ, члены правленія училищъ и ученаго комитета Н. И. Фусъ, графъ Лаваль, А. С. Стурдза, потомъ И. И. Мартыновъ, Адеркасъ были членами главнаго библейскаго комитета или ревностными „благотворителями“. Попечители университетовъ и учебныхъ округовъ: Дерптскаго—баронъ (потомъ графъ) К. Л. Ливенъ, Казанскаго—М. Л. Магницкій, Харьковскаго — З. Я. Карнѣевъ Московскаго — князь А. П. Оболенскій, Петербургскаго — Д. П. Руничъ, были вице-президентами или директорами; директора департаментовъ: духовныхъ дѣлъ—В. М. Поповъ и народнаго просвѣщенія—А. И. Тургеневъ были секретарями библейскаго общества. Пыпинъ, *Вѣстникъ Европы*, 1868 г., т. 5, стр. 288. Сравн. *Шмидъ*, Исторія средн. учебн. заведеній; *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи образованія въ царствованіе Александра I.

Въ составъ Россійскаго библейскаго общества, энергически поддерживаемаго Британскимъ, съ самаго основанія вошли самые разнообразные элементы, православные и иновѣрцы, свѣтскіе и духовные. Привлеченъ былъ и митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи Сестренцевичъ, а затѣмъ римско-католическое духовенство и дворянство западныхъ губерній. Въ своемъ окружномъ посланіи по римско-католическимъ епархіямъ митрополитъ призывалъ римско-католическое духовенство и прихожанъ къ участію въ приношеніяхъ на изданіе книгъ Священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта.

Въ августѣ 1816 года президентъ Россійскаго библейскаго общества князь А. Н. Голицынъ побуждалъ всѣхъ губернаторовъ западныхъ губерній и Бѣлостокской области къ открытію библейскихъ обществъ, согласно съ высочайше утвержденными правилами. Вотъ что писалъ князь Голицынъ 11-го сентября 1816 года Гродненскому губернатору Станиславу Урсину-Нѣмцевичу: „Имѣю честь поручить особенному вниманію вашему подателя сего письма г. Пинкертона, члена Россійскаго библейскаго общества, который, возвращаясь въ Россію изъ своего путешествія, будетъ проѣзжать черезъ губернію, ввѣренную вашему управленію. Онъ принялъ на себя обязанность оказывать содѣйствіе видамъ и намѣреніямъ означеннаго общества, единственная цѣль котораго, какъ извѣстно, состоитъ въ распространеніи Библіи или книгъ Св. Писанія ветхаго и новаго завѣта. Эта цѣль, столь полезная для общественнаго блага, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманія каждаго, кто только умѣетъ достойно чтить чтеніе Слова Божія и кто только убѣжденъ искренно, что оно способствуетъ привитію чистыхъ понятій и почитанія Бога для временнаго и вѣчнаго спасенія. Помощь, оказанная Пинкертону съ вашей стороны, обяжетъ насъ живѣйшею благодарностью“ [1]).

Въ воззваніи къ обывателямъ, то-есть, собственно къ помѣщикамъ

---

[1]) O Towarzystwie Bibliynym—Wiadomosć dla obywateli Guberni Grodzieńskiej. Grodno. 1816.—На оборотѣ заглавнаго листа: „Dozwalasi drukować etc. dnia 12 Listopada 1816. Grodno. Piotr Wysoczyn Policm.: M. G. Въ 16-ю долю, страницъ 14. Слово „obywatel“ на польскомъ языкѣ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: *гражданинъ*, но чаще *дворянинъ*, *помѣщикъ*, собственно владѣлецъ недвижимаго имущества. По духу изложенія видно, что воззваніе Гродненскаго губернатора имѣло въ виду исключительно *помѣщиковъ*, власть которыхъ надъ крестьянами по Литовскому статуту была почти неограниченна. Улучшенія послѣ

(Wiadomość dla obywateli) Гродненской губерніи объяснено, между прочимъ, время возникновенія Британскаго библейскаго общества въ 1804 году, его составъ, изъ пяти членовъ, и его быстрое распространеніе: спустя десять лѣтъ число членовъ превзошло 50,000 человѣкъ, а ежегодный доходъ достигъ болѣе 80,000 фунтовъ стерлинговъ. До 1814 года на разныхъ языкахъ европейскихъ, африканскихъ, азіатскихъ и американскихъ распространено 1.026,850 экземпляровъ Библій. Наиболѣе ревностные члены этого общества развивали свою предпріимчивость въ странахъ, населенныхъ дикими язычниками, изучали ихъ языкъ и успѣшно распространяли между ними слово Божіе. Между тѣмъ какъ Лондонское общество распространило свою дѣятельность въ четырехъ частяхъ свѣта, „Россія, оживленная подъ скипетромъ своего благословеннаго монарха и согрѣтая его горячею любовью къ религіи“, сказано въ воззваніи,—„основавъ въ 1812 году (въ декабрѣ) библейское общество въ С.-Петербургѣ и отдѣленія въ Москвѣ, Ревелѣ, Ярославлѣ, Ригѣ, Дерптѣ и другихъ губерніяхъ, сознаетъ, какую громадную пользу можетъ принести чтеніе евангельскихъ истинъ всей націи въ совокупности и каждому человѣку въ частности“. Затѣмъ, упомянувъ о несчастіяхъ, постигшихъ Францію съ конца XVIII вѣка, нынѣ возвращающуюся къ признанію евангельскихъ истинъ, воззваніе обращается съ призывомъ къ „обывателямъ“ Гродненской губерніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Всегда правовѣрный народъ польскій (sic) не унижалъ себя отступничествомъ отъ Бога; особливо вы, обыватели Гродненской губерніи, сохраняли и сохраняете подобающее почитаніе вѣры вашихъ предковъ. Можно надѣяться, что вы не дадите никому опередить себя въ заложеніи библейскаго общества и посвятите охотно частицу вашихъ доходовъ Тому, отъ Котораго все получили... Открываемое нынѣ Гродненское библейское общество призываетъ васъ, братья во Христѣ, обыватели, къ единенію и взаимной помощи. Помѣщаемый ниже уставъ ближе ознакомитъ васъ съ условіями и требованіями, посредствомъ которыхъ мы можемъ достигнуть предполагаемой цѣли“ [1]).

перваго раздѣла были слишкомъ ничтожны. Литовскій статутъ дѣйствовалъ въ западныхъ губерніяхъ до 1840 года.

[1]) O Towarzystwie Bibliynym, str. 1—7. Далѣе приложены правила, переведенныя съ русскаго языка на польскій. Русскій оригиналъ подписали: Президентъ Росс. библ. общества князь Александръ Голицынъ и секретарь Василій Поповъ и Александръ Тургеневъ.

Воззваніе губернатора обращается къ жителямъ Гродненской губерніи, какъ къ полякамъ, называетъ ихъ народомъ польскимъ; такого грубаго анахронизма какъ бы не замѣчаетъ правительственная власть, она не знаетъ того, что въ составѣ населенія Гродненской губерніи, собственно обыватели польскіе, подъ которыми „воззваніе" понимаетъ вообще польскую и ополяченную шляхту, составляли тогда не болѣе десятой части, и что главная масса населенія, болѣе 60%, состояла изъ бѣлоруссовъ (въ сѣверныхъ уѣздахъ), черноруссовъ (въ среднихъ) и малороссовъ (въ южныхъ). Не трудно разгадать, какъ поняли „предполагаемую цѣль" польскіе обыватели, призываемые къ единенію во имя Христа мѣстнымъ представителемъ Россійскаго библейскаго общества. Мы увидимъ, что эти же самые польскіе обыватели, особенно молодое поколѣніе, ограниченные въ произволѣ своей господской власти надъ крѣпостными русскими людьми указомъ 1818 года, превратились съ 1819 года частью въ усердныхъ распространителей политической пропаганды въ роли масоновъ, членовъ благотворительныхъ и библейскихъ обществъ, а затѣмъ масоны образовали тайныя общества.

Почти одновременно съ Гродненскимъ отдѣломъ открытъ Виленскій отдѣлъ Россійскаго библейскаго общества. Скажемъ о немъ подробнѣе. 23-го октября 1816 года, подъ предсѣдательствомъ Литовскаго военнаго губернатора Римскаго-Корсакова, въ Вильнѣ было чрезвычайное собраніе изъ старшихъ представителей духовенства различныхъ исповѣданій, чиновниковъ, дворянства, членовъ университета, городскихъ обывателей, въ присутствіи того же члена библейскаго общества Пинкертона. Послѣ объясненія цѣли и задачъ общества по распространенію Св. Писанія, собраніе выразило желаніе объ открытіи въ Виленской губерніи столь благодѣтельнаго учрежденія. Послѣ составленія списка членовъ, собраніе приступило къ избранію вице-президента и директоровъ, составившихъ „библейскій Виленскій комитетъ". Комитетъ, снесясь съ президентомъ главнаго петербургскаго комитета, получилъ инструкцію или правила, на основаніи которыхъ было отпечатано пригласительное воззваніе къ жителямъ, розданное директорамъ комитета, а равно предводителямъ дворянства [1]).

---

[1]) Впослѣдствіе издана была на польскомъ языкѣ особая книжечка: „Wezwanie od Komitetu Towarzystwa Bibliynego Rossyyskiego", которая раздавалась безплатно желающимъ и всякому при покупкѣ Св. Писанія. Въ этой книжкѣ (изд. въ Вильнѣ въ 1820 г., въ 16-ю долю), за подписью профессора Августа Бекю

При содѣйствіи прелата Цывинскаго, исполнявшаго должность администратора Виленской римско-католической епархіи, благочинные и приходскіе священники римско-католическихъ приходовъ обязались собирать подписи на пожертвованія.

Комитетъ Виленскаго отдѣла составляли вице-президенты: военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ, епископъ Жмудскій князь Гедройцъ, графъ Адамъ Хрептовичъ, графъ Михаилъ Плятеръ-Зибергъ, директора: архимандритъ Іоилъ, старшій членъ евангелическаго общества Николаи, старшій членъ евангелическо-реформатскаго общества Речинскій, литовскій почтъ-директоръ Андрей Бухарскій, губернскій предводитель дворянства Ѳеодоръ Роппъ, виленскій вице-губернаторъ Горнъ, предсѣдатель главнаго суда Антоній Храповицкій, графъ Фердинандъ Плятеръ, предсѣдатель 1-го департамента главнаго суда Іосифъ Бѣлинскій, виленскій прокуроръ Ботвинко, троцкій уѣздный предводитель дворянства Казиміръ Стравинскій, коллежскій совѣтникъ Ходолей, кассиръ Антоній Марциновскій и секретарь Августъ Бекю [1]).

Отечественнымъ языкомъ, на которомъ должны быть издаваемы книги Св. Писанія для жителей Виленской губерніи, офиціально признанъ былъ языкъ польскій [2]). На этомъ основаніи книги Св. Писанія

(стр. 15), всякій призывается имѣть у себя Библію. Если не имѣешь ея, старайся пріобрѣсти, чтобы получить спасеніе. Присмотрись безпристрастно и увидишь, что въ этой книгѣ заключается та мудрость, которая пребудетъ во вѣки, между тѣмъ *прочія книги*, написанныя людьми, какъ и всѣ ихъ науки, хотя и нужны, но только временно. О сколько несчастной *нашей братіи* погибло въ нищетѣ и недостаткѣ, въ грѣхахъ и развратѣ, оттого, что не зная Библіи, не читая слова Божія, предавались лѣности и всякимъ порокамъ и никто ихъ не просвѣтилъ... Итакъ, спѣши купить Библію, читай ежедневно и т. д. Это воззваніе, само по себѣ невинное, питало воображеніе читателя, обученнаго польской грамотѣ, въ извѣстномъ направленіи. Упоминаемый Бекю, какъ увидимъ, игралъ двусмысленную роль въ университетѣ при Новосильцовѣ.

[1]) Drugie zdanie sprawy z działań komitetu oddziału Wileńskiego Towarzystwa Bibliynego Rossyjskiego. Wilno. 1821, str. 36, 37. Въ концѣ: „Członkowie komitetu oddziału Wileńskiego“.

[2]) „Oyczystym językiem gubernii Wileńskiey jest język Polski (sic), ta znakomita odnoga wielkiego oceanu Słowianszczyzny“. Pierwsze posiedzienie publiczne, str. 31. Здѣсь очевидная фальшь. Въ составъ Виленской губерніи тогда входила и нынѣшняя Ковенская. Большинство составляли *бѣлоруссы*, исповѣдывавшіе большею частью греко-уніатскую вѣру, *литовцы* и *жмудь*, послѣдователи римско-католической церкви, евреи и малочисленные нѣмецкіе колонисты. Только дворянство и римско-католическое духовенство, а равно базиліане монахи, относили себя къ полякамъ. Слѣдовательно, для *туземцевъ*, то-есть, для значительнаго большинства, *отечественнымъ* языкомъ не могъ быть польскій.

должны быть издаваемы на польскомъ языкѣ. Изъ отчетовъ Виленскаго отдѣла узнаемъ, что извѣстные три перевода всей Библіи для римско-католической церкви—Леополита, ученаго изъ Кракова, Юстина Рабе (Iustus Rabe), іезуита и духовника Сигизмунда III, и іезуита, родомъ мазовшанина, Якова Вуйка. Полная Библія Леополита имѣла три изданія, 1561, 1574 и 1577 годовъ. Переводъ польской Библіи Рабе имѣлъ два изданія, въ 1617 и 1657 годахъ. Третій переводъ всей Библіи, согласно съ текстомъ Вульгаты, исполненъ Вуйкомъ по порученію папы Григорія XIII и утвержденъ папою Климентомъ XIV: сперва, въ 1593 г., въ Краковѣ изданъ переводъ Новаго Завѣта, затѣмъ въ 1599 г. вышло второе изданіе безъ всякихъ замѣчаній (слѣдующія изданія были въ 1617 и 1647 гг.), а въ 1599 г., въ Краковѣ же (въ печатни Лазаревой), вышла полная польская Библія Вуйка, которая имѣла еще два изданія: въ 1740 г. (съ латинскимъ контекстомъ) и въ 1806 г. Новый Завѣтъ польскаго перевода Вуйка былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ, въ 1815 году, въ типографіи морской, по распоряженію Россійскаго библейскаго общества. Вообще въ теченіе 250 лѣтъ на польскомъ языкѣ было изданій для римско-католическаго исповѣданія: Библій 8, Новаго Завѣта 8, въ числѣ не свыше 15,000 экземпляровъ, а съ изданіемъ петербургскимъ, 20,000 экземпляровъ. Въ виду ограниченнаго числа изданныхъ Библій на польскомъ языкѣ полагалось необходимымъ поручить заняться изданіемъ перевода Библіи Московскому отдѣлу Россійскаго библейскаго общества и главному комитету въ Петербургѣ, каждому по 5,000 экземпляровъ [1]).

Чтобы читать Библію на польскомъ языкѣ, нужно было обучать русскій народъ польской грамотѣ. Поэтому съ 1818 года [2]), въ западныхъ губер-

---

[1]) Переводъ утвержденъ митрополитомъ Сестренцевичемъ, корректорами были іезуиты Іосифъ Перковскій и Францъ Ксаверій Ассума (Asuma). Pierwsze posiedzenie publiczne oddziału Wileńskiego Rossyyskiego Towarzystwa Bibliynego, w Wilne 1819. На оборотѣ заглавнаго листа: Dozwala się drukować etc. Dan w Wilne 1819, apryla 16 dnia. *A. Веси*, Prof. Cst. Kom. Cenz., str. 33, 34. Эта брошюра въ 16-ю д. л. содержитъ въ себѣ 50 страницъ. Тутъ сообщаются, между прочимъ, свѣдѣнія о *церковно-славянскихъ типографіяхъ*, начиная съ XV столѣтія.

[2]) Тамъ же, стр. 38. Петербургскій комитетъ напечаталъ еще ранѣе 5,000 экз. Новаго Завѣта на польскомъ языкѣ. См. что сказано о Библіи на польскомъ языкѣ въ соч. Zbiór wiadomości o kośc. i relig. katol. Московское изданіе польской Библіи вышло изъ печати въ 1821 г. См. отчетъ за 1822 г. у *Пыпина*, въ статьѣ о Росс. библ. обществѣ. Польская Библія стала распространяться въ

ніяхъ устраивались начальныя школы взаимнаго обученія по ланкастерскому методу, которымъ покровительствовало главное правленіе училищъ, и онѣ быстро развивались, благодаря заботливости офиціальныхъ представителей библейскихъ обществъ—военныхъ губернаторовъ, губернаторовъ и предводителей дворянства. Кромѣ того, многіе члены библейскихъ комитетовъ, въ качествѣ вице-президентовъ и директоровъ, поощряли образованіе товариществъ для распространенія польской грамотности въ средѣ помѣщичьихъ крестьянъ; польскіе обыватели подавали надежду кн. Голицыну, что предпріимчивость Петербургскаго и Московскаго комитетовъ о печатаніи Новаго Завѣта и Библій на польскомъ языкѣ не останется безплодною для просвѣщенія русскаго народа въ западныхъ губерніяхъ, которыя русскіе административные чиновники называли польскими губерніями.

Оказалось необходимымъ однако вовлечь въ предпріятіе латинопольскихъ библейцевъ бѣлое греко-уніатское духовенство, которое, по видимому, недовѣрчиво смотрѣло на затѣи польскихъ „обывателей". Мы знаемъ, какъ смотрѣлъ на это дѣло архіепископъ Красовскій, и знаемъ, что съ 1818 г. вице-президентомъ центральнаго комитета назначенъ митрополитъ Булгакъ, усердный латинизаторъ уніатовъ. Съ этого времени польскія изданія Новаго Завѣта и католической Библіи (перевода Вульгаты) старались распространять между грекоуніатами епархіальные епископы. Такъ, напримѣръ, епископъ Головня, суффраганъ (то-есть, викарій), пріобрѣлъ для церквей Виленской митрополичьей епархіи 240 экземпляровъ Новаго Завѣта на польскомъ языкѣ и Библіи на славянскомъ языкѣ[1]). Тогда (въ 1819 г.) еще не было издано польской Библіи.

западныхъ губерніяхъ съ 1822 года, и къ этому времени относится усиленіе броженія въ духовенствѣ обоихъ обрядовъ. Можно ли послѣ этого обвинять исключительно университетъ Виленскій въ стремленіи развивать и обогащать польскую литературу?..

[1]) Drugie zdanie sprawy z działań komit. oddz. Wileń. na publiczn. posiedzeniu 4 lutego 1821, str. 24. Очевидно, что въ это время еще не появлялось польской Библіи изданія Московскаго комитета. Ее *предположено было* напечатать 7,000 экземпляровъ (тамъ же, стр. 6), а по другимъ источникамъ—10,000 экземпляровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что польская Библія распространялась съ 1822 г. такимъ же путемъ, какъ распространялся польскій Новый Завѣтъ между уніатами съ 1819 г.; и это обстоятельство, какъ увидимъ, возбудило ропотъ представителей бѣлаго духовенства въ Брестской епархіи, нуждавшихся въ славянской Библіи. Печатаніе даже богослужебныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ давно прекратилось и въ Виленской и въ Почаевской типографіяхъ; въ Почаевѣ эти книги печатались съ

Въ распространеніи книгъ Св. Писанія на польскомъ языкѣ, кромѣ латинскихъ и греко-уніатскихъ епископовъ и нѣкоторыхъ декановъ римско-католическихъ церквей, особое усердіе обнаружили: Виленскій военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ, распространяя таковыя вмѣстѣ съ членами Виленскаго комитета въ тюрьмахъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, пріютѣ младенца Іисуса (Dzieciątka Iezus), въ больницахъ, въ военныхъ лазаретахъ, и Виленскій университетъ, разсылавшій польскія книги Св. Писанія вмѣстѣ съ учебниками для раздачи учащимся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ [1]).

Въ дѣятельности библейскихъ комитетовъ въ западныхъ губерніяхъ встрѣчаемъ и другія несообразности. Въ то время, когда для чтенія Библіи на „отечественномъ" языкѣ послѣдователей русской греко-уніатской церкви заставляли учиться польской грамотѣ (чтенію и письму), развивая съ этою цѣлью католическія школы, Виленскій и главный Петербургскій комитеты усердно заботились о распространеніи католической Библіи на жмудскомъ языкѣ и поощряли преподаваніе крестьянамъ польской и жмудской грамоты [2]). Жмудины католики не имѣли перевода на свой языкъ католической Библіи; вице-президентъ Виленскаго комитета, Жмудскій епископъ, князь Гедройцъ, владѣлецъ обширныхъ имѣній, позаботился о переводѣ на жмудскій языкъ латинскаго Новаго Завѣта и объ изданіи его въ Вильнѣ въ числѣ 5,000 экземпляровъ [3]). Разсылкой переплетенныхъ

искаженіемъ молитвословія и даже съ неприличными возгласами. Супрасльская славянская типографія была закрыта еще въ концѣ XVIII в. прусскимъ правительствомъ.

[1]) Pierwsze posiedz. pub. oddz. Wil., 10—12. Продажей польскихъ Библій и Новаго Завѣта въ Вильнѣ занимался книгопродавецъ Завадскій. Его дѣятельность распространялась на всѣ западныя губерніи. Достать русскую книгу въ Вильнѣ было затруднительно, а при выпискѣ книгъ русскихъ или славянскихъ Виленскіе книгопродавцы дѣлали затрудненія. См. объ этомъ въ перепискѣ П. И. Кеппена съ М. К. Бобровскимъ, рукопись въ Имп. Академіи Наукъ.

[2]) Библія, переведенная на жмудскій языкъ Самуиломъ Хилинскимъ, издана въ Лондонѣ въ 1660 г., и еще въ Кенигсбергѣ въ 1755 г. (другаго переводчика). Псалмы, переведенные на литовскій языкъ, изданы въ Кейданахъ въ 1653 г. Новый Завѣтъ на литовскомъ языкѣ изданъ въ Кенигсбергѣ 1701 г., Pierw. posiedz. w Wilnie, str. 40.

[3]) На переплетъ 4,000 экземпляровъ требовалось 2,000 руб. сер., или до 8,000 р. асс., а такъ какъ въ кассѣ Виленскаго комитета не имѣлось на этотъ предметъ достаточной суммы, то Петербургскій комитетъ выслалъ въ подмогу Виленскому 5,000 р. асс., Pier. posiedz. w Wilnie, str. 40—44. Впрочемъ Виленскій комитетъ выслалъ ранѣе въ Петербургскій 2,500 р. асс.

экземпляровъ жмудскаго Новаго Завѣта, кромѣ приходскихъ священниковъ, занятъ былъ и князь Зубовъ: онъ пріобрѣлъ для раздачи своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ 300 экземпляровъ. Помимо Виленскаго комитета, главный комитетъ заботился еще о разсылкѣ книгъ Св. Писанія на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ.

Виленскій комитетъ въ первые четыре года своей дѣятельности (съ конца 1816 до конца 1820 гг.) имѣлъ до 216 членовъ (сначала ихъ было 147), собралъ 19,294 руб. ассиг., израсходовалъ 18,933 р. асс., разослалъ книгъ Св. Писанія на языкахъ славянскомъ, россійскомъ, польскомъ, литовскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и еврейскомъ 6,963 экземпляровъ, изъ нихъ 439 экземпляровъ безвозмездно [1]).

Сказанное о способѣ дѣятельности Виленскаго комитета, о чемъ сохранились обстоятельныя свѣдѣнія въ двухъ офиціальныхъ отчетахъ (1819 и 1821 гг.), можно отнести и къ прочимъ комитетамъ, устроеннымъ въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа, гдѣ отечественнымъ языкомъ считали польскій. Въ теченіе 1816 г. были открыты отдѣлы Россійскаго библейскаго общества въ Витебскѣ, Могилевѣ, Минскѣ и Бѣлостокѣ, и образъ дѣйствія ихъ ничѣмъ, конечно, не отличался отъ дѣйствій Виленскаго комитета: въ нихъ вице-президенты, директора и члены точно также распространяли на „отечественномъ“ языкѣ вмѣстѣ съ книгами Св. Писанія переводы латинской Вульгаты, польскіе азбуки, молитвенники, религіозныя и учебныя книги. Одновременно съ этими книгами разсылались брошюры мистическаго содержанія, произведенія масонской литературы;—губернаторамъ, предводителямъ дворянства, епископамъ римско-католическимъ и греко-уніатскимъ, деканамъ и настоятелямъ римскихъ приходовъ, монахамъ обоихъ обрядовъ усердно помогали въ распространеніи польскихъ изданіи почтовые чиновники и капитаны-исправники. Греко-уніатскаго священника, привыкшаго читать Священное Писаніе по церковно-славянскому тексту,

---

[1]) Особенное усердіе въ распространеніи книгъ на отечественномъ (то-есть, польскомъ) языкѣ обнаружили: Жмудскій епископъ князь Гедройцъ, Виленскій римско-католическій епископъ Кундзичъ, Виленской митрополичьей греко-уніатской епархіи епископъ суфраганъ Головня и нѣкоторые деканы Жмудской и Виленской католическихъ епархій (Матушевичъ, Довсинъ, Сильвестровичъ, Збужинскій, Мерхелевичъ, Добшевичъ, Заневичъ, Буткевичъ, Вѣкшевичъ, Войткевичъ, Лукашевичъ). Слѣдуетъ упомянуть о раздачѣ 200 экземпляровъ архимандритомъ Іоиломъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Drugie zdanie sprawy, Wilno. 1821, str. 21—26.

говорившаго своимъ прихожанамъ проповѣди на народномъ языкѣ мѣстныя духовныя и свѣтскія правительственныя власти побуждали запасаться Новымъ Завѣтомъ и Библіей на польскомъ языкѣ. Архіепископъ Полоцкій, рѣшившійся протестовать, подвергнутъ былъ преслѣдованію и гоненію. Протесты старшаго духовенства Брестской и Виленской епархій, заявлявшаго о распространеніи еретическаго ученія между прихожанами, оставлялись безъ вниманія,—въ возраженіяхъ заботливыхъ пастырей предусматривалось сопротивленіе властямъ...

До какой степени доходило заблужденіе даже высшихъ представителей свѣтской власти въ западныхъ губерніяхъ, напримѣръ, военнаго губернатора Римскаго-Корсакова, можно судить изъ его рѣчи, сказанной однако на русскомъ языкѣ во 2-мъ публичномъ засѣданіи комитета 4-го февраля 1821 г. Его рѣчь, какъ и самый отчетъ 1821 года, служитъ развитіемъ мыслей перваго отчета о дѣйствіяхъ Виленскаго отдѣла, 19-го апрѣля 1819 года, во всемъ, что̀ касается распространенія польскаго языка; но нигдѣ—ни въ рѣчи Римскаго-Корсакова, ни въ отчетахъ о дѣйствіяхъ комитета въ 1821 году нѣтъ и помина о томъ, на что̀ мимоходомъ обратилъ вниманіе отчетъ 1819 г. Тамъ изложена исторія распространенія книгъ Священнаго Писанія на славянскомъ и русскомъ языкахъ въ бывшемъ Литовскомъ государствѣ съ XV столѣтія. Изъ этого отчета видимъ, что славянская и русская письменность и печать въ западныхъ губерніяхъ процвѣтала въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ Литвѣ, Подолѣ, на Волыни и Украйнѣ, гдѣ всѣ жители исповѣдывали греко-восточную вѣру и слушали славянскую литургію, существовали славянскія печатни въ Краковѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Несвижѣ, Супрасли, Острогѣ, Іевьѣ, Черниговѣ; эти славянскія типографіи устраивались и содержались Острожскими, Соломирскими, Ходкевичами, Огинскими, Радзивилами, Поцѣями, Сапѣгами; въ упомянутыхъ областяхъ имѣлись и знатоки славянскаго и русскаго языковъ—Глоговчикъ, Скорина, Мелетій Смотрицкій, Галятовскій, Барановичъ, Коссовъ, Саковичъ, Зизаній, Будный; они большею частью занимались переводами Св. Писанія на славянскій или русскій языкъ, составляли грамматики, писали полемическія сочиненія противъ католиковъ.

И послѣ такого публичнаго признанія успѣховъ русской и славянской литературы въ странахъ издревле православныхъ, населенныхъ русскимъ племенемъ, продолжавшимъ говорить на своемъ родномъ нарѣчіи, въ Виленскомъ отчетѣ 1821 г. былъ сдѣланъ неожиданный

переходъ къ объявленію, что нынѣ въ этихъ странахъ отечественнымъ языкомъ признается языкъ польскій.

Библейскія общества въ западныхъ губерніяхъ, какъ легко судить изъ отчетовъ Виленскаго комитета, достигли наибольшаго своего развитія послѣ того, какъ Виленскій учебный округъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Князь Чарторыйскій, вступивъ въ непосредственное завѣдываніе дѣлами Виленскаго округа въ началѣ 1816 года, утвердилъ въ школахъ извѣстную уже намъ систему національно-польской пропаганды и лѣтомъ 1819 года снова уѣхалъ за границу на три года, передавъ управленіе своимъ округомъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ [1]. Въ угоду всесильному тогда князю Голицыну, губернскія и уѣздныя, свѣтскія и духовныя власти, директора гимназій и земскіе исправники, одинъ передъ другимъ, старались о распространеніи польской грамотности, школъ ланкастерскихъ и разныхъ благотворительныхъ учрежденій для шляхты! Такимъ образомъ съ 1819 года полонизація расширила кругъ своей дѣятельности и работала еще усерднѣе, чѣмъ ранѣе, до Вѣнскаго конгресса, когда Варшавское герцогство было въ рукахъ Наполеона. Этому дѣлу оказывали теперь услуги митрополитъ Булгакъ и базиліанскіе монахи, особенно провинціалы и настоятели Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря, развивая въ уніатской церкви латинизацію греческихъ обрядовъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ (по 1-е января 1823 г.) въ Россійской имперіи было открыто 57 отдѣленій и 210 сотовариществъ Библейскаго общества, издано Библій, Новаго Завѣта, отдѣльныхъ частей Св. Писанія 704,831 экземпляровъ на 40 языкахъ: славянскомъ, русскомъ, польскомъ, латинскомъ, самогитскомъ (жмудскомъ), корельскомъ, калмыцкомъ, монгольскомъ, мордовскомъ, турецко-армянскомъ, татарскомъ, чувашскомъ и т. д. [2]).

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв., карт. 167, № 6560, карт. 187, № 7860. См. еще карт. 183, № 7700: объ осмотрѣ учебныхъ заведеній округа княземъ Чарторыйскимъ съ 26-го марта 1818 г. Образованіе Кременецкаго лицея въ іюнѣ 1818 г. Карт. 186, № 7888: посѣщеніе Виленскаго университета императоромъ Александромъ I, 17-го сентября 1819 г.

[2]) *Пыпинъ, Вѣстн. Евр.* 1868 г., т. IV, стр. 695, 700. Было три разряда св. книгъ; 1) напечатанныхъ по тексту прежде существовавшему, *на 14 языкахъ*, 2) переводъ на *12 языкахъ*, 3) купленныхъ за границею книгъ на *15 языкахъ*. Въ числѣ перечисляемыхъ изданій мы не встрѣчаемъ книгъ на бѣлорус-

Такимъ образомъ оказывается, что коренные жители западныхъ губерній—бѣлоруссы, малороссы и чернорусы, составлявшіе въ сложности нѣсколько милліоновъ человѣкъ, не пользовались въ Россійскомъ библейскомъ обществѣ такимъ вниманіемъ, какимъ пользовались, напримѣръ, эсты, латыши, жмудь, корелы, калмыки, вотяки и черемисы. А такъ какъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа, приходскихъ и ланкастерскихъ школахъ, обучали азбукѣ, катихизису и священной исторіи на польскомъ языкѣ, то означенныя русскія племена, большею частью послѣдователи греко-уніатской церкви и даже православные, могли читать книги исключительно только на польскомъ языкѣ, то-есть, католическія!... Правительственнымъ библейскимъ комитетамъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Волыни не было надобности выписывать изъ Петербургскаго и Московскаго комитетовъ книги Священнаго Писанія на русскомъ языкѣ, такъ какъ этотъ языкъ не преподавался даже въ гимназіяхъ, хотя по уставу онъ названъ въ числѣ обязательныхъ предметовъ; его не преподавали, конечно, и въ приходскихъ школахъ для бѣлоруссовъ и малороссовъ, не смотря на то, что на этотъ языкъ въ Россіи переводились церковно-славянскія книги съ цѣлью распространенія ихъ въ народѣ. 200 экземпляровъ книгъ Св. Писанія на славянскомъ и русскомъ языкахъ, пріобрѣтенныхъ и проданныхъ архимандритомъ Іоиломъ, отчетъ Виленскаго комитета считалъ тогда не малозначительною цифрою [1]).

Итакъ, въ основѣ дѣятельности западно-русскихъ библейскихъ обществъ, поощряемой министерствомъ народнаго просвѣщенія, было грубое недоразумѣніе. Россійское библейское общество, съ своими отдѣленіями въ западныхъ губерніяхъ, являлось самымъ дѣйствительнымъ помощникомъ латино-польской политическо-національной пропаганды кн. Чарторыйскаго. Монахи-учителя въ латинскихъ и базиліанскихъ монастырскихъ школахъ, римско-католическіе плебаны въ ланкастерскихъ школахъ усердно развивали полонизацію среди русскихъ уніатовъ. Напечатанныя Петербургскимъ библейскимъ ко-

---

скомъ, малорусскомъ и чернорусскомъ языкахъ. Жмудскій Новый Завѣтъ въ числѣ 5,000 экземпляровъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, въ Тринитарской типографіи, въ 1819 г. Съ того времени многія книги религіознаго содержанія, на польскомъ, латинскомъ и литовскомъ языкахъ, печатала типографія Виленскаго базиліанскаго монастыря.

[1]) „Liczba ta, w tym języku (славянскомъ и русскомъ), *na kray tuteyszy*, nie jest mało znaczącą“. Drugie zdanie sprawy z działán komitetu oddziału Wilenskiego, str. 25.

митетомъ на русскомъ языкѣ таблицы для ланкастерскихъ школъ [1]) въ Вильнѣ передѣлывались и переводились на польскій языкъ, а затѣмъ распространялись въ приходскихъ латино-польскихъ школахъ.

Но этого мало. Московскій комитетъ, кромѣ переводовъ на русскій языкъ Новаго Завѣта и Псалтири, занялся еще изданіемъ римско-католическаго Новаго Завѣта въ переводѣ Іакова Вуйка. Затѣмъ, Св. Писаніе въ польскомъ переводѣ Петербургскій и Московскій комитеты, при содѣйствіи губернскихъ комитетовъ, капитановъ-исправниковъ, епископовъ и монаховъ распространяли между греко-уніатами вмѣстѣ съ другими польскими же религіозными и мистическими книгами, которыя печатались частью въ Виленской и Почаевской базиліанскихъ типографіяхъ, частью же въ типографіи Виленскихъ монаховъ тринитаровъ [2]).

Митрополиты Сестренцевичъ и Булгакъ ревностно покровительствовали распространенію вновь напечатанной католической Библіи на „отечественномъ (?) языкѣ“ и помогали увеличенію складчины

---

[1]) Систематическое распространеніе ланкастерскаго метода въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія началось съ 1819 г. Особый комитетъ при главномъ управленіи училищъ заботился о распространеніи учебныхъ пособій по ланкастерскому методу. При главномъ правленіи училищъ въ томъ же 1819 году напечатаны были, между прочимъ, таблицы чтенія изъ Св. Писанія по ланкастерскому методу. *Вѣстникъ Европы* 1868 г., т. V, стр. 252, 253.

[2]) „Въ теченіе 220 лѣтъ для 10 милліоновъ католиковъ, говорящихъ на польскомъ языкѣ, напечатано только три изданія польской библіи перевода Іакова Вуйка, составляющія не болѣе 3,000 экземпляровъ и у ста тысячь семействъ въ Польшѣ и Галиціи едва ли находилась Библія“. *Вѣстникъ Европы*, т. IV, стр. 703, 704. Отчетъ Московск. комитета за 1822 г. Комитетъ составляли: вице-президентъ Филаретъ, архіепископъ Московскій, кн. Д. В. Голицынъ, Московскій губернаторъ, П. Х. Обольяниновъ, Московскій предводитель дворянства; въ числѣ директоровъ были: князь А. П. Оболенскій, А. Ѳ. Малиновскій, А. А. Прокоповичъ-Антоновскій. Но эти свѣдѣнія комитета о печатаніи польскихъ изданій не полны. Оказывается, что на польскомъ языкѣ съ 1551 г. до изданія въ Петербургѣ Новаго Завѣта въ морской типографіи, было 42 польскихъ изданія, въ томъ числѣ: а) *для католиковъ* было 8 изданій Библіи и 7 Новаго Завѣта, отпечатавшихъ до 15,000 экземпляровъ (если положить каждое изданіе въ 1000 экземпляровъ), б) *для преподавателей евангелическихъ исповѣданій* (лютеранъ и реформатовъ) Библій 6, Новаго Завѣта 9 изданій, в) *для социніанъ*—Библій 1, Новаго Завѣта 4, г) столько же *для аріанъ*. Pierw. posiedzenie publ., str. 36, 37; Hist. Liter. Pol. *F. Bentkowskiego*. T. I, str. 189—191. T. II, str. 494—536. Присоединивъ къ 15,000 экземплярамъ 5,000 экземпляровъ Петербургскаго изданія 1819 г., получимъ 20,000 экземпляровъ Библіи и Новаго Завѣта на польскомъ языкѣ для римско-католическаго исповѣданія.

на изданіе польскихъ книгъ религіознаго содержанія. Съ этою цѣлью Сестренцевичемъ было разослано окружное посланіе со ссылками на Тридентскій соборъ и на законы Римской церкви. Усердными пособниками библейскаго общества, кромѣ митрополитовъ, оказались нѣкоторые римско-католическіе епископы, особенно Каменецкой епархіи (Подольской губ.), администраторъ Минскій Познякъ, Минскій офиціалъ Каминскій, Виленскій офиціалъ Цывинскій и другіе [1]).

Польская Библія въ Вуйковомъ переводѣ съ латинской Вульгаты какъ прежнихъ изданій, такъ и вновь изданная въ 1821 году Московскимъ библейскимъ обществомъ (которую, вѣроятно, поэтому католики находили протестантскою), считалась нѣкоторыми учеными католическими патерами неудобною для употребленія, такъ какъ была наполнена стародавними, испорченными, рѣзкими выраженіями, непріятными для слуха и не всегда соотвѣтствующими оригиналу латинской Вульгаты. Но, однакожь и сама Вульгата, какъ объяснялъ въ 1822 г. на своей каѳедрѣ въ публичномъ засѣданіи профессоръ Св. Писанія Виленскаго университета и главной семинаріи Михаилъ Бобровскій (греческаго обряда каноникъ), хотя и освящена Тридентскимъ соборомъ и признается лучшею изъ латинскихъ переводовъ, уступаетъ въ точности оригиналамъ, написаннымъ на греческомъ и еврейскомъ языкахъ [2]). По мнѣнію этого высоко-

---

[1]) Zbiór wiadomosci o kościele i religii katolickiej. Poznań, t. I, str. 302. Сравн. съ отчетами двухъ засѣданій Виленскаго библейскаго комитета въ 1819 и 1821 годахъ: Pierwsze posiedz. publ. w Wilnie 1819. Drugie zdanie sprawy z działań kom. oddz. Wilenskiego 4 lutego 1821 r.

[2]) Rozprawa o piśmie swiętem i czytaniu jego przez wszystkich. *Sewerin Kryszkowski*, Dzieje Dobroczyn. 1823, t. I, str. 243. Крышковскій, принадлежа къ сторонникамъ распространенія священныхъ книгъ въ переводѣ на польскій языкъ (вмѣсто непонятнаго латинскаго), по поводу польской Библіи замѣчаетъ, что еще ранѣе перевода Вуйка былъ другой переводъ Библіи *вульгаты* (и даже не одинъ). Вуйкъ въ своемъ переводѣ употребилъ нѣсколько лучшія выраженія, дополняя трудныя мѣста объясненіями, но и языкъ Вуйка устарѣлъ поэтому авторъ выразилъ желаніе, чтобы ученые поляки духовнаго званія занялись новымъ переводомъ Библіи. По его мнѣнію, *Вульгата*, хотя и разнится отъ оригиналовъ греческаго и другихъ, въ выраженіяхъ и грамматическихъ формахъ, но это обстоятельство *не препятствовало Тридентскому собору признать ее наиболѣе совершенною изъ бывшихъ тогда въ употребленіи всѣхъ латинскихъ изданій.* Но изъ публичной рѣчи профессора Бобровскаго при открытіи имъ курса Св. Писанія 22-го декабря 1822 г. (вступительной лекціи), напечатанной въ „Дѣяніяхъ благотвор.“ 1823 г. № 1, подъ заглавіемъ; Wyobrażenie nauki Pisma S., jey częsci literatura § 6, видно, что онъ не признавалъ Вульгату авторитетнымъ

ученаго слависта, несравненно ближе къ оригиналу текстъ церковно-славянской Библіи, въ болѣе исправныхъ, древнихъ изданіяхъ (напримѣръ, Острожская Библія 1580 г.). Распространеніе католической Библіи (Московскаго изданія) между уніатами не одобрялъ ученый уніатскій каноникъ, страстный любитель старославянскаго языка и строгій последователь греческаго обряда, собственно потому, что греко-уніаты имѣютъ книги Священнаго Писанія отъ перво-учителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія.

Замѣчанія Бобровскаго о Вульгатѣ сдѣлали сильное впечатлѣніе въ извѣстныхъ кружкахъ виленской публики и, не смотря на то, что имѣли характеръ чисто академическій, повели, какъ кажется, къ важнымъ послѣдствіямъ [1]). Авторитетный голосъ профессора греко-уніата, недавно возвратившагося изъ пятилѣтняго ученаго путешествія по Европѣ съ цѣлью богословскаго образованія и изученія славянскихъ памятниковъ, не могъ пройдти безъ слѣда въ такое время, когда бѣлое духовенство начинало оживать подъ вліяніемъ правительственнаго распоряженія, поднявшаго забытый вопросъ о закрытіи базиліанскихъ монастырей съ цѣлью устройства семинарій. Но объ этихъ событіяхъ, имѣвшихъ связь съ послѣдующими явленіями въ греко-уніатской церкви, скажемъ послѣ.

Во всякомъ случаѣ польскій переводъ Библіи не былъ необходимостью для пониманія священнаго текста греко-уніатскимъ духовенствомъ, которое древне-славянскій языкъ считало своимъ роднымъ языкомъ и крѣпко держалось священныхъ церковно-славянскихъ книгъ. Поэтому въ миссіонерской дѣятельности митрополита Булгака, епископа Головни и базиліанъ бѣлое духовенство видѣло новое доказательство пренебреженія ихъ къ русской уніи, благодаря которому искажались усердно церковные обряды въ богослуженіи на старо-славянскомъ языкѣ, вводились польскія пѣснопѣнія въ литургіи и даже „еретиче-

---

источникомъ. Профессоръ глубоко затронулъ вопросъ о значеніи, источникахъ и комментаторахъ Св. Писанія. Рѣчь Бобровскаго, очевидно дурно понятая, вызвала крайнее неудовольствіе базиліанъ и латинскихъ монаховъ, преимущественно, изъ лагеря библейскаго комитета. См. еще *Холм. мѣсяц.* за 1867 г., стр. 100.

[1]) Предмѣстникъ профессора Бобровскаго на каѳедрѣ Св. Писанія и его наставникъ Филиппъ Голянскій принадлежалъ къ числу противниковъ распространенія Св. Писанія на польскомъ языкѣ. Онъ перевелъ съ французскаго языка письмо Фенелона и издалъ его на собственный счетъ въ 1817 г., подъ заглавіемъ List Fénelona biskupa Kameraceńskiego o czytaniu Pisma S. w krajowych językach z francuzkiego. Wilno. 1817. Извѣстно, что Голянскій въ 1824 г. подвергся преслѣдованію.

скія молитвы". Эти обстоятельства объясняютъ намъ поводы къ протесту Дрогичинскаго благочиннаго Антонія Сосновскаго осенью 1820 г., отосланному во 2-й департаментъ коллегіи. Но этотъ знаменательный протестъ оставался въ коллегіи безъ разсмотрѣнія около двухъ лѣтъ.

Дѣятельность библейскихъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ произвела броженіе и между послѣдователями римскаго обряда. Усердные римскіе католики не признавали авторитетность Московскаго изданія польской Библіи, по другимъ побужденіямъ. Обложку ея съ именемъ Вуйка они считали подложною и въ этомъ подлогѣ обвиняли митрополита Сестренцевича, полагая, что она издана съ намѣреніемъ совратить католиковъ въ протестантство.

Противъ распространенія Библіи на польскомъ языкѣ между римско-католиками, безъ разрѣшенія чтенія ея епископами, сначала возстали іезуиты, а послѣ изгнанія ихъ, нѣкоторые римско-католическіе каноники и прелаты, а также епископъ Луцкій [1]). Луцкій епископъ, тринитарскій визитаторъ Поль, каноникъ Шантыръ и другіе объявили, что каноническіе законы запрещаютъ римскимъ католикамъ чтеніе Св. Писанія на языкѣ отечественномъ, особенно если переводъ не сопровождается замѣтками и объясненіями, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать извѣстныя, болѣе трудныя, мѣста священнаго текста. Они ссылались на каноническіе законы и на распоряженія папы

---

[1]) „Іезуитскій генералъ Березовскій", говоритъ Шантырь—„не вступалъ въ Библейское общество, чѣмъ и вызвалъ гнѣвъ противъ себя (кн. Голицына), и это обстоятельство повело къ гибели ордена іезуитовъ". Zbiór wiadom. o kosciele i religii katolickiej. Извѣстно, что не одно это обстоятельство повело къ паденію ордена іезуитовъ въ Россіи въ 1820 году. Сравн. *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи. Впрочемъ изъ исторіи русскаго библейскаго общества (*Пыпинъ*, *Вѣстн. Евр.*, за 1868 г.), мы знаемъ, что преслѣдованію министра Голицына по поводу Св. Писанія подвергались даже православные іерархи. Всего виднѣе мстительность князя Голицына обнаружилась на судьбѣ греко-уніатскаго архіепископа Красовскаго. Не раздѣлявшихъ увлеченій библейскихъ мистиковъ устраняли отъ должностей и даже лишали каѳедръ подъ разными другими предлогами, напримѣръ, бывшаго профессора Св. Писанія Голянскаго и занявшаго его каѳедру профессора М. Бобровскаго. *Шолковичъ*, Польская пропаганда въ учебн. зав. Зап. Россіи, VIII, 270, основываетъ свои выводы на аргуменаціи слѣдственнаго дѣла. Голянскій пострадалъ за то, что извѣстные агитаторы польской справы напечатали въ Виленской базиліанской типографіи „географическую инструкцію", *подкупивъ наборщиковъ*, безъ вѣдома цензора, которымъ въ то время былъ профессоръ Голянскій. Но виновникомъ былъ не цензоръ Голянскій, а Свято-Троицкій монастырь.

и считали польскую Библію Московскаго библейскаго комитета еретическою.

Вѣсть о намѣреніяхъ Россійскаго библейскаго общества издавать книги Св. Писанія для русскихъ и польскихъ католиковъ встревожила Римскую курію; почти одновременно съ распоряженіями князя Голицына объ образованіи библейскихъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ, въ Гамбургской Газетѣ, 3-го сентября 1816 года, появилось воззваніе папы Пія VII къ католикамъ на имя римско-католическаго митрополита Сестренцевича. Сущность этого воззванія состоитъ въ слѣдующемъ: „Дошло до нашего свѣдѣнія о вредномъ предпріятіи, вопреки правилъ римско-католической церкви, именно о переводахъ Библіи на „отечественный“ языкъ. Насъ опечалило твое окружное посланіе, въ которомъ поощряется переводъ Библіи и его распространеніе въ народѣ; отъ такихъ дѣлъ можно ожидать болѣе вреда, чѣмъ пользы. Римская церковь, принявъ общее изданіе Вульгаты, предписанное Тридентскимъ соборомъ, устраняетъ переводы на другихъ языкахъ и допускаетъ только такіе изъ нихъ, которые сопровождаются замѣтками и толкованіями свв. отцовъ церкви и ученыхъ (докторовъ), дабы такая драгоцѣнность не подвергалась порчѣ, и дабы церковь, распространенная по всему міру, имѣла одинъ и тотъ же языкъ и одинаковую рѣчь. Отъ одного слова нерѣдко рождается споръ о вѣрѣ и догматахъ. Ереси, говоритъ св. Августинъ, обыкновенно происходятъ отъ неправильнаго пониманія Св. Писанія“. Въ заключеніе своей энциклики, папа требуетъ, чтобы митрополитъ разослалъ новое окружное посланіе, въ которомъ разъяснилъ бы, что, совѣтуя читать божественныя книги, онъ „имѣлъ въ виду не всѣхъ вѣрныхъ, а только духовныхъ особъ, а равно только тѣхъ свѣтскихъ мужей, которые, по мнѣнію своихъ пастырей, къ чтенію таковыхъ книгъ подготовлены“ [1]).

Воззваніе папы не могло, конечно, остановить печатаніе переводовъ Библіи на польскомъ языкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ и не препятствовало

---

[1]) Zbiór wiadom. o kośc. i relig. katol., str. 304. Авторъ увѣряетъ, что, получивъ это посланіе, Сестренцевичъ притаился ничего не знающимъ и спряталъ его подъ сукно. Извѣстно, что онъ даже послѣ реставраціи папы, въ первое время, не терялъ еще надежды на обособленіе русской римско-католической церкви отъ Рима, на подобіе галликанской, что задуманныя имъ преобразованія римско-католической іерархіи въ Россіи и его намѣренія о закрытіи многихъ монастырей были разстроены іезуитами, при содѣйствіи князя Голицына, и что среди католиковъ, преимущественно между монахами, существовала сильная партія, не одобрявшая *руссофильской* политики Сестренцевича.

ея распространенію при содѣйствіи губернскихъ комитетовъ или обществъ. Въ Вильнѣ между римско-католическими учеными и богословами образовались двѣ партіи: одна, опираясь на папское воззваніе и ссылаясь на сочиненіе Фенелона [1]), отвергала пользу чтенія Св. Писанія на польскомъ языкѣ мірянами; другая, основываясь на сужденіяхъ профессоровъ и ученыхъ римско-католической церкви, нѣмецкихъ и французскихъ, утверждала, что не можетъ быть даже и спора о пользѣ свободнаго чтенія мірянами книгъ Священнаго Писанія на отечественномъ, то-есть, польскомъ языкѣ [2]). Пользу чтенія Св. Писанія всѣми мірянами старался доказать докторъ богословія монахъ ордена тринитаровъ Крышковскій въ обширномъ сочиненіи, появившемся въ „Дѣлахъ благотворительности“ [3]). Шантыръ, іезуитскій агитаторъ и личный врагъ Сестренцевича, явился въ собраніе Виленскаго библейскаго общества для опроверженія книги Крышковскаго; послѣдняго поддерживали регентъ главной духовной семинаріи и еще двое другихъ членовъ, и потому трудъ Крышковскаго былъ одобренъ большинствомъ собранія и признанъ заслуживающимъ вниманія [4]).

Не менѣе важную услугу польской пропагандѣ и полонизаціи въ западныхъ губерніяхъ при императорѣ Александрѣ I оказали благотворительныя общества, которыя получили окончательно организацію

---

[1]) List Fenélona biskupa Kameraceńskiego etc. Wilno, 1817. (Переводъ Голянскаго).

[2]) *S. Klüpfel.* Inst. Teol. Dogm., p. 1, § XLI. *Polaszek.* Moral. Christ., p. II, c. II, § 802. Zbiór wiad. o kósc. i rel. kat., str. 303.

[3]) Dzieje Dobroczyn. 1823, t. 1, Rozprawa o piśmie S. i czytaniu jego; w Wilnie. 1823.

[4]) Шантыръ, по его словамъ, принадлежалъ къ составу комитета, который находился при совѣтѣ главной семинаріи, для изданія журнала Dzieje Dobrocz.; послѣ неудачной попытки доказать несостоятельность мнѣнія Крышковскаго, Шантыръ, князь Любецкій и другіе свѣтскіе члены *прекратили защиту интересовъ римско-католической церкви въ Виленскомъ библейскомъ обществѣ.* Zbiór wiadom o kośc. i rel. kat. I, 303. Такимъ образомъ по поводу библейскаго общества въ Вильнѣ происходили тѣ же явленія, какъ и въ столицѣ, и притомъ одновременно. Въ Петербургѣ въ числѣ главныхъ противниковъ распространенія Св. Писанія на *русскомъ* языкѣ былъ, кромѣ нѣкоторыхъ іерарховъ, президентъ Академіи Наукъ Шишковъ. Ученый греко-уніатъ въ Вильнѣ Бобровскій признавалъ текстъ церковно-славянскаго языка достаточно понятнымъ для русскаго народа, говорящаго на *нарѣчіяхъ славянскихъ*, и потому не одобрялъ распространенія между уніатами перевода на польскомъ языкѣ латинской Вульгаты, вовсе необязательной для послѣдователей греческаго обряда.

при Голицынѣ и пользовались особеннымъ его вниманіемъ. О связи этихъ обществъ съ польскою пропагандой и съ политическими видами мѣстной польской аристократіи мы уже говорили. Добавимъ здѣсь, что душою организаціи извѣстныхъ намъ благотворительныхъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ былъ сперва Виленскій римско-католическій епископъ Коссаковскій, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. По примѣру Виленскаго благотворительнаго общества, основаннаго въ началѣ настоящаго столѣтія епископомъ Коссаковскимъ, устроены были общества въ Минскѣ епископомъ Дедеркою, извѣстнымъ фанатикомъ, который поощрялъ совращеніе уніатовъ въ католицизмъ, а во время нашествія Наполеона обратилъ домашнюю архіерейскую церковь въ римско-католическую каплицу, въ Брестѣ-Литовскомъ—римско-католическимъ прелатомъ Войцехомъ Коссаковскимъ, въ Слуцкѣ—прелатомъ Шантыремъ подъ названіемъ человѣколюбиваго комитета; при этомъ комитетѣ имѣлась колонія для бѣдной шляхты [1]).

Къ разряду благотворительныхъ учрежденій, возникшихъ съ разрѣшенія и при содѣйствіи русскаго правительства, слѣдуетъ отнести обители сестеръ милосердія, подъ названіемъ шаритокъ въ Житомирѣ, визитокъ и маріанитокъ въ Вильнѣ (были и братья милосердія или бонифратры). Эти женскія обители, какъ и римско-католическіе женскіе монастыри, занимались воспитаніемъ дворянскихъ дочерей и подготовленіемъ неофитокъ; изъ числа послѣднихъ нѣкоторыя впослѣдствіи, особенно въ 1831 г., обнаружили фанатизмъ, доходившій до изувѣрства. Сестры-маріанитки содержали себя на счетъ приношеній родителей, воспитывавшихъ дѣвочекъ шляхтянокъ; другія, какъ напримѣръ, шаритки, получили отъ правительства имѣнія или фундуши. Такимъ образомъ, когда глава римско-католической церкви въ Россіи, митрополитъ Сестренцевичъ, только и ждалъ удобной минуты, чтобы закрыть множество римско-католическихъ монастырей, составлявшихъ истинное несчастіе для западныхъ губерній, князь Голицынъ оказывалъ содѣйствіе къ устройству новыхъ римско-католическихъ обителей, въ которыхъ сестры милосердія подъ различными

---

[1]) Основатель Слуцкаго комитета Шантыръ за успѣшное веденіе дѣла два раза получилъ высочайшую благодарность, членамъ комитета присвоенъ мундиръ, служащіе признаны чиновниками на государственной службѣ. Zbiór wiad. o kośc. i rel. katol., I, 388. Уставъ, правила и образъ дѣйствія благотворительныхъ учрежденій изложены въ Dziejach Dobroczynnosci, t. III, str. 1342, 1437, t. VI, str. 219.

наименованіями готовили католичекъ, научая будущихъ матерей ненавидѣть Россію [1]).

Польская благотворительность въ западныхъ губерніяхъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, соотвѣтствовала, съ одной стороны, піэтическому настроенію министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а съ другой—миссіонерскимъ задачамъ Россійскаго библейскаго общества. Въ то время она выражалась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—въ устройствѣ новыхъ женскихъ монастырей, въ учрежденіи при монастыряхъ и приходахъ богадѣленъ для нищихъ, въ различнаго рода помощи и милостынѣ; всѣ эти предпріятія именитыхъ дворянъ и усердныхъ римскихъ прелатовъ имѣли одну и ту же цѣль—распространеніе полонизаціи. Подъ предлогомъ благотворительности, польское и ополяченное дворянство и римско-католическое духовенство, а также базиліанскіе монахи, преслѣдовали политическіе замыслы; милосердіе было лицемѣрнымъ, благотворительныя учрежденія и самыя школы въ существѣ своемъ—орудіемъ польской партіи, незамѣтно подготовлявшей свои силы въ Литвѣ, на Волыни, Подолѣ и даже въ Бѣлоруссіи для легальнаго отторженія западныхъ губерній отъ Россіи и присоединенія ихъ къ Польшѣ.

Нужно замѣтить, что послѣ Вѣнскаго конгресса въ западныхъ губерніяхъ образовалась еще другая, мало извѣстная, партія, имѣвшая во главѣ нѣкоторыхъ профессоровъ Виленскаго университета, которые охотнѣе желали бы возстановленія бывшаго великаго

---

[1]) Сенаторъ графъ Ильинскій, іезуитъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ министра народнаго просвѣщенія, въ своемъ имѣніи Романовѣ (на югѣ) основалъ женскій монастырь по образцу виленскихъ сестеръ маріанитокъ. Находясь во главѣ римско-католической партіи въ имперіи, онъ враждебно относился ко всѣмъ предпріятіямъ митрополита Сестренцевича, считая его другомъ протестантовъ. Графъ Ильинскій былъ въ числѣ трехъ сенаторовъ, образовавшихъ въ 1802 г. коммиссію для учрежденія римско-католическихъ и римско-уніатскихъ (какъ тогда называли) епархіальныхъ семинарій. Но изъ составленнаго коммиссіей проекта ничего не вышло. Архивъ мин. нар. пр. 1802 г., карт. 1087, № 6559, см. докладъ сената, 5-го августа 1802 г. Восторжествовало предложеніе объ учрежденіи главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ (открытомъ въ 1803 году) для высшаго богословскаго образованія духовенства обоихъ обрядовъ. А это предложеніе шло въ разрѣзъ съ ученіемъ іезуитовъ, базиліанъ, миссіонеровъ и проч.; отсюда неумолкаемое противодѣйствіе существованію главной семинаріи со стороны монаховъ и защита ея университетомъ. Въ концѣ концовъ латинскіе монахи главнымъ образомъ подготовили паденіе университета.

княжества, нежели соединенія Литвы и Волыни съ прежнею короной; эта, незначительная по числу своихъ членовъ, русско-литовская партія мечтала о возрожденіи бѣлорусскаго языка, на которомъ изданъ былъ первоначально Литовскій статутъ (въ XVI в.), остававшійся еще въ своей силѣ. Но русско-литовскихъ патріотовъ перекричали получавшіе наставленія изъ Варшавы юные польскіе революціонеры и латинскіе монахи, не перестававшіе вздыхать о конституціи 3-го мая. На югѣ, на Волыни, были также своего рода утописты и мечтатели, бывшіе въ связи съ тайнымъ обществомъ южныхъ славянъ...

Одновременно съ библейскими обществами и благотворительными учрежденіями въ западныхъ губерніяхъ распространялись масонскія ложи, преобразившіяся потомъ въ тайныя общества.

Еще недостаточно разъяснено исторіей, какую общественную роль въ западныхъ губерніяхъ играли масонскія ложи, имѣвшія, очевидно, связь не только съ германскими и петербургскими масонами, но и съ ложами, бывшими въ арміи, особенно на югѣ. Масонскія ложи въ западныхъ губерніяхъ существовали со времени извѣстнаго конституціоннаго польскаго сейма. Въ правленіе императора Александра I они значительно умножились [1]). Главная ложа была въ Вильнѣ, и отъ нея зависѣло нѣсколько десятковъ ложъ, покрывшихъ сѣтью западныя губерніи. Въ литовско-русскихъ масонскихъ ложахъ, какъ видно изъ отрывочныхъ свѣдѣній, преобладало настроеніе, противоположное піэтизму высшаго общества; къ нимъ принадлежали люди самыхъ разнообразныхъ профессій, и не только военные и статскіе изъ шляхты, но и духовные, преимущественно монахи. Масоны отличались отъ библейцевъ равнодушіемъ къ религіознымъ обрядамъ и политическимъ свободомысліемъ, но и они платили дань своему времени и со-

---

[1]) Zbiór wiadom. o kośc. i religii katolickiej, t. 1, str. 300—348. Въ сочин. *А. Н. Пыпина:* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. С.-Пб. 1885, о масонскихъ ложахъ въ западныхъ губерніяхъ не упоминается; главное вниманіе автора обращено на явленія въ русской общественной жизни той эпохи. *Богдановичъ*, Исторія Александра I, т. VI, стр. 410, говоритъ только о закрытіи масонскихъ ложъ въ Варшавѣ и Вильнѣ и даетъ нѣсколько данныхъ о кіевской ложѣ подъ названіемъ Бѣдныхъ Славянъ, которая была открыта въ 1819 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ; вступающіе въ ложу платили—*бѣдные по 20 рублей, а богатые по сту руб. и болѣе.* Вкладчиковъ на контрактахъ было до тысячи человѣкъ, цѣль ложи—революціонная пропаганда. Скоро по закрытіи масонскихъ ложъ кіевскіе масоны образовали *общество магнетизеровъ.* Такова была жажда къ общественной дѣятельности, при хаотическомъ состояніи умовъ.

блюдали извѣстнаго рода мистическія формальности. Рядомъ съ людьми совершенно безобидными, любившими развлекаться каламбурами и остротами или попировать вдали отъ взоровъ свѣта, попить и поѣсть, встрѣчались фанатики или глубокомысленные проповѣдники, вооружившіеся противъ порчи нравовъ въ обществѣ. Была ли какая-либо связь масонскихъ ложъ съ образовавшимися среди университетской молодежи обществами, явными и тайными, за неимѣніемъ данныхъ, мы утверждать не можемъ. Но несомнѣнно, что въ русско-литовскихъ масонскихъ ложахъ преобладалъ извѣстнаго рода либерализмъ, склонность къ осмѣянію крайняго увлеченія библейскихъ піэтистовъ, мистиковъ и всякаго рода обскурантовъ. Имѣются факты, что масонскія ложи, стремясь противодѣйствовать порчѣ нравовъ, осмѣивая нѣкоторые пороки, съ благими цѣлями оказанія помощи правительству, перерождались въ общества политическія, враждебныя Россіи [1]). Надо полагать поэтому, что тайныя общества въ русско-литовскихъ губерніяхъ и въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, были продуктомъ масонскихъ ложъ, а послѣднія имѣли связь съ тайными обществами въ Италіи и Германіи.

[1]) Донесеніе Варшавскаго слѣдственнаго комитета, 22-го декабря 1826 г. (3-го января 1827 г.). Рапортъ цесаревичу Константину Павловичу подписали: предсѣдатель сената графъ Станиславъ Замойскій, дѣйств. тайн. совѣтникъ Новосильцовъ, сенаторъ и воевода графъ Станиславъ Грабовскій, графъ Францискъ Грабовскій, генералъ-отъ-артиллеріи Гауке, генералъ-лейтенантъ графъ Курута, дивиз. генералъ Раутенштраухъ, баронъ Моренгеймъ, генералъ-маіоръ Кривцовъ, капитанъ-командоръ Колзаковъ. Лѣтомъ 1820 г. *національное масонство* въ Польшѣ было закрыто; но къ концу года возникло новое *тайное общество*, къ коему національное масонство было только приготовленіемъ, стр. 9 и 10. Члены его вошли въ связь съ тайными обществами въ Познани. Въ 1821 г. въ Варшавѣ образованъ *центральный комитетъ*. Положено распространять общество повсюду, *гдѣ языкъ польскій въ употребленіи*, и такимъ образомъ возникло шесть *провинцій*: 1) царство Польское, 2) великое княжество Познанское, со включеніемъ Калишскаго воеводства, 3) Галиція, 4) Литовскія губерніи, 5) Волынь, 6) вольный городъ Краковъ. Армія должна была составить 7-ю провинцію, стр. 15, 16. Въ каждой провинціи учреждались *гмины*. Члены Варшавскаго комитета, черезъ посредство *Оборскаго*, посланнаго въ Вильну, вошли въ связь съ литовскими масонами; въ Закретѣ было первое собраніе виленскихъ масоновъ, и предсѣдателемъ новаго тайнаго общества избранъ *Ромеръ*. Онъ заложилъ Виленскую гмину. Но дѣйствія литовскихъ тайныхъ обществъ съ конца 1821 г. до обнародованія въ августѣ 1822 г. указа о закрытіи тайныхъ обществъ ничѣмъ не ознаменовались, стр. 22. Болѣе опасны были по своимъ замысламъ тайныя общества на Волыни и Подоліи. Въ 1823 г. они вошли въ сношенія съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, стр. 45 и слѣд.

Главою Виленской ложи состоялъ прелатъ Длуцкій; онъ втянулъ въ нее епископа суфрагана (Головню) и многихъ духовныхъ; въ ихъ числѣ, напримѣръ, были три коадъютора Виленскаго римско-католическаго капитула, двое монаховъ піаровъ и нѣсколько другихъ. Лица духовнаго званія встрѣчаются въ ложахъ Минской, Новогрудской, Несвижской, Луцкой, Волынской. Въ Литовскомъ Курьерѣ появилось „Письмо раввина Лиссабонскаго къ Брестскому" (List rabina Lizbońskiego do Brzeskiego); противъ неприличныхъ выходокъ автора, какъ противъ заразы, вооружился визитаторъ миссіонеровъ Поль, который въ изданной имъ книгѣ „Massonia odkrywająca obrządki cel i zamiary Massonii", то-есть, „Масонія, открывающая обряды, цѣль и намѣренія масоновъ", представилъ опасность отъ масонскихъ ложъ для церкви и государства. Каноникъ Шантыръ, возставшій противъ дѣятельности евангелическаго проповѣдника масона Курнатовскаго, получилъ грозное предостереженіе отъ слуцкихъ масоновъ за противодѣйствіе цѣлямъ ихъ тайнаго общества [1]).

Такимъ образомъ въ литовскихъ масонскихъ ложахъ встрѣчались и суровые піэтисты, и темные мистики, и злые обскуранты, какъ и между библейцами въ Россіи. Но въ концѣ 1821 года многіе масоны вошли въ связь съ варшавскими революціонерами и положили начало тайнымъ обществамъ, политическія цѣли которыхъ были обнаружены лишь впослѣдствіи, когда вспыхнуло польское возстаніе въ 1830 году.

Въ послѣдніе годы правленія императора Александра I въ высшихъ слояхъ общества западныхъ губерній, точно также какъ и въ Россіи, происходило сильное политическое броженіе: члены библейскихъ обществъ, благотворители и масоны образовали цѣлую сѣть кружковъ, такъ или иначе прикасавшихся къ дѣлу общественнаго воспитанія и народнаго образованія, гдѣ подъ именемъ народнаго, понималось польское національное, неразлучное съ просвѣтительными началами ультрамонтанства, дѣлавшаго въ это время громадные успѣхи на западѣ Европы. Свободному преподаванію наукъ въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ одна часть профессоровъ, иностранцы, придерживалась философскихъ идей XVIII столѣтія и большею частью состояла изъ стариковъ-эмеритовъ, а другая, состоявшая изъ мѣстныхъ уроженцевъ, большею частью молодыхъ ученыхъ, усвоила себѣ либерально-національныя идеи германскихъ ученыхъ періода реставр-

---

[1]) Zbiór wiadom. o kośc. i relig. katol., t. 1, str. 300—etc.

раціи, — противополагался католическій фанатизмъ въ среднихъ и низшихъ школахъ, ввѣренныхъ попеченію и надзору монашескихъ орденовъ, особенно іезуитовъ и базиліанъ (исключеніе однако составляли школы піаровъ до 1820 года). Монашескія сословія, коимъ ввѣрено было начальное воспитаніе, съ недовѣріемъ относились къ свѣтскимъ школамъ, считали ихъ насадительницами религіознаго вольномыслія, а между тѣмъ сами вмѣстѣ съ обученіемъ польской грамотѣ напитывали юношество фанатизмомъ, охватившимъ уже латинскую церковь.

Но посмотримъ, чего можно было ожидать отъ руководителей первоначальнымъ воспитаніемъ въ ланкастерскихъ, приходскихъ и монастырскихъ школахъ, бывшихъ на попеченіи римско-католическаго духовенства. Въ это время, ознаменованное противоположными крайностями въ убѣжденіяхъ, въ образѣ жизни, въ привычкахъ и стремленіяхъ, по отзыву одного ревностнаго римскаго католика, монашеская жизнь въ Литовской Руси пришла въ совершенный упадокъ: въ монастыряхъ духовная дисциплина ослабѣла, къ общежитію замѣчалось пренебреженіе, обѣты не соблюдались, монахи входили въ связь съ людьми дурными по образу жизни или подозрительными по убѣжденіямъ, въ монастыряхъ въ сильной степени развилось пьянство; хоровое богослуженіе въ капитулахъ пришло въ забвеніе; монахи проводили жизнь въ праздности и въ развлеченіяхъ, несогласныхъ съ обѣтомъ молчанія, ссорились между собою, занимались сплетнями; увеличилось число случаевъ отступничества отъ монашества, умножились побѣги. Въ монахи стали принимать людей безъ должнаго контроля и свидѣтельства о прежнемъ поведеніи. Легкость обходить суровыя правила монастырской жизни и избѣгать заслуженной кары принесла римско католическимъ монастырямъ столько зла, что трудно было надѣяться найдти какія-либо дѣйствительныя средства для искорененія общей заразы [1]). Лучшимъ выходомъ изъ такого упадка монастырской жизни было бы закрытіе множества монастырей, которые стали въ тягость обществу, и о чемъ гораздо ранѣе, какъ уже замѣчено, неоднократно заявлялъ митрополитъ Сестренцевичъ [2]). Но его спасительныя для страны намѣренія парализованы были іезуи-

---

[1]) Zbiór wiadom o kość. i relig. katolickiej I, 397, 398.

[2]) Дополненіемъ данной иллюстраціи служитъ соч. *Морошкина*, Іезуиты въ Россіи, ч. II, гдѣ приведена записка прокурора римско-католической коллегіи Овцына о закрытіи монастырей; мы возвратимся къ ней въ слѣдующей главѣ.

тами и нѣкоторыми наиболѣе вліятельными представителями польской интеллигенціи въ Россіи при Завадовскомъ, Разумовскомъ и Голицынѣ. Благопріятное время для преобразованія римско-католической церкви въ Россіи посредствомъ упраздненія множества совершенно безполезныхъ монастырей было упущено, и монашескія сословія обратились въ орудія политическихъ интригановъ.

Гораздо въ лучшемъ нравственномъ состояніи, говоритъ тотъ же авторъ,—было бѣлое римско-католическое духовенство, хотя и въ немъ были недостатки. За исключеніемъ нѣкоторыхъ епархій, гдѣ былъ строгій надзоръ за священниками, съ горестью нужно признаться, что духовенство того времени обладало стремленіемъ къ полученію бенефицій и приходовъ не за заслуги, усердіе и трудолюбіе, а другими способами, преимущественно по протекціи. Самый молодой, только что посвященный патеръ добивался получить спокойное мѣстечко—bene merentium, обходя старшихъ, болѣе достойныхъ. Ухаживаніе за презентаціей ктиторовъ (колляторовъ) вело къ покупкѣ мѣстъ, прикрываемой обыкновенно ссылкою на канцелярскій порядокъ — jura cancellariae. Расходы на покупку мѣста (цѣною своей родовой печати и подписи своей руки) молодой священникъ старался наверстать сборами съ прихожанъ; послѣ уплаты за мѣсто, являлись заботы о роднѣ, о болѣе пышной обстановкѣ, о пріемахъ, а затѣмъ некогда было уже и думать о благолѣпіи храма, объ улучшеніи ризницы и т. п. Разбогатѣвшій ксендзъ старался найдти себѣ помощника — командора, нанималъ какого-либо бѣглаго монаха или призывалъ къ себѣ въ помощники безмѣстнаго уніатскаго священника; самъ же плебанъ проводилъ время среди удовольствій въ гостяхъ у сосѣдей помѣщиковъ [1]).

Въ царствованіе Александра I римско-католическая церковь сдѣлала значительные матеріальные успѣхи, возникло множество каменныхъ храмовъ и каплицъ, воздвигнуто нѣсколько десятковъ монастырскихъ зданій и тысячи домовъ для духовенства. Возстановлены каѳедры—Луцкая, Житомирская, Минская. Монахи, пріобрѣтя политическое значеніе, старались поддерживать въ правительствѣ убѣжденіе, что воспитаніемъ юношества они приносятъ громадныя услуги странѣ, и что монашескія сословія принесли бы еще больше услугъ государству (sic), еслибъ и остальныя школы были переданы въ руки духовенства, а не оставались во власти университета. Чацкій

[1]) Zbiór wiad. o kośc. i rel. katolickiej, I, 399.

просто увѣрялъ, что монастырскія школы въ нравственномъ отношеніи выше свѣтскихъ [1]).

Латино-польская церковь, очевидно, утверждала свое матеріальное благополучіе на счетъ греко-уніатской, все болѣе принижаемой и доведенной, можно сказать, до состоянія нищенства: многія церкви пришли въ развалины, другія передѣланы изъ греческихъ въ римскія безъ иконостасовъ, съ жалкими органами; не имѣлось епископскихъ каѳедръ, епархіальныя же семинаріи (кромѣ Полоцкой) оставались въ забвеніи. Процвѣтали только болѣе значительные монастыри, разбогатѣвшіе на счетъ фундушей обобранныхъ приходскихъ церквей!....

Въ греко-уніатской церкви отцы базиліане по своему образу жизни рѣзко отличались отъ свѣтскихъ священниковъ и относились къ нимъ высокомѣрно. О бытѣ базиліанскихъ монаховъ мы уже говорили; тутъ лѣдовало бы повторить то же самое, что̀ сказано сейчасъ о монахахъ, Римской церкви: они не стѣснялись данными обѣтами, а учительская обязанность открывала имъ доступъ въ семейства богатыхъ помѣщиковъ, съ которыми многіе изъ базиліанъ связаны были узами родства, далѣе—обязанности экономовъ давали монахамъ свободу въ сношеніяхъ съ мирянами-купцами, евреями, ремесленниками, крестьянами.

Совершенно иначе, чѣмъ у латинскихъ плебановъ, сложился бытъ приходскихъ греко-уніатскихъ священниковъ. При скудости земельнаго надѣла, при недостаткѣ церковныхъ домовъ и хозяйственныхъ строеній, сельскій священникъ, обремененный семействомъ, крѣпко держался своего роднаго уголка, дорожилъ своею убогою святынею, гдѣ недавно еще молились его отцы, гдѣ были могилы его родителей, и не думалъ покидать какъ бы наслѣдственнаго прихода, посягать на лучшій, но чужой. Домикъ уніатскаго священника отличался отъ крестьянскихъ домовъ только дымовою трубою; священническій участокъ земли выдѣлялся отъ сосѣднихъ тщательно обработанными и хорошо удобренными полями; былъ у священника и выхоленный садикъ съ нѣсколькими десятками яблонь, посаженными его отцомъ или дѣдомъ [2]), и при всемъ томъ греко-уніатское бѣлое ду-

[1]) Zbiór wiad. o kośc. i rel. katolickiej, стр. 381.

[2]) Обычай перехода приходовъ отъ одного священника къ другому, какъ бы по династическому преемству, нигдѣ не былъ такъ повсемѣстнымъ, какъ среди бѣлаго греко-уніатскаго духовенства. При всеобщей его бѣдности, можно ли было помышлять о переходѣ священника на другой приходъ, когда при этомъ нужно было уплатить не только за всѣ строенія, но еще и за самую обработку и обсѣ-

ховенство жило въ большой бѣдности. Однако, говоритъ Янковскій, бывшій греко-уніатъ,—это была не та бѣдность, которая, поникнувъ головой и скрестя руки, пассивно покоряется неодолимому гнету обстоятельствъ, а напротивъ бѣдность трудолюбивая, опрятная и спокойная, потому что не преслѣдуетъ какихъ бы то ни было радужныхъ надеждъ". Самая просьба о перемѣщеніи въ то время казалась вопіющею несправедливостью. Все въ усадьбѣ церковной, начиная отъ церковной крыши съ свѣжими заплатами и колокольни, обнесенной подпорами, и оканчивая безхитростнымъ плетнемъ, гдѣ каждый колъ стоилъ труда, иногда униженныхъ выпрашиваній, всѣ эти строенія, большею частью подъ соломой, свидѣтельствовали о скромномъ усердіи и домостроительствѣ хозяевъ, не льстившихся довольствомъ и пресыщеніемъ сосѣдняго плебана, къ услугамъ котораго были окрестные помѣщики. Впрочемъ ктиторы, случалось нерѣдкс, благородно стояли за осиротѣвшее семейство бѣднаго уніатскаго попа. Особенно же дорожили своимъ пастыремъ прихожане, сроднившіеся съ нимъ и его семействомъ духовными и житейскими узами. Бѣдный, но бережливый уніатскій священникъ никогда не отказывалъ въ помощи нуждающимся прихожанамъ и, нерѣдко, самъ довольствуясь кускомъ черстваго хлѣба, ничего не жалѣлъ для образованія своихъ сыновей.

Греко-уніатскіе священники конца XVIII и начала XIX столѣтія почти лишены были способовъ научнаго богословскаго образованія; уніатскія семинаріи при епископскихъ каѳедрахъ были еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ семинаріи римско-католическія. Въ священникахъ, получившихъ богословское образованіе, чувствовался видимый недостатокъ. Большею частью священники образовались сами постояннымъ чтеніемъ Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ и изученіемъ по преемству уставовъ Греческой церкви; ихъ здравый умъ не былъ отуманенъ лжеученіемъ, какое прививали базиліанскіе богословы въ своихъ полулатинскихъ, полупольскихъ новиціатахъ и студіяхъ. Сельскій священникъ, проникнутый духомъ евангельскаго ученія, поучалъ прихожанъ въ простотѣ апостольской на народномъ языкѣ (чернорусскомъ, бѣлорусскомъ и малорусскомъ), примѣняясь

мененіе церковной земли. Протоіерей *Пл. Янковскій:* „На рубежѣ". *Лит. Епарх. Вѣд.* 1868 г., № 6, стр. 262 и 263; также рядъ біографій того же Плакида Янковскаго въ *Лит. Епарх. Вѣд.* за 1864 г. Еще: Dzieje Dobrocz., 1824 г., t. VI, str. 329.

въ своихъ наставленіяхъ къ понятіямъ своихъ простыхъ слушателей; онъ училъ ихъ соблюдать заповѣди Божіи и уставы церкви, повиноваться властямъ и своимъ господамъ, безропотно сносить тягости барщины. Спасительныя евангельскія предписанія сельское духовенство внушало народу и въ церкви, и внѣ ея, на исповѣди, и въ жизненномъ быту; каждый священникъ старался собственнымъ примѣромъ располагать прихожанъ къ мирной и трудолюбивой жизни [1]). Народъ любилъ своихъ пастырей, услаждавшихъ, можно сказать, ихъ тяжкую жизнь, зависѣвшую отъ грубаго произвола помѣщиковъ, которые вмѣстѣ съ евреями завладѣли всѣми производительными силами страны [2]).

Большая часть священниковъ были потомками старинныхъ рус-

[1]) Между прочимъ Dzieje Dobroczyn. 1824, t. VI, str. 324.

[2]) Отечественная война нанесла тяжкій ударъ сельско-хозяйственной промышленности, громадная масса скота погибла, народонаселеніе *нѣсколько лѣтъ* постоянно уменьшалось, значительная часть помѣщичьихъ земель осталась не воздѣланною. Между тѣмъ барщинная система, придавивъ классъ земледѣльческій, обратила крестьянъ въ положеніе американскихъ негровъ. Евреи, захвативъ въ свои руки большіе и малые рынки, спекулировали достояніемъ помѣщиковъ и спаивали крестьянъ водкою. Трудъ крѣпостнаго, обращенный на обработку помѣщичьей или монастырской земли, цѣнился крайне дешево, личность крестьянина не была ограждена положительными законами отъ произвола владѣльца, кто бы онъ ни былъ—помѣщикъ, его арендаторъ или монастырь. См. мой трудъ: „Гродненская губернія", ч. 2-я. С.-Пб. 1863, гл. 1. *Lachnicki* — Statystyka Litewsko-Grodzienskiej Gubernii. 1817. Ограниченія помѣщичьей власти указомъ 1818 г. не улучшили быта крестьянъ; многихъ владѣльцевъ замѣняли арендаторы, которые вмѣстѣ съ евреями, произвольно распоряжались въ господаркахъ. Въ голодные годы (напримѣръ, въ 1822—1833 гг.) крестьяне питались древесною корою и дубовыми желудями.—О крайне бѣдственномъ состояніи владѣльческихъ крестьянъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, *Михаилъ Петкевичъ* въ соч. La Lithuanie. Bruxelles. 1832: „Leur situation devint tellement déplorable, que le changement des circonstances ne pouvait nullement aggraver leur maux. Ne possédant rien en propre, ils ne travaillaient qu'à contre coeur, laissant ainsi les terres incultes. De plus, pour tromper le chagrin et la misère, qui les dévoraient, ils contractaient la malheureuse habitude de l'ivrognerie qui très souvent, étouffait en eux tout ce qu'ils auraient pu conserver de sentiments nobles et vertueux". И далѣе „La Lithuanie ne se ressentait que trop des malheureux effets de l'esclavage. Là où le sol est le plus fertile, les trois quarts de la population mourraient de faim la moitié de l'année, et les bestiaux eux mêmes étaient rares dans les contreés abondantes en pâturages. L'agriculture était stagnante, privé d'un appui éclairé, restait toute entière dans les mains des juifs, vrais fléaux du pays... p. 70, 71. Напротивъ, дворяне, говоритъ авторъ,—не могли жаловаться на свою судьбу: они деспотически управляли крестьянами; стр. 73.

скихъ дворянъ, такъ или иначе обѣднѣвшихъ во время переворотовъ и смутъ Рѣчи Посполитой, и спасавшихся отъ латинизаціи въ духовномъ званіи.

Описанные нами типы изъ сельскаго уніатскаго духовенства не были рѣдкостью въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Но молодое поколѣніе, ихъ дѣти, выростало при другихъ соціальныхъ условіяхъ... Польская пропаганда насильственно врывалась въ убогую хижину деревенскаго священника, и первою жертвою ея дѣлались женщины, о воспитаніи которыхъ въ польскомъ національномъ духѣ стали усердно заботиться женскіе монастыри, особенно инокини-базиліанки.

Съ начала XIX столѣтія взаимныя отношенія сельскаго уніатскаго и римскаго духовенства становились, можно сказать, менѣе возбужденными, по крайней мѣрѣ исчезалъ прежній характеръ подобострастія, съ одной стороны, и высокомѣрія—съ другой. Свѣтское духовенство обоихъ обрядовъ имѣло одинъ и тотъ же центръ управленія въ римско-католической коллегіи. Возникавшія многочисленныя свѣтскія школы въ Виленскомъ учебномъ округѣ, уѣздныя училища, гимназіи и самый университетъ Виленскій дѣлались теперь обильнымъ источникомъ для образованія дѣтей даже самыхъ бѣдныхъ греко-уніатскихъ священниковъ. Уніатскіе мальчики, получившіе воспитаніе въ первоначальныхъ школахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи монаховъ, нерѣдко напитывались духомъ латинства. Польская пропаганда находила обильную жатву особенно у многосемейныхъ священниковъ. Куда дѣться было съ дѣтьми, если не отдавать ихъ въ школу?.... Впрочемъ, въ школьномъ общеніи священническихъ дѣтей съ дворянами въ гимназіяхъ и университетахъ можно было найдти и хорошія стороны. „Воспитываемые въ свѣтскихъ училищахъ бѣдные священническіе сыновья и безъ всякихъ внушеній со стороны родителей“, говоритъ Янковскій,—„сейчасъ на первомъ, такъ-сказать, шагу смекали и оріентировались, что среди окруженныхъ достаткомъ и пользующихся даже видимымъ предпочтеніемъ со стороны начальства баричей, имъ бѣднякамъ, заклейменнымъ притомъ, не допускающимъ ни суда, ни расправы, прозвищемъ поповичей, предстоитъ только одно: прилежаніемъ, усиліемъ, мягкостью обхожденія и безукоризненнымъ поведеніемъ, заслужить неоспоримое отличіе и обезоружить какъ товарищей, такъ и самое зачастую небезпристрастное начальство. И вотъ выходилъ непрерывный, такъ-сказать, систематическій рядъ фактовъ, что почти по всѣмъ училищамъ и классамъ перворазрядными учениками являлись бѣдные попо-

вичи: со временемъ же, по крайней мѣрѣ половину каѳедръ не только по гимназіямъ и училищамъ, но даже въ Виленскомъ университетѣ, занимали сыновья уніатскихъ священниковъ“ [1]). Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, помѣщики и достаточные римскіе ксендзы уже нерѣдко встрѣчали по сосѣдству своихъ прежнихъ, нѣкогда школьныхъ товарищей,—остававшихся однако убогими и скромными уніатами пастырями. Начинали слагаться иныя, чѣмъ прежде, жизненныя условія. „Безбрачные или вдовые уніатскіе священники приглашались теперь по преимуществу въ блюстители домовыхъ помѣщичьихъ часовень, въ помощники (командоры) при костелахъ, въ капеляны при монастыряхъ“. Случалось (не въ диковинку), что перемѣнившіе обрядъ священническіе сыновья поступали въ составъ римскаго духовенства и достигали въономъ высшихъ степеней, даже епископской [2]).

Въ болѣе зрѣлой средѣ духовенства греко-уніатскаго продолжало, однако, преобладать сознаніе пагубной для уніи притязательности базиліанскихъ монаховъ, незаконно владѣвшихъ фундушами свѣтскаго клира и стѣснявшихъ духовное образованіе священниковъ своими происками. Никому иному, какъ базиліанамъ, приписывалось отсутствіе епархіальной семинаріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно пробуждалось стремленіе къ уравненію въ правахъ греко-уніатскихъ священниковъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, къ равноправности обоихъ обрядовъ. Въ высшемъ по своему положенію и образованію слоѣ бѣлаго духовенства (къ которому, какъ мы знаемъ, принадлежали немногочисленные воспитанники бывшаго папскаго алумната и главной духовной семинаріи), за малыми исключеніями, созрѣвала потребность потушенія церковной смуты, вслѣдствіе незаконнаго преобладанія базиліанскаго монашескаго ордена, отсутствія способовъ для систематическаго богословскаго образованія духовенства въ епархіяхъ и беззаботности епархіальныхъ архіереевъ къ улучшенію участи

---

[1]) *Лит. Епарх. Вѣд.* 1868 г., № 6, стр. 267, 273, 274. Только немногіе, владѣвшіе фундушевою землею, населенною крестьянами, пользовались относительно хорошимъ положеніемъ, громадное большинство сами обработывали землю, пріучая дѣтей своихъ съ малолѣтства къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. Нерѣдко случалось, что въ помощь престарѣлому священнику служили сыновья, увѣнчанные учеными степенями доктора или магистра.

[2]) *Янковскій.* „На рубежѣ“, стр. 442. *Лит. Епарх. Вѣд.* 1868, № 6.

бѣлаго духовенства, по примѣру сосѣдней Австріи и Польши [1]). Всѣ эти обстоятельства въ связи съ опасеніемъ за послѣдствія для уніи, по причинѣ развитія латино-польской пропаганды, при безучастіи къ быту духовенства епископовъ, производили броженіе и вели къ извѣстнымъ уже намъ протестамъ.

Въ Россіи иниціатива всякаго прогресса, всякой реформы всегда принадлежала правительству. Мы видѣли, что въ началѣ своего царствованія, еще при митрополитѣ Лисовскомъ, императоръ Александръ I выражалъ намѣренія улучшить положеніе и бытъ бѣлаго духовенства, ограничить преобладаніе въ церкви базиліанскаго ордена, устроить семинаріи въ епархіяхъ и возстановить упраздненныя соборныя каѳедры. Эти предположенія, намѣченныя во многихъ распоряженіяхъ правительства съ 1804 по 1815 годъ, были парализованы противодѣйствіемъ латино-польской партіи: попытки къ приведенію въ исполненіе чего-либо для греко-уніатовъ становились жертвою интриги, которою съ такимъ искусствомъ владѣли іезуиты въ Бѣлоруссіи и базиліаны—на всемъ пространствѣ Виленскаго учебнаго округа. Съ особеннымъ упорствомъ базиліане и вышедшіе изъ среды монашескаго сословія греко-уніатскіе епископы противодѣйствовали распространенію просвѣщенія въ приходскомъ духовенствѣ. Мало того, базиліанамъ и епископамъ оказывало содѣйствіе еще министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, руководившее библейскими комитетами: вице-призиденты, директора, разные чиновники помогали распространенію польской пропаганды и усиленію латинизаціи въ обрядахъ. Библейскія общества въ западныхъ губерніяхъ стали учрежденіями опасными для цѣлости греко-уніатской церкви, такъ какъ библейскіе комитеты получили характеръ правительственныхъ установленій, гдѣ воля и приказанія начальника должны быть исполняемы безъ разсужденія. На самомъ же дѣлѣ губернаторы, епископы, провинціалы, чиновники были слѣпымъ орудіемъ латино-

[1]) Въ Холмской (сопредѣльной) греко-уніатской епархіи епископъ *Фердинандъ Цѣхановскій* занялъ мѣсто въ польскомъ сенатѣ (съ окладомъ въ 9,000 руб. сер.), капитулъ преобразованъ и обезпеченъ содержаніемъ, приходскіе священники ограждены отъ притязаній римскаго духовенства на счетъ сбора десятины и отъ нареканій прихожанъ установленіемъ однообразной таксы за требо-исправленіе, и сверхъ того, по кодексу Наполеона, священники облечены были, въ сферѣ своихъ дѣйствій, авторитетомъ и вѣсомъ гражданскихъ чиновниковъ. Метрическіе акты начинались такою фразой: „Przed nami urzéndnikiem cywilnego etc.“ Тамъ же, стр. 443. Было уже сказано (гл. V) объ обезпеченіи быта бѣлаго духовенства въ Австріи во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

польской партіи, стремившейся посредствомъ полонизаціи ослабить живучесть русскихъ стихій между уніатами.

Событія 1820 и 1821 годовъ подготовили извѣстную правительственную реакцію и неожиданно измѣнили положеніе дѣлъ въ Западной Россіи съ 1822—1824 годовъ.

Смѣшеніе въ одномъ департаментѣ духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія съ дѣлами другихъ, терпимыхъ, даже нехристіанскихъ было противно духу общаго государственнаго строя. Космополитизмъ въ дѣлахъ вѣры втягивалъ князя Голицына и его ближайшихъ помощниковъ въ несообразности; являлись распоряженія не согласныя съ духомъ и уставами православной, греко-уніатской, римско-католической и лютеранской церквей въ Россіи. Своими безапеляціонными дѣйствіями князь Голицынъ стѣснялъ авторитетъ въ дѣлахъ вѣры православныхъ іерарховъ, членовъ святѣйшаго синода; между тѣмъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ бѣлое духовенство, стремившееся къ улучшенію своей церкви, встрѣчало со стороны министра полное равнодушіе. Считая несправедливымъ первенство, какимъ въ православной церкви пользовалось монашеское духовенство передъ бѣлымъ [1]), министръ духовныхъ дѣлъ въ то же время обнаруживалъ особенное пристрастіе къ монашеству римско-католической и греко-уніатской церквей и предоставилъ полную свободу дѣйствій представителямъ евангелической церкви съ іезуитскою моралью. Достаточно указать, съ одной стороны, на преслѣдованіе православныхъ архіепископовъ Иннокентія и Михаила (Черниговскаго), греко-уніатскаго архіепископа Іоанна Красовскаго, а съ другой—на особенное благоволеніе князя Голицына къ греко-уніатскому митрополиту Іосафату Булгаку и римско-католическимъ проповѣдникамъ, иностранцамъ Линдлю и Госнеру. Въ Остзейскихъ провинціяхъ указомъ 1818 г. дозволено свободное распространеніе гернгутеровъ, и въ то время, когда попечителю Дерптскаго университета барону Ливену, послѣ конфискаціи книгъ Буссе (20-го іюля 1819 г.), дано широкое полномочіе на учрежденіе евангелической имперской генеральной консисторіи [2]), ходатайства греко-уніат-

[1]) Von *Goetze*: Fürst Alex. Nik. Galitzin, S. 58. Князь Голицынъ полагалъ, что это различіе въ Россіи установилось со времени татарскаго ига. Онъ замѣчалъ, что наибольшею гуманностью отличались іерархи, происходившіе изъ свѣтскаго клира, которые, становясь вдовыми, поступали въ монашество; таковъ, напримѣръ, былъ Михаилъ митрополитъ С.-Петербургскій, предсѣдатель св. синода.

[2]) Von *Goetze*, стр. 18. Баронъ *Ливенъ* назначенъ въ ней предсѣдателемъ,

скаго духовенства объ освобожденіи церкви отъ незаконныхъ дѣйствій базиліанскихъ монаховъ были отклоняемы безъ должнаго разсмотрѣнія, или же передавались митрополиту, защитнику базиліанской автономіи въ уніи. Между тѣмъ, министръ духовныхъ дѣлъ и непосредственные исполнители его воли, съ одной стороны, заботились о переводѣ на ново-сербскій и ново-болгарскій языки книгъ Священнаго Писанія, чтобы помочь единовѣрцамъ, бывшимъ подъ гнетомъ иноземнаго владычества, съ другой — навязывали чрезъ комитеты католическіе молитвенники, польскія азбуки и польскую Библію,—русскимъ уніатамъ, малороссамъ, бѣлоруссамъ и черноруссамъ, остававшимся подъ невыносимымъ гнетомъ польскаго дворянства [1]). Директоръ департамента духовныхъ дѣлъ (онъ же и секретарь библейскаго общества) А. И. Тургеневъ, какъ говорятъ, человѣкъ хорошо образованный, былъ подъ вліяніемъ масонства, велъ жизнь безпечную, мало вникалъ въ нужды греко-уніатовъ, не смотря на получаемыя со всѣхъ сторонъ донесенія о ненормальныхъ отношеніяхъ между бѣлымъ и монашескимъ духовенствомъ. О немъ отзываются какъ о честолюбцѣ, преслѣдовавшемъ свои личные интересы. Съ одной стороны, Тургеневъ примыкалъ къ кружку Карамзина, гдѣ онъ былъ домашнимъ человѣкомъ, съ другой—онъ, вмѣстѣ съ своимъ патрономъ, усердно посѣщалъ проповѣди римско-католическихъ піэтистовъ и мистиковъ... Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, какъ оказывается, все дѣлалось въ угоду болѣе вліятельнымъ членамъ библейскихъ обществъ. Библія, назначенная какъ средство для созданія единаго христіанскаго стада, стала предметомъ эксплоатаціи къ достиженію несбыточной цѣли—созданія новой церкви; между послѣдователями православнаго, греко-уніатскаго, римскаго и евангелическаго исповѣданій въ самомъ министерствѣ образовались партіи людей, опасавшихся каждая за свое вѣроисповѣданіе. Реакціонеровъ можно было найдти во всѣхъ извѣстныхъ въ

а Пезаровіусъ (редакторъ *Русскаго Инвалида*) вице-предсѣдателемъ. Для составленія положенія объ этой консисторіи (20-го октября 1820 г.) назначена была коммиссія, въ которую *не вошелъ ни одинъ представитель остзейскихъ провинцій*. Протестантскіе фанатики, говоритъ фонъ Гетце,—желали *насъ* вытѣснить и изъ департамента духовныхъ дѣлъ.

[1]) Въ главномъ библейскомъ комитетѣ, на ряду съ представителями православной іерархіи, сидѣли духовныя лица исповѣданій римско-католическаго, протестантскаго и армянскаго. Комитетъ принималъ близко къ сердцу интересы *иновѣрцевъ*, магометанъ и даже язычниковъ, и *единовѣрцевъ*—иноземныхъ славянъ. *Пыпинъ—Вѣстн. Евр.*, т. V, стр. 237, 240.

то время кружкахъ — и въ Шишковскомъ, и въ Румянцовскомъ, и даже Карамзинскомъ [1]).

Еще большая неурядица господствовала въ правленіи училищъ и въ департаментѣ по дѣламъ просвѣщенія. Здѣсь выборъ палъ на людей недостойныхъ и интригановъ. Князь Голицынъ, самъ не имѣя соотвѣтственныхъ познаній въ дѣлѣ общественнаго образованія, не зная Россіи, не понималъ духа православія, имѣлъ ложное представленіе объ историческихъ судьбахъ народностей, составлявшихъ великую Россійскую имперію, и вполнѣ полагался на директора департамента Василія Михаиловича Попова, крайняго піэтиста и обскуранта. По словамъ фонъ-Гетце, Поповъ зналъ по нѣмецки и по англійски и обладалъ искусствомъ изложенія канцелярскихъ бумагъ, но былъ человѣкъ безхарактерный, съ сомнительными моральными качествами, безъ надлежащихъ познаній въ государственной наукѣ, ко всему этому фанатикъ и піэтистъ-обскурантъ, обращавшій религію въ орудіе своихъ отношеній къ подчиненнымъ [2]).

Знаменитый актъ Священнаго союза послужилъ основаніемъ для крутой реформы народнаго просвѣщенія въ Россіи на началахъ братства народовъ. Нѣсколько намековъ акта о царствѣ истины и любви разрослись въ цѣлую систему въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ людей, считавшихъ себя призванными къ выполненію высокихъ началъ священнаго союза по народному образованію, чтобы потушить либеральное движеніе въ обществѣ, разнообразномъ по составу, новою системою

---

[1]) Ср. Воспоминанія Вигеля, т. III и *Сербиновича*—Н. М. Карамзинъ. Воспоминанія. *Русск. Стар.*, 1874. Сербиновичъ началъ службу при Тургеневѣ въ 1820 году; причисляя себя къ русскимъ патріотамъ Шишковской школы, онъ пользовался расположеніемъ Карамзина и Тургенева; по словамъ Сербиновича, о послѣднемъ Карамзинъ отзывался какъ о начальникѣ добромъ, умномъ, благородномъ, умѣющимъ цѣнить труды подчиненныхъ. Но Сербиновичъ не забывалъ также, что онъ получилъ воспитаніе у полоцкихъ іезуитовъ, и подобно имъ относился враждебно къ Виленскому университету и его профессорамъ. Впослѣдствіи, при возсоединеніи уніатовъ, Сербиновичъ игралъ не малозначительную роль, занимая (съ октября 1836 года) мѣсто директора канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Ему обязаны отчасти своимъ возвышеніемъ архіепископъ Василій Лужинскій и его племянникъ архіепископъ Филаретъ (Ѳома) Малишевскій. Лужинскій, вытѣсненный изъ Вильны за свободное поведеніе, находитъ покровительство у Булгака и идетъ въ ходъ, имѣя защитниковъ въ столицѣ. Личные интересы часто соединяютъ людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій.

[2]) Von *Goetze*, стр. 71.

просвѣщенія, въ которой образцами для подражанія признаны католическія учебныя заведенія и клерикальная (собственно іезуитская) мораль въ воспитаніи, принятая въ Австріи и Франціи. Въ этой новой системѣ религія только выставлена была принципомъ для воспитанія, а въ дѣйствительности воспитаніемъ руководили другія начала, не совмѣстимыя съ чистотой и искренностью ея ученія, недостойныя ея святаго знамени. Почти одновременно съ изгнаніемъ іезуитовъ изъ Россіи въ дѣятельности всѣхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія жизненныя начала христіанскаго благочестія стали затемняться мертвящею іезуитскою моралью и безжизненными формами полицейской (собственно Меттерниховской) политики: „Призывъ евангельской любви и правды заглушаемъ былъ крикомъ фанатиковъ, требовавшихъ всевозможныхъ стѣсненій, взаимнаго недовѣрія, преслѣдованій, казни“ [1]). Наступившая въ Европѣ, въ періодъ реставраціи, реакція съ особенною настойчивостью преслѣдовала университеты, требуя ихъ коренного преобразованія. Подобно тому, какъ въ Италіи изгонялись изъ университетовъ знаменитые профессора подъ предлогомъ преданности ихъ французамъ, какъ въ Германіи образцовые университеты подвергались преслѣдованію за патріотическое увлеченіе, въ которомъ австрійская политика предусматривала опасное для общественнаго спокойствія либеральное движеніе,—такъ и въ Россіи университеты сперва Казанскій и Петербургскій, а за ними и Виленскій, подверглись безпощадному осужденію, вызвавшему преобразованіе ихъ, а затѣмъ и всей учебной системы. Результаты рѣшительной ломки не могли быть благопріятны для общественнаго образованія: прежде, нежели посѣянное въ началѣ царствованія Александра I успѣло взойдти и дать зрѣлые плоды, внезапно наступившая реакція, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, смѣшала все въ одну кучу, не будучи въ силахъ разобраться въ противорѣчіяхъ, чтобы создать что-либо болѣе чистое на началахъ русской народности. Увлеченные піэтизмомъ и французскою системою воспитанія, члены правленія училищъ и попечители университетовъ составляли программы и методы, лишавшіе науку содержанія, изгоняли преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, признанныхъ необходимыми не только для академіи, но и для среднихъ

---

[1]) *Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. С.-Пб. 1866, гл. III.

учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Тогда преслѣдовалось все, что пахло Германіей [1]).

Въ предложенной Магницкимъ и другими новой системѣ народнаго просвѣщенія, которую реформаторы старались осуществить съ 1820 года, министерство хотѣло обратить русскихъ юношей въ питомцевъ іезуитскихъ школъ и развивало въ нихъ ханжество съ сильнымъ католическимъ оттѣнкомъ. Таковы дѣйствія Магницкаго и Рунича, такова инструкція главнаго правленія училищъ и взгляды ученаго комитета; а все это, вмѣстѣ съ преувеличенною опасностью политическаго свободомыслія между студентами, подготовило безпощадную ломку въ Виленскомъ университетѣ Новосильцевымъ. Послѣдній, при болѣе серьезномъ знакомствѣ съ историческою судьбою страны, могъ бы положить начало торжеству русскихъ національныхъ стихій и сохранить этотъ университетъ для Россіи; но онъ поддался тупому обскурантизму фанатиковъ и при ихъ содѣйствіи разрушилъ его до основанія.

Хотя Новосильцовъ гордился своими либеральными взглядами, но, попавъ въ Вильну, онъ увлекся идеями польской клерикальной партіи и, не смотря на то, что по своимъ убѣжденіямъ вовсе не похожъ былъ на Магницкаго и другихъ обскурантовъ въ министерствѣ, подобно имъ сталъ гонителемъ философіи, естественнаго права и даже статистики. Базиліане не замедлили воспользоваться сильнымъ вельможею для своихъ корыстныхъ цѣлей.

Достаточно этихъ общихъ замѣчаній, чтобы видѣть направленіе и духъ реакціи, наступившей подъ вліяніемъ высоко гуманныхъ, космополитическихъ идеаловъ Священнаго союза, оказавшихся не осуществимыми въ приложеніи къ государству, имѣвшему самобытныя задачи и сильному крѣпостью русско-славянскихъ стихій. Піэтико-мистическое направленіе министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, тѣсно связаннаго съ дѣятельностью Россійскаго библейскаго общества, дало сильные поводы къ упорному противодѣй-

---

[1]) *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I, ч. II, стр. 18: „Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ злоупотребленій религіею были: упадокъ религіознаго чувства, застой въ области научной и умственной, лицемѣріе и раболѣпство“. „По словамъ Шишкова“, говоритъ авторъ,— „нравственный развратъ росъ и усиливался, ослѣпленіе подъ священными именами *благочестія* и *человѣколюбія* успѣло вползать въ сердца и заражать ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства стремились поколебать православную вѣру“.

ствію со стороны людей, опасавшихся за православіе и русскую народность въ имперіи. Почти такіе же мотивы служили поводомъ для противодѣйствія бѣлаго духовенства, опасавшагося за цѣлость русской греко-уніатской церкви въ Западной Россіи.

Не будемъ распространяться о томъ, что хорошо извѣстно въ русской литературѣ: желающихъ отсылаемъ къ ряду замѣчательныхъ трудовъ [1]). Но они почти не касаются исторіи просвѣщенія и общественнаго движенія въ Западной Россіи, а писавшіе объ уніи ограничиваются одностороннимъ, крайне общимъ изложеніемъ событій, съ точки зрѣнія возсоединенія, и такимъ образомъ утрачиваютъ объективный взглядъ на событія, вызвавшія реакцію, подъ вліяніемъ которой послѣдовали реформы въ русской уніи, вызвавшія паденіе латинизаторовъ, а за симъ уже возсоединеніе. Пора, наконецъ, дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ послѣднемъ событіи и доискаться фундамента зданію, въ существѣ своемъ не хитрому, а простому.

Ошибки въ системѣ общественнаго воспитанія Александровской эпохи состояли именно въ томъ, что слѣдовавшіе одинъ за другимъ министры Завадовскій, Разумовскій и Голицынъ считали западныя губерніи частью Польши; поэтому жители ея русскіе уніаты—бѣлоруссы, малоруссы, черноруссы—лишены были тѣхъ благодѣяній со стороны русскаго министерства, какими оно надѣлило разныхъ инородцевъ (остяковъ, вогуловъ, кореловъ, мордву, эстовъ, латышей и жмудинъ), или какія расточаемы были соплеменнымъ сербамъ и болгарамъ [2]); напротивъ, русскіе уніаты западныхъ губерній, какъ мы

---

[1]) *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи просв. въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Θеоктистовъ.* Магницкій, матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. 1865. *Пыпинъ.* Русское Библейское общество 1812—1826 гг.—*Вѣстн. Евр.* за 1868 г., т. IV, V и VI. Его же: Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 2-е 1885 г. *Шмидъ.* Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Θ. Нейлисова.* 1878. Von *Goetze*: Fürst A. N. Galitzin und seine Zeit. Leipzig. 1882. Въ статьѣ г. Θеоктистова любопытная переписка члена ученаго комитета Лаваля съ французскимъ ученымъ Саси по поводу преподаванія философіи.

[2]) О печатаніи Библіи для инородцевъ, для сербовъ и болгаръ въ статьѣ *Пыпина*, Россійское Библейское общество. *Вѣстн. Евр.* 1868 г., т. IV, стр. 684, 688, 695. Нельзя не замѣтить, что въ официальныхъ бумагахъ министерства, за подписью директора Попова, до послѣдняго времени, 1824 г., западныя губерніи, входившія въ составъ Виленскаго учебнаго округа, назывались *Польшею.* Въ канцелярскихъ справкахъ обыкновенно писалось: въ *польскихъ* губерніяхъ... Такъ далеко заблуждалась въ то время русская администрація даже въ столицѣ!...

видѣли изъ дѣйствій библейскихъ комитетовъ, отданы были всецѣло на жертву латино-польской пропаганды.

Наступившая въ 1822 г. реакція противъ библейцевъ въ Петербургѣ, не смотря на свои болѣзненные симптомы, не взирая на массу сдѣланныхъ промаховъ фанатиками-обскурантами, разсѣяла мракъ, навѣянный на офиціальную Россію космополитизмомъ бюрократическихъ піэтистовъ, иллюминатовъ и масоновъ. Послѣ войнъ за независимость Европы, окончившихся Священнымъ союзомъ, пробудились національныя стихіи не только въ Германіи и Италіи, но также у грековъ и славянъ. У славянъ, подвластныхъ Турціи и Австріи, замѣчается нравственный подъемъ и обнаруживается единодушное стремленіе къ изученію своей родной старины и народности: раскапываются архивы, пересматриваются и изучаются древнія славянскія рукописи, собираются памятники народнаго творчества, появляются грамматики и словари. У всѣхъ разрозненныхъ судьбою славянъ, отъ Адріатическаго моря и до Ледовитаго океана, появились ученые славянолюбцы, слависты, славянофилы; въ главнѣйшихъ центрахъ, подлѣ меценатовъ и ученыхъ, стали образовываться кружки людей славянской науки— въ Прагѣ, Вѣнѣ и Рагузѣ, въ Варшавѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Такое пробужденіе славянскаго самосознанія въ области литературы сильно безпокоило руководителя австрійской политики Меттерниха, который въ сущности управлялъ дѣйствіями Священнаго союза. Послѣ продиктованныхъ имъ программъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ о принятіи германскими князьями въ школахъ полицейскихъ мѣръ для противодѣйствія развивавшемуся стремленію къ объединенію Германіи, австрійскаго канцлера не мало озадачили и смутили съѣзды ученыхъ славянъ въ Вѣнѣ и Задрѣ въ 1820 году. Поэтому когда, послѣ подавленія волненій въ Италіи, возстала Греція, реакціонныя стремленія австрійскаго правительства были направлены къ подавленію только что пробудившихся мечтаній ученыхъ о возрожденіи славянъ, подвластныхъ австрійской коронѣ: чеховъ, сербовъ, хорватовъ...

Совершенно другой характеръ имѣло національно-охранительное движеніе въ Россіи. Здѣсь пробудились въ общественномъ сознаніи серьезныя опасенія русскихъ людей за свою національность и за православіе, а при такомъ воззрѣніи, на первый планъ выступила Западная Русь, на которую простирали свои виды поляки, оживленные и облагодѣтельствованные конституціей 1815 года. Карамзинъ своею запискою о Польшѣ, 1819 года, напомнилъ, что западныя губерніи составляютъ нераздѣльную часть Россіи, потому что населены рус-

скимъ народомъ, и что только верхній слой тамошняго населенія поддался иноземному, неправославному вліянію. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ ученый кружокъ графа Николая Петровича Румянцова, котораго душою были самъ заслуженный канцлеръ имперіи, не раздѣлявшій иллюзій Священнаго союза, и Кіевскій митрополитъ Евгеній, со страхомъ смотрѣвшій на успѣхи пропаганды библейцевъ; въ составъ кружка входило нѣсколько ученыхъ, посвятившихъ себя изученію старославянскихъ памятниковъ. Побужденія графа Румянцова были чисто патріотическія: располагая обширными средствами, чтобы поощрять любознательность, онъ вызываетъ дружное (и даже дружеское) содѣйствіе ученыхъ тружениковъ, поднимаетъ на ноги русскую исторію и оживляетъ русскую науку такимъ движеніемъ, такимъ дружнымъ ходомъ работъ, какого она никогда не видывала. Правда, и прежде являлись вельможи, покровительствовавшіе просвѣщенію, но этого рода меценаты слѣпо преклонялись передъ просвѣщеніемъ запада и поощряли ученыхъ, собирали книги преимущественно на иностранныхъ языкахъ, по мимолетной своей прихоти, безъ разбора, какъ бы по модѣ. Графъ Румянцовъ относился къ просвѣщенію русскихъ съ опредѣленною идеей и, сходясь съ людьми разнообразныхъ классовъ, вербуя въ свой кружокъ даже нѣмцевъ, самъ увлекался разыскиваніемъ памятниковъ и свидѣтельствъ для разъясненія важныхъ вопросовъ въ прошлой жизни, не только русскаго народа, но и вообще славянъ [1]). Въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи (не исключая, разумѣется, и западной окраины) открывались изъ многолѣтняго забвенія памятники старой славянской литературы; мало того, графъ Румянцовъ поручалъ добывать и изучать древнѣйшіе славянскіе памятники въ Германіи, Австріи, Италіи и Франціи. Ученые, окружавшіе знаменитаго русскаго канцлера или бывшіе съ нимъ въ сношеніяхъ, давали первые опыты историко-литературной разработки славянскихъ рукописей и печатныхъ изданій, составлявшихъ библіографическую рѣдкость, подготовляли почву для славянской филологіи и археологіи, дѣлали попытки палеографическихъ работъ. Однимъ словомъ, въ кружкѣ Румянцова явилась серьезная забота объ умственномъ благѣ всей Русской земли. Изученіе родного славянскаго языка становилось любимымъ занятіемъ наиболѣе ученыхъ славянъ того времени. „Отечество наше“, писалъ Каченовскій

---

[1]) Румянцовскій музей. Сборн. матеріаловъ для его исторіи. Москва. 1882. Опытъ нравственной характеристики Румянцова. Статья *Е. Корша*, стр. 34—58.

въ Вѣстникѣ Европы,—„весьма счастливо, что богослуженіе отправляется въ немъ на языкѣ понятномъ даже для поселянина, который, какимъ бы нарѣчіемъ ни говорилъ, все можетъ разумѣть старинный языкъ славянскій, то-есть, языкъ церковно-славянскій“ [1]). Къ этимъ идеаламъ, сознаваемымъ болѣе просвѣщенною частью русскаго общества, враждебно относилась дѣятельность Россійскаго библейскаго общества, которое съ своей космополитической и отвлеченной точки зрѣнія обнаружило непростительное неуваженіе къ церковно-славянскому языку, понятному для великорусса также, какъ для бѣлорусса и малорусса.

Кромѣ Карамзина и Румянцова, выразителемъ національнаго направленія, болѣе по чувству любви къ родинѣ, чѣмъ по достоинству своихъ трудовъ, былъ кружокъ ревностнаго патріота Отечественной войны, президента Россійской академіи Александра Семеновича Шишкова. Развивая любимую мысль, что національное начало необходимо въ воспитаніи дѣтей, Шишковъ видѣлъ отсутствіе его въ существовавшей тогда системѣ общественнаго и домашняго образованія. „У насъ есть наука, но нѣтъ корня, есть просвѣщеніе, но не свое собственное, а потому не позволяющее намъ быть самими нами. Отсюда нравственное рабство. Нужно поправить ошибки величайшаго изъ монарховъ, который ввелъ науки и приставилъ къ нимъ иностранныхъ учителей“. Это высказалъ Шишковъ въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ 1816 году, послѣ посѣщенія экзаменовъ одного изъ институтовъ. На мужскія училища Шишковъ просто смотрѣлъ съ отчаяніемъ. „Кажется, какъ будто всѣ училища превратились въ школы разврата, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, а голова у него набита пустотою, и сердце самолюбіемъ—первымъ вредомъ благоразумія“ [2]). Въ своемъ сочиненіи „О старомъ и новомъ слогѣ“ Шишковъ еще въ 1803 году возставалъ противъ пренебреженія къ языку славянскому, какъ своему родному: „Дѣти знатнѣйшихъ бояръ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ почти всѣ находятся на рукахъ у французовъ, научаются презирать свои обычаи,

---

[1]) *А. А. Кочубинскій:* Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцовъ. Начальные годы Русскаго Славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—1888, стр. 47. Авторъ, какъ видно, не всегда имѣлъ подъ рукою надежные источники, отчего впадаетъ въ противорѣчивыя сужденія о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ и не разъ расходится съ истиною.

[2]) Переписка Шишкова, ч. II, стр. 238. *Стоюнинъ.* Александръ Семеновичъ Шишковъ. Историч. сочин., ч. I, стр. 228.

помрачать ихъ образъ мыслей и хвастаются незнаніемъ своего языка. Пишемъ другъ другу по французски. Дѣвицы стыдятся пѣть русскія пѣсни. Мы возимъ чужую колесницу. Отъ сего-то между прочими вещами явилось презрѣніе къ славянскому языку" [1]). За любовь къ славянскому языку Шишковъ оказывалъ покровительство нѣкоторымъ молодымъ людямъ.

Со времени войны 1813 года Шишковъ завязалъ знакомства съ чешскими славистами и постояно занятъ былъ мыслью о развитіи въ Россіи славяновѣдѣнія; въ своемъ новомъ уставѣ Россійской академіи въ 1818 году онъ заговорилъ о необходимости общенія съ славянскимъ ученымъ міромъ, о „сводѣ славянскихъ нарѣчій", подъ которымъ понималъ „сравнительный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій", о сношеніяхъ „со многими славянскихъ нарѣчій профессорами" [2]).

Кружки Румянцова и Шишкова и самая полемика послѣдняго съ Карамзинскою школою не могли оставаться безъ нѣкотораго вліянія на мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Такъ, ученый комитетъ въ первый разъ послѣ своего учрежденія, въ засѣданіи 26-го мая 1818 года, высказался между прочимъ: „Преподаваніе русскаго языка (слѣдуетъ) основать на знаніи языка славянскаго; для точнаго же знанія этого языка надлежитъ быть свѣдущимъ въ древнихъ, особенно въ греческомъ, служащемъ ему

---

[1]) *Стоюнинъ*, I, стр. 85, 115, 125. См. еще: *Кочубинскаго*: Адмиралъ Шишковъ и графъ Румянцовъ. Von *Goetze*. Fürst. A. N. Galitzin. Авторъ изображаетъ адмирала Шишкова симпатичнымъ старикомъ, который вовсе не былъ фанатикомъ; съ фанатизмомъ онъ относился только къ любимому вопросу о тожествѣ русскаго языка съ славянскимъ.

[2]) *Ягичъ*. Письма Добровскаго и Копитара; здѣсь о знакомствѣ Шишкова съ Добровскимъ и его отношеніяхъ къ нему. Переписка Шишкова, II, стр. 290. Переписка Востокова, стр. 401. *Кочубинскій*. Адмиралъ Шишковъ и графъ Румянцовъ, стр. 242, 242. Объ общеніи съ славянами и о предпріятіяхъ Шишкова по Россійской академіи см. *Стоюнина*: Адм. Шишковъ, I, стр. 263, 265. Между прочимъ Краледворская рукопись открыла собою новыя, славянскія обязанности Россійской академіи. Тогда же Шишковъ обратился къ Добровскому съ убѣдительною просьбою давать знать о произведеніяхъ такихъ (Переписка Шишкова, II, 372), а между тѣмъ самъ принялся за работу, и уже въ 8-й книгѣ *Извѣстій Академіи*, въ 1820 году, появился его переводъ Краледворской рукописи. Это дало поводъ къ открытію переписки Ганки съ президентомъ академіи (Переписка Шишкова, II, 388). „Любушинъ Судъ", отвергнутый Добровскимъ, нашелъ сочувственный пріемъ у Шишкова и въ началѣ 1823 года помѣщенъ въ *Извѣстіяхъ Росс. Академіи* (*Кочубинскій*, 244).

первообразомъ" [1]). Но здѣсь было еще далеко до сознанія необходимости преподаванія старо-славянскаго языка русскому юношеству, о чемъ такъ заботился впослѣдствіи Шишковъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ Шишковъ сталъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, учебной системѣ, отуманенной космополитическими задачами библейскаго общества, суждено было подвергнуться страшному потрясенію: мы разумѣемъ фанатическую дѣятельность попечителей Магницкаго и Рунича. И если мы осуждаемъ ихъ гоненіе на науку, то, съ другой стороны, полагаемъ, что въ предпріимчивости враждебныхъ князю Голицыну митрополита Серафима и архимандрита Юрьева монастыря Фотія, которые считали себя призванными защищать православіе отъ помраченія „князя тьмы", нельзя отрицать проблеска національныхъ стихій: спасительный „огонекъ" мелькалъ въ фанатическихъ нападеніяхъ ихъ на библейское общество [2]).

Усердіе графа Аракчева и его сотрудниковъ къ устраненію князя Голицына, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ императора Александра I, который поручалъ ему самыя важныя отрасли управленія [3]), исходило, по словамъ современниковъ, изъ мутнаго источника; но намъ нѣтъ надобности останавливаться на тѣхъ разчетахъ этой партіи, которые порождались личными интересами. Во всякомъ случаѣ, достигнуть своей цѣли эта партія могла только, благодаря указаніямъ на опасность для православія, для русской народности для государства отъ разрушительныхъ дѣйствій библейскихъ обществъ, которыя Аракчеевъ и другіе некстати смѣшивали съ карбонарами и западными революціонерами. При извѣстной мнительности императора Александра I, когда не оставалось болѣе сомнѣнія въ существованіи тайныхъ обществъ, враждебныхъ правительству и государственному единству, достаточно было однихъ намековъ на ошибочныя дѣй-

---

[1]) *Шмидъ.* Исторія средн. учебн. заведеній въ Россіи. С.-Пб. 1876, стр. 127

[2]) Подробности образа дѣйствій такъ-называемой Аракчеевской партіи" стремившейся къ низверженію князя Голицына, читатель найдетъ въ трудахъ нами уже цитированныхъ: Пыпина, Сухомлинова, Ѳеоктистова, Шмида, фонъ-Геце. См. еще: *Фортунатова:* Автобіографическую записку Магницкаго въ *Русск. Арх.* 1867 г., стр. 1697, и Воспоминанія В. Панаева, *Вѣстникъ Европы* 1867 г., т. IV. Аракчеевъ иначе, чѣмъ Шишковъ, понималъ такъ-называемый „духъ времени„.

[3]) Одно время князь Голицынъ управлялъ, кромѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, императорскимъ дворомъ (въ отсутствіе князя Волконскаго), министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (въ отсутствіе кн. Лопухина) и почтами.

ствія министерства народнаго просвѣщенія, чтобы нанести рѣшительный ударъ предпріимчивости библейцевъ и мистиковъ.

Быстро развивавшееся реакціонное движеніе, во главѣ котораго сталъ Аракчеевъ, должно было оказать и дѣйствительно оказало рѣшительное вліяніе на судьбу греко-уніатской церкви въ западныхъ губерніяхъ. Стало ясно теперь, что эта церковь съ ея славянскимъ богослуженіемъ и греческимъ уставомъ была родною сестрою православной Русской церкви. Базиліанскій орденъ долженъ былъ лишиться защиты въ самомъ правительствѣ, потому что былъ орудіемъ латино-польской партіи, враждебной русскимъ стихіямъ. Архіепископъ Красовскій могъ теперь ожидать смягченія своей участи, такъ какъ онъ былъ открытымъ и рѣшительнымъ противникомъ библейскаго общества и дѣйствія его признавалъ ересью, опасною для церкви и государства. Вѣсть о бѣдственномъ положеніи греко-уніатскаго іерарха, убитаго горемъ, лишеннаго каѳедры, жертвы личной мести, должна была произвести удручающее впечатлѣніе въ кружкахъ духовныхъ особъ православной церкви, членовъ святѣйшаго синода, давно искавшихъ удобнаго случая, чтобъ избавить Россію отъ мѣропріятій, наносящихъ тяжкіе удары православію.

Не задолго до низложенія архіепископа Красовскаго съ Полоцкой каѳедры, князь Голицынъ почувствовалъ колебаніе почвы подъ собою. Фонъ-Гетце, ближайшій сотрудникъ министра по дѣламъ лютеранскаго и евангелическаго исповѣданій, какъ самъ говоритъ, вслѣдствіе интригъ протестантскихъ іезуитовъ, вопреки представленію Голицына, не былъ утвержденъ начальникомъ 3-го отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ, не смотря на то, что эту должность онъ исполнялъ уже четыре года [1]). Это обстоятельство смутило князя Голицына, который тогда уже почувствовалъ, какъ сильно упалъ его кредитъ у государя [2]). И дѣйствительно, въ августѣ 1821 года князь Голицынъ хотѣлъ даже подать въ отставку. Хотя на этотъ разъ дѣло до этого не дошло, однако, не смотря на

[1]) „Ливенъ на аудіенціи государя“, говоритъ фонъ-Гетце,—„пожаловался на Тургенева, что онъ по своей безпечности все дѣло объ устройствѣ генеральной евангелической консисторіи передалъ въ руки, *своему другу*, молодому человѣку, недавно вышедшему изъ университета. При подозрительномъ характерѣ императора Александра I, не трудно было погубить меня, хотя мои работы лично были извѣстны императору“. Von *Goetze*, стр. 149.

[2]) „Ah, mon cher Goetze, sagte er bekümmert, je ne sais pas ce que je deviendrai moi-même. Une confiance perdue est difficile à regagner“. Von *Goetze*, 165.

то, что императоръ любилъ его какъ товарища своего дѣтства, никогда затѣмъ не были возстановлены прежнія отношенія. Недовѣріе крѣпко засѣло въ душѣ Александра I, и Голицынъ, до самой своей отставки (15-го мая 1824 года), долженъ былъ подвергаться неудовольствіямъ и оскорбленіямъ. Положеніе Тургенева также пошатнулось: его стали подозрѣвать въ крайнемъ либерализмѣ.

Наступилъ 1822 годъ. Мы уже знаемъ объ аудіенціи, данной государемъ архіепископу Красовскому. На этой аудіенціи, раннею весною 1822 года, государь узналъ о крайне тяжеломъ положеніи русскихъ греко-уніатовъ, узналъ, что церковь греко-уніатская подвержена большой опасности, и что причиною тому были стремленія исконныхъ враговъ Россіи, ободряемыхъ изъ столицы. Вскорѣ за симъ графъ Аракчеевъ доставилъ возможность устроить свиданіе императора съ архимандритомъ Фотіемъ, который, по видимому, избранъ былъ орудіемъ для низверженія Голицына. Фотій представилъ еще въ болѣе густыхъ краскахъ опасности, грозящія православной церкви и государству отъ сильныхъ враговъ, которые для погибели вѣры образовали тайныя общества: необходимо дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобъ остановить распространеніе ихъ пагубной дѣятельности и проч. [1]).

Извѣстно мрачное настроеніе, въ которое впалъ императоръ въ виду извѣстныхъ событій въ Неаполѣ, Піемонтѣ, Греціи и Царствѣ Польскомъ. 26-го іюня 1822 года состоялось общее собраніе библейскаго общества, въ большой залѣ Таврическаго дворца. Въ числѣ вице-президентовъ присутствовали митрополиты: С.-Петербургскій Серафимъ, римско-католическій Сестренцевичъ, греко-уніатскій Булгакъ; девяностолѣтній старецъ Сестренцевичъ съ благоговѣніемъ подошелъ къ рукѣ православнаго митрополита. Рѣчь, составленная Поповымъ, заключала въ себѣ оскорбительные для православія намеки: „Итакъ, только не знающіе слова Божія и враждующіе противъ него могутъ быть противниками общества библейскаго, которое, предлагая всѣмъ слово сіе, творитъ явно дѣло Божіе“. Такимъ образомъ президентъ выставлялъ членовъ общества исполнителями божественнаго дѣла, а противниковъ его (то-есть, православное духовенство)—врагами человѣческаго рода! Объявлено было объ успѣшномъ распространеніи изданій общества. Говорилось, что скоро появятся въ печати Новый За-

---

[1]) Von *Goetze*, 179. Тогда же Аракчеевъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе Фотію пріѣзжать въ столицу, когда ему *заблагоразсудится*.

вѣтъ и Псалтирь въ переводѣ на русскій языкъ, что на польскомъ языкѣ вышла Библія, что старая польская Библія стала почти не находимою рѣдкостью, и что поэтому распространеніе Библіи на польскомъ языкѣ представляетъ большой интересъ, въ виду обычнаго католическаго взгляда на этотъ предметъ. Секретарь Поповъ, маленькаго роста, съ выраженіемъ аскета, поднимая глаза къ потолку, произносилъ: „Господи, велики чудеса Твои!“ Тургеневъ заключилъ засѣданіе рѣчью объ иностранныхъ библейскихъ обществахъ [1]. Эти ссылки на успѣхи Британскаго и иныхъ иностранныхъ библейскихъ обществъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ подкупавшія всю администрацію въ Россіи и повторявшіяся на всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ библейскихъ засѣданіяхъ, теперь, въ 1822 году, были уже несвоевременными. Теперь видѣли, что подражаніе на этомъ пути иностранцамъ принесло русскимъ много зла. Въ петербургскомъ обществѣ, столь измѣнчивомъ, теперь разглядѣли фальшь, происходившую отъ подобострастнаго поклоненія голицынской партіи передъ ученіемъ заѣзжихъ иностранныхъ піэтистовъ въ родѣ Пинкертона, Линдля, Госнера. Страсть къ филантропіи замѣтно ослабѣла въ высшемъ кругу. Въ дѣйствіяхъ Магницкаго и Рунича во имя принциповъ Священнаго союза чувствовалось что-то неладное, оскорбительное, отзывающееся затхлостію. Во имя этихъ принциповъ русскимъ приходилось безмолвно смотрѣть, какъ турки рѣзали единовѣрныхъ грековъ....

Секретарь общества Поповъ, занимая важный постъ, къ которому не былъ способенъ, пользуясь громаднымъ вліяніемъ, подвергалъ гоненію подъ предлогомъ безвѣрія всѣхъ тѣхъ, которые не одобряли дѣятельности библейскаго общества. За это смѣщались съ своихъ должностей директора учебныхъ заведеній, изгонялись профессора и учителя. Все это крайне компрометировало министра. Библейскіе мистики въ темномъ ожиданіи перерожденія міра, въ созданіи „новой церкви“, не осязаемой чувствами, достигли послѣднихъ предѣловъ фанатизма. Противъ ихъ сочиненій, распространявшихъ ересь, все должно было замолкнуть. Цензура Голицынская свирѣпствовала; но и ожесточеніе противниковъ библейской дѣятельности министерства возростало и доходило до фанатизма.

Однако полуофиціальныя библейскія общества не были единственнымъ зломъ. Другимъ не меньшимъ зломъ были масонскія ложи, и которыхъ мы уже упоминали. Въ западныхъ губерніяхъ онѣ пу-

---

[1]) Von *Goetze*, 94, 95. *Пыпинъ—Вѣстн. Европы*, № 4, стр. 695.

стили глубокіе корни и притомъ одновременно съ пропагандою библейцевъ. Въ каждомъ городкѣ, говоритъ одинъ католическій писатель, были масонскія ложи. Вся страна ими была заполонена. Не принадлежать къ масонамъ считалось неприличіемъ, и каждый добивался этой чести. Взаимная помощь, спасеніе въ несчастіи и другія обстоятельства способствовали къ размноженію ложъ, перерождавшихся въ тайныя общества. Къ масонскимъ ложамъ принадлежала преимущественно молодежь. Происходили собранія, дѣлались складчины, назначались церемоніи. Кассы масонскихъ ложъ возростали, но слабѣла религія и нравственность. Масона можно было узнать по явному пренебреженію къ обрядамъ своей религіи и по несоблюденію обязанностей, предписанныхъ церковію. А когда колеблется религія, тогда слабѣетъ почитаніе власти. Масоны, составляя государство въ государствѣ, обособлялись отъ церкви и отъ правительства союзами, правами, обрядами, намѣреніями и цѣлями. Это была какая-то заразительная болѣзнь, грозившая смертію государству, вслѣдствіе своего распространенія. Государство согрѣвало змѣю, сосавшую его грудь и готовую вырвать сердце, которое его питало [1].

Другой наблюдатель, по видимому, русскій, приписываетъ масонскимъ ложамъ въ царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ исключительно политическое значеніе и связываетъ ихъ съ тайными обществами: „Поляки, возбужденные надеждами, поданными имъ нашимъ правительствомъ, не скрывали отъ русскихъ ни желаній своихъ, ни увѣренности въ присоединеніи къ царству западныхъ областей имперіи... Не только въ царствѣ Польскомъ, но даже въ Могилевѣ, поляки составляютъ отдѣльныя сборища и взаимно поддерживаютъ другъ друга... Вліяніе идеи о народной независимости обнаруживается разнообразно, и въ особенности въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ Вильнѣ оно укрывается въ масонскихъ ложахъ, весьма многочисленныхъ [2]“.

---

[1]) *Шантыръ*. Zbiór wiadom. o kośc. i relig. katol. I, 348. *Пыпинъ*. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 331. По поводу записки о необходимости закрытія масонскихъ ложъ, представленной императору Александру въ іюнѣ 1821 года (во время Лайбахскаго конгресса) генераломъ и сенаторомъ Ег. Андр. Кушелевымъ, масономъ старой школы, противникомъ не только новѣйшихъ системъ, но стараго новиковскаго масонства.

[2]) Въ Вильнѣ была главная ложа и, по видимому, только одна; отъ нея зависѣли *многочисленныя* ложи, бывшія почти во всѣхъ городахъ западныхъ губерній. *Шантыръ*. Zbiór wiadom. etc. Существовала связь между литовскими и

Наши офицеры генеральнаго штаба, командированные на съемку въ Вильну, не могли придти въ себя отъ удивленія, не слыша въ полкахъ Литовскаго корпуса ни одного русскаго слова и встрѣчая на каждомъ шагу очевидные знаки недоброжелательства и грубости мѣстныхъ помѣщиковъ. Подобный же духъ господствовалъ на Волыни [1]).

Въ приведенныхъ замѣткахъ русскаго офицера, выраженіе „народная независимость" должно понимать въ исключительномъ польскомъ смыслѣ. У русско-литовскихъ поляковъ подъ выраженіемъ „народная независимость" разумѣется независимость собственно латино-польской шляхты. Въ такомъ смыслѣ понимали ее и базиліане, стараясь насильственно склонить на свою сторону бѣлое духовенство. Подъ давленіемъ политико-религіозной польской шляхетской пропаганды, при отсутствіи семинарій для систематическаго образованія, приниженное уніатское духовенство легко могло сдѣлаться пособникомъ къ совращенію русскихъ уніатовъ массами; полагали не безъ основанія, что за своимъ духовенствомъ народъ пойдетъ куда угодно Вотъ собственно въ чемъ состояла серьезная опасность для русской уніи въ это именно время. Это сознавали старѣйшіе представители и передовые умы русской греко-уніатской церкви. Высокомѣрное, нерѣдко оскорбительное для личной чести отношеніе польской шляхты, особенно низшей, а равно базиліанскихъ монаховъ къ греко-уніатскому священнику держало старшее бѣлое духовенство на сторожѣ: по чувству самосохраненія оно не могло не относиться подозрительно, если не враждебно, къ либеральному направленію буйной шляхетской молодежи. Оно могло извинять политическое увлеченіе, могло смотрѣть сквозь пальцы на своихъ сородичей, зараженныхъ вольнодумствомъ, могло, наконецъ, сочувствовать польской литературѣ, какъ русскіе сочувствовали тогда французской, но свято почитая греко-славянскую церковь, не могло оно прощать насильственныхъ въ ней искаженій. Свою церковь уніатскіе священники считали русскою, себя и своихъ прихожанъ русскими. И какъ русскіе, они неспособны были къ измѣнѣ своей вѣрѣ въ угоду латинизаторамъ. Въ благотворительныхъ кружкахъ и тайныхъ обществахъ они не принимали никакого учас-

польскими масонскими ложами; образовавшіяся изъ національныхъ масоній тайныя общества въ Польшѣ старались найдти соумышленниковъ между литовскими масонами въ Вильнѣ и, вѣроятно, въ другихъ городахъ Западной Россіи. См. Донесеніе Варшавск. слѣдств. комитета.

[1]) *Богдановичъ*. Исторія царствованія Александра I и Россіи въ его время. Т. VI, стр. 179—180.

тія и снисходительно смотрѣли на шутовскія забавы масоновъ, очень хорошо сознавая, что широковѣщательный либерализмъ шляхтичей неспособенъ ни на какія жертвы для благосостоянія народа, который, какъ и они сами, находился почти въ рабской зависимости отъ господъ.

Князь Адамъ Чарторыйскій, послѣ возвращенія изъ-за границы въ концѣ 1821 года, нашелъ „школьное дѣло" въ своемъ округѣ совершенно измѣнившимся и предписалъ ректору усилить строгость полицейскаго надзора и закрыть тайныя общества. Явившись въ Вильну въ мартѣ 1822 года и оставшись здѣсь до іюля, Чарторыйскій, по его словамъ, всѣми силами старался войдти въ политическіе виды государя, которые измѣнились по отношенію къ западнымъ губерніямъ. Но уже было поздно: извращенное школьное дѣло ускользнуло изъ-подъ власти попечителя и стало достояніемъ политическихъ мечтателей, считавшихъ себя представителями интересовъ народа, то-есть, одной шляхты. Дошло до того, что дѣтямъ русскихъ чиновниковъ нельзя было обучаться въ гимназіяхъ по незнанію ими польскаго языка. Правда, сдѣланы были распоряженія въ родѣ слѣдующаго: замѣтивъ недостаточное попеченіе о россійской словесности въ Могилевской гимназіи, гдѣ предметы математическіе и физическіе преподаются только на польскомъ языкѣ, правленіе университета признало необходимымъ для дѣтей чиновниковъ штаба 1-й арміи преподавать впредь не только уроки математико-физическіе на русскомъ языкѣ, но даже по классамъ языковъ употреблять болѣе русскій языкъ, нежели польскій, и притомъ имѣть при гимназіи особеннаго учителя русской словесности [1]). Но въ то же время въ приходскихъ школахъ для православнаго населенія Украйны и Подола римско-католическому духовенству предписывалось „пріобрѣтать довѣренность учащихся и убѣждать ихъ во имя вѣры, сколь важно просвѣщеніе, по мѣрѣ надобности каждаго".

Императоръ Александръ I еще въ 1821 году былъ встревоженъ смутными вѣстями о распространеніи тайныхъ обществъ въ Россіи и въ западныхъ губерніяхъ. Отказываясь помочь возставшимъ грекамъ, къ чему склоняли его личныя симпатіи и общественное мнѣніе въ столицѣ, онъ теперь принималъ мѣры къ прекращенію внутренней заразы у себя дома, въ своемъ государствѣ. Но императоръ, при своемъ мистическомъ настроеніи, считая дѣло библейцевъ своимъ дѣ-

---

[1]) *Сухомлиновъ.* Матеріалы для исторіи просв. въ Россіи въ царствованіе импер. Александра I. *Богдановичъ.* Исторія царств. импер. Александра I, VI, 182.

домъ, доискивался другихъ причинъ распространявшагося вольнодумства и либерализма и нашелъ нѣкоторыя изъ нихъ.

За два мѣсяца до конгресса въ Веронѣ, 22-го іюля 1822 г., министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія препроводилъ къ митрополиту Булгаку для обнародованія копію буллы папы Пія VII противъ общества карбонаровъ, изданной еще въ сентябрѣ 1821 г. и начинавшейся словами: „Societas vulgo Carbonarium nuncupata condemnatur“, съ предложеніемъ 2-му департаменту коллегіи напечатать ее въ числѣ 1,500 экземпляровъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ и разослать по всѣмъ епархіямъ. Означенную буллу, воспрещающую всякія тайныя общества, велѣно прочитать во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ по три раза [1]). Черезъ десять дней, 1-го августа 1822 г. рескриптомъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея, предписано закрыть масонскія ложи и всякаго рода тайныя общества въ Россіи. Всякій служащій государству долженъ былъ дать подписку о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ возвратилась въ столицу гвардія, которая болѣе года расположена была на квартирахъ въ Бѣлоруссіи и частью въ Литовской Руси. Гвардейскіе офицеры и начальники принесли вѣсти о враждебномъ настроеніи къ русскимъ мѣстнаго дворянства и римскаго духовенства, о дерзкихъ затѣяхъ и замыслахъ молодежи, о приниженномъ и убогомъ состояніи греко-уніатскаго духовенства, къ которому католики относились съ пренебреженіемъ, о нищетѣ помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ-бѣлоруссовъ, которыхъ владѣльцы угнетали непомѣрною барщиной. Въ числѣ начальниковъ находился великій князь Николай Павловичъ, командовавшій тогда гвардейскою бригадою. Послѣднее обстоятельство, какъ увидимъ, не осталось безъ вліянія на судьбу русской уніи. Въ то время окончательно былъ рѣшенъ семейный вопросъ о наслѣдствѣ престола, который въ случаѣ смерти Александра I переходилъ къ великому князю Николаю Павловичу [2]). Между тѣмъ греки предоставлены были собствен-

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. № 46. Булла разослана осенью 1822 г. въ числѣ 1500 экз., а именно: въ Брестскую епархію 558, въ Полоцкую 470, въ Луцкую 160, въ Виленскую митрополичью 312 экземпляровъ.

[2]) Въ качествѣ инспектора по инженерной части, великій князь Николай Павловичъ часто посѣщалъ крѣпости Динабургъ и Бобруйскъ, гдѣ подъ его руководствомъ были устроены школы для вольноопредѣляющихся. За нѣсколько недѣль до кончины императора Александра I, онъ посѣтилъ крѣпость Бобруйскъ. См. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, p. *Paul Lacroix*. Paris. 1865. T. I. Chap. XVII.

нымъ силамъ, графъ Каподистрія отпущенъ, и во второй половинѣ августа императоръ Александръ отправился черезъ Вильну на конгрессъ въ Верону, а вмѣстѣ съ тѣмъ князю А. Н. Голицыну высочайше повелѣлъ неотлагательно заняться разрѣшеніемъ греко-уніатскаго вопроса, принявъ во вниманіе нужды бѣлаго духовенства.

Такимъ образомъ въ западной русско-литовской окраинѣ, гдѣ поляки составляли весьма малый процентъ, а евреи захватили въ свои руки монополію ремеслъ и торговли, небольшой промежутокъ времени послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Полоцка (1820, 1821 и 1822 годы) отмѣченъ столь важными событіями, что общая ихъ связь образуетъ какъ бы особую грань въ исторіи, особую ступень, за кото рою въ этой, отошедшей отъ Польши къ Россіи странѣ, общественная жизнь начинаетъ идти по новой и, можно сказать, по прямой колеѣ. Забытая и заброшенная греко-уніатская церковь, какъ церковь русская, собиравшая въ свои полуразвалившіеся храмы коренное туземное населеніе, церковь съ богослуженіемъ на старославянскомъ языкѣ и съ греческимъ уставомъ, привлекаетъ теперь вниманіе правительства, которое, отказываясь мало по малу отъ филантропическихъ затѣй библейцевъ, начинаетъ сознавать ненормальность политическаго бытія этой искони русской окраины и интересоваться соціальнымъ бытомъ греко-уніатовъ: даются новыя инструкціи мѣстной администраціи, преобразуются школы, возникаютъ семинаріи и училища для образованія греко-уніатскаго духовенства, является благотворительная правительственная помощь бѣднымъ, гонимымъ доселѣ, греко-уніатскимъ священникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Съ другой стороны, и сами греко-уніатскіе священники, продолжая оставаться въ одеждѣ римскихъ патеровъ, смѣло именуютъ себя священниками „Русской церкви“. Для нея единеніе съ Римомъ становится уже какъ бы въ тягость.

Такой переходъ къ рѣшительнымъ реформамъ въ русской греко-уніатской церкви заслуживаетъ самаго подробнаго разсмотрѣнія и тщательнаго изученія. Начало ему положено, во всякомъ случаѣ, императоромъ Александромъ I, который по своей добротѣ, ошибки своихъ прежнихъ министровъ извинялъ собственными увлеченіями.

VII.

Борьба Брестскаго капитула съ базиліанами по поводу устройства греко-уніатской церкви (1822 — 1827).

Въ 1822 г. соединились многія условія, побудившія императора Александра I измѣнить правительственную политику въ западныхъ губерніяхъ, которыя съ 1803 г. составляли обширнѣйшій Виленскій учебный округъ. Перемѣна взгляда императора Александра I на систему воспитанія юношества, подъ вліяніемъ грозныхъ событій, была одною изъ наиболѣе побудительныхъ причинъ къ рѣшенію вопроса, намѣченнаго еще въ 1804 г., но не исполненнаго главнымъ правленіемъ училищъ, то-есть, къ закрытію части базиліанскихъ монастырей, съ прямою цѣлью учрежденія духовныхъ училищъ и семинарій и улучшенія матеріальнаго быта бѣлаго духовенства греко-уніатской церкви.

Библейскія общества, ланкастерскія школы и благотворительныя учрежденія, организованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, масонскія ложи, въ дѣятельности которыхъ правительство ранѣе не видѣло ничего предосудительнаго, учебныя заведенія, какъ бывшія въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителя Виленскаго учебнаго округа, такъ и ввѣренныя руководству многочисленныхъ монашескихъ сословій римско-католическихъ и базиліанскаго, оказались орудіями полонизаціи и латинизаціи странъ, населенныхъ русскимъ племенемъ, нѣкогда строго православныхъ, и гдѣ теперь сохранилась изувѣченная Римомъ церковь греко-уніатская, съ полуразвалившимися храмами, съ духовенствомъ приниженнымъ и убогимъ, съ прихожанами, потерявшими сознаніе о своемъ русскомъ происхожденіи... Они понимали однако, что они уніаты и русскіе, а

не католики и не поляки, что ихъ вѣра „хлопская", а не „панская" Всѣ усилія польской пропаганды, сдѣлавшей большіе успѣхи въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, не могли убить русскихъ стихій въ туземномъ населеніи. Враждебною Россіи была незначительная часть населенія: дворянство или, правильнѣе, шляхта, большею частью отпавшая отъ вѣры своихъ предковъ, и часть мѣщанъ, забывшихъ уже о своемъ русскомъ происхожденіи. Къ шляхтѣ примыкало римско-католическое духовенство, которое за всѣ благодѣянія императора римско-католической церкви въ Россіи готово было благословить мечи революціонеровъ, мечтавшихъ о возстановленіи Польши. Оно научало своихъ питомцевъ любить Польшу, возстановленную великодушіемъ императора Александра I, и ненавидѣть Россію, съ которою западная окраина, между тѣмъ, составляла одно политическое нераздѣльное цѣлое подъ скипетромъ того же императора, благодѣтеля Польши!

Правительственная власть, въ лицѣ Виленскаго военнаго губернатора, признавала польскій языкъ языкомъ отечественнымъ; попечитель кн. А. Чарторыйскій [1]), ректоръ Виленскаго университета и провинціалы монашескихъ орденовъ покровительствовали распространенію въ народѣ польскихъ ланкастерскихъ школъ, польскихъ Библій, польскихъ азбукъ и молитвенниковъ; по предписаніямъ совѣта уни-

---

[1]) Чарторыйскій управлялъ непосредственно дѣлами университета и округа только въ 1803 г. (около года), въ 1808 г., съ половины 1816 г. до половины 1817 г., и съ конца 1821 г. до своей отставки, послѣдовавшей 5-го апрѣля, всего въ сложности не болѣе шести неполныхъ лѣтъ, живя большую часть времени въ Пулавахъ; въ остальныя пятнадцать лѣтъ Виленскій учебный округъ былъ подчиненъ непосредственно министрамъ—графу Завадовскому, графу Разумовскому и князю Голицыну, а ближайшими исполнителями распоряженій министерства были ректоры университета—Стройновскій, Снядецкій, Малевскій и Твардовскій. Арх. мин. нар. просв., карт. 167, № 6560, карт. 175, № 6833, карт. 181, № 7601, карт. 580, № 16489. Отъѣзжая въ іюлѣ 1808 г. за границу, Чарторыйскій просилъ министра графа Завадовскаго „принять университетъ подъ свое покровительство, разрѣшить ректору въ дѣлахъ большой важности относиться прямо къ нему, а также и чрезъ визитатора Чацкаго, знающаго близко теченіе дѣлъ по сему университету, какъ это и было во время послѣдняго моего отсутствія". При Чарторыйскомъ состоялъ письмоводитель Ключевскій, который ѣздилъ съ нимъ даже за границу, а потомъ Бобятынскій. Изъ многихъ случаевъ однако мы видимъ, что Чарторыйскій, живя даже за-границею, не терялъ связи съ университетомъ. Извѣстно, что и Магницкій, попечитель Казанскаго округа, жилъ постоянно въ Петербургѣ.

верситета, съ вѣдома министерства, преподаваніе наукъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго округа велось на языкѣ польскомъ, а языку русскому, то-есть, въ прямомъ смыслѣ отечественному (а не только языку государственному), не было мѣста даже въ гимназіяхъ, не смотря на высочайше утвержденные уставы. Между тѣмъ высшая духовная греко-уніатская власть, въ лицѣ митрополита Булгака и его агентовъ провинціаловъ, настойчиво противодѣйствовала стремленіямъ извѣстной части бѣлаго духовенства, не потерявшаго еще сознанія о русскомъ происхожденіи своемъ и прихожанъ своей церкви, и мѣшала приведенію въ исполненіе реформъ, давно намѣченныхъ и неизбѣжныхъ для спасенія уніи отъ совращенія въ латинство. Таковы были результаты политики, вытекавшей изъ началъ Священнаго союза.

Въ 1821 и 1822 годахъ между представителями Брестскаго капитула и членомъ коллегіи отъ Брестской епархіи шла дѣятельная переписка. Къ намъ дошли письма дрогичинскаго благочиннаго А. Сосновскаго къ намѣстнику Брестской епархіи А. Тупальскому, предсѣдателю Брестскаго капитула Янковскому и членамъ этого капитула — каноникамъ Маркевичу, бывшему тогда ассессоромъ въ коллегіи, и Бобровскому, только что возвратившемуся изъ-за границы и занявшему въ Вильнѣ каѳедру Св. Писанія. Членъ капитула Сосновскій съ напряженіемъ слѣдитъ за ходомъ дѣлъ въ столицѣ и внушаетъ ассессору коллегіи, какимъ образомъ онъ долженъ дѣйствовать, чтобы достигнуть исполненія завѣтныхъ желаній бѣлаго духовенства, дѣлится новостями съ другими членами свѣтскаго клира, ободряетъ или запрашиваетъ мнѣнія: „Писалъ ко мнѣ архипресвитеръ, что представленіе его министру о капитулѣ полагалось послать въ Лайбахъ: теперь, можетъ быть, оно дождется въ столицѣ прибытія государя. Но, однакожь, я слыхалъ отъ одного значительнаго человѣка, что по удостовѣренію секретаря Литовскаго провинціала Жарскаго орденъ (базиліанскій) надѣется пересилить капитулъ“ (письмо Сосновскаго къ Маркевичу, въ маѣ 1821 г.). „Кто-то изъ епископовъ“, пишетъ ассессоръ изъ столицы,—„представилъ въ министерство проектъ, чтобы клириковъ нашихъ (изъ главной семинаріи) перевести въ Полоцкъ. Отцы базиліане обѣщаютъ содержать клириковъ на свой счетъ и дать имъ свое просвѣщеніе (вѣрнѣе — помраченіе). Министръ потребовалъ объясненія отъ коллегіи (28-го мая 1821 г.). Коллегія занята была этимъ вопросомъ пять засѣданій: на

1-мъ засѣданіи оба предсѣдателя (Сестренцевичъ и Булгакъ) были согласны съ проектомъ, но всѣ ассессоры были противъ; на 2-мъ предсѣдатели уступили, и проектъ единогласно отброшенъ; на 3-мъ постановлено, чтобы главная семинарія была всегда при университетѣ. Въ слѣдующихъ двухъ засѣданіяхъ произведены измѣненія въ складкѣ; въ виду бѣдственнаго положенія нашего клира оо. базиліаны остаются при прежней суммѣ складки (29-го мая 1821 г.). Ходятъ вѣсти, и не безъ основанія, что нѣкоторые базиліанскіе монастыри назначаются на реформы церкви (іюнь 1821 г.). Окончившіе курсъ главной семинаріи клирики очень огорчены, что нѣтъ въ виду ни бенефицій, ни занятій учительскихъ въ епархіальной семинаріи. Подождутъ, а если не дождутся, выйдутъ изъ духовнаго вѣдомства. Базиліане свои интриги двигаютъ далѣе" (къ Маркевичу, 4-го августа 1821 г.). „Бѣда тѣмъ, которые становятся соучастниками прегрѣшеній нашихъ епископовъ. Какое однако несчастіе на людей, поставленныхъ выше. Не было бы такъ больно, еслибъ обмывалась чья-либо грязь изъ чистаго источника, но когда изъ гнилой и мутной лужи хотятъ обѣлять кого-либо, то становится уже оскорбительнымъ: этою грязью хотятъ обмазать и то, что еще сохранило чистоту. Такимъ-то однако способомъ имъ удалось подняться надъ людьми простыми и чистыми сердцемъ" (ему же, 1-го сентября 1821 г.) Но вотъ и перемѣна: „Нашихъ базиліанъ берутъ коекакъ въ тиски: въ консисторіяхъ велѣно заготовить шнуровыя книги и снабдить ими монастыри, для записыванія о каждомъ монахѣ и о живущихъ съ нимъ: обычаевъ, образа жизни и, можно сказать, каждаго его шага. Попечитель (кн. Чарторыйскій) въ будущемъ мѣсяцѣ долженъ прибыть въ столицу для переговоровъ о чемъ-то важномъ съ министромъ народнаго просвѣщенія (Маркевичъ къ Сосновскому, 16-го августа 1822 г.). „Архіепископъ (Полоцкій) дѣло свое защищаетъ успѣшно и до сихъ поръ еще не призналъ надъ собою суда для себя приличнаго, а между тѣмъ клиръ въ нѣсколькихъ прошеніяхъ государю старается исправить его судьбу. Хотя полагается завести книги для базиліанъ, но это обстоятельство однако не остановитъ ихъ интригъ противъ капитуловъ. Мнѣ кажется, что попечитель, отправляющійся въ Петербургъ, могъ бы много помочь нашему дѣлу. Онъ могъ бы объяснить, какъ много зла причиняетъ нашему клиру перевѣсъ базиліанъ и что, пока они въ своихъ рукахъ будутъ имѣть все, просвѣщеніе свѣтскаго клира немыслимо

Что̀ такое лаврышевская семинарія? Поручаю все это вашему вниманію, зная что, будучи членомъ капитула, вы сознаете критическое состояніе клира, особенно старшаго, и не пропустите удобнаго случая помочь нашему интересу“ (Сосновскій къ проф. Бобровскому 4-го сентября 1882 г.). Итакъ, Брестскій капитулъ зналъ о предстоящей реорганизаціи базиліанскаго ордена и подвигалъ этотъ вопросъ.

Спустя не болѣе мѣсяца послѣ посѣщенія Вильны императоромъ Александромъ I и вслѣдъ за переговорами князя Чарторыйскаго съ княземъ Голицынымъ, 28-го сентября 1822 года, изъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ послѣдовало слѣдующее предложеніе римско-католической духовной коллегіи 2-му департаменту [1]:

„Предсѣдатель сего департамента преосвященный митрополитъ Булгакъ отнесся ко мнѣ о дозволеніи оному представить свое соображеніе объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей, поставляя причиною сему: 1) что хотя коллегія внесла уже по оному дѣлу мнѣніе свое въ правительствующій сенатъ, но сіе было въ то самое время, когда только еще призваны были къ засѣданію въ коллегіи отъ уніатскихъ епархій члены, кои не участвовали во всемъ разсмотрѣніи сего дѣла; ибо протоколъ былъ уже составленъ, а потому они, не соглашаясь на распоряженія, въономъ предположенныя, подали противу того протестъ; 2) многія обстоятельства не приняты тогда въ соображеніе членами римско-католической коллегіи, а впослѣдствіи открылись разныя другія надобности, коимъ удовлетворить нужно изъ фундушей базиліанскаго ордена упраздняемыхъ монастырей, какъ-то: а) учрежденіе общаго вспомогательнаго капитала для пособія бѣднымъ церквамъ и монастырямъ, б) учрежденіе семинарій, для коихъ ни въ одной епархіи, кромѣ Полоцкой, не имѣется достаточнаго фундуша; в) точное распоряженіе объ отдѣленіи суммы для главной семинаріи; г) назначеніе капитала для содержанія здѣсь унитскаго подворья съ церковью.

„Дѣло объ упраздненіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей поступило ко мнѣ изъ правительствующаго сената на разсмотрѣніе, такъ какъ высочайшимъ указомъ 2-го октября 1810 года повелѣно въ шестомъ пунктѣ: упраздненіе унитскихъ монастырей, гдѣ найдется

---

[1]) Архивъ св. синода, по 2-му департаменту римско-католической коллегіи, 1822 г., № 61. На предложеніи надпись: „получено 29-го сентября 1822 г.“.

то нужнымъ, предоставить по принадлежности главному управленію духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Представленія по сему дѣлу унитскихъ епархіальныхъ начальниковъ и мнѣніе членовъ сего обряда, бывшихъ въ коллегіи въ 1805 г., равно какъ и полученные мною въ разныя времена отъ базиліанскаго орденскаго начальства отзывы согласны въ томъ, что нѣкоторые монастыри могутъ быть упразднены и фундуши ихъ съ большею пользою употреблены. Къ окончательному распоряженію по сему предмету нужно приступить и для того, дабы удостовѣрить базиліанъ, какіе монастыри и какіе фундуши будутъ оставлены во владѣніи сего ордена. Поелику же 2-й департаментъ, находясь въ нынѣшнемъ отдѣльномъ его составѣ 16 лѣтъ, могъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о состояніи базиліанскихъ монастырей, и о нуждахъ вообще унитскаго духовенства, а коллегія, представляя въ 1805 году правительствующему сенату свое мнѣніе по сему дѣлу, сама изъявила, что тѣ свѣдѣнія, кои она до того собрать успѣла, не удовлетворительны, почему я съ моей стороны также признаю, что сей важный предметъ требуетъ ближайшаго соображенія по настоящему положенію монастырей и самыхъ епархій. Но такъ какъ сіе дѣло можетъ быть разсматриваемо въ разныхъ отношеніяхъ, то, основываясь на приведенномъ выше указѣ 2-го октября 1810 года, я почитаю долгомъ предложить коллегіи о томъ, на что̀ особенно нужно обратить вниманіе при такомъ соображеніи.

„Унитское монашествующее духовенство имѣетъ первою обязанностью содѣйствовать къ преуспѣнію церкви своего обряда. Посему базиліанское сословіе, посвящая себя просвѣщенію юношества, должно преимущественно обращать свои попеченія и способы на просвѣщеніе вообще уніатовъ и особенно дѣтей уніатскихъ священно- и церковнослужителей, изъ коихъ наполняются убылыя мѣста при церквахъ сего обряда. Тѣ учебныя заведенія, кои учреждены орденомъ для свѣтскаго юношества и преимущественно для юношества римско-католическаго исповѣданія, — въ случаѣ если бы базиліане не нашли способовъ отдѣлить и для сихъ училищъ наставниковъ способныхъ,— могутъ быть переданы, по мѣрѣ открывающагося въ томъ недостатка римско-католическимъ духовнымъ сословіямъ, коихъ обязанностью есть просвѣщать юношество своего обряда, или же передать въ распоряженіе Виленскаго университета съ фундушами для сихъ училищъ опредѣленными.

„Соотвѣтственно сему я предлагаю 2-му департаменту коллегіи:

„Первое. Что оный долженъ имѣть главнымъ предметомъ учрежденіе духовныхъ училищъ, коихъ число и устройство вовсе не отвѣчаютъ тѣмъ мѣрамъ, кои правительство принимало въ разныя времена для распространенія оныхъ и приведенія въ лучшее положеніе. Коллегія предназначитъ изъ фундушей базиліанскаго ордена достаточное количество доходовъ на содержаніе семинаріи въ трехъ упомянутыхъ выше епархіяхъ Луцкой, Брестской и Виленской, также и удобное для нихъ помѣщеніе и прочіе способы, съ тѣмъ, чтобы въ сихъ заведеніяхъ, сообразно постановленію 1806 года о Полоцкой семинаріи, и уставу для оной коллегіею составленному,—дѣти бѣдныхъ уніатскихъ священно- и церковно-служителей получали въ продолженіе курса ученія столъ и одѣяніе, опредѣливъ число таковыхъ воспитанниковъ соразмѣрно числу церквей въ каждой изъ оныхъ епархій.

„Второе. Такъ какъ въ новиціаты базиліанскаго ордена должны поступать преимущественно также дѣти унитскаго бѣлаго духовенства, то удобнѣе и выгоднѣе было бы учредить сіи институты въ одномъ мѣстѣ съ семинаріями; но если коллегія признаетъ по какимъ либо особымъ уваженіямъ за нужное назначить для первыхъ особые монастыри, то избрать по одному каждой провинціи и опредѣлить число новиціевъ.

„Третье. Для семинарій и новиціатовъ могутъ быть назначены какъ простые такъ и архимандричьи монастыри, съ пополненіемъ доходовъ, буде нужно, изъ фундушей прочихъ монастырей.

„Четвертое. Для свѣтскихъ училищъ, при базиліанскихъ монастыряхъ положенныхъ, опредѣлить извѣстную сумму по примѣру штатовъ тѣхъ заведеній, кои въ нынѣшнемъ году учреждены на мѣсто іезуитскихъ коллегій. Изъ остальныхъ доходовъ оныхъ монастырей, если таковые за симъ отдѣленіемъ окажутся, опредѣлять складку на главную и епархіальныя семинаріи и въ составъ вспомогательнаго капитала.

„Пятое. Къ упраздненію назначать преимущественно: а) изъ тѣхъ базиліанскихъ монастырей, кои находятся среди селеній, оставившихъ унію и перешедшихъ въ господствующее исповѣданіе, хотя бы они были и архимандричьи,—особенно же такіе монастыри, коихъ церкви обращены уже въ греко-россійскія; б) монастыри, кои первоначально были приходскими греко-россійскими или унитскими церквами, и въ коихъ нынѣ не имѣется никакихъ учебныхъ заведеній; ибо прес-

священные унитскіе митрополиты неоднократно ходатайствовали, чтобы нѣкоторые фундуши таковыхъ монастырей были по прежнему предоставлены въ пользу бѣлаго духовенства, коего фундуши вообще весьма скудны. Притомъ я имѣю отзывы римскаго престола, по производившимся переговорамъ, о дозволеніи употреблять монаховъ для исправленія мірскихъ требъ,—что монахи, безъ крайней необходимости не должны быть назначаемы для управленія приходами къ нарушенію ихъ обѣтовъ и затворнической жизни. По многочисленности бѣлаго унитскаго духовенства не представляется къ сему надобности, тѣмъ болѣе, что къ оному принадлежитъ значительное число безмѣстныхъ священниковъ, получающихъ отъ казны жалованье.

„Шестое. Во всѣхъ оставляемыхъ монастыряхъ назначить на будущее время опредѣленное число монаховъ, соображаясь съ прямою надобностью, а не для размѣщенія только находящихся нынѣ на лицо базиліанъ, каковое основаніе принято коллегіею въ 1805 году; ибо на сей послѣдній предметъ для излишнихъ членовъ сего ордена могутъ быть назначены временныя помѣщенія.

„Когда 2-й департаментъ коллегіи представитъ мнѣ надлежащія соображенія по всѣмъ симъ статьямъ, то я на все сіе не премину испросить высочайшее разрѣшеніе.

„Обращаясь же къ тому, что коллегія, представляя по сему дѣлу мнѣніе въ правительствующій сенатъ, относила невѣрность свѣдѣній о фундушахъ базиліанскаго ордена къ слабому смотрѣнію мѣстнаго епархіальнаго и орденскаго начальства и къ безпорядочнымъ визитамъ монастырей сего ордена, я хотя и предполагаю, что сіи недостатки могли уже быть исправлены, но для большей точности признаю нужнымъ, чтобы коллегія истребовала отъ провинціаловъ вѣрное свѣдѣніе о настоящемъ состояніи фундушей каждаго монастыря, предписавъ имъ представить вѣдомости о томъ противу формы визитъ за подписаніемъ начальника монастыря и за скрѣпою провинціала и консультора, давъ имъ знать: 1) что если бы открылась впослѣдствіи какая утайка, то провинціалъ и консульторъ будутъ удалены отъ своихъ должностей и впредь ни къ какому мѣсту по управленію провинціею или и однимъ монастыремъ не могутъ быть допущены, и 2) назначить срокъ, къ которому орденское начальство должно непремѣнно представить такія вѣдомости о фундушевыхъ имѣніяхъ и капиталахъ базиліанскихъ монастырей“.

Предложеніемъ отъ 28-го сентября 1822 г. начинается поворотъ правительственнаго взгляда на греко-уніатскій вопросъ. Вызванная

съ 1822 года изъ столицы дѣятельность въ епархіяхъ повела греко-уніатскую церковь къ важнымъ реформамъ. Но въ начертаніи нѣкоторыхъ существенныхъ пунктовъ предложенія мы видимъ намѣреніе щадить базиліанскій орденъ и не выпускать изъ подъ его опеки бѣлое духовенство. Относительно упраздненія базиліанскихъ монастырей, согласно высочайшему указу 1804 года, въ принципѣ, по видимому, согласны были обѣ стороны; но орденское базиліанское начальство, стараясь сохранить свою привилегію по воспитанію юношества въ западной окраинѣ, не исключая и духовнаго образованія греко-уніатскихъ священниковъ, не соглашалось обращать фундуши упраздняемыхъ монастырей на надобности греко-уніатской церкви, неоднократно указанныя въ протестахъ Брестскаго капитула и перечисленныя въ 5-мъ пунктѣ предложенія. Вслѣдствіе жалобы Брестской и Виленской консисторій, высочайшимъ указомъ 2-го октября 1810 г. повелѣно было дѣло объ упраздненіи монастырей передать къ исполненію въ главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Главное управленіе въ сущности ничего не сдѣлало; оно даже не повѣрило собранныхъ свѣдѣній о монастырскихъ фундушахъ.

Еще въ 1805 г. римско-католическая коллегія заявила, что собранныя ею тогда свѣдѣнія о монастыряхъ неудовлетворительны. Послѣ того свѣдѣнія продолжали собирать епархіальное и орденское начальства, но прошло шестнадцать лѣтъ, а 2-й департаментъ коллегіи все еще не имѣлъ у себя точныхъ свѣдѣній ни о состояніи монастырей, ни о нуждахъ уніатскаго духовенства вообще. Намъ уже извѣстны причины такихъ важныхъ упущеній со стороны правительственныхъ органовъ. Эти 16 лѣтъ прошли въ тяжелыхъ испытаніяхъ бѣлаго духовенства, опасавшагося за существованіе самой греко-уніатской церкви. Въ своихъ петиціяхъ и протестахъ, особенно съ 1819 года, Брестскій капитулъ категорически выражалъ, въ чемъ именно состоятъ нужды греко-уніатской церкви, и какія должны быть сдѣланы преобразованія, чтобы спасти ее отъ погибели, отъ совращенія, къ которому велъ ее базиліанскій орденъ систематически и сознательно. Жалобы доходили до министра, а отъ него дѣла поступали на разсмотрѣніе къ митрополиту, который, страшась за участь базиліанскаго ордена, ставшаго между тѣмъ католическимъ и по внѣшности, и по духу (кромѣ греческаго устава, во многомъ искаженнаго, и богослуженія на старославянскомъ языкѣ), опасаясь потерять русскую унію для Рима, употреблялъ все свое вліяніе, всю силу іезуитской мудрости, чтобы парализовать приведеніе въ исполненіе правительственнаго рас-

поряженія. И теперь, въ 1822 г., министръ духовныхъ дѣлъ въ своемъ предложеніи выражалъ намѣреніе сохранить за монахами базиліанами руководство просвѣщеніемъ юношества, особенно дѣтей уніатскихъ священниковъ и церковнослужителей, изъ которыхъ пополняются открывающіяся вакансіи въ церквахъ, и наблюденіе за преуспѣваніемъ греческаго обряда. Но именно отъ этой-то опеки базиліанъ необходимо было избавить унію, а этотъ пунктъ, поставленный во главѣ Брестскимъ капитуломъ, оставленъ былъ кн. Голицынымъ безъ надлежащаго разсмотрѣнія. Напротивъ того, орденъ остается по прежнему полновластнымъ хозяиномъ: если не найдетъ у себя способныхъ учителей, то, по смыслу предложенія, онъ могъ передать свои школы римско-католическимъ монашескимъ сословіямъ, которыя обязаны просвѣщать свое юношество или передать ихъ вмѣстѣ съ фундушами Виленскому университету. Такая оговорка не была лишнею, на случай, когда базиліане вздумали бы вмѣстѣ съ своими школами перекочевать въ латинство. Далѣе въ шести пунктахъ предложенія, составляющихъ программу дѣйствій въ епархіяхъ, перечислены не всѣ тѣ нужды, на которыя указывало неоднократно старшее Брестское духовенство, и притомъ дѣлаются новыя уступки ордену. На первомъ планѣ поставлено учрежденіе семинарій и духовныхъ училищъ (п. 1); въ базиліанскій орденъ должны поступать преимущественно дѣти уніатскаго духовентва, поэтому семинаріи могутъ быть вмѣстѣ съ новиціатами (п. 2). Нуждамъ свѣтскихъ публичныхъ школъ, которыя содержатъ базиліанскіе монахи, обучавшіе юношество по польски, отдается первенство передъ нуждами духовныхъ училищъ и семинарій, то-есть, передъ вопіющими потребностями бѣлаго духовенства, ибо только изъ остающихся суммъ, за обезпеченіемъ свѣтскихъ школъ, полагалось отдѣлять деньги на обезпеченіе содержанія главной и епархіальныхъ семинарій, и на образованіе вспомогательнаго капитала для обезпеченія бѣлаго духовенства (п. 4).

Если бы базиліанскій орденъ вздумалъ воспользоваться предоставляемымъ ему правомъ передачи публичныхъ свѣтскихъ школъ какому-либо римско-католическому ордену, положимъ, піарамъ, или Виленскому университету, вмѣстѣ съ фундушами, при чемъ тогда осталась бы греко-уніатская церковь? Но орденъ могъ это сдѣлаъ; такое обстоятельство собственно и грозило ей опасностью. Оттого, можетъ быть, въ перечисленіи монастырей, подлежащихъ закрытію, заботливо оберегаются тѣ изъ нихъ (самые богатые), въ которыхъ

находятся какія-либо учебныя заведенія (то-есть, они не подлежали закрытію) (п. 5). Въ оставляемыхъ монастыряхъ должно назначить опредѣленное число монаховъ, не допуская (безъкрайней необходимости) монаховъ до исправленія мірскихъ требъ. Оговорка въ скобкахъ вела къ недоразумѣніямъ. Въ заключеніе своегопредложенія министръ грозитъ карою орденскому начальству, то-есть, провинціаламъ и консультѣ, за утайку свѣдѣній о монастыряхъ.

Предложеніе 28-го сентября 1822 г., проникнутое намѣреніемъ покровительствовать и впредь базиліанамъ, какъ учрежденію воспитательному, сохраняло за нимъ исключительное право на образованіе греко-уніатскаго бѣлаго духовенства, и это обстоятельство повело къ чрезвычайно важнымъ недоразумѣніямъ, которыя не замедлили вызвать ожесточенную борьбу между клиромъ и монашествомъ. Въ епархіяхъ, еще ранѣе полученія предложенія министра отъ 28-го сентября 1822 г., полученъ былъ указъ 16-го октября о воспрещеніи принимать въ базиліанскій орденъ лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. „Можемъ ожидать улучшеній", писалъ А. Сосновскій къ профессору Бобровскому. — „Я получилъ изъ столицы извѣстіе, что оо. базиліанамъ запрещено принимать лицъ латинскаго обряда". Другой корреспондентъ, Маркевичъ, сообщаетъ: „Открывается для нашего клира нужда въ ученыхъ людяхъ, которые, скоро узнаешь, на что будутъ нужны. Что полагаютъ съ нами сдѣлать, того теперь не могу открыть тебѣ. Когда пишу къ тебѣ, то отъ радости трясется перо, но это еще секретъ, и не могу сказать чему именно радуюсь. Прошу и васъ сохранить это въ секретѣ" (21-го октября 1822 г.). Этотъ секретъ въ епархіяхъ былъ открытъ не ранѣе конца ноября, когда консисторіи были привлечены къ выполненію задачъ, указанныхъ въ предложеніи 28-го сентября.

Присутствіе уніатскаго департамента коллегіи составляли: предсѣдатель—митрополитъ греко-уніатскихъ церквей Іосафатъ Булгакъ, членъ—Черейскаго базиліанскаго монастыря бѣлорусской провинціи архимандритъ Сулятыцкій, котораго 28-го февраля 1823 года замѣнилъ Гродненскаго монастыря архимандритъ Полонскій, засѣдатели изъ епархій: Полоцкой—полоцкій каноникъ Григорій Лавецкій, Брестскій—брестскій каноникъ Василій Маркевичъ (онъ же и отъ Виленской епархіи), Луцкой—протопресвитеръ Іосифъ Сѣмашко, секретарь титулярный совѣтникъ Осипъ Климовичъ [1]).

---

[1]) Архивъ св. синода, дѣла 1822 г., № 59 и № 70, 1829 г. № 165. Назначеніе

Присутствіе 2-го департамента застигнуто было въ расплохъ: въ немъ не имѣлось исправныхъ свѣдѣній, чтобы немедленно приступить къ дѣлу.

По выслушаніи предложенія министра отъ 28-го сентября, 2-й департаментъ въ засѣданіяхъ 9-го и 16-го октября опредѣлилъ: составить формы вѣдомостей, разослать таковыя провинціаламъ и назначить шестимѣсячный срокъ для доставленія требуемыхъ свѣдѣній и соображеній, оставивъ разрѣшеніе прочихъ вопросовъ до полученія свѣдѣній отъ провинціаловъ (указы 2-го департамента коллегіи 31-го октября и 3-го ноября 1822 года). Одностороннія распоряженія 2-го департамента, безъ сношенія съ представителями бѣлаго духовенства въ епархіяхъ, не понравились князю А. Н. Голицыну, который никогда еще не относился съ такимъ вниманіемъ къ нуждамъ бѣлаго грекоуніатскаго духовенства; вслѣдствіе того 20-го ноября 1822 г. отъ него послѣдовало второе предложеніе, въ которомъ ясно уже видимъ, кто собственно далъ толчекъ вновь поднятому вопросу о монастыряхъ [2]):

„Изъ представленія коллегіи по дѣлу о базиліанскихъ монастыряхъ и ихъ фундушахъ усмотрѣлъ я, что она, требуя отъ провинціаловъ вѣрнѣйшихъ вѣдомостей о фундушевыхъ имѣніяхъ и назначивъ для доставленія сихъ вѣдомостей шестимѣсячный срокъ, постановила, чтобы по полученіи оныхъ войти въ разсмотрѣніе, какія слѣдуетъ сдѣлать распоряженія по предложенію моему отъ 28-го сентября сего года.

„Но такъ какъ помянутыя вѣдомости, за вѣрность коихъ возложена на провинціальныя начальства отвѣтственность, нужны только для точнѣйшаго удостовѣренія,—не пропущены ли какіе фундуши, или не показаны ли уменьшительно, а коллегія имѣетъ уже описи генеральныхъ визитъ базиліанскихъ монастырей какъ прежняго времени до 1805 года, изъ коихъ извлечены свѣдѣнія, представленныя правительствующему сенату, такъ и послѣднихъ лѣтъ,—то я нахожу, что коллегія можетъ заняться нынѣ же соображеніями по многимъ статьямъ помянутаго предложенія, и особенно о томъ: 1) въ какихъ

членомъ отъ базиліанскаго ордена Полоцкаго на новое трехлѣтіе по предложенію князя Голицына состоялось 28-го февраля 1823 г. Дѣло 1822 г. № 2, нач. 25-го января 1822 г., оконч. 17-го августа 1828 г. Назначеніе засѣдателей отъ епархій на новое трехлѣтіе состоялось въ іюлѣ и августѣ 1822 г. Д. 1822 г. № 31. Начато 23-го апрѣля, кончено 28-го сентября 1822 г. См. гл. VI.

[1]) Архивъ св. синода, д. 1822 г. № 61, л. 7: Вверху надпись „получено 23-го ноября 1822 г. № 632“.

монастыряхъ удобнѣе учредить епархіальныя семинаріи, кои еще не учреждены, и новиціаты, въ коихъ пріуготовлялось бы юношество для вступленія въ базиліанскій орденъ, и 2) сколько въ каждой епархіи сверхъ тѣхъ монастырей, гдѣ учреждены будутъ сіи учебныя заведенія и гдѣ уже имѣются публичныя училища, назначенныя въ высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату 2-го октября 1810 года, слѣдуетъ оставить яко простыя монашескія обители по соразмѣрности съ числомъ церквей епархіи.

„Поелику разсмотрѣніе о всѣхъ сихъ предметахъ должно предшествовать опредѣленію фундушей на оныя, то и нѣтъ основанія отлагать сіе на дальнѣйшее время. Притомъ, можетъ быть, нужно будетъ требовать мѣстныхъ по симъ предметамъ соображеній отъ епархіальнаго и орденскаго начальства, а о учрежденіи семинаріи для юношества бѣлаго духовенства и обращеніи нѣкоторыхъ монастырей въ приходскія церкви по прежнему имѣть въ виду мнѣніе и мѣстныхъ консисторій, состоящихъ изъ бѣлаго духовенства.

„Я предлагаю коллегіи учинить о всемъ томъ надлежащее постановленіе для успѣшнѣйшаго теченія сего важнаго дѣла,—такъ какъ не разрѣшеніе онаго уже два раза Государь Императоръ имѣлъ въ виду, да и устройство унитскихъ епархій и базиліанскаго ордена требуетъ поспѣшить онымъ.

„Притомъ я нахожу, что не основывая полной надежды на вѣрность новыхъ вѣдомостей, кои провинціалами представлены будутъ, нужно коллегіи предпринять соображеніе всѣхъ имѣющихся въ ней по визитамъ разныхъ лѣтъ, по другимъ вѣдомостямъ и частнымъ дѣламъ свѣдѣній о фундушахъ, поручивъ собраніе сихъ свѣдѣній асессорамъ коллегіи, каждому по своей епархіи".

Такимъ образомъ, въ силу втораго предложенія министра, разсмотрѣніе и соображеніе визитъ и разныхъ вѣдомостей о фундушахъ базиліанскаго ордена въ самой коллегіи по провинціямъ Бѣлорусской, Литовской и Русской возложено на засѣдателей соотвѣтственныхъ епархій Лавецкаго, Маркевича и Сѣмашку; консисторіямъ же указано доставить свои соображенія по поводу предложеній министерства духовныхъ дѣлъ: 1) гдѣ помѣстить семинарію для воспитанія юношества, 2) какіе именно монастыри были первоначально приходскими бѣлаго духовенства, 3) потребовать отъ мѣстныхъ провинціаловъ свѣдѣнія, гдѣ помѣстить базиліанскіе новиціаты? Коллегія поясняетъ, что на семинаріи и новиціаты могутъ быть обращены первѣйшіе монастыри, не исключая и архимандричьихъ, но

не тѣ, въ коихъ имѣются публичныя (свѣтскія) училища (журналъ 27-го ноября) [1]).

Отсылаемыя въ департаментъ духовныхъ дѣлъ меморіи не удовлетворяли ни начальника отдѣленія Карташевскаго, ни директора департамента Тургенева. Поэтому въ новомъ, третьемъ предложеніи министра, отъ 6-го февраля 1823 г. [2]), было предписано:

„Принимая мѣры къ ускоренію разрѣшенія дѣла о базиліанскихъ монастыряхъ, я предлагалъ коллегіи между прочимъ отъ 20-го ноября 1822 г., дабы для повѣрки вѣдомостей, требуемыхъ о состояніи оныхъ монастырей отъ орденскаго начальства, засѣдатели 2-го департамента извлекли свѣдѣнія изъ описей визитъ разныхъ лѣтъ и изъ другихъ вѣдомостей и частныхъ дѣлъ о фундушахъ базиліанскаго ордена.

„Хотя коллегія, какъ я усматриваю изъ меморій, возложила сію обязанность на засѣдателей, но поелику изъ меморій не видно, какой порядокъ предначертанъ для такого занятія, то желая удостовѣриться въ успѣхѣ сего дѣла, я предлагаю 2-му департаменту коллегіи, дабы засѣдатели представляли въ департаментъ въ половинѣ и въ исходѣ каждаго мѣсяца выписки свои съ означеніемъ тѣхъ вѣдомостей и дѣлъ, изъ коихъ оныя извлечены“.

Разборъ имѣвшихся въ архивѣ 2-го департамента коллегіи документовъ о базиліанскихъ фундушахъ и текущихъ доходахъ при первомъ же приступѣ къ исполненію предписаній министра обнаружилъ большіе неисправности, пробѣлы и неточности въ показаніи капиталовъ; пропущены или уменьшены разныя суммы, капиталы показаны въ разной монетѣ: червонцами, талерами, серебряною монетою, ассигнаціями. Свести все это въ одинъ итогъ было затруднительно. Притомъ оказалось, что многіе капиталы розданы въ ссуды помѣщикамъ, которые

---

[1]) Первыя офиціальныя извѣстія о готовившихся перемѣнахъ въ судьбѣ греко-уніатской церкви въ консисторіяхъ получены были въ началѣ ноября 1822 г. „Присутствіе собирается ежедневно: 10 ноября читанъ указъ, коимъ воспрещается пріемъ въ орденъ латинниковъ, развѣ въ крайности для учительскихъ обязанностей и то съ разрѣшенія консисторіи; указъ этотъ, однако данъ вопреки мнѣнію коллегіи“... И далѣе: „Ходятъ еще слухи, что монастыри, образованные изъ приходскихъ церквей будутъ упразднены; съ имѣній же другихъ монастырей и суммъ образуется общій капиталъ (масса), изъ котораго составится штатъ для ордена, остальное пойдетъ на вспомоществованіе приходскимъ церквамъ и школамъ, образованіе фундушей на содержаніе трехъ семинарій, а частью на главную семинарію“ (Ант. Сосновскій къ своему сыну Платону, 12-го ноября 1822 г.).

[2]) Вверху предложенія надпись: „получено 8-го февраля 1823 г., № 73“.

неисправно платили проценты и наносили убытки, что нѣкоторыя суммы изчезли и неизвѣстно куда дѣлись; не видно было по чьему распоряженію суммы расходовались или снимались со счетовъ (журналъ 15-го—19-го марта 1823 г.). Поэтому и для повѣрки капиталовъ базиліанскихъ, коллегія должна была обратиться къ посредству епархіальныхъ консисторій. Слѣдовательно, съ самого же начала дѣла, отъ котораго ожидали важныхъ послѣдствій для греко-уніатской церкви, вся тяжесть рѣшенія легла на представителей бѣлаго духовенства въ епархіяхъ.

Предложенія министерства бѣлое духовенство приняло съ живѣйшею благодарностью (рапортъ Брестской консисторіи 12-го март 1823 г.), и, не смотря на затрудненія, дѣлаемыя базиліанскими провинціалами, капитулъ съ большимъ тактомъ, знаніемъ и достоинствомъ направлялъ дѣло объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей.

Орденское начальство съ самаго начала почувствовало опасность. Въ предложеніяхъ министерства, переданныхъ провинціалами при указахъ 2-го департамента коллегіи отъ 16-го и 31-го октября 1822 г., не смотря на видимую защиту его интересовъ, монахи предусматривали упраздненіе самаго ордена и потому всѣми способами стали противодѣйствовать консисторскимъ распоряженіямъ.

Защиту интересовъ базиліанскаго ордена принялъ на себя литовскій провинціалъ, архимандритъ Лещинскаго монастыря Цезарій Каминскій, съ своими консульторами и учеными богословами Свято-Троицкаго Виленскаго монастыря. Изъ первыхъ же дѣйствій провинціала видно, что въ распоряженіяхъ министерства они просто не хотѣли признавать высочайшей воли. Защита же интересовъ бѣлаго духовенства пала, главнымъ образомъ, на долю наиболѣе рѣшительныхъ по характеру или наиболѣе просвѣщенныхъ членовъ Брестскаго капитула.

Митрополитъ Булгакъ теперь открыто сталъ на сторону ордена и, пользуясь своимъ положеніемъ предсѣдателя 2-го департамента коллегіи, болѣе пяти лѣтъ не только парализовалъ его дѣятельность, но и старался разстроить предложенія въ мнѣніяхъ Брестской и Виленской консисторій. Послѣднія явно добивались упраздненія базиліанской монополіи.

Первыя соображенія объ устройствѣ епархіальныхъ семинарій на счетъ фундушей упраздняемыхъ базиліанскихъ монастырей и указанія, какіе именно монастыри подлежатъ закрытію, съ передачею церквей бѣлому духовенству, и какіе изъ нихъ должны быть обращены на семинаріи и каѳедры, получены въ Петербургѣ отъ Виленской митрополичьей и

Брестской консисторій, имѣвшихъ предсѣдателями членовъ Брестскаго капитула каноника прелата кантора Илью Мокрицкаго и прелата-схоласта Антонія Тупальскаго. И тотъ, и другой управляли епархіями многіе годы; они понимали всю важность министерскаго предложенія и старались устранить орденъ отъ вліянія его на духовное образованіе священниковъ.

Обѣ консисторіи выразили намѣреніе занять подъ семинарію два главнѣйшіе пункта базиліанскаго ордена Литовской провинціи, монастыри Виленскій Свято-Троицкій и Жировицкій—Богоматери. Здѣсь собственно и были собраны главныя силы базиліанскаго ордена; отсюда онъ распространялъ своихъ миссіонеровъ, и здѣсь была его высшая школа, распространявшая сѣмена латинизаціи во всей русской уніи, не исключая и Бѣлоруссіи.

Всѣ монастыри, имѣвшіе приходы, въ коихъ требы совершались монахами, по мнѣнію означенныхъ консисторій, подлежатъ упраздненію, съ передачею церквей бѣлому духовенству, то-есть, обращаются въ первоначальное состояніе. Изъ самаго русскаго текста документовъ, писанныхъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, видно, что первыми устроителями церквей Западнаго края были русскіе люди, и что базиліанскій орденъ незаконно овладѣлъ ихъ фундушами,—поэтому упраздненію подлежитъ и Жировицкій монастырь, хотя въ немъ имѣется публичная школа, да и Виленскій Свято-Троицкій монастырь владѣетъ фундушами, нѣкогда принадлежавшими церквамъ, каѳедрѣ и семинаріи.

Изъ актовъ бывшей (до 1795 г.) Виленской митрополичьей консисторіи, о которыхъ, вслѣдствіе указа 28-го мая 1808 года, подлинная вѣдомость была представлена черезъ Брестскаго епископа въ коллегію 18-го іюня 1809 г., видно, что изъ приходскихъ церквей, вмѣстѣ съ захватомъ фундушей, образованы были слѣдующіе монастыри: а) Брестской епархіи: Антопольскій, Цеперской, Хомскій, Черленскій, Даревскій, Лысковскій, Мірскій, Новогрудскій, Рожанскій, Волнянскій, Жировицкій, Гродненскій инокинь базиліанокъ и Кузницкій базиліанъ, всего 13 монастырей, и б) Виленской митрополичьей: Сцуковскій, Кассутскій, Раковскій, Свержанскій, Казиміровскій, Илукштанскій, Якобштатскій, Геліановскій, Поставскій и Логовскій, а всего 10 монастырей [1]). Итакъ, изъ 39 монастырей

[1]) Право на обращеніе этихъ церквей изъ монастырей доказывается: а) протестомъ бѣлаго духовенства бывшей при польско-литовскомъ правительствѣ Ви-

23 подлежали закрытію въ одной только литовско-базиліанской провинціи.

Въ вѣдомости о состояніи базиліанскихъ монастырей, представленной въ коллегію 18-го іюня 1809 г., показаны были еще легаціонныя суммы, которыхъ нынѣ, въ представленіи ордена 1822 года, не оказывается. Кромѣ того, базиліанскій орденъ пользуется съ давнихъ поръ суммами, назначенными на семинарію, но эти капиталы (см. протесты бѣлаго духовенства 1776 и 1819 года) въ орденѣ утаивались.

Лучшими монастырями въ Брестской епархіи (изъ числа 23) признаются Супрасльскій архимандричій, Тороканскій, Бытенскій и Жировицкій. Первые три монастыря неудобны для семинаріи по слѣдующимъ соображеніямъ:

Супрасльскій монастырь въ 1798 г., когда Бѣлостоцкая область принадлежала Пруссіи, былъ назначенъ подъ каѳедру бывшей Супрасльской епархіи. Въ 1819 году Брестскій капитулъ полагалъ имѣть въ немъ семинарію, обративъ всѣ его доходы на содержаніе семинаріи и каѳедральныхъ членовъ капитула. По этому поводу архипресвитеръ Янковскій сносился съ орденомъ, но такъ какъ капитулъ на свои просьбы въ большей части не получилъ удовлетворенія, то и вопросъ о помѣщеніи семинаріи въ Супрасльскомъ монастырѣ остался безъ движенія [1]. Супрасльскій монастырь находится

ленской консисторіи, поданномъ черезъ священника Щигельскаго 4-го ноября 1776 года; б) вѣдомостью о фундушахъ монастырей базиліанскаго ордена Литовской провинціи, которую подписали, 26-го апрѣля 1809 г., генеральный офиціалъ каноникъ Брестскій схоластикъ Антоній Тупальскій, каноникъ Брестскій канторъ, и членъ совѣта главной духовной семинаріи Илья Мокрицкій, протоконсульторъ Виленскаго монастыря благочинный Гервазій Семеткевичъ, консульторъ Іосафатъ Клопотовскій, консульторъ Игнатій Маковецкій; она была представлена въ коллегію 18-го іюня 1809 г., вслѣдствіе указа 28-го мая 1808 г.; в) о Жировицкой церкви и чудотворной иконѣ Божіей матери свидѣтельствуетъ сочиненіе, выписка изъ котораго приложена къ рапорту Брестской консисторіи отъ 12-го марта 1823 г., № 151, подъ лит. *Д*; г) о Кузницкой церкви свидѣтельствуетъ фундушевая запись 1701 года; д) въ визитѣ 1714 г. показано, что въ мѣстечкѣ Логойскѣ было три приходскія греко-уніатскія церкви: соборная (замковая), св. Николая и Преображенская; *замковая* церковь, гдѣ нынѣ базиліанскій монастырь, и понынѣ называется *соборною*. Рапорты Виленской консисторіи въ февралѣ 1823 г. и Брестской консисторіи 12-го марта 1823 г. Архивъ св. синода, д. 1822 г., № 61, листы: 28—40, 50—66, 76—81, 82—125.

[1]) Отзывъ прелата архипресвитера капитула и завѣдывающаго Брестскою каѳедрой Гавріила Янковскаго къ предсѣдателю Брестской консисторіи отъ 1-г

въ дурномъ состоянiи и притомъ занятъ артиллерiйскими снарядами, такъ что не признается годнымъ для помѣщенiя семинарiи на 30 человѣкъ и духовнаго училища (или гимназiи) на 70 человѣкъ. Между тѣмъ, дѣтей бѣдныхъ священниковъ въ Брестской епархiи болѣе 100 человѣкъ. Литовскiй провинцiалъ Цезарiй Каминскiй, въ своемъ отношенiи въ консисторiю отъ 14-го февраля 1823 г. (основываясь на томъ, что Брестскiй капитулъ въ засѣданiи 25-го сентября 1819 г. изъявилъ желанiе имѣть Супрасльскiй монастырь для помѣщенiя каѳедры и консисторiи, вслѣдствiе чего со стороны ордена въ представленiи къ митрополиту Булгаку 20-го iюня 1820 г. послѣдовало согласiе), считалъ удобнымъ въ настоящее время это будто бы взаимное соглашенiе привести въ исполненiе [1]). Но, въ виду предложенiя министра отъ 28-го сентября 1822 г. капитулъ въ отношенiи своемъ въ консисторiю полагалъ, что онъ едва ли въ состоянiи устроить семинарiю лучше, чѣмъ само правительство, а базилiанскiй орденъ теперь никакъ не можетъ ссылаться на сдѣланныя имъ будто бы уступки, такъ какъ, вопервыхъ, Супрасльскiй монастырь не входитъ въ составъ Литовской провинцiи и, слѣдовательно, не касается ордена, и вовторыхъ, въ 1819 г. между провинцiаломъ и капитуломъ не послѣдовало соглашенiя [2]).

Бытенскiй монастырь орденское начальство намѣрено сохранять для новицiевъ, и такой потребности онъ удовлетворяетъ болѣе, чѣмъ помѣщенiю епархiальной семинарiи, на содержанiе которой пришлось бы присоединить фундуши двухъ монастырей. По мнѣнiю консисторiи, нѣтъ основанiя оспаривать папскiя привилегiи на помѣщенiе базилiанскаго новицiата въ Бытенскомъ монастырѣ.

Третiй — Тороканскiй монастырь находится на окраинѣ епархiи

марта 1823 года. Архивъ св. синода, д. 1822 г., № 61 и 69 и слѣд. По поводу семинарiи митрополитъ согласился съ базилiанскимъ орденомъ, и тотъ рѣшилъ, чтобы часть фундуша Новаго Двора, принадлежащую монастырю Цеперскому, присоединить къ семинарскимъ фундушамъ. Не получая долгое время отвѣта, который капитулъ въ правѣ былъ ожидать въ виду предложенiя министра кн. Голицына (въ маѣ 1819 г.), и опасаясь за исходъ своего дѣла, было рѣшено, въ засѣданiи 22-го юня 1820 г., представить формальное прошенiе черезъ двухъ уполномоченныхъ съ отвѣтомъ или замѣтками на 10 пунктовъ. Но какъ желанiя капитула не были выполнены, то и предлагаемое нынѣ надѣленiе семинарiи со стороны базилiанскаго ордена капитулъ считаетъ недѣйствительнымъ.

[1]) Архивъ св. синода 1822 г., № 61. Приложенiе подъ лит. *А*, къ рапорту Брестской консисторiи 12-го марта 1823 г., *л.* 67.

[2]) Тамъ же. Приложенiе подъ лит. *Б*, *л.* 75.

тѣсенъ и потому вовсе неудобенъ для семинаріи; но фундуши его могутъ быть обращены на семинарію. Консисторія не сомнѣвается, что правительство обратитъ вниманіе на покровительство вдовъ и сиротъ женскаго пола греко-уніатскаго духовенства. Образованіе женщины необходимо для проведенія въ семьѣ правилъ религіи и добродѣтели. Съ этою цѣлью полезно было бы учредить женскій институтъ, помѣстивъ таковой въ Тороканахъ.

Наиболѣе удобнымъ и соотвѣтственнымъ для помѣщенія епархіальной семинаріи, вмѣстѣ съ училищемъ, почитается Жировицкій монастырь, въ которомъ, при обширности его зданій, могутъ найдти себѣ мѣсто также консисторія и епископская каѳедра. Съ своей стороны, орденское начальство полагаетъ на эти надобности обратить Супрасльскій монастырь, а Жировицкій монастырь, какъ имѣющій публичную свѣтскую школу, оставить въ распоряженіи базиліанскаго ордена по точному смыслу предложенія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Брестская консисторія считала своимъ долгомъ настаивать на занятіи Жировицкаго монастыря подъ семинарію (съ духовнымъ училищемъ), епископскую каѳедру и консисторію по слѣдующимъ основаніямъ: монастырь этотъ принадлежитъ бѣлому духовенству, ибо съ 1470 по 1613 г. здѣсь была приходская церковь, и въ ней славилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы; тогда при церкви было и училище; и теперь эта церковь приходская, но въ ней исправленіемъ требъ занимаются базиліанскіе монахи, чѣмъ нарушаются монастырскіе обѣты и затворническая жизнь. Изъ документовъ видно, что при Жировицкомъ монастырѣ должно содержать 12 безплатныхъ воспитанниковъ и при церкви имѣть инструментальную музыку [1]). Теперь уже музыки не имѣется. Монастырскія зданія соотвѣтствуютъ вполнѣ названнымъ потребностямъ, и семинарія здѣсь могла бы быть вскорѣ открыта. При обширности своей, Жировицкій монастырь можетъ служить резиденціей архіерею; въ немъ помѣстятся капитулъ (то-есть, соборная каѳедра), консисторія, семинарія и духовное училище. Библіотека монастырская содержитъ въ себѣ книгъ до 4,600 томовъ, есть физико-математическій кабинетъ и ризница, достаточная для облаченія епископа и членовъ его каѳедры. На предполагаемое число семинаристовъ и учениковъ имѣется достаточное количество посуды. Мѣстечко Жировицы небольшое и уеди-

---

[1]) Консисторія желаетъ дать замѣтить, что по уставамъ греческой церкв полагается хоръ пѣвчихъ, а не инструментальная музыка и органъ.

ненное, и въ этомъ уединеніи большое удобство для учебнаго заведенія [1]). Фундуши Жировицкаго монастыря состоятъ изъ недвижимыхъ имѣній, откуда провизія можетъ поступать на столъ семинаристовъ. Доходы достигаютъ до 5,722 р. 72 к. Но ихъ недостаточно для 60 учениковъ и 30 семинаристовъ съ опредѣленнымъ штатомъ преподавателей. Слѣдовало бы пополнить недостающую сумму изъ фундушей Тороканскаго монастыря, котораго доходы простираются до 4,759 р. 62 к. Къ суммѣ 10,482 р. 34 к. полагалось бы причислить доходы съ фольварка Новый Дворъ (назначенные на Лаврышовскую семинарію) и 351 р. процентовъ съ капитала, пожертвованнаго епископомъ Духновскимъ на бывшую Супрасльскую семинарію.

Обращеніе Жировицкаго монастыря и фундушей Тороканскаго на епархіальную семинарію и духовное училище, по мнѣнію консисторіи, будетъ согласно съ постановленіями Тридентскаго собора (засѣд. 23 разд. XVIII), Брестскихъ помѣстныхъ соборовъ 1591—1594 гг. и Кобринскаго собора 1626 г. и съ привилегіями бывшихъ Польскихъ королей [2]).

Съ своей стороны, Виленская митрополичья консисторія въ числѣ 16 монастырей нашла наиболѣе удобнымъ помѣстить епархіальную семинарію своей епархіи въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ базиліанскомъ монастырѣ. Въ Вильнѣ нѣкогда имѣлось много греко-уніатскихъ церквей [3]), но изъ нихъ уцѣлѣла только одна — св. Николая, а всѣ прочія обращены въ частные дома и присоединены къ фундушамъ Свято-Троицкаго монастыря. Въ монастырѣ помѣщаются монахи всѣхъ провинцій, приготовляемые при Виленскомъ университетѣ къ учительскимъ обязанностямъ для базиліанскаго ордена, нѣсколько клириковъ, образующихъ студію, и публичное (свѣтское)

---

[1]) Описаніе Жировицкой иконы Божіей матери и монастыря сдѣлано въ Dziejach Doroczynności на 1823 г.

[2]) Рапортъ 12-го марта 1823 г., № 151, изъ Жировицъ (который оканчивается пожеланіями консисторіи объ осуществленіи благотворительныхъ намѣреній Всеавгустѣйшаго Монарха), подписали: председатель А. Тупальскій, вице-председатель (сурогатъ) А. Сосновскій, ассессоры Махцевичъ, Богдановскій, Пильховскій и секретарь Степанъ Захаревичъ.

[3]) Въ протестѣ 1776 года, священника Шигельскаго (глава II), поименованы слѣдующія виленскія церкви, бывшія прежде приходскими: 1) Покрова Пресвятыя Богородицы, 2) Іоанна Богослова, 3) св. Михаила, 4) св. Иліи Пророка, 5) св. Екатерины Великомученицы, 6) св. Николая, 7) св. Козьмы и Даміана, 8) св. апостоловъ Петра и Павла, 9) св. великомученика Георгія и 10) Рождества Христова. Ниже увидимъ, что въ XVII в. тамъ было 15 церквей.

училище; отсюда видна обширность монастырскихъ помѣщеній. Если базиліане дадутъ средства, то въ Свято-Троицкомъ монастырѣ можно найдти помѣщеніе и для епархіальной семинаріи. Слѣдовательно, Виленская консисторія въ своемъ мнѣніи щадила базиліанскій орденъ, не требуя упраздненія Свято-Троицкаго монастыря [1]. Мнѣнія обѣихъ консисторій не согласовались ни съ буквою предложенія министра, ни съ цѣлью митрополита Булгака сохранить въ рукахъ базиліанскаго ордена самые значительные монастыри и руководство духовнымъ образованіемъ священниковъ. Но съ такою постановкою реформы никакъ не могъ согласиться Брестскій капитулъ, добивавшійся полнаго устраненія латинизаторовъ отъ руководства просвѣщеніемъ въ епархіяхъ.

Прочія двѣ консисторіи, Луцкая и Полоцкая, отнеслись къ министерскому предложенію довольно равнодушно. Луцкая консисторія въ своемъ лаконическомъ отвѣтѣ многое опустила: „Самый удобный монастырь для помѣщенія семинаріи, Жидичинскій, гдѣ живетъ епископъ, нуждается въ расширеніи помѣщеній, а на содержаніе семинаріи имѣется весьма незначительный фундушъ въ 6,000 р.; но его можно увеличить на средства нѣкоторыхъ монастырей (какихъ не сказано). Изъ приходской церкви возникъ только Поддубицкій монастырь; Верховскій монастырь тоже обращенъ изъ церкви, но документы находятся въ Холмской епархіи. Новиціатъ для базиліанъ можно помѣстить въ Почаевскомъ монастырѣ“ [2].

Къ сообщенію Луцкой консисторіи мы считаемъ нужнымъ добавить нѣсколько замѣчаній. Въ Луцкой епархіи на 160 греко-уніатскихъ церквей было 23 базиліанскихъ монастыря, изъ коихъ 8 подлежали упраздненію, 6 содержали публичныя училища (на степени гимназій и уѣздныхъ училищъ), гдѣ большею частью обучались дѣти римско-католическаго вѣроисповѣданія, а 5 содержали приходскія училища. Въ числѣ учениковъ встрѣчалось не мало дѣтей и

---

[1]) Архивъ св. синода 1822 г., № 61, л. 28 и слѣд., л. 76 и слѣд. Рапортъ подписали: предсѣдатель Илья Мокрицкій, вице-предсѣдатель П. Ситкевичъ, засѣдатели: М. Грибовскій, I. Каминскій, К. Заблоцкій, секретарь Томковичъ.

[2]) Рапортъ 18-го апрѣля 1823 г. подписали: оффиціалъ, Сѣроцинскій, вице-оффиціалъ архидіаконъ Ермолинскій, ассессоръ каноникъ Бучинскій. Свѣдѣнія Луцкой консисторіи оказались далеко не полными; не упомянуто о 8 монастыряхъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей, которые подлежали закрытію на основаніи указа 1804 г. Луцкая консисторія не позаботилась даже собрать существенныя справки.

православнаго вѣроисповѣданія. Греко-уніатскіе прихожане Луцкой епархіи болѣе всѣхъ другихъ въ русской уніи были подавлены польскою пропагандою въ латино-польскихъ школахъ. Латинизація греческихъ обрядовъ въ этой южной окраинѣ также сдѣлала большіе успѣхи. Кременецкій лицей, устроенный Чацкимъ, служилъ обильнымъ разсадникомъ для прозелитизма уніатовъ; на содержаніе этой школы нѣкоторые базиліанскіе монастыри Русской провинціи, преимущественно архимандричьи, обязались формальными актами платить ежегодно въ эдукаціонную коммиссію опредѣленную сумму (ежегодно до 500 р., а Жидичинскій 900 р.). Въ вѣдомостяхъ же о базиліанскихъ монастыряхъ по отчетамъ оказались пробѣлы и пропуски. Архипресвитеръ Сѣроцынскій, управлявшій Луцкою епархіей вмѣсто епископа Мартусевича, перемѣщеннаго въ Полоцкую епархію, объяснялъ эти пропуски и недочеты ошибками писцовъ прежняго времени [1]).

Замедленіе отвѣта Полоцкой консисторіи произошло отъ перемѣны личнаго состава въ епархіи. Послѣ смерти архимандрита Шулякевича въ октябрѣ 1822 г. очистилось вакантное мѣсто Полоцкой каѳедры. Митрополитъ Булгакъ представилъ ходатайство о передачѣ управленія Полоцкой епархіи Луцкому епископу Мартусевичу, который, прибывъ въ Полоцкъ въ апрѣлѣ 1823 г., началъ отмѣнять порядки, заведенные митрополитомъ Лисовскимъ и архіепископомъ Красовскимъ: въ богослуженіи онъ вводилъ нѣкоторые латинскіе обряды, разрѣшалъ измѣнять молитвословіе, уничтожалъ служебники московской печати и вмѣстѣ съ тѣмъ своими придирками парализовалъ дѣйствія консисторіи, чѣмъ и ободрялъ провинціала Смыковича [2]). Послѣ неоднократныхъ подтвержденій 2-го департамента, съ угрозою взысканія

---

[1]) Рапортъ Сѣроцинскаго 31-го октября 1823 г. Не извѣстно куда дѣлась сумма въ 7240 р. Владимірскаго монастыря; сумма Мелецкаго монастыря противъ 1805 г. уменьшена по вѣдомости 1822 г. безъ всякаго объясненія. Мы уже достаточно знакомы съ личностью Сѣроцинскаго; его грѣхи пришлось въ коллегіи покрывать Іосифу Сѣмашкѣ, который и составлъ вѣдомость о монастыряхъ своей епархіи по образцу вѣдомостей о монастыряхъ Литовской провинціи 1809 года. Вѣдомость эта находится въ дѣлѣ 1822 г., № 61. Въ концѣ ея сдѣланы общіе выводы неисправностей въ отчетности о капиталахъ, вслѣдствіе разногласія показаній въ визитахъ. Потребовались дополнительныя справки и провѣрка дѣйствительнаго состоянія фундушей.

[2]) Записки Василія Лужинскаго. Надо полагать, что это обстоятельство было поводомъ представленіи жалобъ на высочайшее имя нѣкоторыми благочинными Полоцкой епархіи.

за противозаконную медленность [1]), только въ ноябрѣ 1823 г. было въ департаментѣ получено донесеніе Полоцкой консисторіи о монастыряхъ Бѣлорусской провинціи, которые, на основаніи предложенія министра и по смыслу фундушевыхъ документовъ, подлежали упраздненію съ передачей церквей бѣлому духовенству. Консисторія, съ своей стороны, не разъ жаловалась, что бѣлорусскій провинціалъ Смыковичъ доставлялъ на разсмотрѣніе документы о монастырскихъ фундушахъ, частью въ спискахъ изъ актовъ земскихъ дѣлъ, частью же въ партикулярныхъ копіяхъ, не заслуживающихъ уваженія. Поэтому она требовала подлинныхъ документовъ; но провинціалъ отговаривался затрудненіями въ ихъ пересылкѣ. Въ монастырскихъ фундушахъ оказались пропуски и недочеты, нѣкоторыя суммы исключены были изъ отчетовъ вслѣдствіе несостоятельности должниковъ. О суммѣ въ 1810 голландскихъ червонцевъ, помѣщенной у помѣщика Косова и переданной настоятелю Тадулинскаго монастыря Суражу, въ отчетахъ нѣтъ и слѣдовъ. Нѣкоторыя суммы истрачены въ Отечественную войну или употреблены на вспомоществованіе разоренымъ крестьянамъ [2]).

Полоцкой консисторіи въ сущности не много было дѣла: ей нужно было только привести въ извѣстность состояніе монастырей, опредѣливъ, какіе именно изъ нихъ подлежатъ закрытію. Каѳедра и семинарія въ Полоцкѣ устроены были, какъ извѣстно, еще въ 1805—1806 гг. въ Софійскомъ монастырѣ. Изъ донесенія оказывается, что изъ числа 18 монастырей Бѣлорусской провинціи нѣкоторые пришли въ совершенный упадокъ, другіе не достигаютъ своего назначенія, были прежде приходскими, содержатъ по два, по три монаха, которые, вопреки обѣту, занимаются духовными требами. Поэтому 10 монастырей

---

[1]) Полоцкая консисторія, сказано въ журналѣ 10-го сентября 1823 г.,—оказала противозаконную медленность въ исполненіи указа 30-го декабря 1822 г., посему ей предписать, чтобы въ теченіе трехъ дней отъ полученія втораго подтвержденія она прислала исполненіе подъ опасеніемъ взысканія по закону. Но вмѣсто трехъ дней прошло еще три мѣсяца до полученія отвѣта изъ консисторіи. Архивъ св. синода 1822 г., № 61, л. 150.

[2]) Архивъ св. синода по 2-му департ. колл. 1822 г., № 61. Рапортъ Полоцкой консисторіи 9-го іюля 1823 г., л. 144. Журналъ по 2-му депар. колл. 30-го октября 1823 г., л. 167. Представленіе епископа Мартусевича 22-го октября 1823 г., л. 168. Рапортъ провинціала Смыковича 14-го ноября 1823 г., л. 176. Донесеніе Полоцкой консисторіи 16-го ноября 1823 г., л. 178—197. Донесеніе подписали официалъ Симеонъ Савиничъ, вице-официалъ каноникъ Петръ Слонимскій, ассессоръ Сильвестръ Заблоцкій.

подлежатъ упраздненію съ передачей церквей бѣлому духовенству [1]). Затѣмъ въ сословіи базиліанскаго ордена останется семь монастырей (кромѣ Софійскаго), обезпеченныхъ достаточными фундушами на содержаніе 130 базиліанъ, со включеніемъ 15 новиціевъ и 28 учениковъ. Притомъ число монаховъ должно еще болѣе уменьшиться вслѣдствіе указа 16-го октября 1822 г., коимъ воспрещается принимать въ монахи латынянъ, а теперь имѣются еще 28 учениковъ латинскаго обряда.

Къ числу древнихъ монастырей принадлежитъ еще Борисоглѣбскій, основанный въ 1220 г. Полоцкимъ княземъ Борисомъ Глѣбовичемъ и надѣленный въ 1396 году княземъ Ярославомъ Изяславичемъ разными правами. Что же касается до самаго древняго—Софійскаго монастыря, то послѣ назначенія его подъ семинарію, каѳедру и помѣщеніе епископа, въ немъ остается еще 12 монаховъ, коихъ можно переселить въ Борисоглѣбскій монастырь, предоставивъ совершать богослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ свѣтскому клиру.

---

[1]) Монастыри, принадлежавшіе прежде бѣлому духовенству: Лысковскій—церковь основана вел. кн. Витовтомъ, Добригорскій—приходская церковь въ 1639 г., но въ 1705 г. передана вмѣстѣ съ фундушами базиліанамъ, Любовицій—церковь до половины XVII вѣка была приходскою, Ушацкій—въ 1692 г. митрополитъ Жоховскій передалъ церковь св. Георгія базиліанамъ со всѣми угодіями, Безводицкій—церковь Петро-Павловская передана базиліанамъ въ 1785 г., Пустынскій—церковь основана въ л. 7508 (1500 г.) Михаиломъ Ивановичемъ Юревичемъ въ 1578 г.; Стефанъ Баторій передалъ ее архіепископу Ѳеофану Богдану, въ 1631 г.; Сигизмундъ III назначилъ ее митрополиту Вельямину Рутскому; въ 1643 г. отъ митрополита Селявы она перешла къ архимандриту Варлааму Козинскому съ братіей того же монастыря; изъ документовъ видно, что эта церковь до половины XVII столѣтія не была еще монастырскою. Монастыри, пришедшіе въ совершенный упадокъ: Махировскій — устроенъ въ 1770 году епископомъ Гребницкимъ, Сѣроцинскій—до 1698 г., здѣсь была часовня, переданная въ этомъ году базиліанамъ, а епископъ Гребницкій въ 1750 году увеличилъ ея фундуши; Малашковскій, гдѣ прежде была церковь, при которой Марія и Евстафій Глинки устроили монастырь; Маривильскій—при церкви Божіей Матери устроенъ въ 1748 году на 3—5 монаховъ. Архивъ св. синода по 2-му департ., д. 1822 г., № 61, л. 178 и слѣд. Какъ извѣстно, виновниками раззоренія монастырей Бѣлорусской провинціи были сами монахи, но провинціалъ Смыковичъ и митрополитъ Булгакъ объясняли упадокъ монастырей дѣйствіями митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго или ссылались на разореніе въ Отечественную войну.

Съ начала 1823 года управленіе дѣлами греко-уніатской церкви раздѣлили между собою митрополитъ Булгакъ и Луцкій епископъ Мартусевичъ. Послѣдній, съ перемѣщеніемъ въ Полоцкую архіепископію, оставался начальникомъ и Луцкой епархіи, передавъ завѣдываніе ею архипресвитеру Кириллу Сѣроцинскому, наименованному епископомъ Пинскимъ. Оба епископа, Мартусевичъ и Сѣроцинскій, хотя происходили изъ свѣтскаго клира, но дѣйствовали въ духѣ латино-польскихъ фанатиковъ и покрывали темныя дѣла ордена въ своихъ епархіяхъ [1]). Относясь недоброжелательно къ старшему бѣлому духовенству, Мартусевичъ и его викарный Сѣроцинскій своими распоряженіями и произвольными дѣйствіями совершенно парализовали силы капитуловъ Полоцкой и Луцкой епархіи. Однако деспотизмъ епископа Мартусевича, разъединившаго духовенство Полоцкаго капитула, не помѣшалъ нѣкоторымъ изъ его членовъ и благочиннымъ явиться на защиту своего архіепископа Красовскаго, преданнаго суду при 2-мъ департаментѣ коллегіи [2]). Еще въ болѣе удрученномъ состояніи было духовенство Луцкой епархіи: здѣсь оно совершенно по давлено было католиками.

Надежда всего клира опиралась на Брестскую епархію, гдѣ дѣлами управлялъ на правахъ намѣстника офиціалъ Тупальскій, имѣя помощникомъ Антонія Сосновскаго, энергическаго и на все готоваго члена Брестскаго капитула. Вліяніе брестскихъ прелатовъ и канониковъ простиралось и на духовенство Виленской епархіи, которою управлялъ суффраганъ епископъ Головня, всецѣло пре-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. 1823 г., № 18, 38. Луцкая епархія передана Мартусевичемъ офиціалу Луцкой консисторіи Сѣроцинскому въ мартѣ 1823 года; по ходатайству Мартусевича, высочайшимъ указомъ 25-го ноября 1823 года и на основаніи буллы папы Климента VIII 1595 г. онъ наименованъ епископомъ Пинскимъ съ содержаніемъ въ 1000 руб. сер. изъ доходовъ Жидичинскаго монастыря.

[2]) Le catholicisme Romain en Russie, par le comte *Dmitry Tolstoy*, t. II, p. 367: „Quand Krassowsky était déjà éloigné de la direction de son diocèse, et se trouvait en jugement, les chefs et d'aautres personnes ecclésiastiques des différents décanats de l'archevêché de Polotsk supplièrent l'empereur, *au nom du bas clergé et par procuration de ce dernier*, de rendre l'archevêque Krassowsky à son diocése, en assurant que, durant les douzes années de son administration, il avait entretenu l'ordre le plus sevère parmi le clergé, avait pris soin des veuves et des enfants de ce clergé, et qu' il avait organisé le séminaire écclesiastique“. Это ходатайство бѣлаго духовенства оказало вліяніе на благопріятное окончаніе дѣла о Красовскомъ.

данный базиліанамъ. Здѣсь, въ г. Вильнѣ, базиліане склоняли на свою сторону не только попечителя князя А. Чарторыйскаго, на содѣйствіе котораго имѣлъ нѣкоторое основаніе расчитывать Брестскій капитулъ, но и нѣкоторыхъ профессоровъ Виленскаго университета. И въ то время, когда Булгакъ, Мартусевичъ, Сѣроцинскій и Головня, вмѣстѣ съ базиліанами, старались обратить въ ничто правительственныя распоряженія относительно устройства бѣлаго духовенства въ епархіяхъ, когда архіепископъ Красовскій, тѣснимый врагами, ждалъ въ столицѣ своей участи, когда силы старшаго духовенства въ Полоцкой и Луцкой епархіяхъ были разъединены и парализованы, когда 2-й департаментъ коллегіи писалъ безплодные повторительные указы провинціаламъ, а сторону послѣднихъ готовъ былъ принять попечитель князь Чарторыйскій, въ это трудное время, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, интересы церкви отстаивалъ одинъ только Брестскій капитулъ: онъ не переставалъ возбуждать тревогу во всей русской уніи и наносилъ сильные удары базиліанамъ всякій разъ, когда замѣчалъ со стороны орденскаго начальства намѣреніе противодѣйствовать благимъ, по его убѣжденію, намѣреніямъ правительства. Тогда-то капитулъ выставилъ талантливыхъ дѣятелей, которыми украшается исторія греко-уніатской церкви XIX столѣтія.

Въ указахъ департамента римско-католической коллегіи отъ 16-го и 31-го октября 1822 г., передававшихъ предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о недопущеніи лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ базиліанскій орденъ и о закрытіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей, орденское начальство усмотрѣло намѣреніе упразднить базиліанскій орденъ. Такъ объясняли распоряженія министерства въ своихъ официальныхъ отзывахъ представители Литовской базиліанской провинціи: провинціалъ архимандритъ Цезарій Каминскій, консульторъ провинціи настоятель Свято-Троицкаго базиліанскаго монастыря Іосафатъ Жарскій и секретарь провинціи, ученый богословъ, іеромонахъ Ѳома Маіевскій. Они самовольно приняли подъ свою защиту интересы всего ордена и потому, послѣ полученія указовъ 16-го и 31-го октября, представили жалобы папѣ Пію IX, императору Александру и министру князю А. Н. Голицыну и старались ввести въ свои виды князя Чарторыйскаго. Отправивъ секретную жалобу въ Римъ о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются базиліане въ Россіи, провинціалъ Каминскій, въ письмѣ отъ 29-го октября, представленномъ князю Голицыну черезъ митрополита Булгака, изложилъ свои опа-

сенія на счетъ дальнѣйшаго существованія базиліанскаго ордена, если будутъ приведены въ исполненіе предположенія о недопущеніи въ него лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія [1]). Спустя нѣкоторое время, воспользовавшись проѣздомъ императора Александра I черезъ м. Рожаны (по Слонимскому тракту), Каминскій, а также консульторъ Жарскій и секретарь Маіевскій, уполномочили настоятеля Рожанскаго монастыря Марциновскаго лично подать жалобу государю отъ имени всего ордена. Въ своемъ прошеніи, представленномъ императору 12-го января 1823 года, іеромонахъ Марциновскій проситъ его величество не приводить въ исполненіе распоряженій министерства духовныхъ дѣлъ, которыя имѣютъ цѣлью упраздненіе сего ордена, и дозволить ордену прислать въ столицу своихъ депутатовъ для защиты правъ своихъ и охраны своего достоянія въ цѣлости. Дерзкая выходка эта не понравилась государю. Онъ велѣлъ черезъ коллегію отказать просителю въ присылкѣ депутаціи въ столицу. Провинціалъ, спрошенный о поводахъ къ такому противозаконному дѣйствію подчиненнаго ему монаха, отвѣчалъ 2-му департаменту (въ мартѣ 1823 г.), что онъ „счастливъ, что имѣетъ случай дать настоящее объясненіе высшему въ имперіи органу, чтобы защитить права базиліанскаго ордена“. Эти права, по его объясненію, слѣдующія: 1) внутреннее побужденіе къ монашеству происходитъ, какъ свидѣтельствуетъ Св. Писаніе: Еванг. отъ Матѳ. гл. XIX, ст. 11; Посланіе къ евреямъ, гл. V, ст. 4, 5, 6; 2) на основаніи 4-го Халкидонскаго собора монастыри, однажды по соглашенію съ епископомъ посвященные, да пребудутъ монастырями, и вещи, къ имъ принадлежащія, да сохранятся въ пользу оныхъ; далѣе идутъ ссылки на соборы: Тридентскій (засѣд. 25, гл. XX—о преобразованіи), Кобринскій (по Кульчинскому), Замойскій (гл. X—о приходахъ и приходскихъ настоятеляхъ), на привилегіи Польскихъ королей и на высочайшіе указы о томъ, что монастырскія имѣнія состоятъ на правахъ казенныхъ имѣній; 3) каждый долженъ пещись о благосостояніи своего ордена (торжественная монашеская присяга). „По такимъ причинамъ“, продолжаетъ Каминскій,—„я прибѣгъ подъ высочайшее покровительство съ просьбою 12-го января 1823 г.; но еще ранѣе, 29-го октября 1822 г., я просилъ покровительства князя Голицына и митрополита (Булгака), именно: послѣ полученія ука-

---

[1]) Сущность письма Литовскаго провинціала приведена уже нами въ гл. V. См. гр. *Толстой*, Le cathol. Rom., II, 373, 374.

зовъ изъ коллегіи 16-го и 31-го (?) октября, въ которыхъ не только нарушаются указанныя права и привилегіи, но и угрожается упраздненіемъ самого ордена. Чего же болѣе ожидать? Самые богатые монастыри будутъ обращены на семинаріи, а наиболѣе скудные пойдутъ въ пользу бѣлаго духовенства“ [1]).

Но этими дѣйствіями не ограничились представители Литовской провинціи. Именуя себя защитниками базиліанскаго ордена въ Россіи, Каминскій и консульторы старались пріостановить исполненіе распоряженій 2-го департамента о закрытіи базиліанскихъ монастырей, начали доказывать неправоспособность Брестскаго капитула къ защитѣ интересовъ бѣлаго духовенства, а затѣмъ, овладѣвъ довѣріемъ Н. Н. Новосильцова, который въ 1823 г. прибылъ въ Вильну изъ Варшавы для раскрытія тайныхъ студенческихъ обществъ въ университетѣ и осенью 1824 года смѣнилъ попечителя князя А. А. Чарторыйскаго, они сами и посредствомъ своихъ агентовъ старались внушить попечителю недовѣріе къ лучшимъ представителямъ бѣлаго духовенства и даже возбудить его преслѣдованія. Для достиженія такихъ цѣлей виленскіе базиліане писали жалобы во 2-й департаментъ, печатали статьи, оскорбительныя для достоинства капитуловъ, и пускали въ ходъ доносы.

Брестскій капитулъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы вступить открыто въ борьбу съ могущественною Литовскою провинціей, которую поддерживали митрополитъ, епископы и попечитель Виленскаго округа. Опираясь на правительственное распоряженіе, капитулъ доказывалъ, что интересы базиліанскаго ордена (который разбогатѣлъ и усилился посредствомъ захватовъ достоянія имѣній и капиталовъ, завѣщанныхъ на приходскія церкви и семинаріи) не совмѣстны съ общимъ благомъ греко-уніатской церкви: „Отнявъ средства и способы для образованія бѣлаго духовенства, базиліане систематически ведутъ клиръ къ униженію и порабощенію тѣмъ болѣе

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., д. 1823 г., № 9 начато 6-го февраля, окончено 14-го мая 1823 г., на 15 листахъ. Къ рапорту Каминскаго приложены: 1) довѣренность, данная іеромонаху Марциновскому отъ имени всего ордена, которую подписали: цезарій Каминскій, провинціалъ; Іосафатъ Жарскій, Литовскій консульторъ, докторъ философіи; Ѳадей Маіевскій, философіи докторъ, секретарь Литовской провинціи, и 2) объясненіе Марциновскаго отъ 23-го марта 1823 года о данномъ ему порученіи 10-го декабря 1822 г. относительно подачи прошенія 12-го января 1823 г.

опасному, что воспитательная роль базиліанскихъ монаховъ легко можетъ погубить и самый греческій обрядъ въ русской уніи".

Орденское начальство во что бы то ни стало старалось затянуть разрѣшеніе вопроса о секуляризаціи монастырей, дабы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выигравъ время и найдя пособниковъ въ самой русской администраціи, добиться отмѣны распоряженій, грозящихъ гибелью базиліанскимъ учрежденіямъ.

Въ упованіи на защиту митрополита Булгака и благожеланія министра Голицына, Литовскій провинціалъ еще въ рапортѣ 5-го апрѣля 1823 г. объясняетъ 2-му департаменту коллегіи, что въ теченіе полугодія онъ не въ состояніи исполнить предписаннаго въ указахъ о монастыряхъ подъ личною отвѣтственностью за достовѣрность свѣдѣній и проситъ продлить срокъ на полгода, разрѣшивъ производить описи особо назначеннымъ довѣреннымъ монахамъ. Департаментъ сначала не соглашается измѣнить указъ 31-го октября (журналы 6-го и 12-го іюня, указъ 5-го іюля) и даже посылаетъ вторичное подтвержденіе провинціаламъ о немедленномъ доставленіи свѣдѣній о монастыряхъ по установленной формѣ (журналъ 2-го августа). Но Каминскій представляетъ 2-му департаменту слѣдующую жалобу на Брестскую и Виленскую консисторіи, которыя, якобы, не имѣютъ права требовать документовъ отъ Литовской провинціи для провѣрки фактовъ присвоенія базиліанами многихъ приходскихъ церквей, съ обращеніемъ таковыхъ въ монастыри вмѣстѣ съ фундушами свѣтскаго клира [1]): „Нужно имѣть въ виду, что 1) консисторія къ базиліанскому ордену становится уже въ отношеніе истца и, стало быть, не можетъ сама быть судьею въ своемъ дѣлѣ: cum nemo potest esse judex in sua causa, и 2) что консисторія, на основаніи документовъ, которые у нея были на разсмотрѣніи, вслѣдствіе указа 28-го мая 1808 г., уже опредѣлила свои права (sic!) на монастыри, будто бы захваченные базиліанами. Между тѣмъ, разсматривая архивъ, я нынѣ отыскалъ подлинные документы другаго рода: это—распоряженіе папы на присоединеніе Антопольскаго приходскаго фундуша, по его недостаточности, къ монастырскому вновь учрежденному фундушу, а равно дозволеніе митрополитовъ на подобныя же присоединенія скудныхъ и ничего незначущихъ приходскихъ фунду-

---

[1]) Дѣлается ссылка на прошенія Брестской консисторіи, отъ 28-го января 1810 г., и Виленской консисторіи, отъ 11-го мая 1810 г., въ которыхъ перечислены извѣстные намъ уже монастыри, обращенные изъ приходскихъ церквей.

шей къ монастырскимъ фундушамъ. Поэтому можно ожидать, что со стороны бѣлаго духовенства возникнутъ еще новыя претензіи. Наконецъ, 3) провинціалъ имѣетъ справедливое основаніе просить департаментъ уволить его отъ доставленія документовъ въ консисторію, такъ какъ она стала стороною истцовою: Reus auctor sua propria Instrumenta dare non tenetur".

Жалоба Каминскаго имѣла успѣхъ; 2-й департаментъ римско-католической коллегіи сдѣлалъ неосторожную уступку: онъ приказалъ консисторіямъ довольствоваться провѣркою пробѣловъ въ вѣдомости о монастыряхъ, составленной въ 1809 году, требуя отъ провинціала лишь доставленіе дополнительныхъ документовъ, съ обязательствомъ возврата ему таковыхъ по разсмотрѣніи (журн. 18-го октября 1823 г.). Этимъ распоряженіемъ 2-го департамента Брестская и Виленская консисторіи были поставлены въ большое затрудненіе, ибо онѣ лишены были способа удостовѣриться въ правильности отчетовъ о дѣйствительномъ состояніи фундушей базиліанскихъ монастырей Литовской провинціи. Проникнуть же въ тайники базиліанскихъ счетовъ другимъ путемъ не было никакой возможности. Объ этихъ фундушахъ 2-й департаментъ никогда не имѣлъ вѣрнаго понятія; о состояніи ихъ очень мало знали и сами епархіальные архіереи. Въ описяхъ базиліанскихъ монастырей, по сличеніи съ прежними, Брестская консисторія нашла значительные пробѣлы или противорѣчія съ прежними отчетами въ визитахъ. Кромѣ того, въ Литовской провинціи, какъ и въ другихъ, давно замѣчалось, что многіе монастыри вели процессы съ смежными владѣльцами, присвоившими себѣ монастырскіе фундуши, и что эти тяжбы нерѣдко тянулись многіе годы безъ надежды на возвратъ ихъ монастырямъ. Настоятели, часто мѣняясь (по выбору на конгрегаціяхъ), имѣли слабый надзоръ за монастырскимъ имуществомъ [1]).

Коллегія видимо дѣйствовала ощупью; въ ней симпатія митрополита, члена отъ базиліанъ и ассессора отъ Полоцкой епархіи склонялись на сторону базиліанъ; только два ассессора, В. Маркевичъ и І. Сѣмашко, готовы были поддерживать интересы свѣтскаго клира; но они были въ меньшинствѣ. „Прилагаю все стараніе", писалъ Маркевичъ, — „чтобы угодить общему дѣлу. Но головою трудно пробить стѣны. Ничего нельзя сдѣлать словами или письмомъ тамъ, гдѣ лучшимъ аргументомъ служатъ карманные расчеты. Тутъ, бѣгая

---

[1]) Рапортъ Брестской консисторіи 26-го ноября 1823 г.

галопомъ, трудно что-либо поймать, сидя же въ углу, чего же можно дождаться“ [1]). Слабость коллегіи затянула дѣло.

Ободренный колебаніями и уступчивостью 2-го департамента, Каминскій, въ началѣ 1824 года, рѣшается уже открыто вступиться за Виленскій Свято-Троицкій монастырь, который признанъ консисторіей удобнымъ для помѣщенія семинаріи: „Виленская консисторія продолжаетъ настаивать на высылкѣ документовъ. Вполнѣ подчиняясь распоряженіямъ правительства, которое признается властью Божіею на землѣ, считаю себя вынужденнымъ спросить: обязанъ ли я удовлетворить требованія епархіальной консисторіи относительно высылки всѣхъ документовъ о монастыряхъ Виленской епархіи, не взирая на затрудненія, издержки и небезопасность ихъ пересылки? [2]) Между тѣмъ, консисторія, основываясь еще на описи 1809 года, считаетъ собственностью своею фундуши Виленскаго базиліанскаго монастыря, яко бы принадлежавшіе приходскимъ церквамъ въ городѣ Вильнѣ, и намѣревается выкинуть насъ изъ монастыря. „Просимъ всепокорнѣйше коллегію“—такъ пишетъ Каминскій въ рапортѣ 20-го января 1824 г.—„принять насъ подъ свою защиту, дать намъ средства объяснить неправильность обвиненія и обратить вниманіе на нашу молодежь учащуюся, собранную со всѣхъ провинцій нашихъ при Виленскомъ университетѣ, на немощь старцевъ нашихъ, потерявшихъ силы въ общественной службѣ и помѣщенныхъ въ монастырѣ для облегченія страданій, благодаря легкости получаемаго здѣсь медицинскаго пособія и дешевизнѣ лѣкарствъ, на готовность нашу сдѣлать всякія жертвы для свѣтскаго клира, только безъ собственной нашей гибели, и, наконецъ, на ту единственную основу, на которой Поцѣи, Концевичи, Рутскіе учредили святое единеніе и

[1]) Письмо Маркевича къ А. Сосновскому 16-го августа 1822 г. Въ то время дѣйствовалъ еще старый составъ коллегіи. И вотъ какъ его характеризуетъ Маркевичъ: „Мои товарищи въ началѣ ухватились съ энергіей за наше общее дѣло о капитулахъ, но за симъ вдругъ всѣ остановились и каждый сталъ заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ. Луцкій ассесоръ (Сѣроцинскій) занятъ былъ единственно устройствомъ себя въ должности архипресвитера и оффиціала Луцкой епархіи, и достигъ этой цѣли, потомъ началъ хлопотать о полученіи мѣста суффрага на той же епархіи, и вѣроятно его получитъ. Полоцкій отдался всецѣло дѣлу архіепископа Красовскаго. Что же я могъ сдѣлать одинъ?“ Очевидно, что и теперь не было единодушія, такъ какъ новый ассессоръ Лавецкій, до смѣщенія въ 1824 г., содѣйствовалъ базиліанамъ.

[5]) Каминскій не желаетъ сказать, что многихъ документовъ, по которымъ, велись тяжбы, не было даже и на лицо въ архивахъ монастырскихъ.

вознесли таковое на высоту, какъ сказано въ буллѣ папы Бенедикта XIV, начинающейся словами: „Inter plures“ [1]).

Своими двусмысленными дѣйствіями Каминскому удалось протянуть представленіе отчетовъ въ коллегію болѣе чѣмъ на два года; весь 1824 и начало 1825 г. прошли въ производствѣ имъ самимъ описей монастырей Литовской провинціи [2]).

Свѣдѣніямъ Каминскаго не могли довѣрять Виленская и Брестская консисторіи; онѣ продолжали настаивать на необходимости доставленія подлинныхъ документовъ въ самое присутствіе консисторій для провѣрки. Между прочимъ консисторіи убѣдились въ безнадежности многихъ суммъ или же въ безпорядочномъ расходованіи капиталовъ на семинаріи со стороны епархіальныхъ начальниковъ, чѣмъ и вызвали объясненія отъ митрополита Булгака и епископа Головни; послѣдніе подтвердили, что нѣкоторыя монастырскія суммы дѣйствительно отдавались и отдаются на храненіе разнымъ помѣщикамъ, подъ обезпеченіе ихъ имѣній, но часть этихъ суммъ оказалась безнадежною, между прочимъ потому, какъ объяснялъ епископъ Головня, что вымерли фамиліи должниковъ [3]).

---

[1]) „Hippatius nimirrum Metropolita cum intelligeret nullum aptius fore medium ad sanctam unionem fovendam et propagandam, quam si Monachos Basilianos, quorum unicus apud Ruthenos est monasticus ordo, sibi conjugeret: insigne ipsorum monasterium acquisivit, sub invocatione Sanctissimae Trinitatis Vilnae constitutum, atque in eo collectos juvenes monachos, erudiri curavit“. Архивъ св. синода по 2-му деп. 1822—1828 гг. № 61, лис. 217—220.

[2]) Сдѣланныя имъ описи 39 монастырей представлены во 2-й департаментъ коллегіи при рапортахъ 23-го и 26-го апрѣля 1825 года. Арх. св. син. Д. 1822 г. № 61, л. 253. Бѣлорусскій провинціалъ представилъ описи о 16 монастыряхъ 24-го сентября 1824 года. Что же касается до описей монастырей Русской провинціи, то, какъ видно изъ рапорта провинціала Бѣлинковича отъ 30-го января 1825 г., она не была окончена за старостью лѣтъ и слабымъ здоровьемъ исполнявшаго обязанность провинціала Демковича. Тамъ же, л. 245.

[3]) Предложеніе митрополита Булгака отъ 3-го марта 1824 года въ разъясненіе недоразумѣній относительно употребленія суммъ Жировицкаго и Хомскаго монастырей. Здѣсь часть монастырскихъ суммъ была въ рукахъ помѣщиковъ Сапѣги, Бронскаго, Пусловскаго (родственника митрополита). Рапортъ епископа Головни 6-го марта 1824 г. о суммахъ Свержанскаго монастыря, завѣщанныхъ Радзивилломъ на семинарію. Наслѣдники не платили процентовъ съ завѣщанной суммы за многіе годы и долгъ на семинарію возросталъ, а на удовлетвореніе претензіи посредствомъ суда была слабая надежда. Сумма, завѣщанная Бралавскому монастырю архимандритомъ Іеронимомъ Нерадзіушомъ въ 1000 червонцевъ отдана была помѣщику Александру Мирскому подъ его имѣніе Заиново, Дисненскаго уѣзда. Тамъ же, л., 242, 243.

Изъ немногихъ указаній епископовъ и провинціаловъ видно, какъ достояніе завѣщателей, русскихъ князей и бояръ, надѣлявшихъ устроенныя ими православныя церкви имѣніями и разными доходными статьями, переходя черезъ руки базиліанскаго ордена, попадало во власть окатоличенныхъ и ополяченныхъ литовско-русскихъ помѣщиковъ, а затѣмъ, по несостоятельности ихъ, погибало навсегда для греко-уніатской церкви. Суды и администрація хорошо оплачивались, и дѣла прекращались. Но кто же могъ спасти достояніе церкви, которымъ овладѣли базиліанскіе монастыри, вступившіе въ сдѣлки съ владѣльцами недвижимыхъ имѣній, когда и сами епархіальные епископы покровительствовали этимъ сдѣлкамъ?...

Въ такомъ положеніи, очевидно, оставалась только надежда на правительство. Брестскій капитулъ, вступаясь за достояніе греко-уніатской церкви, въ своихъ просьбахъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія ясно указывалъ, въ чемъ состоятъ безпорядки въ греко-уніатской церкви, и къ чему ведетъ преобладаніе въ ней интересовъ базиліанскаго ордена, за-одно съ которымъ были епархіальные епископы. Но какъ тогда, въ 1819 году, такъ и теперь, въ 1824 году, капитулъ въ своихъ дѣйствіяхъ могъ только предъявлять историческіе документы и представлять свои соображенія относительно лучшаго устройства епархіальной семинаріи и обезпеченія свѣтскаго клира. Не довольствуясь официальными представленіями во 2-й департаментъ, Брестскій капитулъ обратился еще къ печати, чѣмъ и вызвалъ оживленныя пренія. Эта полемика имѣла въ свое время большое значеніе.

Въ началѣ 1823 года въ „Дѣяніяхъ Благотворительности“, журналѣ, издаваемомъ при главной духовной семинаріи, появился переводъ весьма важнаго документа о Кобринскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1626 году подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа (Веніямина Рутскаго), изъ епископовъ, его намѣстниковъ, и другихъ духовныхъ особъ [1]. Кіевскій, Галицкій и всея Руси митрополитъ Іосифъ, По-

[1]) Dzieje Dobroczyn. 1823, T. I, стр. 97. Переводъ Ивана Бобровскаго изъ книги, напечатанной въ Римѣ въ 1734 году, подъ заглавіемъ: Appendix ad Specimen eclesiae ruthenicae ....Auctore Ignatio Kulczynski rutheno ord. S. Basilii m. proc. gen. et rect. ss. Sergii et Bacchi ad Montes. Romae. MDCCXXXIV. Русскій текстъ Кобринскаго собора, которому Брестскій капитулъ придавалъ особенное значеніе, имѣлся у А. Сосновскаго. Послѣдн;й писалъ къ М К. Бобровскому 10-го февраля 1826 г.: „Пересмотрите мои книги, между ними найдете тонкую книгу in folio, гдѣ въ началѣ напечатанъ синодъ Перемышльскій, а по-

лоцкій архіепископъ Антоній, епископъ Владимірскій и Брестскій Іоакимъ, Луцкій Іеремія, Пинскій и Туровскій Григорій, Смоленскій и Черниговскій Левъ, съ архимандритами, игуменами и первыми протопопами, собравшись въ Кобринѣ, согласились учредить главную гимназію (семинарію) для всѣхъ русскихъ дворянъ греческаго обряда съ цѣлью обученія ихъ наукамъ и святой вѣрѣ, въ которой родились, богатыхъ на свой счетъ, бѣдныхъ же по рекомендаціи начальства семинаріи изъ числа способныхъ къ распространенію славы Божіей греческаго обряда, всякаго состоянія, снабжать пищею и одеждою. На содержаніе русской семинаріи духовныя власти обязались вносить ежегодно опредѣленную сумму денегъ. Для помѣщенія ея избранъ былъ Минскій монастырь. Въ семинаріи для преподаванія русскаго языка полагалось имѣть учителей, сколько потребуется. Высшимъ блюстителямъ семинаріи положено быть протоархимандриту. Въ концѣ документа приложена въ нѣсколько строкъ „замѣтка" о томъ, что Брестскій капитулъ въ отвѣтахъ своихъ, данныхъ митрополиту греко-уніатскихъ церквей 26-го сентября 1819 года, по поводу фундушей и т. п. сказалъ, что „на устройство семинаріи, согласно постановленію Кобринскаго собора, собрано было 27,000 злотыхъ".

Опубликованіе документа о семинаріи, въ которой слѣдовало обучать русскихъ дворянъ и лицъ другихъ сословій для удовлетворенія нуждъ церкви и имѣть учителей, способныхъ обучать русскому языку, было прямымъ намекомъ на растрату семинарскихъ фундушей монахами Свято-Троицкаго Виленскаго монастыря, ибо протоархимандриты первоначально были изъ настоятелей этого монастыря. Въ майской книжкѣ „Дѣяній благотворительности" за 1823 годъ появилась статья: „О іерархіи Русской церкви, соединенной съ Римскою", которая окончилась лишь въ трехъ послѣднихъ нумерахъ того же журнала за тотъ же годъ [1]). Авторомъ ея былъ базиліанскій ученый и секретарь Литовской провинціи Ѳома Маіевскій. Желая доказать неосновательность существованія капитуловъ въ русской уніи, онъ прежде всего выразилъ недоумѣніе: о какомъ это Брестскомъ капи-

---

томъ написанъ по русски славный синодъ Кобринскій; эту книгу оставьте теперь, пришлете при удобномъ случаѣ".

[1]) Dziej. Dobroczyn. 1823: O Hierarchii Kościoła Russkiego z Rzymskim zjednoczonego: T. III, № 5, str. 8—32; № 10, str. 178—186; str. 439—443. Статья подписана буквою M (Majewski).

тулѣ упоминается въ замѣткѣ (нами вышеприведенной). Замойскій соборъ (1720 г.), ставшій, по мнѣнію Маіевскаго, правиломъ жизни и вѣры, въ главѣ III о степеняхъ священства опредѣляетъ, „чтобъ епископъ, кромѣ богослова и офиціала, имѣлъ двухъ экзаменаторовъ, знакомыхъ съ правилами божественнаго и церковнаго права", требуетъ, чтобъ они были при каѳедрѣ постоянно, не знаетъ ни канониковъ и прелатовъ, ни капитуловъ въ русской греко-уніатской церкви. О нихъ не упоминаютъ и другіе соборы помѣстные (Кобринскій, Брестскіе). Въ древнее время нѣкоторые епископы, для увеличенія славы Божіей, для благолѣпія богослуженія, для защиты и охраны обрядовъ и для спасенія вѣрующихъ, поручали каѳедральныя церкви (въ Новогрудкѣ, Полоцкѣ, Холмѣ) монахамъ базиліанамъ, и отъ ихъ-то коллегій, значительно увеличившихся щедростью вѣрующихъ, самыя церкви начали называться коллегіальными или соборными; собственно же говоря, каждая монастырская церковь должна называться соборною. Самое слово каноникъ не употребляется въ Греческой церкви для обозначенія церковной должности въ свѣтскомъ клирѣ, должности, которая немного разнится отъ епископской: у грековъ каждый клирикъ, помѣщенный въ канонѣ духовенства, назывался каноникомъ, какъ и монахи отъ регулы носили названіе каноников.

Обращаясь къ новѣйшему времени и приведя извѣстный намъ рапортъ во 2-й департаментъ коллегіи (1819 г.) Виленскаго епископа суфрагана Головни [1]), базиліанскій писатель язвительно объясняетъ, что при самомъ сильномъ желаніи превознести какъ можно больше уніатскую церковь, онъ не смѣетъ помѣстить въ перечнѣ титуловъ и должностей (бѣлаго) уніатскаго духовенства каноников и прелатовъ, свойственныхъ только Римской церкви. Въ самой буллѣ папы Пія VI (1784 г.), которою предоставляется уніатскому митрополиту право награждать духовныхъ лицъ (въ числѣ 30 человѣкъ) за заслуги золотыми (наперстными) крестами, вовсе не установлено и не утверждено существованіе уніатскихъ капитуловъ [2]).

---

[1]) См. главу V о капитулахъ. Архивъ св. синода, д. 1818 г., № 39. Авторъ приводитъ письмо митрополита Григорія Кохановича отъ 14-го декабря 1811 г. къ виленскому суффрагану (Головнѣ) и отзывъ сего послѣдняго во 2-й департаментъ коллегіи отъ 11-го ноября 1818 г., № 366, въ которомъ епископъ объясняетъ, что онъ нигдѣ не могъ найдти даже и слѣда ни о капитулѣ, ни о каноникахъ. Dziej. Dobrocz. 1823 г. т. III, 182.

[2]) Ср. ст. Маіевскаго въ „Дѣяніяхъ благотворительности" (за 1823, т. II.

Статья Маіевскаго въ сущности ничего не доказывала. Всѣ доводы автора не были основаны на историческихъ документахъ и служили только выраженіемъ мнѣнія базиліанъ, съ которыми за-одно дѣйствовало большинство греко-уніатскихъ епископовъ. Видно только озлобленіе противъ капитула, дѣятельность котораго грозила опасностью ордену. Еще до окончанія статьи базиліанскаго ученаго, въ октябрьской книжкѣ того же журнала, появились замѣчанія молодаго ученаго греко-уніатскаго священника, профессора главной семинаріи Платона Сосновскаго, который приводитъ новые и весьма важные для исторіи русской уніатской церкви документы XVI, XVII и XVIII столѣтій [1]).

Первые два документа, напечатанные Платономъ Сосновскимъ въ №№ 10 и 11 „Дѣяній благотворительности", уже были достаточно сильнымъ опроверженіемъ неосновательной аргументаціи Маіевскаго. Изъ нихъ уже видно, что еще за нѣсколько лѣтъ до Брестской церковной уніи въ православной Западно-Русской церкви были крылошане соборныхъ церквей, составляя особую корпорацію, съ правомъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ въ случаѣ смерти епископа; далѣе, при Брестскомъ епископѣ былъ каѳедральный капитулъ, которому основатель Волчинской церкви Ярославъ Солтанъ поручалъ вмѣстѣ съ епископомъ охранять данные имъ надѣлы Волчинской церкви, „иже во свѣтыхъ отца нашего Мирликійскаго и свѣтого великаго мученика Христова Георгія", обязуя капитулъ и епископа,

---

8, I, III, 178, 275, 439), съ оффиціальною перепиской о капитулахъ въ архивѣ св. синода по 2-му департ. рим.-катол. коллегіи. Дѣло 1818 г., № 39. Собственно о іерархіи въ статьѣ *М.* сказано весьма не много. Приведено нѣсколько указовъ: объ установленіи 3-хъ епархій 28-го апрѣля 1798 г., объ учрежденіи 2-го департ. коллегіи 16-го іюля 1805 г., о возстановленіи достоинства митрополита 24-го юля 1806 г., о возстановленіи Виленской митрополичьей епархіи 14-го февраля 1809 г. и статьи изъ полож. о мин. духовн. дѣлъ и народн. просв. 1818 г. Маіевскій съ намѣреніемъ обходитъ другія постановленія, которыми руководились капитулы.

[1]) Dzieje Dobroczyn. 1823, № 10, str. 164 — 169, № 11. „Привилегій Сигизмунда III, данный русскому духовенству въ 1589 г.", № 11, стр. 283—288: „Фундушъ греко-уніатской Волчинской церкви, 1586 г." (Брестскаго уѣзда); а затѣмъ обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Uwagi nad artykułem: o hierarchii kościoła Russkiego z Rrzymskim zjednoczonego" 1823 г., № 12, стр. 434—438, 1824 г.: № 3, стр. 222—231, № 4, стр. 324—335, № 5, стр. 469—488, № 6, стр. 550—556. Объ этомъ молодомъ ученомъ, занявшемъ съ осени 1823 года каѳедру пастырскаго богословія въ Виленскомъ университетѣ и умершемъ въ 1827 г., сказано въ гл. IV.

какъ опекуновъ, соблюдать церковно-славянское богослуженіе по греческому обряду [2]).

Изъ самой природы вещей, говоритъ Сосновскій,—и изъ духа церковныхъ уставовъ вытекаетъ, что находящійся при епископѣ клиръ долженъ участвовать со своимъ пастыремъ въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ и въ управленіи всею паствою. Еще до введенія уніи, въ концѣ XVI в., въ русскихъ областяхъ, сосѣднихъ съ Польшею, началось заимствованіе названій, а затѣмъ и обычаевъ. Послѣ того дѣла уніатовъ еще болѣе запутались, какъ видно изъ состоянія нынѣшней уніатской церкви. Полезно было бы прослѣдить пути и ближайшія причины этихъ перемѣнъ, а затѣмъ выяснить, какъ русскіе, соединившись съ Римскою церковью, постепенно отступали отъ древнихъ греческихъ обрядовъ и принимали обычаи, свойственные западной церкви" [1]). Не трудно догадаться, кого ученый уніатскій священникъ считалъ виновниками отступничества отъ чистоты греческаго обряда въ уніи. Но его главная цѣль состояла въ защитѣ законности существованія капитуловъ въ русской уніи, и этой цѣли авторъ вполнѣ достигаетъ. Исторія нашей страны, говоритъ далѣе Сосновскій,—мало еще извѣстна. Ее объяснить помогутъ публичные акты и частныя привилегіи, документы, фундаціи, разсѣянные теперь въ архивахъ по разнымъ мѣстамъ [2]).

Изъ многочисленныхъ документовъ, частью собранныхъ Антоніемъ Сосновскимъ, частью доставленныхъ въ Вильну нѣкоторыми лицами изъ другихъ епархій, Платонъ Сосновскій, привелъ многочисленныя историческія свидѣтельства о существованіи капитуловъ въ западнорусской церкви съ древнѣйшихъ временъ [3]). Особенно подробно разо-

---

[2]) Dzieje Dobrocz. 1823 г., т. III, str. 286. Въ подлинникѣ сказано такъ: „наставшій (послѣ Аѳанасовича) священникъ по священнику однако словенскимъ языкомъ бы и въ наипозднѣйшій вѣкъ, а по нихъ и наступцы ихъ маютъ и повинни будутъ водлугъ обряду вѣры христіанское греческое въ каждое свято урочыстое и въ недѣлю службу Божую одправоваты"...

[1]) Dzieje Dobr. 1823, т. III, str. 283.

[2]) Dzieje Dobroz. 1823 г., № 10, стр. 169. Эти документы, какъ намъ извѣстно, къ началу 20-хъ годовъ были собраны въ большомъ числѣ священниками и членами брестскаго капитула; особеннымъ усердіемъ въ ихъ собраніи отличался Антоній Сосновскій, отецъ Платона.

[3]) Сосновскимъ доказано существованіе епископскихъ каѳедръ и капитуловъ: 1) Новогрудскаго, 2) Виленскаго (соборная церковь Пречистыя Божія Матери), 3) Полоцкаго, 4) Владимірскаго, 5) Брестскаго, 6) Луцкаго, извѣстнаго въ XVII в. подъ именемъ „Русскаго капитула", 7) Львовскаго, 8) Холмскаго,

браны молодымъ ученымъ акты и документы, объясняющіе исторію Брестскаго капитула, начиная отъ вышеприведеннаго акта Ярослава Солтана 1586 года и оканчивая официальнымъ распоряженіемъ епархіальнаго епископа Булгака отъ 27-го августа 1813 г.

Въ письмѣ Тупальскаго къ хранителю капитульнаго архива (хартофилаксу) Гавріилу Янковскому говорится между прочимъ такъ: „Пресвѣтлому капитулу Брестскому дѣлаемъ извѣстнымъ, что (епископъ Булгакъ), найдя при Брестской каѳедрѣ давно устроенный капитулъ изъ прелатовъ и канониковъ... съ незапамятныхъ временъ“... На основаніи свидѣтельствъ П. Сосновскаго мы заключаемъ, что Брестская каѳедра съ своимъ капитуломъ испытывала потрясенія и перевороты, подобно другимъ соборамъ русской уніи, которые частью совершенно исчезли, частью же были возстановляемы каждый разъ, когда бѣлое духовенство пріобрѣтало значеніе и вѣсъ въ дѣлахъ какой либо епархіи. Такъ, Брестскій капитулъ былъ возстановленъ въ 1769 году стараніемъ Брестскаго епископа Антонія Млодовскаго, при чемъ архипресвитеромъ былъ назначенъ Антоній Корончевскій, а за симъ 14-го мая 1775 года, кромѣ архипресвитера, явились и другіе должностные чины—архидіаконъ, хартофилаксъ, екклезіархъ, схоластъ [1].

Перемѣны въ названіяхъ въ греко-уніатской церкви, какъ видно, происходили не только вслѣдствіе сосѣдства Литвы съ Польшею, но и подъ вліяніемъ господства официальнаго языка, которымъ сначала былъ русскій, а потомъ польскій. Въ XV и особенно въ XVI в. обыкновенно встрѣчаемъ слѣдующія названія: „церковь соборная“,

---

9) Супрасльскаго, устроеннаго позже всѣхъ, въ 1794 г., и утвержденнаго буллою папы Пія VI въ 1796 г., 10) Перемышльскаго, возобновленнаго въ 1694 г., 11) Пинскаго, 12) Гродненскаго. Сосновскому извѣстны и другіе капитулы или соборы не каѳедральные, которые впослѣдствіи назывались коллегіатами. „Если слѣдовать логикѣ базиліанскаго автора (подъ буквою M), то пожалуй, можно сказать, что такъ какъ у русскихъ нигдѣ не упоминается о литургіи, то слѣдовательно, ни епископы, ни священники не служили литургіи“. Dz. Dobrocz. 1824 г., т. 1, № 5, str. 475.

[1]) Документы о Брестскомъ капитулѣ были отосланы во 2-й департ. колл. въ 1809 году. Архивъ св. синода. Д. 1818 г., № 39. Въ числѣ документовъ имѣется грамота короля польскаго Станислава Августа 9-го сентября 1780 года. Этотъ король благопріятствовалъ бѣлому греко-уніатскому духовенству, бывшій при его особѣ архипресвитеръ Брестскаго капитула, поддерживалъ петиціи бѣлаго духовенства, но король не могъ сладить съ разнузданностью монашескаго ордена въ уніи и поддержать бѣлое духовенство, какъ требовали обстоятельства.

„крылосъ", „крылошане соборной церкви, то-есть, протопопъ и старшіе съ нимъ пресвитеры", или просто: „протопопъ". Въ XVII в., послѣ соединенія Русской церкви съ Римскою съ сохраненіемъ греческихъ обрядовъ, эти названія употребляются уже рѣже, а въ XVIII в. едва упоминаются. Съ другой стороны, выраженіе капитулъ, упоминаемое въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ документахъ, было извѣстно уже въ концѣ XVI в., но чаще встрѣчается въ XVII и особенно въ XVIII в.; теперь же, въ началѣ XIX в., названіе капитулъ стало всеобщимъ. Члены капитула греко-уніатской церкви начали называться канониками въ концѣ XVIII вѣка, а прежде были другія названія. Съ IX и XII вв. упоминается игуменъ (каѳедральный), то же, что̀ протопопъ; отъ начала XVII и позже—старшій пресвитеръ каѳедральной церкви. Съ начала XIV и до XVIII вѣка удерживается всегда названіе—протопопъ или протопресвитеръ (въ Полоцкой епархіи послѣднее названіе сохранялось и въ XIX столѣтіи). Съ конца XVIII в. должность протопопа перешла въ должность архипресвитера, и послѣднее названіе удерживается и теперь (1824 г.). Архидіаконъ упоминается въ XVI в., чаще въ XVIII и XIX вв. Екклезіархъ былъ въ XVII и XVIII вв. иногда кустошъ или скафофилаксъ. Писарь капитульный извѣстенъ въ XVII в.; въ XVIII въ латинскомъ письмѣ онъ называется уже нотаріусомъ, а въ концѣ того же столѣтія канцлеромъ, что̀ значитъ по гречески хартофилаксъ. Схоліархъ или схоластъ упоминается въ концѣ прошлаго вѣка и удерживается до послѣдняго времени [1]). То же самое нужно сказать о канторѣ [2]). Греко-уніатскіе капитулы, по своимъ уставамъ, имѣли полное и частное собраніе (sede plena, sede vacante), были совѣтомъ епископа, избирали своего предсѣдателя или же администратора епархіи въ случаѣ смерти епископа, или на время его отсутствія, для завѣдыванія епископскими имѣніями; имѣли свою канцелярію, свою печать, общую кассу, общее имущество, свой архивъ и свои акты. Капитулъ состоялъ при каѳедрѣ епископа и принималъ участіе въ епископскомъ богослуженіи. Капитулъ во всякомъ

---

[1]) Схоластами были въ послѣднее время: въ Брестскомъ капитулѣ—Антоній Тупальскій, а ранѣе его Духновскій, въ Луцкомъ — Кириллъ Сѣроцинскій, а послѣ наименованія его епископомъ Пинскимъ, схоластомъ назначенъ Іосифъ Сѣмашко. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1825 г., № 48.

[2]) Канторами были: въ Брестскомъ капитулѣ Илья Мокрицкій, умершій въ 1824 г., въ Луцкомъ—Бучинскій. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1825 г., № 48.

случаѣ не былъ собраніемъ каноникозъ, какъ установилось въ последнее время; прежде не было каноникозъ, но капитулы все-таки существовали [1]).

Едва ли нужно углубляться въ исторію, чтобы понять причины, побуждавшія монаховъ базиліанскаго ордена съ начала XVIII в (послѣ Замойскаго собора) занимать при епископскихъ каѳедрахъ должности, принадлежащія свѣтскому клиру; эти должности для монаховъ были заманчивы особенно потому, что съ ними соединялись права на управленіе церковнымъ имуществомъ. Возрожденіе капитуловъ въ греко-уніатской церкви съ конца прошлаго вѣка служило отраднымъ признакомъ поднятія образованія въ бѣломъ духовенствѣ. Русское правительство признавало греко-уніатскіе капитулы, и автору, говоритъ Сосновскій,—конечно, должно быть извѣстно, изъ кого состоитъ брестскій капитулъ. „Но довольно“;—такъ оканчиваетъ свою любопытную статью Сосновскій—„не хочу болѣе доказывать, чтобы не воскрешать нѣкоторыхъ непріятныхъ воспоминаній“ [2]).

Статьею професора Сосновскаго о капитулахъ не ограничивались доказательства о незаконномъ присвоеніи себѣ базиліанами права распоряжаться самовластно достояніемъ церкви.

Вслѣдъ за нею издана статистическая таблица о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ, о количествѣ земли и капиталахъ, а равно о доходахъ того и другаго въ Брестской епархіи; эта вѣдомость служила потвержденіемъ справедливости требованій, предъявляемыхъ Брестскимъ капитуломъ къ базиліанамъ. Въ цифрахъ доказывалась громадная разница въ имуществѣ и капиталахъ между базиліанами и бѣлымъ духовенствомъ [3]).

Не довольствуясь печатью, члены капитула старались возбуждать дѣятельность ассессоровъ коллегій частными сношеніями. „Не хорошо дѣлаешь, что не даешь обстоятельныхъ отвѣтовъ на наши вопросы“, такъ упрекаетъ А. Сосновскій своего пріятеля Маркевича.—„Запрещеніе принимать въ орденъ латинниковъ объясняетъ намъ, какое кто занимаетъ положеніе, а по ниткѣ мы добрались до клубка. Дурно, что никому не довѣряешь обстоятельствъ, насъ интересующихъ, въ которыхъ или требуется сдѣлать какія-либо приготовленія, а можетъ быть, пригодился бы совѣтъ или увѣдомленіе.

---

[1]) Dz. Dobrocz. 1824 г., № 6, str. 550.

[2]) Dz. Dobrocz. 1324 г., № 6, str. 561.

[3]) См. гл. VI, гдѣ говорится о поводахъ къ обвиненію базиліанъ Брестскимъ капитуломъ.

Излишняя скрытность здѣсь дурно принята. У насъ ужасная нужда. Съ ранней осени люди большею частью питаются жолудями, у многихъ пухнетъ грудь; страшно и подумать, что̀ будетъ весною. Догадываюсь, что ожидается серьезная реформа базиліанъ; нужно было бы теперь же составить фундуши для священническихъ сиротъ, чтобъ они получали воспитаніе. Хотя ты не можешь сказать, что выкраивается, но можешь догадываться, чего слѣдуетъ добиваться при настоящихъ условіяхъ" (12-го ноября 1822 г.).

Но двухлѣтній опытъ показалъ, что на коллегію, „высокую опекуншу", нельзя возлагать большихъ надеждъ. Базиліане всѣми способами оттягивали рѣшеніе дѣла, стараясь разрушить въ самомъ основаніи планы Брестскаго капитула. Въ 1824 году произошли важныя перемѣны и этимъ обстоятельствомъ спѣшили воспользоваться брестскіе прелаты и каноники. Вотъ что̀ писалъ А. Сосновскій къ своему сыну и къ архипресвитеру Янковскому: „Въ Жировицахъ ожидаемъ М. Бобровскаго 21-го октября; несчастіе его постигшее страшно поразило меня, но ему не возбранено дальнѣйшее повышеніе въ іерархи. Останешься въ Вильнѣ одинъ, потерявъ самаго большаго твоего защитника, и что̀ меня особенно тревожитъ, останешься среди интригъ и нападокъ непріязненнаго ордена, который не будетъ пренебрегать средствами и употребитъ тысячи способовъ, чтобъ и тебя удалить. Будь осторожень, бойся даже и пріятелей" (9-го октября 1824 г.). „Новый министръ занятъ устройствомъ нашего духовенства и надъ этимъ вопросомъ много работаетъ. Въ столицѣ противъ главной семинаріи бушуютъ извѣстные монахи; назначенная визита епископовъ Головни и Пивницкаго не много для нея обѣщаетъ" (15-го и 28-го октября 1824 г.). „На мѣсто умирающаго офиціала Мокрицкаго назначенъ ассессоръ коллегіи В. Маркевичъ. Капитулъ хлопочетъ, чтобъ его мѣсто занято было наиболѣе достойнымъ, иначе могутъ вернуться времена Горбацовичевскіе. Если Бобровскій не попадетъ въ коллегію, какъ кандидатъ, болѣе всѣхъ насъ подходящій, то вѣроятно, онъ будетъ назначенъ офиціаломъ Брестской консисторіи, которая, какъ слышно, переводится въ Супрасль, а намѣстникомъ, вмѣсто Тупальскаго, будетъ епископъ Яворовскій. На убылыя мѣста умершихъ прелатовъ — кустоша Лопушинскаго и кантора Мокрицкаго—совѣтую представить канониковъ Бобровскаго и Маркевича. Просьбу къ архипастырю надобно написать осторожно, не вторгаясь въ его права, исчислить ихъ способности и заслуги и т. п. Непріятно наше положеніе, но я надѣюсь, что скоро все от-

кроется; то вѣрно, что въ коллегіи ничего не знаютъ, что дѣлается въ министерствѣ, но дѣлается однако и очень усердно. Твардовскій, какъ видно знакомый съ нашими дѣлами, сказалъ: „Можетъ быть, Жировицъ не отдадутъ, но когда выяснятся эти интересы, клиръ, вѣроятно, выйдетъ лучше, чѣмъ надѣялся. Мною получено много актовъ; хочу составить или, лучше, окончить исторію нашей церкви. Изъ нихъ нѣкоторые передамъ на храненіе въ капитулъ" (къ архипресвитеру Янковскому 20-го ноября 1824 г. и къ своему сыну 22-го декабря 1824 г.). „Было ходатайство объ измѣненіи указа относительно принятія въ орденъ латинниковъ, но напрасно. Базиліане уже перестали пѣть псаломъ 45" (къ сыну Платону, 19-го декабря 1824 г.).

Какъ видно, конецъ 1824 и начало 1825 года прошли въ разнаго рода соображеніяхъ и приготовленіяхъ къ реформѣ ордена. Маркевичъ былъ оставленъ въ коллегіи; виленскимъ официаломъ назначенъ Антоній Сосновскій, а его мѣсто временно занялъ Бобровскій, въ ожиданіи возвращенія на каѳедру въ Вильну. Виленскіе базиліане между тѣмъ не теряли времени и далеко уже подвинули свои интриги. „Орденъ сносится съ университетомъ и вездѣ насъ чернитъ такъ, что мы не можемъ показаться на глаза ни одному профессору, чтобы не слышать жалобы базиліанъ; объ этомъ особенно заботится маршалъ Пусловскій, какъ я знаю отъ очевидца; если рѣшеніе о Жировицахъ измѣнится, то я обращусь самъ куда слѣдуетъ и объявлю все" (къ Маркевичу, въ ноябрѣ 1825 года). Вообще въ теченіе 1825 года назрѣвали новыя событія, возбудившія тревогу въ старшемъ духовенствѣ Брестской и Виленской епархій.

Дѣйствія консисторій по обнаруженію фундушей, присвоенныхъ базиліанами, произвели тѣмъ большее раздраженіе и безпокойство въ Литовской базиліанской провинціи, что весною 1824 г. почти одновременно сошли со сцены главнѣйшіе благожелатели базиліанъ, оказывавшіе ордену существенную поддержку: 5-го апрѣля 1824 г. уволенъ былъ отъ должности попечителя князь Адамъ Чарторыйскій, а 15-го мая оставилъ управленіе министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ. Съ назначеніемъ попечителемъ Н. Н. Новосильцова (съ осени 1824 г.) и министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій адмирала А. С. Шишкова стали ожидать рѣшительной перемѣны правительственной политики въ западныхъ губерніяхъ. Базиліанскій орденъ теперь не безъ основанія опасался

потерять свое вліяніе на воспитаніе юношества и на учебное дѣло въ своихъ школахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Виленскаго учебнаго округа. Такое вліяніе и значеніе орденъ пріобрѣлъ извѣстною уступкою доходовъ съ имущества монастырей и цѣною нарушенія монашескихъ обѣтовъ [1]. Выпустить изъ своихъ рукъ воспитаніе греко-уніатскихъ священниковъ значило погубить всю силу базиліанскаго института. Поэтому Литовскій провинціалъ Каминскій и его ближайшіе совѣтники стали искать сближенія съ новымъ попечителемъ, смѣнившимъ князя Чарторыйскаго. Опираясь на авторитетъ русскаго вельможи, Каминскій и его консульта могли продолжать разыгрывать роль невинной жертвы, тѣснимой притязательностью свѣтскаго клира. Провинціала охотно поддерживалъ новый ректоръ университета В. В. Пеликанъ, извѣстный хирургъ, успѣвшій овладѣть довѣріемъ и пользовавшійся личнымъ расположеніемъ Новосильцова. При содѣйствіи ректора, изворотливому Литовскому провинціалу удалось пріобрѣсти для базиліанскаго ордена новаго и притомъ весьма сильнаго союзника.

Новосильцовъ, проведя многіе годы въ Англіи, былъ воспитанъ на несвойственныхъ Россіи конституціонныхъ учрежденіяхъ. Прибывъ въ Вильну осенью 1823 г. для разбора безпорядковъ въ мѣстной гимназіи, ранѣе чѣмъ могъ оріентироваться въ обществѣ, разбитомъ на партіи, онъ съ самаго начала дѣла о студентахъ Виленскаго университета попалъ въ руки клерикально-аристократической партіи, которая пользовалась происшествіемъ съ молодежью и

---

[1]) Воспитательная роль монаховъ базиліанскаго ордена упрочилась съ начала XIX вѣка значительными жертвами. См. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. 1. Царствованіе императора Александра I (1802 — 1825 г.). Постановленіе 16-го апрѣля 1804 г.: о пожертвованіяхъ въ пользу разныхъ училищъ духовными римско-уніатскаго исповѣданія. 25-го февраля 1805 г.: нѣкоторая часть доходовъ греко-уніатскихъ монастырей обращается въ пользу публичныхъ училищъ; 13-го іюля 1807 г. базиліане выразили желаніе уступить свой монастырь въ Кременцѣ для гимназіи. Архивъ мин. нар. просв. 1807 г., № 6765. 2-го октября 1810 г. базиліанское общество обязалось содержать на свой счетъ публичныя училища въ своихъ монастыряхъ: Толочинскомъ (Полоцкой епархіи), Любарскомъ, Овручскомъ, Владимірскомъ, Каневскомъ, Уманьскомъ и Барскомъ (Луцкой епархіи); Брестскомъ и Жировицкомъ (Брестской епархіи); Березвечскомъ, Ледянскомъ, Поддубинскомъ и Борунскомъ (Виленской епархіи). Эти 13 заведеній замѣнили повѣтовыя училища. Нѣкоторыя были на степени гимназій. Въ монастыряхъ Вербиловскомъ и Маривильскомъ (Полоцкой епархіи) также имѣлись повѣтовыя училища.

профессорами университета для отвлеченія вниманія русскаго правительства и самого попечителя, облеченнаго значительною властью, отъ истинныхъ своихъ замысловъ. Подозрительность къ монашескимъ сословіямъ смѣнилась у Новосильцова излишнимъ довѣріемъ къ воспитательной роли базиліанъ, пользовавшихся вѣсомъ въ польскомъ обществѣ. Считая западныя губерніи польскими (вѣроятно, по складу ихъ интеллигенціи) и сочувствуя республиканскимъ учрежденіямъ базиліанскаго ордена, попечитель не замѣчалъ, что именно учебно-воспитательная роль базиліанъ, какъ и другихъ латинскихъ монаховъ въ западномъ краѣ, была весьма искусно приспособлена къ разрушенію русскихъ стихій въ народѣ; онъ не видѣлъ, что сельское населеніе отдано было въ жертву эксплуатаціи дворянъ, латинскаго духовенства и евреевъ; а въ сельскомъ населеніи греко-уніаты съ приходскимъ духовенствомъ составляли громадное большинство (кромѣ западной части Виленской губерніи, населенной литвою и жмудью).

Въ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ Новосильцова встрѣчаются не объяснимыя еще противорѣчія. Такъ, въ мнѣніи своемъ по поводу главной духовной семинаріи, онъ весьма здраво разсуждаетъ объ уніи, отличаетъ уніатовъ отъ католиковъ, монаховъ считаетъ опасными „воинами римскими и арміей папы“, находитъ нужнымъ постепенно закрыть монастыри, и въ то же время, какъ бы подъ диктовку монаховъ, предлагаетъ упразднить главную семинарію, изъ Виленской епархіальной семинаріи образовать факультетъ богословія, отрицаетъ пользу образованія свѣтскаго клира греко-уніатской церкви. Уніатскимъ священникамъ, по его мнѣнію, не нужно ни особенной семинаріи, ни особаго богословскаго факультета, ни какихъ-либо высшихъ наукъ! Не прошло и полгода, какъ Новосильцовъ является даже горячимъ защитникомъ базиліанскаго ордена, называетъ его „истинно полезнымъ“, которымъ исключительно слѣдуетъ довѣрить образованіе духовенства. Такъ, 20-го апрѣля 1826 г. онъ писалъ А. С. Шишкову: „Ваше высокопревосходительство по врожденнымъ вамъ чувствамъ справедливости удостоите высокаго покровительства сей орденъ и оградите на будущее время существованіе сего сословія, по истинѣ нужнаго (sic!) для общества“. А спустя еще годъ, въ 1827 г., Новосильцовъ съ такимъ же усердіемъ хвалитъ главную духовную семинарію и пишетъ тому же Шишкову, о развращенности духовенства, воспитаннаго въ епархіальныхъ семинаріяхъ, о высокихъ качествахъ священниковъ, получившихъ образованіе въ главной семинаріи, которые пользуются заслуженнымъ уваженіемъ общества и

по этой причинѣ возбуждаютъ къ себѣ гнѣвъ и ненависть въ монахахъ и въ остальномъ духовенствѣ....

Эта неустойчивость во взглядахъ Новосильцова на уніатовъ, кажется намъ, была причиною того явленія, что патріотическія намѣренія А. С. Шишкова, который въ просвѣщеніи юношества стремился выдвинуть на первый планъ русскія національныя задачи [1]), не встрѣчали дѣятельной поддержки со стороны попечителя Виленскаго учебнаго округа. Съ 31-го октября 1824 г. этотъ округъ составляли губерніи Виленская, Гродненская, Минская, Волынская, Подольская и область Бѣлостокская, которыя входили въ составъ Виленской, Брестской и Луцкой уніатскихъ епархій [2]). Напротивъ того, въ Бѣлоруссіи, со времени отдѣленія ея губерній отъ Виленскаго учебнаго округа (октябрь 1824 г.), въ правительственныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ уніатамъ и русской народности, благодаря энергіи губернатора кн. Хованскаго, замѣчаемъ твердость и послѣдовательность. Но здѣсь уніатскую церковь сворачивалъ въ сторону латинизаціи самъ епископъ Мартусевичъ!

Въ исторіи греко-уніатской церкви весьма видное мѣсто занимаетъ главная духовная семинарія при Виленскомъ университетѣ. Съ одной стороны, она была предметомъ постояннаго и упорнаго недоброжелательства и нападеній многочисленныхъ монашескихъ орденовъ въ западныхъ губерніяхъ; бороться съ ихъ притязательностью

[1]) Эти задачи слѣдующія: 1) воспитаніе народное во всей имперіи, не смотря на *разность* вѣръ, ниже языковъ, должно быть русское; 2) *греко-католикъ* (то-есть, греко-уніатъ), римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны первый въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій—во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры; 3) все иновѣрное россійское юношество должно учиться нашему языку и знать его; 4) языкъ славянскій, то-есть, *высокій* (по теоріи самого Шишкова), и классическая россійская словесность должны быть вводимы и одобряемы; 5) языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущественно передъ латинскимъ. *Шмидъ*. Исторія средн. учебн. завед., стр. 176, 177. Сравн. этотъ взглядъ Шишкова съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Новосильцова въ соч. отца *Симона:* De Seminario principali Vilnensi. Academia Caesar. Rom. Cathol. Petropolitana. 1887. См. также дѣла архива Вилен. учебн. округа, разобранныя Пл. Жуковичемъ.

[2]) П. С. З., № 30102. Указъ 31-го октября 1824 г. Бывшія прежде въ составѣ Виленскаго учебнаго округа губерніи Витебская и Могилевская отошли къ С.-Петербургскому учебному округу. Здѣсь тогда была Полоцкая епархія, названная въ 1828 г. Бѣлорусскою.

было трудно даже самому князю Чарторыйскому, могущественному вельможѣ, усердному католику и ревностному польскому патріоту. Съ другой, этотъ институтъ давалъ надежду бѣлому греко-уніатскому духовенству подняться изъ своего ничтожества. Поэтому базиліанскій орденъ, гордившійся своими латинизаторскими богословскими и философскими студіями въ Вильнѣ и Жировицахъ, крайне недоброжелательно относился къ бывшему при этой семинаріи отдѣлу для высшаго богословскаго образованія клириковъ бѣлаго греко-уніатскаго духовенства. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ считалось уже до двадцати священниковъ обоихъ обрядовъ, украшенныхъ учеными степенями докторовъ или магистровъ и занимавшихъ важнѣйшіе посты въ коллегіи и въ епархіяхъ; изъ уніатовъ двое были профессорами богословскаго факультета Виленскаго университета и пользовались авторитетомъ въ дѣлахъ церковныхъ русской уніи, двое были членами коллегіи, и во всѣхъ епархіяхъ появились священники съ учеными степенями магистровъ и даже докторовъ.

Какъ въ Вильнѣ базиліане тревожили Чарторыйскаго, а потомъ Новосильцова, такъ въ Петербургѣ доминикане, утвердившись въ столицѣ на мѣсто іезуитовъ, волновали первый департаментъ римско-католической коллегіи своими опасеніями чуть ли не на счетъ существованія католицизма въ Россіи, если будетъ существовать главная духовная семинарія.

Существованію главной семинаріи грозила постоянная опасность, и спасеніемъ своимъ она обязана единственно свѣтской власти. Главною причиною недоброжелательства монашествующихъ было привилегированное положеніе этого института, предоставлявшаго большія права своимъ питомцамъ, и особенно, независимость ея режима отъ вліянія монашескихъ орденовъ, обязанныхъ между тѣмъ платить деньги на его содержаніе. Отсюда систематическое и упорное уклоненіе отъ исправнаго взноса складки. Но монахи, жертвуя охотно большія суммы на свѣтское воспитаніе юношества, не хотѣли платить денегъ на духовное образованіе священниковъ, въ которомъ они такъ нуждались вслѣдствіе плачевнаго состоянія епархіальныхъ семинарій, какъ католическихъ, такъ и греко-уніатскихъ.

Въ 1814 году выдвинутъ былъ вопросъ о возстановленіи главной семинаріи, закрытой по случаю Отечественной войны. Епископъ Оршанскій Головня (базиліанинъ), суффраганъ Виленской митрополичьей греко-уніатской епархіи, избранъ былъ орудіемъ для проведенія мысли о необходимости закрыть высшую богословскую школу,

содержать которую монастыри будто бы не могутъ, такъ какъ весьма обѣднѣли и сами нуждаются въ помощи. Епископы и провинціалы доносили, что монастыри дошли до разоренія, что въ полученіи доходовъ съ имѣній встрѣчаются большія препятствія, и что проценты съ капиталовъ не получаются, „поелику одни изъ должниковъ подвергнули имѣнія свои подъ эксдивизіи, а другіе и совсѣмъ не въ состояніи оныхъ вносить“ [1]). Болѣе всѣхъ тревожились виленскіе монахи, подавшіе визитатору Головнѣ прошеніе, что они не въ состояніи платить складки, такъ какъ у нихъ монастырское имущество совершенно разстроено.

Предложеніе совѣта главной духовной семинаріи объ открытіи ея осенью 1815 г. не могло осуществиться; въ это время недоимки, за скидкою оклада за 1813 годъ, составляли въ общей сложности 35,634 р. 78 к. и не могли быть пополнены, не смотря на предписанія министра графа Разумовскаго отъ 30-го ноября 1814 года о непремѣнномъ взносѣ денегъ къ 18-му января 1815 г. [2]). Въ своемъ донесеніи о поведеніи клириковъ, обучавшихся въ семинаріи первые четыре года (1808—1812) ея существованія, Головня далъ одностороннюю и невѣрную аттестацію. Изъ 70 обучавшихся въ семинаріи клириковъ нѣкоторые сдѣлали много проступковъ, своевольствъ и публичныхъ соблазновъ. Клирики, посѣщая университетскія лекціи, уклонялись отъ надзора префекта, скрытно уходили съ лекцій и являлись въ мѣстахъ, не соотвѣтствующихъ духовному сану, а тамъ искажались ихъ нравы. Въ 1812 году, во время постоя въ домѣ семинарскомъ офицеровъ генерала Платова, явились распутства. Посѣщая университетъ, клирики претерпѣвали въ немъ издѣвательства надъ духовнымъ саномъ и насмѣшки, ослабѣвали въ правилахъ вѣры

---

[1]) Представленіе 1-го департамента римско-католической коллегіи 16-го августа 1816 г., № 495, князю А. Н. Голицыну на основаніи рапорта епископа Головни, дѣйствовавшаго по указу коллегіи 26-го октября 1815 г. Архивъ мин. нар. просв. № 7670.

[2]) О недоимкахъ на главную духовную семинарію. Архивъ мин. нар. просв., № 6806. Эти недоимки прогрессивно возростали: въ 1808 г.—12,531 р. 3 к., въ 1809 г.—17,951 р. 43 к.; затѣмъ, послѣ предписанія съ угрозою вносить недоимки изъ собственныхъ денегъ, въ 1810 г. недоимки достигали 10,125 р. 56 к., въ 1811 г.—9,995 р. 14 к. Когда же, спустя три года послѣ Отечественной войны, положено было возобновить главную семинарію, то денегъ въ кассѣ семинаріи не было вовсе, а между тѣмъ на передѣлку дома главной семинаріи требовалось 20,634 р. 78 к. Рапортъ ректора Снядецкаго 11-го октября 1814 г., № 1776. Рапортъ испр. долж. ректора Лобенвейна 11-го апрѣля 1815 г.

и выражали намѣреніе оставить духовное званіе. Одинъ клирикъ замѣченъ въ безвѣріи и былъ уличенъ въ совращеніи другихъ. Между тѣмъ епархіальныя семинаріи пришли въ упадокъ. По мнѣнію коллегіи, въ лучшемъ состояніи была Виленская римско-католическая семинарія, гдѣ преподаются тѣ же науки, что и въ Виленскомъ университетѣ (sic!). По этимъ соображеніямъ коллегія пришла къ такому заключенію, что главная духовная семинарія, какъ показали послѣдствія (?), не удовлетворяетъ требованіямъ духовенства, а потому 1-й римско-католическій департаментъ проситъ его сіятельство: 1) главную семинарію, яко не приносящую никакой пользы для католическаго исповѣданія и его духовенства, а только причиняющую одно отягощеніе для латинскихъ монастырей, и вообще не соотвѣтствующую своему назначенію, навсегда закрыть и опредѣленные для нея дома возвратить въ прежнее духовное вѣдомство (августіанскимъ монахамъ); 2) впредь обучать клириковъ нужнымъ предметамъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ, давъ на вспомоществованіе нѣкоторымъ изъ нихъ 5,000 руб., каковую сумму разложить на монастыри, не обучавшіе юношества, и 3) всѣ накопившіяся недоимки на монастыряхъ оставить безъ взысканія.

Замѣчательно, что докладъ о закрытіи семинаріи, не былъ подписанъ предсѣдателемъ 1-го департамента коллегіи митрополитомъ Сестренцевичемъ [1]).

Директоръ департамента Поповъ въ своей запискѣ между прочимъ предложилъ складку, падающую исключительно на монастыри, распространить и на бѣлое духовенство. „Извѣстно", говоритъ онъ,— „что въ Польшѣ (!) нѣкоторыя приходскія церкви имѣютъ до 800 душъ. Этимъ способомъ будутъ облегчены монастыри" и т. д. Затѣмъ Поповъ предполагалъ уничтожить всякую связь клириковъ со студентами и изолировать преподаваніе наукъ, назначивъ соотвѣтственное помѣщеніе для всѣхъ занятій.

Князь Голицынъ просилъ князя Адама Чарторыйскаго дать свое заключеніе по предмету предложеннаго закрытія главной семинаріи [2]) и указать, въ какомъ она состояніи нынѣ (письмо отъ 12-го іюля 1817 г.). Чарторыйскій осмотрѣлъ семинарію и затѣмъ предписалъ

---

[1]) Докладъ 16-го августа 1816 г. подписали только ассессоры 1-го департ. прелатъ Валеріанъ Генрихъ Каменко, каноникъ Казиміръ Дмоховскій, прелатъ Онуфрій Гоувальтъ, каноникъ Игнатій Павловскій, каноникъ Павелъ Рава, секретарь Рончевскій.

[2]) Семинарія была возобновлена осенью 1816 г.

университетскому правленію представить свое мнѣніе о состояніи и благополезности сего института, а совѣту семинаріи дать объясненіе на представленіе римско-католической коллегіи. Совѣтъ, опровергнувъ всѣ пункты обвиненія 1-го департамента коллегіи (основаннаго на донесеніи епископа Головни, не видѣвшаго главной семинаріи), назвалъ проектъ не заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Намѣреніе замѣнить главную семинарію епархіальными не обѣщаетъ ничего полезнаго для образованія духовенства. „А что такія епархіальныя семинаріи, не касаясь прежнихъ 20 лѣтъ? Въ нихъ упало благовоспитаніе; исключивъ монаховъ и унитовъ, изъ числа 2,000 іереевъ—въ епархіяхъ римскихъ немного способныхъ проповѣдниковъ. А какова ихъ подготовка? 36 клириковъ (присланныхъ для опредѣленія въ главную семинарію), совѣтъ долженъ былъ вернуть по неспособности къ наукамъ и порчѣ нравовъ. Между тѣмъ главная семинарія дала 34 іереевъ (римскаго и греческаго обрядовъ), изъ коихъ многіе удостоены степени магистра и доктора и даже оставлены при университетѣ". Университетъ, въ уваженіе представленія монастырей о своей бѣдности, скинулъ 45,000 р. недоимокъ (за три года), но, не смотря на такую льготу, по 18-е іюля сего 1817 г. остается въ недоимкѣ еще 29,131 р. 35½ к., которые опредѣлены на починку зданій и увеличеніе числа клириковъ. Теперь же въ семинаріи состоитъ не болѣе 13 клириковъ, изъ коихъ 10 много обѣщаютъ" [1]). Послѣ прощенія недоимокъ монастыри могутъ платить бездоимочно, даже южные, болѣе другихъ неисправные. „Прискорбно видѣть", сказано въ объясненіи,—„что учрежденіе (то-есть, коллегія), обязанное бдѣть надъ духовнымъ саномъ и которое должно стараться, чтобы сей санъ занималъ подобающее ему мѣсто, само желаетъ унизить оный санъ въ прежнее забвеніе и пренебреженіе, изъ которыхъ мудрыми постановленіями монарха онъ воздвигнутъ. И самое благосостояніе епархіальныхъ семинарій зависитъ отъ успѣха главной семинаріи".

Объясненіе совѣта главной семинаріи сопровождается слѣдующими замѣчаніями князя А. Чарторыйскаго: „Просвѣщеніе не можетъ быть отдѣлено отъ религіи. Духовенство не должно отставать отъ мірянъ, напротивъ оно должно идти впередъ. У насъ духовный санъ оставался въ пренебреженіи. Надлежало возвратить древній блескъ ре-

---

[1]) Слова пророческія: въ числѣ учащихся были Іосифъ Сѣмашко и Василій Лужинскій, ближайшіе исполнители реформъ Русской греко-уніатской церкви, а затѣмъ и главные двигатели вопроса по возсоединенію уніи съ православіемъ.

лигіи. Четырехлѣтній опытъ главной семинаріи былъ не малый. Возбудились усыпленныя способности духовныхъ, и съ открытіемъ сего института сдѣлалось спасительное въ семъ духовенствѣ движеніе (къ образованію). Даже іереи пожелали поступать въ главную семинарію наравнѣ съ клириками. Въ четыре года выпущено 44 достойныхъ дѣйствительно просвѣщенныхъ іереевъ, изъ коихъ нѣкоторые употребляются къ учительскимъ должностямъ, другіе преподаютъ слово Божіе и значительно сіе званіе отличаютъ, а младшіе, пріобрѣтя спасительное воспитаніе, занимаются въ своихъ приходахъ съ истинно христіанской ревностію"[1]).

Князь Голицынъ призналъ нужнымъ предложить коллегіи заняться изысканіемъ средствъ, чтобы главной духовной семинаріи доставлены были всѣ способы для надлежащаго обученія и образованія кандидатовъ для духовнаго сана, съ устраненіемъ всѣхъ неудобствъ, какія коллегія находитъ въ настоящемъ ея состояніи. „Для облегченія же монастырей, имѣющихъ скудныя средства и содержащихъ училища, полагалось бы привлечь къ участію въ складкѣ и бѣлое духовенство, что было бы согласно съ постановленіемъ Тридентскаго собора. Но поелику представленіе коллегіи не подписано предсѣдателемъ оной, то испросить мнѣніе митрополитовъ римско-католическаго (Сестренцевича) и греко-уніатскаго (Булгака), яко первыхъ духовныхъ особъ" [2]).

Фактъ довольно любопытный, характеризующій порядки администраціи того времени. Документу не оформленному, имѣющему характеръ доноса, придано значеніе государственнаго акта!...

Лѣтомъ 1817 г. попечитель университета съ особеннымъ усердіемъ занялся исправленіемъ замѣченныхъ имъ недостатковъ въ методахъ преподаванія по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Виленскаго учебнаго округа. Рѣшено было командировать нѣкоторыхъ профессоровъ въ заграничные университеты. Признавая необходимымъ еще болѣе усовер-

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. карт. 1087, № 6559. Представленіе князя Адама Чарторыйскаго къ князю А. Н. Голицыну. Пулавы 5-го августа 1817 г., № 253. Въ концѣ Чарторыйскій проситъ министра о принятіи главной семинаріи подъ свое покровительство: „Благоволите В. С. дать строжайшее предписаніе монастырямъ, чтобы за исключеніемъ изъ недоимокъ 3-хъ-лѣтняго оклада (45,000 р.), остальныя деньги они вносили въ кассу главной семинаріи немедленно и впредъ платили складку исправно". Тамъ же, л. 24.

[2]) Тамъ же. Отношеніе департ. нар. просв. въ департ. глав. управ. духов. дѣлъ. За подписью Попова, 3-го сентября 1817 г., № 2629. Предложеніе римско-католической коллегіи, за подписью Голицына и Тургенева, отъ 7-го сентябрь 1817 г. № 785, л. 25—24.

шенствовать преподаванiе богословскихъ наукъ, попечитель предложилъ университету командировать одного изъ профессоровъ богословскаго факультета, по выбору совѣта, для ознакомленiя съ состоянiемъ подобныхъ высшихъ заведенiй и съ ходомъ преподаванiя богословскихъ наукъ въ иностранныхъ государствахъ, преимущественно въ Австрiи и Италiи. Выборъ университета палъ на состоящаго въ должности профессора М. К. Бобровскаго (перваго воспитанника перваго выпуска), отлично знакомаго съ древними и новыми языками, а равно со старославянскою письменностью. Избранному кандидату совѣтъ университета поручилъ ознакомиться также съ восточными и славянскими языками [1]).

Между тѣмъ въ концѣ 1818 г. возникли тревожные слухи о предполагаемомъ закрытiи главной духовной семинарiи. По этому поводу попечитель въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенiя и духовныхъ дѣлъ счелъ нужнымъ напомнить о важности и необходимости сохраненiя этого полезнаго института. „Мнѣ остается присовокупить (къ сказанному въ представленiи прошлаго 1817 г., № 253) только то, что всякое правительство усиливало и усиливаетъ попечительность свою о просвѣщенiи духовнаго состоянiя, которое по качествамъ должности своей, примѣрами и наукой, не мало причиняется къ исправленiю нравовъ и къ поддержанiю правилъ благочестiя. Францiя, Германiя, Италiя имѣютъ свои институты, въ коихъ юношество, посвятившее себя духовному состоянiю, приготовляется заблаговременно на мѣста достойныхъ служителей алтаря, умѣющихъ цѣнить и исполнять важность (sic!) обязанности своего сана.

„Отправленный Виленскимъ университетомъ священникъ Бобровскiй [2]) для усовершенствованiя въ наукахъ богословiя посѣщалъ недавно подобнаго рода институтъ въ Вѣнѣ, откуда отправился въ Римъ. Университетъ ожидаетъ возвращенiя его въ Вильну, дабы, пользуясь сдѣланными имъ наблюденiями, могъ довести образованiе въ главной духовной семинарiи по образцу другихъ народовъ до высшей степени совершенства [3]).

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. карт. 181, № 7601. О вступленiи въ должность князя Чарторыйскаго осенью 1816 г., 6, 13. Холм. мѣсяц. 1867 г., ст. *Плакида Янковскаго*, стр. 106. *Русск. Старина* 1887 и 1888 гг.: Мих. Кирилл. Бобровскiй (бiографическiй очеркъ).

[2]) Съ 1 мая 1817 г. онъ былъ Брестскимъ каноникомъ, занимая въ то время должность члена Виленской унiатской консисторiи.

[3]) Архивъ мин. нар. просв. карт. 1087, № 6559; к 28. М. Бобровскiй изъ Вѣны

„Что нѣкоторые духовные вооружаются противъ главной духовной семинаріи—не удивительно. Примѣры тому", пишетъ далѣе князь Чарторыйскій,—„мы видимъ и въ другихъ странахъ, но это не останавливаетъ дѣйствій правительства. Бо́льшая часть благомыслящаго духовенства внутренно сознаетъ пользу сего учрежденія; что же касается до (многочисленныхъ) монастырскихъ сословій, то они являются противниками главной семинаріи, дабы отдѣлаться отъ платежа складки на ея содержаніе. Часть складочныхъ денегъ я полагаю отнести на доходы Картузъ-Березскаго монастыря, который можетъ быть упраздненъ, о чемъ мнѣніе мое изложено въ представленіи 21-го минувшаго октября". Въ заключеніи попечитель надѣется, что министръ согласится съ нимъ о пользѣ просвѣщенія лицъ духовнаго состоянія, и что въ настоящей угрожающей главной семинаріи опасности она найдетъ въ немъ покровительство и защиту [1]).

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ Отечественной войны: монастыри продолжали отговариваться разореніемъ; недоимки въ 1820 г. дошли уже до 56,045 р. (въ томъ числѣ съ однихъ доминикановъ болѣе 15,000 р. и съ базиліанъ до 8,200 р.); попечитель въ 1820 г. доносилъ, что онъ вынужденъ будетъ закрыть главную духовную семинарію, если эти неисправности будутъ продолжаться. Князь Голицынъ предписывалъ принимать строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ, поступая съ неисправными, какъ съ недоимщиками податей.

Какъ трудно было бороться съ систематическимъ противодѣйствіемъ монастырскихъ сословій, черпавшихъ въ своихъ уставахъ и се-

---

отправился въ Римъ не въ концѣ 1818 г., а только лѣтомъ 1819 г. О своихъ наблюденіяхъ надъ устройствомъ и способами духовнаго образованія въ Вѣнской главн. дух. семинаріи Бобровскій предствилъ отчетъ университету. Ученое путешествіе М. К. Бобровскаго по Европѣ и Славянскимъ землямъ (1817—1822) *Слав. Извѣстія* 1889 г.

[1]) Арх. мин. нар. просв. карт. 184 № 7770. Картузіанскій монастырь въ Березѣ основанный въ 1650 г. Львомъ Сапѣгою и надѣленный имъ и его наслѣдниками богатыми имѣніями, пришелъ въ совершенный упадокъ; въ немъ было 4 монаха. Чарторыйскій въ 1818 г. полагалъ болѣе полезнымъ обратить имѣнія этого монастыря на *вѣчный фундушъ* главной духовной семинаріи. Но намѣреніе попечителя не осуществилось. Р.-католическая коллегія полагала перенести въ этотъ монастырь главную семинарію, преобразовавъ ее въ богословскій факультетъ, совершенно независимый отъ Виленскаго университета. Но монахи картузіанскіе нашли себѣ сильныхъ покровителей въ столицѣ, и императоръ Александръ I велѣлъ оставить Березскихъ монаховъ въ покоѣ. Ст. ректора *Симона*: De Seminario principali Vilnensi.

кретныхъ суммахъ способы для уклоненія отъ исполненій предписаній министра, видно изъ отвѣтовъ въ коллегію на ея указъ 21-го января 1821 г. Достаточно привести донесенія базиліанскихъ провинціаловъ. Знакомый намъ бѣлорусскій провинціалъ Никодимъ Смыковичъ доносилъ 21-го марта 1821 года: „Недоимки происходятъ отъ того, что базиліанскіе монастыри содержатъ разныя учебныя заведенія, и что отъ университета никакой помощи сами не получаютъ, а между тѣмъ платятъ еще на вспомоществованіе бѣднымъ и разореннымъ монастырямъ, не получаютъ исправно процентовъ съ своихъ капиталовъ, должны давать по необходимости вспомоществованіе крестьянамъ, платить за нихъ подати, вслѣдствіе постоянныхъ неурожаевъ". Исправляющій должность провинціала Русской провинціи протоконсульторъ Левъ Демковичъ писалъ въ рапортѣ отъ 11-го марта 1821 г.: „Недоимокъ на монастыряхъ остается 4,324 р. Но этихъ денегъ они уплатить не въ состояніи монастыри архимандричьи — вслѣдствіе неисправнаго платежа процентовъ съ своихъ капиталовъ, а съ десяти монастырей, въ которыхъ школъ не содержится, и взыскать денегъ не возможно, пока не увеличится ихъ благосостояніе. Прочіе 8 монастырей не въ состояніи платить потому, что содержатъ приходскія школы, нѣкоторые—и богадѣльни, или же монастырскія студіи". Одинъ только литовскій провинціалъ Каминскій благоразумно успокоивалъ 2-й департаментъ рапортомъ объ исправномъ взносѣ недоимокъ, не взирая на затрудненія [1]).

Въ началѣ 1821 года кто-то изъ епископовъ подалъ проектъ министру о перенесеніи главной семинаріи въ Полоцкъ. За проектъ сначала стояли оба митрополита; но потомъ проектъ былъ отвергнутъ, благодаря заботливости профессоровъ Ходапи и Конгевича. Установлены были ежегодныя визиты семинаріи: два года — латинскими, а третій—уніатскими прелатами [2]).

Производившій ревизію главной семинаріи епископъ Виленской римско-католической епархіи Пузына и предсѣдатель греко-уніатской консисторіи прелатъ Брестскаго капитула Мокрицкій представили въ

---

[1]) Арх. св. син. по 2-му департ. Д. 1815 г., л. 59—76. Еще большее сопротивленіе къ исправному взносу недоимокъ оказывали латинскіе монашескіе ордена, особенно доминиканы. См. графа *Толстого* Le Cathol. Rom., II, p. 11.

[2]) Переписка А. Сосновскаго къ Платону Сосновскому, 29-го мая 1821 г.: „За обиды скоро постигнетъ наказаніе базиліанскаго ордена, когда онъ вынужденъ будетъ отдать свои монастыри подъ секуляризацію". Но этимъ надеждамъ суждено было не скоро осуществиться.

коллегію свое заключеніе объ отличномъ состояніи въ ней учебной и хозяйственной частей. Министерству нужно было принять только болѣе дѣйствительныя мѣры къ исправному взносу текущаго оклада, поступающаго неисправно и не въ установленные сроки (18-го іюля и 18-го января каждаго года); уплату же недоимокъ полагалось распредѣлить на нѣсколько лѣтъ.

Многочисленные монашеские ордена, владѣвшіе громаднымъ пространствомъ земли, на которой работало болѣе 100,000 крѣпостныхъ крестьянъ, и имѣвшіе капиталы въ нѣсколько милліоновъ рублей [1]), не въ состояніи были платить на главную семинарію сумму въ 15,000 руб. сер., а между тѣмъ тратили десятки тысячъ на мірскія школы!.

Не смотря на расточительность и дурную систему хозяйства, на ненадежность нѣкоторыхъ капиталовъ, ввѣренныхъ подъ залоги имѣній помѣщикамъ, монастыри, въ концѣ царствованія императора Александра I, были весьма далеки отъ несостоятельности, хотя многіе изъ нихъ, какъ латинскіе, такъ и греко-уніатскіе, быстрыми шагами шли къ упадку, и число монашествующей братіи въ нѣкоторыхъ такъ уменьшилось, что, по законамъ каноническимъ, они подлежали закрытію.

Большею частью невѣжественное, фанатическое духовенство, руководимое агитаторами, ставило въ вину главной семинаріи то, что ея воспитанники не только получали высокое богословское образованіе, но и имѣли возможность знакомиться еще съ другими науками, необходимыми для всякаго образованнаго человѣка, и что она не подчинена мѣстному епископу, а управлялась особымъ совѣтомъ, который зависѣлъ отъ свѣтской власти. Но это было только предлогомъ для нападокъ, такъ какъ семинарія въ сущности управлялась совѣтомъ изъ лицъ духовныхъ, назначаемыхъ епископами, и не изъята была отъ контроля коллегіи посредствомъ инспекціи [2]). Дѣйствительною при-

---

[1]) Кромѣ десятины и аннатовъ, римско-католическіе монастыри владѣли обширнѣйшими землями, на которыхъ поселено было болѣе 100,000 крестьянъ, не рѣдко греко-уніатскаго исповѣданія, и капиталами (по свѣдѣніямъ 1822 г.) въ 987,918 луидоровъ, 414,947 талеровъ, 4.505,081 р. сер. и 149,933 р. асс. Греко-уніатскимъ монастырямъ принадлежало (на 80 монастырей): земли, населенной 12,000 крестьянъ, капиталовъ: 60,817 луидоровъ, 11,250 талеровъ, 442,675 р. 51¾ коп. сер., 153,066 р. асс. Наконецъ, имѣлось до 200,000 руб. сер. обезпеченныхъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ.

[2]) Ссылались, что подобнаго заведенія нигдѣ не существуетъ, а между тѣмъ главная семинарія при Вѣнскомъ университетѣ пользовалась громкою славою въ Европѣ.

чиною нерасположенія духовныхъ сословій въ западномъ краѣ къ Виленской главной семинаріи было опасеніе, что ея питомцы, вслѣдствіе общенія съ мірянами, студентами университета, пріобрѣтутъ навыки, несвойственные духу монашескихъ кастъ, претендовавшихъ на исключительное господство въ странѣ и право на эксплоатацію невѣжественныхъ массъ народа [1]).

Фанатизмъ въ обществѣ западной окраины Россіи развивался вмѣстѣ съ невѣжествомъ католическаго духовенства. Мы видѣли, какъ велось воспитаніе свѣтскаго и духовнаго юношества въ учебныхъ заведеніяхъ при монастыряхъ. Зависимость монастырскихъ школъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ была слабою, можно сказать, фиктивною. Принятіемъ на себя обязанности воспитанія юношества монашескія сословія связали только руки правительству: удѣляя незначительныя деньги на содержаніе публичныхъ школъ, монашескія сословія пріобрѣтали тѣмъ самымъ право на эксплуатацію суевѣрнаго общества и на покровительство министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, независимое отъ римско-католической коллегіи; подъ благовиднымъ предлогомъ воспитанія юношества монашескія сословія обоего пола распространяли латинизацію въ русскомъ населеніи, развивали фанатизмъ и нетерпимость русскихъ католиковъ и уніатовъ и доставляли латино-польской партіи, получавшей наставленія изъ Варшавы, способы къ подготовкѣ политической обособленности западныхъ губерній отъ Россіи.

Наступившая при Шишковѣ реакція, особенно же со времени восшествія на престолъ императора Николая Павловича, не въ состояніи была предотвратить взрыва въ 1830 году, который принесъ столько несчастій населенію въ этой русской окраинѣ. Такъ-называемое дѣло учащейся молодежи Виленскаго университета и нѣкоторыхъ гимназій (въ 1824 г.) въ сущности было продолженіемъ исторіи Казанскаго и Петербургскаго университетовъ и далеко не имѣло той исключительно политической окраски, опасной для государства, какую ста-

[1]) По поводу нерасположенія къ семинаріи графъ Толстой, въ сочиненіи Le Cathol. Rom., II, 245, 246, замѣчаетъ что главною причиною неудовольствія духовенства было опасеніе за сохраненіе исключительнаго духа своего сословія: „mais la véritable source de leur courroux consistait en ce qu'ils tremblaient pour la conservation de l'esprit de caste, parce que les élèves du séminaire principal se trouvaient en rapports journaliers avec les étudiants des autres facultés de l'université“.

рался придать ей Новосильцовъ [1]). Опасность для России, какъ показали послѣдствія, была не тамъ, гдѣ ее искали въ 1823 и 1824 годахъ.

Между тѣмъ послѣ возвращенія изъ заграничной командировки Брестскаго каноника Бобровскаго въ Вильну, въ августѣ 1822 года, ожидались преобразованія не только въ преподаваніи богословскихъ наукъ, но и въ самомъ устройствѣ главной духовной семинаріи. Греко-уніатское духовенство встрѣтило Брестскаго каноника въ Клещеляхъ торжественно, какъ свое восходящее свѣтило. Не останавливаясь здѣсь на путешествіи этого ученаго греко-уніата слависта, посѣтившаго богословскіе факультеты въ Австріи, Италіи, Франціи и Германіи и собравшаго весьма обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи богословскаго образованія за границею и объ организаціи Вѣнской главной семинаріи [2]), замѣтимъ только, что при вступленіи своемъ на каѳедру Св. Писанія (въ декабрѣ 1822 г.) объявленная имъ программа курса выходила изъ разряда обыкновенныхъ; результаты его наблюденій за границею должны были повести къ существеннымъ улучшеніямъ преподаванія богословскихъ наукъ. Сообщенныя имъ свѣдѣнія о методахъ преподаванія богословія повели къ замѣнѣ устарѣлыхъ нѣмецкихъ учебниковъ. Его спеціальныя занятія герменевтикой и библейскою археологіей сопровождались объясненіями о пользѣ и необ-

---

[1]) Ср. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I, *Сухомлинова*, о дѣйствіяхъ главнаго правленія училищъ, попечителей Магницкаго и Рунича, съ брошюрою: „Nowosilzow w Wilnie“ *Онацевича* о дѣйствіяхъ Новосильцова во время слѣдствія въ университетѣ и о его отношеніяхъ къ преподаванію философіи и естественнаго права. Университетъ защищаетъ Голуховскаго, не находя въ лекціяхъ философіи ничего вреднаго. Новосильцовъ самъ написалъ критику на курсъ: выраженіе *натура*, по его мнѣнію, отзывается матеріализмомъ и т. д. См. еще у *Шмида*, Исторія среднихъ учебныхъ заведеній, мнѣніе Уварова. Брошюра Онацевича, неизвѣстная въ русской литературѣ, служитъ существеннымъ дополненіемъ къ извѣстному слѣдственному дѣлу о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ въ 1824 г., на основаніи котораго и указа 14-го августа 1824 г. построены выводы нѣкоторыхъ нашихъ комментаторовъ, не дававшихъ себѣ труда изучить эпоху Александра I во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни въ западной Россіи. Тогда римско-католическое духовенство, особенно монашество 30 орденовъ, имѣло громадное вліяніе на весь строй общественной жизни мѣстной интеллигенціи. Оно, вмѣстѣ съ библейскими комитетами, вело борьбу съ университетомъ, и достигло своей цѣли.

[2]) Объ этомъ путешествіи см. въ *Русской Старинѣ* за іюль 1888 г. біографію М. К. Бобровскаго. См. еще *Dzień. Wilen.* 1819, 1820, 1821. Dz. Dobr. 1823, 1824, 1825 1826 и 1827 гг.

ходимости для изучающихъ богословскія науки знакомиться съ священною филологіей, то-есть, изучать восточные библейскіе языки, на которыхъ первоначально написана Библія. Самъ Бобровскій независимо отъ преподаванія экзегетики или толкованія Св. Писанія, открылъ для желающихъ преподаваніе арабскаго языка, важность котораго для изучающихъ богословіе доказана имъ въ одной изъ публичныхъ рѣчей [1]). Познать книги Священнаго Писанія, говоритъ онъ, — далеко, не такъ легко, какъ кажется новымъ реформатамъ, проповѣдующимъ о „внутренней церкви“ и предлагающимъ переводить священный текстъ на тотъ же свѣтскій языкъ, на которомъ пишутся газеты, журналы и романы. Въ тѣ вѣка и въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ написаны были книги Св. Писанія, было совсѣмъ не то, что̀ въ наше время: форма правленія, состояніе духовныхъ и свѣтскихъ сословій, обычаи, религіозные обряды, степень умственнаго развитія и тысячи вещей, совершенно намъ неизвѣстныхъ, которыя писатели священныхъ книгъ не объясняютъ или на которыя ссылаются. Потому-то такъ необходимо священнику знаніе библейской археологіи, то-есть, тщательное знакомство съ древностями Св. Писанія. Далѣе, чтобы пользоваться пріобрѣтенными познаніями въ библейскихъ языкахъ и археологіи, нужно умѣть объяснять и толковать глубокія истины писателей священныхъ книгъ и отцовъ церкви по тексту оригиналовъ Св. Писанія. Оттого знакомство съ герменевтикою библейскою или правилами толкованія, и искусство объясненія Св. Писанія необходимы для всякаго занимающагося преподаваніемъ богословія. Самый лучшій переводъ съ оригинала Библіи не лишенъ недостатковъ. Изъ множества толкователей (экзегезовъ) и комментаторовъ Св. Писанія необходимо умѣть выбирать лучшихъ, то-есть, такихъ, которые знаютъ языки, пользуются источниками, оригинальными текстами и древними переводами, слѣдятъ за литературными переводами, знакомы съ предметами, имѣющими отношеніе къ Св. Писанію, не обращая вниманія на разницу религій, какъ дѣлали перворазрядные отцы церкви.

Публичныя лекціи о Св. Писаніи профессора Бобровскаго, читан-

---

[1]) Dz. Dobrocz. 1824 г. T. 1, str. 1—33. Рѣчь Бобровскаго 15-го декабря 1823 г. Арабскому языку Бобровскій обучался у извѣстнаго ученаго Сильвестра де Саси, который перевелъ латинскую вульгату на французскій языкъ; переводъ статьи Бобровскаго о значеніи арабскаго языка для науки Св. Писанія и проч. помѣщенъ въ *Вѣстникъ Европы* за 1824 г., № 5, стр. 15—39, № 7, стр. 190—209.

ныя въ зиму 1822 на 1823 годъ и привлекавшія всю виленскую интеллигенцію, указывали на необходимость отказаться отъ тѣхъ схоластическихъ пріемовъ, которымъ слѣдовали учителя богословскихъ курсовъ римско-католическихъ и базиліанскихъ монастырей. Ученый богословъ оріенталистъ возсталъ также противъ нечестія, проповѣдуемаго библейскими комитетами, противъ ихъ легкомысленнаго отношенія къ тексту священныхъ книгъ, искаженному въ польскихъ переводахъ. Съ первой вступительной лекціи ученаго уніата, намекнувшаго на неудовлетворительность текста латинской Библіи (вульгаты) обнаружилось сильное неудовольствіе католическихъ и уніатскихъ обскурантовъ [1]. Бобровскаго стали преслѣдовать, особенно послѣ того, какъ онъ затронулъ въ совѣтѣ университета вопросъ о необходимости кореннаго преобразованія главной духовной семинаріи и учрежденія при богословскомъ факультетѣ каѳедръ восточныхъ языковъ, въ числѣ которыхъ предложилъ учредить и каѳедру старославянскаго языка. Широко задуманный планъ преобразованій былъ одобренъ университетомъ и совѣтъ главной семинаріи въ концѣ 1823 г. составилъ проектъ о развитіи главной духовной семинаріи на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) для укомплектованія епархіальныхъ священниковъ (римскаго и греческаго обрядовъ) пятидесяти клириковъ

---

[1]) Вотъ что̀ пишетъ по этому поводу литераторъ греко-уніатъ, ученикъ Бобровскаго, Плакидъ Янковскій: „Въ рѣчи, читанной въ публичномъ засѣданіи университета профессоромъ Бобровскимъ, и въ его первыхъ вступительныхъ лекціяхъ открыто говорилось: что латинскій переводъ библіи (Vulgata), освященный вѣковымъ употребленіемъ и одобреніемъ тридентскаго собора, какъ отклоняемый въ состязаніяхъ съ иновѣрцами, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ, и что самое толкованіе Св. Писанія, по какому бы то ни было переводу, мимо подлинныхъ св. текстовъ, на каѳедрѣ богословія просто не мыслимо. *Жестоко* показалось *слово*. Затронутые вдругъ и столь больно, спокойные авторитеты взволновались, и, какъ нерѣдко случается, готовились было какъ нибудь благовидно обобщить свою опасность, при чемъ не посмотрѣли бы, конечно, на какого-то онѣмеченнаго уніата, если бы на первыхъ же порахъ не былъ онъ благородно поддержанъ истинно высшимъ человѣкомъ, тогдашнимъ деканомъ богословскаго факультета и краснорѣчивымъ профессоромъ Ходани“. Холм. мѣсяц. на 1867 г., стр. 110. Первыя вступительныя лекціи его о Св. Писаніи напечатаны въ Dz. Dobrocz. на 1823 и 1824 гг., но здѣсь мы не нашли ничего такого, что̀ могло возмутить современныхъ католическихъ ученыхъ г. Вильны. Дѣло въ томъ, что новый *учитель* не принадлежалъ къ монашескому сословію, а былъ всею душою преданъ бѣлому духовенству. Кромѣ того, въ своихъ проповѣдяхъ каноникъ Бобровскій нападалъ на упадокъ дисциплины, на стяжанія монаховъ и прочія злоупотребленія.

(въ томъ числѣ 15 греко-уніатскихъ) недостаточно; вездѣ чувствуется малое число проповѣдниковъ, епархіальное начальство находится въ затрудненіи при назначеніяхъ, а потому число учащихся нужно увеличить даже удвоить; 2) сообразно тому увеличить домъ главной духовной семинаріи и назначить особое помѣщеніе для готовящихся къ ученой степени докторовъ; 3) дозволить поступать своекоштнымъ и дать имъ помѣщеніе; 4) соглашаясь съ предложеніемъ 13-го сентября 1823 г., совѣтъ богословскихъ наукъ полагаетъ, что для усовершенствованія въ наукахъ богословскихъ, четырехлѣтняго курса недостаточно; необходимо установить курсъ семилѣтній, а именно — 3 года для подготовленія къ слушанію богословскаго курса и 4 года для изученія богословскихъ наукъ; 5) необходимо ввести преподаваніе восточныхъ языковъ, между прочимъ и потому, что лица, знакомыя съ восточными языками, не въ одномъ только духовномъ званіи могли бы оказать пользу Россіи, населенной инородцами, особенно татарами; 6) способнѣйшихъ учениковъ отправлять за границу, а для усовершенствованія въ восточныхъ языкахъ посылать въ Сирію и Ливанскія горы; 7) сумму въ 51,601 р. сер., должную монашескими орденами, слѣдуетъ обратить въ капиталъ главной семинаріи, допустивъ для уплаты его десятилѣтнюю разсрочку, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала обращались на потребности главной семинаріи.

Предположенія совѣта были одобрены попечителемъ княземъ Чарторыйскимъ и представлены министру князю Голицыну въ началѣ 1824 года. Какъ отнесся къ предложенію князь Голицынъ, намъ не извѣстно. По видимому, дѣло оставалось безъ движенія. Шишковъ, смѣнившій Голицына, нашелъ проектъ полезнымъ и препроводилъ его въ римско-католическую коллегію съ такимъ заключеніемъ: „Признавая предположенія эти полезными, я предлагаю коллегіи представить мнѣ, не найдетъ ли она съ своей стороны чего-либо нужнымъ къ пополненію оныхъ, а между тѣмъ употребить мѣры ко взысканію недоимокъ съ монашескихъ орденовъ“ [1]). Но Новосильцовъ затормозилъ осуществленіе проекта.

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. 1815 г., № 6, л. 256. Въ случаѣ одобренія проекта совѣтъ университета предполагалъ составить подробныя соображенія. Коллегія проектировала учрежденіе особаго богословскаго факультета, отдѣльно отъ бывшаго нравственно-политическаго факультета изъ профессоровъ-священ-

Шишковъ серьезно стремился къ преобразованію всей учебной системы въ Россіи и принималъ рѣшительныя мѣры къ усиленію преподаванія русскаго и славянскаго языковъ въ западныхъ губерніяхъ. Замѣтивъ возрастаніе недоимокъ съ 1821 г., министръ въ предложеніи 31-го декабря 1824 года призналъ нужнымъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія существованія такого духовнаго заведенія, которое „должно доставлять достойныхъ служителей сей церкви“ (каѳолической). Поэтому Шишковъ приказалъ дать знать начальникамъ обоихъ обрядовъ, что за неисполненіе платежей недвижимыя имѣнія монастырей будутъ отдаваться въ аренду на 12 лѣтъ.

Легко догадаться, что предложенія совѣта главной семинаріи не нашли поддержки въ римско-католической коллегіи; она, вмѣстѣ съ Новосильцовымъ, можно сказать, похоронила проектъ о лучшемъ устройствѣ главной семинаріи. Самъ авторъ проекта, профессоръ Бобровскій, подвергнутъ былъ гоненію и отрѣшенъ отъ каѳедры подъ предлогомъ, крайне неблаговиднымъ для репутаціи профессора, никогда, ничѣмъ не запятнанной [1]). Только спустя нѣсколько лѣтъ

никовъ. Шишковъ переслалъ этотъ проектъ на разсмотрѣніе Новосильцова Послѣдній въ мнѣніи 25-го декабря не отвергалъ пользу особаго факультета при Виленскомъ университетѣ для католиковъ, но не для уніатовъ, и отвергалъ пользу главной семинаріи. Министръ Шишковъ въ отвѣтѣ 31-го августа 1826 г. поддерживалъ пользу сохраненія главной семинаріи, которая доставляетъ дѣйствительно образованныхъ священниковъ, и выразилъ сомнѣніе, чтобы благоразумно было передать базиліанамъ образованіе всего бѣлаго духовенства, какъ предлагалъ Новосильцовъ. Базиліанскій орденъ казался Шишкову весьма подозрительнымъ. Образованіе клириковъ и самая главная семинарія остались въ прежнемъ положеніи; но усилено преподаваніе русскаго языка, и для уніатскихъ клириковъ введено славяновѣдѣніе. *О. Симона* De seminario principali Vilnensi, 1887 г.

[1]) Бобровскій былъ отрѣшенъ отъ каѳедры Св. Писанія по указу 14-го августа 1824 г. одновременно съ профессорами философіи: Голуховскимъ, мѣстнаго права И. Даниловичемъ, всеобщей исторіи Лелевелемъ. См. *Шолковича* Сборникъ статей. объясняющихъ польское дѣло „Польская пропаганда въ учебн. завед. Россіи“. Сужденія автора, основанныя на слѣдственномъ дѣлѣ, дополняются и опровергаются *Онацевичемъ*: „Nowosiltzow w Wilnie w roku 1823—1824“. Предлогомъ къ обвиненію проф. Бобровскаго была сказанная имъ проповѣдь, въ которой, говоря о плѣнѣ св. Іосифа, онъ употребилъ слово *цѣпи* по польски kajdany. Новосильцевъ видѣлъ въ этомъ намекъ на безпорядки въ м. Кейданахъ, за что пострадало нѣсколько гимназистовъ, сама гимназія была закрыта. Въ то горячее время интриганы пользовались всякими способами, чтобы отдѣлаться отъ своихъ противниковъ.

вспомнили о проектѣ во 2-мъ (уніатскомъ) департаментѣ, а именно при закрытіи базиліанскихъ монастырей съ цѣлію устройства семинарій возникла мысль, внесенная въ высочайшій докладъ, объ учрежденіи въ Полоцкѣ особой греко-уніатской академіи (на мѣсто Полоцкой семинаріи), при чемъ ея организацію полагалось поручить профессору Бобровскому. На учрежденіе Полоцкой академіи опредѣлена была особая сумма. Но впослѣдствіи и эта мысль была оставлена; назначенныя на ея устройство деньги понадобились для снабженія греко-уніатскихъ церквей богослужебными книгами на церковно-славянскомъ языкѣ московской печати.

Шишковъ, въ первые же мѣсяцы по вступленіи въ должность министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, является приверженцемъ широкихъ реформъ въ учебномъ дѣлѣ на началахъ чисто національныхъ. Это видно изъ рѣчи, произнесенной имъ 11-го сентября 1824 г. въ главномъ правленіи училищъ, изъ предложенія его тому же правленію отъ 12-го декабря того же года и изъ наставленія попечителямъ учебныхъ округовъ, наконецъ, изъ взгляда его на образованіе греко-уніатскаго духовенства. Въ его первыхъ же дѣйствіяхъ мы замѣчаемъ практическій взглядъ русскаго патріота: онъ требуетъ обращать особенное вниманіе на россійскій языкъ и отечественную словесность, на постепенность и полноту преподаванія, на достаточное снабженіе учащихся учебными пособіями; онъ обращаетъ вниманіе на удаленіе учащейся молодежи отъ вліянія вредныхъ сообществъ, предлагаетъ усилить надзоръ за нравственнымъ поведеніемъ студентовъ, требуетъ чтобы въ издаваемыхъ для учащихся книгахъ не укрывалось ничего, что колеблетъ вѣру и благонравіе. Поворотъ министерства къ національно-религіознымъ началамъ въ просвѣщеніи всего рельефнѣе выражается въ настоятельныхъ представленіяхъ Шишкова о закрытіи библейскаго общества и комитетовъ въ провинціи, которые онъ изображаетъ учрежденіями враждебными для церкви, сѣющими развратъ и вольномысліе въ дѣлахъ вѣры, а равно въ соображеніяхъ Шишкова по поводу цензуры, чтобы въ изданныхъ и издаваемыхъ книгахъ не укрывалось ничего, что колеблетъ вѣру и благонравіе. Распространенныя библейскими обществами въ немаломъ количествѣ книги уже успѣли послужить къ порожденію и распространенію весьма вредныхъ и заразительныхъ умствованій и толковъ, которые „разрушаютъ священнѣйшую связь между церковью, престоломъ и отечествомъ, вводятъ соблазнъ, развращаютъ нравы и потря-

сають спокойствіе, законы и благоденствіе народное" [1]). Это заключеніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало положенію дѣлъ въ западной окраинѣ Россіи.

Но особенныя заслуги государству оказаны старымъ адмираломъ и испытаннымъ патріотомъ въ томъ, что онъ, черпая свои идеалы въ прошедшемъ, вѣрно оцѣнилъ современныя ему потребности по общественному образованію и, не столько умомъ, сколько чувствомъ, сознаъ необходимость дать направленіе работамъ, какъ для существенныхъ реформъ гимназій, для которыхъ уставъ былъ обнародованъ лишь въ концѣ 1828 г., когда онъ уже оставилъ министерство, такъ и для устройства епархіальныхъ семинарій у греко-уніатовъ, равно какъ для улучшенія быта бѣлаго духовенства; съ этими цѣлями Шишковъ торопилъ закрытіемъ базиліанскихъ монастырей западной Россіи. Къ выполненію своего плана онъ находилъ уже почву разчищенную дѣятельностію передовыхъ уніатовъ изъ свѣтскаго клира. Послѣдніе съ 1825 г. съ напряженіемъ слѣдили за ходомъ дѣлъ въ министерствѣ, и нерѣдко ихъ записки получали доступъ къ самому министру помимо коллегіи [2]).

Программа реформъ Шишкова въ самомъ началѣ выразилась въ такихъ положеніяхъ: а) привести въ извѣстность всѣ дѣйствія и распоряженія по части народнаго просвѣщенія; б) извлечь изъ этого постоянныя правила и обратиться къ началамъ, основаннымъ на чистотѣ вѣры, на вѣрности и долгѣ государю, на спокойствіи и пользѣ [3]);

---

[1]) *Шмидъ.* Истор. средн. учебн. завед., стр. 166—173; *Стоюнинъ*, Алекс. Семен. Шишковъ, 325; Записки, мнѣнія и переписки Шишкова; фонъ *Гетце.* Fürst A. N. Galitzin und seine Zeit; *Пыпинъ*, Россійское библ. общество—*Вѣстникъ Европы*, т. 6, стр. 709. По мнѣнію г. Пыпина, Шишковъ многое преувеличивалъ и, не будучи фанатикомъ, самъ поддавался вліянію обскурантовъ. Въ глазахъ Шишкова библейскія общества представлялись лютѣйшимъ заговорщикомъ, который изъ всего рода человѣческаго намѣренъ сдѣлать общую республику и религію. Тамъ же, стр. 719, 723, 735. Фонъ-Гетце представляетъ Шишкова честнымъ и благороднымъ старикомъ, не склоннымъ къ фанатизму и религіознымъ преслѣдованіямъ. Но онъ будто бы дѣйствовалъ подъ вліяніемъ партіи Аракчеева: Фотій, Серафимъ, Магницкій, братья Ширинскіе-Шихматовы и другіе имѣли на него вліяніе. Von *Goetze*, 285, 286. См. еще записки *Сербиновича* въ *Русск. Старинѣ*, за 1875 г.

[2]) На это имѣются прямыя указанія въ перепискѣ А. Сосновскаго. Между прочимъ онъ препроводилъ къ Шишкову черезъ Кеппена свою записку *о способахъ къ поднятію духовнаго образованія въ уніатскомъ свѣтскомъ клирѣ.*

[3]) Это, безъ сомнѣнія, его собственное убѣжденіе. Назначеннымъ двумъ ко-

в) все учебное дѣло, не взирая на разность вѣры, ниже языковъ, основать на русскихъ національныхъ началахъ, поощряя и ободряя повсемѣстное преподаваніе русской словесности, и в) привести къ исполненію просьбы греко-уніатскаго духовенства объ учрежденіи епархіальныхъ семинарій. Къ личнымъ заслугамъ Шишкова нужно отнести еще настойчивое стремленіе его къ созданію каѳедръ славяновѣдѣнія въ Россіи. Но эту мысль ему удалось привести въ исполненіе только въ Вильнѣ. Старика возмущало мнѣніе, распространеное библейцами, что русскіе не разумѣютъ славянскаго языка. „Кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы?“ говорилъ онъ [1]).

Лѣтомъ 1824 г. особому временному комитету, составленному изъ графа Аракчеева, министра Шишкова и сенатора Новосильцова, прибывшаго изъ Варшавы съ слѣдственнымъ дѣломъ о безпорядкахъ въ Виленскомъ университетѣ, императоръ Александръ поручилъ изыскать мѣры къ устраненію безпорядковъ въ учебной средѣ на будущее время. Въ этомъ комитетѣ главную роль пришлось играть Шишкову. Въ учебномъ планѣ положено было усилить языки латинскій, греческій и русскій и составить правила для утвержденія въ молодыхъ людяхъ страха Божія и т. д. [2]).

Между тѣмъ доклады Карташевскаго и свѣдѣнія, получаемыя изъ западной Россіи, убѣждали главноуправляющаго въ систематическомъ уклоненіи митрополита Булгака отъ исполненіи мѣръ по устройству епархіальныхъ семинарій. Мы видѣли, что Шишковъ сочувственно

митетамъ: одному—для обозрѣнія порядка управленія всѣхъ учебныхъ заведеній, другому для—составленія инструкціи визитаторамъ и соображенія мнѣній членовъ главнаго правленія училищъ о планѣ народнаго просвѣщенія, даны инструкціи или начала, которыми должно руководствоваться. *Шмидъ*, стр. 174—176. Эти начала получили болѣе обстоятельное развитіе въ рескриптѣ 14-го мая 1826 г. о преобразованіи народнаго воспитанія на началахъ народности. Тамъ же, стр. 217. На него въ то время уже не могъ имѣть вліянія Магницкій.

[1]) Записки Шишкова, II, 207. Ганка писалъ ему, что „для восточной церкви тотъ прекрасный греческій языкъ нуженъ, какъ для западной латинскій“, II, 390. См. еще: *Ягича* Письма Добровскаго и Копитара. Переписка Шишкова съ нѣкоторыми славистами въ Запискахъ Шишкова, т. II, 370—381. Завѣтная мысль Шишкова о славянскихъ каѳедрахъ, какъ и многія реформы по учебной части, осуществились только впослѣдствіи. См. письмо Кеппена къ Добровскому 17-го юня 1828 г., II, 390. *Кочубинскаго*, Графъ Румянцовъ и адмиралъ Шишковъ. Объ учрежденіи школы славяновѣдѣнія въ Вильнѣ въ 1826 г. см. переписку Кеппена съ Бобровскимъ въ рукописяхъ Имп. Акад. Наукъ.

[2]) *Стоюнинъ*, стр. 325. Сборн. постан. по мин. народн. просв., т. I, стр. 489.

отнесся къ проекту совѣта главной семинаріи и настойчиво требовалъ исправнаго взноса складчины съ монастырей. 28-го мая 1825 г. онъ писалъ къ попечителю Новосильцову, назначенному осенью 1824 г. [1]), о необходимости требовать, чтобы греко-уніатскіе клирики, кромѣ знакомства съ русскимъ языкомъ, имѣли основательное знакомство и съ славянскимъ, а клирики римско-католическаго исповѣданія, кромѣ русскаго языка, знали бы французскій или нѣмецкій. Для достиженія такой цѣли необходимо было прежде всего требовать болѣе основательной подготовки въ языкахъ отъ семинаристовъ, вновь поступающихъ изъ епархій, при чемъ Новосильцовъ просилъ министра обратить вниманіе духовнаго начальства на болѣе основательное знакомство ихъ съ науками. „Мною поставлено въ непремѣнную обязанность", писалъ въ отвѣтъ попечитель 18-го октября 1825 г.,— „какъ въ университетѣ, такъ и главной семинаріи имѣть тщательное наблюденіе за успѣхами клириковъ и обучающихся россійскому языку, а также французскому и нѣмецкому языкамъ. Поэтому совѣтъ главной семинаріи опредѣлилъ: на преподаваніе языковъ вмѣсто 3 часовъ назначить по 6 часовъ, поручивъ преподаваніе россійскаго языка учителю Виленской гимназіи Островскому, нѣмецкаго языка— учителю гимназіи Грауерту, французскаго языка—профессору университета Пинабелю" [2]).

Что касается до преподаванія славянскаго языка, то попечитель Новосильцовъ, отвѣчая Шишкову на его письмо отъ 28-го мая 1825 г., полагалъ, согласно заключенію Пеликана, преподаваніе его поручить бывшему профессору Виленскаго университета Бобров-

---

[1]) Сначала попечителемъ назначенъ былъ французъ графъ Лаваль, членъ главнаго правленія училищъ и инспекторъ морскаго корпуса. Вслѣдъ за назначеніемъ Лаваль отправился для лѣченія за границу, намѣреваясь возвратиться въ Вильну лишь въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Но 19-го сентября 1824 г. Шишковъ писалъ Лавалю, что государю угодно, чтобы Виленскій учебный округъ порученъ былъ дѣйств. тайн. сов. Новосильцову. Арх. мин. нар. просв., карт. 580, № 16489.

[2]) Арх. мин. нар. просв. Карт. 583, № 16760. Донесенія попечителя Виленскаго учебнаго округа 2-го августа 1825 г., № 789, 18-го октября 1825 г., № 1203. Докладъ по глав. управл. иностр. исповѣд. 8-го декабря 1825 г., № 1668—о назначеніи добавочнаго содержанія Островскому и Грауерту по 100 р. и Пинабелю 300 рублей. Архивъ св. синода по 2-му департ., д. 1815 г., № 6, л. 319, 405. Предложеніе Шишкова 2-му департ. 25-го августа 1825 г. Въ случаѣ несоблюденія предписаній о болѣе основательномъ знакомствѣ (уніатскихъ) клириковъ съ славянскимъ языкомъ, присылаемыхъ въ главную семинарію, „я" писалъ Шишковъ,—„вынужденъ буду доводить до высочайшаго свѣдѣнія".

скому, удаленному отъ должности по указу 14-го августа 1824 г. Означенный профессоръ, „имѣя отличнѣйшія познанія въ богословскихъ наукахъ, знаетъ притомъ совершенно славянскій и восточные языки и могъ бы быть весьма полезенъ, какъ главной семинаріи, такъ и университету“ [1].

Брестская консисторія, въ виду настойчивыхъ предписаній министра Шишкова о болѣе основательной подготовкѣ клириковъ, назначенныхъ въ главную семинарію, была въ большомъ затрудненіи; она едва могла найдти двухъ кандидатовъ, удовлетворявшихъ требованіямъ; теперь явилось естественнное побужденіе о необходимости спѣшить устройствомъ епархіальной семинаріи, о чемъ многіе уже годы велась безплодная переписка, вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ нуждамъ бѣлаго греко-уніатскаго духовенства орденскаго начальства. Митрополиту Булгаку предложено было ускорить разрѣшеніе о семинаріяхъ въ епархіяхъ. Булгакъ, выведенный изъ бездѣйствія, но не желая выпустить изъ рукъ базиліанъ воспитаніе греко-уніатскаго духовенства, не соглашался съ представленіями Виленской и Брестской консисторій объ устройствѣ семинаріи въ Виленскомъ Свято-Троицкомъ и Жировицкомъ монастыряхъ; онъ призналъ нужнымъ отлучиться на цѣлый годъ изъ столицы въ свои епархіи, чтобы на мѣстѣ достигнуть соглашенія между представителями бѣлаго духовенства и Литовской провинціи. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Петербурга,

---

[1] Арх. управл. Виленск. учебн. окр., св. 131. Предложеніе Новосильцова ректору Пеликану 28-го іюня 1825 г.; рапортъ Пеликана 8-го октября 1825 г. Представленіе Шишкова на высочайшее усмотрѣніе ходатайства Пеликана и Новосильцова, отзывъ митрополита Булгака и заключеніе цесаревича Константина Павловича, Высочайшее соизволеніе императора Николая I, 17-го февраля 1826 г. на возвращеніе Бобровскаго въ Виленскій университетъ. См. мое изслѣдованіе: Судьба Супрасл. рукописи, стр. 23 и слѣд., цит. 25, 26, 27; *Жуковича*—О профессорахъ богосл. факульт. Виленск. унив., стр. 33, — *Христ. Чтен.* за 1888 г., № 3. Изъ переписки профессора Лобойки, Кеппена и Даниловича въ 1825 г. видно, что вопросъ о вызовѣ Бобровскаго въ Вильну былъ рѣшенъ самимъ Шишковымъ, *раньше* заключенія Пеликана и отвѣта Новосильцова. Бобровскій считалъ Пеликана авторомъ своихъ прегрѣшеній, за которыя онъ удаленъ былъ изъ университета указомъ 14-го августа 1824 г. Объ этомъ имѣется у меня письмо М. К. Бобровскаго къ І. Сѣмашкѣ по поводу назначенной ему пенсіи въ январѣ 1834 г. Изъ переписки же Сосновскаго мы видимъ, что главными виновниками отрѣшенія Бобровскаго отъ каѳедры были базиліане. Между прочимъ ученый базиліанскій богословъ Маіевскій, высказывая свое неудовольстіе на свѣтскій клиръ, добавилъ: „М. Бобровскій былъ намъ не нуженъ“.

4-го августа 1825 г., Булгакъ далъ два слѣдующія любопытныя предложенія 2-му департаменту коллегіи:

„Имѣя высочайшее дозволеніе выѣзда изъ столицы на годъ, по сей причинѣ не могучи (sic!) присутствовать въ семъ департаментѣ для рѣшенія разныхъ дѣлъ, а между прочимъ дѣла объ учрежденіи епархіальныхъ семинарій, я предлагаю сему департаменту о заведеніи Брестской епархіальной семинаріи слѣдующее: что входя въ точныя (sic) надобности ввѣренной мнѣ Брестской епархіи, и стараясь привести въ дѣйствіе предписаніе бывшаго министра духовныхъ дѣлъ отъ 18-го мая 1819 г., мнѣ данное о взятіи мѣръ къ улучшенію общаго блага бѣлаго духовенства сей епархіи, я во время дозволеннаго мнѣ выѣзда изъ здѣшней столицы въ 1821 г. (слѣдуетъ въ 1820 г.), немедленно занялся симъ предметомъ, и по предварительномъ сношеніи какъ съ преосвященнымъ Брестскимъ епископомъ суфраганомъ, Супрасльскаго монастыря архимандритомъ Яворовскимъ, такъ и съ начальствомъ базиліанской Литовской провинціи, пріобрѣлъ па счетъ бѣлаго духовенства поступленныя (sic!) орденомъ слѣдующія вспоможенія.

„1) Фундушъ Супрасльскаго монастыря, состоящій изъ ежегодной компетенціи (изъ оклада) 2010 руб. сер. и изъ процентовъ отъ фундушевыхъ суммъ 14,624 р. 60 к. сер., внесенныхъ въ государственный банкъ, составляющихъ 876 р. $47^3/_4$ к. [1].

„2) Часть фундуша Цеперскаго монастыря, въ коей (мъ) 20 крестьянскихъ дворовъ и 8 уволокъ (160 дес.) десятинъ земли, въ близости фольварка Новой Дворъ называемаго, прежде орденомъ на семинарію (Лаврышевскую) поступленнаго, лежащую и составляющую вмѣстѣ съ онымъ фольваркомъ годоваго дохода 1,000 р. сер., которыя вспоможенія, совокупно съ процентами 360 р. сер. отъ суммы 6,000 р. покойнымъ Супрасльскимъ епископомъ Духновскимъ на семинарію (Супрасльскую) записанной, составляютъ ежегодный доходъ 4,247 р. $47^3/_4$ к. сер., около 17,000 злот.

„3) Сверхъ того, для выгоды епархіальнаго архіерея и бѣлаго духовенства, при консисторіи находящагося, тотъ же базиліанскій орденъ Литовской провинціи отступаетъ навсегда церковь Супрасльскаго монастыря на каѳедру Брестской епархіи, и самый монастырь или обширное оное зданіе со всѣми строеніями, на жительство епархі-

---

[1]) Супрасльскій монастырь не входилъ въ составъ Литовской провинціи и никогда не принадлежалъ базиліанскому ордену.

альнаго Брестскаго епископа, его суфрагана, на помѣщеніе консисторіи и семинаріи.

„Когда же означенный фундушъ, въ сходственность имѣющаго опредѣлиться количества клириковъ соразмѣрно епархіальнымъ надобностямъ, изсякнетъ, то пополненіе онаго учинено будетъ изъ имѣній другихъ монастырей, безъ отягощенія оныхъ и безъ препятствія въ исполненіи мѣстныхъ обязанностей. Іосафатъ митрополитъ" [1]).

Стараясь, вопреки мнѣнію Брестскаго капитула, оградить отъ обращенія на семинарію, Жировицкій монастырь и предоставляя въ обмѣнъ Супрасльскій Благовѣщенскій, находящійся на краю епархіи и притомъ вовсе недостаточный для помѣщенія семинаріи, каѳедры и консисторіи, митрополитъ Булгакъ въ то же время не желалъ доставить удобства для устройства семинаріи и въ Виленской епархіи; поэтому въ другомъ предложеніи отъ того же 4-го августа 1825 г. онъ далъ такую инструкцію 2-му департаменту:

„По званію моему митрополита греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, долженствуя имѣть стараніе о заведеніи епархіальной митрополичьей Литовско-Виленской семинаріи, я дѣлалъ предуготовляющія (sic) къ сему нужныя мѣры; но какъ доселѣ не состоялся положительный проектъ къ совершенному рѣшенію сего важнаго дѣла, то я предлагаю сему департаменту пріостановить свое по сему предмету мнѣніе, пока я, осмотрѣвъ все на мѣстѣ и посовѣтовавшись съ орденскимъ начальствомъ, не увѣдомлю впослѣдствіи." [2]).

Со времени предложенія 28-го сентября 1822 г. прошло три года въ борьбѣ между Литовскимъ провинціаломъ и консисторіями при бездѣйствіи 2-го департамента коллегіи; поэтому и вопросъ о семинаріяхъ, столь необходимыхъ, нисколько не подвинулся впередъ. Проектъ о помѣщеніи Брестской семинаріи въ Жировицахъ наносилъ смертельный ударъ базиліанскому ордену; послѣдній также не хотѣлъ допустить устройства епархіальной семинаріи въ св. Троицкомъ монастырѣ. Теперь митрополитъ своимъ предложеніемъ обрекалъ на бездѣйствіе 2-й департаментъ еще на цѣлый годъ для того только, чтобы посовѣтоваться съ провинціаломъ Каминскимъ: до сихъ поръ мы не видѣли, въ чемъ состояли „предуготовительныя

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., д. 1822 г. № 61, л. 260, 261. Помѣтка: поступило и слушано 7-го августа 1825 г.

[2]) Тамъ же л. 262. Помѣта: „получено 7-го августа 1825 г., слушано 12-го августа 1825 г.".

мѣры“ митрополита, который по должности своей, какъ самъ выражается, обязанъ заботиться о нуждахъ церкви, а на челѣ этихъ нуждъ состояло просвѣщеніе бѣлаго духовенства. Въ этомъ отношеніи не видно никакихъ слѣдовъ заботливости владыки.

Мы увидимъ далѣе, для чего митрополиту понадобился именно цѣлый годъ, чтобъ осмотрѣть на мѣстѣ, какъ и гдѣ устроить епархіальныя семинаріи для высочайше ввѣренныхъ ему епархій. Уже самое путешествіе митрополита Булгака по епархіямъ, какъ знало изъ опыта (1820 г.) бѣлое духовенство, не предвѣщало ничего хорошаго.

Въ концѣ 1825 г. доходившіе слухи объ измѣненіи первоначальнаго мнѣнія представителей бѣлаго духовенства, представленнаго въ департаментъ коллегіи и о другихъ затѣяхъ базиліанъ, встревожили членовъ Брестскаго капитула. „Удивляюсь“, писали изъ Вильны,— „какъ можетъ орденъ закрывать глаза на будущее, или какъ могутъ рѣшиться наши содѣйствовать осуществленію такихъ гнусныхъ (ohydnych) проектовъ, которые нанесутъ послѣдній ударъ нашему клиру; ихъ имена перейдутъ въ потомство съ проклятіемъ. Но это еще не все съ проектами: полагалось отдать Свержань, эту ничтожную каморку, на семинарію, гдѣ конечно учителями будутъ базиліане, а консисторію Виленскую помѣстить въ зданіи бывшаго алумната; впрочемъ этотъ проектъ оставленъ—видно не ловко касаться алумната; теперь въ ходу другой проектъ—изъ Вильны все перенести въ Новогрудокъ, въ деревянныя клѣтки, для истребленія огнемъ учебнаго заведенія и архива. Проектъ будутъ поддерживать, но я возстану противъ него всѣми своими силами. Базиліане такъ усердно взялись за насъ и нашу семинарію, что я долженъ стать солью въ ихъ глазахъ: иначе поступилъ бы противъ совѣсти и обреченъ былъ бы на проклятіе потомствомъ“ [1]).

При такомъ нерѣшительномъ положеніи дѣлъ въ греко-уніатской церкви пришло печальное извѣстіе о кончинѣ императора Александра I, 19-го ноября 1825 г. „Грустную вѣсть о смерти императора Александра I“, писалъ А. Сосновскій изъ Вильны,—„мы получили ночью съ 4-го на 5-е декабря. Для принесенія присяги указомъ консисторіи собрано было все духовенство, не исключая и базиліанъ. Могу предположить, что архипресвитеръ послалъ свое мнѣніе. Что же касается до меня—азъ на сіе родихся и на сіе придохъ, чтобы

[1]) Письмо Виленскаго официала А. Сосновскаго къ ассессору коллегіи В. Маркевичу въ концѣ ноября 1825 г.

меня ненавидѣли или имѣли всегда въ подозрѣніи, но ничто меня не согнетъ, я всегда буду говорить правду, и съ нею не разстанусь. Трудно повѣрить, какими черными красками нашъ клиръ здѣсь изображаютъ. Чрезмѣрная уступчивость наша, могу сказать, желаніе нравиться обѣимъ сторонамъ, привели къ тому, что такъ смѣло насъ оскорбляютъ, а какая отъ этого польза, пусть найдется мудрецъ, который указалъ бы на нее. Изъ столицы получено извѣстіе, что вы скоро возвратитесь въ Вильну; какъ бы скорѣе исполнилось это." [1]).

Предшествовавшія 14-му декабря событія, раскрывъ глубокія раны въ общественномъ быту Россіи, дали самый рѣшительный толчекъ къ возстановленію русскихъ началъ для народнаго образованія и воспитанія въ западныхъ губерніяхъ. Энергіей и неусыпной дѣятельностію императора Николая I въ самомъ непродолжительномъ времени созданы были благопріятныя условія для приведенія въ исполненіе реформъ въ греко-уніатской церкви, которыя затянулись при его предшественникѣ вслѣдствіе систематическаго противодѣйствія базиліанскаго ордена, безучастія къ нуждамъ своего духовенства епархіальныхъ епископовъ или ихъ викаріевъ Якова Мартусевича, Адріана Головни, Кирилла Сероцинскаго, уклончивости митрополита Іосафата Булгака, который много лѣтъ, съ 1795 г., былъ начальникомъ обширнѣйшей Брестской епархіи и безсилія коллегіи, старавшейся угодить и базиліанамъ и свѣтскому клиру.

---

[1]) А. Сосновскій къ канонику Бобровскому 8-го декабря 1825 г. № 9.

VIII.

Переговоры ордена съ клиромъ въ Жировицахъ. Пораженіе базиліанъ и его ближайшія послѣдствія.

Царствованіе императора Николая I ознаменовалось крупными историческими событіями, на которыхъ отпечатлѣвается яркими красками непоколебимая энергія и твердость государя въ достиженіи цѣлей въ интересахъ русской народности [1]. Туземному народонаселенію западной Россіи даны были способы и средства къ защитѣ первобытныхъ его сокровищъ — языка и вѣроисповѣданія, которыя сосѣдняя Польша старалась подмѣнить своими, легкомысленно и грубо посягая на священнѣйшія права русскаго народа,—а этотъ народъ, въ XIX столѣтіи составляли крестьяне и бѣлое греко-уніатское духовенство.

Стремясь утвердить въ имперіи общественное воспитаніе на началахъ русской народности, чтобъ оградить его отъ дальнѣй-

---

[1]) Одинъ изъ иностранныхъ историковъ императора Николая I между прочимъ замѣчаетъ слѣдующее: „Для упроченія своей исключительно національной системы, наслѣдникъ Александра I хотѣлъ, чтобы Россія была прежде всего страною русскою. Онъ хотѣлъ, чтобы русскіе изучали и обработывали свой языкъ прежде всякаго другаго, чтобы греческое исповѣданіе въ Россіи было первенствующимъ; онъ хотѣлъ наконецъ, чтобы науки и искусства прививались въ Россіи посредствомъ національныхъ учрежденій. И ничѣмъ не пренебрегалъ, ничего не жалѣлъ чтобы достигнуть этихъ результатовъ, достойныхъ его великихъ намѣреній“. *Alphonse Balleydier*: Histoire de l'empereur Nicolas I (trente années de regne). T. 1. Paris, 1887, p. 17.—И ниже: „La pensée dominante de l'empereur Nicolas était de faire prevaloir en tout et partout les sentiments de la nationalité russe“. Ibid., p. 18.

шаго вліянія заразы, извнѣ нанесенной, императоръ Николай воспользовался первоначальными мѣрами, до него уже намѣченными и частью введенными Шишковымъ, чтобы во всей имперіи устроить учебную систему на русскихъ началахъ. Рескриптомъ 14-го мая 1826 г. на имя министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго иностранными исповѣданіями А. С. Шишкова учрежденъ былъ комитетъ устройства учебныхъ заведеній, съ указаніемъ доставить имъ необходимое единообразіе, на которомъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и обученіе [1]). Данная комитету инструкція затрогивала всѣ стороны учебной системы, не исключая опредѣленія состава предметовъ, курсовъ обученія и учебниковъ, соотвѣтственныхъ съ цѣлями образованія, исходящаго изъ принциповъ отечественнаго, природнаго, а не иностраннаго воспитанія. Эти принципы выставлены въ манифестахъ 13-го іюня и 22-го августа 1826 года: „паче же всего да будетъ страхъ Божій и твердое отеческое воспитаніе юношества основою всѣхъ надеждъ къ лучшему, первою потребностію всѣхъ состояній".

При составленіи общаго учебнаго устава полагалось однако нужнымъ допустить нѣкоторыя изъятія или измѣненія въ Дерптскомъ и Виленскомъ учебныхъ округахъ. Эти отступленія отъ общей программы преобразованій сдѣланы были, кажется, въ виду той розни, какая существовала въ этихъ двухъ различныхъ и пестрыхъ по общественному складу и религіи окраинахъ имперіи. При видоизмѣненіи принципа русской національности по сословіямъ, западныя губерніи и Прибалтійскій край должны были уклониться отъ общей идеи по той причинѣ, что въ этихъ странахъ высшее сословіе — дворянство, не считаетъ себя русскимъ. Николай I не имѣлъ возможности въ началѣ своего царствованія отказаться отъ дѣятельности людей, которые трудились на поприщѣ народнаго воспитанія въ предшедшее царствованіе. Графъ Ливенъ, возведенный въ княжеское достоинство, и Н. Н. Новосильцовъ, продолжавшій пользоваться

---

[1]) Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. С. Шишкова, составляли: генералъ-лейтенантъ графъ Ливенъ, тайный совѣтникъ Сперанскій, графъ Ламбертъ, бывшій попечитель Петербургскаго учебнаго округа Уваровъ, генералъ-лейтенантъ Сиверсъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шторхъ, исправляющій должность попечителя Харьковскаго университета статскій совѣтникъ Перовскій, флигель-адъютантъ Моихъ и полковники графъ Строгоновъ и Перовскій. *Шмидъ*. Ист. средн. учебн. завед., стр. 217.

вѣсомъ и авторитетомъ въ дѣлахъ царства Польскаго и части западныхъ губерній (Виленскаго учебнаго округа), находили необходимымъ сохранить въ своихъ округахъ утвердившуюся прежде систему общественнаго образованія и положеніе университетовъ въ Дерптѣ и Вильнѣ [1]).

Въ Виленскомъ округѣ послѣ нѣкоторыхъ улучшеній, особенно по части полицейскаго надзора, сдѣланныхъ въ 1824 и 1825 годахъ [2]), увеличенія числа часовъ на преподаваніе русскаго языка, введенія преподаванія исторіи и географіи на русскомъ языкѣ и т. п., не прекращались гоненія на профессоровъ и учителей, напоминающія преслѣдованія Магницкаго и Рунича въ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что въ Вильнѣ мотивомъ гоненія была политическая подкладка, а это обстоятельство открывало широкое поле интригамъ въ самой корпораціи ученаго сословія. Но этого мало: Новосильцовъ не призналъ неудобствъ въ томъ, что народное воспитаніе было въ рукахъ латино-польскихъ орденовъ, и что многими публичными школами, бывшими на правахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, завѣдывали и управляли римско-католическіе и базиліанскіе монахи. Напротивъ, это коренное отступленіе отъ общихъ началъ рескрипта 14-го мая 1826 г. и манифестовъ отъ 13-го іюля и 22-го августа

---

[1]) Занятія комитета учебныхъ заведеній были прекращены во время коронаціи, но затѣмъ продолжались усиленно въ концѣ 1826 и въ началѣ 1827 гг. 19-го мая 1827 г. былъ оконченъ проектъ устава, и для разсмотрѣнія его назначена особая коммиссія изъ графа Сиверса, А. Шторха и графа Строгонова. Умершаго Сиверса замѣнилъ Крузенштернъ, а затѣмъ поступили еще два члена—Д. Н. Блудовъ и С. С. Уваровъ. Государь торопилъ занятія: „я требую непремѣнно, чтобы дѣло шло поспѣшнѣе“ (XXVI засѣданіе); въ январѣ 1828 г. разсмотрѣніе проекта было окончено, и 8-го февраля все дѣло поступило на разсмотрѣніе государя, который 20-го февраля приказалъ разсмотрѣть положеніе и штатъ въ государственномъ совѣтѣ безъ очереди. Уставъ о приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, о гимназіяхъ и благотворительныхъ учебныхъ заведеніяхъ былъ обнародованъ 8-го декабря 1828 г. *Шмидъ*. Ист. средн. учебн. завед. стр. 224.

[2]) Виленскій учебный округъ руководствовался проектомъ новаго устройства училищъ для этого округа, составленнымъ мѣстнымъ училищнымъ комитетомъ и введеннымъ въ дѣйствіе съ высочайшаго соизволенія съ 1-го января 1825 г. Записки Шишкова, стр. 225. Но особенное значеніе имѣли полицейскія мѣры въ Виленскомъ университетѣ, съ повелѣніемъ распространить ихъ на прочіе учебные округа. Указъ 14-го августа 1824 года. П. С. З., № 30023. Сборникъ постановл. по мин. народн. просв., т. I, № 489.

того же года Виленскій попечитель считалъ, какъ кажется, явленіемъ нормальнымъ для западныхъ губерній, которыя, по его мнѣнію, были польскими потому, что въ нихъ жило польское и ополяченное дворянство и господствовала религія римско-католическая. Правда, Новосильцовъ сначала считалъ монаховъ крайне опасными (потому что они „воины римскіе и армія папы"), совѣтовалъ даже закрыть монастыри, имущества ихъ обратить на благія дѣла, на вспомоществованіе приходскому духовенству, то-есть, возобновлялъ въ сущности проекты, которые подносились императору Александру I въ началѣ его царствованія. За то и уніатскимъ священникамъ, по мнѣнію Новосильцова, не надобно было высшаго богословскаго образованія: имъ достаточно семинарскаго образованія, руководство которымъ должно предоставить базиліанамъ (то-есть, насадителямъ польско-латинскаго культа между рускими людьми). Такого глубокаго заблужденія не раздѣлялъ А. С. Шишковъ: онъ отвѣчалъ попечителю, что неблагоразумно ввѣрять образованіе бѣлаго уніатскаго духовенства базиліанамъ. Но совѣты эти помогли мало.

Занимая должность сенатора государственнаго совѣта въ царствѣ Польскомъ, безпрерывно отвлекаемый своими спеціальными обязанностями въ Варшаву, Новосильцовъ не могъ вникать въ школьное дѣло Виленскаго округа. Ректоръ Пеликанъ, ревностный католикъ, пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ и дѣйствовалъ въ угоду латинизаторамъ [1]). Формальными и жесткими полицейскими мѣрами Новосильцовъ и Пеликанъ не только не могли залѣчить тѣ глубокія раны, которыя нанесены были университету въ 1823—1824 годахъ, но напротивъ возбуждали въ молодежи раздраженіе и усиливали въ ней неуваженіе къ русской власти.

При всей своей политической опытности Новосильцовъ не могъ или не успѣлъ овладѣть обстоятельствами, не уловилъ удобнаго времени, чтобъ, опираясь на бѣлое духовенство, которое именовалось „русскимъ", развить и упрочить въ западной окраинѣ тѣ начала, которыя поддерживалъ и защищалъ, сколько могъ, министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ. Послѣдній въ вопросѣ объ устройствѣ учебной

---

[1]) Онацевичъ въ запискѣ, поданной цесаревичу Константину Павловичу 10-го января 1830 г., въ невыгодномъ свѣтѣ представляетъ дѣйствія попечителя Новосильцова и ректора Пеликана съ 1825 г. *Onacewicz.* Novosilcow w Wilnie w r. 1823—1824 g. Приложеніе. То же у Лелевеля въ брошюрѣ: Novosilzow à Vilna. Bruxelles. 1845, съ дополненіями въ замѣткахъ.

системы выставлялъ такіе принципы: „1) Главнымъ и непремѣннымъ правиломъ должно считать наблюденіе, чтобы общественному воспитанію во всѣхъ касающихся до него учрежденіяхъ дано было такое направленіе, чтобы оно не изглаживало въ русскихъ характера народнаго, но чтобы улучшало и укрѣпляло оный, и 2) главная цѣль учрежденій—образованіе вѣрныхъ подданныхъ государю, просвѣщенныхъ и усердныхъ сыновъ церкви и отечеству" [1]). Эти первоначальные принципы видоизмѣнены отчасти уже въ высочайшемъ рескриптѣ на имя Шишкова 19-го августа 1827 года, гдѣ понятіе „народное воспитаніе" принято въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ желалъ Шишковъ. Въ рескриптѣ надъ русскою народностію господствуетъ уже идея сословности: „Предметы обученія должны быть сообразны съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы ученіе не развивало стремленія черезъ мѣру возвышаться надъ тѣми состояніями, въ которыхъ при обыкновенномъ теченіи дѣлъ ему суждено оставаться". Практика пошла еще далѣе: въ учебно-воспитательной системѣ на окраинахъ Прибалтійской и Русско-Литовской, гдѣ дворянство было иновѣрческимъ, стали поддерживать пренебреженіе воспитаніемъ въ русскомъ духѣ и напротивъ способствовали сепаратизму высшихъ слоевъ общества, отрѣшенію отъ началъ воспитанія въ духѣ русской народности, которая въ западныхъ губерніяхъ была туземною, но не пришлою.

Итакъ, въ самомъ началѣ, реакція въ пользу націонализаціи школы въ смыслѣ русской народности въ западной Россіи (собственно въ Виленскомъ округѣ, послѣ отдѣленія отъ него Бѣлоруссіи) потерпѣла, можно сказать, крушеніе; русскимъ стихіямъ не было оказано должной поддержки. Мало того, университетъ, гимназіи, монастырскія школы, назначенные для образованія преимущественно дворянскаго сословія, пошли прежнимъ ходомъ латинизаціи, и греко-уніаты остались обособленными: попечитель убѣжденъ былъ въ превосходствѣ базиліанской культуры для мѣстныхъ русскихъ людей, не подозрѣвая можетъ быть, что онъ останавливаетъ естественный ходъ разложенія латинизаторскаго ордена и подкладываетъ горючій матеріалъ къ давно начатому пожару.

---

[1]) *Шмидъ*, стр. 223—233. Изъ этихъ общихъ началъ вытекала и его система устройства приходскихъ школъ, уѣздныхъ училищъ и гимназій. Но въ комитетѣ восторжествовало мнѣніе графа Сиверса, гдѣ вопросу о націонализаціи школъ противопоставлялась сословность устройства учебныхъ заведеній.

Нужно думать, что Новосильцовъ, руководясь усвоеннымъ имъ въ молодые годы космополитизмомъ, съ самаго начала своего появленія въ Вильнѣ вовсе не понялъ своей цивилизаторской задачи въ русско-литовскихъ губерніяхъ: разрушая университетъ и главную семинарію, онъ отдавалъ явное предпочтеніе школамъ, бывшимъ въ рукахъ латинскихъ монашескихъ сословій, и придавилъ русскій клиръ, оказывая не только предпочтеніе, но и покровительство базиліанамъ. Эта политическая ошибка Новосильцова принесла горькіе плоды.

Булгаку и Каминскому не трудно было расположить попечителя въ пользу учебно-воспитательной роли базиліанскаго ордена, извращавшаго между тѣмъ греко-восточный обрядъ въ уніи. Въ монастыряхъ все славянское и русское уступало въ тайнѣ мѣсто латинскому и польскому. Базиліанамъ писались благодарственные приказы, и новый провинціалъ Жарскій отъ радости потиралъ свои руки, запачканныя преслѣдованіемъ священниковъ. Уже въ самомъ началѣ 1826 года Новосильцовъ, ранѣе считавшій монаховъ опасною арміей папы, является защитникомъ базиліанскаго ордена, который будто бы намѣренъ былъ ограбить (sic!) бѣлое духовенство. Можно думать, что Новосильцовымъ управляла искусная рука изъ среды польской аристократіи, если не самъ Пеликанъ: иначе нельзя объяснить себѣ его политическіе промахи [1]).

Но Шишкову, не смотря на противодѣйствіе Новосильцова, удалось таки осуществить часть своего плана въ западныхъ губерніяхъ—вырвать изъ рукъ базиліанъ-латинизаторовъ духовное образованіе свѣтскаго клира. Этотъ еще не изслѣдованный въ нашей литературѣ вопросъ требуетъ обстоятельнаго разбора. Къ разрѣше-

---

[1]) Нельзя оставить безъ вниманія и слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ образованіи и развитіи разныхъ явныхъ и тайныхъ обществъ до 1822 г. самое дѣятельное участіе принимали студенты медицинскаго факультета и устроеннаго при немъ института, котораго начальникомъ былъ тогда Пеликанъ. Сначала Новосильцовъ относился къ нему весьма подозрительно, затѣмъ при содѣйствіи княгини Зубовой перемѣнилъ о немъ мнѣніе и наконецъ совершенно ему довѣрился. Когда въ базиліанской типографіи Свято-Троицкаго монастыря, кромѣ разныхъ польскихъ брошюръ, печаталась такъ-называемая „статистическая программа", настоятелемъ этого монастыря былъ Каминскій. Послѣдній съ успѣхомъ выгородилъ себя отъ соучастія въ этомъ дѣлѣ: обвинили наборщиковъ и цензора. Интересно было бы установить по документамъ связь провинціаловъ съ Пеликаномъ.

нію его, кромѣ официіальныхъ данныхъ, мы располагаемъ частною перепискою.

Булгакъ оставилъ столицу съ твердымъ намѣреніемъ защитить монастыри Виленскій Свято-Троицкій и Жировицкій Богоматери и не допустить передачи ихъ на помѣщеніе епархіальныхъ семинарій, каѳедры и проч. Онъ сознавалъ, какъ сознавали многіе, не будучи базиліанами, что съ паденіемъ этихъ монастырей наступитъ конецъ уніи. Булгакъ прибылъ въ Жировицы позднею осенью 1825 года, созвалъ здѣсь чрезвычайную коммиссію или „великую консульту“ изъ представителей Брестскаго капитула и Литовской базиліанской провинціи, съ цѣлью примиренія интересовъ ордена съ потребностями греко-уніатскихъ церквей обѣихъ епархій. Коммиссію составили предсѣдатель епископъ-суфраганъ Левъ Яворовскій, члены отъ бѣлаго духовенства—официіалъ (Антоній Тупальскій) и заступающій мѣсто вице-официіала (Михаилъ Бобровскій), отъ монашескаго сословія—Литовскій провинціалъ (Каминскій), консульторы (Жарскій и Околовъ) и секретарь Маіевскій [1]).

Намѣренія митрополита были хорошо извѣстны главнѣйшимъ представителямъ Брестскаго капитула, между которыми съ конца 1825 года шла дѣятельная переписка. Съ первыхъ же дней вступленія на престолъ императора Николая I оживились надежды бѣлаго духовенства на скорый и благополучный исходъ дѣла, защищаемаго его представителями въ епархіяхъ. „Послѣ присяги новому государю императору Николая Павловичу, 23-го декабря“, писалъ виленскій официіалъ Сосновскій къ Бобровскому въ Жировицы, — „меня оживляетъ надежда, что вашъ интересъ скорѣе придетъ къ окончанію. Громадная дѣятельность нынѣшняго государя разбудила всѣ присутственныя мѣста, заставляя ихъ заниматься своими обязанностями. Наша коллегія поэтому должна также усилить свою дѣятельность. Наши дѣла теперь же были бы окон-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., дѣло на 1825 г., № 42. Послужные списки духовенства; д. 1825 г., № 54: избраніе присутствія Брестской консисторіи на трехлѣтіе съ ноября 1825 г.; д. 1826 г., № 11—о возвращеніи Бобровскаго къ первой его должности въ Виленскомъ университетѣ; того же года № 27—опредѣленіе вице-официіаломъ Брестской консисторіи каноника Антонія Шиманскаго; д. 1822—1827 г., № 11—рапортъ Брестской консисторіи во 2-й департаментъ 21-го іюля 1826 г., № 940, съ приложеніемъ рапорта провинціала Каминскаго митрополиту отъ 31-го января 1826 г. № 86 (переводилъ съ польскаго переводчикъ Осипъ Тупальскій).

чены, еслибы не было недочета въ свѣдѣніяхъ о монастыряхъ, обращенныхъ изъ церквей въ Виленской епархіи. Очевидно, правительство не забываетъ о томъ, чтобы, согласно высочайшей волѣ, поддержать и подкрѣпить наши бѣдныя церкви, на что другихъ средствъ не имѣется, какъ и выражено въ предложеніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія. На предстоящихъ совѣщаніяхъ „великой консульты" (въ Жировицахъ), какъ слышно, базиліане будутъ требовать уступокъ отъ клира, и потому нужно быть крайне осторожнымъ, чтобы не подать мнѣнія, противнаго правительственному проекту. Что сказала бы тогда высочайшая власть, и какъ она приняла бы эту сдѣлку, еслибы мы сами испортили спасительныя для насъ ея намѣренія" [1]).

Еще съ большимъ жаромъ и безпокойствомъ Сосновскій писалъ къ другому члену Брестскаго капитула, Тупальскому, на которомъ, какъ на намѣстникѣ епархіи, лежала главная отвѣтственность за какія-либо упущенія въ намѣченной правительственной программѣ 1822 года [2]): „Если на предстоящихъ совѣщаніяхъ орденъ захотѣлъ бы уступокъ (какъ слышно онъ будетъ стараться объ отказѣ въ его пользу монастырей, передѣланныхъ изъ церквей), то я считаю своею обязанностію съ чистымъ сердцемъ предостеречь васъ, какъ стоящаго во главѣ клира, что если такія послабленія будутъ сдѣланы, то могутъ произойдти дурныя послѣдствія. Въ Бѣлостоцкой области духовенство уже зашевелилось. Не подобаетъ нарушать волю монарха, милостиво заботящагося о насъ. Его волѣ надобно предоставить распоряжаться нашею судьбою. Въ этомъ дѣлѣ консисторіи даже не безопасно что-либо отъ себя устанавливать. Я слыхалъ, что прежнее мнѣніе Брестской консисторіи (рѣчь идетъ о соображеніяхъ Брестской консисторіи 12-го марта 1823 года) непремѣнно дойдетъ до рукъ государя; чтобы не вышло бы чего-либо непріятнаго, такъ какъ въ немъ перечислены монастыри, подлежащіе закрытію! Эти предостереженія диктуетъ мое доброе и искреннее желаніе добра клиру; не безъ нужды я такъ забочусь или даже мѣшаюсь не въ свое дѣло".

Безпокойство объ исходѣ совѣщаній „великой консульты", на которую въ Жировицы были собраны самые видные и авторитетные представители русской уніи, вѣроятно, не безъ вѣдома самого прави-

---

[1]) Къ канонику Бобровскому, вице-офиціалу Брестской епархіи, изъ Вильны 17-го января 1826 года, № 13.

[2]) Къ прелату Тупальскому, намѣстнику и офиціалу Брестской епархіи, 7-го января 1826 г., № 13. И это письмо начинается также извѣщеніемъ о дѣятельности саомго государя, служащаго примѣромъ усердія всѣмъ присутствіямъ.

тельства, у виленскаго официала было вполнѣ искреннимъ. Сосновскій, съ самого занятія этого поста въ Вильнѣ, почувствовалъ, какъ сильна была здѣсь базиліанская интрига, и какъ далеко закинуты ея сѣти. „Въ Вильнѣ", писалъ онъ,—„я веду борьбу съ недостатками. безпорядками, съ дерзостью подчиненныхъ (секретарей, но не товарищей, весьма почтенныхъ), съ предубѣжденіемъ базиліанъ, изъ коихъ нѣкоторые смотрятъ на насъ, какъ на людей негодныхъ (nikczemnych), не стоющихъ вниманія, наконецъ, съ общественнымъ мнѣніемъ, противъ насъ ими же извращеннымъ. Веду войну, на словахъ и на письмѣ. Орденомъ измышляются проекты для примиренія съ нами. Желаютъ уступить ему брестскіе каменные дома, хотя бы и пустые, но драгоцѣнные памятники для нашего вѣроисповѣданія. Существуетъ проектъ объ уменьшеніи состава Брестскаго капитула, который полагаютъ ограничить 2 прелатами и 4 канониками. Къ довершенію всего орденъ хочетъ вытянуть изъ коллегіи прежнее мнѣніе Брестской консисторіи, а на его мѣсто послать другое. Хотя, при настоящихъ обстоятельствахъ, надежды ордена поубавились, однако виленскіе базиліане дерутся со мною съ ожесточеніемъ и привели меня уже къ тому, что я долженъ искать помощи не только въ коллегіи, но и у самого министра (Шишкова). Чѣмъ это кончится—донесу потомъ" [1]).

Существовали и другія предположенія, съ которыми никакъ нельзя было согласиться. Полагалось перенести консисторію изъ Вильны въ Новогрудокъ и тамъ же устроить семинарію. Такой проектъ Виленская консисторія отвергла, какъ неудобоисполнимый, въ рапортѣ самому митрополиту, который предложилъ эту комбинацію вслѣдствіе представленнаго ему Сосновскимъ печальнаго положенія своихъ собратій, не знавшихъ, откуда получать жалованье, при чемъ въ кассѣ не было даже денегъ на отопленіе помѣщенія, занимаемаго консисторіей. „Отъ такого переселенія члены консисторіи не получатъ облегченія, епархія же отъ этого только потеряла бы, ибо Новогрудокъ на самой окраинѣ, деревянныя зданія не безопасны для архива и слишкомъ тѣсны для консисторіи; еще въ своемъ рапортѣ 10-го февраля 1823 года, консисторія доносила о невозможности помѣщенія въ Новогрудскомъ базиліанскомъ монастырѣ консисторіи, суфрагана и семинаріи, и въ настоящемъ новомъ своемъ составѣ консисторія не въ

---

[1]) Къ архипресвитеру Янковскому, предсѣдателю Брестскаго капитула, 12-го декабря 1825 г., № 7.

силахъ измѣнить такого мнѣнія“ [1]). Консисторія и семинарія, по мнѣнію Сосновскаго, непремѣнно должны быть въ Вильнѣ, ибо только при такомъ условіи можно сохранить самое существованіе уніатскаго обряда въ этомъ древнемъ городѣ и спасти главную семинарію отъ вліянія базиліанъ; никогда свѣтскій клиръ не откажется отъ своихъ фундушей на Свято-Троицкомъ монастырѣ, всегда будетъ имѣть на него виды, и только въ немъ должна быть епархіальная семинарія [2]). Вообще новые проекты базиліанъ, стремившихся во что бы то ни стало отстоять главные свои монастыри — Жировицкій и Свято-Троицкій представлялись виленскому официалу А. Сосновскому опасными прецедентами, направленными къ пагубѣ греческаго обряда, а стало быть, и самой уніи: „15-го января старшина оо. базиліанъ (Каминскій) ѣдетъ въ Жировицы на совѣщаніе, на которомъ будутъ разсматривать предположеніе о помѣщеніи Брестской консисторіи въ Тороканахъ съ добавленіемъ Супрасли, а затѣмъ консисторія обязала покончить всѣ счеты съ орденомъ. Неосновательный и несвоевременный проектъ; его осуществленіе можетъ нанести вредъ всей нашей церкви, ибо за симъ послѣдуетъ новое мнѣніе консисторіи, которое многихъ особъ скомпрометируетъ. Мнѣ извѣстно, что копія первоначальнаго мнѣнія означенной консисторіи будетъ передана цесаревичемъ въ руки всемилостивѣйшаго государя, а тогда хорошо мы себя отрекомендовали бы. Съ своей стороны я послалъ г. Кеппену, для представленія министру, записку о средствахъ къ поднятію духовнаго образованія свѣтскаго клира, и такую же записку послалъ къ другимъ высокимъ особамъ. Между тѣмъ, архипресвитеръ 18-го октября (1825 г.) отправилъ къ министру же свою вторую просьбу“ [3]).

---

[1]) Рапортъ Виленской митрополичьей консисторіи митрополиту Іосафату Булгаку, въ январѣ 1826 года. „Еслибы и весь Новогрудокъ отдали, консисторія скажетъ, что не иначе какъ въ Вильнѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, должны быть помѣщены консисторія и семинарія, и я никогда не отступлю отъ этого требованія“ (изъ письма къ Бобровскому, отъ 26-го января 1826 года).

[2]) Ассессору коллегіи В. Маркевичу, отъ 7-го января 1826 года.

[3]) Къ В. Маркевичу 7-го января 1826 г. Мы не знаемъ, въ чемъ именно состояла эта вторая просьба Янковскаго. О запискѣ, посланной Сосновскимъ къ Шишкову черезъ Кеппена, въ первый разъ упоминается въ письмѣ къ Бобровскому отъ 26-го декабря 1825 г., съ извиненіемъ, что онъ упомянулъ его имя въ письмѣ къ Кеппену, съ которымъ вовсе незнакомъ. Съ содержаніемъ проекта о средствахъ къ поднятію или улучшенію духовнаго образованія въ греко-уніатскомъ клирѣ можно познакомиться изъ *Литовск. Епарх. Вѣдомостей*, 1874 г. №№ 19, 20, 21, 22, 23 и 24. Такимъ образомъ около пятидесяти лѣтъ проектъ Сосновскаго, крайне непріятный для ордена, оставался скрытымъ для публики.

Для членовъ Брестскаго капитула изысканіе способовъ на дѣло просвѣщенія бѣлаго духовенства, съ устраненіемъ вліянія на него базиліанскаго ордена, было самымъ существеннымъ вопросомъ; на этомъ пунктѣ сходились главнѣйшіе представители клира, и къ благополучному его исходу направлены были энергическія усилія Брестскаго капитула. Сосновскій писалъ къ Бобровскому: „Мнѣ всегда такъ пріятно перечитывать ваши письма, и теперь, читая ваше письмо отъ 23-го ноября (1825 г.), я ощущалъ большое удовольствіе. Особенная заботливость ваша о воспитаніи нашей молодежи глубоко трогаетъ меня (rozżewnia mię), а что касается до меня, то, какъ и всегда, вопросъ этотъ у меня будетъ первымъ на виду. Что предприму въ этомъ отношеніи, дамъ вамъ знать. Теперь же увѣряю васъ, что помимо уничтоженія (wytęczenia) интриги, буду стремиться, чтобы по крайней мѣрѣ тѣ надежды, которыя насъ одушевляютъ о будущемъ просвѣщеніи духовенства, не угасли вслѣдствіе вмѣшательства ордена, всегда стремившагося къ потушенію (na zatarcie) у насъ столь необходимаго для духовныхъ пастырей просвѣщенія. Потому-то семинарію намъ нужно имѣть на первомъ планѣ, и необходимо стремиться, чтобы фундуши для нея были вполнѣ достаточными. Мнѣніе Брестской консисторіи о помѣщеніи семинаріи въ Жировицахъ не наноситъ ущерба ордену, но если это мнѣніе будетъ возвращено изъ коллегіи и затѣмъ будетъ послано туда другое, то все наше дѣло можетъ быть испорчено; отъ такихъ дѣйствій предвижу много зла: и для дающихъ второе мнѣніе, и для возвращающихъ первое былъ бы смертельный ударъ. Какое счастье, что вы легко можете устранить себя отъ подачи голоса, какъ временно исполняющій должность (вице-предсѣдателя) въ консисторіи, но другимъ есть о чемъ призадуматься. Боже! Какое ослѣпленіе думать, что „шило въ мѣшкѣ можно утаить“ [1]). Далѣе Сосновскій описываетъ свое трудное положеніе въ Вильнѣ: „Я совсѣмъ уже усѣлся въ Вильнѣ: совсѣмъ, потому что безъ денегъ, можетъ быть, скоро лишусь и помѣщенія; „хочь голы але востры“: началъ войну съ секретаремъ (консисторіи), или лучше сказать, онъ со мною; скоро ожидаю того же и отъ другаго“ (секретаря епископа). Базиліане, между тѣмъ, старались эксплуатировать въ свою пользу общественное мнѣніе: „Сегодня былъ у ректора (Пеликана), дѣло коснулось жалобъ ордена; я старался разсѣять его предубѣжденіе о насъ и о нашемъ

---

[1]) Письмо къ М. Бобровскому, въ Жировицы, въ концѣ ноября 1825 года, № 7.

клирѣ; думаю, что на этомъ пути мнѣ придется еще дѣйствовать. Эти господа считаютъ нашъ клиръ такимъ, какимъ онъ былъ въ концѣ XVII столѣтія, словомъ—принимаютъ насъ за бездѣльниковъ, недостойныхъ вниманія. Изъ разговоровъ съ разными почтенными людьми приходится убѣждаться, какими черными красками размалевалъ насъ орденъ передъ ними. Трудно этому и повѣрить“ и т. д. [1]).

Изъ этой переписки и изъ содержанія проекта Сосновскаго можно заключать, что Брестскій капитулъ, вѣроятно, по предложенію Бобровскаго, намѣренъ былъ обосновать богословское образованіе на прочномъ знакомствѣ клириковъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и на изученіи ими древнихъ языковъ греческаго и еврейскаго. Въ мотивахъ своего проекта Сосновскій развилъ исторію систематическихъ захватовъ базиліанскаго ордена, который организованъ былъ по образцу іезуитскаго. Вся прошедшая дѣятельность ордена направлена была къ тому, чтобы бѣлое духовенство въ русской уніи держать въ полномъ невѣжествѣ и т. д. (Лит. Епарх. Вѣд. 1874 г., №№ 19—24).

Мы видѣли (въ главѣ VII), что митрополитъ Булгакъ при своемъ отъѣздѣ изъ столицы, въ августѣ 1825 года, двумя предложеніями парализовалъ дѣятельность 2-го департамента коллегіи; теперь оказывается, что, проживая въ Жировицахъ, онъ не только ничего не предпринималъ для улучшенія положенія виленскаго официала и консисторіи, но напротивъ, поддерживалъ въ базиліанскомъ лагерѣ раздраженіе и поощрялъ развитіе интригъ ордена, который черезъ Пеликана и другихъ агентовъ старался склонить на свою сторону и попечителя Новосильцова: послѣдній отлучался въ Варшаву и нерѣдко проживалъ въ своемъ Слонимскомъ староствѣ, по близости Жировицъ, предоставляя ректору полную власть дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Къ числу весьма дѣятельныхъ агентовъ базиліанъ, мутившихъ общественное мнѣніе, принадлежалъ извѣстный уже намъ маршалъ Пусловскій, родственникъ Булгака. „Орденъ сносится съ университетомъ и вездѣ насъ чернитъ такъ, что мы не можемъ показаться на глаза ни одному профессору; объ этомъ заботится маршалъ Пус-

[1]) Письма къ Бобровскому, въ концѣ ноября и въ началѣ декабря 1825 года, №№ 7, 8 и 9. Вотъ еще одинъ отрывокъ: „Взгляды ректора меня встревожили; постараюсь повидаться съ нимъ еще разъ, какъ можно скорѣе. Съ нетерпѣніемъ жду вашего перемѣщенія въ Вильну. Какъ бы скорѣе это исполнилось. Меня страшитъ предположенное измѣненіе мнѣнія Брестской консисторіи; желалъ бы знать, какъ рѣшится вопросъ о семинаріи. Скрытничаніе намѣстника неумѣстно“.

ловскій, какъ я знаю достовѣрно отъ очевидца.... Вчера (16-го декабря) онъ намѣревался выѣхать изъ Шидловицъ въ столицу, ранѣе же имѣлъ нѣсколько совѣщаній въ Жировицахъ и, вѣроятно, будетъ представлять вамъ свои соображенія о дѣйствіяхъ нашихъ съ орденомъ и надоѣдать вамъ" [1]).

Въ своихъ расчетахъ на дѣятельную поддержку интересовъ свѣтскаго клира во 2-мъ департаментѣ коллегіи Сосновскій ошибался (въ чемъ скоро и пришлось ему убѣдиться). Напротивъ, за грѣхи своихъ предшественниковъ по Виленской консисторіи онъ получалъ изъ коллегіи замѣчанія и даже угрозы: „На твое письмо 12-го декабря, можетъ быть, и не слѣдуетъ отвѣчать; замѣчу только, что рѣзкость выраженій въ моихъ рапортахъ, не нравится, можетъ быть, потому, что я вынужденъ говорить правду. Можно думать, что и другіе мои рапорты также будутъ приняты: пусть молъ идетъ все по старому. Скажу тебѣ, что иначе писать не умѣю. А писать придется. Орденъ и не думаетъ представлять въ консисторію документы о Виленскомъ монастырѣ, а между тѣмъ онъ владѣетъ незаконно частью имѣній Виленскаго капитула, частью имѣній митрополичьей церкви, двумя братскими домами, двумя площадями нашихъ приходскихъ церквей; кромѣ того, въ Виленскій монастырь переданы фундуши семинарій. Но напуганнымъ надо молчать. Въ нашей кассѣ только 5 руб., канцелярія консисторіи за этотъ мѣсяцъ не получила жалованья. Нечего дѣлать, будемъ молчать; страшно и писать, чтобы снова не написать неловко. Такъ и быть— не будемъ писать, а какъ писать, спроси твоего А.... Что хотятъ сдѣлать съ нашими фундушевыми имѣніями—не трудно догадаться; намъ уже внушаютъ, чтобы мы взяли уполномоченнымъ г. Андрея Булгака съ жалованьемъ въ 3000 руб., кромѣ издержекъ на путевые и судебные расходы: можетъ быть, и коллегіи даютъ замѣтить, что такой уполномоченный необходимъ, или же имѣнія передадите въ въ руки самого митрополита, а консисторія и каѳедра съ епископомъ будутъ довольствоваться остатками! Если коллегія утвердитъ эти предположенія, то насъ она приведетъ въ отчаяніе. Не мы, конечно, виновны въ ихъ разстройствѣ.... Вижу, что переустройство Виленской епархіи никогда не кончится, развѣ вмѣстѣ съ нами... Комплектованіе ордена лицами латинскаго обряда не прекращается;

[1]) Письмо Сосновскаго къ В. Маркевичу, въ концѣ 1825 г., №№ 10 и 11.

мы же спрашивать его не смѣемъ, потому что до сихъ поръ отъ васъ изъ коллегіи нѣтъ отвѣта на рапорты наши по этому вопросу. Простите, если мы иногда дурно пишемъ по русски: не на что̀ содержать переводчика, ибо и канцелярія не получаетъ содержанія; дайте только намъ хорошую „управу“, тогда увидите, какъ у насъ все пойдетъ хорошо, и даже.... Усилія къ уничтоженію главной семинаріи истинны, и ежели этому не вѣришь, вспомни о томъ, что̀ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ: мои предостереженія оправдались. Нѣтъ, никогда не прекратятся нападки на семинарію, потому что ее ненавидитъ орденъ и ежегодно поднимается на нее.... Что консисторія не требовала документовъ отъ ордена (болѣе полутора лѣтъ)—не моя вина; но не знаю, почему Жарскому не предписывается сноситься съ консисторіей въ надлежащемъ порядкѣ; я долженъ остерегаться еще своего секретаря, который отъ секретаря коллегіи (Климовича) знаетъ рѣшительно все раньше меня, предсѣдателя консисторіи. Не одобряете, что мы все принимаемъ близко къ сердцу, но что̀ же мы выиграли отъ снисхожденія и молчанія? Припомните, откуда произошло, что бывшій министръ спросилъ, наконецъ, митрополита о капитульныхъ суммахъ и пожелалъ знать, какъ бы вознаградить. Не вслѣдствіе ли нашей просьбы? Приказываете терпѣливо ждать, ничего не спрашивая, а ордену дозволяете хлопотать всякими путями, минуя коллегію. Не удивительно, что искательства его признаются справедливыми: въ то время, когда орденъ двигаетъ свои интересы впередъ, мы молчимъ, и это молчаніе показываетъ, что наши требованія неправильны; они смотрятъ на нихъ такъ, какъ желательно изображать все базиліанамъ. Не сомнѣвайся въ проискахъ противъ главной семинаріи, увѣруешь тогда, когда послѣдуетъ рѣшеніе, но ты, конечно, объяснишь и это другими причинами“. [1]).

Какъ видно, члены коллегіи, будучи далеко отъ театра дѣйствій, не испытывая ни тревогъ, ни душевныхъ мукъ, относились еще довольно равнодушно къ борьбѣ, происходившей въ епархіяхъ; не даромъ Сосновскій упрекаетъ своихъ товарищей по коллегіи за снисходительность къ базиліанской старшинѣ, которая между тѣмъ вела тайные подкопы противъ членовъ Брестскаго капитула въ Вильнѣ и Жировицахъ;

---

[1]) Письма Сосновскаго къ В. Маркевичу, въ декабрѣ 1825 г., въ январѣ и февралѣ 1826 г. Послѣднее письмо послано черезъ луцкаго ассессора (Сѣмашка), которому объ интригахъ противъ главной семинаріи писалъ тогда же Платонъ Сосно̀вскій.

а эти представители клира стояли на стражѣ интересовъ своей церкви и погибавшаго отъ нищеты и соблазна клира.

Бѣдственное положеніе бѣлаго духовенства, а съ нимъ и шаткость церкви, глубоко огорчали и тревожили членовъ Брестскаго капитула, терявшихъ вѣру въ возможность достигнуть своихъ завѣтныхъ цѣлей вслѣдствіе предубѣжденія митрополита, неустойчивости коллегіи и снисходительности ассессоровъ, которыхъ А. Сосновскій заподозрѣвалъ въ слабости: „Бѣдный нашъ клиръ несетъ на себѣ какое-то проклятіе! Мало еще убѣждены, что онъ не можетъ двинуться впередъ. Устройствомъ его дѣлъ я такъ давно занимаюсь, и однакоже почти безъ всякихъ результатовъ; нѣтъ ли въ этихъ стараніяхъ ошибки, которая все портитъ? Мы можемъ сказать то же самое, что̀ сказалъ пророкъ Илія: долго ли вы будете хромать на обѣ ноги? Мнѣ стыдно измѣнять свои мнѣнія. Есть высшая власть надъ нами, которая можетъ относиться къ нашему мнѣнію, какъ ей угодно; отъ нея и слѣдуетъ ожидать рѣшенія. Иначе — буде лихо. А кто осмѣлится безъ соизволенія синода дѣлать подарки не изъ своего кармана, тотъ отвѣтитъ и Богу, и людямъ" [1]).

Совѣщанія великой консульты въ Жировицахъ, которыя, какъ видно изъ переписки современниковъ, приковывали вниманіе всего духовенства греко-уніатской церкви, начались въ декабрѣ 1825 г.

Зондированіе почвы базиліанами и самимъ митрополитомъ не подавало надежды на уступчивость представителей свѣтскаго клира — Тупальскаго и Бобровскаго, рѣшившихся вывести духовенство изъ рабскаго подчиненія [2]) ордену и спасти самую церковь отъ гибели. 20-го января 1826 г., на канунѣ послѣдняго засѣданія, Булгакъ далъ консисторіи слѣдующее странное предписаніе: „Брестская консисторія для помѣщенія епархіальной семинаріи должна была избрать такой монастырь св. Василія, въ которомъ не находится всенароднаго училища, а между тѣмъ въ своемъ мнѣніи (12-го марта 1823 г.) она избрала для этой цѣли Жировицкій монастырь, въ которомъ находится публичное училище на степени гимназіи. Такое рѣшеніе слѣдуетъ измѣнить". Слѣдовательно, митрополитъ собственною властію, безъ согласія главноуправляющаго Шишкова, отмѣнилъ постановленіе Брестской консисторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представители ордена внесли рядъ предложеній, стѣснительныхъ для клира.

---

[1]) Письмо къ Бобровскому, 6-го января 1826 г., № 12.

[2]) Архивъ св. синода, по 2-му департ. Д. 1822 г., № 61, л. 350. Сравн. съ предложеніемъ митрополита 2-му департ. колл., 4-го августа 1825 года.

Въ памятномъ засѣданіи 21-го января 1826 г., на которое нерѣдко ссылаются представители бѣлаго духовенства, базиліанскіе монахи еще разъ доказали, что они ничего не забыли и ничему не научились, что поэтому они неспособны были на уступки и на жертвы для общаго блага своей братіи бѣлаго духовенства. Доктора философіи Каминскій, Жарскій и Маевскій, защищая интересы ордена, обнаружили крайнюю фанатическую нетерпимость, предъявивъ условія, не сообразныя ни съ дѣйствительными, богатыми вообще средствами Литовской базиліанской провинціи, ни съ достоинствомъ монашескаго сана. Докторамъ богословія Тупальскому и Бобровскому, защищавшимъ права бѣлаго духовенства, начальникъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи предлагалъ нѣчто въ родѣ ультиматума. Но для обоихъ прелатовъ было дороже всякихъ сдѣлокъ удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ Русской церкви (какъ называли уніатскую)—открытіе способовъ и источниковъ для устройства образованія священниковъ, съ знаніемъ языка церковно-славянскаго, приходившимъ въ забвеніе, и обезпеченіе быта приходскаго священника. При данныхъ условіяхъ, когда митрополитъ, въ качествѣ сторонника римско-базиліанской монополіи въ уніи, старался сохранить за базиліанами исключительное право на образованіе бѣлаго духовенства, представителямъ послѣдняго не оставалось другаго исхода, какъ отвергнуть всѣ примирительныя предложенія базиліанъ, доказавъ ихъ неискренность, несвоевременность и несообразность съ интересами русскихъ уніатовъ.

Каноникъ Бобровскій совѣтовалъ по возможности щадить монашество въ уніи, такъ какъ свѣтскій клиръ, разсѣянный мелкими семьями, „подобно трости, колеблемой по вѣтру“, можетъ склониться въ ту или другую сторону, и не настаивалъ на упраздненіи Жировицкаго монастыря, если орденъ доставитъ надлежащія средства для прочнаго устройства епархіальной семинаріи, хотя бы и въ Супраслѣ. Но упорство провинціала Каминскаго, отвергавшаго высокомѣрно всякія уступки, повело къ окончательному разрыву.

Не входя въ подробности вопросовъ, обсуждавшихся на совѣщаніи 21-го января 1826 г., обратимъ вниманіе на общій смыслъ переговоровъ.

Отцы базиліане представили расчетъ доходамъ и расходамъ Литовской провинціи, изъ котораго оказывается, что на удовлетвореніе всѣхъ потребностей въ ней недостаетъ ежегодно 166,200 рублей ас-

сигнаціями [1]). Увольненіемъ ордена отъ складки на содержаніе главной духовной семинаріи и посредствомъ экономной жизни—полагали—можно будетъ достигнуть уничтоженія этого дефицита. Поэтому, если орденъ, кромѣ увольненія себя отъ складки на содержаніе главной семинаріи, весьма обременительной, ничего для себя не желаетъ въ необходимыхъ нуждахъ, ограничиваемыхъ свойственными ордену сбереженіями (sic), то равнымъ образомъ и бѣлое духовенство благоволитъ ограничить свои потребности, по примѣру ордена (sic), уменьшивъ расходъ на содержаніе епархіальной семинаріи и ограничивъ число учащихся 60 семинаристами и учениками [2]).

Представители клира на это замѣтили только, что провинціалъ обнаруживаетъ стремленіе выговорить для себя самыя выгодныя условія. Оставляя въ сторонѣ правильность отчетовъ цѣлой провинціи, ясно было одно: что въ 22 монастыряхъ, состоящихъ въ Брестской епархіи (какъ видно изъ отчета провинціала за 1820 г., который имѣется въ дѣлахъ консисторіи), годичный доходъ составлялъ 98,733 р. 60 коп. ассигн., а расходъ доходилъ до 75,891 р. 60 к.; слѣдова-

---

[1]) Доходовъ: отъ суммъ въ 200,000 руб. сер., имѣя въ виду неизбѣжныя проволочки и случайности получается % до 10,000 р. сер, или на ассигнаціи 40,000 р., съ дворовъ (dymòw), которыхъ въ провинціи считается 1,500, полагая по 30 руб. ассигнаціями—24,000 и считая доходы съ Новаго двора получается 72,000 руб. асс., а всего 112,000 р. асс. Расходовъ: 1) на содержаніе 7 публичныхъ школъ, полагая на каждую на ассигнаціи 12,000 р.—84,000 руб.; 2) на 30 новиціевъ—5,400 р.; 3) на 40 схоластовъ въ низшихъ студіяхъ—9,600 р., на 20 схоластовъ въ высшихъ студіяхъ въ Вильнѣ (полагая столько же, сколько на каждаго клирика главной семинаріи)—20,000 руб.; 4) на заслуженныхъ монаховъ, проповѣдниковъ, настоятелей, учителей приходскихъ школъ, разныхъ монаховъ-чиновниковъ (officyalistow), которыхъ числится столько же сколько учителей и учащихся, составится 119,000 руб.; 5) ежегодная складка на главную семинарію—5,000 руб.; 6) содержаніе управленія провинціи—5,160 р.; 7) экстраординарные расходы, вспомоществованіе крестьянамъ, процессы судебные по меньшей мѣрѣ—10,000 руб., и 8) жалованье и кормъ церковнослужителей и слугъ монастырскихъ, экономовъ и всякой челяди—20,000 руб., а всего—278,220 руб. ассигнаціями. Рапортъ 31-го января 1826 г. Приложеніе къ дѣлу, на листахъ 366-мъ и 367-мъ.

[2]) По расчету, написанному рукою Маіевскаго, на содержаніе семинаріи въ 30 учениковъ и 30 богослововъ, съ преподавателями, ректоромъ и т. п., исчислено 5,500 руб. сер. На этотъ расходъ имѣется: 1) сумма на содержаніе Супрасльскаго монастыря въ 2,010 руб. 15 коп.; 2) проценты съ фундушей того же монастыря въ 877 руб. 47 коп.; 3) проценты съ семинарскаго фундуша (епископа Духновскаго)—251 р. 47 к., и 4) аренды съ Новаго Двора въ 600 р., а всего—3,738 р. сер., недостаетъ 1,762 р. Тамъ же, на листахъ 368-мъ и 369-мъ.

тельно, въ остаткѣ имѣлось 22,842 руб. асс.; стало быть, монастыри Брестской епархіи могли бы давать въ пользу епархіальной семинаріи по 7,000 р. асс. ежегодно (не считая того, что̀ завѣщано на семинарію).

Далѣе оо. базиліане полагали, что, при воспитаніи ими священническихъ сыновей, въ этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ благодарностью къ своимъ учителямъ, вселится и благосклонность къ ордену. Существованіе особеннаго свѣтскаго училища для священническихъ сыновей въ провинціяхъ, гдѣ имѣется столько публичныхъ школъ, базиліане почитали не только излишнимъ, но даже весьма вреднымъ, ибо отдѣльное отъ другихъ исповѣданій воспитаніе юношества могло бы способствовать привитію нетерпимости.

Представители бѣлаго духовенства никакъ не могли признать полезнымъ образованіе священническихъ дѣтей въ духовныхъ школахъ ордена. Въ статьѣ 1-й предложенія князя Голицына на 2-й департаментъ коллегіи возлагалась „обязанность изыскать достаточные фундуши и дать удобное помѣщеніе для семинаріи“ въ трехъ епархіяхъ Луцкой, Брестской и Виленской, сообразуясь съ уставомъ 1806 г. для Полоцкой семинаріи. Въ предложеніи вовсе не говорится, чтобы монахи непремѣнно находились въ семинаріяхъ и управляли ими; въ Полоцкой семинаріи управленіе и образованіе поручено было лицамъ бѣлаго духовенства. Развѣ въ монастырскимъ школахъ, даже въ низшихъ классахъ, спрашивали представители бѣлаго духовенства,—юношество монашеское соединяется съ мірянами? Между тѣмъ далеко не всѣ уніатскіе священники имѣютъ достаточныя средства, чтобы посылать своихъ сыновей въ „публичныя“ школы (а въ нихъ науки преподаются скрытно), которыя содержатъ базиліане, подготовляя молодыхъ людей для государственной и военной службы: такихъ состоятельныхъ священниковъ не наберется и одной трети. Напротивъ того, болѣе двухъ третей священническихъ сыновей, по бѣдности родителей, не въ состояніи обучаться въ публичныхъ училищахъ: научившись коекакъ чтенію и письму, эти молодые люди, по достиженіи зрѣлыхъ лѣтъ, поступаютъ въ духовный санъ, стало быть, „они только умножаютъ число несвѣдущихъ пастырей церкви, ибо ихъ обучаютъ нравственному богословію на польскомъ языкѣ безъ предварительнаго подготовленія къ пониманію таковаго“ [1]).

---

[1]) Здѣсь можно видѣть намекъ на отсутствіе преподаванія церковно-славянскаго языка въ духовныхъ греко-уніатскихъ школахъ у базиліанъ; эта мысль

„Базиліане“, говорили еще представители бѣлаго духовенства, — „не вѣрно приписываютъ себѣ право на образованіе даже и приходскихъ священниковъ“. Первоначальный уставъ ордена не извѣстенъ; напротивъ извѣстно, что только послѣ введенія уніи, индульгенціей папы Павла V, 1625 года, начинающеюся словами: „piis et doctis“, это почтенное сословіе получило дозволеніе къ образованію мірянъ. Бывшій при митрополитѣ Кириллѣ Кіевскій соборъ, какъ видно изъ сочиненія іеромонаха Кульчицскаго, поручаетъ образованіе приходскихъ священниковъ архипресвитерамъ; въ Львовской семинаріи обучали священники (театины); въ Виленскомъ папскомъ алумнатѣ преподаваніемъ занимались іезуиты до 1773 г, (то-есть, до ихъ удаленія изъ Польши); но послѣ усиленія средствъ сего заведенія на счетъ части имѣній Жировицкой архимандріи, въ немъ, по распоряженію папы, для преподаванія богословскихъ наукъ, назначенъ священникъ Аркадій. И только въ 1788 году, по недостатку образованныхъ учителей изъ священниковъ, на орденскомъ собраніи въ Жидичинскомъ монастырѣ опредѣлено давать образованіе въ монастыряхъ небольшому числу клириковъ. Нынѣ недостатка въ учителяхъ изъ бѣлаго духовенства болѣе не ощущается: „главная семинарія даетъ способныхъ учителей для епархіальныхъ семинарій, а такое помѣщеніе клириковъ, оканчивающихъ съ успѣхомъ курсъ въ этомъ заведеніи, по прибытіи въ епархію наиболѣе полезно“.

Въ существѣ своихъ предложеній базиліанскій орденъ домогался: 1) сохранить за базиліанами содержаніе публичныхъ училищъ для мірянъ всѣхъ вѣроисповѣданій, отнюдь не допуская учрежденія особыхъ училищъ для дѣтей уніатскихъ священниковъ, 2) не допускать передачи на пользу церкви монастырей, которые базиліане считали для себя необходимыми, то-есть, такихъ, въ которыхъ содержатся публичныя училища для мірянъ или воспитывается орденское юношество, 3) чтобъ епархіальная семинарія для образованія священниковъ была устроена по церковнымъ уставамъ и оставалась въ вѣдѣніи базиліанъ, 4) присоединить къ Литовской провинціи еще Супрасльскій монастырь и помѣстить въ немъ епархіальную семинарію, которую содержать базиліанамъ, отдавая въ управленіи ею отчетъ епархіальному начальству, 5) предоставить базиліанамъ содержать

категорически выражена спустя нѣсколько мѣсяцевъ во вступительной лекціи профессора Бобровскаго при открытіи имъ курса славяновѣдѣнія клирикамъ главной духовной семинаріи.

свѣтскихъ клириковъ, при уменьшеніи окладовъ ректору и учителямъ орденскимъ, до 40 человѣкъ, и 6) освободить орденъ отъ содержанія клириковъ главной духовной семинаріи, при Виленскомъ университетѣ.

По заключенію представителей отъ свѣтскаго клира оказалось, что орденъ ничего не давалъ изъ своихъ фундушей на семинарію, и что проектируемая провинціаломъ и консультою семинарія, оставаясь въ рукахъ базиліанъ, не въ состояніи была бы давать епархіи священниковъ, образованныхъ соотвѣтственно своему сану: 1) Супрасльскій монастырь никогда не входилъ въ составъ базиліанской провинціи и всегда управлялся архимандритомъ; 2) исчисляемыя провинціаломъ дополнительныя суммы на епархіальную семинарію и прежде ей принадлежали; капиталъ Супрасльскаго епископа Духновскаго и фундушъ давно уже опредѣлены на содержаніе существующей (болѣе по названію) епархіальной семинаріи; 3) не возможно принимать прямо въ семинарію, на богословскіе курсы, учениковъ изъ мірскихъ школъ; ихъ необходимо провести еще черезъ низшую духовную школу; горькій опытъ убѣждаетъ въ безплодности богословскаго образованія священниковъ базиліанскимъ орденомъ. По этимъ соображеніямъ Тупальскому и Бобровскому оставалось только поблагодарить епископа Яворовскаго отъ лица бѣлаго духовенства за его готовность пожертвовать Супрасльскимъ монастыремъ на устройство епархіальной семинаріи [1]).

Засѣданіе „великой рады" 21-го января 1826 г., въ которомъ Литовскій провинціалъ, консульторы и секретарь желали выразить отъ имени ордена „дружеское расположеніе своей братіи почтенному бѣлому духовенству и удовлетворить нуждамъ епархіи", обнаружило намѣреніе базиліанъ: а) сохранить за орденомъ захваченныя насиліемъ у бѣлаго духовенства церковныя пріобрѣтенія, б) удержать въ своей власти воспитаніе юношества всѣхъ вѣроисповѣданій, в) руководить образованіемъ священническихъ сыновей, г) овладѣть Супрасльскимъ монастыремъ, и д) отказаться отъ складки на главную духовную семинарію. Предсѣдатель великой консульсты епископъ Яворовскій, желавшій добиться уступокъ и встрѣтивъ упорное сопротивленіе монаховъ, поддерживаемыхъ митрополитомъ, уѣхалъ изъ Жировицъ ранѣе окончанія совѣщаній, получивъ въ управленіе половину намѣстничества. Становилось очевиднымъ, что клиръ не можетъ расчитывать на благоразумную уступ-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. Д. 1822 г., листы 333—343, 360—373.

чивость ордена, который, опираясь на митрополита, надѣялся отстоять свое преобладаніе въ русской уніи.

Митрополитъ Булгакъ, оставаясь въ Жировицахъ, долго медлилъ съ окончаніемъ своего рѣшенія и только спустя три мѣсяца, 26-го апрѣля 1826 года, предписалъ консисторіи опредѣлить окончательно своимъ мнѣніемъ: 1) число воспитанниковъ въ епархіальной семинаріи, 2) сумму, необходимую на ея содержаніе, и 3) то, какой изъ монастырей менѣе полезныхъ обратить на семинарію. Требуя категорическаго отвѣта на три пункта, почтеннѣйшій іерархъ тутъ же самъ и предрѣшалъ ихъ. Такъ, по убѣжденію митрополита, выраженному въ началѣ предписанія, орденъ „обязанъ заниматься воспитаніемъ юношества вообще", а стало быть, и священническихъ дѣтей, равно какъ и клириковъ, готовящихся для занятія мѣстъ приходскихъ священниковъ. Сама провинція нуждается въ оказаніи ей помощи (sic), ибо на ея надобности недостаетъ 166,200 руб. асс. [1]); поэтому она никакъ не можетъ уступить на семинарію фундуши Тороканскаго и Антопольскаго монастырей, какъ монастырей полезныхъ; для помѣщенія семинаріи можно воспользоваться безполезнымъ Супрасльскимъ монастыремъ, но и при такихъ условіяхъ орденъ въ состояніи будетъ на своемъ иждивеніи „просвѣщать" не болѣе сорока юношей [2]).

Не легко было выйдти изъ затрудненія официалу Тупальскому; ему предстояло въ своемъ мнѣніи, которое должно было имѣть рѣшающее значеніе для коллегіи, раскрыть дѣйствительный смыслъ бывшихъ переговоровъ — указать на безразсудныя предложенія ордена, не затрогивая авторитета начальника греко-уніатской церкви въ Россіи.

---

[1]) По поводу такихъ расходовъ Литовской провинціи Сосновскій замѣчаетъ слѣдующее: „Когда епископъ Яворовскій, огорченный неуступчивостью, уѣхалъ въ Супрасль, митрополитъ хотѣлъ, чтобы орденъ что-либо надбавилъ къ фундушамъ семинаріи, но тотъ объявилъ, что ему самому недостаетъ на расходы ежегодно по 166,200 р. асс.; вѣроятно, орденъ исчислялъ расходы съ того времени, когда далъ Контрыму 6,000 руб. на его затѣи (na forsowanie), — иначе не понимаю, чѣмъ онъ могъ пополнять такой дефицитъ" (къ В. Маркевичу, въ февралѣ 1826 г. № 15). Изъ этихъ строкъ открывается связь виленскихъ базиліанскихъ монаховъ съ извѣстнымъ революціоннымъ движеніемъ въ Вильнѣ, въ которомъ однимъ изъ агентовъ былъ Контрымъ.

[2]) Предложеніе 29-го апрѣля 1826 г. (на польскомъ языкѣ) за подписью: Jozafat Metropolita Biskup Brzeski, то-есть, Іосафатъ митрополитъ епископъ Брестскій. Архивъ св. синода по 2-му деп. Д. 1822 г. № 61, л. 352, 353 (подлинное), л. 354, 355 (въ переводѣ).

Еще ранѣе, въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, изъ состава Брестской консисторіи выбылъ въ Вильну каноникъ Бобровскій, согласно высочайшему повелѣнію (16-го февраля 1826 г.), и мѣсто вице-официала занялъ каноникъ Шиманскій [1]). А. Сосновскій съ нетерпѣніемъ ждалъ профессора къ себѣ на помощь: обстоятельства такъ сложились, что помощь эта была ему теперь крайне необходима.

Между тѣмъ въ Жировицахъ, не смотря на стѣсненіе свободы дѣйствій консисторіи категорическимъ предписаніемъ митрополита дать мнѣніе, согласное съ желаніями его и покровительствуемаго имъ ордена, А. Тупальскій, увѣренный уже въ прочности своего положенія какъ намѣстника Брестской епархіи, пустилъ въ ходъ дипломатію съ свойственнымъ ему искусствомъ. Консисторія въ засѣданіяхъ 4-го мая и 11-го іюня, тщательно разсмотрѣвъ предложенія митрополита отъ 20-го января и 29-го апрѣля 1826 г. и заявленіе базиліанскихъ представителей, изложенное въ рапортѣ Каминскаго на имя митрополита отъ 31-го января того же года, и сопоставивъ все это съ рѣшеніемъ представителей клира, составила новый проектъ семинаріи, предпославъ ему общія основанія, вытекавшія изъ объясненій Тупальскаго и Бобровскаго въ засѣданіи 21-го января. Въ виду непреодолимыхъ препятствій къ уступкѣ подъ семинарію „самаго удобнаго Жировицкаго монастыря“ (занятаго публичнымъ училищемъ), проектъ остановился на Супрасльскомъ монастырѣ условно, „если иначе быть не можетъ“, не смотря на очевидныя его неудобства. Къ обученію въ семинаріи не должны быть допускаемы монахи; преподаваніемъ должны заниматься, какъ и въ Полоцкой семинаріи, лица бѣлаго духовенства, назначаемыя консисторіей, а надзоръ за семинаріей долженъ быть ввѣренъ епархіальному архіерею. Семинарію составятъ два отдѣленія — высшее и низшее. Въ высшемъ три профессора преподаютъ нравственное и догматическое богословіе, Священное Писаніе, церковную исторію и каноническое право. Въ низшемъ отдѣленіи три преподавателя. Ректоръ по хозяйственной части, имѣя въ своемъ распоряженіи приказчика или эконома, даетъ отчеты по комитету изъ двухъ членовъ консисторіи подъ предсѣдательствомъ епископа. Въ приложенномъ проектѣ табели расходъ исчисленъ въ 5160 руб. сер., на пополненіе каковой суммы, сверхъ имѣющихся источниковъ, долженъ поступить фундушъ Антопольскаго монастыря (обез-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. Д. 1826 г. № 27. И еще: переписка М. Бобровскаго съ Кеппеномъ, въ рукописи Имп. Академіи Наукъ.

печенный на имѣніи княгини Любецкой). Представленіе консисторіи оканчивается такими выраженіями: „Консисторія (руководясь предписаніемъ митрополита) указываетъ на надобности и нужды своей епархіи, устраняясь отъ причиненія ордену тягости, но, не находя другаго средства между обѣими сторонами установить равновѣсіе сей рапортъ представляетъ на благоусмотрѣніе 2-го департамента римско-католической коллегіи“ [1]).

Легко замѣтить, что въ Жировицахъ орденъ потерпѣлъ крупное пораженіе: представители свѣтскаго клира рѣшили безповоротно, что образованіемъ священниковъ не должны заниматься базиліанскіе монахи, и что, стало быть, епархіальныя семинаріи должны быть освобождены отъ ихъ вмѣшательства. Послѣ жировицкихъ совѣщаній въ главномъ управленіи духовныхъ дѣлъ пріобрѣтена была надежная опора въ свѣтскомъ клирѣ для выполненія преобразованій, намѣченныхъ въ предложеніяхъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ 1822 г. и въ проектахъ общей реформы учебной системы въ Россіи о націонализаціи просвѣщенія, согласно съ принципами Шишкова.

Въ челѣ свѣтскаго клира греко-уніатской церкви стояли теперь брестскій и виленскій официалы—Тупальскій и Сосновскій, и профессоръ Св. Писанія Бобровскій. Всѣ трое стремились къ одной и той же цѣли—къ поднятію просвѣщенія въ духѣ церкви и благосостоянія клира, а это согласно было съ видами Шишкова и съ государственными интересами въ западныхъ областяхъ.

Достигнуть этой цѣли представители свѣтскаго клира полагали различными путями. Тупальскій, старшій изъ нихъ по лѣтамъ, по своему значенію и положенію, съ полномочіями намѣстника епархіи, надѣялся осуществить намѣренія Брестскаго капитула посредствомъ ряда сдѣлокъ дипломатическаго свойства; онъ умѣлъ крѣпко держать въ рукахъ свою власть, завелъ въ Брестской епархіи образцовый порядокъ, упрочилъ дисциплину, и хотя за нимъ и водились грѣшки по раздачѣ бенефицій разнаго рода „пле-

---

[1]) Подписали: предсѣдательствующій официалъ прелатъ Антоній Тупальскій, сурогатъ Антоній Шиманскій, ассессоры: Игнатій Пильховскій, Антоній Богдановичъ. Секретарь С. Захаревичъ. № 940, іюня 21-го дня 1826 г. Помѣта: „Получено 30-го іюня“. „Слушанъ 27-го іюля 1826 г.“. Архивъ св. синода по 2-му департ. Д. 1822 г. № 61, лл. 332—347.

мянникамъ", но этимъ средствомъ онъ пользовался съ рѣдкимъ умѣньемъ для упроченія своей власти и усыпленія митрополита. Онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія въ 1824 году, когда орденъ, возмущенный мнѣніемъ Брестской конситоріи о необходимости секуляризаціи самаго богатаго Жировицкаго монастыря для помѣщенія семинаріи, консисторіи и каѳедры, настаивалъ на удаленіи Тупальскаго отъ намѣстничества епархіей. Этотъ секретъ открываетъ намъ инструкція, данная Сосновскимъ своему сыну Устину, жившему въ 1824—1825 годахъ близъ Петербурга и имѣвшему доступъ къ митрополиту: „Митрополитъ намѣренъ передать намѣстничество епископу Яворовскому, а официаломъ назначить Бобровскаго, меня же, вѣроятно, отставить; узнай отъ Маркевича о причинахъ смѣны нашего намѣстника; скажи Маркевичу, что Бобровскій желалъ бы лучше получить мѣсто въ коллегіи, къ чему не должно быть затрудненій, такъ какъ самъ министръ народнаго просвѣщенія, какъ знатокъ славянскйхъ нарѣчій, могъ бы имѣть въ немъ дѣльнаго сотрудника; пусть митрополит обдумаетъ для Бобровскаго мѣсто, соотвѣтственное его способностямъ. Вообще хорошенько разузнай о предположеніяхъ, проектахъ и нашихъ іерархическихъ интересахъ" [1]). Изъ переписки открывается еще, что эта смѣна должна была состояться при перемѣщеніи консисторіи въ Супрасль; теперь дѣло устроилось, благодаря услугамъ, своевременно оказаннымъ Тупальскимъ, и вслѣдствіе возвращенія Бобровскаго, согласно его стремленію, на прежнюю каѳедру въ Вильну, такъ какъ Шишковъ находилъ болѣе нужнымъ для дѣла имѣть его здѣсь, чѣмъ въ столицѣ. Готовность Тупальскаго къ уступкамъ, ради примиренія съ орденомъ, къ чему не склоненъ былъ Брестскій капитулъ, никогда однако не заходила за предѣлы существенныхъ интересовъ клира, и упреки, которые дѣлались ему по этому поводу Сосновскимъ, даже опасенія измѣны Тупальскаго общимъ интересамъ клира были напрасными. Изъ своего затруднительнаго положенія во время Жировицкаго совѣщанія Тупальскій вышелъ съ большимъ искусствомъ, не повредивъ клиру и сохранивъ за собою мѣсто.

Виленскій официалъ Антоній Сосновскій отличался противоположными свойствами характера—настойчивостью въ достиженіи цѣли, рѣшительностью въ дѣйствіяхъ и твердостью въ своемъ словѣ; этими свойствами характера онъ благотворно вліялъ на намѣстника, когда

---

[1]) Къ Устину Сосновскому, 22-го декабря 1824 г.

тотъ колебался или готовился къ какимъ-либо уступкамъ. Благосостояніе и просвѣщеніе клира, поддержаніе бѣдныхъ церквей, обезпеченіе вдовъ и сиротъ составляли то общее благо, къ достиженію котораго должно стремиться всѣми силами. Достигнуть такихъ цѣлей можно только посредствомъ полной секуляризаціи монастырей и утвержденія знамени свѣтскаго клира въ Жировицахъ, гдѣ имѣлась чудотворная икона Божіей Матери, и въ Вильнѣ, гдѣ была резиденція прежнихъ митрополитовъ; только здѣсь, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, должны быть епископскія каѳедры, консисторіи и семинаріи. „Базиліане", писалъ Сосновскій,— „какъ латинизаторы, не способны возвратить церкви утраченное ею благоустройство и благолѣпіе; у нихъ интересы своего ордена выше интересовъ общихъ. Мы должны исполнять свой долгъ съ самопожертвованіемъ". „Пока базиліане будутъ имѣть въ рукахъ своихъ все, не возможно и думать о поднятіи клира изъ упадка; но они никогда не пойдутъ на добровольныя уступки. „Предоставимъ дѣло верховной власти и покоримся ея рѣшенію. Измельчало въ нашемъ обрядѣ число людей; нашу іерархію заѣдаетъ іезуитизмъ; бѣда тѣмъ, которые становятся соучастниками прегрѣшеній епископовъ, и какое несчастіе на людей, поставленныхъ выше. Знаю, что меня будутъ гнать и ненавидѣть, но я для того родился и пришелъ въ Вильну, чтобы вывести клиръ изъ ничтожества и порабощенія. Не дай Богъ вернуться временамъ Горбацевичевскимъ (вспомнимъ защиту базиліанъ ассессоромъ коллегіи Горбацевичемъ въ 1810 г.), и потому нужно выдвигать изъ среды насъ людей, беззавѣтно готовыхъ служить общему благу. Бѣдный нашъ клиръ точно несетъ на себѣ какое-то проклятіе; развѣ мало доказательствъ, что онъ не можетъ идти впередъ, и что намъ не должно колебаться въ своихъ мнѣніяхъ и измѣнять свои убѣжденія". Сосновскій въ Вильнѣ засталъ дѣла епархіи въ полномъ разстройствѣ: болѣе 1000 бумагъ не доложено, настольные реестры перепачканы, нѣтъ никакихъ указовъ, не ведется отчетности о священникахъ; имѣнія, назначенныя на содержаніе епископа суфрагана и консисторіи, приведены въ упадокъ; арендаторъ, съ которымъ десять лѣтъ тому назадъ былъ заключенъ „сумасшедшій контрактъ", насчитываетъ какихъ-то претензій на 60,000 руб.; св. Николаевская церковь совершенно заброшена: въ подвалѣ ея навалены трупы до половины лѣстницы въ самыхъ страшныхъ позахъ; дѣла въ митрополичьемъ архивѣ съѣдаются мышами; нѣтъ помѣщенія для самого офиціала: „Я сижу здѣсь точно выброшенъ на мосто-

вую; въ консисторской кассѣ только 5 руб. и не знаю, откуда взять деньги, чтобы платить жалованье канцеляріи".

Болѣе двухъ мѣсяцевъ Сосновскій испытывалъ ожесточенныя нападенія базиліанъ въ Вильнѣ: „Буду сносить нападенія съ мужественнымъ сердцемъ и надѣюсь на Бога, что не посрамлюсь" [1]). Донесенія и жалобы Сосновскаго митрополиту и въ коллегію большею частію не имѣли успѣха: или онѣ оставались безъ удовлетворенія, или предполагалось перенести все въ Новогрудокъ, или же подождать... Но голоднымъ и гонимымъ ждать трудно. Рядомъ съ затрудненіями, вслѣдствіе разстройства епархіи, Сосновскому приходилось испытывать высомѣрное презрѣніе базиліанской старшины, сталкиваться въ обществѣ съ людьми, предубѣжденными противъ священниковъ. Нужно было убѣждать ректора и профессоровъ, что они ошибаются, что клиръ въ ихъ глазахъ изображали не вѣрно. Вопреки мнѣнію митрополита, Сосновскій рѣшилъ, что консисторія и семинарія должны быть въ Вильнѣ, и что для помѣщенія ихъ должно занять часть громадныхъ зданій Свято-Троицкаго монастыря. Виленскіе монахи, сгубившіе фундуши 15 церквей и уничтожившіе каѳедру въ Вильнѣ, обязаны понести заслуженную кару и возвратить клиру все то, что присвоили себѣ незаконно. Противъ далеко развившейся интриги базиліанскихъ монаховъ, противъ фанатическаго преслѣдованія ими бѣлаго духовенства, по мнѣнію Сосновскаго, нужно дѣйствовать такимъ же оружіемъ, и онъ самъ становится фанатикомъ, безпощадно нападаетъ на базиліанскую монополію на словахъ и на письмѣ, въ дружеской бесѣдѣ, въ письмахъ и даже въ офиціальныхъ бумагахъ.

Чувствуя уклончивость митрополита въ дѣлѣ устройства епархіи, видя холодное отношеніе къ насущнымъ потребностямъ клира со стороны коллегіи, „нашей высокой опекунши", встрѣчая предательство и грубость со стороны секретарей (консисторіи, епископской куріи и Литовской консульты), которые вели тайную переписку съ секретаремъ коллегіи Климовичемъ, Сосновскій ищетъ способовъ для представленія своихъ „записокъ" черезъ Кеппена или чрезъ Карташевскаго самому министру Шишкову: „Когда получу точныя свѣдѣнія о намѣреніи ордена измѣнить мнѣніе Брестской консисторіи, то пошлю жалобу къ Шишкову черезъ коллегію. Если коллегія не исполнитъ того, что необходимо сдѣлать для общаго блага клира, то я готовъ идти далѣе и найду способъ обо всемъ происходя-

---

[1]) Письмо къ архипресвитеру Янковскому 2-го февраля 1826 г.

щемъ довести до свѣдѣнія самого монарха!" Родственныя отношенія Сосновскаго къ Тупальскому (сынъ Сосновскаго Платонъ былъ женатъ на дочери Тупальскаго Θеофилѣ) не препятствовали ему стоять твердо на своемъ рѣшеніи: онъ предостерегалъ своего собрата всякій разъ, когда замѣчалъ въ немъ колебаніе или готовность идти на компромиссъ съ орденомъ. Всѣ письма Сосновскаго къ Тупальскому написаны въ холодномъ служебномъ тонѣ; но совершенно иначе онъ писалъ своимъ друзьямъ и благопріятелямъ: „Базиліанамъ не должно давать пощады, они уже перестали пѣть псаломъ 45-й и обязаны будутъ отдать все, чѣмъ завладѣли, ибо не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что орденъ разрушается. Преступно измѣнять свои мнѣнія; что̀ подумаетъ о насъ высочайшая власть? Наши мнѣнія могутъ быть и ошибочными; предоставимъ же этой власти принять наше мнѣніе (или его отвергнуть) и разрѣшить нашу многолѣтнюю тяжбу съ орденомъ".

Къ характеристикѣ Сосновскаго нужно прибавить, что онъ былъ знатокомъ древней славянской письменности, законовъ каноническихъ и исторіи своей церкви; изъ собираемыхъ имъ древнихъ актовъ онъ составлялъ исторію церкви и затѣмъ передавалъ акты на храненіе въ архивъ капитула; руководимая имъ Клещельская школа служила разсадникомъ псаломщиковъ и пѣвчихъ на всю епархію. Составленный имъ проектъ о способахъ поднятія духовнаго образованія въ клирѣ греко-уніатской церкви обнаруживаетъ въ немъ глубокаго знатока ея исторіи. Потребность просвѣщенія въ духовенствѣ ощущалась еще до введенія уніи, а дальнѣйшія событія показали, въ какой степени и какими путями распространялось просвѣщеніе въ русскихъ областяхъ. Теперь оно было въ рукахъ ордена—института, враждебнаго свѣтскому клиру; при нищетѣ и убожествѣ священниковъ болѣе образованныя ихъ дѣти старались выйдти изъ духовнаго званія... Не мало имѣемъ доказательствъ о заботахъ официала Сосновскаго по устройству молодыхъ священниковъ, особенно изъ числа окончившихъ курсъ главной духовной семинаріи, напримѣръ, Кояловича, Гриневича, Клочковскаго, о чемъ упоминается въ письмахъ къ роднымъ означенныхъ лицъ.

Третьимъ, вліятельнымъ въ клирѣ и виднымъ въ іерархіи дѣятелемъ былъ профессоръ Св. Писанія и археологіи М. Бобровскій, славистъ-оріенталистъ, высокопросвѣщенный богословъ, знатокъ древнихъ и восточныхъ языковъ, а также славянскихъ нарѣчій. Правдивостію, добродушіемъ и устойчивостью мнѣній виленскій профес-

соръ снискалъ себѣ всеобщее расположеніе, но эти же самыя достоинства и выдающееся образованіе создали ему непримиримыхъ враговъ. Оба офиціала питали къ ученому слависту искреннюю пріязнь; по своему спокойному характеру, при твердости своихъ убѣжденій, онъ служилъ надежнымъ звеномъ между двумя офиціалами, столь несходными по характеру. Для достиженія „общаго блага“ въ церкви онъ признавалъ необходимымъ поднять богословское образованіе священниковъ и возстановить чистоту и благолѣпіе церковно-славянскаго богослуженія, завѣщаннаго намъ первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ; сообразно сему должны быть устроены епархіальныя семинаріи, гдѣ преподаваніемъ обязаны заниматься клирики, оканчивающіе курсъ главной духовной семинаріи. Въ прежнее время, за неимѣніемъ учителей въ свѣтскомъ духовенствѣ, образованіемъ въ духовныхъ школахъ занимались базиліанскіе монахи, но теперь главная семинарія даетъ епархіямъ основательно образованныхъ наставниковъ. Это лучшее употребленіе способностей лицъ, готовящихся къ сану священника. Въ школахъ базиліанскихъ нѣтъ болѣе нужды, а ихъ публичныя училища, назначенныя для мірянъ, недоступны для сыновей большинства бѣдныхъ священниковъ. Необходимо однако щадить, по возможности, орденъ, ибо безъ монашества свѣтскій клиръ, разбросанный и приниженный нищетою, подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склоняется на ту или другую сторону. Такъ думалъ Бобровскій и потому не совѣтовалъ Тупальскому и Сосновскому упразднять Жировицкій и Свято-Троицкій Виленскій монастыри. Но зданіями Виленскаго монастыря слѣдуетъ воспользоваться для семинаріи. „Монашество наше“, полагалъ онъ,—„значительно отступившее отъ своихъ обѣтовъ, отъ древнихъ уставовъ и отъ святости жизни, должно быть преобразовано; нельзя допускать, чтобы въ монахи ордена поступали латиняне и вообще лица, не знакомыя съ старо-славянскимъ языкомъ и греческимъ уставомъ, нельзя допускать богослужебныхъ книгъ съ искаженнымъ славянскимъ молитвословіемъ, нельзя не пріучать нашу молодежь, стремящуюся въ духовное званіе, къ отправленію богослуженія по чину греко-восточной церкви“. За границею, у южныхъ и западныхъ славянъ, Бобровскій нигдѣ не замѣчалъ тѣхъ произвольныхъ отступленій, которыя стали обычными въ бѣдной русско-уніатской церкви. Нужно все это исправить. Затѣмъ, нужно стараться о просвѣщеніи народа; а учительская обязанность должна быть возложена на приходскихъ священниковъ.... „Пора народу проснуться отъ своего невѣжества. Посмотрите вокругъ

себя. Среди насъ пріютился народъ безземельный и бездомный, чуждый правильнаго труда, безоружный и беззащитный, робкій и уступчивый, не имѣющій ни начальниковъ, ни пастырей, ни даже святыни, словомъ, какъ-бы отмѣченный какимъ-то особеннымъ неблаговоленіемъ Божіимъ.... Казалось, ему осталось бы только погибнуть или выпрашивать ежедневно подаяніе. И что же? Вышло не то. Безземельные прибрали къ своимъ рукамъ всѣ промыслы земледѣльцевъ: не владѣющіе собственностью заправляютъ капиталами почти всего края; беззащитные и не имѣющіе вождей сильны взаимною любовью и единодушіемъ; лишенные пастырей и храма знаютъ наизусть свой законъ и свято хранятъ его до малѣйшихъ подробностей: и что всего удивительнѣе, эти люди, по временамъ столь жестоко гонимые и обременяемые, вынесли и несутъ сообща всякую невзгоду, остались и остаются изгнанниками, но никогда рабами. Что же это за чудо? Оно просто и очевидно. Всѣ эти люди мужчины и женщины, старцы и дѣти, всѣ до одного — грамотны отъ мала до велика... Грамота легка, а время, если и ушло отъ нашихъ бѣдныхъ предковъ, такъ не отъ насъ".

Несомнѣнно, что Бобровскій желалъ положить начало на своей родинѣ успѣхамъ народной культуры, зачатки которой онъ видѣлъ у нѣкоторыхъ славянъ; онъ замѣчалъ, что своими успѣхами народная школа у нихъ обязана усердію и старанію своего духовенства. Какова же могла быть, по его мнѣнію, народная культура въ Западной Россіи? Для русскихъ, слѣдовавшихъ греко-восточному обряду и имѣвшихъ для богослуженія славянскія книги, основой школьнаго преподаванія должно быть преподаваніе церковно-славянскаго языка. На родинѣ Бобровскаго, въ Клещеляхъ и окрестныхъ деревняхъ, школы были устроены настоятелемъ Свято-Николаевской Клещельской церкви, Антоніемъ Сосновскимъ, сосѣдомъ его отца священника Кирилла. Остановимся на этихъ школахъ, единственныхъ въ своемъ родѣ. Изъ рапорта А. Сосновскаго, представленнаго въ 1822 г. попечителю Виленскаго учебнаго округа князю Адаму Чарторыйскому о состояніи „русскихъ школъ"—приходской въ Клещеляхъ и сельскихъ въ Дашахъ, Черемхѣ, Кузавѣ, Доброводѣ и Суховольцахъ, мы узнаемъ, что о благоустройствѣ ихъ, подъ общимъ наблюденіемъ настоятеля, заботилось „братство", что въ нихъ обучали славянской, русской и польской грамотѣ, а нѣкоторыхъ церковному пѣнію, учили также ариѳметикѣ, сельскому хозяйству, огородничеству, что учащихся въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ было 148 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ, и въ томъ числѣ въ Кле-

щеляхъ готовились 5 учениковъ къ учительскимъ обязанностямъ, что учителями были въ Клещельской школѣ дьячекъ Петръ Солосцикевичъ, а въ сельскихъ—крестьяне тѣхъ же деревень, обученные въ Клещеляхъ, и что ближайшій надзоръ надъ сельскими школами ввѣренъ былъ сотникамъ и старшимъ братчикамъ. Подобнаго рода „русскія школы" были едва ли не единственными во всей странѣ. Даже университетъ былъ заинтересованъ успѣхами этихъ „русскихъ школъ": Сосновскій получилъ благодарность, и попечитель князь Чарторыйскій пожелалъ получить отъ него копію протеста Брестскаго капитула для ознакомленія съ нуждами клира и требованіями уніатовъ. Но этимъ, по видимому, и ограничилось сочувствіе попечителя къ дѣятельности русскаго священника въ обширномъ Виленскомъ округѣ [1]).

Въ первое время по возвращеніи изъ пятилѣтняго путешествія по Европѣ, профессоръ Бобровскій считалъ возможнымъ достигнуть извѣстныхъ цѣлей передовыхъ уніатовъ того времени, не прибѣгая къ общей секуляризаціи монастырей; по крайней мѣрѣ онъ находилъ нужнымъ сохранить въ цѣлости Свято-Троицкій монастырь въ Вильнѣ и надѣялся, что виленскіе базиліане добровольно отдадутъ часть обширныхъ зданій подъ епархіальную семинарію; въ такомъ смыслѣ и составилось первоначальное рѣшеніе Виленской консисторіи отъ 10-го февраля 1823 года. Но онъ ошибся въ своемъ ожиданіи. Ученый богословъ-славистъ, во всякомъ случаѣ, находилъ нужнымъ стремиться къ радикальному преобразованію общежитія базиліанскихъ монаховъ, высокомѣрно и непріязненно относившихся къ свѣтскому клиру, и къ широкой постановкѣ богословскаго образованія въ главной семинаріи. Тамъ полагалось преподавать особенно тщательно греческій и еврейскій языки съ семилѣтнимъ курсомъ. Но скоро пришлось ему убѣдиться въ невозможности достигнуть желаемыхъ существенныхъ улучшеній и въ устройствѣ этого института. Общее благо уніи требовало жертвъ, а жертвовать чѣмъ-либо не были способны базиліане; напротивъ, въ профессорѣ Бобровскомъ орденъ видѣлъ своего опаснаго врага. Возродить базиліанскій монашескій

---

[1]) Кромѣ имѣющейся у насъ переписки Сосновскаго съ 1821 по 1826 гг. (неполной за всѣ годы) и нѣкоторыхъ документовъ, см. статью *Плакида Янковскаго* въ Холмск. мѣсяцесловѣ за 1867 г.: Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей по сохраненію русской народности между уніатами: I. Протоіерей Михаилъ Бобровскій, стр. 100—117, II. Протопресвитеръ Антоній Тупальскій, стр. 118—126; кромѣ того, нашъ біографическій очеркъ Мих. Кир. Бобровскаго (С.-Пб. 1889) и Антонія Юрьевича Сосновскаго (*Литовск. Епарх. Вѣдом.* 1889—1890 гг.).

орденъ, достигнуть въ немъ той чистоты, которою озаряется монашество греко-восточной церкви, не было никакой надежды, въ чемъ Бобровскій убѣдился окончательно на жировицкихъ совѣщаніяхъ. Латинизація и іезуитизмъ, очевидно, развратили этотъ древній монашескій институтъ въ Западной Россіи, и онъ шелъ къ разрушенію, угрожая заразить всю русскую унію. Съ своими уставами базиліане становились поперекъ дороги самымъ необходимымъ преобразованіямъ—очищенію богослуженія отъ несоотвѣтственныхъ примѣсей латинской церкви и возстановленію церковно-славянскаго богослужебнаго языка, пришедшаго въ забвеніе въ студіяхъ базиліанскаго ордена.

Откровенные, чистосердечные намеки Брестскаго каноника въ проповѣдяхъ 1823 и 1824 годовъ объ упадкѣ иноческой дисциплины, о забвеніи старо-славянскаго языка, объ отступничествѣ отъ чистоты въ обрядахъ греко-славянскаго богослуженія приняты были базиліанами какъ посягательство на самое существованіе ихъ ордена въ русской уніи. Обстоятельства эти повели къ удаленію Бобровскаго изъ Вильны въ Жировицы; здѣсь онъ сблизился съ намѣстникомъ Тупальскимъ и вице-официаломъ Сосновскимъ. Оба желали выдвинуть Бобровскаго на высшую ступень. Во время опасной болѣзни епископа Головни къ нему посылались усиленныя просьбы о занятіи имъ епископской каѳедры. Но онъ призналъ себя болѣе способнымъ служить для блага клира на другомъ поприщѣ. Въ январскихъ совѣщаніяхъ 1826 года Бобровскій еще могъ надѣяться на добровольныя уступки провинціала Каминскаго ради общаго блага греко-уніатской церкви. Но Литовская базиліанская консульта, увѣренная въ поддержкѣ митрополита и обнадеживаемая сочувствіемъ къ воспитательной дѣятельности ордена со стороны попечителя Новосильцова и ректора Пеликана, не только высокомѣрно отвергла попытки Тупальскаго и Бобровскаго къ соглашенію, но требовала отъ бѣлаго духовенства прежней рабской покорности монашескому ордену! Несвоевременныя, безразсудныя притязанія монаховъ не мало причинили уже горя и заботъ уніатамъ Русской церкви. Отожествленіе интересовъ латинизаторовъ съ благами всей церкви и чисто фанатическій деспотизмъ монаховъ произвели на обоихъ представителей свѣтскаго клира въ Жировицахъ тяжелое впечатлѣніе. Съ того времени Бобровскій, какъ видно, становится сторонникомъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія его въ Вильну А. Сосновскій, который выдерживалъ съ мужествомъ яростныя нападенія со всѣхъ сторонъ: „Ахъ, какъ бы скорѣй вы сюда

прибыли", писалъ онъ. Возвратившись въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1826 года въ Вильну на осиротѣлую каѳедру Св. Писанія, Бобровскій, согласно плану министра Шишкова, немедленно открылъ славянскую школу для греко-уніатскихъ клириковъ, а затѣмъ, уже по собственной инициативѣ, приступилъ къ указанію клирикамъ обычаевъ и порядка греческаго обряда въ богослуженіи. Извѣстно, въ какихъ горячихъ выраженіяхъ онъ говорилъ въ аудиторіи свою первую рѣчь о забвеніи старославянскаго языка, о пренебреженіи не только этимъ, но и русскимъ языкомъ, на которомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ писались полемическія сочиненія въ защиту церкви. Изъ писемъ его къ Кеппену мы видимъ, съ какою заботливостью онъ собираетъ пособія на славянскомъ и русскомъ языкахъ: „Достать эти книги въ Вильнѣ не возможно. Книгопродавцы выписываютъ ихъ не охотно. Пришлите мнѣ ихъ и укажите надежнаго книгопродавца".

Итакъ, въ самомъ началѣ 1826 года трое главнѣйшихъ представителей Брестскаго капитула—официалы обѣихъ епархій Тупальскій и Сосновскій, и профессоръ Бобровскій—стали единодушно стремиться къ опредѣленной цѣли: принудить базиліанъ отречься отъ своей растлѣвающей монополіи въ уніи и твердо содѣйствовать правительству, какъ къ приведенію въ исполненіе министерскаго предложенія 1822 г., такъ и къ возстановленію чистоты греческаго обряда въ богослуженіи, отнюдь не допуская комплектованія ордена латинниками.

Полный разрывъ съ орденомъ представителей свѣтскаго клира вызвалъ рѣшительную борьбу въ самомъ центрѣ базиліанскаго могущества.

Еще до начала жировицкихъ совѣщаній официалъ Сосновскій представилъ 2-му департаменту доказательства о систематическомъ противодѣйствіи провинціала Каминскаго и ученаго секретаря Маіевскаго; провинціалъ не предъявлялъ документовъ Свято-Троицкаго монастыря, настоятель котораго Жарскій позволялъ себѣ по отношенію къ официалу неприличные духовному сану поступки [1]). Ка-

[1]) „Недавно я вступилъ въ должность официала, а уже пришлось въ мѣсячныхъ рапортахъ въ коллегію доносить о недоставленіи орденомъ документовъ, какіе требуются въ указахъ, о неисполненіи указовъ (напримѣръ, орденъ продолжаетъ набирать латинниковъ), о доставленіи настоятелями монастырей актовъ при простыхъ письмахъ, а не при официальныхъ бумагахъ, о нежеланіи принимать монастырями нашихъ эпитимистовъ. Но это не все: съ нашимъ клиромъ обращаются здѣсь недостойнымъ образомъ. Наша чрезмѣрная уступчивость, желаніе нравиться обѣимъ сторонамъ привели къ тому, что насъ такъ дерзко

минскій пожаловался коллегіи, что онъ „не намѣренъ представлять (требуемые Сосновскимъ) документы Виленскаго базиліанскаго монастыря, и требуетъ отъ консисторіи извиненія (restitutio) за оскорбленіе чести секретаря". По этому поводу коллегія прислала замѣчаніе, оскорбившее Сосновскаго [1]). 4-го января секретарь провинціала въ самомъ присутствіи консисторіи объявилъ, что требуемые документы вовсе не будутъ представлены въ консисторію. „Въ такихъ дѣйствіяхъ Литовскаго провинціала", доносилъ Сосновскій,—„консисторія усматриваетъ нарушеніе высочайшихъ повелѣній. Монастырь Виленскій захватилъ имѣнія Брестскаго капитула, занялъ два каменные дома, принадлежавшихъ братству, и владѣетъ еще другими двумя домами на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были церкви бѣлаго духовенства. Нѣкогда въ монастырѣ имѣлась семинарія, какъ видно изъ „бесѣды Новогородскаго (Новоградовицкаго? то-есть, Новогрудскаго) капитула въ 1617 г." и „Виленскаго капитула въ 1631 г." о передачѣ суммы, собранной на Минскую семинарію, въ Виленскій базиліанскій монастырь св. Троицы. Желательно разсмотрѣть еще архивъ Виленской митрополичьей епархіи, который помѣщается въ Виленскомъ базиліанскомъ монастырѣ и находится въ вѣдѣніи епископа Адріана Головни" [2]).

Въ тотъ же день, 7-го января 1826 года, посылаетъ рапортъ въ

обижаютъ, но какая отъ этого польза, пусть мудрые на нее укажутъ" (письмо Сосновскаго къ Бобровскому въ Жировицы, отъ 8-го декабря 1825 г. № 8). И далѣе: „Я имѣю много непріятностей съ оо. базиліанами: имъ не нравится, что бы ни постановила консисторія, а Жарскій (настоятель Свято-Троицкаго монастыря) смотритъ на меня высокомѣрно, даже не отвѣчаетъ на мои поклоны" (письмо къ Тупальскому, отъ 22-го декабря 1825 г.).

[1]) Такъ, 24-го декабря 1825 г. писалъ онъ къ ассессору Маркевичу слѣдующее: „На твое письмо отъ 12-го декабря, можетъ быть, не годится отвѣчать, однакоже я хочу замѣтить, что, вѣроятно, рапортъ нашъ потому написанъ рѣзко, что мы должны были сказать правду. Можно думать, что и другіе позднѣйшіе наши рапорты будутъ также приняты: пусть молъ все идетъ по старому; но я скажу тебѣ, что иначе писать не умѣю. Есть многое, о чемъ нужно писать въ коллегію, но напуганнымъ надобно молчать. У насъ не чѣмъ платить жалованья канцеляріи. Что же дѣлать? Будемъ молчать".

[2]) Рапортъ Виленской консисторіи 7-го января 1826 г. Письма къ В. Маркевичу 17-го и 24-го декабря 1825 г., №№ 11 и 12: „Ипатій Поцѣй основалъ здѣсь семинарію, стало быть, не безъ фондовъ; знаемъ, что капиталъ Минской семинаріи, послѣ ея закрытія, переданъ въ Виленскій монастырь, что, согласно разъясненію 1-го базиліанскаго Виленскаго капитула, три монастыря въ Овручѣ составляли фундушъ Виленской семинаріи".

коллегію и Каминскій; въ немъ онъ жалуется, что консисторія требуетъ изъ громаднаго архива всѣ бумаги, „a żeby wszystkie papiery były złożone“, не обозначая какія именно. „Мы принуждены послать два рапорта, которые просимъ принять благосклонно. Страшно и писать, чтобы снова не написать не ловко и не въ приличныхъ выраженіяхъ. Итакъ, писать не будемъ“ [1]). Но непріятныя представленія Сосновскаго, разстраивавшія спокойствіе ассессоровъ коллегіи, обреченныхъ на бездѣйствіе предложеніемъ митрополита 4-го августа 1825 года, только еще едва начинались. Изъ рапорта провинціала узнаете“, писалъ Сосновскій Маркевичу,— „что онъ покоренъ на словахъ, но не на дѣлѣ. Всѣ его донесенія не болѣе какъ уловка, чтобъ уклониться отъ представленія документовъ Виленскаго монастыря, который хотятъ спасти, но на который свѣтскій клиръ всегда будетъ имѣть свои виды, и тутъ непремѣнно должна быть семинарія“ [2]).

2-й департаментъ коллегіи отписался указомъ, не разрѣшавшимъ законныхъ требованій Сосновскаго. Въ представленіяхъ консисторіи и жалобахъ провинціала Каминскаго коллегія усматривала „какую-то личную вражду, препятствующую теченію дѣлъ“, а потому считала нужнымъ внушить консисторіи и провинціалу, „дабы они на будущее время старались во взаимныхъ отношеніяхъ руководствоваться болѣе христіанскою любовью и чувствомъ собственныхъ обязанностей, лежащихъ на нихъ, какъ на духовныхъ особахъ и чиновникахъ, нежели личными неудовольствіями. Епископъ, безъ сомнѣнія, не отка-

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ., л. 292 и слѣд., л. 296 и слѣд.

[2]) Письмо къ Маркевичу 7-го января 1826 г., № 13: „Если бы тутъ не было консисторіи, то едва въ 6 миляхъ (42 верстахъ) можно было бы найдти уніатскаго священника, а изъ письма Платона (сына Антонія Сосновскаго) къ луцкому ассессору (Сѣмашкѣ) узнаешь, въ какомъ опасномъ положеніи находится эта высшая наша школа. Не забывайте, что здѣсь была резиденція митрополитовъ, а теперь желаютъ все изгладить такъ, чтобы и слѣдовъ ихъ пребыванія въ Вильнѣ не осталось. По милости базиліанъ мы потеряли всѣ каѳедры; школы ихъ могутъ остаться въ монастырѣ, мы помѣстимъ семинарію въ другой части его зданій“ и т. д. Отъ того же 7-го января, Сосновскій писалъ Бобровскому: „На главную семинарію былъ сдѣланъ новый набѣгъ, подана была записка или просьба объ ея закрытіи съ согласія покойнаго митрополита Сестренцевича (Александру I), нынѣшній мудрый государь потребовалъ объясненія, оно послано, и намѣреніе разстроено. Между Виленскою консисторіей и Литовскою базиліанскою провинціей произошли стычки: объ этомъ послѣ“.

жется удовлетворить справедливыя ея требованія“ [1]). Но епископъ въ это время лежалъ на смертномъ одрѣ, а секретарь его, соединясь съ базиліанами, придумывалъ разные способы, чтобы вредить Сосновскому.

Теченіе дѣлъ по Виленской епархіи задерживалось именно непростительными въ данное тяжелое время послабленіями провинціалу со стороны высшей власти. Коллегія не только не вошла въ разсмотрѣніе существа дѣла, какъ слѣдовало по смыслу высочайшихъ повелѣній, но, сводя вопросы служебные на личные, усиливала только распрю и своимъ потворствомъ базиліанской консультѣ препятствовала Сосновскому добиться скораго полученія необходимыхъ документовъ для составленія вѣдомости о монастыряхъ и ихъ фундушахъ. Базиліане, оттягивая дѣла, добивались у Новосильцова закрытія главной семинаріи и нагло нападали на Сосновскаго. „Буду сносить притѣсненія со всѣхъ сторонъ“, писалъ Сосновскій,—„но надѣюсь на Бога, что не посрамлюсь“ [2]).

Между тѣмъ, какъ коллегія, не зная, на что̀ рѣшиться, шаталась то въ ту, то въ другую сторону, то опасаясь замѣчаній министра за медленность дѣйствій, то желая угодить митрополиту Булгаку, который предписалъ не предпринимать никакихъ рѣшеній по Виленской епархіи, пока онъ не посовѣтуется съ орденомъ,—Литовская базиліанская консульта пустила въ ходъ всѣ пружины своей интриги, чтобы не только вытѣснить изъ Вильны консисторію съ епископомъ-суфраганомъ, но и сокрушить главную семинарію, которую базиліане считали главною виновницею требуемыхъ клиромъ преобразованій въ греко-уніатской церкви и секуляризаціи монастырей. Происки маршала Пусловскаго и настоятеля Свято-Троицкаго монастыря Жарскаго на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ. Новосильцовъ, подстрекаемый Пеликаномъ, вошелъ въ виды Литовскаго провинціала и, подобно митрополиту, призналъ, что для греко-уніатскихъ священниковъ духовное образованіе составляетъ роскошь, что онъ не видитъ никакой необходимости обученія греко-уніатскихъ клириковъ въ главной духовной семинаріи, что во всякомъ случаѣ образованіе клира

---

[1]) Журналъ 27-го января 1826 г. Указъ 3-го марта 1826 г. Напротивъ, изъ другихъ дѣлъ 2-го же департамента видно, что епископъ Головня дѣлалъ затрудненія Сосновскому въ выдачѣ дѣлъ изъ архива. Д. 1828 г. № 77, начато 6-го сентября 1827 г., окончено 25-го ноября 1828 г. на 84 л.

[2]) Изъ письма къ архиприсвитеру Янковскому, 2-го февраля 1826 г.

должно быть ввѣрено базиліанамъ, какъ сословію, истинно полезному для государства. Съ своей стороны, митрополитъ Булгакъ, оставляя безъ должнаго разсмотрѣнія донесенія къ нему Виленскаго официала о плачевномъ состояніи дѣлъ въ епархіи, предлагалъ обдумать способы къ перенесенію консисторіи и устройству семинаріи въ Новогрудскомъ базиліанскомъ монастырѣ. Словомъ, орденскія власти, опираясь на попечителя, добивались полнаго очищенія Вильны отъ клира, чтобы и не пахло духомъ священника! Но Сосновскій упорно стоялъ за интересы клира именно въ Вильнѣ, въ мѣстопребываніи греко-уніатскихъ митрополитовъ, хотя зналъ, что его настойчивость и смѣлость будутъ стоить ему дорого: „Если бы и весь Новогрудокъ намъ отдали, я не хочу и слышать, Виленская консисторія отвѣтитъ, что не иначе какъ здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, должны быть помѣщены консисторія и епархіальная семинарія, и я никогда не отступлю отъ такого требованія“ [1]).

Замыслы противъ главной семинаріи заставили Антонія Сосновскаго и сына его Платона предостерегать ассессоровъ коллегіи В. Маркевича и І. Сѣмашку. „Повѣришь тогда“, писалъ официалъ ассессору Маркевичу,—„когда все уже будетъ кончено. Нѣтъ! никогда не прекратятся нападки ордена на главную семинарію, она ему не по сердцу, и потому онъ ежегодно на нее поднимается... Кажется, всѣ интриги монаховъ противъ главной семинаріи прекратились бы, еслибъ обезпечить ее постояннымъ содержаніемъ, взявъ съ этою цѣлью Троицкое пробство со стороны латинянъ, а съ нашей какой-либо монастырь“ (14-го января 1826 г., № 14).

Таково было положеніе дѣлъ въ Вильнѣ въ самомъ началѣ 1826 года.

---

[1]) Въ письмѣ къ Бобровскому, 26-го января 1826 г. № 15. Въ это время Сосновскій производилъ повѣрку состоянія фундушевыхъ имѣній въ Новогрудкѣ, откуда и велъ дѣятельную переписку съ Жировицами, гдѣ въ то время происходило совѣщаніе великой консульты. „Изъ разговора съ игуменомъ“, пишетъ Сосновскій къ нему же,—„я узналъ, въ чемъ состоитъ проектъ ордена: распространить строеніе Новогрудскаго монастыря такъ, чтобы въ немъ могли помѣститься консисторія и монахи, а семинарію для обѣихъ епархій имѣть одну, въ Лаврышовѣ; вотъ что думаетъ орденъ; вѣрьте, что это игуменъ не выдумалъ“. Въ письмѣ къ сыну своему Платону, отъ 29-го января 1828 г.: „Спѣшу въ Вильну тѣмъ болѣе, что свящ. Дылевскій, возвратясь изъ Жировицъ, сообщилъ мнѣ, что митрополитъ въ началѣ февраля намѣренъ быть въ Новогрудкѣ. Предугадываю ихъ намѣреніе, и потому избѣгаю свиданія. Но если прикажутъ, придется остаться. Пиши о дѣлахъ особой важности“.

Совѣщанія великой консульты въ Жировицахъ кончились пораженіемъ ордена въ томъ смыслѣ, что представители свѣтскаго клира отвергли его исключительное право, какъ незаконно имъ себѣ присвоенное, на духовное образованіе священниковъ. Съ этого времени виленскій официалъ, какъ представитель свѣтскаго клира, оживляемаго поддержкою министра Шишкова, нашелъ нужнымъ дѣйствовать помимо коллегіи; того же мнѣнія былъ и архипресвитеръ Янковскій; оба находили, что ассессоры коллегіи своею нерѣшительностью и проволочками могутъ сгубить все дѣло клира. Еще въ октябрѣ 1825 г. архипресвитеръ представилъ записку Шишкову и теперь, весною 1826 году, готовился представить другую жалобу. Виленскій официалъ, пославъ черезъ Кеппена записку министру Шишкову „о средствахъ просвѣщенія уніатскаго духовенства“, „o srodkach oswiecenia Duchowienstwa R. Unickiego“, предостерегалъ своихъ товарищей отъ соглашенія съ базиліанами въ Жировицахъ и увѣдомлялъ ассесора Маркевича о своемъ образѣ дѣйствій, упрекая коллегію въ слабости: „Ежели есть намѣреніе измѣнить мнѣніе о Жировицахъ, я вскорѣ пришлю въ коллегію жалобу лично отъ себя съ просьбою представить ее министерству народнаго просвѣщенія. Въ руки Государя она дойдетъ своимъ путемъ. Пусть будетъ воля Божія, но я не допущу теперь, чтобы эта моя просьба лежала въ коллегіи также долго безъ разрѣшенія, какъ моя прежняя просьба о созваніи синода (1820 г.). Записку такую же, какъ Кеппену, я вручилъ ректору университета и другимъ лицамъ; досталъ ее Жарскій и передъ митрополитомъ въ Жировицахъ расписалъ меня (cukrował), какъ могъ. Если же Кеппенъ не подалъ еще моей записки министру, то я дамъ ей другой ходъ, только не сдѣлай того же, что ты сдѣлалъ нѣкогда съ просьбою моею къ князю Голицыну; если бы та записка тогда же попала въ его руки, то мы навѣрное теперь имѣли бы и семинарію, и каѳедру, обезпеченныя фундушами. Не одобряете, что мы горячимся; но развѣ много выигралъ клиръ отъ снисхожденія и молчанія? Вспомните о томъ, къ чему привели наши протесты. Орденъ хлопочетъ всякими путями, минуя коллегію, а мы должны ждать! Не сомнѣвайтесь, что здѣсь нѣчто замышляется; наше молчаніе можетъ быть гибельнымъ для клира“ [1]). Въ то же время Сосновскій проситъ Бобровскаго сообщить ему постановленіе жировицкой великой консульты, относительно мнѣнія Брестской консисторіи (12-го февраля 1823 г.)

---

[1]) Къ В. Маркевичу, въ февралѣ 1826 г.

и о семинарскихъ фундушахъ: „Никто объ этомъ не будетъ знать, я все принимаю на себя. Начинаю убѣждаться въ слабости лицъ, засѣдающихъ въ коллегіи; миновать ее однако нельзя, но необходимо ее какимъ-либо способомъ принудить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ (do stanowczych kroków), хотя бы самому пришлось поовергнуться жесточайшему преслѣдованію. Я составилъ уже планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, и мнѣ кажется, онъ поведетъ скорѣе къ удовлетворенію нашихъ интересовъ". Сосновскій надѣялся, что его записка, поданная ректору, поможетъ клиру: „Они начали думать о насъ лучше" [1]).

Нѣкоторые члены капитула желали бы болѣе спокойнаго и осмотрительнаго образа дѣйствій; на предпріимчивость Сосновскаго, во всякомъ случаѣ, его товарищи по коллегіи смотрѣли съ какимъ-то опасеніемъ; но офиціала не страшили ни угрозы, ни нареканія; находясь въ центрѣ интригъ ордена, постоянно опасаясь уступокъ подъ давленіемъ авторитета митрополита, онъ считалъ рѣшительный образъ дѣйствій наиболѣе вѣрнымъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей въ предложеніяхъ министерскихъ 1822 г. и въ распоряженіяхъ министра Шишкова, въ благихъ намѣреніяхъ котораго онъ былъ глубоко убѣжденъ.

Получивъ свѣдѣніе о результатахъ жировицкихъ совѣщаній, Сосновскій немедленно подалъ на Высочайшее имя (18-го февраля 1826 г.) черезъ 2-й департаментъ коллегіи слѣдующее прошеніе: „Немедленно по вступленіи въ должность офиціала Виленской митрополичьей епархіи, я не могъ не обратить вниманія на крайній недостатокъ въ средствахъ на пополненіе священническихъ мѣстъ достойными пастырями. Въ епархіи 300 церквей, а въ Свержанской семинаріи, дурно устроенной и имѣющей недостатокъ въ учителяхъ, обучается только 4 человѣка, изъ коихъ на всю епархію подготовляется къ священству только двое! Изъ рапорта же провинціала Каминскаго, поданнаго митрополиту 31-го января 1826 г. № 68, я убѣдился, что базиліанскій орденъ намѣревается обратить въ ничто всемилостивѣйшія распоряженія монарха, относительно устройства каѳедральныхъ соборовъ, бѣднѣйшихъ приходскихъ церквей и семинарій. Монашество не только не желаетъ дать средства на семинаріи для духовенства, но даже намѣревается овладѣть остатками семинарскихъ фундушей. Мнѣ, какъ бывшему предсѣдателю Брестской консисторіи, извѣстны представленія во 2-й департаментъ отно-

---

[1]) Къ Бобровскому, 10-го февраля 1826 г., № 18.

сительно Жировицкаго, Тороканскаго и Супрасльскаго монастырей (рап. 12-го марта 1823 г.), а также и мнѣніе Виленской консисторіи, 10-февраля 1823 г., объ обращеніи Виленскаго монастыря съ его имѣніями на устройство епархіальной семинаріи. Въ мнѣніяхъ обѣихъ консисторій изложены соображенія о возвращеніи орденомъ свѣтскому клиру монастырей съ тѣмъ, чтобы остающееся имущество обратить на вспомоществованіе бѣднѣйшихъ церквей. Все это исполнено согласно предложенію бывшаго министра князя Голицына". Проситель, какъ бывшій членъ Брестской консисторіи и какъ членъ Брестскаго капитула, считаетъ себя обязаннымъ стараться, чтобы мнѣнія обѣихъ консисторій не были измѣнены противодѣйствіемъ базиліанскаго ордена. Вслѣдствіе того Сосновскій всеподданнѣйше проситъ, чтобы по разсмотрѣніи означенныхъ представленій Брестской и Виленской консисторій, былъ представленъ на высочайшее усмотрѣніе проектъ (докладъ), согласно праву, объ устройствѣ въ епархіяхъ: 1) крайне нужныхъ семинарій съ учителями и начальниками изъ свѣтскаго клира, и каѳедръ съ отвѣтственными средствами, и 2) объ указаніи какіе именно монастыри должны быть возвращены свѣтскому клиру и какое остающееся имущество имѣетъ быть обращено на вспомоществованіе церквамъ [1]).

Уніатскій департаментъ вернулъ Сосновскому прошеніе, какъ не подлежащее его разсмотрѣнію черезъ консисторію, которой предписалъ указомъ, чтобъ она взыскала съ оффиціала Сосновскаго употребленную въ семъ департаментѣ, по вышеозначенному его прошенію, вмѣсто гербовой простую бумагу за три листа (указъ 12-го апрѣля), и консисторія рапортомъ 20-го мая 1826 г. донесла, что представленные Сосновскимъ 37 руб. ассиг. внесены въ казначейство [2]).

Эта неудача нимало не смутила Сосновскаго, не смотря на то, что положеніе оффиціала, многіе годы усердно хлопотавшаго о поднятіи изъ ничтожества свѣтскаго клира и объ огражденіи церкви

---

[1]) Подлинное прошеніе подписалъ 18-го февраля 1826 года оффиціалъ Виленской митрополичьей консисторіи, Брестскій каѳедральный каноникъ, Дрогицкій благочинный, Клещельскій настоятель, экзаменованный при Виленскомъ университетѣ богословъ Антоній Сосновскій. Архивъ св. синода по 2-му департ., д. 1822—1828 г. № 61, л. 303 и слѣд. Къ сожалѣнію, дошедшая къ намъ переписка Сосновскаго прерывается въ концѣ февраля 1826 г., и мы лишены возможности при ея пособіи давать обстоятельное освѣщеніе позднѣйшимъ оффиціальнымъ документамъ.

[2]) Тамъ же, л. 308, 325.

отъ расхищенія базиліанами, было чрезвычайно тяжело. Митрополитъ смотрѣлъ на него враждебно; его чернили, какъ могли, базиліане и секретари, сносясь съ секретаремъ и съ нѣкоторыми членами коллегіи; послѣдняя же не сдѣлала еще ни одного шага на встрѣчу требованіямъ свѣтскаго клира, а напротивъ, посылала замѣчанія консисторіи и сносилась съ Литовскою консультою, потому что за нею стоялъ митрополитъ. Но Сосновскій не привыкъ отступать послѣ неудачи или передъ дѣлаемыми ему препятствіями. Онъ обратился съ прошеніемъ къ самому министру Шишкову и достигъ на этотъ разъ по крайней мѣрѣ того, что, вслѣдствіе предписанія изъ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ, 2-й департаментъ коллегіи былъ выведенъ изъ четырехлѣтняго бездѣйствія; журналомъ 24-го марта 1826 года было опредѣлено „поручить засѣдателямъ, чтобъ они сдѣлали краткія извлеченія изъ описей о состояніи церквей и строеніяхъ монастырскихъ, о фундушевыхъ имѣніяхъ и капиталахъ, состоящихъ при монастыряхъ училищахъ, съ показаніемъ числа бѣдныхъ учениковъ свѣтскаго клира, прихожанъ и монаховъ“.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Вильнѣ, когда, по представленію министра Шишкова, императоръ Николай I назначилъ (14-го мая 1826 г.) подъ его предсѣдательствомъ комитетъ устройства учебныхъ заведеній, съ цѣлью приведенія къ единству весьма разнообразныхъ учебныхъ заведеній, изъ числа которыхъ публичныя школы западныхъ губерній находились въ вѣдѣніи монашескихъ римско-католическихъ и базиліанскихъ орденовъ, при фиктивномъ подчиненіи ихъ контролю попечителей Виленскаго и С.-Петербургскаго (бѣлорусскія губерніи съ октября 1824 г.) учебныхъ округовъ. Обстоятельство это необходимо имѣть въ виду при изложеніи дальнѣйшихъ событій въ исторіи греко-уніатской церкви, такъ какъ съ этого времени, именно со второй половины 1826 года, послѣ коронаціи въ Москвѣ, разрѣшеніе многихъ вопросовъ, ускорившихъ реформу греко-уніатской церкви, находится въ тѣсной связи съ ходомъ дѣлъ комитета по учебной реформѣ въ имперіи [1]).

Съ конца 1825 г. Н. Н. Новосильцовъ находился уже въ сѣтяхъ базиліанскаго ордена, во власти ректора Пеликана и провинціала

„Несчастіе, что въ началѣ новаго царствованія крайне важныя дѣла мѣшаютъ министру заняться мелкими дѣлами, какъ наше, но позже придетъ и до нихъ очередь“. Изъ переписки Сосновскаго къ Бобровскому, въ началѣ 1826 г

Каминскаго и не считалъ нужнымъ вникнуть въ истинное положеніе дѣлъ въ греко-уніатской церкви. Въ глазахъ Новосильцова, какъ и виленскаго католическаго общества, свѣтскій клиръ представляли какимъ-то чудовищемъ. „Орденъ сносится съ университетомъ и вездѣ насъ чернитъ.... Эти господа считаютъ клиръ нашъ такимъ, какимъ онъ былъ въ концѣ XVII столѣтія, словомъ за людей ничтожныхъ, недостойныхъ вниманія“ [1]).

Провинціалъ Каминскій, чтобы сохранить Свято-Троицкій базиліанскій монастырь (игравшій такую видную роль въ распространеніи польской пропаганды между уніатами и оказывавшій матеріальныя услуги польской революціонной пропагандѣ въ Вильнѣ), заручился покровительствомъ ректора Пеликана. Послѣднему онъ писалъ о готовности своей привести въ исполненіе въ базиліанскихъ публичныхъ школахъ весьма полезныя мѣры, принимаемыя учебнымъ начальствомъ, „но вотъ въ чемъ бѣда: базиліанскій орденъ находится теперь въ крайне тяжеломъ положеніи; самому существованію его грозитъ опасность.... уже многіе базиліанскіе монастыри закрыты (?), имущество ихъ уже перешло (?) въ руки бѣлаго духовенства, и теперь, по проискамъ его (?), опять угрожаютъ новымъ закрытіемъ нѣсколькихъ базиліанскихъ монастырей. Къ довершенію всего, чтобъ ослабить и загубить базиліанскій орденъ, хотятъ (?) запретить поступать въ базиліанскій орденъ католикамъ“ [2]). Съ своей стороны, ректоръ, всецѣло преданный интересамъ польской аристократической партіи, заботливо предупреждалъ распоряженія Новосильцова, которыя тотъ обязанъ былъ приводить въ исполненіе въ своемъ округѣ на основаніи указаній министра Шишкова. Бѣлое уніатское духовенство — такъ докладывалъ ректоръ попечителю — ни въ малѣйшей долѣ не приноситъ той пользы, которую доставляетъ базиліанское сословіе. Новосильцовъ, не вникая въ направленіе образованія и духъ базиліанскихъ публичныхъ школъ, не могъ, конечно, видѣть того, что орденъ при помощи своихъ школъ наносилъ существенныя раны русскому національному дѣлу въ западной Россіи; онъ вѣрилъ ложнымъ донесеніямъ провинціала Каминскаго и вкрадчивой инсинуаціи Пели-

---

[1]) Изъ переписки Сосновскаго къ Бобровскому въ ноябрѣ и декабрѣ 1825 г.

[2]) *Лит. Епарх. Вѣд. 1888 г.* № 39. Ст. *П. Жуковича* „Новосильцовъ въ сѣтяхъ базиліанскаго ордена“. Базиліанскій орденъ изъ обвиняемаго становится обвинителемъ и измышляетъ факты, лживость которыхъ легко было провѣрить простымъ запросомъ или справкою въ дѣлахъ Виленской консисторіи.

кана и даже принялъ базиліанъ подъ свое покровительство. Поэтому въ своемъ представленіи министру народнаго просвѣщенія (отъ 20-го апрѣля 1826 г.) попечитель усиливался поддержать сей по истинѣ полезный орденъ. (И предмѣстникъ его Чарторыйскій писалъ объ орденѣ въ такихъ же выраженіяхъ!) Въ поступленіи въ базиліанскій орденъ католиковъ (замѣтьте: незнакомыхъ ни съ славянскимъ языкомъ, ни съ греческими обрядами) Новосильцовъ „не видитъ никакого вреда: это не противно ни церковнымъ, ни гражданскимъ законамъ и не приводило до сихъ поръ ни къ какимъ злоупотребленіямъ!“

Между тѣмъ во второй половинѣ апрѣля мѣсяца 1826 года М. Бобровскій прибылъ въ Вильну, открылъ курсъ Св. Писанія и библейской археологіи по новому плану (предложенному имъ еще въ 1823 г.) и началъ занятія славяновѣдѣніемъ съ греко-уніатскими клириками: онъ ввелъ очередной порядокъ упражненій съ каждымъ клирикомъ особо, знакомилъ ихъ археологически точно съ греческимъ обрядомъ богослуженія въ Свято-Николаевской церкви, дополнялъ грамматику старо-славянскаго языка I. Добровскаго, выписывалъ для этой цѣли изъ Петербурга, при посредствѣ Кеппена, славянскія и русскія сочиненія [1]). Можно сказать положительно, что съ половины 1826 года греко-уніатскіе клирики фактически были почти отдѣлены отъ римско-католическихъ: они имѣли своего духовника, свою церковь, свои особыя практическія упражненія.

Префектъ семинаріи (онъ же и духовникъ) Василій Лужинскій, хорошо знакомый съ видами и предположеніями архіепископа Красовскаго, образовалъ превосходный хоръ пѣвчихъ, исполнявшихъ даже концерты Бортнянскаго. Величественное греко-славянское богослуженіе въ Свято-Николаевской церкви было возстановлено; ее стали посѣщать даже католики. Настоятелемъ ея былъ офиціалъ Сосновскій. Въ это время А. Сосновскій былъ членомъ совѣта главной се-

---

[1]) Переписка П. И. Кеппена и М. К. Бобровскаго, два письма 1826 г. С.-Пб. 1889. — Вступительная лекція М. Бобровскаго затрогиваетъ больное мѣсто въ русской уніи: нѣкогда въ Литвѣ господствовалъ языкъ русскій, на немъ печатались книги полемическія, поученія, катехизисы и другія духовныя сочиненія; на этотъ языкъ Скорина перевелъ Св. Писаніе; затѣмъ, когда Польша пересилила Литву, началось преобладаніе польскаго языка, и какой порчѣ не подвергался языкъ церковно-славянскій! Неуваженіе къ греческому обряду породило пренебреженіе къ языку славянскому и даже совершенное о немъ нерадѣніе. См. нашу статью: Судьба Супрасльской рукописи. С.-Пб. 1887, стр. 64, 65.

минаріи. Подлѣ него изъ двухъ профессоровъ и префекта Лужинскаго образовался кружокъ просвѣщенныхъ уніатовъ, положившій, можно сказать, первый камень къ возстановленію церковнаго благолѣпія въ уніатской церкви въ Вильнѣ, въ 1826—1827 годахъ. Хотя существованіе этого кружка было непродолжительное, но не безслѣдное въ общемъ теченіи явленій. Несчастіе преслѣдовало виленскаго официала: въ этомъ году умеръ его сынъ Платонъ, подававшій большія надежды. Лужинскій былъ удаленъ изъ Вильны вслѣдствіе какихъ-то личныхъ непріятностей. По настоянію Сосновскаго, поддержаннаго профессоромъ Бобровскимъ, послѣдовало распоряженіе о назначеніи особаго духовника для греко-уніатскихъ клириковъ; такимъ былъ избранъ свящ. Пильховскій, питомецъ главной духовной семинаріи (товарищъ по курсу Сѣмашки и Лужинскаго).

Базиліанскій орденъ, какъ донесено и доложено было Новосильцову, „имѣетъ новые поводы тревожиться о своемъ жребіи, по поводу сильныхъ старательствъ бѣлаго духовенства объ отнятіи въ свою пользу базиліанскихъ монастырей“. Попечитель, 6-го мая 1826 г., посылаетъ частное письмо къ министру Шишкову, въ которомъ, напоминая о своемъ официальномъ представленіи (20-го апрѣля), выражаетъ также упованіе: „Ваше высокопревосходительство по врожденнымъ вамъ чувствамъ справедливости удостоите высокаго покровительства вашего трудолюбивый сей орденъ и оградите на будущее время существованіе сего сословія, по истинѣ нужное (sic) для общества, отъ притязаній, болѣе основанныхъ на общемъ благѣ“.

Но Шишковъ, смотрѣвшій на базиліанскій орденъ съ подозрѣніемъ, сомнѣвался въ пользѣ этого института „для государства“ и въ своемъ отвѣтѣ Новосильцову (31-го августа 1826 г.) далъ замѣтить, что было бы неблагоразумно передавать базиліанамъ образованіе бѣлаго духовенства; поэтому онъ полагалъ безопаснымъ оставить образованіе уніатскихъ клириковъ на прежнихъ основаніяхъ въ главной семинаріи. Спасеніе этого заведенія въ данную эпоху было тѣмъ болѣе необходимо, что изъ его стѣнъ между греко-уніатами во всѣхъ епархіяхъ распространялись ободреніе и надежды на улучшеніе участи клира.

Пока министръ Шишковъ ожидалъ дополнительныхъ мнѣній отъ попечителя Новосильцова на свое возраженіе, въ министерство поступили весьма важные матеріалы: вопервыхъ, описи монастырей Литовской провинціи, и вовторыхъ, мнѣнія Виленской и Брестской консисторій объ устройствѣ епархіальныхъ семинарій, соображенія о нуждахъ церкви и указанія на затрудненія со стороны монашескаго ордена.

Брестская консисторія представила свои объясненія объ измѣненіяхъ въ первоначальномъ ея проектѣ относительно устройства епархіальной семинаріи, вслѣдствіе предложенія митрополита Булгака, въ Супрасльскомъ монастырѣ, а не въ Жировицкомъ, который, однако болѣе удобенъ, а также мнѣніе Литовской провинціи и возраженія на это мнѣніе бѣлаго духовенства, проектъ устройства семинаріи и проч. Виленская консисторія, съ своей стороны, ходатайствовала о доставленіи способовъ и средствъ для воспитанія сиротъ священно- и церковнослужителей: „Консисторія считаетъ нужнымъ сказать, что ей извѣстны весьма многіе сироты, сего рода, которые не только остаются безъ всякаго образованія, но и безъ способовъ къ пропитанію; между тѣмъ, по достиженіи совершеннолѣтія, они желаютъ поступать въ духовное званіе". По смыслу указа бывшаго министра князя Голицына (16-го октября 1822 г.), базиліанскій орденъ, имѣя значительные фундуши, могъ бы воспитывать дѣтей бѣлаго духовенства и избирать способнѣйшихъ для учительскихъ должностей; сироты и дѣти бѣдныхъ священно- и церковнослужителей, при отсутствіи средствъ для ихъ содержанія въ скудныхъ приходахъ, охотно согласились бы присоединиться къ сословію своихъ наставниковъ, и орденъ, наполняясь исключительно уніатами, былъ бы тѣснѣе связанъ съ бѣлымъ духовенствомъ. Поэтому консисторія ожидала распоряженія, какъ поступать съ сиротами—„рекомендовать ли ихъ провинціаламъ для помѣщенія на воспитаніе въ монастыряхъ, гдѣ имѣются фундуши, или же таковымъ несчастнымъ сиротамъ отказывать въ ихъ просьбахъ и помѣщеніи" [1]).

Болѣе двухъ лѣтъ ожидаемое въ министерствѣ съ нетерпѣніемъ представленіе Виленской консисторіи о церквахъ, обращенныхъ въ базиліанскіе монастыри, поступило въ концѣ октября. Рапортъ консисторіи (отъ 21-го октября 1826 г.) былъ подкрѣпленъ 17 документами и планами 15 древнихъ уніатскихъ церквей, существовавшихъ въ Вильнѣ въ XVII столѣтіи. Этотъ обширный докладъ на 87 полулистахъ написанъ самимъ официаломъ Сосновскимъ и содержитъ въ себѣ доказательства о принадлежности фундушей Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря виленскимъ церквамъ, совершенно исчезнув-

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. Д. 18822 —1828 гг. № 61, л. 332, 326 и слѣд. Рапортъ Брестской консисторіи, 21-го іюля 1826 г. № 940, подписали: предсѣдатель Тупальскій, суфраганъ Шиманскій, ассессоры: Пильховскій и Богдановичъ. Рапортъ Виленской консисторіи, 27-го мая 1826 г. № 645, подписали: предсѣдатель Сосновскій, ассессоры: Ю. Павловскій и Ф. Томашевскій.

шимъ, и нѣсколько важныхъ историческихъ указаній: въ Вильнѣ существовало братство, содержались люди ученые въ Св. Писаніи, пѣвчіе, церковнослужители; непосредственными исполнителями разрушенія церквей, разстройства ихъ имущества и присвоенія имѣній Виленской каѳедры были монахи Свято-Троицкаго монастыря, гдѣ сосредоточивалось главное управленіе дѣлами литовско-русской базиліанской провинціи.

Обращеніе церкви св. Троицы въ каѳедру для Виленской епархіи, по мнѣнію Сосновскаго, доставило бы одну только пользу греко-уніатской церкви. Нынѣ, когда въ Вильнѣ не имѣется собора, клирики, при посвященіи въ іерейскій санъ, вынуждены платить монахамъ деньги за дозволеніе употреблять священническіе приборы при церемоніяхъ. Когда консисторія желала отслужить богослуженіе въ день тезоименитства своего пастыря, то получила отказъ отъ базиліанъ пользоваться алтаремъ ихъ церкви. „Наконецъ", писалъ еще Сосновскій,—„должно открыть истину, что славянскій діалектъ оказывается почти чуждымъ для нашихъ священниковъ, что введена большая разница въ церковныхъ (греческихъ) обрядахъ, и что уничтожился церковный уставъ въ клиросѣ. Воспитаніе юношества, приготовляющагося къ духовному сану, зависѣло отъ наставленія базиліанъ. Поэтому отцы базиліане не должны бы имѣть никакого вліянія на каѳедру и семинарію. Сей орденъ, будучи въ весьма величайшей части составленъ изъ особъ, происходящихъ изъ латинскаго обряда, не можетъ чистосердечно и охотно поддерживать чистоту славянскаго языка, церемоніи и пѣніе, свойственныя нашей церкви".

Едва ли не въ первый разъ въ офиціальной бумагѣ выражено такъ смѣло и категорично обвиненіе ордена въ нарушеніи имъ церковнаго устава, по незнанію монахами славянскаго богослужебнаго языка. Отсюда выводъ, что въ монахи должны поступать лица, знакомыя съ церковнымъ языкомъ и уставомъ греческой, а не латинской церкви, и что образовать этихъ лицъ могутъ семинаріи, на которыя базиліане не должны имѣть никакого вліянія. Далѣе въ рапортѣ консисторіи сказано: Свято-Троицкую церковь должно обратить въ каѳедральный соборъ, а монастырь занять подъ помѣщеніе епархіальной семинаріи, каѳедральнаго клира и епархіальнаго епископа. А такъ какъ уніатскіе клирики, обучаясь вмѣстѣ съ католиками, могутъ пріобрѣтать отъ сихъ послѣднихъ навыки, не соотвѣтственные греческому обряду, то полагалось бы полезнымъ—уніатскихъ клириковъ, получающихъ высшее богословское образованіе, содержать

впредь при епархальной семинаріи, гдѣ они получили бы соотвѣтственный навыкъ къ богослуженію по греческому обряду подъ руководствомъ и наблюденіемъ епархіальнаго начальства [1]). За Пятницкую церковь, обращенную базиліанами въ частный домъ, слѣдуетъ взыскать съ нихъ всѣ вырученные съ этого дома доходы и обязать ихъ возстановить эту церковь. Прочіе монастыри Виленской епархіи, которые обращены неправильно изъ приходскихъ церквей, базиліане должны возвратить бѣлому духовенству съ фундушами, а также и доходами, которые были ими выручены за все время владѣнія оными. Въ Свержанской семинаріи, которою завѣдывали базиліане, никогда не содержалось того числа клириковъ, какое опредѣлено завѣщателемъ Радивилломъ (въ 1743 г.). Вмѣсто 12 клириковъ въ ней обучалось не болѣе 4, чаще 2, но случалось, что не обучалось ни одного клирика [2]).

Представленіе Сосновскаго, подкрѣпленное историческими справками, попало въ самое больное мѣсто и, какъ показали послѣдующія событія, нанесло смертельный ударъ ордену. Провинціалъ Каминскій въ своемъ рапортѣ отъ 11-го ноября 1826 года спѣшилъ излить передъ 2-мъ департаментомъ коллегіи свое негодованіе въ видѣ протеста: „Виленская консисторія стремится доказать захватъ орденомъ церквей бѣлаго духовенства на документахъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ, и на неосновательныхъ данныхъ. Я не сомнѣваюсь, что коллегія найдетъ эти доказательства не заслуживающими уваженія и дастъ способы представить свои объясненія и ордену. Могъ ли духовный орденъ, первенствующій передъ всѣми другими орденами, пользующійся такою славою на востокѣ и почтенными заслугами передъ св. столицей римско-католической церкви, считающій столькихъ епископовъ, митрополитовъ и даже многихъ святыхъ, обогащенный дарами царствующихъ государей, допускать насильственныя дѣйствія?... Передъ лицомъ всевидящаго Бога и цѣлымъ міромъ протестую противъ такихъ поступковъ и намѣреній конси-

---

[1]) Этою идеей, впослѣдствіи, воспользовались для проектированія уніатской академіи въ Полоцкѣ при епархіальной семинаріи.

[2]) Архивъ св. синода по 2-му департ. римск-катол. коллегіи Д. 1882 № 61 Рапортъ Виленской консисторіи 21-го октября 1826 г., № 1456, л. 436 об. 437. Подписали: предсѣдатель А. Сосновскій, сурогатъ К. Заболоцкій, ассессоръ Фл. Томашевскій и секретарь К. Заборовскій. Въ концѣ 17 документовъ приложена копія плана съ показаніемъ расположенія 15 уніатскихъ церквей, которыя существовали еще въ 1672 г.

сторіи, которая попираетъ священную память благочестиваго украшенія церкви, знаменитыхъ ея представителей, достойныхъ нашихъ предковъ, которыхъ называла св. апостольская столица: Atlas unionis, Columna Ecclesiae, Athanasius Russiae, и которыхъ исторія почтила почившими въ святости; противъ такого очерненія цѣлаго ордена, за нарушеніе чести и славы, я обязанъ по своей должности искать оправданія всѣми дозволенными способами и поискивать нарушеннаго спокойствія житія базиліанъ на тѣхъ, которые преслѣдуютъ ихъ орденъ и нарушаютъ его спокойствіе".

Рапорты Виленской консисторіи и Литовской консульты были выслушаны въ коллегіи, и извлеченія изъ нихъ представлены въ формѣ меморіи въ главное управленіе духовныхъ дѣлъ. Этими документами заканчивается большой процессъ свѣтскаго духовенства о закрытіи базиліанскихъ монастырей и объ устройствѣ духовныхъ училищъ.

Протесты Брестскаго капитула (1810 — 1820 гг.), соображенія и мнѣніе Брестской и Виленской контисторіи (1823—1826 гг.), предложенія митрополита Булгака (1825 и 1826 гг.), протесты и жалобы Литовскаго провинціала (1824—1826 гг.), вѣдомости о монастырскихъ фундушахъ, поданныя (въ 1826 г.) засѣдателями коллегіи, отзывы Новосильцова по поводу главной семинаріи (1826 г.), наконецъ, записки архипресвитера Янковскаго и официіала Сосновскаго о средствахъ для поднятія образованія въ клирѣ дали министерству многосторонній историческій матеріалъ, изъ котораго могъ составиться обстоятельный отчетъ о положеніи дѣлъ въ русской уніи. Вопросъ о закрытіи монастырей и проч. вполнѣ созрѣлъ, и въ 1827 году можно было приступить къ необходимымъ реформамъ.

Тѣ неодолимыя препятствія, съ которыми двадцать лѣтъ тому назадъ приходилось бороться митрополиту Лисовскому, теперь не существовали: ихъ устранили время, протесты клира и перемѣна правительственнаго взгляда на униатовъ. Правительство теперь само спѣшило на помощь представителямъ бѣлаго духовенства, спасавшимъ унію отъ латинизаціи. Базиліанскій орденъ пошатнулся въ своихъ основахъ и разваливался. Провинціалъ Каминскій, чувствуя, что его не поддерживаютъ ни коллегія, ни самъ митрополитъ, и видя судьбу ордена рѣшенною, интригу базиліанъ обезсиленною твердою политикой, въ ноябрѣ 1826 г. оставилъ должность провинціала, подъ предлогомъ болѣзни [1]), и удалился въ свой Лещинскій монастырь;

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. римско-католической коллегіи. Д. 1826 г.

его мѣсто временно занялъ консульторъ архимандритъ Іосафатъ Слободскій, а затѣмъ—избранный провинціаломъ Іосафатъ Жарскій, непримиримый врагъ виленскаго официала Сосновскаго, человѣкъ изворотливый, ловко владѣвшій интригою.

Жарскій былъ готовъ теперь на крайнія уступки, лишь бы спасти для ордена Свято-Троицкій монастырь. Онъ ухаживалъ за коллегіей, и ему удалось впослѣдствіи попасть въ епископы. Іеромонахъ Мудровичъ вызванъ былъ на должность Бѣлорусскаго провинціала; удаленіе базиліанскаго фанатика изъ столицы освободило митрополита Булгака отъ опеки, столь тяжкой для интересовъ клира. Можно сказать, что въ концѣ 1826 года сторонники восточнаго обряда во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ русской уніи (можетъ быть, кромѣ Жидичина) имѣли перевѣсъ надъ латинизаторами. Между тѣмъ архіепископъ Красовскій, благодаря участію къ его судьбѣ Карташевскаго и Шишкова, а вѣроятно, и самого государя, въ декабрѣ 1826 года [1]) былъ назначенъ Луцкимъ архіепископомъ. На пути въ Полоцкъ ему пришлось испытать отъ Мартусевича много непріятностей; онъ представилъ обширное донесеніе въ коллегію о многообразныхъ притѣсненіяхъ и даже злоупотребленіяхъ монаховъ, окружавшихъ епископа Мартусевича [2]). Въ Вильнѣ Новосильцовъ и Пеликанъ, послѣ ухода Каминскаго съ своего поста, нашли болѣе благоразумнымъ войдти въ виды министра Шишкова; поэтому они отказались отъ прежняго, не въ мѣру усерднаго ходатайства за монашескій орденъ. Отъ ихъ вниманія не могли укрыться неблагопріятныя для репутаціи ордена донесенія объ упадкѣ монашеской дисциплины; монахи нѣкоторыхъ монастырей Литовской провинціи были замѣшаны въ крайне неблаговидныхъ поступкахъ и даже въ богохульствѣ. Подтвержденіемъ перемѣны мнѣнія о базиліанахъ служитъ любопытный отзывъ ректора университета Пеликана, подкрѣпленный подписью попечителя Новосильцова (27-го сентября 1827 г.). Онъ былъ отвѣтомъ Шишкову на выраженное имъ мнѣніе о неблагоразуміи передавать базиліанамъ образованіе бѣлаго уніатскаго духовенства. Въ епархіальныхъ семинаріяхъ, всецѣло зависящихъ отъ римско-католическихъ епархіальныхъ властей, писалъ Пе-

№ 66: „О болѣзненномъ состояніи провинціала Каминскаго“ 20 ноября 1826 г. Д. 1826, А 71: „о дерзкихъ выраженіяхъ провинціала Каминскаго и іеромонаха Липинскаго“.

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. римско-католической коллегіи. Д. 1826 г. № 86. Начато 21-го декабря.

[2]) Тамъ же.

ликанъ,—„неученые, фанатическіе, крайне враждебные къ другимъ религіямъ священники проповѣдуютъ непогрѣшимость Римскаго первосвященника и разныя уже отжившія свое время богословскія мнѣнія, схоластическими формулами обременяютъ мозги клириковъ, а объ истинномъ нравственномъ воспитаніи совсѣмъ не заботятся. Вслѣдствіе этого-то, въ видахъ преобразованія духовнаго образованія, и учреждена при Виленскомъ университетѣ главная семинарія, изъ которой вышли лучшіе священники, пользующіеся въ обществѣ заслуженнымъ уваженіемъ и только по этой причинѣ возбуждающіе въ себѣ гнѣвъ и ненависть въ монахахъ и въ остальномъ духовенствѣ [1]).

Были и другія обстоятельства, хронологически совпадающія съ явленіями, происходившими въ Вильнѣ, и мы должны на нихъ остановиться, чтобы показать общую связь событій, подвинувшихъ министра Шишкова нарѣшительный шагъ.

Въ числѣ бумагъ, укрывавшихся въ кабинетѣ императора Александра I и переданныхъ имъ при отъѣздѣ въ Таганрогъ въ 1825 г. князю Голицыну, находилась записка бывшаго прокурора римско-католической коллегіи Овцына „о римско-католическомъ и уніатскомъ духовенствѣ“, которая съ 1806 г. не получила хода, точно также, какъ не получило разрѣшенія и представленіе римско-католическаго митрополита Сестренцевича объ отнятіи у всѣхъ монашескихъ орденовъ права на безконтрольное распоряженіе монаховъ фундушами и капиталами и на отмѣну постановленій 1801 г., составленныхъ іезуитами и ограничивавшихъ власть епископовъ надъ монахами. Тогда это дѣло не получило хода по интригѣ іезуитовъ. По повелѣнію императора Николая I, записка Овцына въ 1826 году отъ Голицына поступила къ Шишкову, а отъ него къ Карташевскому. Овцынъ [2]), собравъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ римско-католическаго и уніатскаго духовенства, изобразилъ праздный и невоздержный образъ жизни монашествующаго духовенства обоихъ обрядовъ, исчислилъ ихъ капиталы и получаемые доходы и пришелъ къ такимъ серьезнымъ выводамъ, которые теперь, въ

---

[1]) De Semin. princip. Vilnen. въ отчетѣ ректора С.-Пб. римско-кат. дух. академіи *О. Симона.* 1887—1888 г. Пеликанъ является теперь самымъ усерднымъ защитникомъ главной духовной семинаріи, и его мнѣнія совершенно расходятся теперь съ прежними отзывами о бѣломъ духовенствѣ и первоначальными заключеніями Новосильцова.

[2]) Записка Овцына у *Морошкина* въ сочиненіи „Іезуиты въ Россіи“, II, стр. 242—246.

1827 году, могли служить министерству народнаго просвѣщенія и главному управленію духовныхъ дѣлъ отличнымъ матеріаломъ при его занятіяхъ, какъ по преобразованію всей учебной системы въ имперіи, такъ и по реформѣ греко-уніатской церкви.

Для насъ очень важны выводы Овцына. Исключая изъ своего проекта іезуитскій орденъ, которому онъ благопріятствовалъ, Овцынъ совѣтуетъ: 1) всѣ имѣнія, состоящія во владѣніи духовенства обоихъ обрядовъ, взять въ казенное управленіе, 2) на содержаніе лицъ духовнаго состоянія составить приличные штаты, 3) установить число епархій и въ нихъ учрежденій, а равно монастырей, соразмѣрно количеству народонаселенія. „Симъ образомъ ограничится произвольный наборъ монашества до того умножившійся [1]), что число онаго, не смотря на малое пространство областей, въ коихъ живутъ (sic), несравненно превосходитъ число всѣхъ монашествующихъ греко-россійской церкви" (прибавимъ отъ себя и несоразмѣрно священническимъ причтамъ западной Россіи). О семинаріяхъ, говоритъ Овцынъ,— надлежитъ сдѣлать непремѣнное постановленіе, опредѣливъ, какія въ нихъ преподавать науки, и назначивъ на содержаніе ихъ жалованье, какъ все учреждено въ Россіи. Наконецъ, всѣ духовные капиталы должны составить одну общую массу, изъ которой проценты должны идти на удовлетвореніе нуждъ монастырскихъ, семинарій, бѣлаго духовенства и на учрежденіе богоугодныхъ заведеній.

Мысли Овцына—не новы; подобныя реформы произведены были еще въ минувшемъ столѣтіи въ наиболѣе значительныхъ государствахъ западной Европы, напримѣръ, въ Австріи. Митрополитъ Сестренцевичъ, митрополитъ Лисовскій, архіепископъ Красовскій, въ сущности стремились къ той же цѣли. И весь смыслъ протестовъ и жалобъ Брестскаго капитула вращается именно въ области тѣхъ же реформъ, чтобъ избавить уніатскую церковь отъ пагубнаго самовластія базиліанъ. Но тогда, то-есть, въ 1805 г. и вплоть до 1822 года, іезуиты, базиліане и другіе монашескіе ордена находили сильную поддержку у лицъ правительственныхъ, пользовавшихся большою силой и значеніемъ при Александрѣ I. Завадовскій, Разумовскій, Кочубей, особенно князь Голицынъ помогали латинскимъ мона-

---

[1]) Въ обоихъ обрядахъ монаховъ 3402, монахинь—661 и бѣлаго духовенства—4028; въ томъ числѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ греко-уніатскомъ обрядѣ: монаховъ 694, монахинь 116, бѣлаго духовенства 1985, кромѣ церковно-служителей и семействъ ихъ.

шескимъ орденамъ утвердить на всемъ пространствѣ западной Россіи свое право на воспитаніе свѣтскаго юношества. Базиліанскій орденъ мало уже чѣмъ отличался отъ латинскихъ. Наслѣдіе, принятое нашимъ правительствомъ отъ Польши, со времени изгнанія іезуитовъ, оказалось крайне тягостнымъ для бѣднаго малоимущаго населенія и опаснымъ для охраненія русской народности въ западныхъ губерніяхъ съ ея славянскимъ богослуженіемъ. Въ виду предпринятой при Шишковѣ учебной реформы въ духѣ русскомъ, національномъ монастырскія богатства могли служить укоромъ близорукости правителей эпохи императора Александра. Императоръ Николай I изъ ряда представленій по министерству народнаго просвѣщенія и главному управленію духовныхъ дѣлъ удостовѣрялся, что базиліанскіе монастырскіе фундуши и доходы много превосходили доходы нищенствовавшихъ уніатскихъ священниковъ, положеніе которыхъ онъ стремился улучшить. Исчислено было, что доходы одного монаха болѣе чѣмъ въ сорокъ разъ превосходили доходы уніатскаго священника, обремененнаго между тѣмъ семьею и причтомъ.

Извѣстна попечительность императора Николая объ организаціи школъ для образованія дѣтей чиновниковъ и для доставленія дворянству способовъ къ образованію своихъ дѣтей. Ту же заботливость государя мы видимъ и въ намѣреніи его обезпечить бытъ и дать средства для духовнаго образованія бѣднаго греко-уніатскаго духовенства. Къ достиженію такихъ именно цѣлей стремились представители свѣтскаго клира во всѣхъ епархіяхъ со времени Лисовскаго, и это стремленіе наиболѣе рельефно выразилось въ дѣятельности Брестскаго капитула. Во всѣхъ его офиціальныхъ бумагахъ, въ донесеніяхъ и протестахъ, въ запискахъ, представляемыхъ Голицыну и Шишкову, и наконецъ, въ частной перепискѣ красною ниткою проходитъ одна и та же мысль— изыскать способы для духовнаго образованія священниковъ. Митрополитъ, епископы и базиліанская старшина тому препятствовали: „Своимъ упорствомъ они сгубятъ греко-славянское богослуженіе, къ которому мы и народъ такъ привержены; отнимите у монаховъ ненужные или незаконно присвоенные имъ фундуши и передайте ихъ церкви, на устройство семинарій, на обезпеченіе священническихъ сиротъ и вдовъ, сдѣлайте это во имя общаго блага!“

По требованію Карташевскаго, изъ 2-го департамента римско-католической коллегіи въ концѣ 1826 года доставлены были извлече-

нія изъ вѣдомостей о монастыряхъ, капиталахъ и доходахъ базиліанскаго ордена русской уніи [1]).

Получились слѣдующіе выводы:

Провинціи.	Монастырей.	Монаховъ.	Крестьянъ муж. пола.	Капиталовъ.	Въ томъ числѣ сомнительныхъ.
Литовская	42	312	4710	316.496 р. 53½ к.	20.270 р.
Бѣлорусская	18	118	2661	88.072 р. 13 к.	13.083 р. 49 к.
Русская	23	258	4064	452.584 р. 75 к.	53.011 р. 25 к.
Итого:	83	688	11435	857.153 р. 41½ к.	87.084 р. 74 к.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что Литовская провинція распространялась на двѣ епархіи — Брестскую и Виленскую, въ которой состояло болѣе 840 церквей и до 900.000 прихожанъ, между тѣмъ какъ Русская провинція совпадала съ Луцкою епархіей, а въ послѣдней было только до 190 церквей [2]) и 120.000 греко-уніатскихъ прихожанъ. Въ этихъ трехъ епархіяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, на 1030 церквей обучалось въ епархіальныхъ семинаріяхъ не болѣе 20—30 клириковъ, между тѣмъ какъ въ одной Полоцкой епархіи на 436 церквей съ 514.000 прихожанъ состояло до 70 клириковъ и учениковъ. То-есть, во всей греко-уніатской церкви на 1466 церквей имѣлась только одна благоустроенная (конечно—относительно) Полоцкая семинарія, двѣ другія—Лаврышовская и Сверженская—были въ полномъ упадкѣ, а о семинаріяхъ Луцкой епархіи только старики помнили, что таковыя когда-то существовали въ Житомірѣ, Владимірѣ и Луцкѣ.

---

[1]) Архивъ св. синода по 2-му департ. римск.-кат. коллегіи. Д. 1822 г. № 61 л. См. записку Карташевскаго, появившуюся во 2-мъ департаментѣ коллегіи въ мартѣ 1826 года, то-есть, немедленно послѣ подачи прошенія А. Сосновскимъ на высочайшее имя. Получивъ обратно свое прошеніе изъ 2-го департамента и уплативъ 37 руб. штрафа за бумагу, Сосновскій повелъ дѣло далѣе, о чемъ самъ пишетъ, когда говоритъ, что если его попытка не удастся, то онъ представитъ прошеніе самому министру. Путь этотъ Сосновскому былъ знакомъ съ 1819 года. Всѣ записки этого энергическаго и смѣлаго члена Брестскаго капитула подкрѣплялись сильными доводами. Такому способу дѣйствій научили его базиліане, но послѣдніе дѣйствовали скрытно, а Сосновскій и Янковскій дѣйствовали открыто: „Знаю съ чѣмъ пріѣхалъ въ Жировицы Жарскій; если увидите, скажите ему, что я отъ своей записки (о способахъ образованія духовенства) никогда не откажусь; напротивъ, если меня орденъ принудитъ, я самъ пойду охотно всюду, куда будетъ идти необходимо“ (письмо къ Тупальскому, 2-го февраля 1826 г. № 16).

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ, 160 церквей.

Во владѣніи римско-католическаго и уніатскаго духовенства въ то время состояло громадное пространство земли, съ населеніемъ въ 141.900 душъ крестьянъ, и въ томъ числѣ: во владѣніи базиліанъ 11.435 д. м. п., во владѣніи же бѣлаго духовенства не болѣе 2500 д. м. п.; монаховъ съ монахинями считалось до 800, бѣлаго духовенства свыше 2.000 человѣкъ, не считая причтовъ и семействъ священно- и церковнослужителей.

Занятія комитета устройства учебныхъ заведеній въ теченіе 1826 года, согласно съ высочайше начертанными программами и благодаря личному вниманію къ этому дѣлу государя Николая Павловича [1]), шли съ такимъ успѣхомъ, что въ началѣ 1827 года могли прекратиться еженедѣльныя собранія, и правителю дѣлъ комитета князю П. А. Ширинскому-Шихматову (онъ же и начальникъ канцеляріи министра) было поручено составленіе проекта устава; въ маѣ проектъ былъ уже приготовленъ, и съ того времени въ занятіяхъ комитета главную долю участія приняли бывшій попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа статскій совѣтникъ С. С. Уваровъ и товарищъ министра народнаго просвѣщенія Д. Н. Блудовъ; государь торопилъ дѣло, и въ ноябрѣ 1827 года въ засѣданіяхъ комитета начались чтенія проекта. Тогда же, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, окончательно выработанъ былъ и правительственный взглядъ относительно постепеннаго упраздненія латинскихъ и базиліанскихъ монастырей въ западно-русской окраинѣ. Душою всѣхъ этихъ мѣропріятій были Шишковъ и графъ Сперанскій, послѣ привлеченія его къ участію въ преобразованіи учебной системы.

Очевидные успѣхи свѣтскаго клира, который открыто поддерживало правительство, вызвали озлобленіе монаховъ. Между тѣмъ, какъ старшее бѣлое духовенство, особенно въ Виленской и Брестской епархіяхъ, съ нетерпѣніемъ ожидало отъ министерства развязки дѣла объ упраздненіи многихъ ненужныхъ базиліанскихъ монастырей, уніатскимъ каноникамъ, занятымъ въ Вильнѣ при главной семинаріи, приходилось считаться съ неумолкавшими происками виленскихъ базиліанъ; предсѣдателю консисторіи Сосновскому надобно было вступить въ борьбу даже съ епископомъ Головнею. О послѣднемъ Сосновскій сначала былъ хорошаго мнѣнія, даже хвалилъ его вниманіе къ нему, не зная, чѣмъ объяснить это, но потомъ епископомъ совершенно завладѣли базиліане и особенно его секретарь. Слу-

---

[1]) *Шмидъ.* Исторія средн. учебн. заведеній.

чилось неожиданное событіе, которымъ въ епархіяхъ поражены были, какъ громовымъ ударомъ. Въ началѣ сентяря 1827 года въ Петербургѣ и Вильнѣ получено было извѣстіе о неожиданной кончинѣ архіепископа Іоанна Красовскаго, столпа бѣлаго духовенства, который въ теченіе четверти вѣка отстаивалъ и защищалъ его въ Полоцкой епархіи, заботясь о поднятіи въ немъ богословскаго образованія. На Красовскаго бѣлое духовенство возлагало надежды. Въ средѣ лицъ, окружавшихъ его въ Жидичинскомъ монастырѣ, распространялись слухи о его насильственной смерти. Были нѣкоторыя основанія подозрѣвать въ этомъ преступленіи партію, враждебную бѣлому духовенству. Архіепископъ въ теченіе полугода замѣтилъ слѣды дурного управленія епархіей епископомъ Кирилломъ Сѣроцинскимъ. Между тѣмъ, въ 1827 году отношенія между базиліанами и свѣтскимъ клиромъ до того обострились, что приняли характеръ настоящей внутренней войны. Каждый монахъ считалъ своею обязанностью вредить священникамъ. Легко могло статься, что простой случай скоропостижной смерти владыки священники объясняли насиліемъ монаховъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е августа Красовскій неожиданно скончался. Отъ Волынскаго гражданскаго губернатора получено было въ сенатѣ донесеніе о противодѣйствіи Сѣроцинскаго требованіямъ полиціи, чтобы произвести вскрытіе тѣла умершаго владыки, ибо въ народонаселеніи носились толки о его насильственной смерти; сенатъ далъ знать объ этомъ министру 29-го ноября, но Шишковъ и Карташевскій знали о незаконныхъ дѣйствіяхъ Сѣроцинскаго гораздо ранѣе. По высочайшему повелѣнію назначено было слѣдствіе; оно продолжалось болѣе года, и чѣмъ оно окончилось—намъ не извѣстно. Архіепископъ Василій Лужинскій, горячій приверженецъ умершаго архіепископа, бывшій въ то время въ Вильнѣ, префектомъ главной семинаріи, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Красовскаго отравили базиліане и въ тотъ же день предали смертные останки землѣ [1]). Какъ бы то ни было, взаимное недовѣріе и несогласіе между бѣлымъ и монашествующимъ духовен-

---

[1]) Записки Лужинскаго, стр. 58. Повѣрить это въ настоящее время трудно. Дѣло о производствѣ слѣдствія 1829 г. №59. Изъ дѣла о кончинѣ архіепископа Іоанна Красовскаго (по 2-му департ. кол. 1827 г. № 59, начатаго 6-го сентября 1827 г. и оконченнаго 11-го іюня 1828 г.), видно, что тѣло архіепископа внесено въ церковь на третій день послѣ смерти (рапортъ епископа Сѣроцинскаго). На сколько достовѣрно это донесеніе, судить не можемъ; знаемъ только, что Луцкому ассессору въ коллегіи это обстоятельство причиняло много безпокойства въ началѣ ноября 1827 года.

ствомъ въ греко-уніатской церкви въ теченіе 1827 года достигли крайняго напряженія, особено въ Вильнѣ, гдѣ базиліане Свято-Троицкаго монастыря подстрекали консисторію къ открытому неповиновенію своему официалу. Въ монастыряхъ, между тѣмъ, обнаружились опасныя злоупотребленія. Въ Почаевской типографіи въ 1826 г. отпечатанъ былъ Служебникъ (съ Львовскаго изданія 1776 г.), гдѣ въ ектенію введены моленія, несвойственныя духу греческаго обряда [1]). Въ этомъ Служебникѣ помѣщены были также и миссіонерскія пѣсни, въ которыхъ превозносится римская вѣра, а всѣ другія представляются еретическими, и такихъ книгъ пущено въ ходъ не малое число экземпляровъ. Открывались весьма печальныя дѣла, показывавшія крайній упадокъ монашеской дисциплины въ Литовской базиліанской провинціи. Жировицкаго монастыря іеромонахъ Готовицкій донесъ, что въ 1825 году одинъ іеромонахъ былъ наказанъ настоятелемъ монастыря 150 ударами плетей за то, что хотѣлъ донести о какой-то важной тайнѣ цесаревичу Константину Павловичу, вслѣдствіе чего провинціалъ Каминскій поспѣшилъ замять дѣло удаленіемъ настоятеля отъ должности съ выдачею потерпѣвшему 150 червонцевъ. Слѣдствіе подтвердило извѣстія о жестокомъ наказаніи означеннаго монаха, съ присовокупленіемъ, что его въ монастырѣ содержали подъ стражею на цѣпи. Еще оказалось, что монахи въ разговорахъ между собою обнаруживаютъ вольнодумство относительно правительства, что они произносятъ возмутительную хулу на Божію Матерь и Іисуса Христа [2]). Съ другой стороны, Литовскій и Бѣлорусскій провинціалы, Жарскій и Мудровичъ, при всякомъ удобномъ случаѣ выражали ненависть къ бѣлому духовенству [3]); оно,

---

[1]) „Подать папѣ мирное церквей правленіе, разореніе же злохульныя ереси, истребленіе раздоровъ и всякаго отступническаго, злобнаго непріязненнаго каѳолическому исповѣданію умышленія и ученія искорененіе и вознести по всюду истинную вѣру“. Викарный епископъ Сѣроцинскій приказалъ выбросить только три слова: „непріязненнаго каѳолическому исповѣданію“, послѣ чего ектенія была перепечатана. Архивъ св. синода по 2-му департ. 1827 г. № 77.

[2]) Объ этихъ явленіяхъ доносили сами монахи, и произведенныя разслѣдованія подтверждали донесенія. Такихъ дѣлъ нѣсколько въ 2-мъ департ. коллегіи.

[3]) Образчикомъ тому служитъ дѣло, возникшее нѣсколько позднѣе, а именно въ ноябрѣ 1827 г., по поводу оскорбленія памяти покойныхъ пастырей, митрополита Ираклія Лисовскаго и архіепископа Іоанна Красовскаго, провинціаломъ Мудровичемъ въ официальной его жалобѣ министру Шишкову. Въ ней встрѣчаемъ такія выраженія: „мы платимъ на содержаніе главной семинаріи въ годъ по 1564 р. сер. безъ малѣйшей благодарности отъ бѣлаго духовенства, вмѣсто

говоритъ Мудровичъ,—„старается превознестись надъ духовенствомъ господствующей церкви, ибо имѣетъ прелатовъ, канониковъ и капитулы, чему противится даже новая Исторія Карамзина (т. IV, стр. 166 и примѣчаніе стр. 129), и все это творится на счетъ фундушей базиліанскихъ“.

Спѣшить съ развязкою уніатскаго вопроса было необходимо; это было уже не мелкое дѣло, отъ котораго отказывался Блудовъ, мечтая о портфелѣ министра народнаго просвѣщенія. Прискорбныя явленія въ уніи при извѣстномъ покровительствѣ базиліанскому ордену митрополита Іосафата Булгака, покрывавшаго неблаговидныя дѣла базиліанъ, побудили министра Шишкова съ высочайшаго соизволенія положить конецъ церковной смутѣ въ русской уніи, минуя коллегію. Въ началѣ октября 1827 года имъ былъ обнародованъ высочайшій указъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы въ базиліанскій орденъ впредь поступали только такія лица, которыя докажутъ свое знакомство съ греческимъ обрядомъ и церковно-славянскимъ языкомъ, а также предписывалось утвердить въ уніатскихъ церквахъ обряды богослуженія, народами русскаго племени свято почитаемые, учредить въ епархіяхъ училища съ цѣлью наставленія греко-уніатскаго юношества духовнаго званія, какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ. Указъ этотъ, нанесшій рѣшительное пораженіе латинизаторскому ордену въ русской уніи, былъ неожиданностью и для ассессоровъ коллегіи.

Съ приведеніемъ въ исполненіе основныхъ положеній указа 9-го октября о реформѣ базиліанскаго ордена должна была прекратиться латинизаторская миссія этого латино-польскаго института въ русской уніи. Нѣсколько строкъ этого высочайшаго указа были достаточны для нанесенія послѣдняго удара вѣковому учрежденію въ Западной Россіи, а съ паденіемъ ордена, который эксплуатировалъ унію для своихъ собственныхъ чисто-латинскихъ интересовъ, русская унія должна была рано или поздно угаснуть, и Русская церковь въ западномъ краѣ должна была стать вполнѣ русскою не только по имени, но и по формѣ, содержанію и духу.

которой надуваются они гордостью противъ монашества“. Архивъ св. синода по 2-му департ. римско-католической коллегіи, 1827 г. № 109. Противъ такого обвиненія ассессоры коллегіи Маркевичъ, Сѣмашко и Зубко написали весьма горячее опроверженіе, но членъ коллегіи базиліанскій архимандритъ Быстрый оправдывалъ своего собрата въ особомъ мнѣніи. Какъ извѣстно, Мудровичъ многіе годы былъ опаснымъ агитаторомъ.

Указомъ 9-го октября, который распубликованъ сенатомъ 18-го декабря, оканчивается особый періодъ въ исторіи русской уніи (1803—1827 гг.), періодъ возрастанія богословскаго просвѣщенія въ извѣстной части бѣлаго греко-уніатскаго духовенства и признанія необходимости реформъ въ греко-уніатской церкви, бывшей въ латинизаторскихъ цѣпяхъ базиліанскаго ордена, или, что одно и то же, періодъ противодѣйствія базиліанскаго ордена стремленіямъ бѣлаго духовенства освободиться отъ латинизаторскихъ цѣпей.

Указъ 9-го октября 1827 года, очевидно, на столько важенъ, какъ по духу, такъ равно по формѣ и содержанію, что мы приводимъ его цѣликомъ [1]):

„Октября 9. Именный данный сенату. О недозволеніи принимать въ греко-уніатское монашество людей другаго обряда. До свѣдѣнія Нашего дошло, что греко-уніатское монашество чина св. Василія Великаго, принимая въ свой орденъ людей, мало свѣдущихъ въ греческихъ обрядахъ богослуженія, отправляемаго въ уніи, также какъ и въ православной греко-россійской церкви на языкѣ славянскомъ, уклонилось отъ первобытнаго учрежденія, которое и римскими папами торжественно въ древнихъ буллахъ объ уніи признано и отъ чуждаго вліянія и смѣшенія охранено было. Происходящій отъ того несвойственный составъ сего монашества, преимущественно изъ людей римскаго обряда, имѣлъ еще и тѣ вредныя послѣдствія, что начальство монастырей, не занимаясь образованіемъ уніатскаго юношества духовнаго званія на служеніе церкви, предпочтительно заводило свѣтскія училища болѣе для людей другаго обряда, и что между бѣлымъ и монашествующимъ греко-уніатскимъ духовенствомъ возникли несогласія и взаимное недовѣріе. Дабы предупредить на будущее время таковыя отступленія отъ правилъ греко-уніатской церкви и утвердить въ оной древніе обряды богослуженія, народами русскаго племени святопочитаемые, повелѣваемъ: 1) Подтвердить сдѣланныя правительствующимъ сенатомъ въ IX и X пунктахъ указа 25-го октября 1807 года предписанія и строго надзирать за точнымъ оныхъ исполненіемъ 2) Сообразно съ тѣмъ не дозволять ни въ какомъ случаѣ принимать въ греко-уніатское монашество людей другаго обряда и изъ самаго греко-уніатскаго допускать къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, коими будетъ доказано, что

---

[1]) 2-е Полн. Собр. Зак. II, № 1440.

они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія, доводя до свѣдѣнія нашего чрезъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій о всѣхъ, кои на основаніи сихъ правилъ вступятъ въ греко-уніатское монашество. 3) Учредить, гдѣ нужно, училища для наставленія греко-уніатскаго юношества духовнаго званія, какъ въ правилахъ вѣры, такъ и въ обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ".

Намъ остается прослѣдить вкратцѣ ближайшія послѣдствія знаменитаго указа, разрѣшавшаго полувѣковую распрю въ іерархіи русской греко-уніатской церкви.

Спустя нѣсколько дней, 24-го октября, министръ Шишковъ предложилъ 2-му департаменту коллегіи, во исполненіе указа 9-го октября, учредить училища для наставленія греко-уніатскаго юношества духовнаго званія въ правилахъ вѣры и обрядахъ богослуженія на языкѣ славянскомъ. 2-му департаменту предписывалось исполнить дѣло, начатое въ 1822 г. и оконченное донесеніемъ Виленской митрополичьей консисторіи въ 1826 году, представивъ соображенія о способахъ устройства епархіальныхъ семинарій и духовныхъ училищъ.

Базиліанскій орденъ и по составу лицъ, большею частью дворянъ, воспитанныхъ въ латинской вѣрѣ, и по образу воспитанія въ латино-польскихъ школахъ на философскихъ и богословскихъ студіяхъ и въ римской коллегіи de propaganda fide, ни мало не соотвѣтствовалъ условіямъ указа 9-го октября 1827 года; напротивъ того, по своему латинизаторскому духу онъ угрожалъ гибелью русской уніатской церкви съ ея греческими обрядами и чиномъ богослуженія на языкѣ славянскомъ, „народами русскаго племени свято почитаемымъ". Многіе монастыри ордена должны были быть закрыты, а ихъ фундуши послужить средствомъ для устройства и содержанія епархіальныхъ семинарій и училищъ, какъ предусмотрѣно въ министерскомъ предложеніи 1822 года.

Монашество русской уніи въ XIX столѣтіи до такой степени заражено было латинствомъ и ученіемъ, противнымъ греко-славянскому богослуженію, что требовалась полнѣйшая его реорганизація; высшая іерархія ордена, не выпускавшая изъ своихъ рукъ управленія дѣлами церкви, и покорствовавшіе передъ орденомъ митрополитъ и большинство епископовъ, при дальнѣйшемъ колебаніи правительства, казалось, могли склонить духовенство къ латинству. Правительство, опираясь во всѣхъ епархіяхъ на представителей бѣлаго духовенства,

мужественно боровшихся съ орденомъ за права своей униженной братіи и съ самоотверженіемъ отстаивавшихъ цѣлость своей церкви, указомъ 9-го октября разбило латинизаторскія цѣли. Въ этомъ заключается историческая заслуга министра Шишкова и главныхъ представителей Брестскаго капитула, заслуга, до сихъ поръ не получившая оцѣнки въ нашей литературѣ.

Тяжба, начатая протестомъ Щигельскаго въ Литовской Руси (еще при польскомъ правительствѣ), а въ Бѣлоруссіи даже нѣсколько ранѣе, послѣ многолѣтнихъ усилій и многихъ жертвъ окончилась торжествомъ принциповъ, которые защищало бѣлое духовенство во имя спасенія греко-уніатской церкви отъ расхищенія или совращенія въ латинство. Греко-уніатскій клиръ въ указѣ прочелъ повелѣніе верховной власти о возстановленіи чистоты греческаго обряда, искаженнаго латинскими нововведеніями, о возрожденіи приходящаго въ забвеніе старо-славянскаго языка, объ устройствѣ своихъ семинарій и духовныхъ училищъ, о возможности давать приличное богословское образованіе священникамъ. Тяжела была эта борьба съ орденомъ полулатинскимъ, за спиною котораго стояли не только самъ митрополитъ и почти всѣ уніатскіе архіереи, но и мѣстная интеллигенція, и даже, въ извѣстную пору, правительственная власть. Самообольщеніе латинизаторовъ и фанатизмъ монаховъ пробудили въ бѣломъ духовенствѣ готовность съ самоотверженіемъ защищать клиръ отъ униженія и порабощенія во имя „общаго блага своей церкви“. Послѣ того, что̀ намъ извѣстно о защитѣ базиліанскаго института, съ его воспитательною ролью, со стороны министровъ Заводовскаго, Разумовскаго и князя Голицына и попечителей князя А. Чарторыйскаго и Новосильцова, историкъ обязанъ воздать должное уваженіе памяти Александра Семеновича Шишкова, подавшаго руку помощи своимъ русскимъ соплеменникамъ. Шишковъ могъ дѣйствовать такъ рѣшительно потому, что сверху находилъ непоколебимую волю монарха, а внизу, какъ русскій не по одному имени, видѣлъ униженіе и порабощеніе русскаго народа, у котораго латинство отнимало то, чѣмъ онъ болѣе всего дорожилъ, его церковь.

Всякій просвѣщенный греко-уніатъ ясно видѣлъ теперь, что высочайшій указъ 9-го октября 1827 г. открывалъ новую эпоху для русской греко-уніатской церкви, и всякій уніатъ смотрѣлъ на императора Николая I, какъ на освободителя своей церкви отъ латинскаго гнета и униженія. Еще командуя бригадой, квартировавшею въ Литвѣ (въ 1821—1822 гг.), великій князь Николай Павловичъ сокрушался о

бѣдственномъ состояніи и униженіи сельскаго духовенства и, конечно, зналъ много такого, что не внесено въ лѣтописи исторіи. Этимъ объясняется нѣкоторое знакомство государя не только съ событіями, но и съ нѣкоторыми изъ лицъ, стоявшихъ выше другихъ или по своему просвѣщенію, или по своимъ заслугамъ въ клирѣ. Изъ „Воспоминаній“ Вигеля мы знаемъ еще, что за нѣсколько мѣсяцевъ до указа 9-го октября 1827 г. государь высказалъ Блудову о своемъ желаніи „возсоединить уніатовъ“. „Нужно поискать такого человѣка, который могъ бы быть орудіемъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ“, прибавилъ онъ. Искалъ ли Блудовъ этого человѣка, или нѣтъ,—намъ не извѣстно. Но, спустя двѣ недѣли послѣ предложенія министра Шишкова, директоръ департамента Карташевскій представилъ ему записку члена коллегіи Іосифа Сѣмашки, отъ 5-го ноября 1827 года, которую Шишковъ доложилъ императору Николаю I [1]). „Пока ты ищешь

---

[1]) Записки Іосифа митрополита Литовскаго. С.-Пб. 1883 г. т. I, стр. 32 и слѣд. „Съ благоговѣніемъ и искреннею радостью, внемля высочайшей волѣ, въ именномъ отъ 9-го истекшаго октября указѣ изображенной, къ огражденію цѣлости греко-уніатскаго исповѣданія и сохраненію свойственнаго ему обряда богослуженія, не могъ я не возымѣть ревностнаго желанія способствовать тѣмъ благимъ намѣреніямъ, сколько дозволятъ слабые мои способы“. Автобіографъ, однако, не объясняетъ намъ событій, предшествовавшихъ указу 9-го октября, съ тою подробностью, съ какою онъ описываетъ послѣдующія. А между тѣмъ I. Сѣмашко, въ качествѣ постояннаго ассессора коллегіи, отлично зналъ все происходившее въ греко-уніатской церкви до появленія его собственной записки въ кабинетѣ государя. Такой существенный пробѣлъ лишаетъ исторію весьма цѣннаго матеріала и заставляетъ предполагать въ авторѣ желаніе скрыть событія, рисующія въ неблагопріятномъ свѣтѣ всю дѣятельность современной ему іерархіи, особенно митрополита Булгака, и 2-го департамента. Поэтому въ нашихъ глазахъ и самая записка Сѣмашкѣ лишена объективности; въ ней авторъ представляетъ все дѣло уніи въ такомъ видѣ, въ какомъ въ данную минуту онъ лично желалъ представить ее людямъ, не посвященнымъ въ канцелярскія тайны. Отъ того характеристика, напримѣръ, клира изложена односторонне и даже туманно; главная семинарія, давшая клиру всѣхъ главныхъ дѣятелей, съ которыми Сѣмашкѣ самому же приходилось работать, является учрежденіемъ подозрительнымъ. Желаніемъ помочь своей братіи одушевлены были, какъ видно изъ нашего изслѣдованія, всѣ главнѣйшіе представители свѣтскаго клира въ русской уніи. Не видя сочувствія въ своей высшей іерархіи или встрѣчая противодѣйствіе со стороны коллегіи, митрополита и епископовъ, эти представители старались найдти доступъ своимъ петиціямъ къ подножію престола. Представляемыя на высочайшее усмотрѣніе или же министрамъ, записки касались большею частью какихъ-либо сторонъ въ уніи или же частныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, протесты Брестскаго капитула, жалоба Сосновскаго о безпорядкахъ въ епархіи,

людей“, сказалъ императоръ Блудову,—„а я тебѣ нашелъ человѣка, на, возьми, прочитай“. Отсюда начало сближенія между членомъ коллегіи и товарищемъ министра, будущимъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій: послѣдствія такого сближенія извѣстны всякому, читавшему автобіографію Іосифа Сѣмашки и записки Вигеля.

Новѣйшій періодъ исторіи греко-уніатской церкви, который, по нашему мнѣнію, начинается указомъ 9-го октября 1827 г. и представленіемъ императору Николаю I записки Сѣмашки, не входитъ въ нашу программу. Мы позволимъ себѣ сдѣлать лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, чтобы вѣрнѣе судить о ближайшихъ послѣдствіяхъ этого указа.

Знаменитый автобіографъ пишетъ, будто бы „тогдашнія обстоятельства скорѣе могли дать указу 9-го октября исходъ, совершенно противный предположенной цѣли, именно подвинуть уніатовъ къ переходу въ латинство, подобно какъ было въ 1806 г. (то-есть, при Лисовскомъ), еслибы не были приняты мѣроположенія, истекавшія непосредственно изъ записки моей, прописанной въ концѣ первой части настоящихъ записокъ“ [1]). Съ этимъ сужденіемъ Сѣмашки никакъ нельзя согласиться. Ни въ Литовской Руси, ни въ Бѣлоруссіи мы не видимъ ничего подобнаго. Послѣ всего нами сказаннаго нѣтъ надобности приводить какія-либо новыя доказательства, чтобы понять громадное различіе между положеніемъ дѣлъ въ уніи при Лисовскомъ въ 1806—1809 гг. и при Шишковѣ въ 1825—1827 гг. Тѣ мѣроположенія, о которыхъ говоритъ записка Сѣмашки, намѣчены были еще Лисовскимъ, за исключеніемъ вопроса о главной семинаріи. Знаменитый іерархъ смотрѣлъ на нее какъ на разсадникъ будущихъ дѣятелей въ уніи изъ свѣтскаго клира—и не ошибался въ своемъ расчетѣ; авторъ же записки находилъ, что при данныхъ условіяхъ правительственной политики этотъ разсадникъ полезнѣе было бы перенести въ Полоцкъ, чтобы греко-уніатскихъ клириковъ совершенно отдѣлить отъ латинскихъ. Мѣроположенія, какъ видно изъ самаго содержа-

---

его же записка о средствахъ для образованія духовенства. Записка же Іосифа Сѣмашки, какъ члена коллегіи, имѣвшаго въ виду эти данныя, охватываетъ многія стороны уніатскаго дѣла и предлагаетъ способы для приведенія въ исполненіе мѣропріятій, намѣченныхъ въ высочайшемъ указѣ 9-го октября, грозя совращеніемъ уніатовъ въ латинство. Это несомнѣнное преимущество записки Іосифа Сѣмашки въ сравненіи съ предшествовавшими ей записками, указывавшими на больныя мѣста въ русской уніи.

[1]) Записки Іосифа Сѣмашки I, стр. 52.

нія записки Сѣмашки, по сличенію ея съ дѣлами 2-го департамента коллегіи, а именно съ дѣломъ 1822—1828 гг. о закрытіи базиліанскихъ монастырей и учрежденій духовныхъ училищъ, дѣломъ 1818 г. о капитулахъ, дѣломъ 1814 г. о совращеніяхъ и нѣкоторыми другими, вытекали: 1) изъ протестовъ, представленій и соображеній мѣстныхъ представителей Полоцкой, Виленской и Брестской епархій, 2) изъ представленій официала Сосновскаго и Брестскаго капитула о бѣдственномъ состояніи бѣлаго духовенства, нестроеніи церкви и способахъ ихъ просвѣщенія, 3) изъ записокъ Овцына и Сосновскаго, 4) изъ переписки о главной духовной семинаріи, 5) изъ жалобъ провинціала Каминскаго, 6) изъ дѣятельности митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго и 7) изъ противодѣйствія митрополита Булгака, епископовъ Мартусевича и Головни и провинціаловъ, особенно Каминскаго и Смыковича. Вся совокупность этихъ матеріаловъ обусловливаетъ характеръ и содержаніе записки члена коллегіи Іосифа Сѣмашки. Духъ и тонъ его записки согласовались съ видами самого правительства относительно реформъ учебной системы, съ образомъ мыслей Шишкова относительно воспитанія юношества въ духѣ національномъ, и наконецъ, съ желаніями самого императора Николая I, очевидно, извѣстными автору. Такъ, въ концѣ записки, извиняясь за смѣлость своихъ сужденій, авторъ заключаетъ: „Да простится сіе тому усердію и ревности, съ каковыми я желалъ бы видѣть полтора милліона русскаго народа, ежели не соединеннымъ, то по крайней мѣрѣ приближеннымъ, ежели не совершенно дружнымъ, то и невраждебнымъ къ старшимъ своимъ братьямъ, видѣть сей народъ усерднымъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ пользамъ своего отечества, къ службѣ общаго Отца Государя“.

Записка Іосифа Сѣмашки понравилась Блудову; ранѣе греко-уніатскій вопросъ былъ ему совершенно не знакомъ, а въ запискѣ изображены бѣдствія уніатовъ и названы виновники этихъ бѣдствій—базиліане и епископы. Записка 5-го ноября „предупреждала“ обычный канцелярскій ходъ, который, послѣ указа 9-го октября 1827 года, при данной обстановкѣ, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ долженъ былъ привести къ реформамъ греко-уніатской церкви: нужно было сдѣлать только экстрактъ изъ всего дѣла 1822 г. и составить докладъ. Авторъ записки, очевидно, имѣлъ благую цѣль. Его, какъ ассессора коллегіи, ревностнаго уніата изъ клира, отлично ознакомившагося съ положеніемъ дѣлъ, съ характерами главнѣйшихъ дѣятелей той и другой стороны, смущало опасеніе, что вопросъ, такъ твердо и умѣло

поставленный въ указѣ 9-го октября (безъ вѣдома коллегіи), не смотря на то, что его разрѣшеніе, вполнѣ подготовленное (во 2-мъ департаментѣ коллегіи и въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій), при самомъ исполненіи реформъ, вслѣдствіе тупаго пристрастія митрополита Булгака и епископовъ къ базиліанамъ,— можетъ быть извращено и не доведено до скораго рѣшенія, что̀ такъ было необходимо для охраненія греко-уніатской церкви и бѣлаго духовенства, истомленнаго въ борьбѣ съ предразсудками и затѣями базиліанскихъ монаховъ. Сѣмашкѣ ясно было, что предстоящая реформа должна была опираться исключительно на представителей свѣтскаго клира, съ устраненіемъ епископовъ и самого митрополита исключительно преданныхъ ордену. Онъ самъ, въ качествѣ прелата, какъ не женатый священникъ, имѣя ученую степень богослова, могъ смѣло расчитывать на занятіе епископской каѳедры въ новой іерархіи. Новыхъ архипастырей, способныхъ выполнить правительственныя задачи, долженъ былъ выставить свѣтскій клиръ, и онъ могъ ихъ выставить, благодаря главной духовной семинаріи. Вопросъ же о возсоединеніи, мелькая въ будущемъ, въ данное время никакъ не могъ быть поставленъ цѣлью для реформъ: одинъ только намекъ на это могъ бы повредить благимъ намѣреніямъ императора Николая I, которому ввѣряли судьбу свою греко-уніаты. Обличительная записка съ проектами должна была оставаться въ величайшей тайнѣ.

Съ этой стороны все было предусмотрѣно. Записка І. Сѣмашки имѣетъ еще то важное преимущество передъ записками Сосновскаго и Янковскаго, что она подана была въ такую минуту, когда все уже было подготовлено къ реформѣ, безъ всякой помощи со стороны коллегіи.

Согласно предписанію министра Шишкова (24-го октября), 2-й департаментъ, въ концѣ ноября, по принятому порядку, приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла и въ засѣданіяхъ 28-го, 29-го, 30-го ноября 2-го, 5-го, 12-го, 14-го, 16-го и 21-го декабря 1827 года составилъ опредѣленія, въ соотвѣтствіи съ предложеніемъ бывшаго министра князя А. Н. Голицына отъ 28-го сентября 1822 г., съ высочайшими указами 3-го октября 1795 г. и 30-го октября 1797 г., указомъ сената 17-го мая 1804 года, нѣкоторыми папскими буллами (Иннокентія X въ 1624 г.), и наконецъ, съ указомъ 9-го октября 1827 г. объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей и учрежденіи духовныхъ училищъ, обезпеченіи быта духовенства изъ общей массы образующихся остатковъ и т. д. [1]).

---

[1]) Текстъ опредѣленія въ 34 пунктахъ помѣщенъ въ Запискахъ Іосифа Сѣ-

Заключенiе коллегiи о закрытiи базилiанскихъ монастырей, устройствѣ семинарiй и образованiи суммъ для вспомоществованiя клиру представлено было въ главное управленiе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданiй 17-го января 1828 г.; оно подписано предсѣдателемъ Булгакомъ и ассессорами 2-го департамента коллегiи Маркевичемъ, Сѣмашкою и Зубкою, но отъ подписи отказался членъ отъ базилiанъ архимандритъ Iануарiй Быстрый. Это заключенiе и соображенiя департамента духовныхъ дѣлъ, въ распоряженiи котораго имѣлось тогда много данныхъ, независимо отъ дѣлъ, производившихся во 2-мъ департаментѣ коллегiи, послужили матерiаломъ для высочайшаго доклада 22-го апрѣля 1828 года о приведенiи въ исполненiе преобразованiя греко-унiатской церкви, соотвѣтственно истиннымъ потребностямъ и пользамъ принадлежащихъ къ сему вѣроисповѣданiю [1]).

Такимъ образомъ, въ указахъ 9-го октября 1827 и 22-го апрѣля 1828 года опредѣляется: 1) возстановленiе чистоты греческаго обряда на славянскомъ языкѣ, 2) соотвѣтственные сему духъ и направленiе богословскаго образованiя греко-унiатскаго духовенства въ семинарiяхъ и духовныхъ училищахъ и 3) реформа духовной iерархiи: учрежденiе особой греко-унiатской коллегiи, устройство двухъ епархiй—Бѣлорусской и Литовской, вмѣсто четырехъ, и двухъ каѳедръ въ Полоцкѣ (прежде существовавшей) и въ Жировицахъ (новой), при чемъ для высшаго богословскаго образованiя полагалось учредить при Полоцкой семинарiи духовную академiю [2]). Средствомъ

машки, т. I, приложенiе ко 2-й части № 1, стр. 459, но безъ помѣтки времени засѣданiй 2-го департамента.

[1]) Докладъ департамента духовныхъ дѣлъ находится въ статьѣ *Морошкина*: „Возсоединенiе унiи"—*Вѣстн. Европы* 1872 г., стр. 622—643. Въ немъ изложены статьи: о подчиненiи базилiанскаго ордена епархiальному начальству и консисторiямъ, объ упраздненiи большинства базилiанскихъ монастырей, объ учрежденiи епархiальныхъ семинарiй и каѳедръ. Морошкинъ ошибочно приписываетъ составленiе этого доклада I. Сѣмашкѣ: это было дѣломъ директора департамента Карташевскаго, который, безъ сомнѣнiя, воспользовался готовностью члена коллегiи Iосифа Сѣмашки. Однако, и самъ Карташевскiй былъ весьма основательно подготовленнымъ дѣльцомъ по дѣламъ унiатскимъ; но, будучи человѣкомъ весьма осторожнымъ, опасавшимся отвѣтственности, онъ во всѣхъ щекотливыхъ вопросахъ долженъ былъ искать опоры у члена коллегiи, такъ смѣло и рѣшительно выступившаго съ обличенiями въ своей запискѣ.

[2]) Къ устройству ея полагалось привлечь профессора М. Бобровскаго, но онъ считалъ эту мѣру лишнею, ибо русскому языку, по его мнѣнiю, гораздо лучше клирики могли научаться въ С.-Петербургской или Московской духовныхъ академiяхъ. Первая мысль объ учрежденiи особой академiи для греко-унiатскихъ клириковъ

для приведенія въ исполненіе реформъ, согласно указамъ 1795 и 1804 годовъ, предложенію 1822 года и соображеніямъ епархіальныхъ консисторій, служило упраздненіе большей части базиліанскихъ монастырей. Жировицкій монастырь назначенъ для помѣщенія консисторіи, каѳедры и семинаріи Литовской епархіи. Напротивъ, Виленскій Свято-Троицкій, который въ послѣднее время дѣлалъ столько затрудненій клиру, сохраненъ въ цѣлости для ордена; съ этою цѣлью рѣшено было упразднить Виленскую епархію, соединивъ ее съ Брестскою; Виленская консисторія закрыта, а дѣла ея переданы частью въ Литовскую, частью въ Полоцкую консисторіи; упразднялся также и отдѣлъ для греко-уніатскихъ клириковъ при главной семинаріи; послѣдняя же преобразована впослѣдствіи (въ 1833 г.) въ римско-католическую духовную академію. Такимъ образомъ, городъ Вильна, бывшій резиденціей уніатскихъ митрополитовъ, оставленъ былъ въ рукахъ базиліанъ къ полному удовольствію Жарскаго и Маіевскаго. Напротивъ, свѣтскій клиръ былъ оттуда совершенно изгнанъ. Для оправданія этихъ распоряженій придуманъ былъ въ коллегіи мотивъ весьма слабый, не выдерживающій критики. Въ подобныя критическія минуты не оставляютъ окраинъ безъ ближайшаго надзора, но напротивъ, стараются переносить необходимыя силы на окраины.

По смыслу указа 22-го апрѣля 1828 года, управленіе дѣлами церкви изъ рукъ базиліанъ и епископовъ фактически переходило въ руки молодыхъ протоіереевъ коллегіи и въ консисторіи; изъ первыхъ І. Сѣмашко, потомъ А. Зубко и В. Лужинскій назначены были епископами, и значеніе послѣднихъ было значительно усилено; вскорѣ мѣста епископовъ и настоятелей монастырей, членовъ консисторій, ректоровъ, инспекторовъ и преподавателей семинарій и начальниковъ духовныхъ училищъ заняты были почти исключительно

принадлежитъ Красовскому; онъ высказалъ ее еще въ 1815 г., предлагая клириковъ направить для окончанія курса въ іезуитскую академію. Послѣ закрытія іезуитской академіи какой-то епископъ (вѣроятно, тотъ же Красовскій) въ 1821 г. предлагалъ уніатскихъ клириковъ изъ главной семинаріи перевести въ Полоцкъ и учредить здѣсь академію. Въ 1826 году офиціалъ Сосновскій предлагалъ греко-уніатскихъ клириковъ причислить къ проектированной Виленской епархіальной семинаріи и образовать такимъ путемъ духовную греко-уніатскую академію въ Вильнѣ. См. нашъ біографическій очеркъ „М. К. Бобровскій"; письмо профессора Бобровскаго къ ректору Жировицкой семинаріи А. Зубкѣ 1829 г.; письмо ассессора коллегіи Маркевича къ А. Сосновскому въ маѣ 1821 г. и письмо послѣдняго къ своему сыну Платону; рапортъ офиціала Сосновскаго 21-го октября 1826 года; также статью *Морошкина* въ *Вѣстникѣ Европы* за 1872 г. № 4.

бывшими воспитанниками главной духовной семинаріи. Офиціалъ Тупальскій оказался человѣкомъ подходящимъ для приведенія въ исполненіе реформъ хорошо знакомой ему Литовской епархіи, и онъ остался предсѣдателемъ Литовской консисторіи; онъ былъ женатъ и потому не могъ быть епископомъ. Офиціалъ Сосновскій (также женатый) остался за штатомъ и, считая себя оскорбленнымъ, удалился въ м. Клещели съ званіемъ старшаго соборнаго протоіерея. Профессоръ Бобровскій, по прежнему устраняясь отъ занятія мѣста въ іерархіи, пожелалъ послѣ закрытія главной духовной семинаріи удалиться на покой въ м. Шерешево съ званіемъ соборнаго протоіерея; тутъ онъ отдался всецѣло любимымъ занятіямъ по славянской филологіи. Но къ совѣтамъ ученаго уніата продолжали прибѣгать и новые дѣятели, бывшіе его ученики.

Итакъ, изъ свѣтскаго клира выдвинулись дѣятели, изъ коихъ не женатые священники съ учеными степенями богослововъ заняли высшія мѣста въ іерархіи угасавшей греко-уніатской церкви. Послѣ совершенія реформъ, особенно же послѣ смерти епископовъ Головни и Мартусевича, когда епископскіе посты заняли бывшіе воспитанники главной семинаріи, началось возстановленіе обрядовъ греко-славянскаго богослуженія, исправленіе внутренняго устройства церкви и введеніе богослужебныхъ книгъ московской печати. На образованіе въ епархіальныхъ семинаріяхъ—Жировицкой и Полоцкой, и въ духовныхъ училищахъ, устроенныхъ въ самомъ началѣ реформъ, базиліане не имѣли уже никакого вліянія; образованіе священниковъ поведено въ духѣ греко-восточной церкви и русской національности, согласно съ завѣтною мыслью министра Шишкова и намѣреніями императора Николая I, который охотно утверждалъ все, что ему докладывалось, чтобы поднять благосостояніе и просвѣщеніе въ свѣтскомъ клирѣ. Шишковъ, а вскорѣ за нимъ и Карташевскій, приготовившіе все, что было необходимо для приведенія въ исполненіе указа 22-го апрѣля 1828 г., сошли со сцены; перваго замѣстилъ Блудовъ, а Карташевскаго — Вигель, пріятель Блудова: оба совершенно не были знакомы съ теченіемъ греко-уніатскихъ дѣлъ, но они имѣли усерднаго сотрудника въ лицѣ члена коллегіи Іосифа Сѣмашки, овладѣвшаго довѣріемъ и самого митрополита Булгака. Другой ассессоръ коллегіи А. Зубко назначенъ былъ ректоромъ Жировицкой семинаріи. Какъ видно, удаленіемъ изъ столицы онъ не былъ доволенъ и даже просилъ о назначеніи ему прихода. Послѣ смерти Мартусевича, на Полоцкой архіепископской каѳедрѣ утвердился митрополитъ Булгакъ, который

управленіе дѣлами ея передалъ Василію Лужинскому, а въ Литовской епархіи утвердился епископъ Іосифъ Сѣмашко. Однако, самостоятельное существованіе Русской греко-уніатской церкви могло прекратиться не ранѣе, какъ послѣ полнаго разрушенія базиліанскаго ордена; но мы видѣли, что обломокъ этого стараго зданія сохранился въ Свято-Троицкомъ Виленскомъ монастырѣ, и эта уступка ордену вскорѣ надѣлала еще не мало заботъ правительству [1]).

Заключеніе.

Греко-уніатскій вопросъ въ Западной Россіи, со времени присоединенія Бѣлоруссіи, Литовской Руси, Волыни и Подола и до высочайшихъ указовъ 9-го октября 1827 и 22-го апрѣля 1828 гг., представляетъ борьбу въ іерархіи, раздѣлившейся на двѣ части—базиліанскій орденъ, усвоившій себѣ строеніе и духъ римско-католическихъ орденовъ, и клиръ, или бѣлое духовенство, сохранившее сознаніе о своей русской народности, дорожившее своимъ убогимъ храмомъ и по этимъ причинамъ стремившееся освободить себя и своихъ угнетенныхъ и порабощенныхъ прихожанъ отъ тяжкой опеки латинизаторовъ. Исходъ этой тяжкой полувѣковой борьбы обусловливается: 1) направленіемъ русской государственной политики; 2) соціальнымъ бытомъ духовенства, составлявшаго вмѣстѣ съ своими прихожанами бѣлоруссами, малороссами и черноруссами греко-уніатскую или такъназываемую (и это вѣрнѣе) русскую церковь; 3) расколомъ въ высшей духовной іерархіи и слабостію коллегіи; 4) стремленіемъ клира къ развитію духовнаго образованія, и 5) новымъ національнымъ направленіемъ въ общей системѣ народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Государственная политика при императорѣ Павлѣ I и въ первыя двадцать-лѣтъ правленія императора Александра I не только поддерживаетъ пошатнувшійся базиліанскій орденъ, но и укрѣпляетъ его, предоставляя ему право на общественное воспитаніе мірянъ и не препятствуя комплектованію ордена лицами римско-католическаго

---

[1]) Приведеніе въ исполненіе реформъ на основаніи высочайше утвержденнаго доклада 22-го апрѣля 1828 г. изложено обстоятельно въ запискахъ Іосифа Сѣмашки. Дополненіемъ къ этому труду служатъ записки архіепископа Полоцкаго Василія Лужинскаго и статья Антонія Зубки (архіепископа Минскаго). Въ запискахъ этихъ раскрыты офиціальная сторона дѣла, правительственныя распоряженія и участіе въ нихъ авторовъ. Изслѣдованіемъ надъ періодомъ *возсоединенія* занимался профессоръ М. О. Кояловичъ.

вѣроисповѣданія. Поэтому и намѣреніе императора Александра I защитить клиръ отъ давленія на него латинства не могло осуществиться, не смотря на попытки митрополита Лисовскаго подавить преобладающее господство ордена и ослабить его вредное вліяніе въ уніи. Эти обстоятельства ведутъ къ образованію въ греко-уніатскихъ епархіяхъ коалицій изъ старшихъ и болѣе просвѣщенныхъ представителей свѣтскаго клира, коалицій, извѣстныхъ подъ именемъ капитуловъ. Изъ нихъ, по единодушію стремленій и составу членовъ, пріобрѣтаетъ особенную извѣстность и значеніе въ исторіи Брестскій капитулъ.

Намѣренія и цѣли Брестскаго капитула впервые ясно обнаружились въ 1819 году, почти одновременно съ поворотомъ государственной политики, первымъ проблескомъ котораго были облегченіе участи крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ и изгнаніе іезуитовъ изъ Полоцка.

Орденъ, ослабленный въ Бѣлоруссіи еще при Лисовскомъ, усиливается въ Литовской Руси и на Волыни. Монастыри Виленскій Свято-Троицкій, Жировицкой чудотворной Божіей матери и Почаевскій становятся оплотомъ латинизаторской дѣятельности монаховъ, которые стремятся убить въ клирѣ зачатки богословскаго образованія; представители клира тѣмъ не менѣе пріобрѣтаютъ вліяніе на управленіе дѣлами въ епархіяхъ и стараются взять въ свои руки руководство духовнымъ образованіемъ священниковъ: въ этихъ видахъ Брестскій капитулъ ходатайствуетъ объ упроченіи своего положенія и указываетъ правительству источникъ для обезпеченія каѳедры, семинаріи, священическихъ вдовъ и сиротъ. Этотъ источникъ—монастыри, произвольно обращенные изъ приходскихъ церквей, вмѣстѣ съ фундушами и капиталами, завѣщанными строителями древнихъ храмовъ на свѣтскій клиръ.

Крутой поворотъ политики императора Александра I, въ послѣдніе три года его жизни, выразившійся предложеніемъ о приведеніи въ исполненіе прежнихъ указовъ по закрытію базиліанскихъ монастырей и устройству епархіальныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, весьма скоро лишилъ орденъ покровительства и поддержки въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Новый министръ А. С. Шишковъ стремился въ народномъ просвѣщеніи всего государства утвердить и развить національныя начала, не довѣрялъ базиліанамъ и охотно поддерживалъ интересы клира. Своею твердою національною политикою императоръ Николай I старался потушить глубоко развившуюся интригу ордена и указомъ 9-го октября 1827 развязалъ тотъ узелъ,

которымъ стянута была русская греко-уніатская церковь въ теченіе цѣлаго столѣтія (послѣ Замойскаго собора 1721 г.).

Матеріальныя и нравственныя силы ордена, увлекавшаго русскую унію въ латинство, видимо уже истощились; напротивъ, въ клирѣ пробудились чувство самопознанія и вѣра въ свою силу и явилась надежда на твердую защиту правительствомъ его интересовъ, съ которыми въ клирѣ отожествлялись интересы народа. „Пожалуйста", писалъ Сосновскій своимъ друзьямъ, — „будьте такъ добры, устройте намъ семинарію, хотя какую-нибудь: некѣмъ замѣщать открывающихся вакансій священниковъ. Наша молодежь, получивъ образованіе при помощи родителей, идетъ въ другія состоянія; сироты священниковъ и другіе бѣдняги, по недостатку средствъ для духовнаго образованія, должны скитаться по міру. Ради Бога не теряйте изъ виду этихъ обстоятельствъ. Не подобаетъ нарушать воли монарха, милостиво заботящагося о насъ, его волѣ надобно предоставить распоряжаться нашею судьбою" (письма къ Маркевичу и Тупальскому, 14-го и 7-го января 1826 г.). Богатствомъ ордена правительство пользуется для улучшенія матеріальнаго быта священниковъ и распространенія богословскаго образованія въ устроенныхъ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ.

Митрополитъ Лисовскій и архіепископъ Красовскій стремились подавить силы и ослабить господство ордена въ Полоцкой епархіи. Въ Брестской, а затѣмъ (съ 1810 г.) и въ Виленской епархіяхъ намѣренія великаго іерарха русской уніи не только были парализованы епископомъ Булгакомъ, но даже напротивъ, отдавшись латинизаторскому ордену и соединившись съ польскою аристократическою партіей, Булгакъ старался потушить усилія Брестскаго капитула къ поднятію благосостоянія въ свѣтскомъ клирѣ и къ развитію въ немъ богословскаго образованія. „Теперь увѣряю васъ", писалъ Сосновскій, — „что помимо разрушенія интриги, буду стремиться, чтобы по крайней мѣрѣ не угасли надежды о будущемъ просвѣщеніи духовенства, которыя насъ одушевляютъ, вслѣдствіе вмѣшательства ордена, всегда стремившагося къ потушенію у насъ столь необходимаго для духовныхъ пастырей образованія" (письмо къ Бобровскому, въ ноябрѣ 1825 г.).

Въ Луцкой епархіи епископъ Григорій Кохановичъ не могъ утвердить реформъ, начатыхъ Лисовскимъ; епископы же Мартусевичъ и Сѣроцинскій, хотя и происходили изъ свѣтскаго клира, но, связавшись съ базиліанами и войдя въ интересы польскихъ магнатовъ,

придавили свѣтскій клиръ своимъ деспотизмомъ. Когда же послѣ удаленія архіепископа Красовскаго на каѳедру Полоцкой епархіи перемѣщенъ былъ изъ Луцка Мартусевичъ, тогда послѣдній старался искоренить все то, что было сдѣлано въ ней Лисовскимъ и Красовскимъ: отмѣнялъ богослужебныя книги московской печати, вводилъ органы, даже снималъ иконостасы.

До Шишкова министры и провинціальные правительственные органы въ Западной Россіи покровительствовали латинизаціи уніатовъ; 2-й департаментъ коллегіи всегда лишенъ былъ самостоятельности и инициативы по приведенію въ исполненіе высочайшихъ распоряженій. Во всей русской уніи одинъ только Брестскій капитулъ, придерживаясь программы Лисовскаго и предложеній 1822 г., велъ упорную борьбу за права клира и съ епископами, и съ Литовскою консультою. Брестскій каноникъ Сосновскій съ горечью упрекалъ коллегію въ ея бездѣйствіи и потворствѣ монахамъ.

Главнѣйшая забота представителей свѣтскаго клира состояла въ поднятіи духовнаго образованія священниковъ. Въ этомъ дѣлѣ они, слѣдуя по стопамъ митрополита Лисовскаго, шли далѣе предложеній министерскихъ отъ 1822 г. Но такому благому намѣренію противодѣйствовали базиліане и епископы (кромѣ одного архіепископа Красовскаго), хотя попечитель князь Чарторыйскій думалъ иначе, справедливо полагая, что необходимо просвѣщать пастырей для общаго блага народа, и хотя въ этихъ видахъ онъ устроилъ и поддерживалъ главную духовную семинарію, но и онъ отступился отъ своей вѣрно соображенной задачи въ 1822 году, послѣ того когда виленскимъ базиліанамъ и другимъ монахамъ удалось напугать попечителя опасностью отъ просвѣщенія греко-уніатскаго духовенства для цѣлей польской аристократической партіи. И, несмотря на видимое намѣреніе истребить зародыши просвѣщенія въ свѣтскомъ клирѣ, чему главная семинарія служила надежнымъ проводникомъ, Брестскій капитулъ съ самоотверженіемъ велъ борьбу даже съ правительственными органами, пока не подалъ ему руку помощи новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ. „Особенная ваша заботливость о воспитаніи нашей молодежи", писалъ Сосновскій къ Бобровскому,—„меня глубоко тронула, и что касается до меня, то, какъ и всегда, вопросъ этотъ у меня будетъ первымъ на виду; что предпріиму въ этомъ отношеніи, дамъ вамъ знать. Къ устройству основательнаго образованія нашихъ пастырей стремиться намъ необходимо, и потому семинарію нужно имѣть въ виду на первомъ планѣ, обезпечивъ ее достаточнымъ фондомъ... Господа эти счи-

таютъ нашъ клиръ такимъ, какимъ онъ былъ въ концѣ XVII вѣка... Не смотря на самыя лучшія намѣренія новаго министра народнаго просвѣщенія (Шишкова) въ отношеніи главной семинаріи, кажется, опасность для нея еще не миновала; снова начинаютъ летать грозные слухи о закрытіи этого института. Какъ было бы хорошо, еслибы записка о средствахъ для поднятія образованія въ духовенствѣ уніатскомъ дошла до рукъ министра...“ (изъ писемъ Сосновскаго къ Бобровскому въ 1825 и 1826 гг.).

Подъемъ богословскаго образованія въ извѣстной, передовой части клира, какъ мы видѣли, начался съ конца XVIII вѣка, и тогда же стало зарождаться стремленіе скинуть латинизаторскія цѣпи и тягостную опеку базиліанскаго ордена. Алумнатъ въ концѣ XVIII в. и главная семинарія, со времени ея открытія въ 1803 г., подготовили рядъ хорошо образованныхъ и даровитыхъ священниковъ, которые по духу и направленію рѣзко отличались отъ базиліанскихъ богослововъ, вращавшихся въ сферѣ средневѣковой схоластики и относившихся съ пренебреженіемъ къ церковно-славянскому языку и съ неуваженіемъ къ греческому уставу. Въ исходѣ первой четверти XIX в. бывшіе воспитанники означенныхъ высшихъ богословскихъ школъ занимали уже высшіе посты, какіе только могли быть доступны для клира въ іерархіи русской уніи. На этихъ передовыхъ священниковъ возлагало всѣ свои надежды порабощенное, оскорбляемое и унижаемое бѣлое духовенство всѣхъ епархій.

Рѣшительныя и смѣлыя дѣйствія передовыхъ уніатовъ, со времени протеста брестскихъ прелатовъ и канониковъ въ 1819 году, получали фальшивое, предвзятое истолкованіе черезъ базиліанскихъ агентовъ, особенно черезъ виленскихъ ученыхъ богослововъ; происками и интригами базиліанскіе представители, поддерживаемые митрополитомъ Булгакомъ и епископомъ Мартусевичемъ, пугали піетиста князя Голицына, который въ своемъ мистическомъ настроеніи считалъ своею обязанностью покровительствовать базиліанскимъ школамъ, развивавшимъ фанатизмъ, и библейскимъ комитетомъ, распространявшимъ польскую пропаганду. Въ послѣднюю стали втягивать священниковъ Русской церкви, заставляли ихъ служить съ добавленіемъ молитвъ на томъ же языкѣ, на которомъ пишутся газеты и даются театральныя представленія. Измѣненіе правительственнаго взгляда, наступившее спустя два года послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи, быстро и рѣшительно измѣнило положеніе вещей въ Запад-

ной Россіи. Въ обширномъ Виленскомъ учебномъ округѣ базиліанскій орденъ въ предложеніяхъ 1822 года почувствовалъ серьезную для себя опасность. Его происки и интриги не находили болѣе поддержки въ министерствѣ; даже коллегія, столь безучастная къ интересамъ клира, вынуждена была, въ силу данныхъ ей категорическихъ предписаній, внимательнѣе относиться къ потребностямъ клира во имя „общаго блага". Дѣло архіепископа Красовскаго стало поправляться, благодаря петиціямъ клира; базиліане взяты были въ тиски"; запрещено было принимать въ орденъ латинянъ и приказано собирать самоточнѣйшія свѣдѣнія объ образѣ жизни, обычаяхъ и поступкахъ монаховъ. „Можемъ ожидать лучшаго", писалъ Маркевичъ къ Сосновскому въ октябрѣ 1822 г. — „въ орденъ запрещено принимать лицъ латинскаго обряда; открывается для нашего клира потребность въ ученыхъ людяхъ, которые, скоро узнаешь, на что̀ будутъ нужны. Но еще не могу открыть тебѣ, что̀ полагаютъ съ нами сдѣлать".

Попытки ордена измѣнить это направленіе національной политики правительства не удаются болѣе. Брестскимъ каноникамъ приходится тяжело въ Вильнѣ; коллегія же, стѣсненная распоряженіями митрополита, оказываетъ имъ слабое содѣйствіе; Жарскій и Маіевскій, заискивая у первыхъ представителей Виленскаго университета, жалуются на клиръ, утверждая, что онъ не окажетъ такихъ услугъ просвѣщенію, какъ орденъ. „Безразсудные!" пишетъ Сосновскій, — „а кто же просвѣщаетъ тысячи народа, какъ не клиръ... Съ какимъ нетерпѣніемъ жду я вашего прибытія въ Вильну, какъ бы скорѣе это свершилось" (изъ письма Сосновскаго къ Бобровскому въ декабрѣ 1825 г.). Базиліане еще надѣялись измѣнить свое положеніе и улучшить свой кредитъ на совѣщаніяхъ великой консульты въ Жировицахъ. Они увѣрены были, что Тупальскій и Бобровскій пойдутъ на уступки, вслѣдствіе категорически выраженнаго желанія митрополита. Но надежды ихъ оказались тщетными. Представители клира отвергли монополію базиліанъ на духовное образованіе священниковъ: „Прежде могло быть и такъ, но теперь мы имѣемъ учителей изъ главной духовной семинаріи". Между тѣмъ Сосновскій, осажденный со всѣхъ сторонъ врагами въ Вильнѣ, ведетъ тяжкую почти не посильную борьбу и съ секретарями консисторіи и епископа, и съ профессорами университета, предубѣжденными противъ клира, и съ самими базиліанскими фанатиками: „Пусть меня ненавидятъ и подозрѣваютъ, но никто меня не согнетъ, стою за правду и не посрамлюсь". Базиліанскіе проекты съ цѣлію возстановленія падающаго

ордена и ослабленія возростающей силы клира послѣдовательно разбиваются и въ Вильнѣ, и въ Жировицахъ: „Чаянія ордена уже поубавились, они перестали пѣть псаломъ 45-й, однако со мною дерутся Виленскіе базиліане съ ожесточеніемъ и привели меня къ тому, что я долженъ искать поддержки не только въ коллегіи, но и у самого министра“ (Сосновскій, къ архипресвитеру Янковскому, 12-го декабря 1825 г.). Теперь заявленія и представленія свѣтскаго клира не клались подъ сукно въ министерствѣ, какъ было прежде при Поповѣ и князѣ Голицинѣ. Полоцкому клиру посредствомъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ удалось смягчить участь своего гонимаго архипастыря. „Не вѣрно судятъ тѣ, которые полагаютъ, что, войдя въ соглашенія съ орденомъ, можно положить основаніе новому зданію: напротивъ мы связали бы себя по рукамъ въ такое время, когда все приходитъ къ концу, и когда орденъ присужденъ будетъ силою (gwaltownie jest naglony) къ сдачѣ“ (Сосновскій къ Бобровскому, 6-го января 1826 года). „Что̀ подумаетъ о насъ правительство, которому мы ввѣрили свою судьбу, если Брестская консисторія откажется отъ своего первоначальнаго мнѣнія. Если оно измѣнится, я все разоблачу и все открою“ (изъ писемъ Сосновскаго къ Тупальскому). И Сосновскій былъ правъ. Вредная роль базиліанскихъ монаховъ (какъ и вообще монаховъ латинскихъ того времени) въ званіи начальниковъ учебныхъ зеведеній, учителей и воспитателей юношества изъ мірянъ, русскихъ подданныхъ, была раскрыта уже въ Петербургѣ въ комитетѣ по устройству учебныхъ заведеній и реформѣ всей учебной системы въ Россіи; вреднымъ признано руководительство базиліанскихъ монаховъ надъ образованіемъ уніатскихъ священниковъ; столь же вреднымъ для греко-уніатской церкви, гдѣ богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ по греческому уставу, признанъ и весь институтъ базиліанскій, наполненный почти исключительно латинянами, не знавшими славянскаго языка, къ изученію котораго, притомъ, они не имѣли ни склонности, ни охоты. Виленская консисторія въ своемъ представленіи 21-го октября 1826 года, подкрѣпленномъ историческими справками, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ базиліанъ: „Въ богослуженіи нашемъ греческій церковный уставъ почти не соблюдается; въ этомъ, къ сожалѣнію, надо сознаться; а кто тому виною?—базиліане“.

И такимъ-то способомъ, при неимовѣрныхъ усиліяхъ и жертвахъ, представителямъ свѣтскаго клира русской уніи удалось подвигнуть правительство на приведеніе въ исполненіе реформъ въ греко-

уніатской церкви, къ чему первый рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ въ указѣ 9-го октября 1827 года. Въ выраженіяхъ этого знаменитаго указа: „допускать къ произнесенію монашескихъ обѣтовъ только тѣхъ, коими будетъ доказано, что они имѣютъ достаточныя познанія въ языкѣ славянскомъ и чинѣ греческаго богослуженія, и учредить на этихъ же основаніяхъ школы“—заключался смертный приговоръ латинизаторскому институту въ русской греко-уніатской церкви.

Но указомъ 22-го августа 1828 г. цѣли латинизаторовъ еще не совсѣмъ были разбиты: обломки разрушеннаго средневѣковаго зданія уцѣлѣли въ Вильнѣ: снисходительнымъ составителемъ доклада, высочайше утвержденнаго 22-го апрѣля 1828 г., внявшимъ, можетъ быть, мольбамъ убитаго горемъ престарѣлаго митрополита, Свято-Троицкій базиліанскій монастырь оставленъ неприкосновеннымъ, а предводителямъ свѣтскаго клира приказано очистить Вильну и отступить въ Полоцкъ и Жировицы. Уступка эта, какъ показали послѣдствія, была и несвоевременною, и не тактичною: въ монастырѣ пріютилась польская революціонная пропаганда и очень скоро, въ 1831 году, пришлось раскассировать монаховъ, соединившихся съ польскими революціонерами, посягавшими на русскія святыни. Съ того времени унія быстрыми шагами пошла къ паденію, и новые дѣятели въ іерархіи только ожидали смерти своего престарѣлаго владыки, чтобы возсоединить уніатовъ съ православіемъ греко-россійской церкви.

Таковъ общій характеръ исторіи русской греко-уніатской церкви въ первую четверть настоящаго столѣтія по офиціальнымъ актамъ и частнымъ документамъ, какіе намъ были открыты или сообщены изъ домашнихъ архивовъ потомками дѣятелей двадцатыхъ годовъ. Можетъ быть, будущіе историки будутъ счастливѣе насъ. Можетъ быть, имъ удастся раскрыть и другія язвы, подточившія русскую народность въ западной окраинѣ Россіи. Во всякомъ случаѣ, въ своемъ заключительномъ словѣ мы можемъ и теперь сказать, что унія на всемъ пространствѣ западныхъ губерній отъ Днѣпра до Западной Двины и Виліи уже давно наклонилась къ упадку и должна была погаснуть вмѣстѣ съ окончаніемъ разложенія базиліанскаго ордена, и что самый процессъ разложенія этого института угрожалъ подавить русскихъ латинствомъ; но этого не могло, не хотѣло и не должно было допустить бѣлое духовенство: къ счастію, оно не успѣло еще утратить сознанія о коренномъ русскомъ происхожденіи своемъ и своихъ прихожанъ. Лисовскій и Красовскій какъ іерархи, Тупальскій,

Сосновскій и Бобровскій, какъ представители клира, съ самоотверженіемъ облегчали условія гибельнаго для русской церкви разложенія ордена до конца, съ достоинствомъ пастырей защищали клиръ отъ порчи, погубившей монашество въ уніи, и исполнили свой долгъ уже и тѣмъ, что сохранили и вновь упрочили греко-славянское богослуженіе, завѣщанное первоучителями славянъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, среди полутора милліона бѣлоруссовъ, малороссовъ и черноруссовъ.

Началомъ реформъ русской греко-уніатской церкви, подготовленныхъ какъ теченіемъ событій, такъ и трудами талантливыхъ, мужественныхъ или энергичныхъ по характеру дѣятелей, и характеристикою предводителей и представителей клира, исполнившихъ свою историческую миссію, какъ бы намѣченную перстомъ Провидѣнія, мы и заканчиваемъ свой трудъ, въ которомъ главнымъ образомъ заботились передать факты и явленія такими, какими они изображены въ новыхъ источникахъ и пособіяхъ, нами употребленныхъ.

I.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

именъ.

II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

предметовъ и важнѣйшихъ географическихъ мѣстъ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.		*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
12	Въ цитатѣ	2 снизу	1882 г.	1822 г.
19		1 сверху	Свѣрганской	Сверманской
23		2 снизу	въ школахъ затѣмъ, а	въ школахъ, а затѣмъ
23	Въ цитатѣ	1 снизу	Замойскаго собора 1721 г.	Замойскаго собора 1720 г.
		та же ошибка на стр. 35, 63, 65, 84, 91.		
25		3 сверху	14 августа	5 апрѣля
25		5 и 6 сверху	Bulla et Brevia Summ. Pontificum	Commendatissimum studium
25		12 сверху	потому-то,	почему-то,
26		8 сверху	1796 г.	1798 г.
27		17 сверху	Новаковскаго	Фальковскаго
35		6 сверху	Замойскаго собора 1721 г.)	Замойскаго собора 1720 г.
36		21 сверху	старался вводить	старался выводить
43		17 снизу	протопресвитеръ	архипресвитеръ
47		9 снизу	архимандритъ Лешинскаго б. монастыря	архимандритъ Лещинскаго б. монастыря
48		17 сверху	достать	достигать
53	Въ цитатѣ	4 сверху	Гаченовскій	Гачевскій
56		17 сверху	епископа суфрагана Красовскаго	епископа Кохановича, а суфрагана Красовскаго
73		1 сверху	22 семинаристовъ	12 семинаристовъ
85		14 снизу	Венедикта XVI	Венедикта XIV
117		3 снизу	Польская	Пинская
119		12 сверху	Брацлавскою—архимандрить	Брацлавскій архимандритъ.
121		15 сверху	Мидичинской	Жидичинской
125	Въ цитатѣ	2 сверху	1857 г.	1827 г.
128		16 сверху	профессоровъ)	профессовъ)
130		7 снизу	Артамовича	Арматовича

131		11 и 10 снизу	фундушей; въ распоряженіе бѣлаго греко-уніатскаго духовенства	фундушей въ распоряженіе бѣлаго греко-уніатскаго духовенства;
133		10 сверху	Левъ Дешковичъ	Левъ Демковичъ
136		18 сверху	преставлены	представлены
139		5 снизу	Артамовича	Арматовича
141		3 снизу	базиліанскихъ школъ	базиліанскихъ монастырей
165		8 сверху	Епископъ Островскій	Епископъ Острожскій
176	Въ цитатѣ	6 снизу	*П. Жуковскаго*	*П. Жуковича*
215		1 снизу	провинціала, чиновника	чиновника въ провинціи
339		4 снизу	Троицкое	Троцкое
393	Въ цитатѣ	14 снизу	Сѣмашкѣ	Сѣмашки
376		14 сверху	присужденъ	принужденъ

Цѣна три рубля безъ пересылки.

Въ книжномъ складѣ **В. А. Березовскаго**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, д. № 14.

ТАМЪ ЖЕ ИМѢЮТСЯ ДЛЯ ПРОДАЖИ

ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) **Судьба Супрасльской рукописи** со снимками и дополнительною запискою. С.-Пб. 1887.

2) **Противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ русско-греко-уніатской церкви.** Вильна. 1888.

3) **Подготовка реформъ въ Русской грекоуніатской церкви** (1803—1827). (Отвѣтъ профессору М. Кояловичу). С.-Пб. 1889.

4) **Михаилъ Кириловичъ Бобровскій** (1785—1848) ученый славистъ-оріенталистъ, съ портретомъ, автографами и снимками славянскихъ рукописей. С.-Пб. 1889.

5) **Переписка М. К. Бобровскаго съ П. И. Кеппенномъ** и ученое путешествіе по Европѣ и славянскимъ землямъ. С.-Пб. 1889.

6) **Антонъ Юрьевичъ Сосновскій**, соборный протоіерей, одинъ изъ тріумвировъ Брестскаго капитула. Вильна. 1890.